МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 3 / 2019

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2019

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь
К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент (председатель); **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В**. – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М.** – д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлаского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2019

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor
Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Levitskaya A. A. – PhD in Philology, Associate Professor (chairman); **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M.** – Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Professor, Tehran University (Iran); **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:
1, Pushkin Street, Stavropol 355017.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus Federal University”, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Амбарцумян К. Р. Внешняя политика Советской России в связи с германским военным присутствием на Южном Кавказе в 1918 г. 8
Баранов А. В. Ирано-египетские отношения и визит М. Ахмадинежада в Каир в 2013 году 16
Бурков С. Б. Изображения колесничих, всадников и лошадей в культовой пластике Кавказа конца II – начала I тыс. до н.э. Источники и историография 22
Головко В. М. «Дело Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (на материале архивных разысканий) 34
Запорожцева О. А. А. Ф. Ребров – основоположник отечественного шелководства на Северном Кавказе в первой половине XIX века 43
Кольцова К. П., Кольцов П. М. Расселение калмыков в Волго-Уральском междуречье в XVII–XVIII вв.: проблемы взаимодействия с соседними народами в контексте российской внешней политики 52
Клопихина В. С. Работа истпартов Северного Кавказа в системе реализации политики памяти советской власти в 1920-е гг. 59
Погребная Н. М., Аникеев А. А. Концепция «мифология этнотравмы» как метода конструирования образа врага в пропаганде Третьего рейха 70
Репина Л. П. «Истоки английского индивидуализма» Алана Макфарлейна: теоретические уроки социальной антропологии и ремесло историка 77
Тонян А. А. Диаспора как инструмент публичной дипломатии Индии 86

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Анисимов А. П., Моторин Д. Е. Правовая природа платежей за негативное воздействие на окружающую среду и перспективы перехода России к экологическому налогу 97
Атарщикова Е. Н., Пономарев Е. Г. Правовое регулирование имущественных отношений родителей и детей в Российской империи в начале XX века 105
Батиев Л. В. Возбуждение процесса и доказывание в российском розыскном судопроизводстве второй половины XVII – начала XVIII вв. 110
Жуковский В. И., Довголюк Н. В. Делинквентность «аптечной наркомании» как определяющий фактор усиления контроля за оборотом лекарственных средств 121
Захаркина А. В. Компаративный анализ российского и зарубежного опыта правового регулирования факультативных и альтернативных обязательств 127
Котов С. В., Троицкий Н. С. Исполнение приказа при совершении военных преступлений: об использовании международного опыта в российском уголовном праве 137
Мохов А. Ю. К вопросу о продовольственной функции современного российского государства 144
Петров А. В., Бирюков А. А. Развитие учения об ограниченных вещных правах на недвижимость в византийской юриспруденции после кодификации Юстиниана 150
Соколов А. Ю., Богатырева Н. В. Административно-правовое регулирование применения геномных технологий в сельском хозяйстве Испании 157
Спицына Т. А. Административно-правовые средства обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса 165
Терещенко Е. А., Зассеев Д. А. Территориальная организация сети образовательных учреждений как социальный фактор реализации права на доступность образования в субъектах СКФО РФ и Республике Южная Осетия 171
Черепанов В. А. Устав Ставропольского края: проблемные вопросы и поиск решения 179

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Букреева И. В. Способы актуализации вкусовой синестезии в рекламных текстах 188
Рябко О. П. Основания композитной и словосочетательной номинации 195
Пирвердиева Ю. А. Особенности использования метаязыковых средств в современных английских газетах 201

Ходус В. П., Краснокутская С. Д. Этноментальная составляющая пространственных модификаций в текстах Н. В. Гоголя о Петербурге 208
Цыбулевская А. В. Индивидуально-авторские безэквивалентные единицы в экспликации виртуального хронотопа фэнтезийного произведения 214
Касьянова З. С., Мартиросьян Е. Г. Предлоги в социокультурном пространстве языка 220

РЕЦЕНЗИИ

Ашуба А. Е., Колесникова М. Е. История революционного движения в Абхазии по фондам Государственного архива Российской Федерации (1905–1921 гг.): сборник документов / сост.: Бжания М. Г., Князева А. А. М., 2019. 270 с. 227
Покотилова Т. Е., Невская Т. А. Е. И. Кобахидзе, Ладонина Н. А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века: монография. Владикавказ: СОИГСИ ВН РАН, 2017. 230

CONTENTS

HISTORY

Ambartsumyan K. Foreign policy of the Soviet Russia in the context of military presence of Germany in the South Caucasus in 1918 8
Baranov A. Iranian-Egyptian relations and the visit of M. Ahmadinejad to Cairo in 2013 16
Burkov S. Images of chariots, riders and horses in the Caucasus cult plastics of the late II – early I millennia B.C. The sources and historiography 22
Golovko V. "The Abramov case" in the Caucasian theological seminary (on the material of archival studies) 34
Zaporozhtseva O. A. F. Rebrov – the founder of national sericulture in the North Caucasus in the first half of the nineteenth century 43
Koltsova K., Koltsov P. Resettlement of the Kalmyks in the Volgo-Ural interfluve in the XVII–XVIII centuries: problems of interaction with the neighboring peoples in the context of Russian foreign policy 52
Klopikhina V. The work of North Caucasus Isparts in the system of the memory policy of the Soviet government in 1920s 59
Pogrebnaya N., Anikeev A. Conception of the ethnotrauma mythology as a means of construction of the enemy image in the propaganda of the Third Reich 70
Repina L. Origins of English individualism by Alan Macfarlane: theoretical lessons of social anthropology and the craft of history 77
Tonyan A. Diaspora as a tool of India`s public diplomacy 86

LEGAL SCIENCES

Anisimov A., Motorin D. The legal nature of payments for negative impact on the environment and prospects of transition to environmental tax in Russia 97
Atarshchikova E., Ponomarev E. Legal regulation of property relations between parents and children in the Russian Empire in the early twentieth century 105
Batiev L. The initiation of the process and the proof in the Russian investigative proceedings in the second half of XVII – beginning of XVIII centuries 110
Zhukovsky V., Dovgolyuk N. Delinquency of «Pharmacy drug addiction» as a determining factor in strengthening control over the circulation of medicines 121
Zakharkina A. Comparative analysis of Russian and foreign experience of legal regulation and application of the rules on facultative and alternative obligations 127
Kotov S., Troitsky N. Execution of an order in the commission of war crimes: on the use of international experience in Russian criminal law 137
Mokhov A. On the food function of the modern Russian state 144
Petrov A., Biryukov A. The development of the doctrine of limited real rights to real estate in Byzantine jurisprudence after the codification of Justinian 150
Sokolov A., Bogatyreva N. Legal regulation of genomic technologies application for agriculture of Spain 157
Spitsyna T. Administrative-legal means of ensuring safety of objects of fuel and energy complex . . . 165
Tereshchenko E., Zaseev D. The location of educational institutions as a factor of social realization of the right to education in the republics of the North-Caucasus federal district of the Russian Federation and the republic of South Ossetia 171
Cherepanov V. Charter of the Stavropol krai: problem issues and search for solution 179

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bukreeva I. Ways of actualization of taste synesthesia in advertisement texts 188
Ryabko O. The fundamentals of word-compound and composite nomination 195
Pirverdieva J. Features of use of metalanguage means in modern English newspapers 201
Hodus V., Krasnokutskaya S. Ethnic-mental component of spatial modifications in the texts of N. V. Gogol about Petersburg 208

Tsybulevskaya A. Individual author's non-equivalent units in expressing the virtual chronotope of a fantasy literary work 214
Kasyanova Z., Martirosyan C. Preposition in the socio-cultural space of language 220

REVIEW

Ashuba A., Kolesnikova M. History of the revolutionary movement in Abkhazia by the funds of the State Archive of the Russian Federation (1905–1921): collection of documents / editors: Bzhania M. G., Knyazev A. A. M., 2019. 270 p. 227
Pokotilova T., Nevskaya T. Kobahidze E., Ladonina N. The development of the educational potential of Ossetia in the second half of the XIX century. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research publ., 2017. 321 p. 230

УДК 94(47).084

К. Р. Амбарцумян

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В СВЯЗИ С ГЕРМАНСКИМ ВОЕННЫМ ПРИСУТСТВИЕМ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В 1918 г.[1]

В статье автор обращается к проблеме внешней политики РСФСР в 1918 г. в связи с немецким вторжением на Южный Кавказа и военной оккупацией Грузии Германией. Впервые рассматривается тема отношений России и Германии вокруг Южного Кавказа в 1918 г. именно на дипломатическом уровне. Источниковую базу исследования составили разноплановые документы: материалы периодики, нотная переписка, деловая переписка А. А. Иоффе и Г. В. Чичерина, источники личного происхождения (воспоминания Н. А. Иоффе и А. И. Хатисова). Реконструируя послереволюционную атмосферу на Южном Кавказе, автор приходит к выводу о наличии некоторого периода после октября 1917 г., в течение которого кавказские политические лидеры пытались наладить связь с другими осколками империи, в частности с Украиной, с Северным Кавказом. Уход армии Кавказского фронта и приход к власти большевиков определил дальнейшую самостоятельность Закавказского комиссариата и Закавказского сейма, которые стали искать поддержку у международного сообщества. К концу мая 1918 г. Южный Кавказ распался на три самостоятельных республики, каждая из которых имела свои внешнеполитические ориентиры. В частности, Грузия в целях защиты от турецкой агрессии призвала на помощь Германию.

Анализируя ситуацию на региональном кавказском уровне и уровне внешней политики советского правительства, автор приходит к выводу, что большевики, дав право на самоопределение народам России, имели совершенно иные геополитические и идеологические планы. Южный Кавказ они удерживать в 1918 г. в военно-политическом отношении не могли, да и это противоречило бы «Декларации прав народов России». Однако, дипломатически всячески пытались сдерживать немецкое влияние в регионе, опасаясь, что утратят Грузию навсегда. Полпредству в Берлине и Наркомату иностранных дел приходилось постоянно сохранять баланс между сохранением мирных отношений с Германией и ограничением их влияния на кавказские дела.

Ключевые слова: Г. В. Чичерин, А. А. Иоффе, В.фон Мирбах, Южный Кавказ, Грузия, германская интервенция в 1918 г., советско-германские отношения.

K. Ambartsumyan

FOREIGN POLICY OF THE SOVIET RUSSIA IN THE CONTEXT OF MILITARY PRESENCE OF GERMANY IN THE SOUTH CAUCASUS IN 1918

The author studies the problem of the Russian SFSR foreign policy in 1918 in connection with German military invasion to the South Caucasus and the occupation of Georgia. For the first time ever the issue of Soviet and German relations around the South Caucasus in 1918 is considered and the author does it at the level of diplomatic interaction. The sources for study are different historical documents: periodical materials, diplomatic correspondence, A. A. Ioffe's and G. V. Chicherin's business correspondence, sources of personal origin (N. A. Ioffe's and A. I. Hatisov's memoirs).

Reconstructing after-revolution atmosphere on the South Caucasus, the author concludes that there was some period of time when Caucasian political leaders were trying to contact with other fragments of the empire, with the Ukraine and the North-Caucasus in particular. The withdrawal of the Caucasian army and getting power by the Bolsheviks in Petrograd were reasons for independence of the Transcaucasian Commissariat and the Transcaucasian Sejm and these ones began to seek support from the international community. By the end of May 1918 the South Caucasus was divided into three independent republics, each of which had its own foreign policy objectives. In particular, Georgia, in order to protect themselves from Turkish aggression, called on Germany to help.

Analyzing the situation at the regional Caucasian level and the level of foreign policy of the Soviet government, the author makes one more conclusion. The Bolsheviks, having given the right to self-determination to the peoples of Russia, had completely different geopolitical and ideological plans. In 1918, they could not hold the South Caucasus politically and politically, and that would contradict the Declaration of the Rights of the Peoples of Russia. However, they tried every possible way to hold off German influence in the region, as they feared to loose Georgia forever. The

[1] Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

embassy in Berlin and the People's Commissariat for Foreign Affairs had to constantly maintain the balance between maintaining peaceful relations with Germany and limiting their influence on Caucasian affairs.

Key words: G. V. Chicherin, A. A. Ioffe, V. fon Mirbach, South Caucasus, Georgia, German intervention in 1918, Soviet-German relations.

Основные направления изучения темы немецкого военного вторжения в Россию в период Гражданской войны в советской историографии были намечены еще Истпартом. В рамках деятельности этой комиссии вышла книга Е. Драбкиной [8], которая помещает действия Германии на Кавказе в широкий ближневосточный геополитический контекст. Автор подчеркивает интерес немецкого командования к кавказским ресурсам: бакинской нефти и чиатурскому марганцу. Краткий обзор отдельных работ, которые отражают изменения историографической тенденции при изучении избранной проблемы, помогает выяснить степень изученности заглавной темы.

Поскольку в 1918 году военные силы Германии наряду с другими регионами вторглись в Закавказье, в Грузию, ограничимся эволюцией взглядов грузинских историков с 1930-х годов по настоящее время. Следует отметить повышенный интерес советских историков к теме в годы Великой Отечественной войны, когда патриотическая тематика и ненависть к немецким захватчикам как направление исторической литературы приобретала остро пропагандистский характер. Именно тогда сформулированная в заголовке проблема обозначалась как тема «немецкой интервенции на Кавказе» и однозначно рассматривалась как установление оккупационного режима в Закавказье, главным образом, в Грузии.

Так, в Тбилиси в 1942 г. был издан сборник документов и материалов под заголовком «Германские оккупанты в Грузии в 1918 г.». Автор предисловия М. М. Габричидзе назвал период немецкого военного вторжения в 1918 году «одной из самых мрачных страниц в истории грузинского народа» [7]. Война с нацистской Германией требовала усиления образа врага, как художественными средствами, так и посредством обращения к российскому прошлому. Поэтому в военные годы активно развивалась тема немецкой интервенции 1918 года. В идеологическом и патриотическом ключе выдержана работа академика Г. В. Хачапуридзе [17], изданная в 1943 году. Победа советской власти трактуется в ней как освобождение, а советизация 1921 года рассматривается как завершающий этап борьбы грузинского народа за национальное освобождение. Хронологические рамки событий 1918–1921 годов стали циклом, в течение которого шло противостояние не только с англичанами, но и турецко-немецким блоком.

Даже в годы перестройки продолжили выходить работы, ставшие фактическим продолжение дискурса, характерного для времен истпарта и Великой Отечественной войны. В исследовании А. М. Ментешашвили «Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии в 1917–1921 гг.» [11] немецкие власти представлены как оккупанты, а их союзники – грузинские меньшевики – классовые угнетатели.

Короткий историографический анализ грузинской литературы показал несколько этапов трансформации проблемы германского военного присутствия на Южном Кавказе. Однако вопросы советско-германских отношений в контексте геополитических интересов и дипломатической истории на Кавказе в советской историографии не отражались.

В 1990-е гг. ситуация стала меняться. Распад СССР и деидеологизация науки привели к появлению национальных кавказских историографий, которые полностью пересматривали историю революции 1917 года и Гражданской войны, а также место своих народов в этих событиях. В большинстве случаев в современной исторической литературе Грузии германский фактор рассматривается как вынужденная уступка грузинских меньшевиков ради спасения от турецкого наступления [См. например: 5]. Надо заметить, что отношения Советской России и Германии вокруг Кавказа в 1918 году не стали предметом самостоятельного изучения и в современной российской историографии. Этот вопрос затрагивается только в контексте проблем геополитического противостояния держав вокруг региона после революции 1917 года. В военном отношении в 1918 году Советская Россия на Южном Кавказе не была представлена, поэтому ее интересы выпадают из поля зрения историков. Однако изучение дипломатических документов позволяет утверждать, что Россия была участником борьбы за Южный Кавказ в 1918 году. В рамках работы ставится цель статьи как раз и состоит в том, чтобы рассмотреть особенности советско-германских отношений под углом зрения кавказской политики большевиков. Это был, с одной стороны, период становления советской государственности и нацеленности большевистского правительства на мировую революцию. С другой стороны, тогда усилились центробежные силы на Южном Кавказе. Это было время, когда революционный кризис в России привел к отделению Закавказской республики от России, которая вскоре распалась на три самостоятельных государства.

Пришедшее только что к власти большевистское правительство в России, в 1918 г. практически не контролировало Южный Кавказ. Революционный кризис был в разгаре – советская власть только недавно установилась в центре. 1 ноября 1917 г. была издана «Декларация прав народов России», которая предоставляла народам право на самоопределение вплоть до отделения. При этом современники и участники событий на Кавказе в тот период отмечают всеобщую растерянность кавказских политических кругов. Нет

оснований утверждать, что Закавказье после декрета ринулось самоопределяться и строить собственную государственность. В воспоминаниях бывшего городского головы Тифлиса, а в 1918 году члена Закавказского правительства А. И. Хатисова, представлена наглядно ситуация когда попытки Закавказского сейма консолидировать осколки бывшей империи, для того, чтобы вести переговоры с Турцией и Германией от имени всех автономных частей, в том числе, Украины и Северного Кавказа, провалились. Направленные письма с предложением сотрудничества остались без ответа. При этом от Турции уже поступило предложение о переговорах, на него надо было реагировать. Поэтому на Трапезундскую конференцию в феврале 1918 г. выехала только закавказская делегация. Безусловно, в первую очередь всех кавказских лидеров беспокоила перспектива переговоров именно с Турцией. Но рассматривать турецкую внешнюю политику в отрыве от немецкого влияния неверно, так как в первой мировой войне они были союзниками по одному блоку. Германия сыграла большую роль в подготовке и перевооружении турецкой армии накануне войны. За спиной турецких делегатов неизбежно маячила тень Германии, а на Батумских переговорах уже присутствовали непосредственно ее военный представитель в лице Отто фон Лоссова.

Члены Учредительного собрания от Закавказья, после его разгона большевиками, вернулись в Тифлис, в январе 1918 г. был образован Закавказский сейм. Как вспоминал А. И. Хатисов, «Россия надолго была отвлечена от нас, «что не мы ушли от России», а «Россия от нас» [6]. Речь шла о приходе к власти большевиков, к которым Закавказский сейм и Закавказский комиссариат занимали враждебную позицию. Армия Кавказского фронта отступала, солдат невозможно было удерживать на фронте, таким образом, Южный Кавказ открывался для наступления турецкой армии. Объясняя дальнейшее стремление к независимости, он пишет о вынужденном характере этого акта для закавказских народов. А. И. Хатисов писал: «…не желание политически отделения от России и выступить непременно, как независимое государство продиктовало этот шаг, а фактическое положение: Турция двигалась на Кавказские границы, Россия уходила, – надо было сговориться с турками и председатель правительства Гегечкори в речи своей 13 февраля (1918 – *К.А.*) в Сейме Закавказья ясно это высказал» [6].

Итоги Трапезундской, а затем и Батумской конференции привели к полному политическому распаду Закавказья и образованию самостоятельных республик – Грузии, Армении и Азербайджана. Провозгласив независимость, каждый из кавказских народов ориентировался на внешнюю силу, так как добиться признания суверенитета самостоятельно кавказские политики, не имея соответствующего международного авторитета и опыта, не могли. Азербайджан прочно был связан с Турцией, Грузия нашла опору в Германии, Армения смотрела то Антанту, то на Добровольческую армию, то на большевиков. Следует отметить, что, окончательный и бесповоротный уход России с территории Южного Кавказа был большой иллюзией кавказских политиков. Вплотную заняться установлением советской власти здесь, как это было в 1920–21 гг. большевики в 1918 г. не могли, но уступать регион своим геополитическим соперникам или же мириться с созданием здесь независимых государств тоже не собирались. Практически сразу после того, как Азербайджан, Грузия и Армения в конце мая 1918 года заявили о ликвидации Закавказской республики, провозгласив национальную независимость, началось активное вовлечение региона в систему геополитического противостояния ведущих игроков мировой политики. К ним надо отнести и большевистскую, и антибольшевистскую Россию.

Изучение высказываний и заявлений большевистских лидеров того периода позволяет сделать вывод об активной позиции советского правительства в отношении Кавказа. В письме И. В. Сталина С. Г. Шаумяну от 8 июля 1918 г. мы находим этому подтверждение: «Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать» [Цит. по: 11]. Учитывая внутреннее и внешнеполитическое положение советской России, Сталин допускал уступку немцам по Грузии, если будут гарантии не вмешиваться в дела Армении и Азербайджана. Надежду на сговорчивость Германии в данном комплексе вопросов давала договоренность о том, что Баку останется за большевиками в обмен на нефть [11].

В конце мая 1918 г. в «Правде» было опубликовано заверение И. В. Сталина, который занимал пост наркома по делам национальностей, что «весь Восток Закавказья охраняется советскими войсками, готовыми по первому зову сразиться с внешней силой, в какую бы форму она не облекалась». Что касается наступления турецкого контингента по южному Закавказью, то нарком расценил это как продвижение к Тавризу для борьбы с англичанами в северной Персии [10], что не соответствовало действительности. Такие заявления советского руководства носили скорее пропагандистский характер, нежели отражали реальное положение дел. Действительность была такова, что под давлением германской стороны согласно «волеизъявлению населения» региона на Брестских переговорах Ардаганский, Карсский и Батумский округ были переданы Турции, т.к. большевики любой ценой хотели закончить войну.

А. И. Хатисов приводил в мемуарах телеграмму, перехваченную 31 марта 1918 г., посланную советским правительством немецкому руководству вскоре после подписания Брестского мирного договора. Приведем ее полностью: «Турецкая армия продвигается к Батуму, Карсу, Ардагану, разоряя страну и уничтожая крестьянское насе-

ление. Ответственность за дальнейшую судьбу армян ложится на Германию, ибо, по её настоянию, и были выведены русские войска из армянских областей, и ныне от неё зависит сдержать турецкие войска от обычных эксцессов на почве мести и озлобления. Трудно мириться с мыслью, чтобы культурные государства, как Германия имеющие возможность воздействовать на свою союзницу – Турцию, позволила, чтобы Брестский мирный договор послужил для армянского народа, втянутого помимо воли в эту мировую войну, – источником неисчислимых бедствий. Поэтому только от вас зависящие меры к воздействию на турецкие власти, с целью предотвращения уничтожения мирного населения, так, как это имело место в Ардагане» [6, л. 105 об. – 106]. Данный текст свидетельствует о стремлении большевиков именно через немцев воздействовать на Турцию в решении кавказских проблем большевистским правительством.

Г. В. Чичерин, в ноте немецкому министру иностранных дел ставил в упрек Германии ситуацию на Кавказе, так как считал, что Россия в отличим от немцев шла на уступки Германии, имея при этом перевес на турецком фронте. Этот источник свидетельствует, что, отдавая Карс, Батум и Ардаган Турции, советское руководство шло на компромисс не с Турцией, а с ее фактической покровительницей – Германией [14, с. 240–241].

Справедливости ради стоит отметить, что турецкий военный триумф на Южном Кавказе не входил в планы Германии, которые турки стратегически нарушали. В июне 1918 года фон Лоссов и немецкий посол в Турции Бернсторф предпринимали все меры для того, что военную активность Турции направить именно против англичан в Персии, как это планировалось изначально. Немецкий Генеральный штаб требовал от военного министра Энвера-паши вывести турецкие войска с территорий, которые не оговорены в Брест-Литовском договоре, и двигаться на Багдад [6, л. 109]. Надо заметить, что вся военная кампания турецкой армии весной-летом 1918 года шла вопреки немецким ожиданиям, поэтому германские войска стали усиливаться в Тифлисе для решения ряда задач. Во-первых, Германия ограждала Грузию от турецкого вторжения. Во-вторых, получала доступ к кавказским ресурсам, в том числе к Чиатурскому месторождению марганца в Грузии. До 1913 года эти рудники обеспечивали больше трети мировой добычи марганца, необходимого в металлургической промышленности. В-третьих, военное присутствие Германии на Кавказе было формой сдерживания турецкой военной агрессии.

Возвращаясь к Батумским переговорам в мае 1918 года, следует отметить, что советская Россия не проигнорировала их и не была от них устранена, как казалось всем кавказским делегатам. Дело в том, что Наркомат иностранных дел советской республики никак не мог занять четкую позицию в отношении Закавказья. Дело в том, что, полное пренебрежение предстоящей встречей в Батуме было чревато утратой даже слабой связи с регионом. Поэтому советское правительство попыталось опереться на немцев, как на посредников для начала общения с закавказской делегацией.

Дипломатический представитель Германии в России – Вильгельм фон Мирбах – предлагал свои посреднические услуги, и Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в официальной ноте дал согласие, понимая важность роли Турции и Германии в политических событиях в регионе [15]. Однако, на Батумскую конференцию от российского правительства никто не прибыл. Чтобы понять причины отсутствия советского представителя, целесообразно проанализировать нотную переписку В. фон Мирбаха и Г. В. Чичерина.

Дав согласие на отправку делегата «Русского правительства», через короткое время Г. В. Чичерин снова обратился к Мирбаху с нотой, в которой детально пояснил свою позицию и уточнил, что само кавказское население активно протестует против отделения от России. Настаивая на участии делегатов «Русского правительства» в Батумской конференции, нарком добавил, что «закавказского правительства» советская Россия не признает [12]. Г. В. Чичерин 25 мая 1928 г. телеграфировал немецкому правительству, что правительство РСФСР согласно на ведение переговоров с представителем закавказского правительства А. Чхенкели. Однако вопрос об обсуждении независимости Закавказья был обойден молчанием [6, л. 115]. Более того, в ноте, адресованной Мирбаху, советский нарком снова заявил о непризнании правительства в Тифлисе и назвал их «кучкой людей без серьезной поддержки народными массами» [13, с. 285]. О независимости Чичерин высказался отрицательно, опять подчеркнув, что «Русское Советское правительство» не признает случившегося отделения [13, с. 285].

В итоге, НКИД РСФСР в Батум никого не отправил. Причины этого можно свести к двум обстоятельствам. Во-первых, уже был подписан Брест-Литовский мирный договор, в котором территориальные изменения на Кавказе нашли свое отражение, и Германия и Турция их признали. Во-вторых, вступая в переговоры с закавказскими представителями, НКИД РСФСР признал бы, если не их легитимность, то некоторую субъектность в ведении международной деятельности.

Выше говорилось, о заблуждении кавказских элит относительно полного устранения России от Южного Кавказа. В 1918 году большевики не имели возможностей военно-политического контроля над регионом. В этом вопросе отсутствовал также подходящий международный контекст, который сложился в 1920–1921 годах, когда Южный Кавказ был советизирован. В России шла гражданская война, и у советского правительства пока еще не было надежды на международное признание. Поэтому в тот момент использование фактора военной силы для возвращения региона было невозможно. Актуальность Кавказского вопроса в большей степени сохранялась в дипло-

матической работе. Если рассматривать дипломатические методы внешней политики России в указанный период, то можно увидеть, что Южный Кавказ продолжал оставаться сферой геополитического, экономического и идеологического интереса РСФСР. В идеологическом смысле идея мировой революции требовала противостоять агрессии империалистического государства, коим была Германия, сдерживать распространение его влияния дальше не Восток.

С апреля по декабрь 1918 г. должность полпреда РСФСР в Германии занимал А. А. Иоффе. Выбор кандидатуры, скорее всего, был связан с тем, что в молодости Адольф Абрамович учился в Берлинском университете. Более того, будучи выходцем и семьи богатого купца, в 1906 г. он держал в Берлине явочную квартиру, правда, потом за революционную деятельность его из страны выслали [9, с. 11–12]. Ценным историческим источником по исследуемой теме является его переписка с Г. В. Чичериным, хранящаяся в Архиве внешней политики РФ. В своих воспоминаниях дочь А. А. Иоффе, Надежда отмечала дружеские отношения Иоффе с Л. Б. Красиным, а взаимоотношения между ее отцом и наркомом иностранных дел характеризовала как напряженные, что очень мешало работе. Расходясь в образе жизни, они часто не находили согласия в принципиальных вопросах [9, с. 20]. Сделанное отступление принципиально важно, так как показывает, что посольство в Германии действовало как самостоятельная структура, по причине независимости взглядов и самостоятельности личности полпреда. Об этом писала и Надежда Иоффе: «Как тогда говорили, «перенес Наркоминдел в Берлин»» [9, с. 20].

С того момента, как немецкие войска вошли в Тифлис, А. А. Иоффе стал выражать обеспокоенность по поводу перспектив их дальнейшей политики и поведения Турции. На последнюю пытались воздействовать и на уровне дипломатического представительства в Германии, отсюда посылались протесты по поводу продвижения турецкой армии по направлению в Баку [4, л. 39]. Безусловно, практического действия эти попытки не имели. Турция выработала универсальную формулу ответа на подобные обвинения – защита мусульманского населения на русской территории. Однако А. А. Иоффе утверждал, что согласно огромному количеству свидетельств с Кавказа, насилие в регионе творилось именно там, где советской власти нет [4, л. 39]. В посольстве, судя по переписке, аккумулировалось много документов, идущих с Северного и Южного Кавказа. Опираясь на них, советский представитель делал вывод о том, что Германия заинтересована в огромном многообразии кавказских правительств, опираясь на которые она продвигается вглубь Азии [4, л. 39], используя их как заслон.

В письме от 10 июня 1918 года А. А. Иоффе подчеркивает важность грузинского вопроса в советско-немецких отношениях. Вращаясь в немецком политическом обществе, советский дипломат пришел к выводу, что для Германии Грузия – это прочный плацдарм для дальнейшего проникновения в Персию, чего нельзя было допускать. Если Баку были надежды отстоять, то о Грузии речи не шло. Представители грузинских буржуазно-национальных партий уже в январе 1918 года обменялись нотами с грузинским правительством по вопросу поддержки самостоятельности Грузии [1, л. 70].

О высоком статусе советского представительства в Германии свидетельствует тот факт, что грузинские меньшевики, бывшие у власти – А. И. Чхенкели и И. Г. Церетели – обращались к А. А. Иоффе с просьбой если не признать независимость Грузии, то хотя бы повлиять на этот процесс. В противном случае у них нет выхода, как отдать себя в распоряжение Германии, дабы не быть уничтоженными Турцией [1, л. 70 об].

Любопытен отрывок из беседы, который дипломат приводит дословно: «Вы можете ждать, говорил Чхенкели, пока Ваша политика увенчается успехом, мы также глубоко убеждены, что, в конце концов, Вы победите и что, в конце концов, Россия будет единой. Самостоятельность Грузии, которая вообще утопия, ибо Грузия может быть вообще либо Российской, либо Германской, конечно будет очень краткосрочно, но мы ждать не можем. У нас дело идет о физическом существовании народа. Турки уже стоят под Тифлисом. Вы далеко, Вы бессильны помочь…» [1, л. 70 об]. С одной стороны, подобная позиция грузинских политиков давала надежду на налаживание отношений с Россией. С другой, демонстрировалась решимость принять германский протекторат, который грозил полной утратой позиций России в Грузии. Признание грузинской независимости создавало опасный прецедент, т.к. вслед за этим нужно было идти на признание самостоятельности всех остальных кавказцев, в том числе и горцев. А. Чхенкели это понимал, поэтому предлагал сделать упор на исторически договорной характер[1] отношений между Россией и Грузией, что отличало от отношений с другими кавказскими народами, которые были завоеваны Российской империей [1, л. 70 об].

Армянский вопрос в советско-германских отношениях так остро не стоял, так как эта часть региона была сферой интересов союзницы Германии – Турции, которая не допускала самостоятельности Армении. Соответственно, решать вопрос о судьбе Армении советское правительство должно было именно с турецкими властями. Представитель Германии фон Лоссов, следуя полученным от своего руководства инструкциям, устранился от этого сложного вопроса еще во время Батумской конференции, на которой армянские представители, как и грузинские, пытались получить помощь и защиту от турецкой агрессии.

Перед советским дипломатическим представительством в Германии возникала дилемма. С одной стороны, были опасения, что, не признавая независимость и не оказывая помощь, со-

[1] Вероятнее всего грузинские представители апеллировали к Георгиевскому трактату 1783 г.

ветская власть настроит против себя грузинский народ. С другой – уступка требованиям Чхенкели означала отдать Грузию немцам. Иоффе занял позицию «против» признания. В качестве рекомендации он написал Г. В. Чичерину о необходимости обращаться именно к грузинскому народу и подчеркивать уважение к его волеизъявлению, но предупредить о перспективе в будущем стать грузинской колонией. В нотах Г. В. Чичерина упор делался на нарушение воли грузинского народа, который не хочет независимости и не признает новое правительство.

К отказу от признания грузинской государственной самостоятельности большевиками толкала и общая международная обстановка. Были очевидны трения между Турцией и Германией, Турцией и Болгарией – с другой стороны [1, л. 72]. По мнению А. А. Иоффе, это означало снижение интереса к Кавказу, то есть вплотную заниматься им Германия не сможет. Дело в том, что страна находилась не в самом лучшем экономическом положении, она ничего не получала от Украины, доходило до того, что на хлебе, который шел из Польши, писали «Украина». Все это позволяло надеяться на большую сговорчивость, в частности, налаживании торговых отношений [1, л. 72]. Признавая, что все-таки потеря Грузии неизбежна, ставка делалась именно на разложение Четвертного союза, что существенно ослабляло Германию и подавало надежды на ее уход с Кавказа.

В августе 1918 года был подписан добавочный русско-германский договор [16], в нем Кавказу была посвящена небольшая шестая глава. Содержание ее отличается неоднозначностью, т.к. подписавший его А. А. Иоффе оставлял в международном праве лазейку для дальнейшего возвращения России на Южный Кавказ. Безусловно, статья 13, в которой Россия соглашается на признание Германией независимости Грузии, не обязывает большевиков также признавать грузинскую самостоятельность [16, с. 443]. В обмен Германия обязывалась не поддерживать военные операции третьих держав вне пределов Грузии, а Россия обещала предоставлять немецкой стороне четвертую часть добытой бакинской нефти. Из-за последующих событий, связанных с поражением германо-турецкого блока в мировой войне, ничего реализовано не было. А. А. Иоффе не уловил политических изменений внутри Германии, которые привели страну в ноябре 1918 года к революции. В октябрьском письме он призывал В. И. Ленина и Г. В. Чичерина не льстить себя надеждой на близкую революцию [2, л. 47].

Переписка передает, что разлад между А. А. Иоффе и Г. В. Чичериным со временем только усиливался: «В Вашем письме №12 от 18 сентября я долго искал, по каким именно важнейшим вопросам у нас не было принято решения и Вам не было дано ответа. Я открыл, что мы не дали ответа относительно Великого князя Георгия[1] и относительно князя Бориса Васильчикова[2]. Раз вы считаете этот вопрос более важным[3], чем пренебрегаемые Вами захваты нашей территории немцами у демаркационной линии….» [3, л. 18]. Сюжет, не имеющий отношения к кавказским делам, приводится с целью показать отсутствие единства в советском руководстве. Отсутствие опыта государственного управления и участия в международных делах выдавало как раз неумение отделить стратегически значимое от второстепенного. Это мешало принятию решений и проведению конструктивной политики, в том числе в отношении Кавказа.

Чем ближе было поражение Германии в первой мировой войне и ее внутренний кризис, тем острее дебатировался вопрос о ее присутствии на Кавказе и вообще политической ситуации в регионе, тем больше это отвлекало Иоффе от основной дипломатической работы. Г. В. Чичерин обвинял А. А. Иоффе в том, что полпредство недостаточно осведомляет НКИД о своих взглядах по кавказскому вопросу. На что А. А. Иоффе довольно резко призвал не ждать инструкций в реализации «политиканствования» с теми или другими народами. Залог успеха на Кавказе он видел в сосредоточении и проведении последовательной революционной политики: «Ни с какими южными Красновыми или Южными радами мы не будем кокетничать» [3, л. 18]. Безусловно, это были собирательные образы всех самопровозглашенных правительств, в том числе и кавказских. Кавказский вопрос А. А. Иоффе свел к двум генеральным направлениям: получение нефти и северокавказского хлеба. Все остальное он требовал отбросить, не вмешиваться в разборки европейских дипломатий, пытающихся влиять на правительства самопровозглашенных республик [3, л. 18 об].

Итак, уйдя в военно-политическом смысле из южнокавказского региона России, не отказывалась от перспектив возвращения Закавказья под влияние России. Для большевиков регион в геополитическом, экономическом и идеологическом отношениях оставался сферой внешнеполитического интереса. Борьба за Южный Кавказ из военной плоскости переместилась на дипломатический уровень. Институционально во взаимодействии с германской стороной вокруг кавказских проблем в целом, и Грузии, в частности, ситуация выглядела следующим образом. С одной стороны, действовал Наркомат иностранных дел, с другой – представительство РСФСР в Германии, которые действовали как равнозначные друг другу структуры, часто споря друг с другом. В целом РСФСР пришлось постоянно балансировать между сохранением отношений с Германий, в том числе и потому, что через нее большевики пытались как-то влиять и сдерживать турецкую активность на Южном Кавказе. Одновременно, на уровне высокой дипломатии предпринима-

[1] Очевидно, речь идет о Георгии Романове, третьем сыне великого князя Михаила Николаевича.

[2] Русский общественный и политический деятель.

[3] Речь шла об обмене Романова и Васильчикова на К. Либкнехта, Я. Тышку, Р. Люксембург у немецких властей.

лись попытки ограничить расширение немецкого влияния как на Кавказе, а также препятствовать его распространению на Персию. В конечном итоге, уход германо-турецкого блока с Южного Кавказа не дал возможности большевикам вернуться в Закавказье, в том числе из-за прибытия английской военной миссии и активно разгоревшейся внутри России гражданской войны. Соответственно, германо-советское противостояние вокруг Кавказа в 1918 году фактически свелось к тому, что Германия ушла из региона, а Советская Россия пока не вернулась.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской федерации (далее – АВП РФ) Ф. 04. Оп. 13. Папка 70. Д. 987.
2. АВП РФ. Ф.04. Оп.13. Папка 70. Д. 990.
3. АВП РФ. Ф.04. Оп.13. Папка 70. Д. 993.
4. АВП РФ. Ф.04. Оп.13. Папка 70. Д. 992.
5. Варшаломидзе А. Л., Диасамидзе Р. Д. Восстановление независимости Грузии и геополитические интересы Турции в Закавказье (1918) // Legalandpoliticalscience. 2018. Vol. 3. 7(25). P. 27–30. DOI: https://doi.org/10.31435/rsglobal_wos/12072018/5990
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 524.
7. Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. Сборник документов и материалов / сост. М. М. Габричиадзе. Тбилиси: Госиздат СССР, 1942. 168 с.
8. Драбкина Е. Грузинская контреволюция. Ленинград: Прибой, 1930. 177 с.
9. Иоффе Н. А. Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М.: ТОО «Биологические науки», 1992. 238 с.
10. К положению на Кавказе. От Народного комиссара по делам национальностей // Правда. 1918. №104.
11. Ментешашвили А. М. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии в 1917–1921 гг. Тбилиси: Ганатлеба, 1987. 207 с.
12. Нота Временного Заместителя Народного Комиссара Иностранных дел Дипломатическому Представителю Германии Мирбаху от 15 мая 1918 г. // Документы внешней политики СССР / под. ред. А. А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1959. С. 302–303.
13. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел Дипломатическому представителю Германии Мирбаху // Документы внешней политики СССР / под. ред. А. А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1959. С. 285.
14. Нота Народного Комиссариата Иностранных дел Министерству Иностранных дел Германии от 12 апреля 1918 г. // Документы внешней политики СССР / под. ред. А.А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1959. С. 240–241.
15. Нота Народного Комиссариата Иностранных дел Министерству Иностранных дел Германии от 13 мая 1918 г. // Документы внешней политики СССР / под. ред. А. А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1959. С. 294–296.
16. Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой от 27 августа 1918 г. // Документы внешней политики СССР / под. ред. А. А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1959. С. 437–445.
17. Хачапуридзе Г. В. Грузинский народ в борьбе за свою свободу и независимость. Тбилиси: Госиздат ГССР, 1943. 176 с.

References

1. Archive of Foreign Policy of Russian Federation (AVP RF) F.04. Inv.13. Folder 70. D. 987. (In Russian).
2. AVP RF. F. 04. Inv. 13. Folder 70. D. 990. (In Russian).
3. AVP RF. F. 04. Inv. 13. Folder 70. D. 993. (In Russian).
4. AVP RF. F. 04. Inv. 13. Folder 70. D. 992. (In Russian).
5. Varshalomidze A. L., Diasamidze R. D. Vosstanovlenie nezavisimosti Gruzii i geopoliticheskie interesy Turtsii v Zakavkaz'e (1918) *(Restoration of Georgia's independence and Turkey's geopolitical interests in the Caucasus (1918)* // Legalandpoliticalscience. 2018. Vol. 3. 7(25). P. 27–30. DOI: https://doi.org/10.31435/rsglobal_wos/12072018/5990 (In Russian).
6. State Archive of Russian Federation. F. R5881. Inv. 1. D. 524. (In Russian).
7. Germanskie okkupanty v Gruzii v 1918 g. Sbornik dokumentov i materialov *(German occupiers in Georgia in 1918. The collection of documents and materials)* / red. M. M. Gabrichiadze. Tbilisi: Gosizdat publ., 1942. 168 p. (In Russian).
8. Drabkina E. Gruzinskaya kontrevolyutsiya *(Georgian counter-revolution).* Leningrad: Priboi publ., 1930. 177 p. (In Russian).
9. Ioffe N. A. Vremya nazad: Moya zhizn', moya sud'ba, moya epokha *(Time ago: My life, my destiny, my era)*. Moscow: TOO «Biologicheskie nauki», 1992. 238 p. (In Russian).
10. K polozheniyu na Kavkaze. Ot Narodnogo komissara po delam natsional'nostei *(On the situation in the Caucasus. From the National Commissioner for Nationalities)* // Pravda. 1918. No.104. (In Russian).
11. Menteshashvili A. M. Oktyabr'skaya revolyutsiya i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Gruzii v 1917–1921 gg. *(The October Revolution and the national liberation movement in Georgia in 1917–1921)*. Tbilisi: Ganatleba publ., 1987. 207 p. (In Russian).
12. Nota Vremennogo Zamestitelya Narodnogo Komissara Inostrannykh del Diplomaticheskomu Predstavitelyu Germanii Mirbakhu ot 15 maya 1918 g. *(Note by the Interim Deputy People's Commissar of Foreign Affairs to the Diplomatic Representative of Germany Mirbach of May 15, 1918)* // Dokumenty vneshnei politiki SSSR / ed by A. A. Gromyko. Moscow: Gospolitizdat publ., 1959. P. 302–303. (In Russian).
13. Nota Zamestitelya Narodnogo Komissara Inostrannykh Del Diplomaticheskomu predstavitelyu Germanii Mirbakhu *(Note by the Deputy People's Commissar of Foreign Affairs to the Diplomatic Representative of Germany Mirbach)* // Dokumenty vneshnei politiki SSSR / ed by A. A. Gromyko. Moscow: Gospolitizdat publ., 1959. P.285. (In Russian).

14. Nota Narodnogo Komissariata Inostrannykh del Ministerstvu Inostrannykh del Germanii ot 12 aprelya 1918 g. *(Note of the People's Commissariat of Foreign Affairs to the German Ministry of Foreign Affairs of April 12, 1918)* // Dokumenty vneshnei politiki SSSR / ed by A. A. Gromyko. Moscow: Gospolitizdat publ., 1959. P. 240–241. (In Russian).

15. Nota Narodnogo Komissariata Inostrannykh del Ministerstvu Inostrannykh del Germanii ot 13 maya 1918 g. *(Note of the People's Commissariat of Foreign Affairs to the German Ministry of Foreign Affairs of May 13, 1918)* // Dokumenty vneshnei politiki SSSR / ed by A. A. Gromyko. Moscow: Gospolitizdat publ., 1959. P. 294–296. (In Russian).

16. Russko-germanskii dobavochnyi dogovor k Mirnomu dogovoru mezhdu Rossiei, s odnoi storony, i Germaniei, Avstro-Vengriei, Bolgariei i Turtsiei s drugoi ot 27 avgusta 1918 g. *(The Russian-German Supplementary Treaty to the Peace Treaty between Russia, on the one hand, and Germany, Austria-Hungary, Bulgaria and Turkey on the other of August 27, 1918)* // Dokumenty vneshnei politiki SSSR / ed by A. A. Gromyko. Moscow: Gospolitizdat publ., 1959. P. 437–445. (In Russian).

17. Khachapuridze G. V. Gruzinskii narod v bor'be za svoyu svobodu i nezavisimost' *(Georgian people in the struggle for their freedom and independence).* Tbilisi: Gosizdat publ., 1943. 176 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / karina-best21@mail.ru

Information about the author

Ambartsumyan Karine – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru

УДК 327(55+620)|20|+920Ахмадинежад

А. В. Баранов

ИРАНО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ВИЗИТ М. АХМАДИНЕЖАДА В КАИР В 2013 ГОДУ

В статье анализируются последствия падение проамериканского режима Хосни Мубарка в феврале 2011 г. в Египте, вследствие событий «Арабской весны», что поставило под угрозу всю систему безопасности в регионе Ближнего Востока. Приход к власти в 2012 г. исламиста Мухаммеда Мурси, открывал возможность для восстановления дипломатических отношений Египта и Ирана. Союз между двумя странами мог стать основой для новой расстановки сил в регионе. В центре внимания автора статьи – визит президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в Каир в феврале 2013 г. Это был первый официальный визит такого уровня с момента победы Исламской революции в Иране и разрыва дипломатических отношений. В статье анализируются причины, планы и цели данного визита для официального Тегерана. Характеризуется содержание основных встреч и двусторонних переговоров, как на официальном, так и на не официальном уровне. Показывается, что визит иранской делегации в Каир продемонстрировал наличие объективных причин, как внутреннего, так и внешнего характера, делавших невозможным завершение процесса восстановления полноформатных отношений между Ираном и Египтом на данном этапе времени. А военный переворот и свержение М. Мурси, вновь «заморозили» отношения между двумя странами на неопределенное время.

Ключевые слова: Арабская весна, Исламское пробуждение, Ближний Восток, Махмуд Ахмадинежад, Мухаммед Мурси.

A. Baranov

IRANIAN-EGYPTIAN RELATIONS AND THE VISIT OF M. AHMADINEJAD TO CAIRO IN 2013

The article analyzes the consequences of the fall of Hosni Mubarak's pro-American regime in February 2011 in Egypt, due to the events of the Arab Spring, which threatened the entire security system in the Middle East. The coming to power in 2012 of Islamist Mohammed Mursi opened the way for the restoration of diplomatic relations between Egypt and Iran. The union between the two countries could become the basis for a new alignment of forces in the region. The article focuses on the visit of Iranian President Mahmoud Ahmadinejad to Cairo in February 2013. It was the first official visit of this level since the victory of the Islamic Revolution in Iran and the severance of diplomatic relations. The article analyzes the reasons, plans and goals of the visit for official Tehran. The study features the content of the main meetings and bilateral negotiations, both at the official and non-official levels. It is shown that the visit of the Iranian delegation to Cairo demonstrated the presence of objective reasons, both internal and external, which made it impossible to complete the process of restoring full-fledged relations between Iran and Egypt at that time. The military coup and the overthrow of M. Mursi, again "froze" the relations between the two countries for an indefinite time.

Key words: Arab Spring, Islamic Awakening, the Middle East, Mahmoud Ahmadinejad, Mohammed Mursi.

Избрание в июне 2012 г. в качестве президента Египта кандидата – исламиста в лице Мухаммеда Мурси, открывало широкие возможности по переформатированию региональной системы безопасности, которая и без того уже была подорвана эксцессами «Арабской весны». Эксперты с интересом и тревогой наблюдали за действиями нового президента Египта, выступившего за пересмотр внешнеполитического курса и провозгласившего необходимость восстановления разорванных отношений с Ираном. Действительно, на протяжении второй половины 2012 г. Мурси отметился целым рядом неординарных шагов на этом направлении, «пиком» которых явился визит в Тегеран на саммит Организации движения неприсоединения (ОДН) в конце августа 2012 г. Начавшийся диалог в рамках «Исламского квартета» открывал возможность поиска компромисса по урегулированию сирийского кризиса силами региональных держав при активной поддержке со стороны Египта и Ирана. Выявившиеся спорные моменты во взаимоотношениях между Тегераном и Каиром требовали повторной встречи на высшем уровне лидеров двух стран. Такой возможностью и стал визит иранской правительственной делегации во главе с Махмудом Ахмадинежадом в Каир по приглашению его египетского коллеги в январе 2013 г. для участия в саммите Организации исламского сотрудничества (ОИС).

Для М. Ахмадинежада этот визит имел особый статус. Это был последний государственный ви-

зит подобного уровня в ранге президента ИРИ, так как в июне истекал его второй президентский срок. Следовательно, итоги этого визита должны были продемонстрировать возможности М. Ахмадинежада как дипломата и политика, не только регионального, но и мирового масштаба, а также жизнестойкость концепции «Исламского пробуждения». В этом отношении он и его администрация возлагали на саммит ОИС в Каире большие надежды.

За неделю до визита, М. Ахмадинежад дал большое интервью СМИ, на котором попытался осветить подходы по основным вопросам политики ИРИ в регионе. Он охарактеризовал позицию Ирана в отношении Сирии, Ирака и Палестины, отметив, что Тегеран и Каир могут изменить баланс сил и геополитику региона, если они захотят этого. Для Тегерана, по словам М. Ахмадинежада, очень важно иметь стратегические отношения с Египтом как с влиятельной региональной державой. Одним из главных принципов внешнеполитической деятельности ИРИ является принцип невмешательства во внутренние дела региональных стран. Поэтому в отношении Сирии, Иран придерживается того подхода, что внутренние дела должен решать сам сирийский народ, без внешней интервенции. «Война – это не решение для Сирии, и сирийцы должны решать собственные проблемы через национальное согласие. Империализм же стремиться к расчленению стран региона» [1], уверен он. То же самое касается и Ирака, так как именно Запад уже долгое время сотрудничает с теми странами региона, которые добиваются расчленения Ирака. Иракский народ должен защитить свою страну через единение друг с другом. И Иран сделает все возможное со своей стороны, чтобы уменьшить степень напряжения в Ираке, и будет контактировать со всеми группами, чтобы добиться единства между ними.

Отдельно М. Ахмадинежад затронул вопрос Палестины и палестинского народа. «Поддержка Палестины – это основа стратегии ИРИ, и на протяжении многих лет после Революции, гуманитарная помощь собиралась для палестинцев на пятничных молитвах ежегодно», заявил он. И если Египту и Ирану удастся консолидировать единую позицию в этом вопросе, то «политическая география региона измениться». Ахмадинежад даже признался, что хотел бы посетить Газу. «Если мне позволят сделать это, я поеду в Газу, чтобы встретиться с народом», сказал он.

Под конец своего интервью, президент остановился на активно муссируемым в западных СМИ мифе о существующем шиито суннитском противостоянии в регионе Ближнего Востока. По словам М. Ахмадинежада это искусственно создаваемый и реализуемый врагами исламского мира «новый план раскола», за которыми стоят «западные империалисты» во главе с США и их союзниками. Для Ирана нет принципиальной разницы в том, какая из стран региона подвергается агрессии, и страна будет помогать в ее отражении и Египту, и Саудовской Аравии. Важно, чтобы страны региона объединились, осознав реальность данной угрозы.

Сложность реализации данного подхода заключалась в стабильно ухудшающейся внутриполитической обстановке в Египте, что существенным образом отражалось на договороспособности Мохаммеда Мурси как президента и национального лидера. Страна все больше раскалывалась на сторонников и противников правительства. Новый всплеск массовых акций протеста пришелся на вторую годовщину начала египетской революции. Так получилось, что 25 января 2013 г. выпало на пятницу, и, после окончания пятничных молитв, страна погрузилась в хаос уличных беспорядков. Протестующие в Каире оккупировали Тахрир и ряд прилегающих улиц, а также мосты через Нил, парализовав движение в столице. Произошли столкновения с полицией, которая вынуждена была применять спецтехнику и слезоточивый газ для разгона протестующих. Накал уличных протестов не спадал и в период работы саммита ОИС в Каире. Это заставило принимающую сторону проводить все мероприятия вдали от центральных районов столицы. Заседания саммита проходили в пригороде Каира – Аль-Тагаму аль-Хамис, в вдалеке от уличных столкновений протестующих с полицией. И в такой накаленной атмосфере политизированного египетского общества, Махмуд Ахмадинежад заявил по прибытии в Каир, что данная поездка «должна развеять пропагандистские и ментальные преграды на пути отношений между двумя великими народами Ирана и Египта» [2]. Задача, как оказалось, была чрезвычайно ответственной и трудновыполнимой на практике.

О серьезности намерений иранской стороны может говорить представительный состав правительственной делегации. В нее вошли, помимо самого М. Ахмадинежада: советник президента и глава секретариата ОДН Эсфендияр Рахим-Машайе, глава Организации хаджа и паломничества Хассан Мусави, казначей и министр экономики Сейид Шамсуддин Хоссейни, министр разведки Хейдар Мослехи, министр нефти Ростам Кассеми, глава МИД Али Акбар Салехи и многочисленные чиновники. А также очень плотный график встреч, официальных визитов и приемов. Естественно, что освещению хода визита уделялось пристальное внимание со стороны иранских СМИ.

Иранская делегация во главе с Махмудом Ахмадинежадом, прилетела в Каир 5 февраля 2013 г. В аэропорту их встречала египетская делегация во главе с М. Мурси. Торжественность церемонии придавал почетный военный караул и красная дорожка до здания аэропорта. В вип-зале для важных гостей, прошла первая встреча двух президентов. На встрече обе стороны выразили удовлетворения тем, что визит состоялся, а также прошел обмен мнениями по ситуации в регионе и в Сирии. В отношении последней стороны вновь подтвердили приверженность недопустимости вмешательства во внутренние дела Сирии извне.

Во второй половине того же дня состоялся один из важных моментов всего визита – прези-

дент ИРИ посетил Аль-Азхар – ведущий богословский университет в исламском мире, пользующийся огромным уважением и влиянием среди мусульман-суннитов всего мира. Посещение и встреча с ведущими улемами во главе с шейхом Аль-Азхара Ахмедом аль-Тейбом, призвана была смягчить фракционное напряжение в исламском мире между суннитами и шиитами. Это была первая встреча высокопоставленного иранского чиновника президентского уровня с главой религиозной власти Египта.

В ходе приема шейх Аль-Азхара заявил, что улемы уважают М. Ахмадинежада как личность, «стремящуюся работать на благо исламского единства». По уверению Ахмеда аль-Тейба, улемы Аль-Азхара стремятся бороться с проявлениями исламофобии, враждебностью в отношении шиитов, расхождениями во взглядах между различными мазхабами ислама. Шейх подчеркнул: «Даже если и возникают спорные моменты, то их необходимо разрешать мирно шиитам и суннитам» [3]. Ахмадинежад в ответ заявил, что влиятельные улемы Кума, Наджафа и Аль-Азхара должны в ходе совместных дискуссий, объединенными усилиями выработать общие критерии и стандарты, которые помогут человечеству спастись, возглавив объединительную миссию всех мусульман мира. Необходимо представить истинные ценности ислама миру, сказал президент ИРИ, чтобы установить справедливость во всем мире. В завершении он пригласил всех присутствующих посетить Иран.

По итогам встречи с улемами Аль-Азхара, М. Ахмадинежад сообщил на пресс-конференции, что ему удалось обсудить важные вопросы исламского мира и региона, «и по счастью обнаружились общие взгляды на необходимость реформы современной мировой ситуации. Мы согласились расширять научные и культурные связи» [4]. В целом, по словам президента, встреча прошла в теплой и дружественной обстановке.

После визита в Аль-Азхар М. Ахмадинежад, в сопровождении членов делегации, посетил мечеть Аль-Хуссейн, где принял участие в коллективной молитве, после которой пообщался с египтянами на улице перед мечетью. И как сообщали иранские СМИ, собравшиеся встречали президента с плакатами в руках, приветствуя на земле Египта.

Вечером, 5 февраля, М. Ахмадинежад дал пресс-конференцию египетским журналистам, на которой охарактеризовал произошедшие за день события в ходе первого дня пребывания в стране. В ходе встречи, он заявил, что «египетский народ – это народ с богатой древней историей, которую мы все уважаем. Ваша земля – это земля культуры, цивилизации и гуманности». Он отметил роль Египта в развитии региона в прошлом и строительстве светлого будущего. «Два народа имеют много общего, даже в ощущении и восприятии региона и мира, что сближает нас друг с другом». Он охарактеризовал два народа, как двух братьев, которые вынуждены были расстаться на долгое время. «И если сегодня братья наконец-то воссоединяться и возьмутся рука об руку, то никакие козни со стороны надменных врагов не смогут сбить их с пути, так что это будет иметь положительное воздействие на скорейшие перемены в сторону справедливости и учета чаяний народов» [3].

В целом, согласно официальной версии, первый день прошел без серьезных эксцессов, и весьма удачно. Подводивший итоги глава иранской миссии интересов в Каире Моджтаба Амани, отверг просочившиеся в СМИ сообщения о якобы имевшихся проблемах. В частности Амани опроверг сообщения об имевшем место агрессивном действии толпы против кортежа президента ИРИ на подходе к мечети Аль-Хуссейн в Каире. По словам Амани народ скандировал лозунги в поддержку ирано египетских отношений, и никаких негативных акций в сторону президента не было. Это слухи, распространяемые недоброжелателями, чтобы омрачить визит [5].

Второй день пребывания иранской делегации был связан, главным образом, с участием в официальных мероприятиях 12-го саммита глав государств-членов ОИС. Помимо участия в официальной части, М. Ахмадинежад провел целый ряд двусторонних встреч на полях саммита с президентами Турции, Египта, Сенегала, Сомали, Судана, Боснии и Герцеговины, Коморских островов и главой ПНА Махмудом Аббасом. Также, в рамках саммита прошла отдельная трехсторонняя встреча президентов ИРИ, Турции и Египта, которые обменялись мнениями по урегулированию кризиса в Сирии. Было достигнуто предварительное соглашение с призывом к сторонам конфликта о немедленном прекращении насилия и кровопролития. Также договорились о созыве встречи на уровне глав МИД трех стран, которые должны будут обсудить конкретные предложения по плану урегулирования кризиса и представить окончательный согласованный вариант. Подводя итоги встречи, Ахмадинежад назвал ее «позитивной и конструктивной» [3].

Вечером в здании иранской миссии интересов М. Ахмадинежад встретился с главой Организации братьев-мусульман в Египте Мохаммедом Бадиа, и его помощниками – Мохаммедом Хайратом Саадом аль-Шатером и Иссамом Мохаммедом Хуссейном аль-Эрианом [6]. По сообщениям иранских СМИ, в ходе встречи стороны достигли соглашения о необходимости заключения пакта о стратегическом союзе между Египтом и Ираном. Ахмадинежад поздравил «Братьев» с победой на выборах и пригласил присутствующих лидеров движения посетить Иран и встретится с Рахбаром.

Бадиа, со своей стороны, приветствовал исламский строй Ирана, особенно деятельность Совета по определению целесообразности, который контролирует выработку стратегических и важнейших политических решений, выразив желание учредить подобный орган и в Египте. Лидер Братьев также приветствовал роль Ирана в организации сопротивления внешнему влиянию в

регионе, заявив об успешности проводимой Ираном политики на протяжении последних тридцати лет. В особенности он высоко отозвался о практике Ирана по привлечению религиозных норм в управление государственными делами, считая это наиболее значимым достижением Исламской республики.

По окончании встречи состоялась пресс-конференция для египетских и иранских журналистов, на которой М. Ахмадинежад ответил на ряд вопросов касающихся Сирии, отношений Египта и Ирана, позиции Ирана в отношении Палестины и взаимоотношениях со странами Персидского залива [7]. Касательно урегулирования сирийского кризиса, М. Ахмадинежад подчеркнул неизменность позиции Ирана, основанной на праве сирийского народа самому решать свои внутренние дела, без внешнего вмешательства. В отношении Египта, позиция Тегерана также не изменилась, Иран по-прежнему настаивает на восстановлении дипломатических связей, и инициатива теперь в руках египетских властей. В палестинском вопросе, иранский президент призвал к консолидации позиций двух стран, что приведет к разрешению проблемы к выгоде палестинского народа. Что же касается связей с монархиями Залива, по словам М. Ахмадинежада, «отношения Ирана со многими прибрежными государствами Персидского залива очень позитивны и конструктивны». Однако уверен он, Запад стремится все представить так, что существует напряжение и недовольство между странами. «Страны Залива – это братья и друзья, и у них нет недовольства друг другом». Запад стремится сохранить свое доминирование в регионе, так как он богат энергоресурсами. «Если мы сможем объединиться, им не удастся достичь своей цели», закончил Ахмадинежад.

В последний день своего пребывания в Египте, М. Ахмадинежад потратил на культурную программу. «С разрешения иранских улемов, мы посетили египетские пирамиды и Сфинкса», сообщил он уже после возвращения в Тегеран. «У Египта хорошее туристическое будущее для иранцев. К тому же египтяне очень набожный и дружелюбный народ» [2]. А вечером, 7 февраля, иранский президент дал большое интервью египетскому телеканалу «Нил ТВ» [8], ответив на волнующие египтян вопросы в отношении Ирана, заявив об отсутствии «преград для возобновления нормальных отношений между Ираном и Египтом». Подчеркнув при этом стремление «Ирана сотрудничать с Египтом в атмосфере уважения и справедливости, мы не хотим навязывать какие-либо политические требования, развитие Египта – это наше развитие». Ахмадинежад признал, что не все в Египте хотят сближения с Ираном, но он уверен, что большинство египтян выступают за сотрудничество. «В Египте издаются тысячи газет, и если несколько из них выйдут с антииранскими заголовками, что это будет означать, что Египет выступает против Ирана?»

На следующий день, 8 февраля, иранская делегация во главе с М. Ахмадинежадом, отбыла на родину, завершив визит неофициальной встречей с бывшим генеральным секретарем ЛАГ и влиятельным политиком Амр Муссой.

Уже по прилету, в международном аэропорту Тегерана Мехрабад, М. Ахмадинежад попытался подвести первые итоги визита в Египет. Он кратко охарактеризовал свой визит в Каир как «особый» и «неповторимый», и поблагодарил Аллаха за то, что миссия иранского народа была выполнена. Далее М. Ахмадинежад выразил свое восхищение египетским народом: «Египетский народ набожный и дружелюбный. Везде где мы были, народ скандировал – Иран и Египет должны быть едины!» [2]. Он уверен, что в ходе визита, удалось многое сделать, чтобы развеять негативные клише в отношении Ирана и налаживании связей с Египтом, так как «те, кто пытался использовать различия и расстроить отношения между двумя странами, потерпел неудачу, и не смог добиться своих целей». В целом, иранский президент выразил удовлетворение итогами своего визита в Египет, обратив внимание на стремление и египетской стороны идти на налаживание отношений. «У нас оказался хороший настрой к сотрудничеству, и кажется, что позиции двух стран имеют много общих совпадений».

В знак доброй воли и намерений, Иран предложил ввести в одностороннем порядке безвизовый режим в начале для тех египетских граждан, кто захочет посетить страну с туристическими целями. Далее планируется расширить действие этой программы на предпринимателей, студентов и религиозных деятелей. «Предложение оказалось эффективным, и весь мир увидит единение между народными массами двух стран», заявил М. Ахмадинежад. Также, по его словам, Иран, с целью облегчения финансового положения Египта, предложил обсудить вопрос об открытии кредитной линии для закупок в Иране товаров и услуг, что будет способствовать росту товарооборота между странами.

С оценкой визита, высказанной президентом, солидаризировался и глава иранской миссии интересов в Каире Моджтаба Амани [9], назвавший визит Ахмадинежада «очень важным» в свете современной ситуации. Помимо присутствия на саммите, что явилось главным событием, президент совершил ряд запланированных заранее визитов. «Я уже долго нахожусь на службе в Египте, но такого теплого приема со стороны египтян, президента М. Мурси и их дружелюбная реакция по ходу визита превысила то, что я ожидал», признался Амани. Дипломат уверен, что народные приветствия и лозунги означают поддержку Ирана и исламского мира. В отношении встречи Президента с шейхами аль-Азхара, то он назвал ее «объединяющей и эффективной». Амани также прокомментировал отсутствие в визите посещения площади Тахрир в Каире. Он объяснил этот факт слишком плотным графиком визита, к тому же, по словам Амани, «Тахрир уже не является символом солидарности египтян, а скорее стал сценой политических конфликтов».

Глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи, комментируя итоги визита, был более сдержанным и менее оптимистичным [10]. Признавая за Ираном приоритетность налаживания отношений с Египтом, он заявил о наличии сильного сопротивления иранским инициативам. И это наблюдается не только внутри египетского общества, но и со стороны союзников Каира. Исходя из данного факта, он подчеркнул: «Мы должны сохранять бдительность в отношении заговоров, которые стоят на пути расширения ирано египетских отношений. Наши отношения очень важны, так что они не направлены против какой-либо страны». Также он обратил внимание на стремление противников сближения разжигать шиито суннитские разногласия, что призвано осложнить процесс налаживания двусторонних отношений между двумя крупнейшими державами региона – шиитским Ираном и суннитским Египтом. По словам А. Салехи это происходит из-за успехов в продвижении двух стран к консолидации.

В экспертных кругах Ирана превалировала критическая точка зрения на итоги визита, вплоть до его полного провала. Да, действительно, встреча в аэропорту вселяла надежду. Однако улучшений в отношении так и не произошло. Например, по мнению Надера Энтессара [11], показателен в этом отношении визит Ахмадинежада в Аль-Азхар, с точки зрения Египта, остающийся помехой на пути улучшения из-за суннито-шиитского раскола в ирано-египетских отношениях. Хотя для иранского президента визит в Аль-Азхар значил смягчение фракционного напряжения в исламском мире, он стал самым неудачным моментом пребывания Ахмадинежада в Египте. Шейх Ахмед аль-Тейб, Великий Имам мечети аль-Азхар, оказал холодный прием иранскому президенту. Хуже того, аль-Тейб публично унизил Ахмадинежада, не явившись на совместную пресс-конференцию, прислав вместо себя своего советника шейха Хассана аль-Шафийи, который начал провокационно и недружественно высказываться об иранской политике в Персидском заливе. Затем аль-Шафийи раскритиковал иранскую политику в отношении иранских арабов, живущих в Хузестане. Это было вопиющим вмешательством во внутренние дела Ирана, что могло привести к незамедлительному отъезду Ахмадинежада из Каира. Ведь аль-Шафийи делал свои заявления на официальном мероприятии как официальное, а не частное лицо.

По мнению Надера Энтессара, это может означать намеренную провокацию на ответные шаги со стороны Ирана, и тут возникает вопрос о возможностях Тегерана поступиться своими интересами ради номинального восстановления отношений с Египтом, тем более, если Каир не готов на взаимные уступки. Активно противодействовать также будут расхождение позиций по Сирии, возрождение и усиление влияния ваххабитов и салафитов, неопределенность внешнеполитического курса правительства М. Мурси, и сохраняющаяся зависимость от внешней помощи со стороны США и арабских монархий.

На сирийском треке, который должен был стать основой для консолидации и сближения политики двух стран, также не удалось достичь существенного прогресса. Планировалось, что именно урегулирование сирийского кризиса станет одной из важнейших тем, вынесенных на обсуждение саммита ОИС в Каире. Однако организаторы саммита, проходившего под лозунгом «Исламский мир: новые вызовы и растущие возможности», не внесли этот вопрос в официальную повестку. Согласно заявлению заместителя МИД АРЕ Амр Рамадана, повестка саммита охватывала пять тем: конфликты и споры в исламском мире; пути противостояния религиозной розни и исламофобии; гуманитарные вопросы исламского мира; экономическое и торговое сотрудничество между странами-членами; развитие научной и технической кооперации между исламскими странами. Среди отдельных вопросов обсуждались конфликт в Мали; мирный процесс в Судане (Суданом и Южным Суданом); ситуация в Сомали и в Афганистане. А это означало, что резолюции по Сирии согласовать не удалось, и она не вошла в окончательную Каирскую декларацию по итогам саммита ОИС.

Показательным моментом является факт совпадения оценок иранских экспертов с оценками их египетских коллег. «Действительно ли сейчас правильное время для восстановления дипотношений с Ираном?», задается вопросом ведущая газета Египта «Аль-Ахрам» [12]. Визит М. Ахмадинежада выявил невозможность в данный период и данными участниками событий, говорить о восстановлении отношений между странами. И этому существуют серьезные причины. Во-первых, отношения Египта с Ираном сильно переплетены с отношениями Египта со странами Персидского залива. Во-вторых, Израиль и США также не примут быстрый пересмотр отношений Каира и Тегерана. «Для обоих государств, любое сближение с Ираном является красной линией, переступив которую, приведет к кардинальному переформатированию всего региона». В-третьих, Тегеран активно поддерживает авторитарный сирийский режим. И как прокомментировал один анонимный источник из МИД Египта, режим Башара аль-Асада не соответствует духу революции в Египте и регионе: «Он напоминает народу режим Мубарака, против которого была начата революция». В качестве иллюстрации приводят инцидент с иранской делегацией при посещении мечети аль-Хуссейн, когда беженец из Сирии бросил туфлю в М. Ахмадинежада. В-четвертых, расцвет салафитского движения в Египте также не позволяет идти на восстановление отношений с Ираном, так как радикальные сунниты негативно воспринимают активизм шиитов в регионе, связывая его с Ираном.

Действительно крайне негативной реакции на визит иранской делегации со стороны салафитских партий Египта, наблюдатели уделили очень пристальное внимание. По признанию Мустафы аль-Лаббада, эксперта по Ирану и Турции,

«превалировавшая при Мубараке иранофобия, продолжает сохраняться и при принятии государственной политики, сегодня» [13].

Подводя итог анализу реакции салафитских партий на инициативу Ирана восстановить отношения с Египтом, Абдель-Латиф Омайма [13] приходит к выводу, что реакция салафитов на визит Ахмадинежада и на политику Ирана диктуется теми, кто их спонсирует. А спонсоры находятся в монархиях Залива. Демонизация Ирана – это позиция просаудовских СМИ, которые финансируются саудовцами. На протяжении десятилетия саудовские шейхи вещали о шиитской угрозе, а Иран долгое время замещал Израиль в качестве главного врага «номер один» для стран Залива. Салафиты, правда, не являются ключевой силой в формировании внешнеполитического курса Египта, но они, однако, способны мобилизовать общественное мнение, которое сможет оказать влияние на президента и соответствующие госорганы. В этом отношении, любой прогресс на треке Каир – Тегеран становиться заложником ответа со стороны салафитов.

Таким образом, визит иранской делегации в Каир продемонстрировал наличие объективных причин, как внутреннего, так и внешнего характера, делавших невозможным завершение процесса восстановления полноформатных отношений между Ираном и Египтом на данном этапе времени.

Падение проамериканского режима Хосни Мубарка в феврале 2011 г., вследствие «Арабской весны», поставило под угрозу всю систему безопасности в регионе Ближнего Востока. Приход к власти в 2012 г. исламиста Мухаммеда Мурси, открывало возможность установления дипломатических отношений Египта и Ирана. Союз между двумя странами мог стать основой для новой расстановки сил в регионе. В центре внимания автора статьи – визит президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в Каир в феврале 2013 г. Визит иранской делегации в Каир продемонстрировал наличие объективных причин, как внутреннего, так и внешнего характера, делавших невозможным завершение процесса восстановления полноформатных отношений между Ираном и Египтом на данном этапе времени.

Источники и литература / References

1. Egypt and Iran can change ‘regional balance’: Ahmadinejad. URL: http://en.mehrnews.com/news/53951/Egypt-and-Iran-can-change-regional-balance-Ahmadinejad (Accessed: 05.02.2013).

2. Egyptians, pious and amicable: Ahmadinejad. URL: http://en.mehrnews.com/news/53995/Egyptians-pious-and-amicable-Ahmadinejad (Accessed: 09.02.2013).

3. Ahmadinejad: Restoring ties with Iran Egyptian politicians’ major concern. URL: http://www.irna.ir/en/News/80536017/Politic/Ahmadinejad__Restoring_ties_with_Iran_Egyptian_politicians_major_concern (Accessed: 09.02.2013).

4. Egypt, Iran have ‘common vision’ to improve world: Sheikh of al-Azhar. URL: http://en.mehrnews.com/news/53965/Egypt-Iran-have-common-vision-to-improve-world-Sheikh-of (Accessed: 06.02.2013).

5. Iranian envoy: No problem has arisen during President Ahmadinejad’s Egypt visit. URL: http://www.irna.ir/en/News/80533040/Politic/Iranian_envoy__No_problem_has_arisen_during__President_Ahmadinejad_Egypt_visit (Accessed: 06.02.2013).

6. Muslim Brotherhood praises Iran’s policies. URL: http://en.mehrnews.com/news/54046/Muslim-Brotherhood-praises-Iran-s-policies (Accessed: 12.02.2013).

7. Iran will consider U.S. offer of talks if it sees positive changes. URL: http://en.mehrnews.com/news/53974/Iran-will-consider-U-S-offer-of-talks-if-it-sees-positive-changes (Accessed: 07.02.2013).

8. Colonialism and mega-capitalism near collapse: Ahmadinejad. URL: http://en.mehrnews.com/news/53988/Colonialism-and-mega-capitalism-near-collapse-Ahmadinejad (Accessed: 07.02.2013).

9. Why Ahmadinejad did not visit Tahrir Square. URL: http://en.mehrnews.com/news/54031/Why-Ahmadinejad-did-not-visit-Tahrir-Square (Accessed: 11.02.2013).

10. Iran-Egypt ties not against any country: FM. URL: http://www.irna.ir/en/News/80534621/Politic/Iran-Egypt_ties_not_against_any_country__FM (Accessed: 07.02.2013).

11. Entessar, Nader. ‘There are areas where interests of Tehran and Cairo may intersect’. URL: http://en.mehrnews.com/news/54214/There-are-areas-where-interests-of-Tehran-and-Cairo-may-intersect (Accessed: 22.02.2013).

12. El-Bey D. Conference diplomacy? // Al-Ahram Weekly. Cairo, 2013. №1135. 14 February. P. 2.

13. Omayma, Abdel-Latif. Paymaster politics. URL: http://weekly.ahram.org.eg/News/1427.aspx (Accessed: 14.02.2013).

Сведения об авторе

Баранов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, руководитель НОЦ «Востоковедения и иранистики» (Саратов) / baranovav@mail.ru

Information about the author

Baranov Alexey – PhD in History, Associate Professor, Chair of World history, Institute of History and International Relations, Saratov State University (Saratov) / baranovav@mail.ru

УДК 903.2.303.446.4.

С. Б. Бурков

ИЗОБРАЖЕНИЯ КОЛЕСНИЧИХ, ВСАДНИКОВ И ЛОШАДЕЙ В КУЛЬТОВОЙ ПЛАСТИКЕ КАВКАЗА КОНЦА II – НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н. Э. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В последнее время растет число научных публикаций, связанных с изучением погребально-поминальных церемониалов, получивших в эпоху поздней бронзы новое смысловое наполнение, что во многом было связано с повышением в них статуса лошади. Одновременно растет и социальная значимость воинских погребений, в которых увеличивается число и вариабельность предметов вооружения. В это же время фиксируются заметные изменения в ведении военных действий, которые превращаются в постоянный промысел для формирующегося воинского сословия. Эти процессы нашли свое зримое отражение и в предметах культовой пластики. В их число входят изображения колесниц, лошадей, всадников и лошадей. Их изучению посвящена обширная научная литература. В отечественной историографии пока нет сводной работы с анализом данных трудов как комплексного явления. Это заметно сдерживает дальнейшее изучение событий финальной фазы эпохи поздней бронзы всего Кавказа. Формулирование данного тезиса является новым подходом в изучении зооморфных и антропоморфных форм. Авторским вкладом в изучение данной тематики является настоящая статья, которая призвана, в некоторой степени, восполнить образовавшийся пробел. В ней представлены базовые позиции исследователей данной проблематики, снабженные рядом авторских комментариев. Нами делается вывод о том, что тема, связанная с изучением роли лошади и наступательных предметов вооружения в погребальной обрядности кавказских племен в конце II – первые века I тыс. до н.э. имеет значительный научный потенциал. Особенно это касается изучения роли таких предметов, как луки и стрелы, которые активно использовались как подвижно-скотоводческим, так и оседло-земледельческим населением Центрального Предкавказья. Их исследование может быть востребовано для установления причинно-следственных связей между изменениями производственных циклов и развитием новых элементов обрядовых норм, свойственных местному этно-сообществу в эпоху повсеместной трансформации производственно-хозяйственных моделей.

Ключевые слова: исследовательская практика, археологические источники, историография археологии, изучение поминально-погребальных церемониалов.

S. Burkov

IMAGES OF CHARIOTS, RIDERS AND HORSES IN THE CAUCASUS CULT PLASTICS OF THE LATE II – EARLY I MILLENNIA B. C. THE SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

The recent years have witnessed a growing number of scientific publications related to the study of funeral and memorial ceremonies, which acquired a new semantic content in the late Bronze age. It can be largly preconditioned by the growth of the status of the horse in these ceremonies. At the same time, the social importance of military burials was growing, along with the increase of the number and variability of the weapons items. At the same time, there were records of the noticeable changes in the conduct of military operations, which became a permanent source of income for the emerging military class. The processes were reflected in the objects of religious sculpture. Those included images of chariots, horses, horsemen and horses. There exist extensive scientific studies devoted to these topics. However, there are no consolidated studies with data analysis of this complex phenomenon in the Russian historiography. It significantly hinders the study of the events of the final phase of the late bronze age of Caucasus. The formulation of this thesis is a new approach in the study of the zoomorphic and anthropomorphic forms. The present article is the author's contribution to the study of this subject, which is intended to some extent fill the existing gap. It presents the basic positions of researchers studying the problem, provided with a number of author's comments. We conclude that the topic related to the study of the role of horses and offensive weapons in the funeral rites of the Caucasian tribes in the late II – first centuries of the I Millennium BC has a significant scientific potential. This is especially relevant for the study of the role of such objects as bows and arrows, which are actively used by the mobile-pastoral and the sedentary agricultural population of the Central Caucasus. The study of the subject can be in demand to establish the cause-and-effect relationships between changes in the production cycles and the development of new elements of ritual norms peculiar to the local ethno-community in the era of the widespread transformation of the production and the economic models.

Key words: research practice, archaeological sources, historiography of archeology, the study of funeral ceremonies.

Образ лошади и всадника для территории Кавказа становится популярным, начиная с конца II тыс. до н. э., что связано с возрастанием роли этого животного в быту и военном деле и, как следствие – в погребальной обрядности, культовой пластике, графических изображениях, других элементах археологических культур. Этой теме посвящены работы Ф. Е. Гулиева, О. А. Брилёвой, М. А. Очир-Горяевой, Б. А. Калоева, В. Б. Ковалевской, В. И. Козенковой, Г. Г. Король, Г. Н. Вольной, А. Д. Канторович, Е. Е. Кузьминой, Д. В. Пикалова, М. Н. Погребовой, С. В. Сотниковой, К. В. Чекушкова, Е. Л. Черленок, Х. (В) Т. Чшиева. Эта тематика присутствует в исследованиях О. А. Брилёвой, С. Л. Дударева, С. В. Махортых, Ю.А. Прокопенко, Д. С. Раевского, Б. В. Техова, А. Ю. Скакова. Однако роль лошади как важного элемента в формировании новых комплексных обществ скотоводческой направленности финала поздней бронзы – начального этапа раннего железного века, погребальных ритуалов, обрядовой практики и приёмов в ведении войны для народов Кавказа пока далеко не ясна, хотя определенная работа в этом направлении уже проделана [9; 11; 15; 16; 18; 25; 35, с. 95; 37, с. 199; 201; 220; 51]. Первым этапом этого исследования должна стать комплексная оценка источниковой базы, отраженной в исследовательской практике. Для этого, прежде всего, необходимо определить круг источников и оценить их информационную ценность. Среди прочих материалов значимую роль играют сведения, полученные в ходе анализа идеологических представлений кавказских этнических групп, проживающих в пределах изучаемой территории. Они зафиксированы в объектах культовой антропоморфной и зооморфной пластики, изготовленной как из бронзы, так и других материалов, присутствуют на культовых навершиях, «эргетках», бронзовых топорах, ритуальных площадках, навершиях кинжалов, бляхах, булавках, подвесках-протомах, гравированных поясах. Эти предметы, а также фигурки, выполненные из бронзы, камня, терракоты, глины, исполненные как отдельно, так и в комплексе с антропоморфными образами, изучаются активно и разнообразно. Список научных исследований по данной теме достаточно широк, в нем присутствуют как монографические, так и иные издания: статьи, тезисы докладов и сообщений, в которых публикуются как вновь выявленные предметы, так и даются комментарии к уже известным находкам. В то же время, до сих пор отсутствует практика комплексного анализа этих трудов, за исключением работ, в которых представлены гравированные изображения на бронзовых поясах [54]. Историографические обзоры ограничиваются стандартными разделами – небольшими абзацами в ряде монографий [21, с. 51, 57, 59, 60, 83; 50, с. 135–136, 171, 173–176, 196–197, 387; 29, с. 70; 39, с. 8–12; 8, с. 116–119, 126, 128, 316; 36, с.10–12, 21–24, 59, с. 81, рис. 2, 106, 8, 9, с. 82, рис. 3, 9,10], статей и тезисов докладов [2, с. 14, 18, рис. 1, 7; 4; 5; 15; 30; 34]. В этой связи назрела необходимость обобщения и оценки творческих усилий различных специалистов, в той или иной мере затрагивавших тему, связанную с изучением изображений колесничих, всадников и лошадей в культовой пластике Кавказа конца II – начала I тыс. до н. э. Некоторые усилия в этом направлении нами были уже предприняты [10], однако они лишь наметили общую канву последующих изысканий на эту тему. Настоящая статья призвана в некоторой степени заполнить образовавшуюся лакуну в историографической оценке указанных выше исторических источников, важных для исследования роли лошади, всадников и колесничих в военном деле, погребально-поминальных церемониалах и идеологии древнего населения Кавказа на финальной стадии эпохи позднего бронзового века. В основу обзора положен временной принцип, когда анализируемые публикации сгруппированы по авторам и времени их выхода из печати. Однако, в ряде случаев, обусловленных логикой изложения материала, некоторые из них упоминаются несколько раз.

Наиболее раннее издание подобного предмета относится к 1886 г. и к 1900 г. и связаны с именами Э. Шантра и П. С. Уваровой. Бронзовая булавка с всадником на лошади, хранящаяся в Венском музее, была найдена в окрестностях с. Кобань и кратко представлена ими в своих публикациях. К теме комплексного анализа данного предмета мы уже обращались ранее [12], что позволяет нам сосредоточиться на других находках.

В 1972 г. В. И. Козенковой издаётся работа, посвящённая возникновению и эволюции бронзовых булавок в виде протом двух лошадей. В её сводке были представлены 13 булавок, из которых 7 изображают лошадей. Они встречаются от Инда до Балкан и производятся с конца II тыс. до н. э. Публикатором рассматривается и эволюция данной формы, выделены несколько групп. Группа 1 – это реалистичная манера, группа 2 обладает признаками частичной схематизации, группа 3 – схематичные силуэты. Датировки: 1 группа – X–IX вв. до н. э., 2 группа – конец IX – начало VIII вв. до н. э., 3 группа – VIII–V вв. до н. э. [30, с.14, рис. 1, 2–4, 6–8, 10].

В 1973 г. Е.Е. Кузьмина публикует навершие с всадниками из с. Кубачи, датированное ею рубежом II–I тыс. до н.э. [40, с. 187–188]. В качестве ближайшей аналогии автором приводится булавка с всадником из Венского музея, что на наш взгляд не правомерно, что было ранее уже показано [10, с. 28]. В результате мы пришли к выводу: характер размещения всадника на лошади, применительно к бронзовой пластике, далеко не всегда следует безоговорочно признавать за единственный эталон для датирования подобных предметов. Противоречия и неточности в рассуждениях Е. Е. Кузьминой относительно иранского происхождения обряда захоронения коня и традиций его использования в погребально-поминальных церемониалах нами также опубликованы [11, с. 96–99].

В 2006 г. выходит работа В. И. Козенковой, посвящённая бронзовым пряжкам с изображением

лошадей. Ей известны 6 подобных предметов: 4 – в России, 2 – за рубежом. По её мнению, первоначальной моделью могли быть предметы из Луристана. М. Н. Погребова датировала эти предметы VII в. до н. э., Е. И. Крупнов – XI–IX вв. до н. э. В качестве аналогий кавказоведом приводится изображение лошадей на лопасти топора из погребения № 109 Тлийского могильника (конец X–IX вв. до н. э.) и бронзовый топор колхидского типа из Кобанского ущелья (IX–VIII вв. до н. э. по Е. И. Крупнову) [34].

Значительную работу по изучению антропоморфной бронзовой пластики археологических культур Кавказа середины II тыс. до н. э. – X в. н. э. проделала О. А. Брилёва.

В статье 2007 г., посвящённой теме классификации антропоморфной металлопластики Кавказа, ею публикуется фигурка всадника, как происходящая из грунтового погребения № 17 Ширакаванского могильника [2, с. 14, с. 18, рис. 1, 7].

В публикации 2009 г. она отмечает, что бронзовые статуэтки всадников появляются на Кавказе не ранее X в. до н. э. В Закавказье они известны в X–VII вв. до н. э., в VII–VI вв. до н. э. они проникают на Северный Кавказ. Она считает, что появление этих фигурок должно быть связано с иранским влиянием [4, с. 31–32].

В том же году у неё выходит ещё одна статья, посвящённая сравнительному анализу наборов антропоморфной пластики из памятников кобанской культуры [5]. Автором отмечено, что статуэтки на булавках встречены в 2 экземплярах, на одной из них изображён всадник (булавка из Кобанского могильника). Она считает, что по посадке в седле фигурка близка всадникам на умбовидных бляхах VI–V вв. до н. э., что и определяет дату предмета. Вероятно, в данном случае, автор использует мнение П. С. Уваровой о том, что всадник опирается на заднюю луку седла, чего у данной фигурки нет, в чём справедливо усомнилась Г. Н. Вольная [15, с. 82]; а то, что было принято за заднюю луку, является изображением полурефлексивного лука в налучье. Г. Н. Вольная считает, что булавка синхронна «эргеткам» (вторая четверть V – третья четверть IV вв. до н. э.) Ранее она датировала его VI–V вв. до н. э. [16, с. 159]. По О. А. Брилёвой, статуэтки всадников бытовали в IX–V вв. до н. э., они встречаются на территории восточного варианта кобанской, а также зандакской, колхидской, сарматской культур, в Иберии и Урарту. В качестве наверший булавок – известны с XI в. до н. э., в IX в. до н. э. булавки исчезают, и появляются статуэтки всадников. В монографии 2012 г. этот предмет отнесён к IX–VIII вв. до н. э. [8, с. 178, 179]. На наш взгляд, дата булавки – не позднее конца IX – первой половины VIII в. до н. э. Далее ею представлена схема вариантов бронзовой пластики на территории кобанской культуры. Обращает на себя внимание то, что для восточного варранта наибольшее количество общих видов (8) – с Зандакской культурой, на втором месте – центральный вариант, затем – Иберия (6), колхидская культура (5), Урарту (3), самтаврская (2), ходжалы-кедабекская (1), восточно-кавказская (1), Армянское царство (1). У западного варианта 3 общих формы с Иберией, 2 – с Зандакской и центральным вариантом кобани, и 1 – с колхидской культурой. Территория центрального варианта по наличию общих форм обнаруживает наиболее интенсивные связи с Иберией и Зандакской культурой (8), с восточным вариантом (7), колхидской культурой (4) и по 2 общих вида – с западным вариантом кобани, самтаврской культурой и Урарту. Общим ядром для антропоморфной пластики на территории всех вариантов кобани является центральный вариант. Однако с ним у западного и восточного вариантов меньше общих видов пластики, чем с территорией других археологических культур; наиболее многочисленные параллели для восточного и центрального варианта кобани установлены для круга памятников зандакского типа. Исходя их сделанных О. А. Брилёвой наблюдений, можно констатировать по преимуществу закавказские корни этой традиции.

В статье 2011 г., посвящённой бронзовой антропоморфной скульптуре Кавказа эпохи поздней бронзы, ею отмечено, что к этому времени относится 38 фигур и композиций, большинство из них – из случайных находок. Они появляются на Северном Кавказе не ранее XI в. до н. э. (Сержень-Юрт) и распространяется лишь после IX в. до н. э. – т.е., в раннем железном веке. Находки с территории западного, центрального и восточного районов кобанской культуры в данной статье она не рассматривает, т.к. они относятся к эпохе раннего железного века. Но ранние находки из Сержень-Юрта относятся к X в. до н. э., а эпоха раннего железа территории кобанской культуры наступает позднее, чем в Закавказье. Здесь к IX в. до н. э. он уже существует, тогда как для Северного Кавказа фиксируется не ранее середины VIII в. до н. э., по крайней мере – для территории центральной зоны р. Терека [24]. Именно здесь и располагаются памятники восточного варианта кобанской археологической культуры. В эпоху поздней бронзы надкультурные варианты антропоморфной пластики ей известны только для территории Армении и представлены скульптурой вооружённого всадника в шлеме (XII–XI вв. до н. э.) В данной работе фигурка всадника на коне вновь даётся как происходящая из грунтового погребения № 17 могильника Ширакаван, как самое раннее из изображений всадников. Но в её монографии тот же рисунок представлен как всадник с территории Урарту – окрестности оз. Севан (Лчашен), дата – VIII в. до н. э., что является более правильным [8, с. 349, кат. 478]. По мнению О. А. Брилёвой, наибольшую популярность фигурки получили в VIII–V вв. до н. э. в самтаврской культуре ахеменитского периода, центральном и восточном вариантах кобанской, колхидской, урартской культурах, а также в более позднее время (сарматское). Бронзовая антропоморфная пластика могла возникнуть как под влиянием юго-восточных соседей, так и самостоятельно [6, с. 14, с. 18, рис. 1, 7].

В том же году О. А. Брилева публикует ещё одну статью, посвященную анализу бронзового штандарта с фигурками воина и льва из погребения № 17 могильника Ширакаван – I. Предмет является элементом дышла колесницы, захоронение считается древнейшим на этом некрополе. Автор, основываясь на редком технологическом приеме (глаза человека и льва инкрустированы голубой пастой), отметила, что он встречается на керамике и предметах из бронзы лишь в XVI–XV вв. до н. э., позже XV в. до н. э. его уже нет. Этот факт дал ей возможность датировать данное захоронение XV в. до н. э. [7, с. 62].

Ряд предметов бронзовой пластики, в т. ч. – с фигурками лошадей и всадников, приведены в монографии О. А. Брилёвой, опубликованной в 2012 г. Кроме булавки из с. Кобань, ею анализируется бронзовый топор из окрестностей с. Сулори, на его обухе – 2 всадника, они сидят на крупе лошадей, ноги согнуты под прямым углом, в левых руках у них – стрелы, в правых – луки, на правом плече – колчаны со стрелами. Дата – VIII в. до н.э. Приведено навершие с 2 всадниками из Дагестана, а также из Адайдонского могильника и с территории с. Кобань. Помимо иных фигурок лошадей и всадников, указанных выше, помещенных как на лошадей, так и на животных иной породы, в своде О. А. Брилёвой приводятся данные и о бронзовых навершиях жезлов, культовых площадках с фигурками колесниц, запряженных парой лошадей, которые относятся к XV–IX вв. до н. э. Среди них – предметы из курганов №№ 9 и 10 Лчашенского могильника, а также могильника Лори-Берд (погребение № 7). Из каменноящичного погребения в местности Лезги-дзор у с. Паравакан известна бронзовая фигурка лошади, выполненная в стилизованной манере [8, с. 116–119, 126, 128, 178–179, 195, 316, 308, 310, 339–342, 348–349, 341, кат. 431 и кат. 433, с. 339, кат. 456, с. 349, кат. 478, с. 348, кат. 473, с. 308, кат. 304, с. 310, кат. №№ 308–309, с. 310, кат. 310, с. 335, кат. 409, с. 339, кат. 456, с. 341, кат. 431 и 433, с. 348, кат. 475, с. 340, кат. 429].

В работе 2016 г. ею разбираются образы всадника и всадницы, представленных в антропоморфной пластике Кавказа. Одно из самых интересных – это изображение фигуры всадника на пряжке из погребения № 65 Трельского могильника, датируемое XIII – первой половинной XII в. до н. э. С VIII в. до н.э. на Кавказе появляется парное изображение фигур всадников – погребение №37 Адайдонского могильника, на навершии кинжала (?) из Дагестана, на обухе топора из с. Сулори. Дата этих предметов по автору – VIII в. до н. э. На протяжении VIII в. до н. э. парные фигуры всадников сменяются одиночными, появляется и изображения всадниц, они известны только из Западной Грузии со второй половины VIII в. до н. э. и до VII в. до н. э. (5 экземпляров). Всадницы сидят боком. Ей известно о находке 30 фигурок всадников. Они существовали более продолжительное время. Находка с оз. Севан – всадник с луком. Всадник с луком и стрелой верхом на животном семейства кошачьих из с. Алаверди Ахметского района Грузии, всадник на лошади из с. Самашки и другие фигурки потенциальных всадников и всадниц, которые могли сажаться верхом на животное (не обязательно на лошадь) во время особых церемоний. Ещё есть фигурки со сведенными, но не соединёнными ногами. Таким образом, вполне возможно, что количество потенциальных всадников гораздо больше, чем считалось ранее. В дальнейшем человека стали изображать не только сидящим верхом на лошади (не обязательно на лошади), но стоящим на тулове или голове. Вероятно, это было связано с трансформацией образа всадника в образ хозяина зверей. В изображениях всадника от VIII в. до н. э. к первым векам н. э. видна преемственность традиции [9]. На наш взгляд, подобный вывод может говорить о том, что всадничество для кавказцев олицетворяло в художественной пластике образ определённого божества верхом на лошади ещё до начала скифской эпохи и вне зависимости от мировоззрения иноэтничных подвижных скотоводов.

К теме, связанной с всадниками и лошадьми, неоднократно обращалась и Г. Н. Вольная. В 2011 г. она издаёт статью, посвящённую фигуркам в виде коня с всадником, присутствующим в материалах кобанской и колхидской культур. Она считает, что использование коня в качестве верхового животного на Кавказе прослеживается в их зооморфном искусстве, а наиболее архаичные изображения оседланного коня с всадником на Кавказе не выходят за нижние рамки конца II – начала I тыс. до н. э. Изображения всадников встречены на «эргетках», булавке, височных подвесках, в виде фигурок бронзовой пластики, культовых навершиях, на обухе топора, навершии кинжала, украшениях головного убора. В бронзовой пластике ею выделяются 4 композиции, изображающие всадника на коне. Ею приводятся изображения многочисленных предметов, имеющих прямое отношение к выбранной нами теме, хотя лишь 2 из них отнесены к периоду до VII в. до н. э. В их числе – кинжал из погребения №37 Адай-Донского могильника, который ею датирован почему-то серединой VI – серединой V вв. до н. э., хотя данный комплекс вполне обоснованно отнесён ко времени от конца IX до середины – второй половины VIII вв. до н. э., но не позже VIII в. до н. э. [52, с. 168]. По мнению Г. Н. Вольной, основная масса изображений относится к VI–IV вв. до н. э. Композиционно ею выделяются изображения единичного всадника на коне, 2-х всадников, расположенных параллельно, всадника в линейной композиции, объёмные изображения всадника, сидящие прямо с вытянутыми вперёд руками. По её наблюдениям, изображения колхидских мастеров – стилизованные, с Центрального и Северо-Восточного Кавказа – более реалистичные. Посадка всадников на дагестанском навершии имеет аналогии на ассирийских изображениях VIII–VII вв. до н. э., однако находка из Кубачи должна датироваться VII –

началом IV вв. до н. э. В качестве примера плоскостных изображений всадника вполоборота, одна рука перед ним, вторая – позади, ею приводится и бронзовый пояс из погребения №76 Тлийского могильника, который Г. Н. Вольной датирован VII в. до н. э. Она считает, что на бронзовом поясе из погребения №76 Тлийского могильника изображен всадник на коне. Но, по мнению М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, животное, на котором восседает вооруженный луком персонаж, лошадью считаться не может. На бронзовых поясах из Тлийского могильниках лошадей они точно определили только для одного пояса (II-24), для остальных они определяются с большим трудом и значительной долей условности, в основном – по контексту. По деталям они ничем не выделяются и изображают других животных, у которых узкая морда с закрытым ртом того же типа, что и у оленей и козлов; на одной из задних ног ясно виден рудиментарный палец, уши небольшие и торчащие, как у всех безрогих существ на этом поясе, на задних лапах – копыта, передние переданы округлыми расширениями [46, с. 35–36]. В могильнике Сагаледжи была найдена статуэтка всадника, который сидит на копытном животном, не имеющим сходства с лошадью. У него длинные ноги, длинные уши, короткий хвост и общие пропорции туловища, которые находят аналогии среди животных семейства оленевых. Более всего оно похоже на лань, что было отмечено О. А. Брилёвой [8, с. 140]. По мнению С. Л. Дударева, на бронзовом поясе из Тли изображена священная охота на оленя и туров [22, с. 95]. В. А. Семёнов считает, что бог охоты и покровитель охотников и диких животных Астафи был изображен на поясе из погребения №419 Тлийского могильника, а фигурки животных – это символическая охотничья дань, которую через посредничество случайных людей те должны были «пересылать» покровителю животных [47, с. 323]. Тогда на поясе из погребения №76 Тли могла быть изображена сцена этой охоты, когда охотники поражают из луков ту добычу, которая посвящена этому божеству что, на наш взгляд, является вполне допустимым предположением. На данном поясе всадник показан сидящим боком, обе ноги – в одной плоскости. По наблюдениям М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, изображения этого типа встречаются исключительно на поясах серии VI [46, №50, 51, 54, 58, 66]. Это верно применительно к бронзовым поясам, хотя подобным же образом ноги всадника показаны на пряжке из погребения №65 Трельского могильника, относящегося к XIII – первой половине XII в. до н. э. Из объёмных же фигурок так расположены только всадницы-женщины, представленные в работе О. А. Брилёвой 2016 г. В качестве одного из выводов, ею для эпохи раннего железного века Центрального Кавказа выделяются локальные центры, где сосредоточены изображения всадников – это высокогорные районы Дигорского ущелья и район ст. Казбек. Не все приведённые Г. Н. Вольной предметы имеют отношение к заявленной теме. Так, на обухе топора из Гудаута обе лошади – без всадников, как и на височной подвеске из золота из Ахалгори. Привески из бронзы в виде лошадей также не имеют седоков, хотя подписи к рис. 1 и 2 они обозначены как «композиции с всадниками на конях» [15, с. 88, рис. 1, 5, рис.1, 6, с. 89, рис. 2–3, 4, 6–8].

В том же 2011 г. выходит ещё одна работа Г. Н. Вольной, посвящённая подвескам в виде сдвоенных протом лошадей. По её мнению, они распространяются по всей территории Центрального Кавказа в середине I тыс. до н. э. Автором приводится обзор литературы на эту тему. В статье приведена сводка подобных находок, наиболее ранние датированы XII–X вв. до н. э. В X–VIII вв. до н. э. изображения протом коней без ног встречаются на навершиях бронзовых булавок, однако эти композиции в дальнейшем развития не получили. Большинство исследователей связывают привески в виде сдвоенных протом коня из Центрального Кавказа с Ираном (М. Н. Погребова). По мнению Г. Н. Вольной, на их появление, скорее всего, повлияли многочисленные луристанские бронзовые привески на спине двуглавого животного X–VIII вв. до н. э. Однако, автор не уточнил, на что именно они повлияли – на их появление на территории Центрального Кавказа, или вообще на появление этого образа? Из Луристана происходит большое количество фигурок с изображением сдвоенных протом лошадей на навершиях жезлов, псалиях, в виде привесок с петлёй, фигурок без петли, всадником или всадниками на спине. Наиболее ранние сдвоенные изображения лошадей представлены на бронзовом луристанском навершии жезла конца II – начала I тыс. до н. э. Автор считает, что «проецирование идей и их воплощение в прикладном искусстве возможно только в том случае, если существует общее культурное пространство и сохранение традиций. Поэтому можно говорить об общем культурном пространстве Северного Ирана и Кавказа, о перемещении культурных традиций из Ирана в Закавказье и на территорию Центрального Кавказа». Традиция изображать двухголовых животных началась на Кавказе с IX в. до н. э. [17].

В работе 2012 г. Г. Н. Вольной и А. Б. Депуевой [18] публикуется бронзовая фигурка всадника. Мы детально проанализировали этот предмет в специальной статье [10], указав на то, что предложенный публикаторами для фигурки всадника из Кабардино-Балкарского музея круг аналогий явно неудачен и должен быть скорректирован. Мы фиксируем несоответствие между сделанными выводами о его этнокультурной принадлежности с теми материалами, которые используются для этой цели. Предлагаемая дата изготовления предмета (середина I тыс. до н. э.), исходя их предложенных авторами аналогий, в целом некорректна. В то же время, на данной стадии изучения мы не можем однозначно утверждать её появление в первые века I тыс. до н. э., т.к. нельзя исключать и более позднее время – в рамках раннего средневековья. По крайней мере, длинный

опущенный вниз и несколько изогнутый хвост, а также явная поза галопа лошади напоминают некоторые образцы подобных изделий, отнесённых З. Х. Албеговой (Царикаевой) и В. Б. Ковалевской к выделяемому ими варианту III [1, с. 288, рис. 2–6, 10, 12].

Среди прочих изображений лошадей присутствуют их статуэтки, выполненные из глины. Так, с территории Сержень-Юртовского поселения происходит значительное число глиняных статуэток животных, из которых фигурки лошадей занимали по численности второе место. В культовом помещении № 1 были найдены только они [33, с. 41, с. 150, рис. 45, 5, 7, с. 152, рис. 48, 12; с. 186, рис. 83, 17, 18]. Всего здесь было найдено 86 таких фигурок, причем большинство – в слое X–VII вв. до н. э. Ещё 2 фигурки происходят из Алхастинского поселения [29, с. 70, табл. XLIII, 18–23]. В. И. Козенковой, исходя из анализа данных форм, был сделан вывод о наличие в стаде двух видов этих животных: массивных тяжеловозов и стройных верховых [28, с. 15].

Кроме того, известно и значительное число разнообразных подвесок, привесок, пряжек, наверший жезлов и булавок в виде фигурок с изображениями лошадей [42, табл. XVIII, табл. XXIV, табл. XXXV, 17, табл. XXXVIII, 5, табл. LXVIII, 4, табл. LXXXIV, 4, табл. LXXXVIII, 3–4, табл. CV, 18. Табл. CLVIII, 17, табл. CXX, 11, с. 149, рис. 130, с. 312; 21, рис. 4, рис. 14, с. 37, IX с. 48, XV, с. 52, XVI, илл. 53, илл. 54, илл. 66, илл. 76, илл. 102–103, илл. 162, илл. 163, илл. 191; 50, с. 135, рис. 100, с. 172, рис. 115, 7–13, с. 173. с. 174, рис. 116, 2–3, с. 197].

На территории западного варианта кобанской культуры изображения лошадей в глине нет, из бронзы – 19 привесок: Былым, Хасаут, Гунделен, Уллубаганалы [11, с. 94–95]. Фигурок лошадей здесь нет и в более позднее время, что резко диссонирует с другими материалами (предметы вооружения, конский убор, детали колесниц), которые связывают с кочевническими традициями подвижного населения, обозначаемого как «киммерийско-скифское» [31]. Подобный диссонанс требует объяснения, тем более что в материалах, происходящих с территории Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Кавказских Минеральных вод значительно больше предметов, свидетельствующих о значительной роли всадничества в жизни населения в IX–V вв. до н. э. [23, с. 23]. Это требует отдельного исследования. Пока же заметим, что, на наш взгляд, значительное количество разнообразных образов и фигурок лошадей в кобанском искусстве именно центрального и восточного вариантов, вероятнее всего, связано с влиянием культур Закавказья, которое хорошо фиксируется различными материалами как раз в изучаемое нами время.

Так, С. Л. Дударевым была отмечена тенденция появления скульптурных изображений коней и их голов на кавказских бронзах в материалах конца II – начала I тыс. до н.э. [23, с. 10, 27, 36], что демонстрирует основное направление контактов в области культурного и хозяйственного развития населения южных и северных склонов Большого Кавказа и оказывало доминирующее влияние на процессы формотворчества.

Исследованиями Т. Н. Нераденко для последней трети II тыс. до н. э. было зафиксировано заметное усиление контактов северокавказских и шидакартлийских племён, в ходе которых складывались сходные формы быта, идеологических представлений и религиозных воззрений. Шедшее впереди Закавказье влияло на развитие северокавказских племён [44, с. 4, 14–16]. В. И. Козенковой отмечается наличие в Иоро-Алазанском бассейне мигрантов с территории, занимаемой памятниками восточного варианта кобанской культуры, начиная с XI–X вв. до н. э. [32, с. 134, 136, 139, 143].

Г. Н. Вольная пришла к выводу о том, что т. н. «ближневосточный компонент» в зооморфном искусстве звериного стиля, отмеченный ею для изделий северокавказских мастеров, в их искусстве возник ещё до начала походов в Переднюю Азию киммерийцев и скифов. По её мнению, это могло быть одним из последствий военных походов, совершённых кавказцами в конце II – начале I тыс. до н. э. [14, с. 14].

По мнению О.М. Давудова, традиция совершения грунтовых захоронений, в некоторых случаях сопровождаемыми конскими костяками либо отдельными их костями и предметами конской упряжи, возникшая в Южном Дагестане на рубеже II/I тыс. до н. э., не связана с т. н. «северным влиянием». Погребальный обряд южно-дагестанских племен данного времени находит аналогии в некоторых синхронных закавказских памятниках, особенно – Самтаврского могильника. Он считает возможным высказать предположение о том, что их появление могло быть вызвано миграцией какой-то группы племён из Закавказья, где в то время происходили бурные и сложные политические события [19].

Б. В. Теховым отмечено, что самая большая группа скульптурных изображений в Тлийском могильнике – это фигурки лошадей. Кобанские статуэтки полностью идентичны тлийским. Литые бронзовые фигурки лошадей обнаружены в погребениях второй половины XII–X вв. до н. э. Именно к этому времени относится возникновение отгонной формы скотоводства [50, с. 135–136, 173, 196, 197, 387].

Обобщая данные о публикациях, содержащих сведения об изображениях лошадей, колесничных упряжек и всадников, можно отметить следующее. В настоящее время, несмотря на привлечение значительного корпуса источников по антропоморфной и зооморфной пластике для написания монографий [21; 36], статей [26; 27; 37], докладов на конференциях [4; 9; 13; 15; 16; 35] и диссертационных исследований [3; 38; 43; 48] использование изображений лошадей, колесничных упряжек и всадников происходит, в основном, лишь в контексте с другими персонажами. Публикация отдельных находок (навершия из Дагеста-

на, Адайдона, Кобани) приводит к более детальному использованию их изображений. Некоторым исключением являются работы Г. Н. Вольной и О. А. Брилёвой, однако и в них интересующие нас предметы привлекаются лишь выборочно, что обосновано тематикой публикаций. Монографическое исследование последнего автора, с детальным описанием приводимых источников, может служить хорошим подспорьем для изучения темы. В нем, помимо ряда частных замечаний и интересных наблюдений, фигуркам лошадей и сидящим на них персонажам, уделено очень немного внимания. На эту тему не обратили внимание и многочисленные рецензенты данного труда [20; 41; 45; 49], основное внимание уделив лишь общей оценке его значимости или ряду частных вопросов, связанных с некоторыми неточностями в изложении материала или вопросами датировок. Объективно это было связано с отсутствием в книге подобного раздела, в то время как анализу элементов одежды, украшений и причесок в ней посвящена целая глава. В то же время, обращение к анализу внешнего вида лошадей и всадников, особенностям их экипировки, предметам вооружения, может дать дополнительные и важные сведения для изучения исторического и культурного контекста финальной стадии эпохи поздней бронзы Кавказа. Это уже нашло свое отражение в работах различных исследователей: для изучаемого нами времени: В. Б. Ковалевской, В. И. Козенковой, Е. Е. Кузьминой, для «скифского» времени – Б. А. Раева, А. Д. Канторовича. Много полезной информации о видах вооружения и способах ведения войны может дать анализ фигурок воинов, которые помещались на топоры, рукояти кинжалов, модели колесниц, служили навершиями булавок и штандартов. Насколько это информативно, было продемонстрировано О. А. Брилёвой, обратившейся к деталям фигуры на парадно-культовом жезле из погребения № 17 могильника Ширакаван – I [7].

Всё сказанное выше убеждает нас в том, что изучение изображений колесничих, всадников и лошадей, во множестве представленной в образцах культовой пластики Кавказа конца II – начала I тыс. до н. э., является информационно значимым историческим источником, актуальным для изучения представленной нами проблематики.

Источники и литература

1. Албегова (Царикаева) З. Х., Ковалевская В. Б. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа. М.: Грозный. ИА РАН, ИГИ АН ЧР, 2011. С. 277–295.

2. Брилёва О. А. Классификация антропоморфной металлопластики Кавказа // Российская археология. 2007. №4. С. 155–169.

3. Брилёва О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа: автореф. дис. … канд.ист.наук. М.: ИА РАН,2008. 20 с.

4. Брилёва О. А. Свидетельства всаднического культа на Кавказе // Древность: историческое знание и специфика источника: материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Э. А. Грановского и Д. С. Раевского. Вып. IV. 14–16 декабря 2009 г. М.: ИВ РАН, 2009. С. 131–132.

5. Брилёва О. А. Сравнительный анализ набора антропоморфной пластики центрального, западного и восточного вариантов кобанской культуры // Краткие сообщения института археологии (выпуск 223). М.: Наука, 2009. С. 172–182.

6. Брилёва О. А. Бронзовая антропоморфная скульптура Кавказа в эпоху поздней бронзы // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей (выпуск 3). Ставрополь: Графа, 2011. С. 9–21.

7. Брилёва О. А. Иллюстрация одного мифа на примере изображений воина и льва на штандартах XVI–XIV вв. до н. э. // Древность: Историческое знание и специфика источника: материалы научной конференции, посвящённой памяти Э. А. Грановского и Д. С. Раевского 12–14 декабря 2011 г. (выпуск 5). М.: ИВ РАН, 2011. С. 60–63.

8. Брилёва О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.). М.: Таус. 2012. 424 с.

9. Брилёва О. А. Образ всадника и всадницы в антропоморфной пластике Кавказа // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвящённой памяти М. Н. Погребовой 25–27 апреля 2016 г. М.: ИВ РАН, 2016. С. 25–27.

10. Бурков С. Б. Фигурка всадника из Национального музея Кабардино-Балкарии. Источник и интерпретации // Eurasian scicence journal (Евразийский научный журнал). №3 (48). Часть 3.2018. С. 27–30.

11. Бурков С. Б. Культ лошади как комплекс религиозно-магических практик у кавказского населения Центрального Предкавказья в конце II – середине I тыс. до н. э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: научный альманах в честь археолога, историка, культуролога Ю. А. Прокопенко в связи с его пятидесятилетием (выпуск 11). Армавир, Ставрополь: Печатный двор, 2019. С. 90–107.

12. Бурков С. Б. Булавка с всадником из с. Кобань // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2019. № 1. С. 7–10.

13. Васильева Е. Е. Бронзовые предметы, украшенные скульптурными изображениями животных, из памятников Дигории // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Международной научной конференции. Грозный,18-21 апреля 2016. Грозный: ЧГУ, 2016. С. 69–72.

14. Вольная Г. Н. К вопросу о чертах переднеазиатского искусства в кобанском варианте скифо – сибирского звериного стиля // Вопросы северокавказской истории (впуск 2). Армавир. АГПИ,1997. С. 8–18.

15. Вольная Г. Н. Изображения фигурок коня с всадником в искусстве кобанской и колхидской культур // Проблемы археологии Кавказа: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. И. Воронова (10–11 мая 2011 г.). Сухум: АбИГИ, 2011. С. 79–92.

16. Вольная Г. Н. Образ всадника в прикладном искусстве раннего железного века и в фольклоре народов Кавказа // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур

народов Северного Кавказа: материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 90-летию со дня рождения И. Х-М. Урусбиева, 4–5 июня 2010 г. (том 1). Карачаевск: КЧГУ, 2011. С. 158–164.

17. Вольная Г. Н. Подвески в виде сдвоенных протом лошадей из памятников Центрального Кавказа в раннем железном веке // Древность: историческое знание и специфика источника: материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Э. А. Грановского и Д. С. Раевского, 12–14 декабря 2011 г. (Выпуск 5). М.: ИВ РАН, 2011. С. 66–70.

18. Вольная Г. Н., Депуева А. Б. Фигурка конного воина из экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Международной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 167–169.

19. Давудов О. М. О происхождении обряда грунтовых захоронений конца II – начала I тыс. до н.э. в Южном Дагестане // VIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик,1978. В кн.: Материалы по изучению историко-культурного наследия. Крупновские чтения 1971–2006 гг. М. Ставрополь: Памятники исторической мысли. Наследие, 2008. С. 196–197.

20. Давудов О. М. Изучение антропоморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2015. №4. С. 39–53.

21. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство,1984. 240 с.

22. Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: ЧИГУ,1991. 155 с.

23. Дударев С. Л. К проблеме взаимодействия племён Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир: АГПУ,1995. 49 с.

24. Дударев С. Л. Проблема освоения железа населением Северного Кавказа (советская и российская историография второй половины XX века) // Сборник научных работ С. Л. Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. С. 61–72.

25. Ковалевская В. Б. Конь и всадник. Пути и судьбы (По следам исчезнувших культур Востока). М.: Наука,1977. 150 с.

26. Ковалевская В. Б. Изображения всадников на ассирийских рельефах IX-VII вв. до н.э. по данным статистического анализа // Археология Южной Сибири: сборник научных трудов, посвящённый 80-летию со дня рождения Я.А.Шера (Выпуск 25). Кемерово: РИО КемГУ, 2011. С. 22–27.

27. Ковалевская В. Б. Ассирийские колесницы IX–VII вв. до н. э.: развитие во времени на основании анализа статистических данных // Текст, контекст, подтекст: сборник в честь М. Н. Погребовой. М.: ИВ РАН, 2013. С. 73–81.

28. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ (Выпуск В2-5). М.: Наука,1977. 88 с.

29. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ (выпуск В2-5). М.: Наука,1982. 175 с.

30. Козенкова В. И. Об одном типе кавказских булавок // Краткие сообщения института археологии (выпуск 132). М.: Наука,1972. С. 12–15.

31. Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант (выпуск В2 – 5). М.: Наука, 1995. 166 с.

32. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Наука,1996. 163 с.

33. Козенкова В. И. Посёлок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. 198 с.

34. Козенкова В. И. Пряжки-кони кобанской культуры: к кавказско-луристанским контактам XI–X вв. до н. э. // Российская археология. 2006. № 4. С.18–23.

35. Козенкова В. И. Материальные свидетельства животного мира «кобанцев» как проявление культурной универсалии общеиндоевропейских мифологических традиций // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»: материалы Международной научной конференции (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный: ЧГУ, 2016. С. 94–96.

36. Козенкова В. И. Специфика древнего мира кобанских племен. М.: ИА РАН, 2017. 114 с.

37. Король Г. Г. Северокавказский всадник на парных конях: истоки иконографии и семантика // Краткие сообщения института археологии (выпуск 221). М.: Наука, 2007. С.194–203.

38. Кривицкий В. В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ереван: АН ЕАССР, 1989. 18 с.

39. Кривицкий В. В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по материалам прикладного искусства. СПб: Полторак, 2012. 88 с.

40. Кузьмина Е. Е. Навершие со всадниками из Дагестана // Советская археология.1973. №2. С.178–190.

41. Магомедов Р. Г. Новое слово в изучении культовой пластики Кавказа // Мавраевъ. Культурно-исторический журнал. 2013 №1. С. 49–52.

42. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Выпуск VIII. Могильники Северного Кавказа. М.: Издательство типографии Мамонтов и К.,1900. 381 с.

43. Мусаев Г. А. Семантика культовых изображений в древней и средневековой культуре горного Дагестана: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Махачкала: ДНЦ РАН,2004. 29 с.

44. Нераденко Т. Н. Связи племён Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизаций Древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н. э.: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Киев: АН УССР, 1988. 17 с.

45. Панцхава Л. Н. Рец. на книгу: Брилёва О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н. э.). М.: Таус, 2012. // Вестник РГНФ. 2014. №1.С. 250–252.

46. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.: Восточная литература, 1997. 152 с.

47. Семёнов В. А. Мифологические персонажи на бронзовых поясах кобано-тлийской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов Международной научной конференции 26–30 апреля 2010 г. Магас: ООО Пилигрим, 2010. С. 321–323.

48. Скаков А. Ю. Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник: автореф. дис… .канд. ист.наук. М.: ИА РАН, 1997. 20 с.

49. Скаков А. Ю. Рец. на книгу: Брилёва О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.). М.: Таус, 2012. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей (выпуск 6). Ставрополь: Графа, 2014. С. 45–48.

50. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука,1977. 240 с.

51. Черкасов В. А. Место лошади в погребальной обрядности могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23–24 октября 2009 г.). Ставрополь: СГУ, 2000. С. 146–153.

52. Чшиев В (Х). Т. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифско-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа: сборник статей к юбилею В. И. Козенковой. М.: Грозный, ИА РАН, АНЧР, ИГИ,2011. С. 165–169.

53. Чшиев В. (Х). Т. Всадничество у племен кобанской археологической культуры Кавказа // Вестник СОГУ. 2012. №4. С.96–100.

54. Burkov S. B. Images of horses, chariots and riders on the Transcaucasian bronze belts the end of II – beginning I thousand BC Sources and interpretation // East European Science Journal (Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe). №6 (17). P. 18–23.

References

1. Albegova (Carikaeva) Z. H., Kovalevskaya V. B. Amulety v vide konej i vsadnikov v pamyatnikah Severnogo Kavkaza i Srednego Dona *(The Amulets in the Form of Horses and Riders in the Monuments of the North Caucasus and the Middle Don river)* // Voprosy drevnej i srednevekovoj arheologii Severnogo Kavkaza. Moscow: Grozniy: AI RAS publ., 2011. P. 277–295. (In Russian).

2. Brilyova O. A. Klassifikaciya antropomorfnoj metalloplastiki Kavkaza *(Classification of Anthropomorphic Metal Plastics of the Caucasus)* // Rossijskaya arheologiya. 2007. No.4. P. 155–169. (In Russian).

3. Brilyova O. A. Drevnyaya bronzovaya antropomorfnaya plastika Kavkaza: abstract of thesis *(Ancient Bronze Anthropomorphic Plastic of the Caucasus: Summary of the Dissertation of the Candidate of the Historical Sciences)*. Moscow: AI RAS publ., 2008. 20 p. (In Russian).

4. Brilyova O. A. Svidetel'stva vsadnicheskogo kul'ta na Kavkaze *(Evidences of the Horsemen Cult in the Caucasus)* // Drevnost': istoricheskoe znanie i specifika istochnika: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati E. A. Granovskogo i D. S. Raevskogo. Issue. IV. Moscow: OI RAS publ., 2009. P. 131–132. (In Russian).

5. Brilyova O. A. Sravnitel'nyj analiz nabora antropomorfnoj plastiki central'nogo, zapadnogo i vostochnogo variantov kobanskoj kul'tury *(Comparative Analysis of a Set of Anthropomorphic Plastics of Central, Western and Eastern variants of Koban culture)* // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii (vypusk 223). Moscow: Nauka, 2009. P. 172–182. (In Russian).

6. Brilyova O. A. Bronzovaya antropomorfnaya skul'ptura Kavkaza v epohu pozdnej bronzy *(Bronze Anthropomorphic Sculpture of the Caucasus in the Late Bronze Age)* // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnyh statej (Issue 3). Stavropol': Grafa, 2011. P. 9–21. (In Russian).

7. Brilyova O. A. Illyustraciya odnogo mifa na primere izobrazhenij voina i l'va na shtandartah XVI–XIV vv. do n.e. *(Illustration of a Myth by the Example of Images of a Warrior and a Lion on the Pillars of XVI–XIV Centuries BC)* // Drevnost': Istoricheskoe znanie i specifika istochnika: materialy nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati E. A. Granovskogo i D. S. Raevskogo 12–14 dekabrya 2011 g. (Issue 5). Moscow: OI RAS publ., 2011. P. 60–63. (In Russian).

8. Brilyova O. A. Drevnyaya bronzovaya antropomorfnaya plastika Kavkaza (XV v. do n.e. – X v. n.e.) *(Ancient Bronze Anthropomorphic Plastic of the Caucasus (XV Century BC – X Century AD)*. Moscow: Taus, 2012. 424 p. (In Russian).

9. Brilyova O. A. Obraz vsadnika i vsadnicy v antropomorfnoj plastike Kavkaza *(The Image of a Male Rider and a Female Rider in the Anthropomorphic Plastic of the Caucasus)* // Kavkaz i step' na rubezhe epohi pozdnej bronzy i rannego zheleza: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati M. N. Pogrebovoj 25–27 aprelya 2016 g. Moscow: OI RAS publ., 2016. P. 25–27. (In Russian).

10. Burkov S. B. Figurka vsadnika iz Nacional'nogo muzeya Kabardino-Balkarii. Istochnik i interpretacii *(Figure of a Rider from the National Museum of Kabardino-Balkaria. The Source and the Interpretations)* // Eurasian scicence journal (Evrazijskij nauchnyj zhurnal). 2018. No.3 (48). Part 3. P. 27–30. (In Russian).

11. Burkov S. B. Kul't loshadi kak kompleks religiozno-magicheskih praktik u kavkazskogo naseleniya Central'nogo Predkavkaz'ya v konce II- seredine I tys. do n.e. *(The Cult of the Horse as a Complex Religious-Magical Practices at the Caucasian Population of the Central Caucasus in the late II – mid I Millennium BC)* // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: Severnyj Kavkaz i kochevoj mir stepej Evrazii: nauchnyj al'manah v chest' arheologa, istorika, kul'turologa Yu. A. Prokopenko v svyazi s ego pyatidesyatiletiem (Issue 11). Armavir. Stavropol': Pechatnyj dvor publ., 2019. P. 90–107. (In Russian).

12. Burkov S. B. Bulavka s vsadnikom iz s. Koban' *(A pin with a rider from Koban settlement)* // Vestnik SOGU. 2019. No.1. P.7–10. (In Russian).

13. Vasil'eva E. E. Bronzovye predmety, ukrashennye skul'pturnymi izobrazheniyami zhivotnyh, iz pamyatnikov Digorii *(Bronze objects decorated with sculptural images of animals from Digoria archeological sites)* // Izuchenie i sohranenie arheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Groznyj, 18–21 aprelya 2016. Groznyj. CHSU publ, 2016. P. 69–72. (In Russian).

14. Vol'naya G. N. K voprosu o chertah peredneaziatskogo iskusstva v kobanskom variante skifo – sibirskogo zverinogo stilya *(On the features of the front-Asian art in the Koban version of the Scythian – Siberian animal style)* // Voprosy severokavkazskoj istorii. Armavir: ASPI publ,1997. P. 8–18. (In Russian).

15. Vol'naya G. N. Izobrazheniya figurok konya s vsadnikom v iskusstve kobanskoj i kolhidskoj kul'tur *(Images of horse figures with a rider in the art of Koban and Colchida cultures)* (Problemy arheologii Kavkaza: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu Yu. I. Voronova (10–11 maya 2011 g.). Suhum: AbIHS publ., 2011. P. 79–92. (In Russian).

16. Vol'naya G. N. Obraz vsadnika v prikladnom iskusstve rannego zheleznogo veka i v fol'klore narodov Kavkaza *(The image of the rider in the applied arts of the early iron age and in the folklore of the peoples of the Caucasus)* // YAzykovaya situaciya v mnogoyazychnoj polikul'turnoj srede i problemy sohraneniya i razvitiya yazykov i literatur narodov Severnogo Kavkaza: materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchyonnoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya I. H-M. Urusbieva, 4–5 iyunya 2010 g. (Vol 1). Karachaevsk. KCHSU publ., 2011. P. 158–164. (In Russian).

17. Vol'naya G. N. Podveski v vide sdvoennyh protom loshadej iz pamyatnikov Central'nogo Kavkaza v rannem zheleznom veke *(Pendants in the form of double images of horses from the archeological sites of the Central Caucasus in the early iron age)* // Drevnost': istoricheskoe znanie i specifika istochnika: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati E. A. Granovskogo i D. S. Raevskogo, 12–14 dekabrya 2011 g. Moscow: OI RAS publ, 2011. P. 66–70. (In Russian).

18. Vol'naya G. N., Depueva A. B. Figurka konnogo voina iz ekspozicii Nacional'nogo muzeya Kabardino-Balkarii *(The figure of a horse warrior from the exposition of the National Museum of Kabardino-Balkaria)* // Novejshie otkrytiya v arheologii Severnogo Kavkaza. Issledovaniya i interpretacii. XXVII Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Mahachkala, 23–28 aprelya 2012 g. Mahachkala: Mavraev, 2012. P. 167–169. (In Russian).

19. Davudov O. M. O proiskhozhdenii obryada gruntovyh zahoronenij konca II – nachala I tys. do n.e. v Yuzhnom Dagestane *(On the origin of the rite of soil burials of the late II – early I Millennium BC in southern Dagestan)* // VIII «Krupnovskie chteniya» po arheologii Severnogo Kavkaza. Nal'chik,1978. Book 5: Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya. Krupnovskie chteniya 1971–2006 gg. Moscow, Stavropol': Pamyatniki istoricheskoj mysli. Nasledie, 2008. P. 196–197. (In Russian).

20. Davudov O. M. Izuchenie antropomorfnyh statuetok Severo-Vostochnogo Kavkaza *(The study of anthropomorphic figurines of the North-East Caucasus)* // Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii DNC RAN. 2015. No. 4. P. 39–53. (In Russian).

21. Domanskij Ya. V. Drevnyaya hudozhestvennaya bronza Kavkaza v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha *(The ancient bronze art of Caucasus in the Hermitage collection)*. Moscow: Iskusstvo publ, 1984. 240 p. (In Russian).

22. Dudarev S. L. Iz istorii svyazej naseleniya Kavkaza s kimmerijsko – skifskim mirom *(From the history of relations of the population of the Caucasus with the Cimmerian – Scythian world)*. Groznyj.: ChSU publ.,1991. 155 p. (In Russian).

23. Dudarev S. L. K probleme vzaimodejstviya plemyon Severnogo Kavkaza s rannimi kochevnikami v predskifskuyu epohu *(On the interaction of tribes of the North Caucasus with early nomads in the pre-Scythian era)*. Armavir.: ASPU publ.,1995. 49 p. (In Russian).

24. Dudarev S. L. Problema osvoeniya zheleza naseleniem Severnogo Kavkaza (sovetskaya i rossijskaya istoriografiya vtoroj poloviny XX veka) *(The problem of usage of iron by the population of the North Caucasus (Soviet and Russian historiography of the second half of the XX century))* // Sbornik nauchnyh rabot S. L. Dudareva: stat'i, materialy, recenzii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya. Moscow: Ileksa publ.,2011. P. 61–72. (In Russian).

25. Kovalevskaya V. B. Kon' i vsadnik. Puti i sud'by (Po sledam ischeznuvshih kul'tur Vostoka). *(A horse and a rider. The paths and the destinies (on the roads of the disappeared cultures of the East)*. Moscow: Nauka publ., 1977. 150 p. (In Russian).

26. Kovalevskaya V. B. Izobrazheniya vsadnikov na assirijskih rel'efah IX–VII vv. do n.e. po dannym statisticheskogo *(Images of the riders on the Assyrian reliefs of the IX–VII centuries BC according to the statistical analysis)* // Arheologiya Yuzhnoj Sibiri: sbornik nauchnyh trudov, posvyashchyonnyj 80-letiyu so dnya rozhdeniya Ya. A. Shera. Kemerovo: RIO KemSU publ., 2011. P. 22–27. (In Russian).

27. Kovalevskaya V. B. Assirijskie kolesnicy IX–VII vv. do n.e.: razvitie vo vremeni na osnovanii analiza statisticheskih dannyh *(Assyrian chariots IX–VII centuries BC: development in time based on the analysis of statistical data)* // Tekst, kontekst, podtekst: sbornik v chest' M. N. Pogrebovoj. Moscow: OI RAS publ., 2013. P. 73–81. (In Russian).

28. Kozenkova V. I. Kobanskaya kul'tura. Vostochnyj variant. *(Koban culture. Eastern option)*. Moscow: Nauka, 1977. 88 p. (In Russian).

29. Kozenkova V. I. Tipologiya i hronologicheskaya klassifikaciya predmetov kobanskoj kul'tury. Vostochnyj variant. *(Typology and chronological classification of objects of Koban culture)*. Moscow: Nauka, 1982. 175 p. (In Russian).

30. Kozenkova V. I. Ob odnom tipe kavkazskih bulavok *(On one type of Caucasian pins)* // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii. Moscow: Nauka, 1972. P. 12–15. (In Russian).

31. Kozenkova V. I. Oruzhie, voinskoe i konskoe snaryazhenie plemyon kobanskoj kul'tury (sistematizaciya i hronologiya). *(Weapons, military and horse equipment of Koban culture tribes (systematization and chronology)*. Zapadnyj variant. Moscow: Nauka, 1995. 166 p. (In Russian).

32. Kozenkova V. I. Kul'turno-istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v epohu pozdnej bronzy i v rannem zheleznom veke. *(Cultural and historical processes in the North Caucasus in the late bronze age and in the early iron age)*. (Uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya (kobanskoj kul'tury). Moscow: Nauka, 1996. 163 p. (In Russian).

33. Kozenkova V. I. Posyolok-ubezhishche kobanskoj kul'tury u aula Serzhen'-YUrt v CHechne kak istoricheskij istochnik (Severnyj Kavkaz) *(The refuge village of Koban culture near the village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus)*. Moscow: Nauka, 2001. 198 p. (In Russian).

34. Kozenkova V. I. Pryazhki-koni kobanskoj kul'tury: k kavkazsko-luristanskim kontaktam XI–X vv. do n.e. *(Buckle-horses of the Koban culture: the Caucasian-Luristan contacts of XI–X centuries BC)* // Rossijskaya arheologiya. 2006. No.4. P. 18–23. (In Russian).

35. Kozenkova V. I. Material'nye svidetel'stva zhivotnogo mira «kobancev» kak proyavlenie kul'turnoj universalii obshcheindoevropejskih mifologicheskih tradicij *(Material evidences of the animal world of the "kobans" as a manifestation of the cultural universal of the all-Indo-European mythological traditions)* // Izuchenie i sohranenie arheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX «Krupnovskie chteniya»: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Groznyj, 18–21 aprelya 2016 g.). Grozny: CHSU publ., 2016. P. 94–96. (In Russian).

36. Kozenkova V. I. Specifika drevnego mira kobanskih plemen. *(Specifics of the ancient world of Koban tribes)*. Moscow: AI RAS publ., 2017. 114 p. (In Russian).

37. Korol' G. G. Severokavkazskij vsadnik na parnyh konyah: istoki ikonografii i semantika *(The North Caucasian horseman on the paired horses: the origins of iconography and semantics)* // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii. Moscow: Nauka publ., 2007. P. 194–203. (In Russian).

38. Krivickij V. V. Religioznye predstavleniya naseleniya Severnogo Kavkaza v epohu pozdnej bronzy i rannego zheleza po pamyatnikam prikladnogo iskusstva. *(Religious representations of the population of the North Caucasus in the era of late bronze and early iron on the monuments of applied art):* abstract of thesis. Erevan: AN EASSR, 1989. 18 p. (In Russian).

39. Krivickij V. V. Religioznye predstavleniya naseleniya Severnogo Kavkaza v epohu pozdnej bronzy i rannego zheleza po materialam prikladnogo iskusstva *(Religious representations of the population of the North Caucasus in the era of late bronze and early iron on the materials of the applied art)*. St.Petersburg: Poltorak publ., 2012. 88 p. (In Russian).

40. Kuz'mina E. E. Navershie so vsadnikami iz Dagestana *(The top with the horsemen from Dagestan)* // Sovetskaya arheologiya.1973. No. 2. P. 178–190. (In Russian).

41. Magomedov R. G. Novoe slovo v izuchenii kul'tovoj plastiki Kavkaza *(The New word in the study of the cult plastics of the Caucasus)* // «Mavraev». Kul'turno-istoricheskij zhurnal. 2013 No. 1. P. 49–52. (In Russian).

42. Materialy po arheologii Kavkaza, sobrannye ekspediciyami Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva *(Materials on the archeology of the Caucasus, collected by expeditions of the Moscow Archaeological Society)*. Issue VIII. Mogil'niki Severnogo Kavkaza. Izdatel'stvo tipografii Mamontov i K. Moscow: Mamontov's printing office 1900. 381 p. (In Russian).

43. Musaev G. A. Semantika kul'tovyh izobrazhenij v drevnej i srednevekovoj kul'ture gornogo Dagestana. *(The Semantics of the cult image in ancient and medieval culture of mountainous Dagestan):* abstract of thesis. Mahachkala: DSC RAS publ.,2004. 29 p. (In Russian).

44. Neradenko T. N. Svyazi plemyon Severnogo Kavkaza s naseleniem Central'nogo Zakavkaz'ya i civilizacij Drevnego Vostoka v konce II – nachale I tysyacheletiya do n.e. *(Connections of the tribes of the North Caucasus with the population of the Central Caucasus and the civilizations of the Ancient East at the end of II – early I Millennium BC)*: abstract of thesis. Kiev: SA USSR publ., 1988. 17 p. (In Russian).

45. Panckhava L. N. Rec. na knigu: Brilyova O. A. Drevnyaya bronzovaya antropomorfnaya plastika Kavkaza (XV v. do n.e. – X v. n.e.). *(Reference to the book: O. A. Brileva. Ancient bronze anthropomorphic plastic of the Caucasus (XV century BC – X century AD)* // Vestnik RGNF. 2014. No.1. P. 250–252. (In Russian).

46. Pogrebova M. N., Raevskij D. S. Zakavkazskie bronzovye poyasa s gravirovannymi izobrazheniyami. *(Transcaucasian bronze belts with engraved images).* Moscow: Vostochnaya literature publ., 1997. 152 p. (In Russian).

47. Semyonov V. A. Mifologicheskie personazhi na bronzovyh poyasah kobano-tlijskoj kul'tury *(Mythological characters on bronze belts of the Koban – Tli culture)* // Problemy hronologii i periodizacii arheologicheskih pamyatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskie chteniya» po arheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 26–30 aprelya 2010 g. Magas: OOO Piligrim publ., 2010. P. 321–323. (In Russian).

48. Skakov A. Yu. Kobano-kolhidskie ornamentirovannye topory kak istoricheskij istochnik. *(The Koban – Colkhida ornamental axes as a historical source):* abstract of thesis. Moscow: AI RAS, 1997. 20 p. (In Russian).

49. Skakov A. Yu. Rec. na knigu: Brilyova O. A. Drevnyaya bronzovaya antropomorfnaya plastika Kavkaza (XV v. do n.e. – X v. n.e.). *(Reference on the book: O. A. Brileva. The ancient bronze anthropomorphic plastic of the Caucasus (XV century BC – X century AD).* // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnyh statej (Issue 6). Stavropol': Grafa publ., 2014. P. 45–48. (In Russian).

50. Tekhov B. V. Central'nyj Kavkaz v XVI–X vv. do n.e. *(Central Caucasus in XVI–X centuries BC)*. Moscow: Nauka publ,1977. 240 p. (In Russian).

51. Cherkasov V. A. Mesto loshadi v pogrebal'noj obryadnosti mogil'nika № 2 Tatarskogo gorodishcha *(The Place of a horse in the funeral rites of the burial ground No.2 of the Tatar site of ancient settlement)* // Severnyj Kavkaz i kochevoj mir stepej Evrazii: materialy IX Minaevskih chtenij po arheologii, etnografii i regional'noj istorii Severnogo Kavkaza (23–24 oktyabrya 2009 g.). Stavropol'. SSU publ., 2000. P. 146–153. (In Russian).

52. Chshiev V (H). T. Novye uzdechnye kompleksy iz pamyatnikov kobanskoj kul'tury predskifsko-ranneskifskogo vremeni Severnoj Osetii *(The new bridle complexes from the archeological sites of the Koban culture of the pre-Scythian-the early-Scythian time in North Ossetia)* // Voprosy drevnej i srednevekovoj arheologii Severnogo Kavkaza: sbornik statej k yubileyu V. I. Kozenkovoj. Moscow: Groznyj. IA RAN, ANCHR, IGI, 2011. P. 165–169. (In Russian).

53. Chshiev V. (H).T. Vsadnichestvo u plemen kobanskoj arheologicheskoj kul'tury Kavkaza *(The riders' culture at the tribes of the Koban archeological culture of the Caucasus)* // Vestnik SOGU. 2012. No. 4. P. 96–100. (In Russian).

54. Burkov S. B. Images of horses, chariots and riders on the Transcaucasian bronze belts the end of II – beginning I thousand BC Sources and interpretation *(Images of horses, chariots and riders on the Transcaucasian bronze belts the end of II – beginning I thousand BC Sources and interpretation)* // East European Science Journal (Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe). No. 6 (17). P. 18–23. (In Russian).

Сведения об авторе

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии РСО-А (Владикавказ) / sergeyburkov59@yandex.ru

Information about the author

Burkov Sergey – Senior Research, Department of Archeology, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz) / sergeyburkov59@yandex.ru

УДК 930.85

В. М. Головко

«ДЕЛО АБРАМОВА» В КАВКАЗСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ)

В статье автор вводит в научный оборот уникальный архивный источник, ранее историками не используемый. Рассматривается «Дело Абрамова» 1877 года, связанное со служебным расследованием в Кавказской духовной семинарии беспрецедентной инициативы ученика IV класса Якова Васильевича Абрамова по критическому анализу системы образования в учебных заведениях такого типа и дополнению традиционных дисциплин семинарского курса самостоятельным изучением естественно-научной и социально-политической литературы. Данный факт гражданской биографии семинариста Я.Абрамова даёт представление о формировании мировоззрения и идейном становлении будущего российского просветителя, теоретика и практика культурнического течения в реформаторском народничестве 1880-х – 1890-х годов. Анализ документов по «делу Абрамова» существенно обогащает знание о формировании мировоззрения выдающегося просветителя, даёт представление о генезисе его просветительских интенций, показывает, что устремлённость к знанию и вера в силу знания укрепляли его в понимании роли образования, культуры, просвещения в обеспечении социокультурного прогресса страны и развитии чувства личности. Придавая особое значение естественным и социальным наукам уже в свои ученические годы, Абрамов создавал основу для определения стратегии, форм и средств просветительской работы через систему изданий научно-популярных работ для народа, для выработки им в будущем концепции «малых и великих дел», программы «великой культурной работы» в народе. В ходе расследования просветительских и реформаторских инициатив в общеобразовательной сфере и в системе семинарского духовного образования выявились незаурядные лидерские качества Абрамова, его глубокая личная заинтересованность в совершенствовании человека и общества в целом, его чувство своей гражданской ответственности за обеспечение «движение… народа вперёд», за «служение народным интересам» (статья «Малые и великие дела» (1896).

Ключевые слова: Я. В. Абрамов, реформаторское народничество, становление идеолога, просветительская интенция, духовная семинария XIX века, образование.

V. Golovko

“THE ABRAMOV CASE” IN THE CAUCASIAN THEOLOGICAL SEMINARY (ON THE MATERIAL OF ARCHIVAL STUDIES)

The author uses unique archival sources for the first time in the article. The article studies the “Abramov Case” of 1877. Its essence is the official investigation carried by Caucasian theological seminary as regards an unprecedented initiative of a fourth-grade student Yakov Vasilyevich Abramov to critically analyze the educational system in education institutions of this type and to supplement the traditional disciplines of the seminarist course by independent study of natural science and socio-political literature. The above-mentioned fact of Abramov’s biography gives an idea of how the worldview and the ideological development of the future Russian enlightener, theorist and practitioner of culturalist trend in the reformist populism of the 1880-1890s was formed. The analysis of documents on the “Abramov case” significantly enriches knowledge about the worldview formation of an outstanding enlightener, gives an idea of the genesis of his enlightenment intentions, shows that his striving for knowledge and belief in the power of knowledge strengthened him in understanding the role of education, culture, education in ensuring the country’s socio-cultural progress and the development of a sense of personality. Attaching special importance to the natural and social sciences in his student years, Abramov created the basis to determine the strategy, forms and means of educational work through the system of publications of popular science works for the people, as well as to develop the concept of “small and great deeds” and the program of “great cultural work” among people in the future. During the investigation of educational and reformist initiatives in the general educational sphere and in the system of seminarist theological education, Abramov’s outstanding leadership qualities, his deep personal interest in the improvement of man and society as a whole, his sense of civic responsibility for ensuring the “forward movement of the people...”, for “serving the public interest” (article “Small and great deeds” (1896) were emphasized.

Key words: Ya. V. Abramov, reformist populism, formation of ideologist, educational intention, the theological seminary of the nineteenth century, education.

Современная наука до последнего времени почти не располагала достоверными данными, позволяющими рассматривать историю формирования демократических позиций, идейного становления и творческого самоопределения одного из самых крупных теоретиков и практиков культурнического течения в реформаторском народничестве последних десятилетий XIX в. Я. В. Абрамова. Недавно обнаруженные нами в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) документы и материалы, относящиеся ко времени обучения Абрамова в старших классах Ставропольской мужской классической гимназии (1873–1874) и Кавказской духовной семинарии (1875–1877), существенно восполняют такой источниковедческий пробел. Данное архивное дело включает в числе других материалов документы служебного расследования по «делу ученика IV класса Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (1877), связанного с разбирательствами по поводу его попыток обновить систему семинарского образования и дополнить традиционные учебные планы изучением современной естественно-научной и социальной литературы [3].

Предметом служебного расследования в Кавказской духовной семинарии по «делу Абрамова» стало четыре вопроса: 1) о «поведении и умственном направлении ученика IV класса Якова Абрамова»; 2) о чтении им «книг естественно-научного, исторического, публицистического, критического… политико-экономического содержания»; 3) о переписке Абрамова с учениками Смоленской, Пермской, Иркутской духовных семинарий по проблемам качества семинарского образования; 4) «об особой организации, устроенной учеником Абрамовым», для занятий с семинаристами младших классов и изучения ими литературы естественно-научного и социально-политического содержания [3, л. 85, 8, 2, 7]. Поводом такого расследования послужила переписка Абрамова с учениками других подобных учебных заведений, ставшая известной членам Правления Кавказской духовной семинарии.

Почему Абрамов-семинарист организовал такую переписку, и что интересовало его с точки зрения состояния образовательного процесса в российских духовных семинариях? В архиве сохранилось собственноручное типовое письмо Абрамова, с которым он обращался к воспитанникам выше названных духовных семинарий. Приведём его полностью:

«Милостивый государь! Прошу извинения за то, что, не будучи знаком с вами и зная только вашу фамилию по спискам учеников, напечатанным в ваших «Епархиальных Ведомостях», я решил писать к вам. Дело вот в чём.

Мы, воспитанники IV-го класса Кавказской Духовной Семинарии, сочли нужным познакомиться с состоянием российских семинарий и решились для этого завести переписку с несколькими семинариями, в том числе и с вашей. Предметом переписки будут служить: умственное и нравственное развитие воспитанников, их материальное положение, характеристики профессоров и членов инспекции, уровень образования, преподавания и т. д.

Согласны ли вы, чтобы мы писали вам о нашей семинарии, а вы нам о своей. Если вы согласны, то пишите нам, как можно скорее.

Если вы лично почему-либо находите неудобным переписываться с нами, то прочитайте, пожалуйста, это письмо всем своим товарищам: не найдётся ли из них охотника вступить с нами в переписку?

Мой адрес: В Ставрополь (на Кавказе), в Кавказскую Духовную семинарию, воспитаннику IV-го класса Якову Абрамову.

В надежде получить скорый ответ, остаюсь Яков Абрамов. 1877 г. 1-го января. г. Ставрополь (Кавказский)» [3, л. 106, 106 об., 107].

В письмах своим товарищам по семинарии, к тому времени покинувшими Ставрополь, Абрамов уточнял цели задуманной переписки с учениками других духовных учебных заведений: «предметами переписки могут служить: материальное положение, умственное, нравственное и религиозное развитие воспитанников, состояние наук в семинарии и т. п.» [3, л. 125 об.]. Обращает на себя внимание то, что интеллектуальное и духовно-нравственное совершенствование молодого человека, вступающего на путь общественного служения, будущий создатель концепции «малых и великих дел» связывает не только с уровнем образованности, но и с необходимостью освобождения человека от сугубо материальных забот. Уже будучи известным народническом идеологом и писателем, он в качестве важнейших задач развития цивилизации будет определять «освобождение человека от зависимости от материальных условий существования» и обеспечение «простора его духовным способностям» [1, с. 224].

На письма Абрамова откликнулись семинаристы других учебных заведений, что подтверждают сообщения руководителей Пермской, Иркутской и Смоленской семинарий, направленные на имя ректора Кавказской духовной семинарии архимандрита Тихона [3, л. 83, 104]. Переписка Абрамова, связанная с анализом учебных планов и качества преподавания в духовных образовательных учреждениях, привлекла внимание членов Правления Кавказской духовной семинарии не случайно.

В «отобранных» у Абрамова в марте 1877 года «тетрадях, бумагах и письмах» [3, л. 12] (благодаря чему они и сохранились в фондах ГАСК) были обнаружены не только его письмо к ученикам других семинарий с просьбой делиться «сведениями и мыслями относительно внутренней жизни семинарий» [3, л. 2], но и переписка Абрамова с бывшими учениками Ставропольской мужской классической гимназии и Кавказской духовной семинарии, учившимися в университетах или работавшими в других городах, выписки, конспекты, резюме и т.д. из прочитанных им книг по самым разным направлениям естественных наук (ботанике, морфогении, анатомии, тектологии,

физиологии, зоологии, фитологии, протистологии, химии, биологической химии, биодинамике, физике, кристаллофизике), астрономии, медицине, географии, математике, геометрии, политологии, экономии, политической экономии, технике, геодезии, философии, социологии, этике, антропологии, педагогике, психологии, истории, филологии, методике преподавания, этнографии, статистике, а также из художественных произведений писателей-демократов 1860-х – 1870-х годов (А. И. Левитов, Ф. Д. Нефёдов, А. К. Шеллер-Михайлов и др.) и статей критиков демократического направления (Н. В. Шелгунов, Д. И. Писарев и др.).

Знакомство с перепиской Абрамова привело одного из членов Правления Кавказской духовной семинарии к выводу о том, что её «ближайшей целью… было вызвать отрицательную критику учебно-педагогического и воспитательного строя в семинариях и… недовольство в учениках этим строем» [3, л. 8 об.]. Анализ круга чтения Абрамова дал ему основания утверждать, что «особенные убеждения и деятельность» этого воспитанника «по своему характеру направляются не к целям образования и воспитания, какие должна преследовать Духовная семинария», а к прямо противоположным, «возбуждающим в лучших учениках семинарий стремление к изучению естественных и социальных наук и стремление… бежать из духовных заведений» в университеты [3, л. 7 об., 9].

Критическое отношение юного Абрамова и его ближайшего дружеского окружения к педагогической системе в духовном учебном заведении показательно с точки зрения его понимания роли образования в развитии народа и социокультурного прогресса страны. С таких позиций он анализировал прочитанные книги научного и литературно-художественного характера. Так, прочитав брошюру А. Ф. Игнатовича «Земля. Шарообразность земли. Движение Земли около своей оси. Движение Земли около солнца» [7], Абрамов записывает в своём дневнике: «Книга по своему изложению не понятна для народа» [3, л. 189 об.]. В свете критерия доступности языка книги для читателя из народной среды он оценивает перевод повести В. Гюго «Клод Ге» [5], содержащий, по его мнению, слишком много иностранных слов: «Книга написана хорошо, горячо, но не для народа, в особенности русского» [3, л. 190 об.] Абрамов был убеждён, что для образованного человека книга может стать «учебником жизни». С таких позиций он высоко оценивал художественные произведения писателей демократического лагеря А. И. Левитова [9], Ф. Д. Нефёдова [10] и др. [3, л. 189, 190]. Пользу «сказки» Н. Захаровой «Ворожея» [6], например, он усматривал в том, что она способствует «уничтожению глупых суеверий», а потому и «очень полезна» [3, л. 189 об.] массовому читателю. Таких примеров можно привести немало.

Дневники Абрамова времени обучения в четвёртом – шестом классах гимназии (1873–1875) и третьем – четвёртом классах духовной семинарии (1875–1877) содержат многочисленные статистические данные о постановке дела образования не только в России, но и в других странах мира. Абрамов фиксирует данные о количестве учительских семинарий в России и европейских странах, даже в отдельных российских городах и губерниях, о количестве школ и учеников, в том числе – сколько жителей приходится на одну школу в разных странах (в Швейцарии, например, 352, а в Турции – 3125), о расходах на образование в учебных заведениях разных типов (общинные, народные школы, политехнические институты и т. д.) [3, л. 196]. Он фиксировал статистику выделения средств на эти цели в США, европейских странах и России во французской валюте: «Англичанин платит 42 фр. налога, из которого на образование 1½ фр. Француз – налогов 52 фр., на образование 1½ фр. Пруссак – 35 фр. – 1 фр. Швейцарец – 18 фр. - 2½ фр. Русский – 25 фр. – фр.» [3, л. 198 об.]. В России, таким образом, финансовое обеспечение образования было самым низким по сравнению с другими странами Европы. В таком пристальном внимании к проблемам образования уже проявляются гражданские черты будущего просветителя России, написавшего ряд научно-популярных книг для народного чтения, занимавшегося организацией воскресных школ, актуализировавшего практику женского образования, в течение многих лет обобщавшего опыт работы народных школ и народных библиотек на страницах журнала «Русская школа».

В свои ученические годы Абрамов живо реагировал на недостатки общеобразовательной системы России. Предметом его критического анализа была сама организация учебного процесса. Расписание уроков, по мнению гимназиста Абрамова, делается таким образом, чтобы «было удобно не ученикам, а учителям» [3, л. 167 об.]. Отношение некоторых педагогов к своей работе вызывало у него недоумение. Так, «по поводу одного весьма курьёзного распоряжения г–на Краснова» Абрамов так пишет в своей дневниковой тетради: «Учитель Краснов задаёт нам сочинение и заявляет, что он будет принимать только сочинения, которые будут иметь в объёме менее поллиста. <…> …Он желает, чтобы сочинения учеников были не велики, но хорошо написаны. <…> Тема сочинения: “Влияние земледельческого и кочевого быта на благосостояние и цивилизацию народа”». По мнению ученика Абрамова, для раскрытия такой темы «потребуется не менее 2-х листов», но г-ну Краснову не хочется заниматься ученическими сочинениями, «а между тем по закону он должен это делать» [3, л. 169 об.]. Много учебного времени используется не по назначению: «На годовой курс ученикам, – пишет Абрамов, – даётся столько, сколько они могут пройти за год, т. е. за 365 дней. Но сколько воскресений, праздников, каникул? (Чуть не треть времени.) Ученики проходить должны за это время весь курс, потому не успевают, они перегружены» [3, л. 169]. Но это одна сторона дела. Дру-

гая – качество образования и его практическая, жизненная направленность и ценность. Подводя итоги пятилетнему обучению в гимназии, Абрамов с горечью констатирует в 1874 г.: «По поводу положения: знание есть сила. Знание есть сила, бессилие – уже не знание. Я прошёл 5-ть (пять) классов гимназии – вот мои знания: умение склонять и спрягать латинские, греческие и немецкие слова. Если это знание, то это и сила. На что же приложима эта сила? На то, чтоб под прикрытием этой силы смело развернуть любой словарь» [3, л. 169]. Не обходит он вниманием и субъективные причины плохого положения с обучением гимназистов: «По поводу нас самих. Нас было 12 человек в первом классе. Это было пять лет тому назад. До шестого класса дошло только 4 человека. А остальные? Остальные частью остались в прочих классах, а частью вышли из гимназии. Именно: в пятом классе осталось 3 человека, а в четвёртом – 6. А где же остальные?» [3, л. 169 об.]. Надо сказать, что ко времени обучения Абрамова в Ставропольской гимназии общая атмосфера, уровень преподавания и понимание педагогами своей миссии значительно изменились не в лучшую сторону по сравнению с постановкой образовательных задач в этом учебном заведении в 1850-е годы, когда его возглавлял Я. М. Неверов. Недоумение у Абрамова-гимназиста вызвало, например, распоряжение министра просвещения, согласно которому гимназистам запрещалось продавать уже использованные ими учебники. «Это приносит бедным гимназиста ущерб, – писал Абрамов в своём дневнике. – Что дурного нашёл министр в том, что книги продаются? Что может быть глупее этого распоряжения?» [3, л. 167 об.].

Положение в отдельном учебном заведении Абрамов связывал с общим состоянием образования в стране. Вполне закономерно, что, став семинаристом, он не мог не стремиться к оптимизации образовательного процесса в данном учебном заведении, используя, прежде всего ресурсы дополнительного образования и самообразования. Именно в таком контексте осуществлялся процесс идейно-творческого самоопределения Абрамова, как просветителя и народнического идеолога-культурника.

Рассматривая «тетради, бумаги, записные книжки» Абрамова, члены педагогического собрания семинарии Д. Афанасьев, священник Гр. Смирнов, Максимов, члены инспекции Кавказской духовной семинарии установили, что ещё в годы обучения в гимназии «ученик Абрамов занимался изучением социальных учений Фурье, Лассаля и Луи Блана, “объективно” относился к этим учениям» [3, л. 7]. Осуществлявших расследование по «делу Абрамова» возмущало то, что их воспитанник «делал выписки из сочинений указанных авторов» [3, л. 7], в том числе и из их книг, запрещённых цензурой, в которых разоблачалась «религия своекорыстия» у высших сословий и речь шла о «горьком и бедственном материальном положении рабочих классов» [8, с. 29, 67]. Д. Афанасьев писал по этому поводу: «Ученик Абрамов… делал выписки… <…> о страданиях полезной части общества, т.е. рабочих, и о наслаждениях вредной части общества, т.е. капиталистов и привилегированных сословий» [3, л. 7а]. В «Представлении» Правлению Кавказской духовной семинарии по «делу Абрамова» Д. Афанасьев особое внимание обращал на то, что идеи европейских социалистов, писавших о пороках капитализма, о «ненормальном распределении благ жизни», о «неправильном преимуществе капитала над трудом» и бедственном положении трудящихся, Абрамовым не только воспринимались и разделялись, но и определяли его отношение к современной российской действительности и отражались на его самоидентификации как выходца из мещанской среды. Эти идеи, подчёркивал Д. Афанасьев, «возбуждали в нём особые мечты и желания о свободе, думы о неудовлетворительном положении в современном обществе людей, подобных ему» [3, л. 7об.]. Абрамову-семинаристу вменялось в вину то, что «усиленные занятия естественно-научными и социальными предметами» ослабляли внимание к предмету «Священное писание» [3, л. 8], что в результате чтения книг социально-философского, политико-экономического содержания и исследований в области естественных наук (наука о Земле, физика, кристаллофизика, химия, биология, биохимия, физиология, биодинамика, геодезия и т. д.) [3, л. 9, 171 об.–172, 208–223, 53–53 об.] он пришёл к убеждению, что «в основе образования должно лежать естествознание, в венце – социология» [3, л. 8]. Дневники, записные книжки и письма Абрамова к его товарищам Н. Деревенщикову и Дементьеву февраля – ноября 1876 г. дали педагогам, проводившим расследование, серьёзные основания для таких выводов. Д. Афанасьев конкретными примерами, почерпнутыми им из писем Н. Деревенщикова, написанных в феврале 1876 г., доказывал, что Абрамов «интересуется… социальными вопросами». В частности, он приводил сведения о его «личных разговорах» с этим «бывшим товарищем» о «формах торговли или обмена продуктов через купцов или через ассоциации (потребительские общества)» [3, л. 8]. О характере таких разговоров можно судить по письму одноклассника Абрамова П. Недякова, писавшему резко о «купцах-аршинниках», по отзыву Абрамова о повести Ф. Д. Нефёдова «Безоброчный», в которой показана, по его словам, «горькая участь крестьянина от притеснений кулака – богача – старшины» [3, л. 108–109, 189], а также по отдельным фрагментам записной книжки Абрамова времени его «кочёвки» в 1874–1876 гг. по станицам Александровской, Ладовской, Дмитровской и др., в которой он фиксировал разговоры с купцами и «коммерсантами» типа Лопатина или Ведерникова (в произведениях Абрамова первой половины 1880-х гг. они выведены под фамилиям Распоясова, Хопра и т. д.), о том, как они «торговлей дерижируют», осуществляют «откуп степей» и т.д., или с простым

людом, не знающим, как «жаловаться на дурные порядки» [3, л. 129 об., 39–42].

Как отмечалось в документах по расследованию «дела Абрамова» подобные «убеждения проникают в массу других учеников… Семинарии при посредстве особой организации, устроенной учеником Абрамовым» [3, л. 7 об.].

В отношении Абрамова к системе образования в духовной семинарии члены комиссии по этому «делу» разошлись во мнениях. Д. Афанасьев на основе его переписки с «С. Беловым, Н. Деревенщиковым и Дементьевым, студентом Новоросиийского университета, бывшим учеником Кавказской духовной семинарии», а также разговора с ним, сделал вывод о том, что «Абрамов… находит неудовлетворительным семинарское образование и вообще весь семинарский порядок» [3, л. 7а, 8]. Инспектор Н. Цареградский в своей «Записке в Правление Кавказской семинарией» был не столь категоричен. Он отметил, что семинарское образование Абрамов «считает для себя лично удовлетворительным» [3, л. 23], но объём знаний и общее культурное развитие семинаристов, особенно младших классов, с его точки зрения, не соответствуют должным требованиям. Именно поэтому Абрамов и создал «особую организацию», при которой ученики старших классов занимались «просвещением» учеников первых и вторых классов, и, как сообщал в своём «Представлении» Правлению семинарии Д. Афанасьев, «одним из главных средств просвещения… было чтение книг естественно-социального-научного содержания» [3, л. 8 об., 8]. От внимания расследовавших эту сторону деятельности Абрамова не ускользнул тот факт, что по поводу выбора книг для чтения и самостоятельного изучения учениками семинарии между Абрамовым и его единомышленниками развернулась оживлённая полемика. Дементьев предлагал включить в списки литературы «романы», то есть произведения словесного художественного творчества, такие, например, как «“Дача на Рейне”, “На высоте” Ауербаха, “Один в поле не воин”, “Загадочный человек” Шпильгагена, “Что делать?” Чернышевского, “Эмма” Швейцера и т. п.» [3, л. 8 об.]. Абрамов же не видел в этом никакой необходимости. Свою позицию он аргументировал в письме к Дементьеву, сохранившемся в архиве Кавказской духовной семинарии. Приведём его полностью:

«Друг Дементьев! Начну прямо с интересующего нас предмета и чтения романов. Вы говорите, что, решая вопросы о влиянии чтения романов (точнее, вообще беллетристических произведений) на умственное и нравственное развитие человека, я не могу основываться на моих наблюдениях, а должен рассуждать apriori. Я не согласен с этим. Я придаю гораздо более значения выводам, основанным на данных опыта, чем априористическим рассуждениям. А данные моего опыта вот каковы: если разделить тех личностей, высоту развития которых и средства, употреблённые ими для достижения этой высоты, я хорошо знаю, если разделить этих личностей на две группы и поместить в одну их них тех личностей, которые обращали больше внимания на чтение естественно-научных, исторических, публицистических, критических и т. п. книг, чем на чтение романов и других беллетристических произведений, а во вторую тех, которые предпочитали беллетристику другим видам литературы, то окажется следующее: в первой группе будет 90% таких личностей, развитием которых я могу быть доволен, а во второй группе таких личностей не наберётся и 15%. Естественно, что при таких данных опыта я не верю в хорошее влияние романов на умственное и нравственное развитие человека. Вы скажете, что мой опыт ещё ничего не доказывает, так как круг моего наблюдения может быть слишком узким и потому мои выводы имеют слишком частное значение. Не знаю, узок ли круг моего наблюдения – я наблюдал и собирал факты – в гимназии, в семинарии, в ремесленном училище и вне учебных заведений – но должно же иметь значение то обстоятельство, что во всех моих наблюдениях указанное отношение между упомянутыми группами сходятся почти без всяких колебаний.

Перейдём далее к априористическим рассуждениям.

Возьмём один из тех романов, на которые вы указали, как на лучшие, – «Один в поле не воин». Для того, чтобы понять то, из-за чего бился Лео, чтобы понять его деятельность, надо хоть бы в общих чертах быть знакомым с рабочим вопросом, ну, прочитать, что ли «Пролетариат во Франции» и «Ассоциации» Михайлова [см.: 12; 13; 14]. Если же человек приступает к чтению упомянутого романа без предварительного ознакомления с рабочим вопросом, то он вынесет пользы из своего чтения нуль. Это я видел не один раз. А если человек ещё до чтения романа ознакомился с рабочим вопросом, то и в этом случае он не вынесет никакой пользы, так как не найдёт в романе ничего нового о рабочем вопросе и только прочитает на 800–900 страницах то, что он прежде прочитал на 50–100 страницах. Стало быть, в умственном отношении роман принесёт ему пользы нуль, и он только даром потратит время.

Теперь о нравственном влиянии романов. Вы говорите, что “всякий семинарист всегда в состоянии разделить действующих лиц на две группы: достойных подражания и достойных презрения”. Но что-нибудь должно же служить критерием для такого деления, как не бывшие у него до чтения романа понятия о том, что такие-то поступки похвальны, а такие-то предосудительны. Основываясь на этих понятиях, он и оценивает поступки действующих лиц и разделяет их на две группы. Поэтому, если читающий считает таскание за хвостами барышень нисколько не предосудительным, а даже похвальным действием, то он и какое-нибудь действующее лицо, всю жизнь свою посвящающее на это таскание за хвостами, сочтёт достойным не презрения, а похвалы и подражания. Значит, у человека были нравственные

понятия, такие они останутся и после прочтения романа. – Не знаю, понятно ли я выражаюсь. Боюсь быть не понятым. Во всяком случае, прошу вас, возразите мне, если вы не согласны с высказанным мною» [3, л. 114–115].

Утверждения Абрамова, возвышавшего научное познание за счёт снижения роли художественной гносеологии, были, конечно, далеко не безупречны, но в них нашли отражения общие тенденции его времени, когда разночинно-демократическая интеллигенция социальный и культурный прогресс связывала прежде всего с развитием естественных наук. Кстати, сам Абрамов именно в эти годы пробовал свои силы в создании художественных произведений: в его рабочих тетрадях сохранились первые литературные опыты будущего писателя-просветителя – драматические сцены, «малая проза», лирико-автобиографические эссе, заготовки будущих произведений. В широкий круг его чтения, безусловно, входила художественная литература, литературная критика и публицистика, прежде всего, произведения критиков-демократов (Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов и др. [3, л. 169, 168 об.]). Будучи учеником гимназии и духовной семинарии он читал и хорошо знал произведения как писателей, по его словам, «прогрессистов» (Н. И. Новиков, К. Н. Батюшков, Н. И. Тургенев, А. Ф. Воейков, А. Н. Радищев, Н. В. Гоголь, А. В. Кольцов, Д. И. Фонвизин, А.А. Бестужев-Марлинский, Т. Н. Грановский, И. И. Хемницер, В. Г. Белинский, А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, А. С. Грибоедов, Ф. М. Решетников, В. А. Милютин, Д. И. Писарев, А. И. Полежаев, М. Ю. Лермонтов, Н. Г., В. Н. Майков, Н. А. Добролюбов, Помяловский и др.), так и «консерваторов» (А. С. Шишков, В. А. Жуковский, Д. И. Хвостов, П. А. Вяземский, Н. И. Греч, И. А. Крылов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, М. М. Херасков, Г. Р. Державин, С. Т. Аксаков, В. И. Майков, Н. В. Кукольник и др.) [3, л. 193, 153об. – 154]. В процессе расследования по «делу Абрамова» выяснилось, что семинаристы читали произведения Крылова, Карамзина, Лермонтова, Гоголя, Григоровича, Островского, Тургенева, Чернышевского, Достоевского, а также зарубежных писателей – И.-В. Гёте, В. Скотта, Б. Ауербаха, Д. Дефо, Т. М. Рида, Г. Бичер-Стоу, знали сочинения учёного мифологической школы Афанасьева, выписывали не только «Церковный вестник», но и «Вестник Европы» и другие журналы [3, л. 85]. Инспектор Н. Цареградский в своей «Записке» по поводу «поведения и умственного направления ученика IV класса Якова Абрамова» от 3 мая 1877 года приводил данные о прочитанных восьмью учениками, сочувствующими Абрамову, книгах научных (по естествознанию) и художественных, сделав вывод в пользу «романов». Так, об ученике III класса Иване Чуевском инспектор писал, что он «по естествознанию прочитал только одну книгу “Природа”, т. 3, тогда как беллетристов прочитал 8 книг: т. IV Гоголя, т. 12 Островского, т. 3-й Тургенева, т. 3 сочинений Афанасьева, басни Крылова, два романа Вальер-Скотта и “Робинзон Крузе”» [3, л.85. Орфография подлинника].

Несмотря на «раскол» в «штате учителей», созданном Абрамовым, «разделение» между ними, как отмечал Д. Афанасьев, прекратилось, а потому дело было «не брошено», «пропаганда естествознания между семинаристами… продолжалась» [3, л. 8 об.]. Более того, педагоги семинарии были убеждены, что «дальнейшим развитием пропагандирующей деятельности Абрамова и компании» и стала «затеянная ими переписка с учениками IV класса нескольких других семинарий» с целью убедить их в необходимости «бежать из этих духовных заведений» [3, л. 9]. Такой же цели, по утверждению Д. Афанасьева, была подчинена и «система обучения и воспитания» семинаристов младших классов, организованная Абрамовым в Кавказской духовной семинарии.

Расследование по «делу Абрамова», в процессе которого акцентировалась идея несовместимости «умственного направления» и деятельности «ученика IV класса» целям обучения и воспитания в духовном учебном заведении, неизбежно вело к совершенно определённым и прогнозируемым результатам – к решению «исключить [Абрамова] из семинарии» [3, л. 14]. О том, что такое мнение может сложиться у некоторых педагогов, писал в своей «Записке в Правление Кавказской семинарии» инспектор Н. Цареградский. Однако этого не произошло. Скорее всего, было несколько причин для того, чтобы Правление Кавказской семинарии оставило Абрамова в числе учеников в самом конце обучения в IV классе. Скорее всего, руководство семинарией не хотело привлекать общее внимание к таким явлениям и процессам, которые явно противоречили образовательным целям духовного учебного заведения, и опасалось возможного резонанса по «делу Абрамова». Вот почему, вопреки очевидному, некоторые работники семинарии утверждали, что «ученик Абрамов нигде не касался вопроса о ненормальном распределении благ жизни между людьми, выраженным в кратких выписках Ш. Фурье, Лассаля, Луи Блана», что «ни перед кем из учеников» он «не высказывал либеральных мнений относительно политического устройства человеческого общества» [3, л. 13]. Сказалось и своеобразное заступничество за одарённого семинариста инспектора Н. Цареградского, объективно воспринимавшего мнение Абрамова о недостаточности «положительных знаний» у большинства «мало развитых» семинаристов, доказывавшего, вопреки выводам Д. Афанасьева и др., что Абрамов «не настолько виновен», чтобы его исключать из учебного заведения [3, л. 13, 14]. Чем был вызвано такое заступничество? Не в последнюю очередь тем, что педагоги семинарии понимали: их ученик – личность не ординарная, хорезматичная и талантливая. Кстати, в «Справке», сохранившейся в «деле Абрамова», приводятся такие сведения о его успеваемости: «В течение 1877 уч. г. ученик IV класса Яков Абрамов оказал следующие успехи в науках и пове-

дении. Священное писание – 4. Психология – 5. Обзор философских учений – 5. Греческий язык – 4. Латинский язык – 5. Физика – 5. Поведение – 4» [3, л.3]. В условиях, когда предметом расследования стали «усиленные занятия» Абрамова «естественно-математическими и социальными предметами, в чём он видел истинную основу умственного и нравственного развития» [3, л. 8], а также переписка с семинаристами других духовных учебных заведений и организация «штата преподавателей» для учеников младших классов в целях приобщения к естественно-научным и социально-философским знаниям, выставленные четвёрки по предмету «Священное писание» и поведению были ещё высокими оценками. Примечательно, что даже негативно настроенный по отношению к Абрамову проверяющий Д. Афанасьев в своём «Представлении» Правлению семинарии не мог обойти молчанием вопрос о личностном уровне его одарённости. В частности, он предлагал «ученика Абрамова удалить из семинарского общежития и строго следить за его отношениями с другими учениками низших классов, так как он при своём сравнительно высоком, но, – по мнению Д. Афанасьева, – не совсем правильном умственном развитии, при своём излишнем увлечении естественными и социальными науками и при своём энергичном характере является нежелательным авторитетом для других учеников…» [3, л. 9 об.].

У комиссии, занимавшейся «делом Абрамова», не было достаточно весомых аргументов для его удаления из семинарии и за переписку с учениками других российских духовных учебных заведений. Эта переписка была пресечена в самом её начале, поэтому, как отмечалось в документах самой комиссии, она «не имела никакой организации, начата была, после общего разговора о том между учениками IV класса, безо всякого плана», а все письма «написаны были одновременно и почти буквально одинаково» [3, л. 23 об.].

Небезынтересно заметить, что из самого процесса по «делу Абрамова» его наставники извлекли для себя положительный урок, вынесли вполне разумные суждения и предложения по оптимизации учебного процесса. Один из них призывал, например, преподавателей семинарии «высоко держать знамя науки», способствовать активизации «любознательного внимания» хороших учеников, выходя в области содержания образования за пределы стандартных учебников [3, л. 9 об.].

20 мая 1877 г. педагогическим собранием Правления Кавказской духовной семинарии было принять постановление по итогам рассмотрения «дела Абрамова», в которым отмечалось, что «между учениками первых – четвёртых классов существует увлечение естественно-социологическими предметами, не соответствующее целям семинарского курса», что «сам ученик Абрамов находится в состоянии увлечения этими предметами, не отражающегося… на его собственных успехах по предметам семинарского курса» [3, л. 96]. Примечательно, что от принятия такого, весьма лояльного по отношению к Абрамову, постановления, воздержались некоторые члены комиссии, которые занимались этим «делом» [3, л. 96]. Через две недели, 6 июня, в повестке очередного педагогического собрания Правления семинарии снова появился вопрос об Абрамове и его переписке 1876–1877 годов, в том числе и с учениками других учебных заведений такого типа [3, л.95]. Служебное расследование по «делу Абрамова» было прекращено лишь 2 июля 1877 г. и, скорее всего, в связи с его «увольнением из семинарии». В «Выписке из именной ведомости о воспитанниках Кавказской духовной семинарии» в сентябре того же года появились такие сведения: «…IV класс <…> Яков Абрамов, ставропольского мещанина Василия Абрамова сын; лет от рождения – 20; год вступления в семинарию – 1875; какого поведения – очень хорошего; каких способностей – весьма хороших, прилежания – постоянного; успехов – отличных; куда выбыл – уволен из семинарии по прошению; на каком содержании – на казённом…» [2, л. 3, 6 об.,16]. Опасения педагогов по поводу того, что такие ученики, как Абрамов, «стремились оставить семинарии… для поступления в университеты», оказались не беспочвенными. В том же 1877 г. будущий народнический идеолог и просветитель поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию и, подобно тургеневскому Базарову, «хотел держать на доктора» [11, с. 202]. Начинался новый этап идейно-творческого развития Абрамова, характеризующийся интенсивностью социально-философских исканий, масштабностью интеллектуальной и общественной деятельности, поискам путей достижения «общего блага», в результате чего этот выдающийся идеолог культурнического течения в легальном народничестве очень быстро становится не только известным всей России, но и поистине «властителем дум» целого поколения демократически настроенной интеллигенции периода «хождения в народ» 1880-х – 1890-х годов.

Какие можно сделать выводы, рассматривая служебное расследование по «делу Абрамова» времени его обучения в Кавказской духовной семинарии?

1. Сохранившиеся в ГАСК материалы, относящиеся ко времени обучения Абрамова в 4–6 классах классической гимназии (1873–1875) и в III–IV классах Кавказской духовной семинарии, дают представление о формировании социального и философского мировоззрения будущего просветителя России, о путях, формах и средствах его идейно-творческого самоопределения, об его укоренённости на позициях демократизма.

2. Анализ документов по «делу Абрамова» даёт представление о генезисе его просветительских интенций, показывает, что устремлённость к знанию и вера в силу знания укрепляли юного Абрамова в понимании роли образования, культуры, просвещения в обеспечении социокультурного прогресса страны и в формировании чувства личности каждого человека.

3. Гуманистические основы мировоззрения Абрамова проявились уже на самых ранних этапах выражения его активной жизненной позиции.

4. В эпицентре социально-нравственных исканий будущего народнического идеолога и мыслителя времени поиска им форм творческой самоактуализации находились социальные проблемы, осмысливаемые с опорой на опыт теоретиков европейского утопического социализма, реформистского социализма, а также представителей русской революционной демократии.

5. Придавая особое значение естественным и социальным наукам уже в свои ученические годы, Абрамов создавал основу для определения стратегии, форм и средств просветительской работы через систему изданий научно-популярных работ для народа, для выработки им в будущем концепции «малых и великих дел», программы «великой культурной работы» в народе [см.: 4].

6. В ходе расследования просветительских и реформаторских инициатив в общеобразовательной сфере и в системе семинарского духовного образования выявились незаурядные лидерские качества Абрамова, его глубокая личная заинтересованность в совершенствовании человека и общества в целом, его чувство своей гражданской ответственности за обеспечение «движение… народа вперёд», за «служение народным интересам» [1, с. 215]. Это станет идейным стержнем его программных выступлений, в том числе статьи 1896 года «Малые и великие дела», имеющей определяющее значение для характеристики мировоззрения и социально-философских позиций этого крупного, самобытного народнического мыслителя и проповедника, призывавшего интеллигенцию к «великой культурной работе в народе», к деполитизированной деятельности через систему земских учреждений, управ, собраний и другие формы местного самоуправления.

Источники и литература

1. Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки Недели: Ежемесячный литературный журнал. 1896. №7 [Июль]. С. 214–227.

2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.91. Оп.1. – Д.1851.

3. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1964.

4. Головко В. М. Я. В. Абрамов: Мировоззрение. Метод. Поэтика. М.: Флинта; Наука, 2015. 340 с.

5. Гюго В. М. Клод Ге: Рассказ / пер. с фр. СПб.: Тип. А. Головачова, 1867. 32 с.

6. Захарова Н. Ворожея // Детское чтение. 1873. Кн. 4. С. 293–308.

7. Игнатович А. Ф. Земля. Шарообразность земли. Движение Земли Около своей оси. Движение Земли около солнца. СПб.: Кн. маг. для иногородных, 1873. 21 с.

8. Лассаль Ф. Сочинения: в 2 т. / пер. В. Зайцева. Т.1. СПб.: Н. П. Поляков, 1870. 475 с.

9. Левитов А. И. Степные очерки. Кн.1. СПб.: В. Е. Генкель, 1865. 368 с.

10. Нефёдов Ф. Д. На миру: Очерки и рассказы Ф. Д. Нефедова. М.: Тип. В. Готье, 1872. 203 с.

11. Тургенев И. С. Полное собрание сочинение и писем: в 28 т. Сочинения. Т.8. М.; Л.: Наука, 1964. 624 с.

12. Шеллер-Михайлов А. К. Пролетариат во Франции. СПб.: Типография Н. Неклюдова, 1872. 494 с.

13. Михайлов А. [Шеллер-Михайлов А. К.]. Производственные ассоциации // Дело. 1870. №4. С. 219–239.

14. Михайлов А. [Шеллер-Михайлов А. К.]. Ассоциации: очерки практического применения принципа кооперации в Германии, Англии и Франции / 2-е изд. СПб.: Изд. А. Никитина, 1873. 418 с.

References

1. Abramov Ya. Malye i velikie dela *(Small and Great Deeds)* // Knizhki Nedeli: Ezhemesyachnyi literaturnyi zhurnal. 1896. No.7. P. 214–227. (In Russian).

2. State archive Stavropol territory (GASK). F. 91. Inv.1. D.1851. (In Russian).

3. GASK. F. 91. Inv. 1. D. 1964. (In Russian).

4. Golovko V. M. Ya. V. Abramov: Mirovozzrenie. Metod. Poetika. Moscow: Flinta publ.; Nauka publ., 2015. 340 p. (In Russian).

5. Gyugo V. M. Klod Ge: Rasskaz *(Claude Gay: The Story)*. St.Petesburg: A. Golovachov's printing house, 1867. 32 p. (In Russian).

6. Zakharova N. Vorozheya *(Predictor)* // Detskoe chtenie. 1873. Book. 4. P. 293–308. (In Russian).

7. Ignatovich A. F. Zemlya. Sharoobraznost' zemli. Dvizhenie Zemli okolo svoei osi. Dvizhenie Zemli okolo solntsa *(Earth. Sphericity of the Earth. The Movement of the Earth on its axis. The Movement of the Earth near the Sun)*. St.Petesburg: Book for foreigners publ., 1873. 21 p. (In Russian).

8. Lassal' F. Sochineniya *(Selections):* in 2 Vols / translated by V. Zaitsev. Vol. 1. St. Petersburg: N. P. Polyakov's printing house, 1870. 475 p. (In Russian).

9. Levitov A. I. Stepnye ocherki *(Steppe essays)*. Book.1. St.Petersburg: V. E. Genkel' printing house, 1865. 368 p. (In Russian).

10. Nefedov F. D. Na miru: Ocherki i rasskazy F. D. Nefedova *(On the world: F. D. Nefedov's essays and stories)*. Moscow: V. Got'e's printing house, 1872. 203 p. (In Russian).

11. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem *(Complete works and letters):* In 28 Vols. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. 624 p. (In Russian).

12. Sheller-Mikhailov A. K. Proletariat vo Frantsii *(The Proletariat in France)*. St.Petersburg: N. Neklyudov's printing house, 1872 . 494 p. (In Russian).

13. Mikhailov A. [Sheller-Mikhailov A. K.]. Proizvodstvennye assotsiatsii *(Production Associations)* // Delo. 1870. No. 4. P. 219–239.

14. Mikhailov A. [Sheller-Mikhailov A. K.]. Assotsiatsii: ocherki prakticheskogo primeneniya printsipa kooperatsii v Germanii, Anglii i Frantsii *(Associations: Essays on the Practical Application of the Cooperation Principle in Germany, England and France)*. St. Petersburg: A. Nikitin's printing house, 1873. 418 p.

Сведения об авторе

Головко Вячеслав Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета, действительный член Schopenhauer-Gesellschaft (Deutschland), член Союза российских писателей (Ставрополь) / vmgolovko@mail

Information about the author

Golovko Vyacheslav – Doctor of Philology, Professor, Chair of Native and World History, North Caucasus Federal University, Actual member of Schopenhauer-Gesellschaft (Deutschland), member of Union of Russian writers (Stavropol) / vmgolovko@mail.ru

УДК 93/94+908

О. А. Запорожцева

А. Ф. РЕБРОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ШЕЛКОВОДСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В данной статье автор обращается к проблеме развития отечественного шелководства на Северном Кавказе в первой половине XIX века. Использование комплекса опубликованных источников и архивных документов позволило выявить основные этапы становления и развития шелководства в рассматриваемый период. При изучении темы автором использовались фонды Государственного архива Ставропольского края, статьи из дореволюционных газет и журналов, и впервые в контексте данного вопроса был рассмотрен нарратив французского путешественника Ксавье Оммер де Гелль, переведенный автором.

Важную роль в развитии шелководства занимает деятельность А. Ф. Реброва, который одним из первых приступил к развитию и распространению отечественного шелководства на Северном Кавказе. А. Ф. Ребров использовал научные методы. Так, путем экспериментирования и отбора, им были выведены новые породы тутового шелкопряда и тутовых деревьев, таких как Alba morus, созданы благоприятные температурные условия и усовершенствована технология выкормки червей тутового шелкопряда.

А. Ф. Ребров был заинтересован в развитии шелководства не только на территории Северного Кавказа, но и в соседних губерниях. В связи с этим, в его имении Владимировке была открыта школа по изучению шелководческого дела для крестьянских детей и всех желающих на бесплатной основе. Были открыты школы по изучению шелководства и в Ставрополе, Кизляре, Кисловодске, Москве, Санкт-Петербурге. Безвозмездная раздача саженцев тутовых деревьев и грены шелкопряда, все это способствовало развитию отечественного гренопроизводства и распространению шелководческой отрасли в России.

Успешное развитие шелководства подтверждалось качественным шелком, производимым в имении А. Ф. Реброва, который по своей белизне конкурировал с французскими, итальянскими и китайскими шелками. Обладая энциклопедичностью знаний, успехами в хозяйстве, А. Ф. Ребров был назначен почетным директором первой сельскохозяйственной выставки в городе Ставрополе и личным экскурсоводом императора Николая I. При посещении имения Владимировки государственными деятелями, предпринимателями и иностранцами, сельскохозяйственная деятельность помещика Реброва была удостоена высоких оценок и отзывов.

Ключевые слова: А. Ф. Ребров, шелководство на Северном Кавказе, гренопроизводство, имение Владимировка, хозяйственное освоение Кавказа, историческая биографика.

O. Zaporozhtseva

A. F. REBROV – THE FOUNDER OF NATIONAL SERICULTURE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

The author studies the development of domestic sericulture in the North Caucasus in the first half of the XIX century. The use of a set of published sources and archival documents allowed to identify the main stages of formation and development of sericulture in the period under consideration. In studying this problem, the author used the funds of the state archive of the Stavropol territory, articles from pre-revolutionary newspapers and magazines, and for the first time in the context of the issue the narrative of the French traveler Xavier Ommer de Gell, that was translated by the author.

An important role in the development of sericulture played the activity of A. F. Rebrov, who was one of the first to begin the development and the spread of domestic sericulture in the North Caucasus. A. F. Rebrov used scientific methods. By means of experimentation and selection new breeds of silkworm and mulberry trees, such as Alba morus were bred, favorable temperature conditions were specified and improved technology of feeding silkworms was created.

A. F. Rebrov was interested in the development of sericulture not only in the North Caucasus, but also in the neighboring provinces. In this regard, in his estate Vladimirovka a free of charge school for the study of sericulture for peasant children and all comers was opened. The schools for the study of sericulture were opened in Stavropol, Kizlyar, Kislovodsk, Moscow and St. Petersburg. Gratuitous distribution of mulberry trees and silkworm seedlings contributed to the development of domestic green production and the spread of the silk industry in Russia.

The successful development of sericulture was confirmed by high-quality silk produced in the estate of A. F. Rebrov, which in its whiteness competed with French, Italian and Chinese silks. Having encyclopedic knowledge, success in the economy, A. F. Rebrov was appointed honorary Director of the first agricultural exhibition in the city of Stavropol and personal guide of the Emperor Nicholas I. Having visited the estate of Vladimirovka, statesmen, entrepreneurs and foreigners appreciated the agricultural activities of the landowner Rebrov.

Key words: A. Rebrov, sericulture in the North Caucasus, silkworm production, Vladimirovka estate, economic development of the Caucasus, historical biography.

Тема развития шелководства на Северном Кавказе в первой половине XIX века является актуальной. Например, об востребованности проблемы свидетельствуют защита кандидатской диссертации в 2011 году Алимирзаевым Н. Я. В первой главе данной диссертации в одном из параграфов «А. Ф. Ребров – один из основателей русского шелководства», показаны лишь некоторые аспекты развития шелководства А. Ф. Ребровым на Северном Кавказе [1]. Поэтому целесллбразно дальнейшее обращение к биографии А. Ф. Реброва и его вкладу в хозяйственное освоение Северного Кавказа. Контекстно к теме обращаются такие историки как Клычников Ю. Ю., Богословский В. В., Лейнвебер Е. Ф., Фадеев А. В. [3; 27; 32]. С 2011 года проводятся традиционные Ребровские музейно-краеведческие чтения в историко-краеведческом музее «Крепость» города Кисловодска и Ребровские районные музейные чтения в Левокумском историко-краеведческом музее им. В. Р. Ясинова. Соответственно, интерес к личности А. Ф. Реброва наблюдается как на научном, так и на культурном уровне. Через особенности биографии и историю трудовой деятельности данного исторического фигуранта есть возможность с новых сторон посмотреть и на историю отрасли шелководства в России, а также на социально-экономическую историю Северного Кавказа.

Целью статьи является изучение формы и методов хозяйственной деятельности А. Ф. Реброва, которые, несмотря на жесткие условия крепостнической системы и климатические особенности зоны полупустыни Ногайской степи, способствовали достижению высоких результатов в развитии шелководства в имении Владимировке. Впервые в изучении деятельности А. Ф. Реброва используется нарратив иностранца, а именно французского путешественника Ксавье Оммер де Гелля.

Прохождение «Великого шелкового пути» через территорию Северного Кавказа сыграло большую роль в его экономическом развитии, а также в распространении технологий изготовления шелка среди местного населения [12, с. 119]. В начале XVIII века правительство Российской империи предприняло попытки, направленные на развитие отечественного шелководства на юге страны. Петр I считал необходимым приобщить к занятию шелководством предпринимателей, купцов и других частных лиц. Поэтому одним из первых, кому были предоставлены земля и право на выращивание и эксплуатацию шелковичных насаждений в городе Кизляре, стал армянский купец Сафар Васильев [27, с. 2]. В 1718 году на левом берегу Терека возникло имение Шелкозаводское, которым управлял С. Васильев. В связи с этим вблизи имения был построен завод по переработке шелка-сырца, на котором работали кизлярские казаки, армяне и грузины. С деятельностью армянских купцов связано начало продвижения шелководства в центральные районы Северного Кавказа [8, л. 14], [12, с. 119].

В 1799 году были изданы первые правила по ведению шелководства на территории Крыма, Кавказа, Астрахани и других губерний, которые должны были стимулировать развитие шелководства, а также сделать его незаменимой частью сельскохозяйственной деятельности крестьян. [23, с. 130]. С учреждением на Кавказе в 1800 г. инспекции по шелководству, целью ставился дальнейший подъем шелководства с базой в Кизляре. Инспекцию возглавляли такие видные деятели как М. Биберштейн[1], Х. Х. Стевен, Вишняков и другие. М. Биберштейн положил начало развитию шелководства в Грузии, но, несмотря на свою должность инспектора шелководства в Южной России, как настоящий ботаник, он все-таки больше внимания уделял изучению флоры и фауны. По этой причине шелководство на Северном Кавказе развивалось крайне медленно. [12, с.120]

С назначением в 1816 году на должность главноуправляющего в Астраханской, Кавказской губерниях и в Грузии генерал-лейтенанта А. П. Ермолова, на Северном Кавказе наступает новый этап экономического развития. А. П. Ермолов с большим вниманием относился к подбору кадров для управления Кавказом. Именно кадровая политика стала отправной точкой знакомства А. П. Ермолова и А. Ф. Реброва, который стал его незаменимым помощником. Для этого он обладал всеми необходимыми профессиональными и личными качествами. А. Ф. Ребров с детства приучался отцом Федором к труду, самостоятельности и ответственности. С юности он наблюдал за отцом, который был приглашен в имение помещиков Хастатовых. Ф. А. Ребров успешно проводил свои опыты в сельском хозяйстве и при этом добивался превосходных результатов, например, им была выведена высокоустойчивая к засухе пшеница. Под его руководством в имени были заложены виноградники и получены новые сорта винограда, а немного позже был построен спиртокурительный завод. Отцовские начинания и опыты, проведенные для развития сельского хозяйства, нашли свое отражение в судьбе А. Ф. Реброва [16, с. 101–102].

С 1816 года А. П. Ермолов уделял большое внимание развитию виноградарства и шелководства в Грузии. Рассмотрев ситуацию, связанную с развитием шелководства на Кавказе и деятельностью инспекции, А. П. Ермолов, как покровитель кавказских шелководов, остался недоволен [4, л. 14]. В 1817 году он предложил А. Ф. Реброву заняться развитием шелководства на территории Северного Кавказа. В своем имении Владимировка, которое было получено как приданное за женою (еще в 1804 году), А. Ф. Ребров заложил основы для последующего развития отрасли в регионе. К концу 1817 года ему удалось получить около 25 грамм грены и размотать из коконов около 1 кг шелка-сырца [12, с. 121].

Поскольку в России своего гренопроизводства не существовало, то А. Ф. Реброву приходилось выписывать грену[2] из Китая, Италии, Франции,

[1] В Германии известен под именем Фридриха Августа Маршала фон Биберштейна, в России – Федор Кондратьевич Биберштейн. Ученый-ботаник, путешественник.

[2] Яйца тутового шелкопряда.

стран Аравийского полуострова [3, с. 122]. В связи с этим до 1826 года шелк, производимый в имении А. Ф. Реброва, практически не отличался от кизлярского (местного) шелка. Используя же лучшие методы отбора, качественного ухода и кормления, А. Ф. Ребров добился того, что коконы по величине, форме и цвету стали практически тождественными китайским [12, с. 121].

А. Ф. Ребров тщательно изучал мировой опыт шелководства, следил за появлением книжных новинок и научных статьей в области развития шелководства. Для проведения научных наблюдений за выкормкой червей шелкопряда, А. Ф. Ребров расположил одну из 7 шелководень рядом со своим кабинетом. В своем имении Владимировка А. Ф. Ребров фактически создал научную лабораторию. У него имелось несколько тутовых садов, в которых насчитывалось до 16 тысяч разных пород деревьев [28, с. 223].

В итоге А. Ф. Ребровым была разработана усовершенствованная система технологии производства шелка. После выводки коконы сортировались, затем поступали в размотку, которая осуществлялась в отдельном каменном строении. Там находились шелкомотальные снаряды, полученные в разное время из Франции и усовершенствованные местными умельцами под руководством А. Ф. Реброва [28, с. 223]. В 1829 году А. Ф. Ребров в письме к министру внутренних дел писал о первом шелкомотальном снаряде: «Образцы шелка, выделываемого и вымотанного в нынешнем 1829 г. в количестве до 2 с половиной пуд: из них № 1 в 3 кокона или нити на колесо обыкновенным образом; два других мотка ссученных. № 2 для основы и № 3 для утока, на вновь устроенной с ранних, коего шелк прямо с коконов из тазу прядется и навивается на катушки и вместе тростится» [7, л. 1]. А. Ф. Ребров пояснял, что данный снаряд уступает по технологии фабричным машинам, усовершенствованным в России. Это простое изобретение стало первым опытом производства в Кавказской области и в дальнейшем могло бы способствовать появлению мануфактурного производства [7, л. 1об.], [11, с. 363]. Позже, А. Ф. Ребровым была создана тростильная машина, на которую уже можно было насаживать 120 катушек и при работе только двух размотчиц изготавливать основу [28, с. 223].

В 1832 году А. Ф. Ребровым была продемонстрирована размотка коконов Московскому обществу сельского хозяйства. Позже министерством внутренних дел было сообщено помещику об итогах просмотра и испытании в действии изобретенной им машины для размотки конов:

«1. Машина была подвергнута испытанию в присутствии членов Общества Сельского Хозяйства и известнейших в Москве фабрикантов шелковых изделий, а равно в Московском Отделении Мануфактурного Совета; и признана могущею доставить большие выгоды для нашего шелководства.

2. Обществу известно, что помощью сего снаряда, и искусства обрабатывать шелк, вы довели оный до такого совершенства, что в Париже и Лионе шелка Ваши признаны одними из превосходнейших в Европе.

3. Что в прошедшем году представив отчет Обществу о своем шелководстве за 1833 год, вы изъявили готовность каждому показать способ производить превосходный белый шелк, подобный китайскому сина, если присланы к Вам будут люди, для обучения шелководству, не требуя за то никакой платы, даже принимая и содержание учеников на свой счет, и что повторение сего вызова, Вы сделали в отчете за 1834 г.

4.Что Общество Сельского Хозяйства, уважив столь благонамеренный вызов, послало уже к Вам одного из участников Земледельческой школы» [9, л. 2].

Производство в имении А. Ф. Реброва качественного шелка свидетельствовало и о его спросе. Несмотря на расстояние и высокую цену предприниматели приезжали к помещику Реброву и покупали шелк и коконы. Еще в 1829 году крупным российским фабрикантом И. М. Кондрашевым во Владимировке был куплен шелк по цене 850 рублей ассигнациями за пуд. Этот шелк оказался пригодным для изготовления самых тонких и изящных тканей, обычно привозимых из-за границы. Позже, промышленники за пуд ребровского шелка платили 1400–1800 рублей, а другие же шелка продавались по цене 400–500 рублей за пуд. Что касалось качества и белизны шелка, то шелк А. Ф. Реброва конкурировал с шелками Европы и Востока. В 1837 году в «Земледельческом журнале» А. Ф. Ребров писал: «Шелк мой признан и во Франции лучшим из всех европейских шелков и получил всеобщую известность. Это подтверждается требованием на него и ныне из Лиона коммерческим домом Дюфур д' Арль» [20, с. 103].

Благоприятный климат, правильно выбранный режим кормления и развития шелкопряда, совершенствование процессов размотки коконов в тонкий шелк-сырец, изучение опытов работы европейских и китайских шелководов, все это способствовало значительному улучшению качества шелка в заведении А. Ф. Реброва [12, с. 122].

Опытным путем А. Ф. Ребров выявил влияние качества корма – листьев шелковицы – на скорость развития гусениц и шелконосность коконов. Он первым ввел в практику способ выкормки гусениц на «камышовых плетнях» в 4 яруса в специальных помещениях – червоводнях. До этого обычный способ выкормки червей был на земле [3, с. 122], [11, с. 362–363].

Развитию шелководства способствовало экспериментирование, которое неоднократно проводил А. Ф. Ребров. Например, в 1836 году, при снижении утренней температуры с 22,5 до 7,5 градусов по Цельсию, была замечена высокая смертность гусениц в период завивки коконов. При опыте 10 гусениц были помещены в подвал с температурой 12,5 градусов по Цельсию и из них только 4 завили коконы. Данным опытом было подтверждено значение температуры, необходи-

мой для нормальной выкормки гусениц и завивки ими коконов [12, с. 122].

Единственным путем развития шелководства и шелкомотания А. Ф. Ребров видел в широком привлечении к этому делу крестьян. Поэтому им не только в имении Владимировке, но и на Российском уровне, были созданы школы шелководов в Ставрополе, Кизляре, Кисловодске, Москве и Санкт-Петербурге, в которых все желающие могли обучиться основам выращивания гусениц и переработки коконов [11, с. 363].

Первой была организована бесплатная школа шелководов во Владимировке, в которой зимой ребят учили не только грамоте, арифметике и Закону Божьему, но и шелководческому делу, а летом обучали приемам выкормки гусениц тутового шелкопряда и размотки коконов. Для сохранения и передачи из поколения в поколение навыков и опыта ведения шелководства в имении Владимировке крестьянских детей с детства приучали к занятию шелководческим делом. А. Ф. Ребров стремился к тому, чтобы шелководство, наряду с земледелием, скотоводством и ремеслом, также стало неотъемлемой частью крестьянских занятий [21, с. 50].

Для успешного осуществления опытов в своем хозяйстве, А. Ф. Ребров систематически подготавливал из учеников высококвалифицированных мастеров шелководства и кокономотания. Лучшие мастера А. Ф. Реброва получали поощрения за успехи в шелкомотании и уходе за шелкопрядом. Так, Московским обществом сельского хозяйства были отмечены крестьяне имения Владимировки: управляющий заведением А. Ф. Реброва Ермакевич, был награжден серебряной медалью, а смотритель за шелководством М. Устинов подарком. В 1857 году Обществом было отмечено 25 лет успешной работы мастерицы А. Андреевой [12, с. 127].

В связи с тем, что большинство крестьян были неграмотные, А. Ф. Ребровым было предложено Комитету шелководства предоставить изображения шелкового червя во всех его периодических возрастах и видоизменениях до будущего оживления из яичка. Также к каждой такой картинке необходимо было присовокупить таблицу с указанием температуры оживления, содержания, количества корма и размещения по возрастам. А. Ф. Ребров в газете «Кавказ» писал: «…такое изображение в картинке и цифры были бы понятнее книг и писаний, коих не всякий может удержать в памяти, особенно из простолюдинов» [18, с. 86].

В земледельческую школу А. Ф. Реброва на период обучения шелководству с 1834 по 1837 год Московским обществом сельского хозяйства был послан воспитанник детского приюта А. Авксентьев. Под руководством А. Ф. Реброва им были проведены опыты по сравниванию коконов шелкопряда разных пород. А. Авксентьев отбирал лучшие по плотности и большие по величине коконы шелкопряда разных пород и определял их производственную и экономическую ценность. В выводах он подчеркивал необходимость разведения шелкопряда ценных пород, так как это способствовало бы экономической заинтересованности населения к занятию шелководством. За свое трудолюбие в земледельческой школе А. Ф. Реброва ученик Авксентьев был награжден похвальным листом [12, с. 122–123]. Позже им были присланы помещику Реброву несколько статей о шелководстве, которые были напечатаны в «Земледельческом журнале» [13, с. 251].

В развитии и распространении шелководства на Северном Кавказе было заинтересовано и государство. А. Ф. Ребров нашел покровительство в лицах министра финансов А. К. Мейендорфа и генерал-губернатора А. А. Вельяминова, при содействии которых была получена из Китая хорошая порода червей [5, л. 2]. Дело в том, что А. К. Мейендорф в 1829 году поступил на службу в Министерство финансов России. В этом же году он был определен агентом Министерства финансов во Франции по части мануфактурной промышленности и торговли. А. К. Мейендорф был заинтересован не только в развитии и распространении шелководства по всей России, но и в отечественном производстве шелка и его конкурентоспособности. В свою очередь, назначенный с 1831 по 1838 годы командующим войсками Кавказской линии и Черномории, начальником Кавказской области А. А. Вельяминов стремился всячески поддерживать развитие сельскохозяйственных отраслей на Северном Кавказе [2, с. 76].

В 1836 году, при содействии А. К. Мейендорфа, А. Ф. Реброву от управляющего Королевским садом К. Бове из Франции было отправлено небольшое количество грены. Об успехах разведения французской породы в имении Владимировке А. Ф. Ребров писал: «Она у меня размножена в Заведении и от нея заимствовалось уже за Кавказское общество шелководства, где должна скоро расшириться, судя по отзыву, полученному мною от управляющего там сею частью, Надворного Советника Орлавского, что со введением ея за Кавказом, само собою улучшится воспитание червей и самая размотка с них шелку в виде более правильном и преимущественном того, какой есть теперь» [5, л. 2.об. – 3]. Барон Мейендорф продолжал поставлять через министерство финансов помещику новые породы червей из Франции и с Тибета, так как А.Ф. Ребров стремился «… сделать известными … все породы червей шелковых» не только на Кавказе, но и в России [5, л. 3.об.].

Министром финансов А. К. Мейендорфом, получившим во Франции образцы шелка, посланные А. Ф. Ребровым для определения их качества, был написан положительный отзыв: «Посланный мне Вами шелк в образцах возбудил всеобщее удивление всех больших знатоков в Париже. Никогда они не хотели верить, что сей шелк, выделан в России; сей шелк один из прекраснейших и лучше выделанных в свете и особенно употребляем для белого газа и не имеет ни малейшего недостатка, разве только недовольно

плотный» [3, с. 123]. Полученный высокого качества шелк из французской породы был удостоен высокого отзыва от управляющего Королевским садом К. Бове. В самой же Франции признали превосходство кавказского шелка по отличительной белизне и через департамент мануфактур просили у помещика Реброва прислать воду с реки Кумы, в которой разматывались шелковые коконы [5, л. 3 – 3 об.].

За все время существования и развития шелководства в имении помещика Реброва было выведено 9 пород червей, которые отличались коротким или продолжительным периодом свивания коконов и белизной. Первая порода, которую выделял А. Ф. Ребров, была французская порода сина. Она отличалась умеренным поеданием шелковицы (Alba morus или Шатуть) и через 24 дня начинала свивать коконы, из которых получался сребровидный шелк. Затем А. Ф. Ребров выделял арабскую породу, черви которой по окраске были «темнодикаго» цвета, через 27 дней вили коконы, но по белизне шелка незначительно уступали французской породе. Далее А. Ф. Ребров выделял китайскую, тибетскую, австральскую, итальянскую, гиланскую, левантскую и соединенную породы [17, с. 160].

Будучи активным пропагандистом шелководства и расширения ареала его распространения в России, А. Ф. Ребров бесплатно раздавал крестьянам, заинтересовавшимся лицам семена шелковицы и грену тутового шелкопряда [3, с. 123]. Еще в 1832 году приехав в Москву, он привез семена и сеянцы шелковицы, которые лично посадил в Александровском саду и в Кремле, раздал членам Московского общества сельского хозяйства. Предпринял он посадки шелковицы и в Санкт-Петербурге [3, с. 123–124].

В период с 1830-х по 1850-е годы А. Ф. Реброва избирали членом Обществ, таких как: Императорское московское общество сельского хозяйства, Главное московское общество улучшения овцеводства, Императорское московское общество испытателей природы, Кавказское общество сельского хозяйства, Императорское вольное экономическое общество, Императорское русское географическое общество и другие. Все это говорило о том, что А. Ф. Реброва ценили как личность, как умного человека, знатока по истории Северного Кавказа, который добился выдающихся результатов в области ведения прогрессивного хозяйствования [6, л. 10.об., 11.об.].

Практическая и научная деятельность А. Ф. Реброва по ведению шелководства были оценены высокими наградами не только на выставках в Санкт-Петербурге и Москве, но за рубежом. На международных выставках в Лондоне и Париже шелк, производимый в имении А. Ф. Реброва, по качеству и белизне был удостоен золотых медалей и дипломов [6, л. 10.об. – 12.об., 10, л. 21об. – 22].

18 октября 1837 года в городе Ставрополе была проведена первая сельскохозяйственная выставка на Северном Кавказе, которую посетил император Николай I. Ее директором был назначен А. Ф. Ребров, как знаток по истории, быту и обычаям народов Северного Кавказа, разбиравшийся в своеобразных тонкостях отраслей сельского хозяйства. Выставка была организована и укомплектована при личном участии А. Ф. Реброва, а все представленные экспонаты были им предварительно изучены [4, л. 8 – 8 об.], [14, с. 61]. Для выставки в городе Ставрополе был предоставлен ставропольским 1 гильдии купцом Волобуевым в гостином дворе зал с двумя отдельными комнатами, в которых были расположены в симметричном порядке предметы по каталогу, в клетках были помещены животные и дикие птицы [4, л. 8], [23, с.4].

Император и сопровождавшие его лица с интересом осмотрели раздел выставки, в котором были сосредоточенны экспонаты из имения А. Ф. Реброва. Подойдя к шелку, император отметил: «Это у нас важная статья». Николай I был истинным ценителем шелковой одежды и отлично разбирался в этом вопросе. Далее вниманию императора была представлена тростниковая решетка, наполненная сребровидными коконами, а также коконы китайской породы «сина». Рассматривая коконы, император расспрашивал о породах и их разнице, откуда они были привезены. Заинтересовали императора и машинки: первая разматывающая шелк с коконов и вторая – тростильная, которые отличались от обыкновенных одновременным выполнением нескольких операций: трощения и сучения, при этом значительно сокращая время работы. Наиболее ценным экспонатом было улучшенное мотовило для шелкомотания (тростильно-сучильное для шелка) [4, л. 9об.], [22, с. 4].

После осмотра выставки императором была дана высокая оценка шелководческому делу А. Ф. Реброва. Впоследствии он писал: «…Удостоенный за сию промышленность десяти различных наград, я горжусь главнейшею из них, полученною мною в изустной благодарности от Его Императорского Величества, изъявленной мне в присутствие особ его окружающих и всей публики в Ставрополе в достопамятный день 18 октября» [5, л. 1], [11, с. 364]. Спустя 5 лет А. Ф. Ребров вспоминал: «… я имел счастье быть председателем Областной выставки, но в настоящих преклонных летах моих, я еще более гордился бы, если бы мог дожить до того, чтобы встретить соперничествующих мне в этой отрасли в России» [5, л. 1 об.].

Будучи настоящим патриотом, А. Ф. Ребров в печати настойчиво проводил мысль о том, что Россия способна самостоятельно удовлетворить потребность в сырье для отечественной шелкоткацкой промышленности. Занимаясь популяризаторской деятельностью в области развития и распространения шелководства, А. Ф. Ребров публиковал в газетах [17; 18] и московских журналах [19; 21; 23–25] свои статьи с научными результатами, выводами, насущными проблемами, препятствующими должному развитию шелководства не только на Кавказе, но и в России.

Благодаря созидательной деятельности А. Ф. Реброва и его крестьян село Владимировка за короткий срок превратилось в настоящий оазис в Ногайской степи. Об имении помещика Реброва стало известно и за рубежом. Приезжающие на Кавказ путешественники старались при удобном случае побывать в нем.

В 1839 году семья ученых, путешественников Ксавье и Адель Оммер де Гелль посетили имение Владимировку. Еще в 1836 году Ксавье де Гелль был направлен в Россию для геологических, географических и этнографических исследований территории Кавказа, предгорий Каспийского моря. Результатом исследований стал 3-х томный труд «Les steppes de la mer Caspienne, Le Caucase, La Crimee et la Ruisse Meridionale» («Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и Южная Россия», Париж, 1843–1845 гг.). В сборе и обработке материала участвовала, путешествовавшая с ним, жена Адель. В 10-м номере «Журнала путешествий», издаваемого в Париже, Ксавье де Геллем была опубликована небольшая заметка, описывающая имение помещика Реброва: «Проезжая по Западным степям Каспия, я нашел одно из прекраснейших поместий на реке Куме, с. Владимировку г. Реброва. Тут видна широкая и разумная мысль во всем расположении этого замечательного имения… Солончаки, топкие и недоступные к возделыванию земли, превращены посредством канав в шелковичные плантации и виноградные сады» [29, с. 37–38].

Во 2-м томе «Les steppes de la mer Caspienne, Le Caucase, La Crimee et la Ruisse Meridionale» Ксавье де Геллем было уделено внимание личностным качествам помещика Реброва: «Как экономиста и управленца, мистера Реброва можно сравнить с людьми более выдающимися в Европе, тем более у него имеется заслуга заниматься этими промышленными вопросами, что он не обладал, как другие, ресурсом специальной литературы». Об успешном развитии сельского хозяйства в имении Владимировке французский путешественник писал: «Каждый день мы посвящали два или три часа подробному осматриванию фабрик, мельниц, прядильному производству, многочисленным плантациям в его заведении, которые не переставали возбуждать наше удивление и наш интерес» [31, s. 163].

Жена Ксавье – Адель в своей книге «Путешествие по Прикаспийским степям и югу России», по достоинству оценивала, оказанный помещиком, прием: «Мистер Ребров, хозяин Владимировки, предупрежденный нашим офицером, встречал нас у подножия лестницы, и мы при благополучном прибытии выразили свою вежливость господину. Он старался нас разместить в восхитительных квартирах на нижнем (первом) этаже, окна которого выходили на огромный и прекрасный сад, и где мы нашли бильярд и несколько выпусков иностранных журналов, которые дошли до берегов Кумы». Далее А. де Гелль описывала А. Ф. Реброва как радушного хозяина: «Было как-то хорошо, особенно когда мы имели редкое счастье, прибавляя все эти развлечения, к встрече с гостеприимным семейством. Эти деликатные расточительные хлопоты, показывали привязанность, которая пришла в наши сердца, и которая сделала настолько хорошим путешествие вне своей страны» [30, s. 221].

Особое внимание путешественницы было обращено на развитое хозяйство помещика Реброва в имении Владимировке: «Мягкость климата позволила ему сделать многочисленные плантации шелковицы, которые вполне имели успех, и организовал шелковые фабрики, продукты которых могут конкурировать с самыми прекрасными шелками Прованса». Таким образом, иностранцами оценивалось высокое качество «ребровского» шелка, который продавался в 3-5 раз дороже, чем шелк других поставщиков [30, s. 223].

А. Ф. Ребров добился того, что в 1847 году при императорском московском обществе сельского хозяйства был организован комитет шелководства, первым председателем которого был избран С. М. Маслов [3, с. 124]. В этом же году членом данного общества и комитета был избран и А. Ф. Ребров. С. М. Маслова связывали с А. Ф. Ребровым не только вопросы, касающиеся улучшения и распространения шелководства в России, но и дружба. Посетив еще в 1839 году имение Владимировку, С. М. Маслов дал высокую оценку его шелководческой деятельности: «Ребров... довел шелководное искусство до такой степени усовершенствования, что его шелка в продаже имеют высшую ценность пред всеми русскими шелками… Шелководное заведение г. Реброва есть истинно образцовое у нас заведение, в котором образовались у него собственные мастерицы и мастера шелковичного дела» [28, с. 223].

Высоко оценивался «ребровский» шелк и императорской семьей. В августе 1858 года А. Ф. Ребров преподнес императрице Марии Александровне 200 фунтов шелка, а также ткань, изготовленную на московской фабрике из его шелка. Императрицей было приказано сшить из ткани церковные облачения и отправить в Иерусалим [3, с. 124].

А. Ф. Реброва по праву считают основоположником научного, культурного и отечественного шелководства в России. Благодаря его деятельности Россия в первой половине XIX века не уступала в производстве шелка-сырца по белизне и качеству шелкам европейских и восточных стран. По инициативе и поддержке А. Ф. Реброва были открыты бесплатные школы для обучения шелководству. Безвозмездная раздача и высадка саженцев тутовых деревьев, способствовала развитию и постепенному распространению шелководства во всех губерниях страны. Проведение опытов и экспериментирование при изменении климатических условий, выведение новых пород шелкопряда и шелковичных деревьев, все это приводило к научному развитию шелководческой деятельности А. Ф. Реброва.

Источники и литература

1. Алимирзаев Н. Я. Возникновение и развитие шелководства на Ставрополье (конец XVIII–XX вв.): диссертация канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 270 с.
2. Беликов Г. А. Ставропольские генерал-губернаторы. Ставрополь: Ставропольское изд-во «Параграф», 2014. 176 с.
3. Богословский В. В., Лейнвебер Е. Ф. А. Ф. Ребров – родоначальник научного шелководства в России // Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения (17–18 февраля 2011 года). Часть I. Материалы для биографии А. Ф. Реброва. Выпуск 1. Кисловодск: Изд-во МИЛ, 2012. С. 120–125.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 79. О. 2. Д. 489.
5. ГАСК. Ф. 79. О. 2. Д. 878.
6. ГАСК. Ф. 79. О. 2. Д. 1632.
7. ГАСК. Ф. 79. О. 1. Д. 1011.
8. ГАСК. Ф. 79. О. 2. Д. 1753.
9. ГАСК. Ф. 444. О. 1. Д. 289.
10. ГАСК. Ф.1305. О. 1. Д.28.
11. Запорожцева О. А. Деятельность Алексея Федоровича Реброва по внедрению прогрессивных методов хозяйствования на Ставрополье // Культура и общество: история и современность: материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. О. Ю. Колосовой, Т. В. Вергун, Р. Ф. Гударенко. Ставрополь: АРГУС СтГАУ, 2014. С. 360–365.
12. Иофе Г. Л. Основоположник культурного шелководства в России А. Ф. Ребров // Сборник научных трудов Ташкентского текстильного института. Вып. 6. Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1958. С. 119–128.
13. Иофе Г. Л. У истоков науки о шелководстве и шелкопереработке // Механическая технология волокнистых материалов. Научные труды. Выпуск 20. Ташкент: Издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1967. С. 247–254.
14. Кемпинский Э. В. Высочайший ревизор в Ставрополе: материалы по краеведению. Ставрополь: Кн. Изд-во, 2004. 80 с.
15. Маслов С. А. О кресте на горе Св. Духа близ Нарзана в Кисловодске // Кавказ. 1848. №34. С.3.
16. Орудина Л. Г. У порога синих гор: исторические очерки / лит. запись И. В. Кузнецова. Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. 287 с.
17. Ребров А. Ф. Замечания по предмету улучшения шелководства в Закавказских провинциях // Кавказ. 1854. №40. С.160.
18. Ребров А. Ф. О ближайших способах к правильному развитию в России улучшенного шелководства // Кавказ. 1852. №21. С. 85–86.
19. Ребров А. Ф. О новом шелкомотальном снаряде, изобретенном на Кавказе // Земледельческий журнал. 1831. №1. С. 141–152.
20. Ребров А. Ф. О разведении китайского шелка-сина в Кавказской области. (Донесение) // Земледельческий журнал. 1837. №1. С.103.
21. Ребров А. Ф. О шелководстве в Кавказской области, с сравнительными выводами шелководства в других местах // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1842. №1. С. 37–59.
22. Ребров А. Ф. О шелководстве и о посещении императором Николаем I первой сельскохозяйственной выставки в г. Ставрополе 18 октября 1837 года // Ставропольские губернские ведомости. 1905. №38. С. 4. – Ч. неофиц. (Наша старина).
23. Ребров А. Ф. О шелководстве в России // Земледельческий журнал, 1831. №1. С. 130–140.
24. Ребров А. Ф. Отчет о шелководстве Г.Д.Ч. Реброва за 1834 г. // Земледельческий журнал. 1835. №21. С. 113–124.
25. Ребров А. Ф. Шелководство // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1852. №2. С. 13–26.
26. Фадеев А. В. А.Ф. Ребров – помещик-рационалист // Кавказские Минеральные воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Том 3, конец XX – начало XX вв. / под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: СГУ, 2011. С. 46–48.
27. Шаров Н. Н. Описание Кавказского шелководства. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1891. 320 с.
28. Шелководство на Кавказе и за Кавказом // Кавказ. №54. 1851. С. 222–223.
29. Юрьев Н. Материалы для биографии Алексея Федоровича Реброва (26 марта 1864 г., село Владимировка на Кавказе) // Кавказские Минеральные воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Том 3, конец 20 – начало 21 вв. / под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: СГУ, 2011. С. 36–42.
30. Adele Hommaire de Hell. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie Meridionale. Paris: Librairie de L. Hachette et C., 1860. 411 s.
31. Xavier Hommaire de Hell Les steppes de la mer Caspienne, Le Caucase, La Crimee et la Ruisse Meridionale. Voyage pittoresque, historigue et scientifique // Paris: CHEZ P. BERTRAND, ÉDITEUR, LIBRAIRE DE LA SOCIÉTÉ GÉOLOGIQUE DE FRANCE, 1845. Tome second. 598 s.
32. Klychnikov Ju. Ju. Aleksey Fedorovich Rebrov: A Functionary, Entrepreneur, and Patron // Russkaya Starina. 2014. No.3. P. 119–129.

References

1. Alimirzaev N. Ja. Vozniknovenie i razvitie shelkovodstva na Stavropol'e (konets XVIII–XX vv.) *(The emergence and the development of sericulture in the Stavropol region (late XVIII–XX centuries.)*: thesis. Stavropol', 2011. 270 p. (In Russian).
2. Belikov G. A. Stavropol'skie general-gubernatory *(Stavropol governors-general)*. Stavropol': Paragraf publ., 2014. 176 p. (In Russian).

3. Bogoslovskij V. V., Lejnveber E. F. A. F. Rebrov – rodonachal'nik nauchnogo shelkovodstva v Rossii *(A. F. Rebrov – the founder of scientific sericulture in Russia)* // Tret'i Rebrovskie muzejno-kraevedcheskie chteniya (17–18 fevralya 2011 goda). Part I. Materialy dlya biografii A. F. Rebrova. Issue 1. Kislovodsk: MIL publ., 2012. P. 120–125. (In Russian).
4. State archive of Stavropol Territory (GASK). F.79. Inv.2. D. 489. (In Russian).
5. GASK. F. 79. Inv. 2. D. 878. (In Russian).
6. GASK. F. 79. Inv. 1. D. 1011. (In Russian).
7. GASK. F. 79. Inv. 2. D. 1632. (In Russian).
8. GASK. F. 79. Inv. 2. D. 1753. (In Russian).
9. GASK. F. 444. Inv. 1. D. 289. (In Russian).
10. GASK. F. 1305. nv. 1. D. 28. (In Russian).
11. Zaporozhtseva O. A. Dejatel'nost' Alekseja Fedorovicha Rebrova po vnedreniju progressivnyh metodov hozjajstvovanija na Stavropol'e *(The work of Alexei Fedorovich Rebrov to introduce advanced methods of management in the Stavropol region)* // Kul'tura i obschestvo: istorija i sovremennost': materialy III Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferentsii. Stavropol': ARGUS publ., 2014. P. 360–365. (In Russian).
12. Iofe G. L. Osnovopolozhnik kul'turnogo shelkovodstva v Rossii A. F. Rebrov *(The Founder of Cultural Sericulture in Russia – A. F. Rebrov)* // Sbornik nauchnyh trudov Tashkentskogo tekstil'nogo instituta. Issue. 6. Tashkent: Printing house «FAN» publ., 1958. P. 119–128. (In Russian).
13. Iofe G. L. U istokov nauki o shelkovodstve i shelkopererabotke *(At the origins of the Science of Sericulture and Silk Processing)* // Mehanicheskaja tehnologija voloknistyh materialov. Nauchnye trudy. Issue 20. Tashkent: Printing house «FAN» publ., 1967. P. 247–254. (In Russian).
14. Kempinskij Eh. V. Vysochajshij revizor v Stavropole: materialy po kraevedeniyu *(The Highest Auditor in Stavropol: Materials on Local Lore)*. Stavropol', 2004. 80 p. (In Russian).
15. Maslov S. A. O kreste na gore Sv. Duha bliz Narzana v Kislovodske *(The Cross on the Mount of St. Spirit near Narzan in Kislovodsk)* // Kavkaz. 1848. No. 34. P. 3. (In Russian).
16. Orudina L. G. U poroga sinih gor: istoricheskie ocherki *(At the Threshold of the Blue Mountains: Historical Essays)*. Stavropol', 1983. 287 p. (In Russian).
17. Rebrov A. F. Zamechaniya po predmetu uluchsheniya shelkovodstva v Zakavkazkih provinciyah *(Observations on the Improvement of Sericulture in Zakavkazsky Provinces)* // Kavkaz. 1854. No. 40. P. 160. (In Russian).
18. Rebrov A. F. O blizhajshih sposobah k pravil'nom razvitiyu v Rossii uluchshennogo shelkovodstva *(On the Immediate Ways to the Correct Development of the Improved Sericulture in Russia)* // Kavkaz. 1852. No. 21. P. 85–86. (In Russian).
19. Rebrov A. F. O novom shelkomotal'nom snaryade, izobretennom na Kavkaze *(About the new filature projectile, invented in the Caucasus)* // Zemledel'cheskij zhurnal. 1831. No. 1. P. 141–152. (In Russian).
20. Rebrov A. F. O razvedenii kitajskogo shelka-sina v Kavkazskoj oblasti. (Donesenie) *(On the Cultivation of Chinese Silk-Sina in the Caucasus region. (Report))* // Zemledel'cheskij zhurnal. 1837. No.1. P. 103. (In Russian).
21. Rebrov A. F. O shelkovodstve v Kavkazskoj oblasti, s sravnitel'nymi vyvodami shelkovodstva v drugih mestah *(On Sericulture in the Caucasus Region, with Comparative Conclusions of Sericulture in Other Places)* // ZHurnal sel'skogo hozyajstva i ovcevodstva. 1842. No. 1. P. 37–59. (In Russian).
22. Rebrov A. F. O shelkovodstve i o poseshchenii imperatorom Nikolaem I pervoj sel'skohozyajstvennoj vystavki v g. Stavropole 18 oktyabrya 1837 goda *(On Sericulture and the Visit of the Emperor Nicholas I to the First Agricultural Exhibition in Stavropol on October 18, 1837)* // Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1905. No. 38. P. 4. (In Russian).
23. Rebrov A. F. O shelkovodstve v Rossii *(On sericulture in Russia)* // Zemledel'cheskij zhurnal. 1831. No. 1. P. 130–140. (In Russian).
24. Rebrov A. F. Otchet o shelkovodstve G. D. Ch. Rebrova za 1834 g. *(Report on sericulture G. D. Ch. Rebrov of 1834)* // Zemledel'cheskij zhurnal. 1835. No. 21. P. 113–124. (In Russian).
25. Rebrov A. F. SHelkovodstvo *(Sericulture)* // ZHurnal sel'skogo hozyajstva i ovcevodstva. 1852. No. 2. P. 13–26. (In Russian).
26. Fadeev A. V. A. F. Rebrov – pomeschik-ratsionalist *(A. F. Rebrov – landowner-rationalist)* // Kavkazskie Mineral'nye vody v opisanijah, ocherkah, issledovanijah za 200 let. Vol 3, konets 20 – nachalo 21 vv. Stavropol': SSU publ., 2011. P. 46–48. (In Russian).
27. Sharov N. N. Opisanie Kavkazskogo shelkovodstva *(Description of the Caucasian sericulture)*. Tiflis: Printing Office of the Office of the Chief Civilian in the Caucasus publ., 1891. 320 p. (In Russian).
28. Sjelkovodstvo na Kavkaze i za Kavkazom *(Sericulture in the Caucasus and beyond the Caucasus)* // Kavkaz. 1851. No. 54. P. 222–223. (In Russian).
29. Yur'ev N. Materialy dlya biografii Alekseya Fedorovicha Rebrova (26 marta 1864 g., selo Vladimirovka na Kavkaze) *(Materials for the biography of Alexei Fedorovich Rebrov (March 26, 1864, the village of Vladimirovka in the Caucasus)* // Kavkazskie Mineral'nye vody v opisaniyah, ocherkah, issledovaniyah za 200 let. Vol 3, konec 20 – nachalo 21 vv. Stavropol': SSU publ., 2011. P. 36–42. (In Russian).
30. Adele Hommaire de Hell. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie Meridionale. Paris: Librairie de L. Hachette et C., 1860. 411 s.
31. Xavier Hommaire de Hell Les steppes de la mer Caspienne, Le Caucase, La Crimee et la Ruisse Meridionale. Voyage pittoresque, historigue et scientifique // Paris: CHEZ P. BERTRAND, ÉDITEUR, LIBRAIRE DE LA SOCIÉTÉ GÉOLOGIQUE DE FRANCE, 1845. Tome second. 598 s.
32. Klychnikov Ju. Ju. Aleksey Fedorovich Rebrov: A Functionary, Entrepreneur, and Patron // Russkaya Starina. 2014. No. 3. P. 119–129.

Сведения об авторе

Запорожцева Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / qlbz1992@mail.ru

Information about the author

Zaporozhtseva Olga – postgraduate, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / qlbz1992@mail.ru

УДК 94(470.47)04/06

К. П. Кольцова, П. М. Кольцов

РАССЕЛЕНИЕ КАЛМЫКОВ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XVII–XVIII вв.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В данной статье рассматриваются вопросы связанные с датой и причинами появления калмыков на территории Волго–Уральского междуречья в XVII–XVIII вв. Авторы также обращаются к проблеме взаимоотношения калмыков с соседними народами в контексте российской внешней политики. В результате целого ряда успешный действий как военного, так и дипломатического характера калмыки заселили территории возле рек Эмба, Яик и Волга, вытеснив ногайские рода с насиженных мест.

Основными причинами по которым калмыки стремились закрепиться на указанных выше территориях были не только обширные пастбища, граничащие с морем, но и сравнительно малая конкуренция со стороны соседних кочевых народов (в частности с ногайцами, башкирами).

Авторами обоснованно отмечается, что в сложившейся ситуации у российского правительства не было возможности изгнать пришельцев военной силой, поэтому они признавая право калмыков кочевать по этим территориям стали привлекать калмыцкую конницу в качестве военной силы для охраны южных рубежей империи, в том числе и для подавления ногайской вольности, «замирения» казахов, походов на Крымское ханство и пр.

Защищая южные рубежи России от ее внешних врагов калмыки тем не менее принимали активное участие в таких социальных формах протеста как казацко-крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачева.

Таким образом, переселение калмыков в XVII в. в районы рек Эмба, Яик и Волга открыло новые страницы во взаимоотношениях калмыков с соседними народами. Основной особенностью этого периода стало расселение и проживание калмыков в указанных выше районах (о чем свидетельствуют топономические названия указанных мест) и вхождение калмыцкого народа в состав Российской империи. Причем ранний период этих взаимоотношений характеризуется частыми военными столкновениями между калмыками и соседними народами из-за пастбищных земель, угона скота и политических пристрастий. Постепенно указанные выше народы прошли сложный процесс интеграции в Российское государство, но при этом продолжая сохранять свои этнокультурные и хозяйственные особенности.

Ключевые слова: Волго-Уральское междуречье, Эмба, Яик, Волга, калмыки, казахи, ногайцы, Русское правительство.

K. Koltsova, P. Koltsov

RESETTLEMENT OF THE KALMYKS IN THE VOLGO-URAL INTERFLUVE IN THE XVII–XVIII CENTURIES: PROBLEMS OF INTERACTION WITH THE NEIGHBORING PEOPLES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN FOREIGN POLICY

This article discusses issues related to the date and reasons for the appearance of the Kalmyks in the Volga-Ural interfluve in the XVII–XVIII centuries. The authors addresses the problem of the relations between the Kalmyks and the neighboring peoples in the context of Russian foreign policy. As a result of a number of successful actions, both military and diplomatic, the Kalmyks settled in the areas near the Emba, Yaik and Volga rivers, displacing the Nogai clans from their homes.

The main reasons why the Kalmyks sought to gain a foothold in the above territories were not only vast pastures bordering the sea, but also relatively little competition from neighboring nomadic peoples (in particular, the Nogais and the Bashkirs).

The authors reasonably note that in the current situation the Russian government did not have an opportunity to banish the newcomers by force, therefore, recognizing the right of the Kalmyks to roam these territories, they began to bring the Kalmyk cavalry as a military force to protect the southern borders of the empire, including the suppression liberties on the part of the Nogais, “reconciliation” of the Kazakhs, campaigns against the Crimean Khanate, etc.

Defending the southern borders of Russia from its external enemies, the Kalmyks nevertheless took an active part in such social forms of protest as the Cossack-peasant uprising led by Emelyan Pugachev.

Thus, the resettlement of the Kalmyks in the XVII century to the areas of the Emba, Yaik, and Volga rivers opened new pages in the relations of the Kalmyks with the neighboring peoples. The main feature of this period was the resettlement and residence of the Kalmyks in the above-mentioned areas (as evidenced by the toponomic names of these places) and the entry of the Kalmyk people into the Russian Empire. Moreover, the early period of this relationship is characterized by frequent military clashes between the Kalmyks and the neighboring peoples over pasture lands, cattle theft and political predilections. Gradually, the above-mentioned peoples went through a complex process

of integration into the Russian state, but at the same time continuing to maintain their ethnocultural and economic characteristics.

Key words: the Volga-Ural interfluve, the Emba, the Yaik, the Volga, the Kalmyks, the Kazakhs, the Nogais, Russian government.

История заселения калмыками Волго–Уральского междуречья в XVII–XVIII вв. до сих пор вызывает много споров. Причем хронология данного события колеблется в пределах двух десятилетий. Например, русский историк Н. И. Веселовский утверждал, что побережья рек Эмба и Иргиз были заселены калмыками в 1613 г. [3, с. 3–10], а А. А. Гераклитов считал, что это событие произошло в 1634 г. [5, с. 210–211]. Иного мнения по данному вопросу придерживался Н. Н. Пальмов, проводивший исследования по данной теме в начале XIX–XX вв. [16, с. 6]. Ссылаясь на сказание Габан-Шараба [4, с. 6–8] и на труд академика П. С. Палласа [15, с. 10–20] он пришел к выводу, что улус калмыков под преводительством тайши Хо-Орлюка прикочевал в междуречье Волги и Яика в 1632 году [17, с. 330–36].

В своем произведении «История калмыцких ханов» Г. Лыткин так описывает перекочевку калмыков в Волго-Уральское междуречье: «В год Шорой мурын (1618 г. К. К.) калмыцкий тайша Хо-Орлюк посылал своих людей разведывать побережья Каспийского моря. Услышав о том, что эти земли пустые, он вместе с торгуты и хошоуты и своими шестью сыновьями, шорой лу (т.е. 1628 г.) оставив свой нутугин (пастбище) и перекочевал из Джунгарии на запад» [9, с. 124]. Если опираться на данные источники, то тайша Хо-Орлюк разведав области рек Волги и Яика в 1618 г., начал переселение своего улуса из Южной Сибири в 1628 г. Свои действия тайша не стал согласовывать с русским правительством. Однако учитывая тот факт, что калмыки (тайши Далай-Баатыра и др.) приняли русское подданство в 1608–1609 гг. при царе Василии Шуйском, то перекочевка улуса Хо-Орлюка в пределы российского государства была скорее всего ожидаемой. От него и других калмыцких тайшей требовалось лишь принести шерть (клятву) русскому царю, но они не торопились этого делать. Причиной тому была часть торгутской знати не желавшая принятия российского подданства.

В 1623 г. тобольский воевода увидев калмыков, кочевавших вдоль реки Тобол, пытался прояснить их намерения и с этой целью отправил послов во главе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым. Группа послов приехав к калмыкам, доложила требование правительства, но ответная реакция последних была негативной, послов избили и отправили обратно. Дмитрий Черкасов уцелел благодаря вмешательству тайши Сенкула. Эти события создавали трудности в отношениях с русским правительством, что проявилось в 1628 г, когда тайша Хо-Орлюк прикочевал на Яик. В 1629 г. калмыки вышли к реке Эмбы, а в 1630 г. были уже на Волге [17, с. 33].

В произведении Габана Шараба «Повесть о Дербен ойратах» написанное в 1737 г., говорится о том, что дошедший до Волги сын Хо–Орлюка Дайчин тайши заселил междуречье Волги и Яика в 1632 г. Обосновашись между городами Астрахань и Саратов, калмыки под предводительством тайши Хо–Орлюка не посчитали нужным известить об этом русского царя. Представители царского правительства хотели призвать кочующих в Российских владениях калмыков к порядку, и потребовали от Дайчина тайшы перехода в русское подданство. Дайчин тайши ответил так: «Калмыки не бояться никого кроме Бога и никогда не были чьим-то рабами. Они могут кочевать в тех землях где хотят, потому что владыка воды и земли Бог» [20, с. 168].

Первым кто информировал русское правительство о приходе калмыков в 1629 г. в район рек Эмба и Яика, был астраханский воевода Ф. Куракин. В своем письме в Москву он сообщал о том, что калмыки подошли к Яику и просят разрешение кочевать по рекам Эмба и Яик [8, с. 51]. В 1630 г. Далай-Батыр направил послов в Москву с просьбой разрешить ему кочевать в районе Уфы, но получил от уфимского воеводы И. Г. Желябужского отказ [19, с. 159].

Во время пребывания на Волге и Яике калмыки совершали набеги на соседние народы и угоняли их скот. В связи с этим 22 апреля 1632 г. ногайские мурзы обьединившись с русскими войсками совершили нападение на калмыков возле Черной реки (Қара өзен). Получив приказ не пускать калмыков в пределы российской территории, Астраханский воевода отправил своих стрельцов к калмыцким тайшам с требованием освободить район Волги и Яика и не грабить местное население. Калмыки ответили, что не могут выполнить эти требования, но готовы присягнуть на верность русскому государству. Для того чтобы принять присягу у калмыков, было решено отправить послом Г. Русакова [18, л. 9–11]. Во время переговоров Хо–Орлюк и его сын Дайчин просили новые землю в окрестностях рек Эмба, Иргиз, Яик и Волга. Представители правительства предложили земли вокруг города Уфы, но калмыки отказались от данного предложения. Они выразили желание быть под царем находясь возле Астрахани. Причина по которой калмыки стремились закрепиться в этих землях, заключалась не только в отличных пастбищах, граничащих с морем, но и в малой конкуренцией со стороны других кочевых народов (в частности с башкирами).

О пребывании калмыков в районе рек Эмба и Урал (по современному административному делению это Западно-Казахстанская и Акюбинская области Республики Казахстан) свидетельствуют не только архивные источники, но и топонимические названия этих мест. Например, в районе Нарынских песков есть местность Мынтобе, которая

согласно легенде названа в честь калмыка кочевавшего там. Его дочь вышла замуж за казахского батыра из рода Бериш из подгруппы Бегис, потомки их стали называться Калмык (по казахский – Қалмақ) и составили один из ветвей этого рода.

В 1632 г. калмыки начали мирные переговоры с русским правительством, ногайскими мурзами и другими местными народами. Прежде всего, калмыки вернули пленных и еще раз выразили готовность присягнуть на верность русскому царю. К калмыцким улусам для повторного принятия присяги был отправлен тот же Г. Русаков.

Заселение калмыками земель возле рек Эмба, Яик и Волга, вызвало недовольство местных ногайских родов, которые были вынуждены покидать насиженные места.

Спустя некоторое время Дайчин тайши со своим улусом откочевал в направление реки Бозан, а его отец Хо–Орлюк в район реки Тобол. В 1635 г. хан Жангир обьединенившись с джунгарами, совершил нападение на улус Хо–Орлюка и оттеснил его к реке Эмба.

В 20-х годах XVII в. среди ногайцев населявших район реки Волга стали расти антирусские настроения. Поводом стал запрет русского правительство переходить ногайцам в Крым. Тем не менее, ногайцы нашли себе союзников в лице крымских татар и стали готовиться пересечь Волгу. В 30-х годах XVII в. они перешли Волгу, и поселились в местечке под названием Моча. На попытку правительства вернуть ногайцев в прежние места кочевания, те ответили вооруженным сопротивлением, но были разбиты, а их аулы разорены.

Недовольство ногайских мурз политикой проводимой царским правительством нарастало. Осенью 1635 г. татары Большой Ногайской Орды вынуждены были перекочевать из под Астрахани на Кубань и перейти в подчинение к крымским ханам. В это время кочевавший возле Астраханских земель Дайчин тайши выразил свою готовность помочь царскому правительству примирить ногайцев и выдвинуть свои войска из района Бозан и Нарынских песков. От местной администрации, калмыки просили разрешение кочевать между реками Волга и Яик. Однако русское правительство не хотело усиление калмыков и отказалось от их помощи.

После подавления ногайского восстания и ослабления угрозы со стороны Крымского ханства, в 1636 г. в урочище Берекет возле реки Бозан, состоялись переговоры между представителями царской власти и калмыками. Чтобы снизить градус недоверия, калмыцкие тайши предложили свою помощь в войне с Крымским ханством и обмен заложниками (аманат) с двух сторон в течение 10 лет. На эти предложения русские послы не согласились. Недовольные таким поворотом событий калмыки схватили русского переводчика Кузьму Артемьева и продержав его некоторое время в плену отпустили в Астрахань, с требованиями и пожеланиями решить вопрос о кочевание в землях между реками Волга – Яик и взаимной торговле. Если их требования не будут выполнены, то калмыки угрожали вступить во взаимоденйствие с крымскими татарами и ногайскими мурзами, чтобы совместно выступить против царской власти. Это сообщение напугало местную администрацию и встревожило царскую власть.

В 1636–1637 гг. тобольский воевода в своих письмах калмыцким тайшам писал, что русский царь разрешил Дайчину кочевать в Волго–Уральском междуречье и в окрестностьях Астрахани [7, с. 61]. Таким образом, русское правительство стремилось использовать военный потенциал калмыков против кубанских татар и Крымского ханства.В связи с возвращением в 1637 г. ногайских улусов из Крыма, калмыки отошли от Астрахани и реки Волга к р. Яик. Улус тайши Хо-Орлюка находился около горы Дендер в верхнем течении Яика, а Дайчин и его сыновья Даян–Эрке и Нима–Церен кочевали по территориям от р. Камыш–Садак до Самары. Вдоль побережья реки Яик вместе с ними кочевали Санжиб и тайша Шункей с своими улусами. Поселившиеся на этих землях калмыки не всегда выполняли данные ими обязательства и периодически совершали нападения на соседние города и населенные пункты. Из-за этой ситуации царское правительство тянуло с решением о предоставлении калмыкам земель для постоянного кочевья. Калмыки постоянно передвигались из одного места в другое, совершая при этом набеги на населенные пункты. К примеру калмыки напали на города Самару в 1639 году, Астрахань в 1645 году, Казань, Уфу, Самару в 1650 годах и разграбили их [6, с. 22–25].

Эти события потребовали от царской власти пересмотреть политику по отношение к калмыкам. Представители властей повторно провели церемонию присяги, но это не остановило набеги калмыков на населенные пункты. В 1643–1644 гг. ногайские мурзы и калмыцкие тайши пошли на антиправительственные действия. Поводом для этих выступлений стали бесчинства царской власти по отношение к ногайских родам.

В 1643 г. из Крымский степей вернулись ногайские улусы в количестве 10 тысяч человек с мурзами Естерек, Салтанат, Салтаналы и снова перешли в русское подданства. Во время проведения церемонии присяги астраханский воевода князь Ф. А. Телятовский, взял в плен ногайских мурз, которые раньше не подчинились приказам, а их улусы разорил. Своим актом воевода дал понять ногайским мурзам, что неповиновение властям (самовольная откочевка) будет караться. Карательные действия со стороны местных властей заставило ногайцей обратиться с жалобой к царя на насилие со стороны астраханского воеводы князья Ф. А. Телятовского, а также искать поддержки у калмыков, что значительно обострило ситуацию в регионе [6, с. 27–30].

19 февраля 1643 г. ногайцы с помощью калмыков уничтожили русский гарнизон и захватили много пленных, а затем переправившись через реку Кутумовка, откочевали на побережья Яика. Обосновашихся на этих землях ногайский мурза

Баян–Ерке написал письмо Астраханскому воеводе Телятовскому с предолжением обменять пленных. В это время пришел ответ из Москвы на жалобу ногайцев. По указу царя астраханский воевода князь Ф. А. Телятовский был освобожден от должности, а на его место в 1644 г. был назначен князь И. Трахониотов. Новому воеводе было приказано не притеснять ногайцев а защищать их. Тем не менее ногайцы продолжили свою откочевку, одни ушли на Терек, другие в окрестности городов Царицын и Саратов.

В сложившейся ситуации царское правительство стало привлекать калмыков в качестве военной силы для подавления ногайской вольности. В 1643 году калмыцкие тайши с своим войском совершили удачный поход на побережья реки Терек, дабы вернуть ногайцев.

Начиная с 1645 г. калмыки стали воевать против Крымского ханства на стороне России. Так в 1650 г. калмыцкие тайши обьединившись с войсками князей Хасболата и Черкассова приняли участие в походе на Азов.

В 1668 г. калмыки вместе с полками царской армии подавили восстание казаков в Яицком городке. Учитывая военные заслуги калмыков, правительство разрешило им кочевать на ногайских землях и на побережье Яика. Начиная с этого времени калмыки стали делиться на Астраханских или Волжских и на Яицких калмыков.

Царское правительство использовало калмыков вместе с казачьими войсками для охраны южных рубежей империи, в том числе и для «замирения» казахов. Попытка привлечь к карательным операциям Ставропольских туркменов не увенчалось успехом. Туркмены отказались вести военные действия против казахов, за что были наказаны [10, л. 2] .

В 40-х годах XVIII в. отношения между калмыками и казахами вновь обострились. В начале лета 1736 г. калмыки прервали свое участие в русско-турецкой войне и вернулись в свои улусы. Уход калмыков объяснялся конфликтом с казахами. Весной к казахам были отправлены посланцы с целью установления мира, но в начале лета они вернулись, так как «касацкие владельцы у них калмыков все отобрали, только на дорогу по одной лошади дали, а на пропитание и ничего не дали». В конце августа Дондук-Омбо тайно отправил посланца к Абулхаиру султану. В августе он возвратился и привез тревожные известия: Абулхаир предупреждал Дондук-Омбо: «чтоб он в зимнее время от касак имел опасение [11, л. 126, 126 об.].

Из-за привлечения калмыцких войск на Кубань (одновременно 20–30 тыс. человек) улусы зачастую оставались беззащитными перед казахами и каракалпаками. В 1737 г. казахи отогнали 5,5 тыс. кибиток, а весной 1738 г. даже разгромили ханскую ставку. Поэтому на следующий год Коллегия иностранных дел еле добилась от хана посылки крупных отрядов на войну [12, л. 33].

Постоянная угроза калмыцким улусам привела к тому, что в системе сезонных перекочевок в XVIII в. появилось исключение из правил. Оно относится к табун-отоковым Доржи Назарова улусам, которые практически постоянно располагались в волжско-яицком междуречье. По мнению М. М. Батмаева, подобное обстоятельство объяснялось тем, что улус Доржи

Назарова выполнял роль заслона против возможных набегов казахов. Однако и эти улусы совершали на занимаемой территории сезонные перекочевки, зимой спускаясь к югу, а летом поднимаясь севернее [1, с. 282].

Итак используя методы колониальной политики царская власть стравливала кочевые народы между собой и зорко следила за их контактами. Например, соглядатай Астраханского генерала–губернатора среди калмыков Самган Цецюл писал 23 апреля 1756 г.: «Замбек тайши хочет установить дружественные отношения с казахскими ханами». Сообщение такого рода поступали не только Астраханскому генерал–губернатору, но и Оренбургскому наместнику тоже. Оренбургский генерал – губернатор Неплюев в своем дневнике писал: «Калмыцкий тайши Замбек сосватал свою дочь Хамсу к младшему брату казахского хана Нуралы, они (Замбек тайши и его дочь Хамсу) со своими слугами и народом перекочевали на казахские земли» [13, л. 84–85]. В данной ситуации представители царского правительства давали инструкции своим доверенным лицам не допускать дружбы между калмыками и казахами [13, л. 85].

Нагнетанию обстановки между калмыками и казахами способствовали также частые набеги с целью угона скота (барымта – перевод с казахского). Об этом писал известный русский историк Н. Н. Пальмов: «К разбойничьему (барымта) походу готовились заранее, ….. к этому делу приступали, когда замерзал лед на реке Яик. Для рядового киргиза – кайсака была цель разграбить калмыков, расположенных по соседству» [14, л. 2]. Представители русского правительство пытались не допускать человеческих жертв и решать споры между двумя кочевыми народами переговорным путем. Тем не менее напряженная обстановка в отношениях между калмыками и казахами продолжалась сохраняться в течении длительного времени.

В 1743 г. калмыки угнали сотни голов лошадей из Младшего жуза. Сын Туганбека Есет батыр и другие старшины казахских родов потребовали от русских властей вернуть угнанных лошадей или в противном случае они совершат нападение на калмыков. В январе 1744 г. когда реки Волга и Яик покрылись льдом 50 казахских джигитов во главе Есет батыром и другими старшинами приехали в Астрахань и просили у тайного советника Татищева дать разрешение казахскому войску (около 10 тысяч человек) пройти к калмыцким улусам. Астраханский губернатор пытался предотвратить нападение казахов на калмыцкие улусы и всячески тянул с ответом. В свою очередь он тайно просил у Оренбургского генерал – губернатора помощи – 1 кавалерийский полк и пушки для от-

ражения нападения со стороны казахов [14, л. 2; 16, с. 152].

В августе 1761 г. возле Волги на кочевавших там людей сына Доржы Назарова Лубжи напали казахи и угнали их скот. С помощью своего отца Лубжи организовал погоню и догнал казахов около Караозена. В результате столкновения калмыки убили 415 казахских джигитов, 1 захватили в плен и лишь 3 удалось спастись бегством. В качестве доказательства набега казахов калмыки отрезали у убитых правое ухо и передали трофей вместе с пленным казахом губернатору Саратова Волынскому [14, л. 25].

Постоянные стычки между двумя кочевыми народами царское правительсто выгодно использовало в своих целях. В целях недопущения сближения калмыков с другими кочевыми народами, а также во избежания усиления одного из них, правительство использовало калмыков в карательных акциях против ногайцев и киргиз-кайсаков.

Начиная с XVIII в. Русское правительство стало привлекать калмыков на службу в казачьи военные формирования. В 1725 г. из 625 калмыков кочевавших в районе реки Яик военная коллегия взяла на службу в казачьи военные формирования 110 человек. Из калмыков кочевавших около Астрахани была создана армейская команда из 300 человек для охраны линии (границы) Астрахань–Царицын. Численность населения казачьих станиц на южных границах постояно росло, в том числе и за счет калмыков. В 1746 г. численность калмыков состоящих на военной службе составляло 470 человек, а в 1753 г. в состав Яицкого казачьего военного корпуса входил отдельный калмыцкий конный полк [14, л. 8].

В 1755 г. калмыки вошли состав Оренбургского казачьего войска и были размещены вдоль границы. В 1759 г. Оренбургский генерал – губерантор предложил Сенату создать из калмыков отдельный кавалерийский корпус.

Одним из первых кто исследавал жизнь калмыков населявших Яик был П. С. Паллас, приехавший в этот край 1756 году [15]. Он писал о культуре, обычаях и традициях калмыков и казахов живших на этой земле. Яицкие калмыки дали ученому большую информацию о культуре, обычаях и традициях местных калмыков, подарили своих бурханов – статуи Будды из бронзы. В настоящее время они хранятся в Санкт-Петербурге: кунсткамере и в музеях антропологии и этнографии Российской Федерации.

На Яике калмыки проживали в поселках Рубежинск, Требущинск, Январцево, и около станций Кызыл – Куба, Кулагино, Кисык – Камыс, Индер. В 1841 г. инженер–фортификатор Иван Федорович Бларамберг своем труде о жизни и быте яицких калмыков и казахов описывал так: «Калмыки как и казахи кочевой народ, они с 15 мая до 15 сентябрь кочуют. Кроме военной службы, занимаются земледелием и скотоводством. Калмыки в основном служили в конных частях, для пехоты не очень подходили. «Они хитрые, осторожные, но быстро и четко выполняют приказ» [2, с. 81].

Строго выполняя свои воинские обязанности по охране южных рубежей империи, калмыки, как и представители других кочевых народов, тем не менее, принимали участие и в антиправительственных выступлениях. Об этом свидетельствует казацко-крестьянское восстание Е. Пугачева, на стороне которого выступила часть Ставропольских крещенных калмыков-казаков во главе с войсковым квартирмейстером Федором Дербетовым, позднее к ним примкнули войсковой полковник В. Делдеш и зайсанги. Основная часть калмыцкой знати на первых порах смутного времени выжидала, другая (например, багоцохуровский нойон, князь Алексей Дондуков, дербетский нойон Доржин, зайсанг Гунап и др.) сохраняла верность правительству и со своими людьми участвовала в подавлении восстания. По мнению исследователя калмыцкого казачества К. П. Шовунова выступление части калмыцкого казачества на стороне Пугачева не имела твердого классового водораздела и не носила антиколониальный характер [21, с. 138].

Подводя итоги, отметим, что переселение части калмыцких улусов в XVII–XVIII вв. в Волго-Уральское междуречье открыло новые страницы во взаимоотношениях калмыков с русскими, башкирами, казахами, каракалпаками и ногайцами. Основной особенностью этого периода следует считать вхождение калмыцкого народа в состав Российского государства, их активное участие в военных компаниях против внешних врагов империи и в охране ее южных рубежей. В то же время следует отметить, что отдельные калмыки кочевавшие на Яике, вместе с казахами и другими народами принимали активное участие в казацко-крестьянском восстании во главе с Пугачевым против правительства.

Постепенно указанные выше кочевые народы прошли сложный процесс интеграции в Российское государство – от частых военных столкновений между собой из-за пастбищных земель, угона скота и политических пристрастий, до мирного сосуществания, путем включения в бюрократическую систему империи и ее экономику. Политика России в XVII–XVIII вв. по консолидации и объединению разных этнических сообществ в рамках единного государства положительно сказалось на дальнейшей судьбе кочевых народов.

Источники и литература

1. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV. Ч. 3. 1848. 193 с.

3. Веселовский Н. И. Передовые калмыки на путях к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1888. Т. 3. С. 365–370.

4. Габан Шараб. Сказание о Дербен-ойратах // Позднеев А. М. Памятники исторической литературы астраханских калмыков. СПб.: б.и., 1885. С. 49–90.
5. Гераклитов А. А. История Саратовского края XVI–XVIII вв. Саратов: Друкарь, 1923. 375 с.
6. Добромыслов А. И. Материалы по истории России. Сб. указов и др. документов, касающихся упр. и устройства Оренбург. края / по арх. документам тург. обл. правл. сост. А. И. Добросмыслов. Т.1. Оренбург: Типография Ф. Б. Сачкова, 1900. 303 с.
7. Кичиков М. Л. Образование калмыцкого ханства. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 122 с.
8. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 284 с.
9. Лыткин Г. История калмыцких ханов // Астраханские губернские ведомости. 1860. №19.
10. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф.1. «Главный Пристав». Оп. 1. Д. 103.
11. НА РК. Ф. 36. «Состоящий при Калмыцких Делах при Астраханском Губернаторе». Оп. 1. Д. 79.
12. НА РК. Ф. 36. «Состоящий при Калмыцких Делах при Астраханском Губернаторе». Оп. 1. Д. 100.
13. НА РК. Ф. 145. «Пальмов Николай Николаевич - профессор, историк-калмыковед, организатор архивного дела в Калмыкии». Оп. 1. Д. 163.
14. НА РК. Ф. 145. «Пальмов Николай Николаевич - профессор, историк-калмыковед, организатор архивного дела в Калмыкии». Оп. 1. Д. 228.
15. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб.: Имп. АН, 1809. 657 с.
16. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII вв. Ч.1. Астрахань: Изд. Калмыцкого Областного исполнительного комитета, 1926. 264 с.
17. Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывание в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф.119. «Калмыцкие дела». Оп. 1. Д. 1.
19. Русско-монгольские отношения. 1607–1636: Сборник документов под редакцией И. Я. Златкина и Устюгова. М.: Изд-во Вост. Лит, 1959. 352 с.
20. Хара-Даван Э. Чингиз хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 222 с.
21. Шовунов К. П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий институт общественных наук, 1992. 320 с.

References

1. Batmayev M. M. Sotsial'no-politicheskiy stroy i khozyaystvo kalmykov v XVII–XVIII v.v. *(The socio-political system and the economy of the Kalmyks in the XVII–XVIII centuries).* Elista: APP «Dzhangar», 2002. 400 p. (In Russian).
2. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii *(Military Statistical Review of the Russian Empire)*. 1848. Vol. XIV. Part. 3. 193 p. (In Russian).
3. Veselovskiy N. I. Peredovyye kalmyki na putyakh k Volge *(Advanced Kalmyks on the way to the Volga)* // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. 1888. Vol. 3. P. 365–370. (In Russian).
4. Gaban Sharab. Skazaniye o Derben-oyratakh *(The Legend of Derben-oirats)* // Pozdneyev A. M. Pamyatniki istoricheskoy literatury astrakhanskikh kalmykov. St.Petersburg, 1885. P. 49–90. (In Russian).
5. Geraklitov A. A. Istoriya Saratovskogo kraya XVII–XVIII vv. *(The History of the Saratov Territory XVI–XVIII centuries).* Saratov: Drukar', 1923. 375 p. (In Russian).
6. Dobromyslov A. I. Materialy po istorii Rossii *(Materials on the History of Russia).* Vol.1. Orenburg: F. B. Sachkov's printing office, 1900. 303 p. (In Russian).
7. Kichikov M. L. Obrazovaniye kalmytskogo khanstva *(The formation of the Kalmyk Khanate)*. Elista: Kalmyk printing house, 1994. 122 p. (In Russian).
8. Kolesnik V. I. Posledneye velikoye kochev'ye: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noy Azii v Vostochnuyu Yevropu i obratno v XVII–XVIII vekakh *(The Last Great Nomad: The Kalmyks migrated from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th – 18th centuries).* Moscow: Vost. lit. publ, 2003. 284 p. (In Russian).
9. Lytkin G. Istoriya kalmytskikh khanov *(The History of Kalmyk khans)* // Astrakhanskiye gubernskiye vedomosti. 1860. No.19. (In Russian).
10. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). F. 1. Inv. 1. D. 103. (In Russian).
11. NA RK. F. 36. Inv. 1. D. 79. (In Russian).
12. NA RK. F. 36. Inv. 1. D. 100. (In Russian).
13. NA RK. F. 145. Inv. 1. D. 163. (In Russian).
14. NA RK. F. 145. Inv. 1. D. 228. (In Russian).
15. Pallas P. S. Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii *(Traveling to Different Provinces of the Russian Empire).* Part.1. St. Petersburg: Imp. AN, 1809. 657 p. (In Russian).
16. Pal'mov N. N. Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov XVII i XVIII vv. *(Sketches on the history of the Volga Kalmyks of the XVII and XVIII centuries).* Part.1. Astrakhan': Kalmyk regional excutive committee, 1926. 264 p. (In Russian).
17. Pal'mov N. N. Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya prebyvaniye v predelakh Rossii *(An outline of the history of the Kalmyk people during their stay in Russia).* Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1992. 158 p. (In Russian).
18. Russain State Archive of Ancient Acts. F. 119. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
19. Russko-mongol'skiye otnosheniya. 1607–1636 *(Russian-Mongolian relations. 1607–1636).* Moscow: Vostochnaya literature publ.. 1959. 352 p. (In Russian).
20. Khara-Davan E. Chingiz khan kak polkovodets i yego naslediye *(Genghis Khan as a commander and his legacy)*. Elista: Kalmyk printing house, 1991. 222 p. (In Russian).

21. Shovunov K. P. Kalmyki v sostave Rossiyskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII–XIX vv.) *(Kalmyks as part of the Russian Cossacks (second half of the 17th – 19th centuries).* Elista: Soyuz kazakov Kalmykii, Kalmytskiy institut obshchestvennykh nauk, 1992. 320 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Кольцова Кермен Петровна – аспирант кафедры всеобщей истории Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста) / carmenring@mail.ru

Кольцов Петр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста) / petrkoltsov52@mail.ru

Information about the authors

Koltsova Kermen – postgraduate student, Chair of World History, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista) / carmenring@mail.ru

Koltsov Petr – Doctor of History, Professor, Head of Chair of World History, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista) /petrkoltsov52@mail.ru

УДК 94(470.6)

В. С. Клопихина

РАБОТА ИСТПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1920-е ГОДЫ

В статье рассматривается деятельность истпартов Северного Кавказа как акторов реализации политики памяти советской власти в 1920-е годы на локальном уровне. Обращается внимание, что политика памяти выступает в качестве основы для формирования и поддержания идентичности и связана с выработкой и утверждением социальных представлений о прошлом. Анализируется приоритетное направление реализации политики памяти истпартами, связанное с коммеморацией исторических событий, выбор которых определялся значимостью с точки зрения легитимизации власти большевиков в общественном сознании. Среди них были общесоюзные революционные юбилеи, коммеморация которых должна была, как транслировать идеи центра, так и отражать локальные особенности. Кроме того, рассмотрено участие истпартов в подготовке юбилейных мероприятий, посвященных истории местных вех революционного движения.

На основе анализа комплекса инструктивных, делопроизводственных и отчетных документов выявлены основные способы реализации политики памяти истпартами Северного Кавказа. Истпарты занимались организацией выставок и музеев революции; участвовали в проведении торжественных заседаний и вечеров воспоминаний; сотрудники выступали с докладами на собраниях в партийных ячейках на предприятиях, в избах-читальнях, красных уголках и библиотеках; публиковали материалы в периодической печати; издавали плакаты и лозунги; торжественно открывали мемориальные доски; выпускали и распространяли издания по историко-революционной тематике; проводили занятия в школах. Автор приходит к выводу, что истпарты как мнемонические акторы не только создавали интерпретации истории по партийным мотивам, но и предпринимали практические меры с целью убедить общественность в правильности интерпретаций.

Ключевые слова: истпарт, политика памяти, историческая память, общественное сознание, советская идеология, Северный Кавказ.

V. Klopikhina

THE WORK OF NORTH CAUCASUS ISPARTS IN THE SYSTEM OF THE MEMORY POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT IN 1920s

The article discusses the activities of isparts in the North Caucasus as actors of memory policy of the Soviet power in 1920-s at the local level. Attention is drawn to the fact that the memory policy serves the basis for the formation and maintenance of identity and is associated with the development and approval of social ideas about the past. The article analyzes the priority direction of the memory policy as actualized by the isparts: the commemoration of historical events. The choice of the latter was determined by the significance from the point of view of legitimization of the Bolsheviks' power in the public consciousness. They also included the all-Union revolutionary anniversaries, the commemoration of which was to both broadcast the ideas of the center and reflect local peculiarities. In addition, the article studies the participation of isparts in the preparation of jubilee events dedicated to the history of the local milestones of the revolutionary movement.

Based on the analysis of complex guidance, record keeping and reporting documents, the basic methods of implementing the memory policy as used by isparts in the North Caucasus are specified. Isparts were involved in the organization of exhibitions and museums of the revolution; they participated in carrying out solemn meetings and evenings of recollections; the staff made presentations at meetings of party cells at the enterprises, in reading rooms, red corners and libraries; published papers in periodicals; published posters and slogans; solemnly opened memorial plaques; they produced and distributed publications on historical and revolutionary themes, conducted classes in schools. The author comes to the conclusion that isparts as mnemonic actors not only created the interpretation of history by party motives, but also took practical measures to convince the public of the correctness of interpretations.

Key words: istpart, politics of memory, historical memory, social consciousness, Soviet ideology, the North Caucasus.

В современной России в связи с запросом общества на формирование общероссийской идентичности, обусловленным социокультурными, экономическими и внешнеполитическими условиями жизни страны, актуализирована деятельность государства по реализации политики памяти. Политика памяти, являясь основой формирования и поддержания идентичности,

связана с выработкой и утверждением социальных представлений о прошлом и может осуществляться различными способами: сооружением памятников, организацией музеев, учреждением новых праздников, созданием научных, образовательных, общественных, просветительских институтов, приоритетным финансированием исследований по определенной исторической проблематике, регулированием доступа к архивам и др. По словам исследователей, в условиях идентификационного кризиса история является «экзистенциальным пространством, в котором личность заново находит свою идентичность, смысл своего существования, основу для объединения с общностью» [15, с. 72].

Обращение к историческим примерам конструирования социальной реальности на основе обращения к прошлому с применением современного методологического инструментария и терминологии позволяет проанализировать механизм создания образов прошлого, а также их использование для манипуляции массовым сознанием при решении задач идеологического характера. Особый интерес в связи с этим вызывает изучение способов реализации политики памяти при создании новой модели видения смысла социального мира на основе интерпретации истории в период становления советской политической системы.

Политика памяти осуществлялась советской властью многообразными методами и средствами и через различные организационные структуры с целью формирования новой коллективной идентичности. Одним из таких институциональных органов был созданный в 1920 г. Истпарт. Истпарт являлся научно-исследовательской и пропагандистской организацией, занимавшейся сбором, хранением, научной обработкой, изданием и популяризацией материалов по истории Октябрьской революции, Гражданской войны и Коммунистической партии. Также была образована сеть региональных истпартов, в том числе на территории Северного Кавказа. Функционирование Истпарта с 1921 г. в качестве отдела ЦК РКП(б), а региональных истпартов –отделов местных партийных комитетов с одновременным подчинением центральному Истпарту, определило содержание их работы как канала трансляции идей правящей партии в общественную среду. Это было механизмом, позволявшим включить в процесс реализации политики памяти пространство всей страны [3].

Изучение деятельности истпартов как акторов реализации политики памяти позволяет определить механизм создания социальных представлений о прошлом и формирования новых советских символов. По словам И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, методологические подходы к трактовке «исторической памяти» в контексте политики памяти трактуются «как функция власти, определяющей, как следует представлять прошлое» [40, с. 57].

В системе работы истпартов происходило формирование новой модели исторической памяти, фундаментом которой было создание историко-революционного нарратива. Помимо этого деятельность истпартов имела практические направления по реализации политики памяти на основе комплекса пропагандистских мероприятий. Несмотря на то, что функциональные принципы работы истпартов предполагали унификацию в масштабах всей страны и в течение 1920-х гг. происходил процесс выработки единой структуры, общих цели и задач деятельности истпартов, в их работе находила отражение и локальная специфика, обусловленная многообразием природно-географических, культурных и социально-исторических составляющих локальных сообществ. Таким образом, рассмотрение работы истпартов Северного Кавказа в рамках политики памяти советской власти позволяет с одной стороны, изучить механизм распространения идей центра, с другой – выявить в их деятельности отражение локальной специфики.

Изучение работы истпартов Северного Кавказа в системе реализации политики памяти советской власти вызвало необходимость обращение к научным трудам, посвященным теоретическим и методологическим проблемам политики памяти. В настоящее время исследования в этой области носят междисциплинарный характер и являются предметом внимания социологов, политологов, философов, историков. В работах А. И. Миллера, Д. В. Ефременко, О. Ю. Малиновой проанализированы разработанные в современной науке основные методологические инструменты изучения политики памяти. По словам исследователей, политика памяти является неизбежной и выступает в качестве одного из важнейших инструментов формирования идентичности [20].

Важным для понимания способов осуществления политики памяти является рассмотрение научных трудов зарубежных и отечественных авторов, посвященных значению праздников в системе социального конструирования реальности. Так, П. Бергер и Т. Лукман рассматривали праздники как способы поддержания легитимности [1]. В концепции П. Бурдье праздник является инструментом социальной интеграции [4]. В. Н. Ефремовой проанализированы теоретические подходы к изучению государственных праздников и их роль в символической политике, включающей политику памяти [16]. Советская праздничная культура изучена в работах Г. А. Бордюгова, М. Рольфа и др. [2; 38].

Истпарт и система региональных истпартов не только должны были обеспечить новую модель исторической памяти источниковой базой и новой исторической концепцией, но также принимать активное участие в популяризации своих разработок. Анализ инструктивно-методических материалов истпартов Северного Кавказа позволяет установить, что сами истпарты рассматривали содержание своей деятельности не в качестве «академического научно-исторического органа», а как «историко-пропагандистский аппарат» партии. В соответствии с таким подходом работа истпартов должна была быть «популярна», связана с

главнейшими событиями партийной жизни и приурочена к ним, а также «общественна» [32, л. 1]. На местах истпарты тесно взаимодействовали с отделами агитации и пропаганды. Уже в первые годы своей деятельности они «обслуживали» агитпропы, его сотрудники составляли тезисы к докладам об исторических событиях; предоставляли материалы для периодической печати в дни агитационных кампаний [21, с. 234]. В то же время в организационной работе истпартов участвовали и сотрудники агитпропов, что непосредственным образом отражалось и на содержательной стороне функционирования истпартов.

Приоритетным направлением реализации политики памяти истпартами являлась коммеморация исторических событий, выбор которых определялся значимостью с точки зрения легитимизации власти большевиков в общественном сознании. В первое десятилетие советской власти шел процесс поиска таких юбилейных дат. Следуя терминологии Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, это было временем «изобретения традиции» [52]. Соответственно, в фокусе внимания оказались историко-революционные события. То, что еще вчера для большинства страны было связано с бедствиями, братоубийством, разрухой, падением морали, новая власть стремилась представить как благо, сформировать мнение о значимости революционного способа преобразования действительности. Происходило навязывание сверху консенсуса относительно смысла социального мира.

Коммеморация исторического события становилась актом торжества, предполагающим отмечания, а новые юбилейные даты – способом трансляции идеологических целей власти. Приоритетное внимание уделялось общесоюзным революционным юбилеям, поводом для которых являлись «круглые даты». Наряду с общесоюзными годовщинами, истпарты принимали участие в освещении местных юбилеев, посвященных революционному движению. Таким образом, при формировании новой модели исторической памяти должна была найти отражение локальная специфика.

Изучение деятельности истпартов Северного Кавказа позволило установить, что основными способами реализации политики памяти являлись организация выставок и музеев революции; проведение торжественных заседаний и вечеров воспоминаний; выступления с докладами на собраниях в партийных ячейках на предприятиях, в избах-читальнях, красных уголках и библиотеках; газетные кампании; издание плакатов и лозунгов; торжественные открытия мемориальных досок; выпуск и распространение изданий истпартов по историко-революционной тематике; проведение занятий в школах. Интенсивность работы зависела от множества факторов, в том числе связанных с материальными и кадровыми ресурсами истпартов.

Одним из способов реализации политики памяти была организация истпартами выставок и музеев революции, открытие которых приурочивалось к юбилеям революционных событий. Тем самым трансформировалось понимание роли музеев. Визуальное воздействие на сознание малограмотных местных жителей производило сильный пропагандистский эффект. Подготовка выставок требовала аккумуляции материалов по историко-революционной проблематике, их систематизацию и подготовку к экспонированию для возможности использования в качестве средства влияния на массовое сознание. Именно это находилось в сфере компетенции местных истпартов.

Центральным событием, подлежащим коммеморации, являлась Октябрьская революция. На местах празднование годовщин Октябрьской революции началось в 1922 г. Именно в преддверии пятилетнего юбилея на Северном Кавказе были созданы первые выставки истпартов. Так, в Терской губернии в 1922 г. была организована выставка местного истпарта в помещении «Рабочего Дворца» и занимала одну комнату. Несмотря на то, что основная идея образования подобных выставок состояла в размещении там материалов по истории Октябрьской революции, в ее экспозициях были представлены коллекции археологических раскопок, старинных книг и манускриптов. Тем самым прокламации партии большевиков находились вместе с «первобытными древностями» эпохи неолита [35, л. 119]. Это объясняется тем, что созданием и руководством Терского истпарта в это время занимался местный интеллигент-гуманитарий старой школы, который был сотрудником Северо-Кавказского института краеведения и членом Российской Академии Истории материальной культуры – В. Апухтин.

Историко-революционная выставка была образована Кубано-Черноморским истпартом в 1922 г. в одном из залов здания архивного бюро, реорганизованная позже в музей революции. В ее создании также отразились интересы местного руководителя истпарта – сотрудника архивного бюро Е. Полуян-Верецкой. Выставка получила название «Выставка-музей истории Революции на Кубани». Работа по систематизации экспонатов, составлению каталогов и проведению экскурсий осуществлялась самими архивистами. Выставку посещали организованные экскурсии советских и партийных работников, учащихся и крестьян. По имеющимся отчетным данным в течение 1923 г. выставку посетили около 6000 человек [19].

В 1922 г. Донским истпартом была организована временная выставка [7]. В 1924 г. выставку попытались сделать постоянной. Ее экспозиции в это время были представлены 70 «фотографиями в плакатах», 38 отдельными фотоснимками, автографами, телеграммами, плакатами, протоколами рабочих и крестьянских собраний [6]. Однако в том же году она была закрыта из-за ремонта помещения. На Ставрополье выставка истпарта была создана в 1924 г. при Ставропольском народном музее им. Г. К. Праве. На ней были представлены архивные материалы преиму-

щественно бывшего жандармского управления, а также документы, относящиеся ко времени Гражданской войны [14].

Выставки истпартов также создавались в «уголках Ленина» в рабоче-крестьянских клубах и избах-читальнях. Экспозиции выставок истпартов отражали не только историю революционного движения. Важным являлось наличие в них материалов, демонстрировавших достижения советской власти. Это были преимущественно диаграммы производственных достижений, которые должны были выполнять функцию создания позитивного образа правящей партии в общественном сознании.

Однако у региональных истпартов в большинстве своем отсутствовал опыт организации музейно-выставочного дела. Четких же инструкций из центра изначально не было. Истпарт ограничивался только общими призывами к организации выставок как средства воздействия на массовое сознание. Ситуация начинает изменяться только после создания в Москве Музея Революции, который становится центром координации этого направления деятельности истпартов [24].

Анализ делопроизводственных материалов истпартов Северного Кавказа показывает, что истпарты в первые годы своего функционирования проявляли инициативу в определении тематики юбилейных мероприятий. К середине 1920-х гг. по мере становления основных принципов советской политической системы эта тематика начинает ограничиваться и корректироваться инструктивными указаниями центрального Истпарта.

В центре дискуссии в 1924 г. оказался столетний юбилей восстания декабристов. Дело в том, что Терский истпарт запланировал проведение на 1925 г. совместного юбилея революции 1905 г. и столетнего юбилея восстания декабристов. После обсуждения этого вопроса в центральном Истпарте было решено, что подобное соединение двух юбилейных дат невозможно, т.к. «нельзя смешивать в одно абсолютно не сходные между собой явления и события» [37, л.23].

В ноябре 1924 г. все региональные истпарты получили инструктивное письмо центрального Истпарта. В нем критиковалась «излишняя увлеченность» некоторых истпартов юбилеями событий, которые, по мысли центра, не являлись революционными праздниками. В их числе были 150-летие «Пугачевского движения» и 100-летие восстания декабристов. В инструкции признавалось, что «Пугачевское движение» и восстание декабристов занимают свое «особое место» в истории, но не имеют ничего общего с историей РКП(б) и пролетарской революции. Истпартам настоятельно рекомендовалась сосредоточить свое внимание над материалами по истории партии и Октябрьской революции [29, л. 4].

В компетенции истпартов согласно директиве из центра была организация к двадцатилетнему юбилею революции 1905 г. и к будущему десятилетию Октябрьской революции [29, л. 4]. Именно при подготовке к этим юбилеям истпарты проделали основательную работу по реализации основных направлений политики памяти.

Организационные мероприятия, посвященные двадцатилетнему юбилею революции 1905 г., начались в конце 1923 г., и в подготовке к предстоящим торжествам Истпарту отводилось одно из центральных мест. В июне 1924 г. состоялось первое заседание комиссии президиума ЦИК СССР по организации празднования двадцатилетней годовщины 1905 г., на котором Первая российская революция была охарактеризована как «определенный этап в революционном развитии» [17].

Все юбилейные мероприятия на местах осуществлялись под руководством специально создававшихся краевых, областных и окружных комиссий, в состав которых входили представители истпартов. Такие комиссии были учреждены для организации празднования двадцатой годовщины революции 1905 г. [11; 31, л. 19]. Во всех пропагандистских материалах она была названа «генеральной репетицией Октября», что должно было создавать представление о закономерности Октябрьской революции, а, следовательно, ее легитимности.

Подготовка к двадцатилетнему юбилею революции 1905 г. способствовала активизации работы истпартов по всем направлениям их функционирования. Комиссии составляли планы проведения празднования годовщин. В планы любого отдела истпарта входили проведение вечеров воспоминаний; постановка инсценировок или спектаклей; чтение докладов в школах политграмоты, кружках, избах-читальнях, клубах, в красных уголках на заданные темы; организация выставок; публикация статей по соответствующей тематике в местной периодической печати; издание популярных листовок о юбилейном событии и лозунгов-плакатов, просмотр революционных кинофильмов. Однако возможности для реализации планов были ограниченными.

Прежде всего, для осуществления всех способов реализации политики памяти необходимы были исторические источники, отражавшие локальную специфику по историко-революционной проблематике. 6 декабря 1923 г. был выпущен специальный циркуляр Истпарта ЦК РКП(б), в котором содержалось требование к местным истпартам заняться сбором и обработкой материалов по истории революции 1905 г. С этой целью предлагалось, в первую очередь, изучить архивы канцелярии губернатора, жандармские, полицейские и судебные архивы. Надо было выявить в губернских публичных библиотеках имевшиеся там большевистские и меньшевистские газеты, журналы и брошюры. На всю найденную прессу необходимо было составить описи и переслать ее копию в Истпарт для использования при составлении библиографических справочников по изданиям 1905–1906 годов. В описи указывались название, время первого появления издания и прекращения его выхода, периодичность издания, место хранения и наличие дубликата [49].

Кроме того, истпарты должны были подготовить исторические очерки к этой юбилейной дате

[38, л. 24]. Издательская деятельность истпартов согласно постановлению президиума ЦИК СССР от 2 января 1925 г. и распоряжению Главлита наркомата просвещения от 31 июля 1925 г. подвергалась тщательной проверке. Комиссия Президиума ЦИК по организации празднования двадцатилетней годовщины революции 1905 года имела право всестороннего контроля и предварительной санкции при выпуске всей литературной, музыкальной и кино-продукции по теме революции 1905 г. [12]. Тем самым конструирование новой модели исторической памяти как основы советской идентичности было поставлено под партийный контроль.

В провинции издание юбилейной литературы как средства реализации политики памяти было особенно сложным. Северо-Кавказский краевой истпарт запланировал проведение обширной работы в этом направлении. Однако реалии функционирования истпарта не позволили воплотить ее в жизнь. Не хватало профессиональных кадров для подготовки юбилейных публикаций, слабой была разработка источниковой базы, отсутствовала ясность в методологических подходах, которые сводились к идеологическим лозунгам. Кроме того, истпарт располагал небольшими финансовыми возможностями.

Говоря о работе истпартов, приуроченной двадцатилетнему юбилею революции 1905 г., следует отметить серию мероприятий Донского истпарта. В частности, был организован цикл занятий в школах, тематика которых содержала такие проблемы, как причины революции 1905 г., значение III съезда партии большевиков для подготовки революции, уроки революции и причины ее поражения. Отражением внутрипартийной борьбы за власть, в ходе которой интерпретация истории была одним из способов идейного противостояния, являлась тема о двух тактиках и позиции Л. Троцкого в революции 1905 г. [31, л. 27]. Для студенческой аудитории была использована такая форма пропаганды идей партии как митинги, на которых освещались события революции 1905 г. с точки зрения идеологии [31, л. 24].

Интерес представляет такая форма пропаганды как инсценировка публичных судов. Так, сотрудники Донского истпарта приняли участие в организации публичного суда над бывшим градоначальником г. Ростова-на-Дону в столовой Ленинских мастерских В. В. Макеевым, который подавил восстание рабочих в 1905 г. По результатам публичного суда бывший градоначальник был осужден на пять лет заключения [31, л. 25].

Подготовка к двадцатилетнему юбилею революции 1905 г. в 1925 г. и десятилетию Октябрьской революции в 1927 г. способствовали более интенсивному вниманию истпартов к выставочной работе. Именно в это время прослеживается стремление преобразования выставок в музеи революции. В 1925 г. Северо-Кавказский крайком РКП(б) принял постановление о создании краевого музея революции, функционирование которого преследовало выполнение двух задач. Во-первых, он должен был заниматься научно-исследовательской работой. Во-вторых – являться центром, знакомившим «широкие массы» с историей партии и революционного движения на Северном Кавказе [43, л. 5].

При создании выставок и музеев революции истпарты сталкивались с материальными и техническими трудностями. В первую очередь необходимо было найти помещения. Так, Северо-Кавказский крайком РКП(б) принял целый ряд постановлений в январе, феврале, марте и июне 1925 г. по вопросу о выделении помещения для краевого музея революции. И только в июне краевому истпарту для создания музея выделили две комнаты в помещении Делового клуба, хотя партийные постановления предусматривали четыре комнаты [44, л. 2]. В итоге музей революции Северо-Кавказского краевого истпарта расположился в одной комнате Делового клуба [44, л. 12].

Одной из форм пропагандистской работы региональных истпартов были вечера воспоминаний, которые являлись не только способом сбора мемуарных источников, но и средством популяризации идеологии партии большевиков. Не случайно они, как правило, приурочивались к юбилейным дням важнейших революционных событий как в России в целом, так и в северокавказском регионе в частности. Тем самым их значение на местах понималось изначально шире, чем возможность сбора воспоминаний. С помощью этих вечеров в массовое сознание внедрялись новые ценности и интерпретация исторического процесса, что помогало сконструировать представления людей об истории в соответствии с новой моделью исторической памяти.

Так, истпарт в Терском округе запланировал не просто мероприятия по празднованию юбилея Первой русской революции, но и характер материалов, которые должны быть задействованы на вечерах воспоминаний. Это – всеобщая забастовка, восстание на броненосце «Потемкин», восстание на Пресне, демонстрация на похоронах Н. Баумана, манифест 17 октября, организация Совета рабочих депутатов, забастовка в Минеральных Водах [12, л. 6]. Из перечня исторических событий, отобранных Терским истпартом для пропаганды революции, очевидно, что большая часть материала относилась к событиям в столицах и лишь один материал из восьми – к истории местных революционных событий.

Еще одной формой пропагандистской работы истпартов была публикация исторических сюжетов в местной периодике. В этом случае поводом также была та или иная юбилейная революционная дата. В инструктивных материалах центрального Истпарта имелось прямое указание на то, что фиксация воспоминаний, систематизация и публикация уже собранных материалов должны были в первую очередь использоваться в целях популяризации [32, л. 1].

Масштаб пропагандистской работы можно увидеть на примере истпартовских публикаций в местной донской печати в связи с юбилеем

революции 1905 г. Всего за декабрь 1925 г. в газете «Молот» и в «Советском Юге» было издано более 40 юбилейных материалов, около 20 фотографий, рисунки. Примером обобщающих юбилейных статей были статьи под названием «Крестьянство в первой русской революции», «Пролетариат и буржуазия в революции 1905 г.», «Донские казаки в 1905 г.», «Как усмирялась революция 1905 г.» и др. [31, л. 21, 22]. На Ставрополье по случаю празднования двадцатилетней годовщины революции 1905 г. в совокупности был издан 31 материал, среди которых были статьи, воспоминания и хроники, написанные на основе архивов. Этому событию был посвящен специальный номер журнала «Ставрополье» [9, л. 15]. Все эти публикации были подчинены созданию нового историко-революционного мифа.

Одной из форм участия истпартов в юбилейных мероприятиях была разработка тезисов по историко-революционной проблематике, предназначенных для пропаганды «выдающихся» революционных событий среди трудовых масс. Определялся круг источников, на которые надо было опираться при составлении этих тезисов. К ним относились материалы, находившиеся в распоряжении политической секции местного архивного бюро, чаще всего «жандармские» и «охранные» дела, газеты того периода; прокламации; воспоминания участников. Сотрудники истпартов на основе этих тезисов подготавливали юбилейные доклады, выступления на вечерах воспоминаний, публиковали в прессе юбилейные исторические материалы [38, л. 22].

Рассматривая публикации в периодической печати как одну из форм пропагандистской работы истпартов, следует отметить, что статьи на историко-революционную тематику выходили в канун всех значимых для новой власти революционных дат. Особенно много их было опубликовано в годы «круглых» юбилеев. Важными, по мнению власти, такие публикации были в тех регионах, «где в 1905 г. революционного движения не было или где оно получило слабое отражение» [8, л. 50, 51].

Одной из форм пропагандистской работы была перепечатка материалов из центральных изданий. В них, как правило, было мало конкретных фактов, а превалировали идеологические суждения. Такими были, например, статьи в том же журнале «Ставрополье» «Значение революции 1905 года» и «Уроки Московского восстания 1905 г.», положения которых были образцами для издательской работы местных истпартов. В частности, революция 1905 г. рассматривалась как репетиция революции 1917 г. [41]. В статьях же истпартовцев было больше фактических данных местного значения, но идеологические установки соответствовали схеме центра. В периодике публиковались также воспоминания участников революционного движения. Их число значительно превосходило объем публицистических статей. Фактически мемуарный материал восполнял нехватку пропагандистских статей. С другой стороны, воспоминания могли создать «живую» картину революционных событий, а это эмоционально воздействовало на читателя. Эмоционально-психологическая сторона была важной составляющей агитационно-пропагандистской работы.

В 1920-е годы официальная модель исторической памяти только складывалась, а унификация гуманитаристики не достигла еще своей вершины, как в 1930-е годы, поэтому в интерпретации революционных событий могли встречаться противоречия. Так, при освещении истории 1905 г. расхождения встречались в публикациях в одной и той же газете. Например, в номере газеты «Власть Советов», посвященной юбилею революции, был помещен на первой странице материал некоего Н. Т. (без указания точной фамилии) «1905 год», в котором отмечалось, что несогласованность действий пролетариата и крестьянства в Первую российскую революцию являлось причиной ее поражения. Рядом же располагалась статья, в которой говорилось со ссылкой на Л. Б. Каменева, что уже в 1905 г. существовал боевой союз рабочих и крестьян под руководством пролетариата [5].

Наиболее широко отмечались в стране ежегодные годовщины Октябрьской революции, в организации которых принимали активное участие местные истпарты. Первая «круглая» дата Октября – десятилетие революции – стала особенно мощным стимулом для пропаганды советских идей. В соответствии с указаниями центра в октябре 1926 г. постановлением секретариата Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) была создана комиссия по проведению десятилетней годовщины Октябрьской революции в регионе, в состав которой входил и заведующий краевого истпарта А. Лиманский [45, л. 2]. В округах края также при местных исполкомах были созданы подобные комиссии.

Подготовка к юбилею на целый год стала основным содержанием пропагандистской работы истпартов. На местах выявляли участников революционного движения и Гражданской войны, павших и живых. Необходимость пропагандистской «реализации исторических документов» активизировала деятельность по организации выставок и изданию публикаций [34, л. 1]. Центр требовал от истпартов организации юбилейных выставок, подготовив схему их структуры. Выставка должна была состоять из пяти разделов. В первом должна была располагаться характеристика старого режима, а во втором – события Февральской революции. Октябрьская революция и Гражданская война шли самостоятельными разделами. Наконец, пятый отдел должен был быть посвящен социалистическому строительству. Вместе с тем, учитывая ограниченные возможности провинциальных истпартов, допускалось сведение всех разделов в один, но с обязательной демонстрацией предпосылок революции и ее итогов [51].

Вышестоящие инструкции касались и содержания при организации выставок. На первый план нужно было выдвигать материалы, раскрывавшие действия рабочих и крестьянских масс.

С помощью изобразительных средств надо было подчеркивать руководящую роль пролетариата и значение его политического союза с крестьянством. Необходимо было оттенить организующую роль пролетарского авангарда – ВКП(б). Массы и партии должны были быть представлены «в динамическом разрезе – процессе непрерывной борьбы, острых классовых столкновений». Требовалось демонстрировать социально-экономическую основу революционных битв, одержанных побед и понесенных поражений [51].

Именно в связи с десятилетием Октябрьской революции истпарты в ряде регионов смогли на базе выставок открыть музеи революции в основном за счет местных средств. Такие музеи появились в Ставрополе, Таганроге, Владикавказе, Новороссийске [49, л.8]. В тот момент они практически не были связаны с краевым музеем революции, который переживал тяжелые времена. Дело в том, что в феврале 1927 г., несмотря на подготовку к десятилетнему юбилею Октябрьской революции, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в своем постановлении разрешил временное закрыть краевой музей революции, предусматривая возможность его открытия в дальнейшем [46, л. 4]. Это решение было обусловлено отсутствием финансирования, т.к. на 1927/1928 гг. музей не включили в бюджет края [49, л. 8]. Выделение помещения для музея революции также оставалось проблемой.

В течение двух лет рассматривался вопрос открытия краевого музея революции. В декабре 1927 г. было решено для создания музея революции передать здание сельскохозяйственной выставки после завершения ее работы [47, л. 5]. В мае 1928 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) постановил выделить истпарту на организацию музея революции одну тысячу рублей [48, л.6]. Однако к «окончательному оформлению» краевого музея революции приступили только с 1929 г., когда была начата работа по учету экспонатов и разработке схем отделов [26, с. 305].

Попытка организации выставки к десятилетию Октябрьской революции была сделана в Терском округе Северо-Кавказского края по инициативе уполномоченного краевого истпарта, заведующего местным архивным бюро. Однако идею создания выставки из-за материальных сложностей в это время не удалось реализовать [13, л. 5]. Только в 1929 г. музей революции был создан в помещении местного архивного бюро [42, л. 6–9].

В разных округах Северного Кавказа истпарты участвовали в организации празднования десятилетия Октябрьской революции в многообразных формах. Так, на Кубани в период с 15 сентября по 7 ноября 1927 г. истпарт провел цикл радио-лекций на темы, охватывающие весь период революционной борьбы и Гражданской войны на Кубани. Для ознакомления «трудящихся масс» с историко-революционными местами в период с 1 октября по 7 ноября по этим местам были проведены экскурсии, а также проведен цикл докладов по истории «Гражданской борьбы на Кубани». Такие доклады были прочитаны и на рабочих собраниях по всему краю [33, л. 30].

Десятилетие Октябрьской революции по указанию сверху широко освещалось в местной периодической печати. В публикациях в массовое сознание внедрялась идея научности революционного способа преобразования действительности, морально оправдывалось революционное насилие, а также неизбежность и закономерность прихода к власти большевиков. По указаниям Истпарта значительное место в работе местных истпартов занимала подготовка и издание популярной литературы. Формирование регионального исторического нарратива об Октябрьской революции 1917 г. и его трансляция в историческую память в связи с юбилейными датами является самостоятельной проблемой исследования [18].

В январе 1928 г. истпарты получили инструкцию, которая подтверждала одно из существенных направлений их деятельности. В соответствии с директивой центра работники истпарта обязывались принимать активное участие в работе местных партийных организаций по проведению юбилейных кампаний и освещения исторический дат. Главная их задача состояла в издании юбилейных материалов в местной печати и подготовке вечеров встреч и юбилейных докладов. При этом истпарты должны были полностью согласовывать свои планы с планами местной партийной организации [29, л. 7]. Таким образом, истпарты окончательно закреплялись как элемент партийного аппарата.

В 1928 г. главными официальными юбилеями стали тридцатилетие I съезда партии и двадцатипятилетние II съезда. По этому поводу было принято постановление ЦК ВКП(б), в котором отмечалось, что I съезду партии не следует придавать характер широкой массовой агитации, а ограничиться проведением докладов на районных партийных и комсомольских собраниях и публикацией в местной периодической печати соответствующих статей [28, л. 4]. Методологической основой этих докладов и печатной продукции стали разработанные ранее тезисы Истпарта и Агитпропа ЦК ВКП(б). В большинстве регионов Северного Кавказа статьи в местной печати были полным аналогом этих тезисов. Следует отметить, что значение самих тезисов выходило за рамки юбилейных мероприятий. Они являлись своего рода установкой по вопросам истории партии. Отправной точкой для изучения истории местных социал-демократических организаций, согласно тезисам, являлась середина 1890-х годов, когда во всех крупных городах и промышленных центрах возникали социал-демократические организации.

При подготовке же к двадцатипятилетнему юбилею II съезда партии истпартам предписывалось проделать «большую основательную работу» [28, л. 4]. Партийная директива требовала провести кампанию «в духе широкого и всестороннего освещения всей эпохи 1900–1904 гг.» [22]. В обращении Истпарта ЦК ВКП(б) к местным

истпартам делалась идеологическая установка на то, что II съезд, принявший программу и устав, имел исключительное значение в истории партии, положив начало оформлению большевизма. В связи с этим истпарты на местах должны были активно участвовать в проведении этого юбилея в известных уже формах. Это были все те же публикации статей в региональной прессе, организация юбилейных выставок, доклады на предприятиях, вечера воспоминаний [22]. В это время центр был в состоянии помочь местным истпартам не только рекомендациями, но и материалами. Такой подход был не только помощью, но и средством унификации транслируемых в общественное сознание идей.

Так, центральный Музей революции разослал истпартам для местных выставок стандартные комплекты снимков [23]. Работники музея подготовили подробные инструкции не только по содержанию, но и планировке и внешнему оформлению выставочного материала. Ключевой идеей, которая должна была закрепиться в массовом сознании, было положение о фундаментальном значении «искровского периода» и роли В. И. Ленина в создании партии нового типа. Только благодаря В. И. Ленину и «Искре» удалось спасти РСДРП от реформизма в борьбе с «оппортунизмом меньшевиков и другими мелкобуржуазными партиями» [30, л. 30]. Это предписание отражало текущую политическую конъюнктуру в условиях внутрипартийной борьбы за власть.

Участие истпартов в юбилейных мероприятиях, посвященных истории местных вех революционного движения, должно было отражать локальную специфику при реализации политики памяти. В частности, Северо-Кавказский истпарт рекомендовал истпартам края в дни пятилетия восстановления Советской власти в округах и областях Северо-Кавказского края провести совместно с агитпропами вечера с докладами и воспоминаниями. Работники истпартов должны были разъяснять сложности Гражданской войны на Северном Кавказе, историческую неизбежность победы Советской власти в регионах, их достижения за пять лет советской власти в области советского, профессионального и партийного строительства [38, л. 26].

Для исполнения этой рекомендации Кубанский истпарт в 1925 г. участвовал в организации празднования пятилетия Советской власти на Кубани. Для экспозиций музея были созданы новые диаграммы производственных достижений, для проекции на экран были подготовлены более 20 фотографий «видных деятелей» Гражданской войны [25]. Донской истпарт подготовил тезисы к докладу, посвященному итогам советской работы на Дону за пять лет в их исторической части, в связи с пятилетием освобождения Ростова от белых. В местной периодической печати истпарт опубликовал ряд статей и документов по соответствующей тематике [27]. Терский истпарт дал циркулярные указания всем райкомам РКП(б) округа об ознаменовании пятилетия со дня восстановления советской власти на Тереке устройством вечеров воспоминаний на предприятиях, в клубах, избах читальнях, в красных уголках, на которых участники революционных событий должны были выступать со своими воспоминаниями, предварительно написанными ими по предложенной схеме [36, л. 55].

Среди историко-революционных юбилеев местного значения Северо-Кавказский краевой истпарт в 1929 г. организовал юбилей десятилетия со дня разгрома большевистского подполья в г. Ростове-на-Дону. В г. Майкопе в том же году отмечалось десятилетие разгрома советов и зверства ген. Покровского, на Кубани – десятилетие Таманской армии [26, с. 304].

В 1930 г. главной юбилейной датой локального уровня было десятилетие установления Советской власти на Северном Кавказе. Кроме того, в это время праздновалось и десятилетие I Конной Армии. Основная работа по проведению этих местных юбилеев ложилась на плечи уполномоченных краевого истпарта. Для их проведения была создана краевая комиссия, в состав которой вошел заведующий истпартом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. Лиманский. В комиссии он отвечал за редакционно-издательскую работу. В действительности грандиозный издательский план не был реализован не только из-за пассивности истпарта, но и из-за полного отсутствия помощи со стороны общественных организаций. В итоге были вынуждены ограничиться публикацией тезисов и массовых брошюр [10, л. 41]. Следует отметить, что в это время истпарт много времени затратил на организацию двадцатипятилетнего юбилея революции 1905 г., хотя масштабы этого юбилея были гораздо скромнее юбилейных мероприятий 1925 г.

Изучение пропагандистской деятельности истпартов Северного Кавказа позволяет говорить о них как инструменте реализации политики памяти советской власти на локальном уровне. В период всего времени функционирования истпартов очевидна тенденция поставить все направления их работы в подчинение текущим потребностям партии большевиков. Истпарты не только создавали интерпретации истории по партийным мотивам, но и предпринимали практические меры с целью убедить общественность в правильности интерпретаций. Именно в период подготовки и организации новых праздников все направления реализации политики памяти получали развитие и содержательное наполнение. Истпарты активно участвовали на всем протяжении своего функционирования в подготовке и проведении историко-революционных юбилеев как общероссийского, так и местного значения. В зависимости от трансформации идеологической парадигмы изменялось и содержание пропагандистской работы истпартов. Вместе с тем неодинаковая активность деятельности истпартов изучаемого региона приводила к разной интенсивности использования форм пропагандисткой работы.

В 1920-е гг. истпарты приняли активное участие в подготовке юбилея революции 1905 г.

Комплекс пропагандистских мероприятий истпартов по формированию образа революции 1905 г. как «генеральной репетиции Октября» был важен в период необходимости для новой власти поддержания собственной легитимности. Однако празднование юбилея революции 1905 г. не стало советской традицией. Наиболее широко начинают отмечаться годовщины Октябрьской революции, в организации которых активно участвовали истпарты. Интерпретация этого исторического события и ее закрепление в качестве доминирующей при реализации политики памяти истпартами стало основой для формирования советской идентичности. Масштаб пропагандистских мероприятий, посвященных значимым для правящей партии историко-революционным событиям, отражавшим локальную специфику, был значительно меньшим.

Источники и литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.
3. Булыгина Т. А., Клопихина В. С. Организация Истпарта как инструмента выработки советского конструкта исторической памяти: Региональный контекст // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи. Ставрополь, 2018. С. 115–121.
4. Бурдье П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
5. Власть Советов. 19 декабря 1925 г. №1701. С. 1.
6. Вокруг органов истпартовской работы. Донской истпартотдел // Пролетарская революция.1924. №12. С. 333–334.
7. Всероссийское совещание истпартовских работников. Юго-Восточное краевое и Донское бюро // Пролетарская революция. 1923. №4. С. 353.
8. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 794.
9. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 8.
10. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.р-1161. Оп. 1. Д. 1432. Л. 41.
11. ГАСК. Ф.р-1161. Оп. 1. Д. 288.
12. ГАСК. Ф.р-1161. Оп. 1. Д. 717.
13. ГАСК. Ф.р-1161. Оп. 1. Д. 999.
14. ГАСК. Ф.р-299. Оп. 1. Д. 141.
15. Герман Р. Э. Историческое прошлое как компонент нормативно-символической сферы политики // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №3. С. 69–74.
16. Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструмент символической политики: возможности теоретического описания // Символическая политика: Сб. науч. трудов. М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 2: С. 66–79.
17. К организации празднования 20-летней годовщины революции 1905 г. // Пролетарская революция. 1924. №7. С. 281–282.
18. Клопихина В. С. Исторический нарратив об Октябрьской революции 1917 г. как основа советской идеологии 1920-х гг.: региональный аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №2. С. 45–51.
19. Кубано-Черноморский истпарт // Пролетарская революция. 1924. №4. С. 290.
20. Миллер А. И., Малинова О. Ю., Ефременко Д. В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. №5. С.128–140.
21. Обзор деятельности местных органов Истпарта // Пролетарская революция. 1922. №8. С. 232–236.
22. Обращение Истпарта ЦК ко всем местным истпартам о проведении 25-летней годовщины II съезда // Пролетарская революция. 1928. №6–7. С. 379–380.
23. Отчет отдела местных истпарта Института Ленина и обзор истпартработы на местах за 1927/1928 гг. // Пролетарская революция. 1928. №11–12. С. 359–361.
24. Протокол третьего совещания истпартотделов СССР // Пролетарская революция. 1924. №8–9. С. 410–415.
25. Работа истпртотделов. Кубанский истпарт // Пролетарская революция. 1925. №7. С. 233.
26. Работа крайистпарта Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) за 1929 г. // Пролетарская революция. 1929. №11. С. 303–306.
27. Работа местных истпартотделов по подготовке к 10-летию Октября // Пролетарская революция. 1926. №2. С. 274.
28. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 1. Д. 135.
29. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 187.
30. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 64.
31. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 129.
32. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 191.
33. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 197.
34. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 31.
35. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 359.
36. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 362.
37. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 363.
38. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 421.
39. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
40. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: НЛО, 2008. 455 с.

41. Ставрополье. 1925. №11. С. 3.
42. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 319. Оп. 1. Д. 3.
43. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 173.
44. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 176.
45. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 343.
46. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 554.
47. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 565.
48. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 728.
49. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 825.
50. Циркуляры Истпарта // Пролетарская революция. 1924. №2. С. 241.
51. Юбилейные выставки по Октябрю // Пролетарская революция. 1927. №7. С. 282–283.
52. The invention of tradition / Ed. by Hobsbawm E. and Ranger T. Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. 320 p.

References

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya *(The Social Construction of Reality: a Treatise on the Sociology of Knowledge).* Moscow: Medium publ., 1995. 323 p. (In Russian).
2. Bordyugov G. A. Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileev v prostranstve pamyati *(October. Stalin. Victory. The Cult of Anniversaries in the Memory Space).* Moscow: AIRO-XXI publ., 2010. 256 p. (In Russian).
3. Bulygina T. A., Klopikhina V. S. Organizatsiya Istparta kak instrumenta vyrabotki sovetskogo konstrukta istoricheskoi pamyati: Regional'nyi kontekst *(The Organization of the Istpart, as in Shaping a Soviet Construct Historical Memory: the Regional Context)* // Rossiisko-Avstriiskii al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli. Issue. VI. K 150-letiyu obrazovaniya Avstro-Vengerskoi imperii. Stavropol': NCFU publ., 2018. P.115–121. (In Russian).
4. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva *(Sociology of Social Space).* Moscow: Institute of Experimental Sociology publ.; SPb.: Aleteiya, 2007. 288 p. (In Russian).
5. Vlast' Sovetov. December 19. 1925. No. 1701. (In Russian).
6. Vokrug organov istpartovskoi raboty. Donskoi istpartotdel *(Around the Bodies of Istpart Work. Istpart Authorities of the Don)* // Proletarskaya revolyutsiya.1924. No.12. P. 333–334. (In Russian).
7. Vserossiiskoe soveshchanie istpartovskikh rabotnikov. Yugo-Vostochnoe kraevoe i Donskoe byuro *(All-Russian Meeting of istpart workers. South-Eastern regional and the Don bureau*) // Proletarskaya revolyutsiya. 1923. No. 4. P. 353. (In Russian).
8. State archive of the regional recent history (GANISK). F. 5938. Inv. 1. D. 794. (In Russian).
9. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 8. (In Russian).
10. Stavropol territory state archive (GASK). F.r-1161. Inv. 1. D. 1432. L. 41. (In Russian).
11. GASK. F.r-1161. Inv. 1. D. 288. (In Russian).
12. GASK. F.r-1161. Inv. 1. D. 717. (In Russian).
13. GASK. F.r-1161. Inv. 1. D. 999. (In Russian).
14. GASK. F.r-299. Inv. 1. D. 141. (In Russian).
15. German R. E., Istoricheskoe proshloe kak komponent normativno-simvolicheskoi sfery politiki *(The Historical Past as a Component of the Normative and Symbolic Sphere of Politics)* // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2011. No.3. P. 69–74. (In Russian).
16. Efremova V. N. Gosudarstvennye prazdniki kak instrument simvolicheskoi politiki: vozmozhnosti teoreticheskogo opisaniya *(Public Holidays as an Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Theoretical Description)* // Simvolicheskaya politika. Issue. 2: Moscow: INION RAN publ., 2014. P. 66–79. (In Russian).
17. K organizatsii prazdnovaniya 20-letnei godovshchiny revolyutsii 1905 g. *(On the Organization of Celebration of the 20th Anniversary of Revolution of 1905)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1924. No.7. P. 281–282. (In Russian).
18. Klopikhina V.S. Istoricheskii narrativ ob Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g. kak osnova sovetskoi ideologii 1920-kh gg.: regional'nyi aspekt *(Historical Narrative on the October Revolution of 1917 as the Basis of Soviet Ideology of the 1920s: Regional Aspect)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2018. No. 2. P. 45–51. (In Russian).
19. Kubano-Chernomorskii istpart *(Kuban-Chernomorsky Istpart)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1924. No. 4. P. 290. (In Russian).
20. Miller A. I., Malinova O. Yu., Efremenko D. V. Politika pamyati i istoricheskaya nauka *(Politics of memory and historical science)* // Rossiiskaya istoriya. 2018. No.5. P. 128–140. (In Russian).
21. Obzor deyatel'nosti mestnykh organov Istparta *(Review of local organ of Istpart)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1922. No.8. P. 232–236. (In Russian).
22. Obrashchenie Istparta TsK ko vsem mestnym istpartam o provedenii 25-letnei godovshchiny II s»ezda *(The appeal of the Istpart of the Central Committee to all local istparts on the conduct of the 25th anniversary of the II Party Day)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1928. No.6–7. P. 379–380. (In Russian).
23. Otchet otdela mestnykh istparta Instituta Lenina i obzor istpartraboty na mestakh za 1927/1928 gg. *(Report of the division of local istparts of the Lenin Institute and an overview of the work of isparts over 1927/1928)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1928. No.11–12. P. 359–361. (In Russian).
24. Protokol tret'ego soveshchaniya istpartotdelov SSSR *(The Protocol of the third meeting of istparts of USSR)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1924. No.8–9. P. 410–415. (In Russian).
25. Rabota istprtotdelov. Kubanskii istpart *(Work of istparts. Kuban istpart)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1925. No. 7. P. 233. (In Russian).
26. Rabota kraiistparta Severo-Kavkazskogo kraikoma VKP(b) za 1929 g. *(The work of regional istparts of the North Caucasus regional Committee of the VKP (b) for 1929)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1929. No.11. P. 303–306. (In Russian).

27. Rabota mestnykh istpartotdelov po podgotovke k 10-letiyu Oktyabrya *(The work of local isparts in preparation for the 10th anniversary of the October)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1926. No. 2. P. 274. (In Russian).
28. Russan state archive social and political history (RGASPI). F. 70. Inv. 1. D. 135. (In Russian).
29. RGASPI. F. 70. Inv. 1. D. 187. (In Russian).
30. RGASPI. F. 70. Inv. 1. D. 64. (In Russian).
31. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 129. (In Russian).
32. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 191. (In Russian).
33. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 197. (In Russian).
34. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 31. (In Russian).
35. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 359. (In Russian).
36. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 362. (In Russian).
37. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 363. (In Russian).
38. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 421. (In Russian).
39. Rol'f M. Sovetskie massovye prazdniki *(Soviet mass holidays).* Moscow: ROSSPEN publ., 2009. 439 p. (In Russian).
40. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Sotsial'nye predstavleniya o proshlom, ili Znayut li amerikantsy istoriyu *(Social perceptions of the past, or do Americans know history).* Moscow: NLO publ., 2008. 455 p. (In Russian).
41. Stavropol'e. 1925. No. 11. P. 3. (In Russian).
42. Center for Documentation of Recent History of the Rostov Region (TsDNIRO). F.319. Inv.1. D.3. (In Russian).
43. TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 173. (In Russian).
44. TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 176. (In Russian).
45. TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 343. (In Russian).
46. TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 554. (In Russian).
47. TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 565. (In Russian).
48. TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 728. (In Russian).
49. TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 825. (In Russian).
50. Tsirkulyary Istparta *(Circulars of Istpart)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1924. No. 2. P. 241. (In Russian).
51. Yubileinye vystavki po Oktyabryu *(Anniversary exhibitions in October)* // Proletarskaya revolyutsiya. 1927. No. 7. P. 282–283. (In Russian).
52. The invention of tradition / Ed. by Hobsbawm E. and Ranger T. Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. 320 p.

Сведение об авторе

Клопихина Василина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / vasklo@mail.ru

Information about the author

Klopikhina Vasilina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical Disciplines and Methods of Teaching, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / vasklo@mail.ru

УДК 94(430)08:82.091

Н. М. Погребная, А. А. Аникеев

КОНЦЕПЦИЯ «МИФОЛОГИИ ЭТНОТРАВМЫ» КАК МЕТОДА КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ПРОПАГАНДЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

В статье анализируется феномен этнотравмы, выступающей следствием воздействия разрушительной нацистской и расистской идеологии. В статье идентифицируются пропагандистские идеологемы и приемы, направленные на создание образа врага в массовом сознании при тоталитарных режимах, преследующих милитаристские и расистские цели. В качестве исторического примера создания в СМИ и в искусстве образа врага выбрана нацистская государственная идеология, успех которой отчасти объяснялся манипулированием общественным сознанием, в которое внедрялся образ внешнего врага в качестве причины национального бедствия и экономических затруднений.

В работе устанавливаются причины возникновения феномена этнотравны в Германии 20-х годов XX в., определяются основные направления развития мифа «о вонзенном в спину ноже» нацистами. Особое внимание в статье уделяется антисемитизму, мифологизации образа еврея, в начале работы кратко представлена историческая справка об истории юдофобии и антисемитизма, что объясняет, почему антиеврейская политика Третьего рейха была достаточно быстро принята массами. Мифологизация этнотравмы в национал-социалистической Германии рассматривается на примерах конкретных исторических источников: газеты, публичные речи политиков, новостные видео-журналы и художественные фильмы.

Для анализа взяты разные способы воплощения массовой пропаганды, чтобы сравнить используемые методы конструирования образа врага, проследить за языковыми тенденциями и формированием идеологем, доказать, что агитация и пропаганда нацистов носила комплексный характер. В исследовании приведены выдержки из речей А. Гитлера и Й. Геббельса, цитаты из материалов партийного печатного органа НСДАП «Völkischer Beobachter», описание художественных («Квекс из Гитлерюгенд», «Еврей Зюсс») и документальных («Вечный жид») фильмов, а также новостных сюжетов (о состоянии армии и о польских евреях).

Ключевые слова: этнотравма, национал-социализм, антисемитизм, пропаганда, масс-медиа, кинематограф.

N. Pogrebnaya, A. Anikeev

CONCEPTION OF THE ETHNOTRAUMA MYTHOLOGY AS A MEANS OF CONSTRUCTION OF THE ENEMY IMAGE IN THE PROPAGANDA OF THE THIRD REICH

The phenomenon of ethnotrauma being a consequence of an impact of devastating Nazi and racist propaganda is considered in the article. The article deals with propaganda ideologemes and practices directed at the formation of the enemy image in public consciousness under totalitarian regimes that pursue militaristic and racist goals. Nazi state ideology is chosen as a historic example of creating the enemy image in the media and art. Its success was partly explained by manipulation of public consciousness where the image of the external enemy as the main reason of national misery and economic difficulties was embedded.

The reasons for the emergence of the ethnotrauma phenomenon in Germany in the 1920-ies as well as the main directions of the development of the myth of “the knife in the back of Nazis” are defined in the article. The main attention in the article is paid to antisemitism and mythologization of the enemy image. At the beginning of the work a brief historical background about the history of anti-Judaism and antisemitism that explains why anti-Jewish policy of the Third Reich was rapidly accepted by the masses is given. The mythologization of ethnotrauma in National Socialist Germany is considered by examples of particular historic sources: newspapers, public speeches of politicians, video news magazines and feature films.

Various means of the mass propaganda translation are taken for analysis in order to compare methods used to construct the enemy image, to provide insight into language tendencies and the formation of ideologemes and to prove that agitation and propaganda of Nazis was complex. The extracts of A. Hitler’s and J. Goebbels’s speeches, citations from materials of the press organ of NSDAP “Völkischer Beobachter”, descriptions of feature (“Hitlerjunge Quex”, “Jud Süß”) and documentary (“The Eternal Jew”) films and also news stories (about the condition of the army and about Polish Jews) are provided in the research.

Key words: ethnotrauma, National Socialism, antisemitism, propaganda, the media, cinema.

XX век завершился, и с его завершением в науке и публицистике в литературе и искусстве наметилась отчетливая тенденция, направленная на осмысление причин военных катастроф XX

века, а также на идентификацию тех идеологических концепций, которые их породили. Геноцид целых народов, расизм, диктат тоталитарного государства, уничтожение инакомыслия и подавление критики – симптомы кризиса гуманистической мысли и демократических форм правления. С тем чтобы избежать повторения геноцида, пресечь зарождение расистской или нацистской идеологии, милитаристских тоталитарных режимов, несущих потенциальную угрозу человечеству, необходимо не только осознать исторические причины, детерминировавшие подобные явления, но и научиться распознавать признаки нацизма и расизма, возникающие в ойкумене той или иной государственной идеологии. Современные отечественные и зарубежные исследователи: М. Ф. Антонов [1], О. Ю. Пленков [12], [13], Д. М. Проэктор [14], Рольф Гизен [18], Зигфрид Бернгард [16] – внесли немалый вклад в исследование причин, способствующих формированию идеологий, враждебных человечности, а также способствовали выработки инструментария, направленного на распознание опасных тенденций в развитии государства и государственной философии. Одной из таких тенденций выступает активность государства и государственных СМИ, а также кино, литературы, театра, преследующая цель создания образа врага, как причины экономических затруднений и международного непризнания заслуг государства. Таким образом, политический режим перенаправляет поток критики с институтов власти и управления на некоторые внешние силы, которые выступают причиной тех или иных недостатков или даже провалов на международной арене или во внутренней политике. Л. П. Белякова [4], Н. П. Быстров [5], Р. Э. Герштейн [8], анализируя способы конструирования идеологем как средства формирования общественного мнения и манипулирования массовым сознанием, указывают, что узнаваемый языковой код выступал мощным средством пропаганды в СМИ и в искусстве.

Внедрение образа врага в массовое сознание объясняется тем, что народу, пережившему переломные моменты истории и катаклизмы, необходимо объяснить причину бедствий, лишивших его крыши, родных или средств к существованию. Чаще всего такой собирательный образ врага включает оппозиционные партии и идеологии или иностранные государства и «неправильные» народы. Метод конструирования образа врага как виновника всех бед «отечества» активно продвигается недемократическими властями и отдельными партиями с помощью средств массовой информации и других видов пропаганды, чтобы создать противопоставление «они – мы» [20].

Исторически созданием образа врага занимались все автократические государства, а апогея данного метода пропаганды наступила с появлением такого понятия как тоталитаризм. Под тоталитарной формой правления в политологии понимают «политический режим, при котором государство стремится к полному всеохватывающему контролю над всеми сторонами общественной жизни» [6]. К числу ярких примеров тоталитарных режимов относится национал-социалистическая диктатура в Германии. А. Гитлер активно использовал этнотравму для достижения желаемых результатов. Под этнотравмой следует понимать событие и его последствия, трактующиеся и представляющиеся в пропаганде скорее не как недальновидность государственной политики, а как всенародное горе, которое создали враги, желающие лишить нацию не только сильного государства (Версальский договор 1919 г.), но и разобщить сам народ (Ноябрьская революция 1918 г.). Поражение на фронтах Первой мировой войны и Ноябрьская революция в восприятии большинства немцев привели к резкому падению уровня жизни и унижению как немецкого государства, так и немецкого народа со стороны стран-победительниц, что в конечном итоге путем организации соответствующей пропаганды и привело НСДАП к власти.

Образ врага национал-социалистов сформировался задолго до прихода к власти в 1933 г. В 1920 г. в «25 пунктах» программы НСДАП в четвертом пункте говорилось, что «еврей не может быть фольксгеноссе». В 1924 г. в первом издании «Майн кампф» помимо антисемитизма активно пропагандировалась несостоятельность «еврейских» (коммунизм, левые движения) и либеральных идеологий, святость «Великой войны» и позор немецкой нации, олицетворяемый Версальским договором. Последующая пропаганда НСДАП традиционно опиралась на эти направления. Однако «главным виновником всех бед» немецкого народа оставался еврей.

«Еврейство» – слово, прочно вошедшее в немецкий язык тех времен, было мифологизированно и обозначало нечто чужеродное задолго до принятия А. Гитлером идей антисемитизма. Еще в эллинистическо-римский период из-за исповедовавшегося тогда монотеистического иудаизма евреи жили обособленно, чем вызывали некоторую враждебность по отношению к себе. А распространение в Европе христианства вывело неприязнь на совершенно новый уровень. Теперь евреев обвиняли не только в самом страшном грехе – богоубийстве, но и во всех бедах христиан от нехватки денег до эпидемий чумы, поэтому сильно изменять и без того существующий в сознании масс образ не пришлось. Вот, что пишет о евреях ультраконсервативный немецкий философ Евгений Дюринг в конце XIX в. в первой главе произведения «Еврейский вопрос»: «На этом основании еврейский вопрос не есть просто вопрос расовый вообще, но специально и вполне определенно – вопрос о вреде, всюду наносимом этою расою... Где только этот избранный кочующий народ ни появляется, всюду тотчас же возникает для общества еврейский вопрос, который с успехами истории и просвещения все яснее и правильнее входит в сознание народов» [2]. Из этого следует, что перед пропагандистами стояли задачи модернизировать существовавший ан-

тисемитизм, превратить негатив в радикализм и сделать его абсолютно массовым.

А. Гитлер еще во время своего пребывания в Вене перед Первой Мировой войной и уже после заключения Версальского мирного договора в 1920-е гг. начинает обвинять евреев и социал-демократов в грабеже и развращении, убеждая своих соратников в том, что от инфляции страдают именно немцы, живущие на территории Веймарской республики, а евреи продолжают зарабатывать деньги и купаются в богатстве. А. Гитлер, рассуждая о Версальском договоре в своей автобиографии, непременно употребляет название договора в одном предложении со словосочетанием «немецкий/наш народ». Он лично руководит пропагандой против Версальского договора. По его мнению, политика Франции в отношении Германии неразрывно связана с загрязнением французской крови, в том числе с евреями: «Только во Франции, – пишет он, – сегодня сильнее, чем когда-либо, царствует внутренняя гармония между намерениями фондового рынка, евреями, которые их носили, и пожеланиями шовинистического национального государственного управления. Но именно эта идентичность является огромной опасностью для Германии. Именно по этой причине Франция была и остается, безусловно, самым грозным врагом (для Германии). Этот все больше предающийся негроизации народ становится в своей связи с целями еврейского мирового господства скрытой опасностью для существования белой расы Европы» [15, s. 704].

Таким образом, страна-победитель, к которой перешли значительные территории Германии, в мифологизации этнотравмы национал-социалистами становится не только антагонистом и «грабителем» немецкого народа, но и союзником главного врага немецкой нации – еврейства. И именно поэтому «Франция желает предотвратить формирование закрытой власти в Германии, поддерживать немецкую систему политического равновесия сбалансированных маленьких государств без единого руководства, занять левый берег Рейна и выдать это за предпосылки для создания и сохранения гегемонии в Европе» [15, s. 696].

Чтобы продолжить пропагандировать идеи из «Майн кампф» через средства массовой информации, создать и в них единый для идеологии образ врага, идеологизировались средства художественной выразительности (гиперболы, метафоры и эпитеты), а также использовались такие исключительно пропагандистские приемы, как создание штампов, навешивание ярлыков, искажение фактов, многие из которых характерны для тоталитаризма вообще или же для конкретно-исторических тоталитарных мировоззрений. Такие языковые клише и приемы подачи информации называются идеологемами [9].

Уже в номере от 30 января 1933 г. главного рупора НСДАП – газете «Völkischer Beobachter» – на первой полосе еврейский народ называли паразитами, указывая, что «Посветлело в немецком доме, и паразиты пытаются укрыться во всех возможных щелях» [23]. Эта фраза очень богата на средства художественной выразительности: национал-социализм становится светом, евреи – паразитами, а страх евреев перед «справедливостью» в лице НСДАП заставляет их обращаться к бегству. Большевизм же сравнивают с ядом, который протекает через города и деревни и отравляет наивную немецкую душу: «Его (большевизма) приспешники бродят по города и деревням, вливая свой яд в несостоявшуюся немецкую душу» [23].

Помимо конкретных идеологических врагов в прессе («Völkischer Beobachter», 16.05.1935) [24], также активно осуждается поражение в Первой мировой войне и «безвольное» заключение Версальского договора. Промежуток времени между вступлением в силу Версальского мира и назначением А. Гитлера рейхсканцлером назван «14 позорными годами», а поражение в войне – «позорным клеймом». Удивительно, что номер за 16 марта 1935 г. посвящен одновременно отчету по разоружению (приводится в цифрах уничтоженная военная техника) и массовому призыву граждан в армию. В статье «Объяснения правительства» Йозеф Геббельс растолковал его как радостное событие, которое население должно воспринимать как возвращение мощи и защищенности страны, а не желание воевать. Рейхсминистер народного просвещения и пропаганды нацистской Германии призывает восторгаться и гордиться вермахтом. Интересно, что в этом же году выходит короткометражный фильм Лени Рифеншталь «День свободы – наш вермахт!», отснятый с целью прославления армии Третьего рейха.

Процесс идеологизации коснулся всех социальных институтов и чуть ли не в первую очередь языка. Например, слово «das Volk» в прессе и публичных выступлениях в современной Германии не запрещено, однако его употребление может быть неправильно понято. Об этом рассуждает писатель Дурс Грюнбайн в интервью в материале «Шпигеля» «Словотворчество и его смертоносное значении»: «В Германии соединение в сложное слово двух безобидных слов «конец» – «das Ende» и «решение» – «die Lösung» в единую лексему «Endlösung» (окончательное решение) с совершенно другим значением. Впервые термин был использован Адольфом Гитлером, который в 1919 г. во время представления доклада об антисемитизме определил его конечную цель как «полное удаление евреев из жизни в принципе (в целом)» [17]. «Окончательное решение» стало частью программы НСДАП. Хотя слово «Endlösung», тем не менее, не часто употреблялось журналистами «Völkischer Beobachter», вместо него в резонансных материалах использовалось «das Judenproblem».

Еврейский вопрос обсуждался не только на страницах главного печатного органа партии. Через две недели после «Хрустальной ночи», 24 ноября 1938 года, в газете «Das Schwarze Korps» под заголовком «Евреи: что теперь?» было на-

писано: «План ясен: окончательное отделение, полное отсечение. Что это значит? Это значит – удалить евреев не только из сферы экономики германского народа! […] Во всех отношениях нация паразитов обеднеет в изоляции, так как она не желает и неспособна работать! […] Результатом будет фактический и окончательный конец иудаизма в Германии, его полное уничтожение» [11].

Во главе СМИ стояли Parteigenossen, как Альфред Розенберг в «Völkischer Beobachter». Это значительно повлияло на язык масс-медиа: его формировали политики, к тому же, выдержки из публичных выступлений идеологических лидеров стали важнейшим контентом для всех видов СМИ. Публичная речь не урезалась в видеосюжетах, в газетах ее разбирали на цитаты и восхваляли отдельно взятые фразы, а по радио такие выступления часто можно было услышать в прямом эфире.

Публичные политические речи – это озвучивание основных задач и главных идей политической программы, они выступают в роли мощного агитационного инструмента и направлены непосредственно на электорат и народные массы. Из этого можно сделать вывод, что впервые образ врага был представлен широким массам именно в политических речах.

После формирования нового правительства речи лидеров идеологии национал-социализма оставались главной опорой и примером для журналистских текстов. Рассмотрим некоторые фрагменты речи А. Гитлера и Й. Геббельса от 10 февраля 1933 г.

«Если «Rote Fahne»[1] с типичной еврейской наглостью смеет утверждать, что наш камрад Майковски и сержант полиции Зеритц были застрелены своими же собственными камрадами, то я должен сказать, что это еврейская наглость просуществовала дольше, чем нужно, и у нее нет будущего» [7]. Из этой фразы мы понимаем, что наглость для еврейства типична, а само прилагательное «еврейский» в любом контексте обладает заведомо негативной окраской. Еще один пример из той же речи, содержащий открыто выраженную агрессию в отношении «главных виновников» немецких бедствий: «И если сегодня еврейские газеты еще верят, что они могут запугать национал-социалистическое движение с помощью скрытых угроз, если они еще верят, что способны обходить наши чрезвычайные распоряжения, они должны остерегаться! Когда-нибудь наше терпение закончится и тогда евреям набьют наглые лживые рты» [7]. Что примечательно, обе фразу адресованы «лживой» и «неправильной» (читать: еврейской) прессе.

Йозеф Геббельс продолжает в несколько ином ключе: «Когда еврейская пресса начинает жаловаться, что национал-социалистическое движение позволяет только рейхсканцлеру говорить по всем немецким передачам, мы можем дать лишь один ответ: «Как вы нас дурачили (показывали нам, как нужно делать), так мы теперь подражаем вам! […] Вы наши наставники, а мы ваши смышленые ученики (ирония)» [7].

По ходу речи самого рейхсканцлера несдержанность также проявлялась в отношении к социал-демократам. Его активно цитировали правые СМИ. В номере «Völkischer Beobachter» от 26.07.1932 в статье, посвященной теории и практике марксизма, Социал-демократическую партию Германии называли «Коррупционной партией Германии» [21], ответственной за нищету и унижения Германии. Спустя полгода А. Гитлер продолжил: «Мы не нуждаемся в тех методах, которые использует марксистское социал-демократическое правительство. Хотя они могут стать базой в наших целях – для борьбы с преступностью, против социал-демократов» [3]. Записи данного выступления показывали в кино-комнатах[2] оригинал выступления дошел до наших дней. И именно визуализация (не только с помощью плакатов со статичными утрированными изображениями, но и с помощью камеры) делала пропаганду более эффективной.

Ю. М. Лотман в работе «Семиотика кино и киноэстетики» подчеркивает значимость кино как средства формирования стереотипов общественного поведения [10]. Именно эти пропагандистские цели преследовались в полнометражных фильмах Третьего рейха. Хотя большая их часть представляла из себя так называемый легкий, развлекающий контент, через такие картины как «Квекс из Гитлерюгенд»[3], «Еврей Зюсс»[4] или «Вечный жид» от первого до последнего кадра проходит идея образа врага немецкой нации. В фильме 1932 г. «Квекс из Гитлерюгенд» есть четкое разграничение между утрированно положительными и утрированно отрицательными персонажами: коммунисты представлены ленивыми, маргинальными и развратными нарушителями порядка, тогда как положительные герои – Гитлерюгенд – порядочны и всегда помогают друг другу. Помимо пропаганды антикоммунистических настроений картина превозвышает самопожертвование во имя идеи.

Евреи в нацистском кинематографе предстают зрителю более коварными злодеями, нежели агрессивные и пустые коммунисты, ведь коммунизм – идеология слуг еврейства и лишь пешки в его руках. В фильме «Еврей Зюсс» «богом избранный народ» представлен грабителем и осквернителем немецкой нации.

[1] «Красное знамя» – газета, основанная 9 ноября 1918 г. Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. С 1919 по 1945 являлась центральным печатным органом Коммунистической партии Германии (KPD). В условия нацистской диктатуры существовала подпольно.

[2] Так как телевизоры были редкостью до середины 30-х годов, а в 1939 г. их производство так и не стало массовым (помешало начало Второй мировой войны), в районах создавались специальные кино-комнаты для совместного (с соседями) просмотра новостных передач, фильмов и развлекательных программ.

[3] Hitlerjugend Quex: Ein Film vom Opfergeist der deutschen Jugend (Квекс из Гитлерюгенд) (реж. Ганс Штайнхофф). 1933 г.

[4] Jud Süß (Еврей Зюсс) (реж. Файт Харлан). 1940 г.

Продолжением еврейской истории в национал-социалистическом кинематографе стал документальный фильм «Вечный жид»[1], вышедший на экраны, как и «Еврей Зюсс», в 1940 г. Фильм демонстрирует жизнь евреев в гетто, их быт и традиции. Кадры живые от постановочных достаточно легко отличить: вот выхваченное из толпы крупным планом еврейское лицо, а вот – семейный обед, кадры которого несколько раз сменяются выхваченными крупных планом насекомыми. Из фильма неясно, были ли отсняты насекомые в том же доме, где обедала семья, и был ли показанный дом жилым. Эти кадры сопровождаются текстом: «Евреи нечистоплотны!», «Спустя несколько часов после оккупации они возобновили свои денежные махинации!», «Эти евреи вовсе не бедные, у них достаточно денег, чтобы приобрести большой и чистый дом, но они хотят жить поколениями в грязной дыре». Примечательно, что голосом фильма стал диктор передач «Die deutsche Wochenschau» Гарри Гизе, что закономерно увеличивало доверие обывателя к отснятому материалу.

Появление массовых кинозалов еще в конце 1920-х гг. не могло остаться без внимания пропагандистской машины Третьего рейха. В марте 1935 г. торжественно открывается берлинская телестудия имени Пауля Нипкова. Киножурналы «UFA Ton-Woche» и «Die deutsche Wochenschau» представляли почти до самой капитуляции в 1945 г. информационные видеосюжеты, репортажи, интервью с партийцами, записи политических речей. Помимо информационных программ и специальных репортажей о работе государственных учреждений в Третьем рейхе существовало множество развлекательного контента: от музыкальных комедийных передач («Dachgarten»), мультипликации и фрагментов с концертов до кулинарных шоу и утренней гимнастики. Они не носили информативных характер – это и не было их основой задачей. Такой контент создавался, чтобы контролировать настроения населения даже во время досуга. Однако в развлекательных передачах нацистская идеология преподносила свои идеи осторожно и ненавязчиво, а агитация и более смелая, радикальная пропаганда была неотъемлемой частью новостных журналов.

В одном из сюжетов «UFA Ton-Woche» показано, как за пять лет нахождения у власти национал-социалистам удалось искоренить последствия этнотравмы. Речь идет о выпуске №428 «UFA Ton-Woche» 15 ноября 1938 г. Журналист рассказывает о конце Первой мировой войны, революции 1918 г. и последствиях Версальского договора для Германии: «Все оружие, склады были уничтожены. [...] Военные корабли и самолеты запрещены. […]» [19]. И на экране сменяются унизительные кадры: солдаты рейхсвера проводят учения с моделями самолетов и танков. Далее следуют кадры преобразования армии после прихода национал-социалистов к власти: «Новый рейх снова сделал все военные ресурсы Германии сильными и свободными» [19]. Под эти слова на видеоряде маршируют ряды солдат вермахта. Музыка и видеоряд меняют настроение сюжета на победно-ликующее, голос диктора остается неизменно уверенно-спокойным. Дикторский голос не должен был нести в себе какую-либо информацию об авторе, он должен был оставаться безликим. Журналист в Третьем рейхе – проповедник идеологии, не более того.

Что же касается пропаганды созданного образа еврейства, ей посвящен выпуск этого же новостного журнала №472 от 20.09.1939 г. [21], однако и здесь об окончательном решении еврейского вопроса и о депортации еврейского населения в лагеря ничего не говорится – агитаторы все еще ведут осторожно, вещая о войне, пленных и гетто. Данный сюжет освещает в основном взаимодействиям вермахта с польским населением, в том числе евреями. «В этом месте все разрушено, смертоносный огонь уничтожил все дома, кроме одного: Синагоги. Любые комментарии излишни» [20], – вещает диктор. На экране мы видим скромное здание синагоги из польской глубинки. Удивительная фраза «любые комментарии излишни» не несет в себе посыл подчеркнуть религиозную святость: огонь обошел место моления, но лишний раз подчеркивает «живучесть» еврейства. Любопытно, что оператор снял также лица местного еврейского населения. Сразу видно, что образы для крупных планов тщательно подбирались. Большинство из отснятых людей идеально вписываются в приписываемые нацистской идеологией внешние черты этой группы населения.

Тема еврейского вопроса на данном эпизоде не заканчивается. Кадры с активно двигающимися детьми и стоящими рядом людьми, предположительно, знакомыми сопровождаются закадровым текстом: «В гетто на занятых территориях у восточных евреев прекрасное настроение. Эти кадры опровергают мерзкую еврейскую пропаганду дотошного зарубежья» [20]. Конечно, лица на пленке не наполнены ужасом, но радости на них тоже нет; они скорее нейтральны. Люди с более-менее обычным выражением лица, несомненно, выискивались съемочной группой среди неразберихи в только что организованном гетто. К такому видеоряду можно подставить практически любой текст, чем пропагандисты и воспользовались. Однако даже в представленном ролике есть оговорка, что «непокорные элементы собираются в (отдельные) лагеря» [20]. В числе «непокорных элементов» много представителей ортодоксов (на это указывают одежда и пейсы). Их лица сдержанны, но на них читается непонимание и отчаяние, перебирание в голове возможного наказания. Эта съемка дает нам куда более правдивое представление о том, что происходило в гетто. За непослушание жителям гетто приходится выполнять тяжелую физическую работу: они разбирают завалы, расчищают дороги и сортируют камни. «Впервые в жизни он принуждены к работе» [20], – говорит голос за кадром.

[1] Der Ewige Jude (Вечный жид) (реж. Фриц Хиплер). 1940 г.

Реплика должна была задеть и вызвать одобрение простых работяг и крестьян, которые совсем недавно, в 1920-е годы, переживали страшную бедность, несмотря на то, что многие работали более 14 часов.

Из этого следует, что объединяя этнотравму немцев с вековым мифологизированным образом врага европейских народов в целом, нацистские пропагандисты смогли достичь двойного эффекта. Они не только снимали любые обвинения в неудачах и бедствиях с «масс» и ссылались в этих вопросах на обработанные исторические факты, но и смогли показать народу «главных виновников всех бед немецкой нации» – евреев, к которым издавна относились как к чужеродному элементу. Важным аспектом мифологизации этнотравны нацистской идеологией было объединение всех неугодных политических, культурных или общественных движений под одним словом: еврейство. Если говорить о социал-демократах, то их нацисты называли еврейскими рабами, а либеральную, «лживую» прессу просто еврейской. Коммунистическая идеология в целом полностью ассоциировалась с еврейством. Пожалуй, только образ Франции как врага и представление Версальского договора как «вонзенного в спину ножа» не имели такого яркого «еврейского» начала, хотя даже здесь А. Гитлер отмечает, что «это народ имеет приверженность к целям еврейского мирового господства [15, s. 704]. Таким образом, еврейство стало олицетворять не только сам еврейский народ, веками носивший клеймо неспособного к интеграции и к научно-культурной деятельности, ленивого, жадного, хитрого, превратился в олицетворение не просто виновника всех бед христиан, но «главного врага» именно немецкой нации, принимающего форму то большевика, то социал-демократа, то военной дезорганизации.

Список источников и литературы

1. Антонов М. Ф. Расистский национал-социализм Адольфа Гитлера // От лжекапитализма к тоталитаризму! Мир в XXI веке и судьбы России М.: Альта-Принт, 2008. С. 592.

2. Архив Яд Вашем, «И памяти нет страшней...» – История Холокоста (Шоа) 2019 URL: https://www.yadvashem.org/ru/education/projects/phoenix/holocaust/lesson2.html (Дата обращения: 21.09.2019).

3. Аудиозапись выступления Адольфа Гитлера 1932 года.

4. Белякова Л. П. Средства непрямого воздействия на общественное сознание // Мир газетного образа. Минск: БГУ, 2003. С. 175.

5. Быстров Н. П. Идеологема «фашизм» в советской публицистике 1922–1953 гг.: дисс. … канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2009. 235 с.

6. Василик М. А., Вершинин М. С. Политология: словарь-справочник. М.: Гардарики, 2001. 843 с.

7. Видеозапись речи Адольфа Гитлера и Йозефа Геббельса от 10 февраля 1933 года.

8. Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер / пер. с англ. А. Л. Уткина, А. В. Бушуева, И.С. Соколова / под общ. ред. Г. Ю. Пернавского. Смоленск: Русич, 1996. 608 с.

9. Карамова А. А. Идеологемы: определение понятия и типология URL: http://www.science–education.ru/ru/article/view?id=20815 (Дата обращения: 10.05.2019).

10. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 92 с.

11. Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Т.3. Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001. 193 с.

12. Пленков О. Ю. Третий рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. 475 с.

13. Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии [РХГА], 1997. 576 с.

14. Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. 2-е изд., доп., М.: Наука, 1989. 584 с.

15. Adolf Hitler, Mein Kampf / Zwei Bände in einem Band Ungekürzte Ausgabe. – Zentralverlang der NSDAP Frz. Eher Nachf., München, 1936. 828 s.

16. Bernhard S. Nationalsozialistische Bildberichterstattung // Wien, Universität, Diplom-Arbeit, 1998.

17. Der Spiegel. 26.08.2017.

18. Giesen R. Nazi propaganda films: a history and filmography // Pbk. ed. Published. Jefferson, N.C.; London: McFarland, 2003. 287 p.

19. UFA Ton-Woche. 1938. No. 428.

20. UFA Ton-Woche. 1939. No. 472.

21. Völkischer Beobachter. 26.07.1932.

22. Völkischer Beobachter. 30.01.1933.

23. Völkischer Beobachter. 16.05.1935.

24. Völkischer Beobachter. 30.01.1938..

References

1. Antonov M. F. Rasistskij nacional-socializm Adol'fa Gitlera *(Adolf Hitler's racist national socialism)* // Ot lzhekapitalizma k totalitarizmu! Mir v XXI veke i sud'by Rossii. Moscow: Al'ta-Print, 2008. P. 592. (In Russian).

2. Arhiv Jad Vashem, «I pamjati net strashnej...» – Istorija Holokosta (Shoa) 2019 *(Archive Yad Vashem, "And there is no worse memory ..." – History of the Holocaust (Shoa) 2019)* URL: https://shhshhshh.jadvashem.org/ru/education/projects/phoenih/holocaust/lesson2.html (Accessed: 21.09.2019). (In Russian).

3. Audiozapis' vystuplenija Adol'fa Gitlera 1932 goda *(Audio recording of a 1932 Adolf Hitler's speech)*.

4. Beljakova L. P. Sredstva neprjamogo vozdejstvija na obshhestvennoe soznanie *(Means of indirect impact on public consciousness)* // Mir gazetnogo obraza. Minsk: BSU publ., 2003. P. 175. (In Russian).
5. Bystrov N. P. Ideologema «fashizm» v sovetskoj publicistike 1922–1953 gg. *(The ideological "fascism" in Soviet journalism of 1922–1953):* thesis. Moscow: RSHU publ., 2009. 235 p. (In Russian).
6. Vasilik M. A., Vershinin M. S. Politologija: slovar'-spravochnik *(Political science: dictionary).* Moscow: Gardariki, 2001. 843 p. (In Russian).
7. Videozapis' rechi Adol'fa Gitlera i Jozefa Gebbel'sa ot 10 fevralja 1933 goda. *(Video recording of the speech of Adolf Hitler and Joseph Goebbels dated February 10, 1933).*
8. Gercshtejn R. Je. Vojna, kotoruju vyigral Gitler *(The war Hitler won)* / tramslated by A. L. Utkin, A. V. Bushuev, I. S. Sokolov / ed by G. Ju. Pernavskii. Smolensk: Rusich publ., 1996. 608 p. (In Russian).
9. Karamova A. A. Ideologemy: opredelenie ponjatija i tipologija *(Ideologemes: definition of a concept and typology)* URL: http://shhshhshh.science–education.ru/ru/article/vieshh?id=20815 (Accessed: 10.05.2019). (In Russian).
10. Lotman Ju. M. Semiotika kino i problemy kinojestetiki *(Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics).* Tallin: Jejesti Raamat, 1973. 92 p. (In Russian).
11. Mihman D. Katastrofa evropejskogo evrejstva *(The Holocaust of European Jewry).* Vol.3. Tel'-Aviv: Otkrytyj universitet Izrailja publ., 2001. 193 p. (In Russian).
12. Plenkov O. Ju. Tretij rejh. Socializm Gitlera (Ocherk istorii i ideologii) *(Third Reich. Hitler's Socialism (Essay on History and Ideology).* St.Petersburg: Izdatel'skij dom «Neva», 2004. 475 p. (In Russian).
13. Plenkov O. Ju. Mify nacii protiv mifov demokratii: nemeckaja politicheskaja tradicija i nacizm *(Myths of the nation against the myths of democracy: German political tradition and Nazism).* St.Petersburg: Russian Christianity Academy publ., 1997. 576 p. (In Russian).
14. Projektor D. M. Fashizm: put' agressii i gibeli *(Fascism: the path of aggression and death).* 2-e izd., dop., Moscow: Nauka, 1989. 584 p. (In Russian).
15. Adolf Hitler, Mein Kampf / Zwei Bände in einem Band Ungekürzte Ausgabe. – Zentralverlang der NSDAP Frz. Eher Nachf., München, 1936. 828 s. (In Russian).
16. Bernhard S. Nationalsozialistische Bildberichterstattung // Wien, Universität, Diplom-Arbeit, 1998.
17. Der Spiegel. 26.08.2017.
18. Giesen R. Nazi propaganda films: a history and filmography // Pbk. ed. Published. Jefferson, N.C.; London: McFarland, 2003. 287 p.
19. UFA Ton-Woche. 1938. No. 428.
20. UFA Ton-Woche. 1939. No. 472.
21. Völkischer Beobachter. 26.07.1932.
22. Völkischer Beobachter. 30.01.1933.
23. Völkischer Beobachter. 16.05.1935.
24. Völkischer Beobachter. 30.01.1938.

Сведения об авторах

Погребная Нина Михайловна – магистр Лейпцигского университета (Лейпциг, Германия) / ninakorr97@mail.ru
Аникеев Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / anikeevst@mail.ru

Information about the authors

Pogrebnaya Nina – MA student, University of Leipzig (Leipzig, Germany) / ninakorr97@mail.ru
Anikeev Alexey – Doctor of History, Leading Researcher, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / anikeevst@mail.ru

УДК 930.2

Л. П. Репина

«ИСТОКИ АНГЛИЙСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА» АЛАНА МАКФАРЛЕЙНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УРОКИ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И РЕМЕСЛО ИСТОРИКА

Со времен Геродота и Фукидида историки используют разные объяснительные модели. В XX веке, особенно во второй его половине, богатой на «познавательные повороты», было предпринято немало попыток коренным образом преобразовать практику историописания, вывести его из дрейфа между «полюсами» двух базовых типов объяснения – через мотивы человеческой деятельности, или же через природные факторы и социальные структуры, ее обусловливающие. Однако специализация внутри исторической науки, требующая ограничения предметного поля конкретных исследований той или иной стороной исторического процесса, постоянно создает почву для переноса именно на нее центра тяжести в объяснении истории. В статье рассматривается одна из наиболее продвинутых версий историко-антропологического подхода, а также научная полемика, развернувшаяся вокруг ее практической реализации в вышедшей в свет в 1978 году и вызвавшей массу критических откликов известной книге британского историка и антрополога Алана Макфарлейна «Истоки английского индивидуализма». В центре внимания автора данной статьи теоретико-методологические, логические и методические основания исследования, проведенного А. Макфарлейном на междисциплинарной основе, и прежде всего – предложенные им модели компаративного анализа, которые позволили подвергнуть критическому пересмотру традиционную интерпретацию «перехода» Англии от коллективистского аграрного общества к индивидуалистическому обществу модерна.

Ключевые слова: историческая антропология, междисциплинарность, идеальный тип, сравнительно-исторический подход, научная полемика, индивидуализм, общество модерна.

L. Repina

ORIGINS OF ENGLISH INDIVIDUALISM BY ALAN MACFARLANE: THEORETICAL LESSONS OF SOCIAL ANTHROPOLOGY AND THE CRAFT OF HISTORY

Since the time of Herodotus and Thucydides, historians have used different explanatory models. In the twentieth century, especially in its second half, rich in “cognitive twists”, many attempts were made to radically transform the practice of historiography, to bring it out of the drift between the “poles” of two basic types of explanation – through the motives of human activity, or through natural factors and social structures that determine it. However, specialization within historical science, which requires restricting the subject field of specific research on one side or another of the historical process, constantly creates the ground for transferring the center of gravity in explaining history onto it. The article discusses one of the most advanced versions of the historical-anthropological approach and the controversy that unfolded around its practical implementation in a famous book “The Origins of English Individualism” of the British historian and anthropologist Alan Macfarlane that was published in 1978 and provoked a lot of critical feedback. The author of this article focuses on the theoretical, methodological and logical foundations of the study conducted by A. Macfarlane on an interdisciplinary basis, and above all, the models of comparative analysis that made it possible to critically revise the traditional interpretation of the “transition” of England from a collectivist agrarian society to an individualistic modern society.

Key words: historical anthropology, interdisciplinarity, ideal type, comparative historical approach, scientific debate, individualism, modern society.

Историческая антропология сформировалась как метод осмысления социокультурных стереотипов, но во второй половине 1970-х – 1980-е годы стала нередко рассматриваться как особый подход, обеспечивающий полную реконструкцию всего здания истории. В этой версии историческая антропология опиралась на методологические установки, предполагающие исследование всех сфер жизни людей в их структурном единстве и в фокусе пересечения социальных связей и культурно-исторических традиций. В изучении прошлого это предполагает воспроизведение исторического общества как целостной динамической системы, которая, сложившись в результате деятельности многих предшествовавших поколений, задает условия жизни и модели поведения действующему субъекту истории и изменяется в процессе его жизнедеятельности. Подразумева-

ется, что в центре этой системы должен стоять субъект исторического действия – человек или коллектив (социальная группа), и действует этот индивидуальный или коллективный субъект истории в изменчивой социальной среде, образуемой сложным переплетением различных общностей (семейно-родственных, социально-профессиональных, локально-территориальных, этнополитических групп), в исторической ситуации, которая сама слагается из предшествовавшей социально-исторической практики и из желаний, стремлений, действий других индивидов и групп.

Однако, по существу, линия раздела и сегодня пролегает между двумя принципами осмысления исторического процесса: с одной стороны, посредством «наложения» априорных, универсальных концепций, и, с другой – вероятностными методами, позволяющими моделировать индивидуальные поведенческие практики и коллективные социальные действия, исходя из эмпирических данных. В последнем случае только и могут позитивно реализоваться эпистемологические ожидания, связанные с интегративным подходом к изучению крупных структурных сдвигов на новой теоретической и мировоззренческой основе. Использование теоретического потенциала смежных общественных и гуманитарных наук помогло выявить слабые места традиционных исторических объяснений и определить направления новых поисков, сыграв важную ориентирующую роль, но они обнаружили неспособность обеспечить новые убедительные объяснения с учетом исторического характера предмета исследования. Для этого требовалась самостоятельная теоретическая работа. И, на мой взгляд, книга «Истоки английского индивидуализма» [15] презентировала конкретный результат одной из таких разработок, которая была выполнена видным историком и антропологом в одном лице, каким является профессор Алан Макфарлейн[1].

Книга А. Макфарлейна «Истоки английского индивидуализма» вышла в свет немногим более сорока лет назад – в 1978 г., и сегодня трудно представить тот фурор, который произвела тогда ее публикация. В ней автор пришел к парадоксальному выводу, что в Англии, собственно, не существовало крестьянства, во всяком случае, в том смысле, какой обычно историки вкладывают в это понятие. Автор утверждал, что Англия была в главнейших аспектах «современным», модерным обществом уже с XIV века, а возможно раньше, и поэтому большинство описаний перехода к современности ошибочны. Отрицая, что в позднее средневековье в Англии существовало крестьянское общество, Макфарлейн прежде всего подверг критике трактовку английского средневекового крестьянства, содержащуюся в трудах целой плеяды крупных историков-медиевистов, специалистов по аграрной истории средневековой Англии, в том числе таких корифеев как П. Г. Виноградов, М. Постан и Е. А. Косминский[2]. Эти ученые, подобно многим другим, квалифицировали английских крестьян XI–XIV веков как земледельцев, личные и имущественные права, которых были предельно ограничены. Как утверждал Макфарлейн, они тем самым приписывали английским вилланам социально-правовые признаки, присущие подневольным крестьянам, которые были им хорошо знакомы на основе исторического опыта России и других стран Восточной Европы в начале Нового времени. Между тем Макфарлейн доказывал, что английские крестьяне в XII–XIII вв. обладали довольно широкими правами на свое имущество и земельные участки, включая право свободной купли-продажи наделов. Иными словами, эти земледельцы-собственники были, по его мнению, «индивидуалистами», что резко отличало их не только от восточноевропейских крепостных более позднего времени, но и от их современников – крестьян других стран Запада. Земля в средневековой Англии, согласно концепции Макфарлейна, всегда принадлежала индивиду, который имел право покупать, продавать, сдавать в аренду или завещать его без ссылки на своих родственников, и, как следствие, в XVI–XVII вв., в сущности, не было никакой трансформации английского общества от крестьянского к индивидуалистическому и коммерческому. Более того, Макфарлейн одновременно, хотя и неявно, проводил различие между условиями в Англии и в других регионах Британии, а также в континентальной Европе.

Здесь нет необходимости останавливаться на вопросе о том, в какой мере был своеобразен аграрный строй средневековой Англии, и насколько убедительно удалось Макфарлейну обосновать выдвигаемые им тезисы в этой книге. Дело в том, что за драматическим противостоянием Макфарлейна и его оппонентов по этому вопросу остался практически незамеченным, или, по меньшей мере, не эксплицированным тот теоретический подтекст, который был в этой концепции актуализирован. Речь идет о важных теоретико-методологических проблемах, вокруг которых длительное время велись споры в антропологии, а затем и в антропологически ориентированной социальной истории, и которые в новом ракурсе продолжают волновать исследователей сегодня. Это – на самом обобщенном уровне – дискуссия об отношениях между «культурой» (в ее антро-

[1] Алан Макфарлейн родился в 1941 г. в Индии, учился в Оксфордском и Лондонском университетах, является автором более двадцати книг и многочисленных статей, работал как историк и антрополог, помимо Англии, в Непале, Японии, Китае. Член Британской Академии и Королевского исторического общества. Более тридцати лет преподавал в Кембриджском университете, возглавлял кафедру социальной антропологии в Кингс-колледже. В настоящее время – Почетный (Emeritus) профессор Кембриджского университета. Еще до выхода в свет своей получившей широкую известность (хотя и неоднозначную оценку) книги Алан Макфарлейн опубликовал солидные историко-антропологические труды: [13; 14; 17; 18; 21].

[2] Макфарлейн ссылается, в частности, на вышедший в 1956 г. английский перевод монографии Е. А. Косминского по аграрной истории Англии XIII века: [11].

пологическом смысле) и материальным миром, которая возобновилась в свете новых проблем, возникших перед антропологами в их попытках осмыслить богатейший материал, накопленный в результате многолетних исследований, а также в атмосфере активного междисциплинарного взаимодействия.

В связи с этими поисками стал очевиден коллапс многих сложившихся представлений о природе европейского прошлого, который проявился в более широком контексте отступления от жестких эволюционных схем в целом, в том числе от столь удобной привычки мыслить в терминах «этапов», один из которых должен неизбежно следовать предыдущему. Этот подход, частично моделируемый работой Чарльза Дарвина об эволюции видов, доминировал в большинстве социальных наук, а, следовательно, и в концепции перехода от «традиционных» обществ через «протоиндустриальный» этап к «современному» обществу. В рамках антропологии эти этапы примерно соответствовали поздним стадиям общин «охотников и собирателей», племенным сообществам, а затем «крестьянскому» («крестьянской цивилизации» в терминологии У. Хоскинса или «крестьянской системы» в духе Р. Тоуни) и «индустриальному», или городскому обществу. В романтически-элегическом описании Хоскинса это выглядело так: «Старая крестьянская традиция, когда мужчины и женщины чувствовали себя как дома в своем мире, укоренялись в том месте, которое имело для них определенный смысл и значимость, жили среди близких людей, включенные в старинный образ жизни и поведения... Привязанность к месту, к семье и к соседям – это самый сильный состав, цементирующий общество. И постепенно мы замечаем, как эти связи ослабевают, цемент крошится и стены того старого общества превращаются в обломки…»[1].

Если мы добавим к этому марксистскую интерпретацию (этапы «дофеодальный», «феодальный» и «капиталистический») и другие теории развития, то получим удобные схемы концептуализации прошлого, которые применяются и в настоящее время: от механической к органической солидарности, от доиндустриального к постиндустриальному миру и т.д. Одна из имеющих отношение к этому концепций была разработана в рамках демографии – а именно т.н. «демографический переход» – идея, плотно вписанная в упомянутые схемы. В том, что социологи называют «традиционными» обществами, а антропологи подразумевают под «племенем» и «крестьянским обществом», демографы находят демографический этап «до перехода», на этом этапе наблюдается баланс, поддерживаемый высокими показателями рождаемости и смертности. В следующий период, когда – в собирательном смысле всё «традиционное» и «современное/модерное» (или в марксистской схеме – «докапиталистическое» и «капиталистическое») находится в состоянии столкновения, возникает промежуточная ситуация, в которой демографический режим также объединяет некоторые старые и новые черты: смертность падает до уровня «после перехода», но рождаемость остается высокой, и в результате происходит демографический взрыв. Однако, когда общество становится полностью «модернизированным», рождаемость также падает, и достигается новое равновесие на низком уровне с контролируемой рождаемостью, поздним возрастом вступления в брак и т.п.

Можно, кстати, обратить внимание на то, что для своего основного тезиса Макфаклейн использовал на тот момент уже влиятельную демографическую теорию Дж. Хаджнала (впервые сформулированную в 1965 г. [5]), и его сравнение между социальными отношениями в Англии и моделью, составленной на основе восточноевропейского материала, имеет параллель с идеей Хаджнала о переходе к мелким индивидуальным домохозяйствам, а также к позднему возрасту браков. Вместе с тем, в отличие от историков, специализирующихся в рамках отдельных ограниченных периодов, Макфарлейн стремился рассматривать интересующие его явления в длительной темпоральной перспективе и исходя из необходимости сопоставлений. Как писал в свое время «гений локальной истории» У. Хоскинс: «Историки по необходимости «нарезают» историю на периоды, но старые человеческие сообщества часто сохраняются инкапсулированными в более позднюю и чуждую им эпоху» [7, p. XIII].

Вокруг главного тезиса, методологических установок и примененных автором эмпирических методов исследования развернулась бурная дискуссия с весьма жесткими рецензиями. В вышедшей в 1987 году новой книге «Культура капитализма» [12] Алан Макфарлейн детально проанализировал опубликованные отклики на «Истоки английского индивидуализма», подробно ответил на все критические замечания и, отстаивая свою концепцию, представил дополнительные аргументы в ее пользу.

В новой книге был еще больше заострен «казус белли» прошедшей полемики с Макфарлейном большой группы британских историков и, прежде всего, самых видных медиевистов, а именно его «еретический» ответ на «вечный» вопрос, почему именно в Англии впервые появился полноценный промышленный капитализм, что приравнивалось к вопросу, «как английское общество ушло от своего аграрно-крестьянского прошлого и превратилось в современное, индивидуалистическое, рыночное, рационалистическое и светское общество?». Как известно, на этот вопрос давались разные ответы великими интеллектуалами XIX столетия и профессиональными историками XX века. Макс Вебер подчеркивал влияние протестантской этики, Карл Маркс – развитие производительных сил, С. Б. Макферсон – роль собственнического индивидуализма. Но все интерпретации, построенные на различных аргументах, оставались в рамках одной всеобъемлю-

[1] Подробно о концепции У. Хоскинса см.: [2]. См. также: [7; 8].

щей идеи прогресса и революционного перехода, радикального разрыва с прошлым. Макфарлейн предложил отбросить именно саму эту идею.

Условно говоря, Макфарлейн, отправившись в позднее средневековье на поиски английского крестьянского общества, которому предстояло быть в раннее Новое время разрушенным аграрным капитализмом, индустриализацией, рационализмом, секуляризацией, индивидуализмом, не смог его найти. В своем исследовании он опирался на идеально-типический метод, сопоставляя два идеальных типа, сформированных на материале имеющихся многочисленных исследований. Первый – идеальный тип крестьянского общества – включает все или большинство из следующих характеристик: основная социально-экономическая единица – расширенная семья, самодостаточное домашнее хозяйство, экономическая рациональность ограничена, семьи прочно привязаны к конкретным земельным наделам; социальная и географическая мобильность ограничены, девочки вступают в брак в период полового созревания по выбору своей семьи, их задачей является производство детей, дети рассматриваются как экономический актив; характерный нравственный стиль такого общества патриархальный и общинный. Второй – идеальный тип модерного общества – просто отменяет эти особенности: он мобилен, построен на нуклеарной семье, демонстрирует высокую степень экономической рациональности, расширенное товарное производство торговли, контролируемую фертильность, поздние браки и т.п.

Итак, Макфарлейн отверг утверждение о том, что до XVI–XVII вв. Англия напоминала идеальный тип крестьянского общества. Согласно его концепции, Англия, по крайней мере, уже в XIV веке, проявляла большинство черт модерности, и никакого революционного перехода к современности не было, чем и был вызван «девятый вал» критики в его адрес. И хотя некоторые историки раннего Нового времени (а Макфарлейн был одним из них) нашли концепцию Макфарлейна продуктивной, медиевисты встретили ее в штыки. Как выразился один из благожелательных рецензентов, они выступили с резкой критикой концепции Макфарлейна, «настроившись на это с энтузиазмом крестоносцев, очищающих Иерусалим от неверных» [22, с. 790–791; 23]. Дэвид Херлихи высмеял работу Макфарлейна как «глупую книгу, основанную на ошибочном методе и выдвигающую нелепый тезис» [6, с. 235–236], а Лоуренс Стоун утверждал, что автор выдвинул «неправдоподобную гипотезу, основанную на надуманной связи с одним все еще недоказанным фактом ограниченного значения» [24, с. 40–41]. С другой стороны, Эрнст Геллнер выразил свое восхищение интеллектуальной смелостью автора, а Пол Хаймс приветствовал эту книгу как «прорыв свежего воздуха» [10].

В общем, книга стала прямым вызовом общепринятым интерпретациям прошлого, и так и была воспринята профессиональным сообществом. Споры были жаркими, на книгу было опубликовано более полусотни рецензий, однако дискуссия закончилась ничем. Стороны, как говорится, остались при своем мнении. И позднее концепция Макфарлейна не была поддержана конкретными исследованиями, вокруг нее не сформировалось новой научной школы.

Парадокс, однако, заключается в том, что за «еретической» концепцией автора участниками полемики остались практически незамеченными, по крайней мере не отрефлексированными, те теоретико-методологические, логические и методические основания данной работы, на которые «еретик» обратил внимание читателей, в том числе отвечая критикам и развивая свою аргументацию в специальном «постскриптуме» к книге «Культура капитализма», вышедшей в свет через девять лет после «Истоки индивидуализма». Знаменательно, что посткриптум был озаглавлен так: «Пересмотренный индивидуализм, или Ремесло историка». Эксплицированные рассуждения о ремесле историка мы находим в последней части постскриптума, но фактически весь его текст, со строго выверенной логикой детальной презентации возражений критиков, контраргументов и развернутых ответов на каждое из них, с привлечением комплекса новых доказательств в пользу своей концепции, это самое ремесло предметно демонстрируют.

Здесь будут представлены только те моменты, которые имеют, с моей точки зрения, особое значение для наших сегодняшних размышлений по поводу теории и методологии исторического, и шире – социально-гуманитарного знания.

Начну с самого важного. Одна из линий критики строилась на проблеме понимания механизма исторических изменений. Ряд критиков обвинил Макфарлейна в том, что он отрицает само существование изменений, по крайней мере в течение пяти веков – полтысячелетия – и даже предъявляли списки произошедших за это время изменений. Однако дело, конечно, не в этом. Отрицались не изменения в течение пяти веков, а революционный характер изменений в этот период – от одного общественного строя («крестьянского», «средневекового», «феодального», «докапиталистического») к другому, который, как предполагалось, являлся полной противоположностью первому. Отрицался внезапный, драматический и всеобъемлющий революционный скачок, свершившийся за несколько десятилетий, будь то в XVI, XVII или XVIII веке. Сам факт такого обсуждения говорит о том, что историкам еще предстоит немало размышлять над проблемой соотношения преемственности и изменения, над механизмами взаимосвязей между ними.

Другая линия критики касается природы исторического свидетельства. На мой взгляд, этот вопрос заслуживает особого внимания. Ведь речь идет о том, что, пытаясь решить вопрос, было ли в средневековой Англии традиционное крестьянское общество, автор привлекал свидетельства, нерелевантные для получения на него ответа,

поскольку это – проблема не эмпирического и количественного характера (в данном случае речь идет о демографических показателях), а аналитического и качественного. Выяснить, как много людей было или не было крестьянами, нельзя простым поголовным подсчетом, это требует анализа социальных структур и их взаимоотношений. Показательно, как именно Макфарлейн разъясняет свою позицию. Да, в книге обстоятельно обсуждаются количественные показатели. Но анализ опирается на теоретическую модель, в которую включены такие неколичественные элементы, как, например, отношение к земле или категории права. Критика метода Макфарлейна, со стороны историков-медиевистов состояла в том, что использованные им документы отражают фискальные интересы лендлордов, а не реалии жизни крестьянского домохозяйства. Однако давно существуют профессиональные стратегии коррекции той познавательной ситуации, которая возникает при ограниченности доступа к аутентичным источникам. Например, так называемый «перекрестный допрос» источников, о котором писал Марк Блок, говоря о правилах исторического исследования при решении заставить их говорить, даже вопреки их воле, или же ретроспективный анализ.

В развернувшейся полемике была затронута еще одна вечная проблема, которая в современной историографии особенно обострилась в связи с развитием микроисторических исследований. Речь идет о понимании типического и о возможности обобщения на основе специфических случаев-кейсов. Критики, главным образом представители социальных наук, указывали на то, что подвергнутые развернутому анализу конкретные кейсы «в высшей степени нетипичны» в силу серьезных региональных различий.

И, наконец, центральная методологическая проблема, которая вызвала максимальное число критических замечаний – использование компаративных моделей и особенно специфической модели крестьянства. Эта процедура требует более детального анализа. Дело в том, что в книге предлагалось развернутое сравнение, с одной стороны, английской модели, с ее характеристиками, выявленными в источниках, и, с другой стороны – упрощенной идеально-типической модели крестьянства в веберовском смысле, с учетом того, что ни одно конкретное общество не будет точно соответствовать всем перечисленным в этой модели характеристикам, и ни одна характерная черта не будет представлена на конкретном материале в абсолютно «чистом» виде. «При сравнении модели и исторических данных, – утверждал Макфарлейн, – мы не должны отбрасывать всю модель из-за отсутствия каких-то ее характеристик. Но если почти все эти характеристики отсутствуют, становится весьма затруднительным продолжать обозначать это конкретное общество названной категорией, в данном случае – как “крестьянское”. Эвристический потенциал создания такого рода теоретических конструкций не вызывает сомнений в том случае, если следовать советам Макса Вебера о необходимости их точной вербальной формулировки и строгой логической проработки, а также четко различать идеально-типические конструкты и исторические реалии» [12, с. 207–208].

И, как представляется, центральный момент состоит в том, какие именно характеристики легли в основу идеально-типической модели крестьянского общества, на сопоставлении, а точнее – в противопоставлении которой был обнаружен «средневековый английский индивидуализм». Интересно, что этот момент был обозначен не историками, а антропологами, которые, с одной стороны, указали на то, что автор «похоже, путает идеальный тип с упрощенной эмпирической моделью некоего крестьянского общества» [12, с. 214], а с другой стороны, что эта модель излишне упрощена и как утюгом сглаживает очень важные цивилизационные различия, сближая характеристики крестьян Восточной Европы, Индии и Средиземноморья и задавая такой крайний образец, в сравнении с которым любое общество будет выглядеть индивидуалистическим.

Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с более общей принципиальной проблемой компаративной методологии. В беседе со мной и в интервью 1989 года Алан Макфарлейн высказал, в частности, некоторые весьма ценные идеи о процедуре компаративного исследования, которые позже в более развернутом и систематизированном виде вошли в текст, написанный им уже в 1994 году [20]. В разделе под креативным названием «Конструируя интеллектуальный телескоп» (Constructing an intellectual telescope), Макфарлейн размышлял о подходе многих историков, который, по его мнению, в основном заключается в противопоставлении настоящего и прошлого, а образ «настоящего», при этом, формируется из имплицитных моделей современного мира. В своих дальнейших рассуждениях об этом подходе Макфарлейн использовал метафору «телескоп без объектива». Глядя из настоящего на прошлое через такую пустую трубу можно увидеть и хорошо знакомые вещи (вследствие преемственности), и контрастные (вследствие произошедших с того времени драматических изменений). Однако понятно, что при помощи такой, безусловно, неэффективной техники можно заметить и рассмотреть далеко не всё. Каковы же ее ограничения?

Одно из ограничений «телескопа без объектива» – через него трудно разглядеть очевидное. Слабость прямой оппозиции настоящего и прошлого проявляется для наблюдателя при рассматривании крупных и очевидных явлений прошлого его собственной культуры. Одной из значительных трудностей для тех современников, которые пытались понять причины промышленной революции, является то, что во многих отношениях они были слишком близки к этому явлению, а «мы все еще живем *на одном из склонов той горы* [еще одна метафора!; курсив мой – *Л. Р.*], которая сложилась уже тогда, и очень труд-

но включить ее в перспективу и увидеть больше, чем одни лишь ее мелкие части». Эта трудность была отмечена рядом мыслителей. Как писал Дэвид Юм, «виды, наиболее нам знакомые, имеют тенденцию именно по этой причине, ускользать от нас» или, как выразился Фернан Бродель, «...удивление и расстояние... одинаково необходимы для понимания того, что нас окружает – оно настолько очевидно, что вы уже не можете видеть это отчетливо» [20, p. 3].

Особое ограничение состоит в том, что совершенно невозможно разглядеть то, чего нет. И соответственно, во всех обществах чрезвычайно сложно заметить самое интересное – те вещи и явления, которые в них отсутствуют. Размышляя об идее значимых отсутствующих (significant absences), умолчаниях и пробелах, Макфарлейн ссылается на замечание Адама Смита, который в рукописи 1755 года обращает внимание как раз на отсутствие тех нормальных тенденций, которые обычно присутствуют. Аналогию этого метода он видит также в приемах, используемых детективами, например, Шерлоком Холмсом. Одно из ключевых звеньев в расследовании Холмса описывается в рассказе Конан Дойля следующим образом: «Прежде чем решить этот вопрос, я понял значение молчания собаки, поскольку один истинный вывод неизбежно подразумевает другие. Случай с Симпсоном показал мне, что собаку держали в конюшне, и все же, хотя кто-то вошел и вывел лошадь, собака недостаточно громко лаяла, чтобы разбудить двух парней на чердаке. Очевидно, что полночным посетителем был тот, кого собака хорошо знала» [20, с. 5–6].

Реальная проблема заключается в том, как все-таки возможно увидеть отсутствующие обстоятельства? Они, как правило, могут быть обнаружены только в том случае, если, имея сильный позитивный образ того, что является «нормальным» в истории, мы в исключительных случаях этого предполагаемого «нормального» не видим. «Без контрастного заднего экрана, большая часть переднего плана остается невидимой. Что же делать? Нужно, разумеется, сконструировать соответствующий объектив». Во-первых, для преодоления такой «слепоты», необходимо построить модель «нормального». Макфарлейн описывает свой опыт применения подобного приема в ряде его ранних историко-антропологических работ. В частности, изучая феномен колдовства в Англии раннего Нового времени, автор разобрался в том, как колдовство «работает» в Африке и в других местах, а затем сравнил это с подобным явлением в Англии раннего Нового времени. Аналогичным образом, на основании опыта своих полевых исследований в отношении крестьянства в его антропологическом понимании, Макфарлейн и пришел к выводу, что «реального крестьянства» в Англии никогда не было. Такое расширение перспективы может быть чрезвычайно эффективным, но, по его собственному признанию, это ставит несколько серьезных проблем. Одна из них состоит в том, что получается слишком длинный список различий/контрастов. Например, если взять общую (композитарную) модель «Азии семнадцатого века» и сравнить ее с «Англией», то получится огромное количество «отсутствий» с обеих сторон. Это может привести к тому, что потребуется задавать всевозможные новые вопросы контр-фактического характера и стимулировать дальнейшие сравнения, что автор представляет в терминах того же телескопического образа.

Итак, посредством метода контраста был создан объектив, который позволяет увидеть многие явления прошлого в новом свете, потому что они больше не выглядят «естественными», само собой разумеющимися. Этот «объектив» вводит в поле зрения огромный массив материала, который до сих пор был невидим, почти все выглядит особенным и странным: в прошлом фиксируется много признаков, которые в настоящем отсутствуют, но определить, какие из них наиболее значимы, невозможно. Как в случае единственной линзы в телескопе, это затрудняет концентрацию, не позволяя рассмотреть объект на большом расстоянии. Существует множество фактов и интерпретаций, бесконечный перечень возможных объяснений. Здесь Макфарлейн предлагает доработку стандартного для научной работы приема. Эксперимент заключается в том, чтобы добавить к мысленному сопоставлению страну, которая во многих отношениях необычайно похожа, но в других важных аспектах чрезвычайно отличается от Англии, а именно – Японию. Если, оставив на месте первую, контрастирующую линзу, добавить случай Японии, вся процедура сделается намного более эффективной. При этом нет необходимости специально акцентировать различия – они, несомненно, присутствуют в языке, религии, искусстве, мышлении и т.д. И все же есть любопытное и глубокое сходство. Один из принципиальных аспектов, который здесь касается рассматриваемого вопроса, заключается в том, что Япония прошла раннюю (для Азии), быструю и успешную индустриальную революцию. Точно так же, как Англия на восемьдесят лет опережает любую другую европейскую нацию в переходе на промышленный рост, точно так же очень быстрый переход Японии произошел примерно на 70 лет раньше, чем в любой другой части Азии.

Итак, для «правильного телескопа» необходимы две «линзы»: при помощи первой создается «остранение» прошлого близко-родственной исследователю английской культуры и одновременно – производится сравнение английского опыта с некоторыми контрастными «объектами» – с Индией, Китаем и т.д. Первая «линза» позволяет увидеть некоторые очень важные особенности – на них в свое время обратил внимание Макс Вебер: на Западе – христианство, плюралистические и конкурирующие малые национальные государства, особые города, отсутствие рабства и жесткой системы каст, постоянно развивающаяся техника, менее кризисная демография и т.д. Но в поле исследования слишком много всего – «глазу

не на чем остановиться». Сопоставление с Японией обеспечивает «вторую линзу», которая позволяет сосредоточиться на том, что кажется самым значительным. И это можно сделать, так как историку известно, что «результат на двух островах был примерно одинаковым». С помощью «полноценного телескопа» делается обобщение очень высокого уровня, для чего Макфарлейн выделяет некоторые сходные для случаев Англии и Японии характеристики, которые отличают их от всех других крупных доиндустриальных обществ.

Во-первых, Западная Европа и Япония являются «единственными двумя крупными аграрными обществами, которые, как известно, прошли стадию подлинного “феодализма”». Но еще более значительно сходство между Англией и Японией, каждая из которых имела своеобразную форму феодализма – то, что автор называет «централизованным феодализмом», главная особенность которого заключается в том, что он «обеспечивает порядок, не удушая общества при превращении в “абсолютизм”». В Японии «упорядоченность без абсолютизма» поддерживалась, благодаря уникальной системе разделения власти между ритуальным правителем (Императором) и военным правителем (Сёгуном). «Сильная местная власть» в сочетании «с сильной централизацией» не вела к феодальной анархии или к абсолютистскому государству на пути к модерности.

Во-вторых, это важнейшая характеристика систем родства в Англии и в Японии – их относительная слабость. Структурно системы родства Англии и Японии также очень похожи, и ведут наследование через оба пола.

В-третьих, религиозные системы Японии и Англии были «достаточно, но не слишком жесткими»: «форма мягкой англиканской / пуританской религии, сложившаяся в Англии, и достаточно толерантная плюралистическая смесь, которая развивалась в Японии, оставили человека и группу относительно свободными действовать без слишком большого количества этических ограничений». То знаменитое «расколдовывание мира», которое Вебер рассматривал как отличительную особенность западной культуры, обнаружилось и в буддийско-синтоистских верованиях Японии.

В-четвертых, открытость социальной структуры. Главной особенностью социальной структуры в Англии было отсутствие закрытых, основанных только на наследственном принципе сословных групп, как во Франции или в Германии, причем расхождение в этом плане между Англией и большей частью Европы росло с течением времени. И на протяжении большей части японской истории там существовала такая же подвижная и гибкая система, как в Англии.

В-пятых, наличие особенного демографического режима «низкого давления», ограничивающего рост населения (с «превентивным контролем», сдерживающим фертильность через брачные и другие обычаи). в то время как почти все доиндустриальные общества имеют демографическую структуру «высокого давления», т.е. относительно высокий многолетний уровень смертности, но также еще более высокий средний коэффициент рождаемости; в результате почти в каждом поколении происходит кризис – голод, эпидемии, война. Это относится к «любому аграрному обществу – будь то Италия XVI века, Франция XVII века или Индия XIX века…»

Отмеченные Макфарлейном благоприятные для развития условия в Англии и Японии длились веками: «только при таком долговременном комплексе отсутствий могла быть создана сила, стоящая за беспрецедентным движением к современному промышленному капитализму». Однако случай Японии напоминает и о том, что «правильной политической, религиозной и социальной структуры недостаточно. Потому что нет никаких сомнений в том, что без развития западной технологии в Японии не было бы индустриализации. То же касается Англии, которая до XVIII в. была импортером изобретений из Китая, и без событий в Европе многого бы не достигла». В данном контексте вполне уместным выглядит как замечание о решающем значении внешних влияний, так и напоминание о роли случайностей, например, о шторме, уничтожившем испанскую «Великую армаду», или цунами, которое в XIII в. дважды спасало Японию от монголов [20, p. 9–10].

Подведем некоторые итоги. Определяя свой подход к развитию капитализма как «антропологический», Макфарлейн отметил три его характерные черты. Во-первых, это опора работы на сравнительный анализ «индивидуалистской» английской модели с «крестьянской, коллективистской моделью» аграрных обществ в других частях мира и особенно в Восточной Европе. Во-вторых, это фокусировка на то, что автор назвал «сердцевиной культуры», а именно, в его формулировке, «дух конкурентного индивидуализма», который «оживляет все институты», особенно в том, что касается прав собственности [16]. Наконец, в-третьих, и на это стоит обратить особое внимание – он попытался предложить целостный (“холистский”) подход, подчеркивающий взаимосвязь всех общественных институтов – в политике, праве, экономике, религии и т.д., которые, как правило, в современных обществах разделяются.

Главный пафос автора «Истоков английского индивидуализма» был направлен против сформированных в XIX веке эволюционистских концепций происхождения капитализма, против телеологической тенденции видеть развитие мировой истории как неизбежное движение в одном направлении, как некий марш прогресса к современности, что и обеспечило в свое время накал полемики вокруг этой книги. Наш интерес состоит в примененной в ней компаративной методологии, в тех «мысленных экспериментах», к которым прибегает А. Макфарлейн в своем анализе. Вспомним в этой связи, что великий Марк Блок подчеркивал необходимость и ценность экспериментального по своему характеру компаративного подхода и сам практиковал его с целью достигнуть большей строгости в объясне-

нии исторических явлений, как сопоставляя их по сходству, так и по контрасту [3; 1].

В соответствии с принятым подходом в проведенном Макфарлейном исследовании был установлен набор критериев, или «контрольных показателей», с помощью которых оценивались эмпирические данные [19]. Эта процедура, направленная на проверку сформированных моделей, довольно необычна в исторических исследованиях, она более распространена в антропологии и социологии. Разумеется, любая модель или данные могут быть оспорены, но сопоставление проверяемых моделей представляет собой более открытый и конструктивный способ анализа, чем применение нетестируемых неявных схем, которые, как правило, либо безусловно принимаются, либо отвергаются вчистую. Этот метод опирается на установление обратной корректирующей связи между моделями и эмпирическими данными с целью совершенствования разрабатываемых концепций.

Источники и литература / References

1. Блок Марк. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.

Blok Mark. Feodal'noe obshhestvo *(Feudal society)*. Moscow: Sabashnikov's printing house, 2003. 504 p. (In Russian).

2. Фитьян-Адамс, Чарльз. Англия Хоскинса: гений локальной истории // Диалог со временем: историки в меняющемся мире. Сб. статей / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 82–99.

Fit'jan-Adams Charl'z. Anglija Hoskinsa: genij lokal'noj istorii *(Hoskins England: The Genius of Local History)* // Dialog so vremenem: istoriki v menjajushhemsja mire: digest of articles / ed by L. P. Repina. Moscow: IWH RAS publ., 1996. P.82 – 99. (In Russian).

3. Bloch Marc, "Pour une histoire comparée des sociétés européennes" // Revue de synthèse historique. 46 (1928): 15–50.

4. Goody J. (1990) 'Marc Bloch and Social Anthropology', pp. 317–22 in H. Atsma and A. Burguière (eds) Marc Bloch Aujourd'hui: histoire comparé et sciences sociales. Paris: Éditions de l'EHESS.

5. Hajnal John. European marriage patterns in perspective // D. V. Glass and D. E. C. Eversley (eds.) Population in History: Essays in Historical Demography. London: Edward E. Arnold, 1965. P. 101–143.

6. Herlihy David. Review // Journal of Family History. 1980. Vol. 5. P. 235–236.

7. Hoskins W. G. The Age of Plunder: The England of Henry VIII, 1500–1547. London: Longman, 1976. 280 p.

8. Hoskins W. G. The Midland Peasant: the Economic and Social History of a Leicestershire Village. London; New York: Macmillan, St. Martin's Press, 1957. 322 p.

9. Hoskins W. G. Provincial England. London: Macmillan, 1963. 236 c.

10. Hyams Paul. Review // English Historical Review. 1981. Vol. 96. P. 605–607.

11. Kosminsky E. A. Studies in the Agrarian History of England in the Thirteenth Century / ed. by R. H. Hilton; Transl. from the Russian by Ruth Kisch. Oxford, 1956: Blackwell, 1956. 370 p.

12. Macfarlane Alan. The Culture of Capitalism. London: Basil Blackwell, 1987. 254 p.

13. Macfarlane Alan (ed). The Diary of Ralph Josselin (1616–1683). Oxford: Oxford University Press, 1976. 727 p. (Series: British Academy. Vol. 3).

14. Macfarlane Alan. The Family Life of Ralph Josselin, A Seventeenth Century Clergyman: An Essay in Historical Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 241 p.

15. Macfarlane Alan. The Origins of English Individualism: The Family Property and Social Transition. Oxford: Blackwell, 1978. 236 p.

16. Macfarlane Alan. Preface to the Hungarian edition of 'The Origins of English Individualism' (1990). URL: alanmacfarlane.com›FILES/hungary.htm (Accessed: 21.09.2019).

17. Macfarlane, Alan et al. Reconstructing Historical Communities. London; New York: Cambridge University Press, 1977. 222 p.

18. Macfarlane, Alan. Resources and Population: A Study of the Gurungs of Nepal, Cambridge University Press, 1976, 382 p.

19. Macfarlane, Alan. A Rough Categorisation of Modernity // URL: alanmacfarlane.com›TEXTS/MODERN.pdf (Accessed: 21.09.2019).

20. Macfarlane, Alan. Some reflections on the origins of industrial capitalism in a comparative perspective (talk given to Past and Present Society, Worcester College, Oxford, & Queen's College, Cambridge on 26.05.1994 // URL: alanmacfarlane.com›TEXTS/ABSENCES.pdf (Accessed: 21.09.2019).

21. Macfarlane, Alan. Witchcraft in Tudor and Stuart England: A Regional and Comparative Study. Abingdon-on-Thames: Routledge & Kegan Paul, 1970. 334 p.

22. Ryan, Alan. Yeomen, not peasants // Listener. 1978. 14 December. P. 790–791.

23. Ryan, Alan. English Individualism Revisited // London Review of Books, August 1987.

24. Stone, Lawrence. Goodbye to Nearly All That // New York Review of Books. 1979. 19 April. P. 40–41.

Сведения об авторе

Репина Лорина Петровна – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской Академии наук, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / lorinarepina@yandex.ru

Information about the author

Repina Lorina – Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Principal Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities (Moscow) / lorinarepina@yandex.ru

УДК 94(549.1)

А. А. Тонян

ДИАСПОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИНДИИ

Проблема миграции является актуальной во все времена. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть истоки формирования индийской диаспоры и ее роль в процессе создания уникального имиджа страны за рубежом. Выступая в качестве одного из основных инструментов политики публичной дипломатии, диаспора позволяет разрешить недопонимания в межгосударственных отношениях, где одной из сторон выступает индийская республика, вносит существенный вклад в экономическое развитие, как Индии, так и страны проживания, а также является транслятором духовных ценностей в иностранную среду. Ввиду большой численности индийской диаспоры и для удобства сотрудничества диаспоры и Индии всех представителей принято делить на две группы в зависимости от наличия индийского гражданства и сроков пребывания за рубежом выделяют нерезидентов индийского происхождения и лица индийского происхождения. Получить данный статус, а соответственно и целый комплекс льгот (например, безвизовое посещение Индии), а также право участвовать в конкурсах, организуемых правительством Индии для ознакомления членов диаспоры с достижениями их родины, возможно при соответствии определенным критериям и предоставлению ряда документов в соответствующие учреждения. Значение индийской диаспоры для страны исследуется через призму лингвистического анализа некоторых дефиниций, обзора правительственных кампаний, направленных на установление и поддержание контактов с диаспорой, кинематографической продукции, а также произведений художественной литературы. Именно поэтому главным подходом данного исследования является междисциплинарность, что одновременно обусловливает как разносторонность исследования, так и сложность его осуществления.

Ключевые слова: диаспора, публичная дипломатия, Индия, лица индийского происхождения, нерезиденты индийского происхождения, индианизация.

A. Tonyan

DIASPORA AS A TOOL OF INDIA`S PUBLIC DIPLOMACY

The problem of migration is relevant at all times. This article attempts to consider the origins of the formation of the Indian diaspora and its role in the process of creating a unique image of the country abroad. Performing as one of the main policy instruments of public diplomacy, the diaspora allows to resolve misunderstandings in intergovernmental relations, where one of the sides is the Indian republic, makes a significant contribution to economic development, both in India and in the country of residence, and it is also a translator of spiritual values to foreign environment. Due to a big size of the Indian diaspora and for the convenience of cooperation between the diaspora and India, it is customary to divide all representatives into two groups depending on the availability of Indian citizenship and duration of stay abroad – non-residents of Indian origin and people of Indian origin are distinguished. It is possible to receive such status, as well as a whole set of benefits (for example, visa-free visits to India), as well as the right to participate in competitions organized by the Government of India to familiarize members of the diaspora with the achievements of their homeland, if they meet certain criteria and submit a number of documents to relevant institutions. The significance of the Indian diaspora for the country is explored through the prism of linguistic analysis of certain definitions, a review of government campaigns aimed at establishing and maintaining contacts with the diaspora, cinematographic products, and works of fiction. That is why the main approach of this study is interdisciplinarity, which simultaneously determines both the versatility of the study and the complexity of its implementation.

Key words: diaspora, public diplomacy, India, persons of Indian origin, non-resident Indian, indianization.

Термин «диаспора» в переводе с древнегреческого означает «разбросать вокруг». В античности это понятие имело скорее позитивный смысл и подразумевало завоевание отдаленных берегов для родины, однако позже оно стало синонимом пленения и страданий. До конца XX века термин применялся в основном в отношении евреев-экспатриантов. В 60–90-е гг. XX века сложилась концепция классической или исторической диаспоры, куда помимо еврейской относили также армянскую и греческую диаспоры. А. Ашкенази, Э. Скиннер и ряд других ученых к данной группе причисляли и индийскую [11]. Иными словами, это этнические меньшинства, сформировавшиеся на территории иностранного государства по причине каких-либо неблагоприятных обстоятельств (попыток насильственного уничтожения, войн, депортаций и т.д.). В. Н. Шнирельман определяет мировоззрение представителей таких диаспор как «диаспоральный синдром» [13]. Со

второй половины 90-х гг. XX столетия формируется постклассическая модель понимания диаспоры, поскольку не все рассеянные по миру этнические меньшинства обладали признаками, присущими классическим, или «старым», диаспорам [1, л. 108].

Одна из серьезных попыток в изучении феномена диаспоры предпринимается в 1991 году профессором политологии университета Колорадо в Боулдере Уильямом Сафраном в рамках статьи «Диаспоры в современных обществах: мифы родины и возвращения». У. Сафран определяет диаспоры как «общины эмигрантов-меньшинств», которые можно охарактеризовать, используя следующие критерии [60]:

1) история расселения: народ рассеивается из исходного центра, по крайней мере, в две периферийные зоны;

2) мифы и воспоминания о родине: диаспоры хранят память, видение или мифы о своем первоначальном доме;

3) отчуждение в принимающих странах: представители диаспоры полагают, что они не приняты полностью на новом месте;

4) стремление к возможному возвращению: диаспоры рассматривают родину как «место возвращения» в подходящее время;

5) постоянная поддержка родины;

6) коллективная идентичность.

Другой известный исследователь глобализации, миграции и диаспоры, бывший директор Международного института миграции Оксфордского университета Робин Коэн, выделил девять критериев, характеризующих диаспоры, добавив: причины оттока из исходного места (поиски работы, с целью торговли или ввиду колониальных амбиций), возможности особой творческой активности в принимающих странах, а также чувство сопереживания и солидарности по отношению к членам диаспоры [27, p. 23–26]. Р. Коэн выделил следующие типы диаспор: диаспоры-жертвы, рабочие диаспоры, империалистические, торговые и культурные [2].

Американская писательница и историк Ким Бутлер в 2001 году сокращает список критериев до четырех:

1) диаспоры должны быть рассеяны как минимум в двух пунктах;

2) соотнесение к реальной или воображаемой родине;

3) наличие самосознания у диаспоры;

4) существование диаспоры в рамках как минимум двух поколений [23, p.192].

Помимо этого, она вводит четыре измерения основ исследования диаспоры: причины и условия перемещения, отношения с родиной, отношения с принимающей стороной, и взаимосвязи в диаспоре [23, p. 194–209].

В отечественной научной литературе встречается множество определений диаспоры. Например, Ю. А. Поляков представляет довольно обобщенное понятие, определяя диаспору как этническую общность, находящуюся в иноэтничной среде, или же население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно другому государству [10]. Так же универсализировано С. В. Лурье характеризует диаспору, как широкое понятие, включающее представителей другого народа, проживающего в чужом социокультурном окружении [3]. Придавая особое значение полной ассимиляции, З. И. Левин определяет диаспору как часть этноса за пределами страны его происхождения и существующая лишь до тех пор, пока сохраняется ее этнокультурная специфика [9]. Более развернутый смысл в понятие вкладывает В. А. Колосов, понимая под диаспорой значительную часть этнической общности, живущей вне страны её происхождения и образующей давно сложившуюся, высокоорганизованную, сплоченную, устойчивую, хорошо укоренившуюся и ставшую необходимой для принимающей страны группу [5, л. 35]. Не менее детальное представление термина у И. В. Залитайло, рассматривающего под диаспорой устойчивую форму общности, образовавшуюся в результате миграций, проживающую локально или дисперсно вне исторической родины и имеющую способность к самоорганизации, представители которой объединены такими признаками, как групповое самосознание, память об историческом прошлом предков, культура народа [3, л. 105].

Таким образом, большинство исследователей едины во мнении, что диаспоры это этнические группы, рассредоточенные как минимум в двух центрах, имеющие самосознание и определенные представления о родине в зависимости от причин миграций.

В связи с многообразием причин и волн миграций в мировой истории, особенно сложным является проблема типологии диаспор. Наиболее целостная типология представлена в исследованиях Габриэля Шеффера – авторитетного специалиста по диаспоре, профессора Еврейского университета в Иерусалиме. Г. Шеффер выделяет следующие диаспоры:

1) по наличию или отсутствию собственного государства («бездомные», «этнонациональные»);

2) по историческому опыту диаспоральности («старые», «молодые»);

3) в зависимости от стадии становления диаспоры: структурирование или формирование («зарождающиеся», «дремлющие»);

4) по географической протяженности диаспоральности («рассеянные», «компактные») [12, л. 167].

Г. Шеффер вводит понятие «детерриториализация родины», подразумевая процесс утраты родиной жестких пространственных, исторических координат; диаспоры, интегрируясь в новые социальные, культурные условия, связываются с ней протяженными и сложными сетями. Данные сети, пересекая границы государств, служат каналом коммуникации для удовлетворения социальных, культурных, образовательных, экономических, политических потребностей диаспор [12, л. 170–175].

Изучение диаспор невозможно в рамках одной научной дисциплины, непременно происходит за-

имствование научных подходов и принципов из различных систем знаний. К методологическим принципам в исследовании современных диаспор относят:

1) конструктивизм, предполагающий интерпретацию диаспорной этничности в качестве одного из типов воображаемых сообществ, обладающих своими внутренними социальными связями, внешними границами, конструирующими образы «своих» и «чужих»;

2) антропоцентризм, согласно которому помещать в фокус анализа необходимо «этнический индивид», а не монолитный коллектив;

3) институционализм, рассматривающий диаспоры как комплекс, прежде всего, социальных институтов, а не совокупность этнофоров в том или ином регионе;

4) наличие национальной государственности (современные диаспоры имеют за пределами страны проживания национальное государство или же претензии на его создание);

5) процессуальность, подразумевающая, что каждая диаспора имеет характер процесса воспроизводства идентичности и выстраивания связей;

6) стадиальность (выделяют стадии диаспоризации, дедиаспоризации – когда сообщество либо мигрирует на родину, либо ассимилируется, а также редиаспоризации – вторичного «пробуждения» идентичности);

7) многоуровневый характер идентичности, формирующийся в результате наслаивания социальной идентичности – приобретенной в принимающей стране на собственно этническую идентичность;

8) этнический дрейф, предусматривающий в случае многоуровневой идентичности совершение диаспорантом выбора в пользу одной из них;

9) двухуровневый характер связей;

10) включенность в транснациональные пространства;

11) стремление к посредничеству, обозначающее высокую степень подвижности, посредничество в социально-экономических, политических и культурных контактах в принимающей стране [2, л. 134].

Таким образом, несмотря на большое количество исследований, посвященных диаспоре, в науке все еще не сложился целостный подход к пониманию данной дефиниции и проблем, связанных с ее трактовкой и исследованием.

Историографию по проблемам индийской диаспоры условно можно разделить на четыре группы. К первой следует отнести общие труды, посвященные диаспоре, истории ее формирования, причинам миграций [6, 21, 26, 37, 39, 41, 43, 45, 46, 61, 67]. Ко второй – работы, построенные на географическом принципе изучения, рассматривающие индийскую диаспору и её вклад в развитие конкретных стран-рецепиентов [7, 17, 19, 20, 25, 34, 39, 52, 53, 62], к третьей – изучение отдельных этнических групп внутри полиэтничной индийской диаспоры (например, диаспору сикхов, телугу, тамилов, гуджаратцев и т.д.) [16, 22, 29, 32, 35, 36, 49, 55, 59, 64]. И, наконец, к четвертой – конкретные исследования, рассматривающие отдельные аспекты экономической, политической и духовной жизни диаспоры (например, роль женщин в диаспоре, кастовая система в среде индийских иммигрантов, развитие языка, литературы и науки посредством диаспоры и т.д.) [14, 19, 29, 39, 42, 48, 51, 57, 58, 63].

Особый интерес представляет собой диаспора в контексте ее использования в рамках политики публичной дипломатии. Будучи важнейшим фактором в формировании имиджа нации за рубежом, диаспоры рассматриваются правительствами стран происхождения как серьезный инструмент коммуникации с иностранной публикой.

Для достижения целей публичной дипломатии необходимо изучить настроение иностранного общественного мнения, а затем доносить свои идеи до тех, кто это мнение формирует (в литературе их нередко называют «stakeholders»). Диаспора в этом отношении уникальный ресурс, поскольку с ее помощью можно получить целостное представление об общественном мнении, настроении и ситуации в иностранном государстве, и ее же можно задействовать в процессе донесения своих идей и ценностных установок до общественности данной страны.

Помимо этого, диаспора особо важна и с точки зрения отличий публичной дипломатии от пропаганды [8]. Так, если пропаганда преследует цель по максимуму привлечь и искусственно поддерживать число последователей, то целью публичной дипломатии является построение доверительных и долгосрочных отношений, а постоянно проживающая на территории иностранного государства диаспора способствует установлению надежных и продолжительных отношений. Если пропагандистская информация не всегда отличается правдивостью, то публичная дипломатия основывается на подлинных фактах, а степень доверия к реальным носителям определенных идей (коими являются члены диаспоры) естественно будет выше, чем к безымянным источникам информации. Пропаганда имеет одностороннюю направленность, а в нынешних условиях, позволяющих получателю самостоятельно фильтровать данные и критически к ним относиться, она и вовсе будет выглядеть как навязчивое информационное воздействие, тогда как публичная дипломатия предполагает диалог и обратную связь с аудиторией, учет ее интересов, с чем диаспора способна отлично справиться. В данном контексте срабатывает институциональный треугольник «страна происхождения – диаспора – страна пребывания», иллюстрирующий не только зависимость диаспоры от государств, но и зависимость страны (как родины, так и принимающей) от диаспоры.

Вместе с тем, следует понимать, что если с одной стороны диаспоры оказывают помощь в реализации политики публичной дипломатии страны-происхождения, то оборотной стороной факта этнической рассеянности по миру будут являть-

ся небезосновательные сомнения в отношении стабильности и наличия достойных условий для жизнедеятельности на родине диаспоры, особенно если речь идет о современных миграционных потоках, продиктованных, главным образом, социально-экономическими причинами. В свою очередь последнее может нанести ущерб имиджу стран-доноров. Следовательно, необходимо детально продумывать все шаги по использованию диаспоры как актора публичной дипломатии в деле создания привлекательного для иностранцев образа нации.

Все множество конкретных причин миграций индийцев после обретения страной независимости можно разделить на две общие группы: внутренние и внешние. Внутренние связаны с резким ухудшением положения в стране, причем как в Индии (например, после событий 1984 года, повлекших гонения на сикхов и заставивших многие семьи покинуть родину), так и в других странах с большой индийской диаспорой (взять хотя бы политику африканизации в странах Восточной Африки в конце 1960-начале 1970-х гг., вынудивших десятки тысяч индийцев искать убежище; или гражданскую войну на Шри-Ланке, в результате чего многие тамилы мигрировали в основном в Канаду, Данию, Норвегию и Швейцарию). В свою очередь, внешние причины сопряжены, как правило, с изменениями в миграционных законодательствах «привлекательных» стран, упрощающих въезд с целью постоянного проживания на их территории (к примеру, завершение политики «Белой Австралии» вследствие подписания Миграционного Акта 1966 года, положившему конец ограничениям на въезд в страну по расовым признакам и др.).

По данным на 2015 год общая численность индийской диаспоры во всем мире оценивается в 27 млн человек, уступая лишь китайской [7, л. 161].

Для определения представителя индийской диаспоры используется термин «праваси» (pravasi), введенный в оборот в 1983 году [6, л. 62]. Индийская диаспора состоит из двух категорий лиц: первая включает «лиц индийского происхождения» (PIO, Person of Indian Origin), то есть выходцев из Индии, в том числе колониальной (но за исключением территорий Пакистана и Бангладеш), не являющихся гражданами республики, а вторая – «нерезидентов индийского происхождения» (NRI, Non-Resident Indian) – индийцев, проживающих за пределами страны более 182 дней в году, [7, л. 176–177] но имеющие гражданство республики, либо двойное гражданство.

Термин NRI набирает большую популярность в 1980-е годы. Во многом это связано с приходом к власти Раджива Ганди в результате неожиданной смерти Индиры Ганди от рук телохранителей-сикхов в 1984 году. Будучи инженером по образованию, Р. Ганди уделял большое внимание технологическому развитию страны, в связи с чем в 1987 году назначил на должность Главного советника по вопросам технологий Сэма Питроду, нерезидента индийского происхождения, проживающего в США. Это ознаменовало триумфальное вхождение диаспоры в процесс модернизации страны и, как следствие, повлекло за собой инвестиции в индийскую экономику [47, p. 22].

Денежные переводы индийцев на родину составляют около 70 млрд долларов в год, что добавляет 3,5 % к ВВП страны [7, л. 161]. Однако кроме экономической выгоды, диаспоры играют заметную роль и в политической сфере, как страны-пребывания, так и Индии, способствуя налаживанию дипломатических контактов и доверительных политических связей между странами. По словам бывшего министра иностранных дел Яшванта Синха, индийские американцы являются «чрезвычайно важными источниками поддержки индийского правительства в осуществлении своей политики через влияние и уважение, которыми они руководствуются» [33].

Действительно, если бы не диаспора было бы немыслимо заключение индо-американского соглашения о поставках в Индию ядерных топлива и технологий – «Закон Генри Дж. Хайда о мирном сотрудничестве США и Индии в области атомной энергии» [33]. То же самое можно сказать о снятии запрета на въезд в США Нарендры Моди в 2014 году (запрет был введен по обвинению в попустительстве погромов на мусульман в Гуджарате в 2002 году Нарендрой Моди, бывшим тогда министром штата). Самым же заметным событием программы пребывания Н. Моди в Нью-Йорке стало его выступление в знаменитом спортивно-концертном комплексе Madison Square Garden. Обращаясь к 18-тысячной аудитории индийской диаспоры в США, Н. Моди вещал с гигантской вращающейся платформы, говоря на хинди [4].

Индийская диаспора в США насчитывает более 4 млн человек [64]. Помимо численности как одну из самых влиятельных общин в США индийскую диаспору характеризуют следующие факторы: во-первых, примерно 90 % индийцев в США участвуют в выборах и являются политически активными; во-вторых, они имеют самые высокие доходы (начиная с 1970-х гг.), по сравнению с другими диаспорами в США, следовательно, стремятся перевести данный финансовый потенциал в политическое влияние; 15 % фирм Кремниевой долины принадлежит индийцам; 200 тыс. индийцев в США – миллионеры; 43,6 % индийцев работают на высоких должностях [34, p. 3–4], особо влиятельна Американская ассоциация врачей индийского происхождения (American Association of Physicians of Indian origin, AAPI), насчитывающая 80 тыс. специалистов [15]; 77% индийцев старше 25 лет имеют степень бакалавра, а больше половины из них – степени магистра и кандидата наук [65].

Другим не менее значимым центром притяжения выходцев из Индии является Великобритания. Из-за многочисленной диаспоры (1.5 млн человек [7, л. 161]) в этом государстве, все чаще используют выражение «обратная колонизация». Хотя можно назвать немало представителей юж-

ноазиатских диаспор, добившихся значительных успехов в Соединенном Королевстве, однако ни одна диаспора по показателям восходящей социальной мобильности и влиятельности не может сравниться с индийской. В рейтингах наиболее богатых и успешных подданных британской короны уже многие годы фигурируют индийцы (Р. Сингх, Л. Митал, П. Лохиа, М. Мандавани, Г. Лалвани и многие другие), а по оценкам исследователей ежегодный вклад диаспоры в формирование ВВП страны составляет около 10 %. В обеих палатах британского парламента заседают лица индийского происхождения. Апогеем индо-британского сотрудничества стала громкая сделка по выкупу автомобильной компаний Jaguar Land Rover в 2008 году индийским конгломератом Tata Industries за 1,15 млрд фунтов стерлингов [7, л. 168–179]. Аналогичная модель развития индийской диаспоры наблюдается в Канаде, где более 1,4 млн человек – лица индийского происхождения, в том числе и Министр национальной обороны Харджит Сингх Саджан; в Сингапуре, Австралии и ряде стран Европы.

Диаспора рассматривается индийским правительством как важнейший ресурс, что подтверждается целым рядом фактов.

В 2000 году МИД Индии учреждает Комитет высокого уровня по делам индийской диаспоры (High Level Committee on Indian Diaspora) под председательством Л. М. Сингхви – бывшего индийского посла в Великобритании. Задачей Комитета становится подготовка доклада о положении диаспоры в различных странах. Доклад был представлен в 2002 году премьер-министру А. Б. Ваджпаи. Он является первым масштабным исследованием диаспоры, заказанным правительством страны.

Начиная с 2003 года, ежегодно 9 января в стране празднуется день диаспоры – Праваси Бхаратия Дивас (Pravasi Bharatiya Divas). Дата выбрана не случайно, 9 января 1915 года Махатма Ганди вернулся из Южной Африки в Индию [47, p. 24]. Официальная цель празднования – сохранение памяти о милостях и вкладе индийцев-нерезидентов в благосостояние и развитие нации. В рамках празднования происходит церемония награждения представителей диаспоры за их вклад в процветание родины – Праваси Бхаратия Самман (Pravasi Bharatiya Samman), в рамках которой президент Индии вручает почетные награды.

Вклад может быть, в том числе, и не материальным, например, за усилия по продвижению индийских языков и культуры. Так, премьер-министр А. Б. Ваджпаи, выступив на первой конференции, посвященной дню диаспоры, отметил: «Многие из вас или ваши предки покинули Индию в поисках счастья или лучшей доли. Сегодня сама Индия стала территорией возможностей. Мы хотим поделиться с нашей обширной семьей нашими достижениями, надеждами, заботами, планами и целями... Мы приглашаем вас не только разделить с нами наше представление об Индии в новом тысячелетии, но и помочь нам сформировать его очертания. Мы не хотим только лишь ваших инвестиций. Мы хотим услышать ваши идеи. Нам не нужны ваши богатства, нам нужно богатство вашего опыта» [7, л. 178].

В мае 2004 года учреждается Министерство по делам индийцев, проживающих за рубежом (MOIA, Ministry of Overseas Indian Affairs). В 2016 году оно упраздняется, а его руководитель – Сушма Сварадж – становится главой Министерства иностранных дел страны. Тем не менее, за более чем 10 лет автономного функционирования министерства было проведено множество кампаний по укреплению связей с диаспорой (например, программа «Отслеживание корней» (Tracing Roots), позволяющая лицам индийского происхождения подать заявку с целью получения информации об их предках; или стипендиальная программа для детей диаспоры, позволившая детям зарубежного сообщества Индии претендовать на получение стипендий для обучения на исторической родине по целому ряду направлений; с 2014 года реализуется программа «Знай Индию» (Know India Programme, KIP [46]), в соответствии с которой ежегодно молодежь от 18 до 26 лет из более чем 30 стран диаспоры приглашают на три недели в республику для знакомства с исторической родиной).

Большое внимание Министерство по делам индийцев уделяло трудовым эмигрантам. С этой целью создается Совет по содействию занятости за рубежом, переименованный в Индийский совет по занятости за рубежом (Indian Council for Overseas Employment, ICOE), выступающий в качестве мозгового центра проведения исследований рынка, определения возможностей трудоустройства за рубежом, развития навыков, соответствующих рыночному спросу, разработки стратегий реагирования на динамичный международный рынок труда и т.д. Были образованы зарубежные индийские центры (Overseas Indian Centres) для предоставления медицинских, юридических и финансовых консультаций рабочим индийского происхождения. Для предотвращения проблем, с которыми могут столкнуться индийские рабочие, а также их социальной защиты в стране пребывания подписывается ряд двусторонних соглашений с различными странами, включая Францию, Германию, а также государства Персидского залива. С целью повышения уровня квалификации потенциальных эмигрантов в соответствие с требованиями зарубежного рынка труда и предоставления им базовых знаний о законах, языке и культуре страны назначения, в 2006–2007 гг. разрабатывается «Схема повышения квалификации для потенциальных эмигрантов».

С 2003 года действует «Pravasi Bharatiya Bima Yojana» (PBBY) – это схема обязательного страхования, направленная на защиту интересов индийских рабочих-эмигрантов, подпадающих под категорию «Требуется проверка на эмиграцию» (Emigration Check Required, ECR), выезжающих на работу в страны ECR (Афганистан, государства Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и

Восточной Африки). Схема подвергалась изменениям в 2006, 2008 и 2017 годах с целью расширения охвата рабочих-эмигрантов.

В 2005 году вводится система иностранного гражданства Индии (OCI, Overseas Citizenship of India [55]). Иностранные граждане индийского происхождения могут получить карту иностранного гражданина при соответствии списку критериев (например, не допускается выдача карты лицам, проживающим на территории Пакистана или Бангладеш, а также тем, чьи предки были гражданами этих государств). Обладателям карт предоставляется целый ряд привилегий, в частности пожизненное безвизовое посещение Индии. Однако в отличие от нерезидентов индийского происхождения, держатели данных карт не имеют политических прав, поэтому данный статус не следует истолковывать как «двойное гражданство».

В январе 2019 год премьер-министр Нарендра Моди разворачивает кампанию под названием «Pravasi Teerth Darshan Yojana» (Инициатива паломничества диаспоры). Правительство страны дважды в год будет спонсировать туры по Индии лицам индийского происхождения, проживающих за рубежом в возрасте от 45 до 65 лет. Льготы получат выходцы из так называемых «Gimritiya-countries»[1] (Фиджи, Суринам, Маврикий, Ямайка, Тринидад и Тобаго и др.), то есть потомки индийских рабочих, завезенных сюда во второй половине XIX века для работы на плантациях сахарного тростника (в историографии их также называют «старой» диаспорой в противовес «новой», проживающей на территории Европы, США, Австралии и Канады [50, p. 236]). Первая группа, численностью в 40 человек уже совершила тур [56].

Совершенно очевидно, что правительство республики заинтересовано в формировании у этнических индийцев позитивного образа исторической родины. Создаются условия, как для репатриации, так и для повышения имиджа нации на международной арене через эмигрантов. Индия всеми силами старается продемонстрировать миру свои прогрессивные характеристики, в том числе воздействуя на диаспору эмоционально посредством средств массовой культуры, в частности фильмов, являющихся важным ресурсом индийской мягкой силы.

Довольно любопытной представляется статья Чандримы Чакраборти, рассматривающая стыд в кинематографе (на примере фильма «Возвращение на родину» (Swades, 2004, режиссер: Ашутош Говарикер) как средство переориентации индийской диаспоры на страну происхождения, с целью увеличения инвестиций в республику или, еще лучше, возвращения на родину [24].

Виджай Мишра – профессор английской и сравнительной литературы в Университете Мердока (Перт, Австралия) в своих работах доказывает, что Болливуд всегда способствовал формированию и распространению образа воображаемой родины и ее идеализации, поскольку диаспоры представляют собой широчайший рынок потребителей продукции индийской кинопромышленности [50, p. 296]. Так, индийское правительство проводит последовательную политику, добиваясь если и не возвращения членов диаспоры на историческую родину, то формирования положительного к ней отношения и, как следствие, распространения этих позитивных оценок в среде иностранной публики.

Однако диаспоре не всегда придавалась такая значимость в индийском обществе. Тот же кинематограф позволяет проследить эволюцию отношения к иностранным индийцам и задаться вопросом о причинах трансформации с негативной оценки поведения членов диаспоры до абсолютно позитивной. Первые фильмы, рассказывающие о жизни индийцев, покинувших родину, изображают их совершенно безнравственными, ставится под сомнение их принадлежность к индийской культуре («Восток и Запад»/Purab Aur Paschim, режиссера Маноджа Кумара, 1970 года и др.). Вплоть до 1990-х гг. иностранный индиец был абсолютным антигероем, чье спасение заключалось в драматическом изменении статуса [66].

Пока эмиграция несла печать морального позора, такие выдающиеся экономисты, как Джагдиш Бхагвати старались изо всех сил оценить реальную стоимость утечки умов, чтобы взимать налог с индусов-экспатриантов. Он предложил распространить юрисдикцию подоходного налога на граждан-эмигрантов, считая, что гражданство налагает на них налоговые обязательства. Идея «налога Бхагвати» нередко привлекает к себе внимание в контексте поиска решения проблемы «утечки мозгов» из беднейших стран мира [29].

С 1990-х годов начинается «золотой век» индийской диаспоры, что напрямую связано с зарождением среднего класса и новых материальных устремлений Индии в разгар экономической либерализации. С середины 1990-х годов в индийской кинопродукции все чаще центральной идеей становится упрек с намерением пристыдить персонажа-эмигранта (обязательно успешно себя реализовавшего за рубежом) и критически относящегося к родине (например, Раджа из «Непохищенной невесты» (Dilwale Dulhania Le Jayenge, Адитья Чопра, 1995) или Раджива из фильма «На чужбине» (Pardes, Субхаш Гхай, 1997)), с целью вернуть его к исконной культурной идентичности. Используя ностальгию по потерянной родине, в таких фильмах обязательно присутствует антагонист, ему, несмотря на то, что он проживает вдали от родины, удается сохранить культуру, ценности и традиции своего народа. Эти фильмы не изображают членов диаспоры безнравственными, а наоборот стремятся показать, чем на практике они могут быть полезны для своей родины вместо пустословной критики. Теперь индийские эмигранты представляют собой удивительный синтез современности и традиций, патриотизма свадеши[2] и англосаксонского капитализма.

[1] Здесь: Girmit – слово на языке Авадхи, обозначающее соглашение (имеется ввиду между Британской Империей и рядом стран-колоний). Термин был введен М. Ганди, назвавшим себя первым Girmitiya.

[2] Здесь: движение за независимость и самостоятельность Индии.

Так, всемирно известный режиссер, продюсер и сценарист Яш Чопра – основатель крупнейшей в Индии кинокомпании Yash Raj Films – во время своего выступления на праздновании Дня диаспоры в 2003 году заявил, что «наша моральная ответственность заключается в том, чтобы изображать Индию в лучшем виде. Мы историки Индии (…). Индийская диаспора должна сохранять свою самобытность, свои корни [66]».

Изменение в положительную сторону к эмигрантам подтверждает и лингвистический анализ. В 1990-е гг. термин «вилаят» (vilayat) уступает место слову «пардес» (pardes) для обозначения места жительства заграничных индийцев. Вилайат, персидское слово, образованное от арабского «вилайя» т.е. «провинция», использовалось в колониальную эпоху для обозначения территорий за пределами Индии, и всегда ассоциировалось с безнравственностью. Слово «пардес» индийского происхождения, в переводе означает «чужая страна» и несет в себе гораздо больше позитивного смысла, в отличие от «вилайат» [66].

Помимо фильмов, диаспора нередко становится основной темой и в произведениях художественной литературы таких успешных современных писателей индийского происхождения, как Киран Десаи («Наследство разоренных»), Читра Банерджи Дивакаруни («Хозяйка специй», «Сестра моего сердца»), Анош Ирани (пьесы: «Люди в белом», «Моя бабушка Золотая рыбка»), Салман Рушди («Сатанинские стихи»), лауреат Нобелевской премии по литературе в 2001 году Видьядхар Сураджпрасад Найпол («Мистик-массажист», «Мигель-стрит», «Дом для мистера Бисваса»), а также иностранного происхождения: Марк Леви («Не такая, как все»), Ричард Морисон («Путь длиной в сто шагов») и др.

Идентичность в каждом из произведений понимается по-своему, в некоторых книгах прослеживается критика и отказ возвращаться на родину, в некоторых – наоборот: многое зависит от реальной судьбы самого автора. Если британский писатель индийского происхождения В. С. Найпол в «Доме для мистера Бисваса» пишет об индо-тринидадцах, что «они постоянно говорили о возвращении в Индию, но когда возникала такая возможность, многие отказывались, пугаясь неизвестности, боясь лишиться уже привычной временности своего здесь пребывания [8, л. 67]», то канадский драматург А. Ирани в одном из своих интервью отметил: «Когда я приехал в Канаду, я понял, как сильно я жаждал Бомбея, как сильно я жаждал Индии. И я думаю, что боль – это желание быть там снова – заставила меня писать (…) Ванкувер, безусловно, мой дом, и я очень горжусь тем, что нахожусь в Канаде, но и Индия – моя муза. Она отличный учитель. Поэтому у меня нет оснований что-либо отрезать: оба места обогащают меня как человека и как писателя [31]».

Таким образом, индийская диаспора является важнейшим инструментом разрешения многих проблем страны, борьбы с различными негативными стереотипами об индийской культуре и создания имиджа великой, бурной развивающейся и талантливой нации. Изменения в системе международных отношений, согласно чему авторитет страны на мировой арене обуславливается не только военно-экономическими показателями, но и потенциалом мягкой силы приводит индийское правительство к пониманию важности диаспоры для достижения своих целей, главным образом, формирования максимально привлекательного образа страны за рубежом. Будучи ядерной державой, но не присоединившейся к договору о нераспространении, Индии очень важно сохранять имидж миролюбивой, способной к диалогу (нередко посредством членов диаспоры), нации. Индийская диаспора позволяет решить данные задачи, привлекая как непосредственно, так и косвенно инвестиции в республику.

Вся суть взаимодействия диаспоры со страной происхождения и пребывания отражается в термине «индианизация». Поразительно, но индийской диаспоре удается благополучно интегрируясь в политическую, социальную и экономическую подсистемы зарубежного общества, сохранять собственную культурную идентичность и проповедовать свои ценности как когда-то Вивекананда, вызывая неподдельный интерес к собственной родине. Прослеживается прямая зависимость от степени успешной интеграции диаспоры в общество иностранного государства со степенью развития тесных взаимоотношений между Индией и этими странами.

Источники и литература

1. Авдашкин А. А. Диаспора: происхождение и развитие понятия // Социум и власть. 2013. №2 (40). С. 107–111.

2. Авдашкин А. А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №2 (357). Вып. 62. С. 131–37.

3. Еханурова И. Р. Теоретические подходы к определению понятия «диаспора» // Вестник Бурятского университета. 2011. № 6. С. 104–107.

4. Индийский премьер заклинает Америку. Нарендра Моди получил въездную визу в США и налаживает партнерство // Коммерсантъ. 2014. №177. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2579123 (Дата обращения: 09.05.2019).

5. Колосов В. А., Галкина Т. А., Куйбышев М. В. География диаспор на территории бывшего СССР // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 34–46.

6. Котин И. Ю. Голос индийской диаспоры // Вестник СпбГУ. 2009. Сер. 13. Вып. 4. С. 62–71.

7. Кулик Л. В. Индийская диаспора в Великобритании // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2(53). С. 160–183.

8. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. №3(54). С. 212–223.

9. Левин З. И. Менталитет диаспоры: системный и социокультурный анализ. М.: Крафт+, 2001. 176 с.

10. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: Сб. ст. Рос. акад. наук. Ин-т рос. Истории / сост. Г. Я. Тарле. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. 330 с.

11. Попков В. Д. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. №1. С. 6–23.
12. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. №1. С. 162–184.
13. Шнирельман В. Н. Мифы диаспоры // Диаспоры. №1. 2003. С. 162–185.
14. Abraham M. Speaking the Unspeakable: Marital Violence among South Asian Immigrants in the United States. Princeton: Rutgers University Press, 2000. 264 p.
15. American Association of Physicians of Indian Origin (Official website). URL: https://www.aapiusa.org/about-us/about-aapi/ (Дата обращения: 09.05.2019).
16. Angelo M. The Sikh Diaspora: Tradition and Change in an Immigrant Community. New York: Routledge, 2013. 342 p.
17. Arasaratnam S. Indians in Malaysia and Singapore. London: Oxford University Press for the Institute of Race Relations, 1970. 214 p.
18. Arkin A. J. The Contribution of Indians in the South African Economy, 1860–1970. Durban: Institute for Social and Economic Research, University of Durban-Westville, 1981. 358 p.
19. Assayag J., Benei V. At Home in Diaspora: South Asian Scholars and the West. New Delhi: Permanent Black, 2003. 207 p.
20. Azuma M. Sikh Diaspora in Japan. Routledge, 2018. 174 p.
21. Baumann M. Conceptualising Diaspora: The Preservation of Religious Identity in Foreign Parts, Exemplified by Hindu Communities Outside India // Temenos: Nordic Journal of Comparative Religion. 2012. Vol. 31. P. 19–35.
22. Bhachu P. The East African Sikh Diaspora: The British Case // Aspects of the South Asian Diaspora. New Delhi: Oxford University Press, 1991. P. 57–85.
23. Butler K. D. Defining Diaspora, Refining a Discourse // In Diaspora. 2001. Vol. 10. №2. P. 189–219.
24. Chakraborty C. Shaming the Indian Diaspora, Asking for «Returns»: Swades // TOPIA: Canadian Journal of Cultural Studies, 2011. Vol. 26. P. 11–28.
25. Chakravarti N. R. The Indian Minority in Burma: The Rise and Decline of an Immigrant Community. London: Oxford University Press for the Institute of Race Relations, 1971. 214 p.
26. Clarke C. South Asians overseas: migration and ethnicity. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 396 p.
27. Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. London: Routledge, 2008. 240 p.
28. Dasgupta S. D. A Patchwork Shawl: Chronicles of South Asian Women in America. New Brunswick: Rutgers University Press, 1998. 239 p.
29. Dumitru S. Skilled Migration: Who Should Pay for What? A Critique of the Bhagwati Tax // Diversities. 2012. Vol. 14. № 1. Pp. 8–23.
30. Dusenbery V. A. A Sikh Diaspora // Nationand migration: the politics of space in the South Asian Diaspora. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. P. 17–42.
31. Fond Indian memories feed Anosh Irani's My Granny the Goldfish // The Georgia Straight. Vancouver, 2010. URL: https://www.straight.com/article-318887/vancouver/fond-indian-memories-feed-iranis-goldfish (Дата обращения: 20.05.2019).
32. Fuglerud Q. Life on the Outside: The Tamil Diaspora and Long-distance Nationalism. London: Pluto Press, 1999. 203 p.
33. Gottschlich P. The Indian Diaspora in the United States of America: An Emerging Political Force? // Indian Diaspora: Retrospect and Prospect. New Delhi: Sage Publications, 2006. URL: https://sk.sagepub.com/books/tracing-an-indian-diaspora/n9.xml (Accessed: 12.05.2019).
34. Gupta A. The Indian Diaspora`s Political Efforts in the United States // Observer Research Foundation. New Delhi, 2004. P. 1–21.
35. Hawley M. Sikh Diaspora: Theory, Agency, and Experience (collection of essays). Calgary: BRILL, 2013. 438 p.
36. Helweg A. W. Sikhs in England: the development of a migrant community. Delhi: Oxford University Press, 1987. 282 p.
37. Jain P. C. Indians Abroad: A Current Population Estimate // Economic and Political Weekly. Vol.17. № 8. P. 299–304.
38. Jain P. C. Indians in South Africa: Political Economy of Race Relations. New Delhi: Kalinga Publications, 1999. 175 p.
39. Jain R. K. Indian Communities Abroad: themes and literature. New Delhi: Manohar Publishers & Distributors, 1993. 90 p.
40. Jayaram N. The Dynamics of Language in Indian Diaspora // The Indian Diaspora: Dynamics of Migration, 2000. P. 147–171.
41. Jayaram N. The Indian Diaspora: Dynamics of Migration. Delhi: Sage Publications, 2004. 255 p.
42. Jayaram N. The Metamorphosis of Caste Among Trinidad Hindus // Contributions to Indian Sociology. 2006. 40 (2). P. 143–173.
43. Khadria B. India Migration Report 2009: Past, Present, and the Future Outlook. International Migration and Diaspora Studies Project, Zakir Hussain Centre for Educational Studies. New Delhi: Jawaharlal Nehru University, 2009. 147 p.
44. Know India Programme (Official website). URL: https://knowindia.gov.in/ (Accessed: 10.05.2019).
45. Kondapi C. Indians Overseas: 1838–1949. Madras: Oxford University Press, 1951. 550 p.
46. Lal B. V., Reeves P., Rai R. The encyclopedia of the Indian Diaspora. Honolulu: University of Hawai`i Press, 2007. 416 p.
47. Lal V. India in the World: Hinduism, the Diaspora, and the Anxiety of Influence // Australian Religion Studies Review. 2003. Vol.16. №2. P. 19–37.
48. Lemon A. The political position of Indians in South Africa // South Asians overseas: migration and ethnicity. 1990. P. 131–163.
49. Leonard K. I. Locating Home: India's Hyderabadis Abroad. Redwood City: Stanford University Press, 2007. 402 p.
50. Mishra V. Bollywood Cinema: Temples of Desire. London: Routledge, 2002. 296 p.
51. Mishra V. The Literature of the Indian Diaspora: Theorizing the Diasporic Imaginary. New Delhi: Routledge, 2007. 313 p.
52. Morris H. S. The Indians in Uganda. Chicago: University of Chicago Press, 1968. 230 p.
53. Nath D. A History of Indians in Guyana. London: Published by the Author, 1970. 281 p.
54. Nayar K.E. The Sikh Diaspora in Vancouver: Three Generations Amid Tradition, Modernity, and Multiculturalism. Toronto: University of Toronto Press, 2004. 276 p.

55. Overseas Citizenship of India (Online OCI Services). URL: https://ociservices.gov.in/ (Accessed: 12.05.2019).
56. PM launches Pravasi Teerth Darshan Yojana // The Times of India, (Jan 22, 2019).URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/pm-launches-pravasi-teerth-darshan-yojana/articleshow/67647538.cms (Accessed: 15.05.2019).
57. Puwar N., Raghuram P. (eds). South Asian Women in the Diaspora. New York: Berg, 2003. 264 p.
58. Rayaprol A. Negotiating Identities: Women in the Indian Diaspora. New Delhi: Oxford University Press, 1997. 165 p.
59. Reddy P. C. Telugu Diaspora Through the Ages: From the Earliest Times. New Delhi: B.R. Publishing Corporation, 2017. 350 p.
60. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // In Diaspora. 1991. Vol.1. №1. P. 83–99.
61. Safran W., Sahoo A., Lal B. V. Transnational Migrations: The Indian Diaspora. New Delhi: Routledge, 2013. 211 p.
62. Sahay A. Indian Diaspora in the United States: Brain Drain Or Gain? Lanham: Lexington Books, 2009. 262 p.
63. Speckmann J. D. Marriage and Kinship Among the Indians in Surinam. Assen: Van Gorcum&Co, 1965. 302 p.
64. Tatla D. S. The Sikh Diaspora. The Search for Statehood. London: UCL Press Limited, 2005. 293 p.
65. The Role of the Diaspora (A report to the Australian Government by Mr. Peter N. Varghese AO) // India Economic Strategy to 2035. URL: https://dfat.gov.au/geo/india/ies/chapter-18.html (Accessed: 09.05.2019).
66. Therwath I. «Shining Indians»: Diaspora and Exemplarity in Bollywood // South Asia Multidisciplinary Academic Journal. 2010. URL: http://journals.openedition.org/samaj/3000 (Accessed: 20.05.2019).
67. Vertovec S. The Hindu Diaspora: Comparative Patterns. New Delhi: Routledge, 2013. 208 p.

References

1. Avdashkin A.A. Diaspora: proiskhozhdenie i razvitie ponyatiya *(Diaspora: the origin and development of the concept)* // Sotsium i vlast'. 2013. No.2 (40). P. 107–111. (In Russian).
2. Avdashkin A. A. Fenomen diaspory: metodologicheskie osnovy nauchnogo issledovaniya *(The phenomenon of the diaspora: methodological basics of scientific research)* // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No.2 (357). Issue. 62. P. 131–37. (In Russian).
3. Ekhanurova I. R. Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya «diaspora» *(Theoretical approaches to the definition of the term «diaspora»)* // Vestnik Buryatskogo universiteta. 2011. No. 6. P. 104–107. (In Russian).
4. Indiiskii prem'er zaklinaet Ameriku. Narendra Modi poluchil v»ezdnuyu vizu v SShA i nalazhivaet partnerstvo *(The Indian prime minister conjures America. Narendra Modi received an entry visa to the United States and establishes a partnership)* // Kommersant. 2014. No.177. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2579123 (Accessed: 09.05.2019). Accessed
5. Kolosov V. A., Galkina T. A., Kuibyshev M. V. Geografiya diaspor na territorii byvshego SSSR *(The geography of diasporas in the territory of the former USSR)* // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1996. No. 5. P. 34–46.
6. Kotin I. Yu. Golos indiiskoi diaspory *(The voice of the Indian diaspora)* // Vestnik SpbGU. 2009. Seria. 13. Issue. 4. P. 62–71. Accessed
7. Kulik L. V. Indiiskaya diaspora v Velikobritanii *(Indian diaspora in the UK)* // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. No. 2(53). P. 160–183. Accessed
8. Lebedeva M. M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody *(«Soft power»: concept and approaches)* // Vestnik MGIMO Universiteta. 2017. No. 3 (54). P. 212–223. Accessed
9. Levin Z. I. Mentalitet diaspory: sistemnyi i sotsiokul'turnyi analiz *(Diaspora mentality: systemic and sociocultural analysis)*. Moscow: Kraft+, 2001. 176 p. Accessed
10. Natsional'nye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv. *(National diasporas in Russia and abroad in the XIX–XX centuries.)* (Sb. st. Ros. akad. nauk. In-t ros. istorii. Sost. G. Ya. Tarle). Moscow: In-t ros. istorii RAN, 2001. 330 p. Accessed
11. Popkov V. D. «Klassicheskie diaspory»: k voprosu o definitsii termina *(«Classical diasporas»: on the definition of the term)* // Diaspory. 2002. No. 1. P. 6–23. Accessed
12. Sheffer G. Diaspory v mirovoi politike *(Diaspora in world politics)* // Diaspory. 2003. No.1. P. 162–184. Accessed
13. Shnirel'man V. N. Mify diaspory *(Diaspora myths)* // Diaspory. No. 1. 2003. P. 162–185. Accessed
14. Abraham M. Speaking the Unspeakable: Marital Violence among South Asian Immigrants in the United States. Princeton: Rutgers University Press, 2000. 264 p.
15. American Association of Physicians of Indian Origin (Official website). URL: https://www.aapiusa.org/about-us/about-aapi/ (Accessed: 09.05.2019).
16. Angelo M. The Sikh Diaspora: Tradition and Change in an Immigrant Community. New York: Routledge, 2013. 342 p.
17. Arasaratnam S. Indians in Malaysia and Singapore. London: Oxford University Press for the Institute of Race Relations, 1970. 214 p.
18. Arkin A. J. The Contribution of Indians in the South African Economy, 1860-1970. Durban: Institute for Social and Economic Research, University of Durban-Westville, 1981. 358 p.
19. Assayag J., Benei V. At Home in Diaspora: South Asian Scholars and the West. New Delhi: Permanent Black, 2003. 207 p.
20. Azuma M. Sikh Diaspora in Japan. Routledge, 2018. 174 p.
21. Baumann M. Conceptualising Diaspora: The Preservation of Religious Identity in Foreign Parts, Exemplified by Hindu Communities Outside India // Temenos: Nordic Journal of Comparative Religion, 2012. Vol. 31. P. 19–35.
22. Bhachu P. The East African Sikh Diaspora: The British Case // Aspects of the South Asian Diaspora. New Delhi: Oxford University Press, 1991. P. 57–85.
23. Butler K. D. Defining Diaspora, Refining a Discourse // In Diaspora. 2001. Vol. 10. №2. P. 189–219.
24. Chakraborty C. Shaming the Indian Diaspora, Asking for «Returns»: Swades // TOPIA: Canadian Journal of Cultural Studies, 2011. Vol. 26. P. 11–28.
25. Chakravarti N. R. The Indian Minority in Burma: The Rise and Decline of an Immigrant Community. London: Oxford University Press for the Institute of Race Relations, 1971. 214 p.

26. Clarke C. South Asians overseas: migration and ethnicity. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 396 p.
27. Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. London: Routledge, 2008. 240 p.
28. Dasgupta S. D. A Patchwork Shawl: Chronicles of South Asian Women in America. New Brunswick: Rutgers University Press, 1998. 239 p.
29. Dumitru S. Skilled Migration: Who Should Pay for What? A Critique of the Bhagwati Tax // Diversities. 2012. Vol. 14. № 1. P. 8–23.
30. Dusenbery V. A. A Sikh Diaspora // Nationand migration: the politics of space in the South Asian Diaspora. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. P.17–42.
31. Fond Indian memories feed Anosh Irani's My Granny the GoldfishОшибка! Недопустимый объект гиперссылки. // The Georgia Straight. Vancouver. 2010. URL: https://www.straight.com/article-318887/vancouver/fond-indian-memories-feed-iranis-goldfish (Accessed: 20.05.2019).
32. Fuglerud Q. Life on the Outside: The Tamil Diaspora and Long-distance Nationalism. London: Pluto Press, 1999. 203 p.
33. Gottschlich P. The Indian Diaspora in the United States of America: An Emerging Political Force? // Indian Diaspora: Retrospect and Prospect. New Delhi: Sage Publications, 2006. URL: https://sk.sagepub.com/books/tracing-an-indian-diaspora/n9.xml (Accessed: 12.05.2019).
34. Gupta A. The Indian Diaspora`s Political Efforts in the United States // Observer Research Foundation. New Delhi, 2004. P. 1–21.
35. Hawley M. Sikh Diaspora: Theory, Agency, and Experience (collection of essays). Calgary: BRILL, 2013. 438 p.
36. Helweg A.W. Sikhs in England: the development of a migrant community. Delhi: Oxford University Press, 1987. 282 p.
37. Jain P.C. Indians Abroad: A Current Population Estimate // Economic and Political Weekly. 1982. Vol.17. № 8. P. 299–304.
38. Jain P. C. Indians in South Africa: Political Economy of Race Relations. New Delhi: Kalinga Publications, 1999. 175 p.
39. Jain R. K. Indian Communities Abroad: themes and literature. New Delhi: Manohar Publishers & Distributors, 1993. 90 p.
40. Jayaram N. The Dynamics of Language in Indian Diaspora // The Indian Diaspora: Dynamics of Migration, 2000. P. 147–171.
41. Jayaram N. The Indian Diaspora: Dynamics of Migration. Delhi: Sage Publications. 2004. 255 p.
42. Jayaram N. The Metamorphosis of Caste Among Trinidad Hindus // Contributions to Indian Sociology. 2006. №40 (2). P. 143–173.
43. Khadria B. India Migration Report 2009: Past, Present, and the Future Outlook. International Migration and Diaspora Studies Project, Zakir Hussain Centre for Educational Studies. New Delhi: Jawaharlal Nehru University, 2009. 147 p.
44. Know India Programme (Official website). URL: https://knowindia.gov.in/ (Accessed: 10.05.2019).
45. Kondapi C. Indians Overseas: 1838-1949. Madras: Oxford University Press. 1951. 550 p.
46. Lal B. V., Reeves P., Rai R. The encyclopedia of the Indian Diaspora. Honolulu: University of Hawai`i Press, 2007. 416 p.
47. Lal V. India in the World: Hinduism, the Diaspora, and the Anxiety of Influence // Australian Religion Studies Review. 2003. Vol.16. №2. P. 19–37.
48. Lemon A. The political position of Indians in South Africa // South Asians overseas: migration and ethnicity. 1990. P. 131–163.
49. Leonard K. I. Locating Home: India's Hyderabadis Abroad. Redwood City: Stanford University Press, 2007. 402 p.
50. Mishra V. Bollywood Cinema: Temples of Desire. London: Routledge, 2002. 296 p.
51. Mishra V. The Literature of the Indian Diaspora: Theorizing the Diasporic Imaginary. New Delhi: Routledge, 2007. 313 p.
52. Morris H. S. The Indians in Uganda. Chicago: University of Chicago Press, 1968. 230 p.
53. Nath D. A History of Indians in Guyana. London: Published by the Author. 1970. 281 p.
54. Nayar K. E. The Sikh Diaspora in Vancouver: Three Generations Amid Tradition, Modernity, and Multiculturalism. Toronto: University of Toronto Press, 2004. 276 p.
55. Overseas Citizenship of India (Online OCI Services). URL: https://ociservices.gov.in/ (Accessed: 12.05.2019).
56. PM launches Pravasi Teerth Darshan Yojana // The Times of India (Jan 22, 2019). URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/pm-launches-pravasi-teerth-darshan-yojana/articleshow/67647538.cms (Accessed: 15.05.2019).
57. Puwar N., Raghuram P. (eds). South Asian Women in the Diaspora. New York: Berg, 2003. 264 p.
58. Rayaprol A. Negotiating Identities: Women in the Indian Diaspora. New Delhi: Oxford University Press, 1997. 165 p.
59. Reddy P. C. Telugu Diaspora Through the Ages: From the Earliest Times. New Delhi: B.R. Publishing Corporation, 2017. 350 p.
60. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // In Diaspora. 1991. Vol.1. №1. P. 83–99.
61. Safran W., Sahoo A., Lal B.V. Transnational Migrations: The Indian Diaspora. New Delhi: Routledge, 2013. 211 p.
62. Sahay A. Indian Diaspora in the United States: Brain Drain Or Gain? Lanham: Lexington Books, 2009. 262 p.
63. Speckmann J. D. Marriage and Kinship among the Indians in Surinam. Assen: Van Gorcum&Co, 1965. 302 p.
64. Tatla D. S. The Sikh Diaspora. The Search for Statehood. London: UCL Press Limited, 2005. 293 p.
65. The Role of the Diaspora (A report to the Australian Government by Mr. Peter N. Varghese AO) // India Economic Strategy to 2035. URL: https://dfat.gov.au/geo/india/ies/chapter-18.html (Accessed: 09.05.2019).
66. Therwath I. «Shining Indians»: Diaspora and Exemplarity in Bollywood // South Asia Multidisciplinary Academic Journal. 2010. URL: http://journals.openedition.org/samaj/3000 (Accessed: 20.05.2019).
67. Vertovec S. The Hindu Diaspora: Comparative Patterns. New Delhi: Routledge, 2013. 208 p.

Сведения об авторе

Тонян Анаит Аслановна – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, экскурсовод Музейно-выставочного комплекса «Россия – Моя история» (Ставрополь) / aslanovna27@mail.ru

Information about the author

Tonyan Anait – post-graduate student, Chair of foreing history, political sciences and international relations, Institute of Humanities, North Casucasus Federal University, Guide, Museum and Exhibition Complex «Russia – My History» / aslanovna27@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 349.6

А. П. Анисимов, Д. Е. Моторин

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПЛАТЕЖЕЙ ЗА НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА РОССИИ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ НАЛОГУ

В начале 2018 года Министерством финансов РФ была обнародована информация о разработке законопроекта о ведении экологического налога, который призван изменить существующий порядок внесения платы за негативное воздействие на окружающую среду путем интеграции механизма его начисления и уплаты в Налоговый Кодекс РФ, а также передачи полномочий по его администрированию Федеральной налоговой службе Российской Федерации.

Реакция юридического сообщества на законопроект была не однозначной. Сторонники уверены в том, что изменения позволят повысить качество взимания платежей, нивелируют случаи уклонения от их уплаты за счет штрафных механизмов, которые предоставляет налоговое законодательство, и в целом поспособствуют снижению уровня негативного влияния на природу, развитию и внедрению новых экологических программ. В то же время многие указывают на нецелесообразность такой инициативы, поскольку она не приведет к реальным улучшениям администрирования платы, а лишь усложнит существующую систему, что в конечном итоге приведет исключительно к росту административных барьеров и повышению нагрузки на бизнес.

Целью настоящей статьи является определение места платы за негативное воздействие на окружающую среду в системе публично-правовых платежей в Российской Федерации. Авторами проведен исторический анализ проблемы и выявлено два основных подхода к правовой природе данного экологического платежа, один из которых предполагает рассматривать плату за негативное воздействие на окружающую среду в парадигме налогового права, а второй – квалифицирует ее как неналоговый фискальный сбор. Настоящее исследование показало наличие существенных противоречий между концепцией законопроекта Министерства финансов Российской Федерации и сложившимся в юридической науке и практике представлениями о сущности и целях взимания экологических платежей.

Авторами выявлены доктринальные несоответствия указанной законодательной инициативы, обозначены основные проблемы, которые возникнут при реализации проекта, а также выдвинуты предложения по его корректировке.

Ключевые слова: негативное воздействие на окружающую среду; экологический налог; фискальный сбор; размещение отходов; выбросы и сбросы загрязняющих веществ.

A. Anisimov, D. Motorin

THE LEGAL NATURE OF PAYMENTS FOR NEGATIVE IMPACT ON THE ENVIRONMENT AND PROSPECTS OF TRANSITION TO ENVIRONMENTAL TAX IN RUSSIA

Early in 2018, the Ministry of Finance of the Russian Federation published information on the development of a draft law on environmental tax, which is designed to change the existing procedure for payment of fees for negative impact on the environment by integrating the mechanism of its calculation and payment into the Tax Code of the Russian Federation, as well as the transfer of powers for its administration to the Federal tax service of the Russian Federation.

The reaction of the legal community to the bill was mixed. Proponents are confident that the changes will improve the quality of payment collection, neutralize cases of payment evasion due to the penalty mechanisms provided by the tax legislation, and will contribute to reducing the level of negative impact on the nature, development and implementation of new environmental programs. At the same time, they point out that such an initiative is not appropriate, as it will not lead to real improvements in the administration of fees, but will only complicate the existing system, which will ultimately lead to an increase in administrative barriers and the burden on business.

The purpose of this article is to determine the place of payment for the negative impact on the environment in the system of public payments in the Russian Federation. The authors conducted a historical analysis of the problem and identified two main approaches to the legal nature of this ecological payment, one of which involves considering the fee for the negative impact on the environment in the paradigm of tax law, and the second – qualifies it as a non-tax fiscal fee. This study has shown that there are significant contradictions between the concept of the draft law of the

Ministry of Finance of the Russian Federation and the ideas about the nature and purpose of environmental charges that prevail in legal science and practice.

The authors identified the doctrinal inconsistencies of this legislative initiative, identified the main problems that will arise in the implementation of the project, as well as put forward proposals for its correction.

Key words: negative impact on the environment; environmental tax; fiscal collection; waste disposal; emissions and discharges of pollutants.

Ухудшение качества окружающей среды является одной из ведущих проблем для человеческой цивилизации на современном этапе ее развития. Несомненно, причины ухудшения состояния природных объектов и комплексов носят неоднозначный характер, и включают ряд экономических, политических, культурных и иных параметров. Свою часть «вины» за деградацию экологических систем несет и право, не всегда способное быстро и адекватно отреагировать на новые угрозы и вызовы в сфере экологической безопасности.

Одной из тех сфер, где право могло бы полноценно раскрыть свой потенциал, является вопрос установления прав и обязанностей природопользователей, хозяйственная деятельность которых оказывает негативное воздействие на состояние окружающей среды. В свою очередь, среди обязанностей последних весьма важное место занимает вопрос своевременного внесения платежей, размер которых должен быть обоснованным и справедливым. Между тем, использование подобных оценочных категорий вызывает затруднения у юристов всех стран, и требует постоянных разъяснений правотворческих и правоприменительных органов. И в этом смысле для уточнения смысла и назначения экологических платежей необходимы доктринальные исследования их правовой природы, или, другими словами, выявление их места в системе других правовых (налогово-правовых) категорий. Для проведения такого исследования существуют все необходимые предпосылки. В настоящий момент одним из основополагающих принципов российского экологического законодательства является принцип платности природопользования (аналог принципа европейского экологического права «загрязнитель платит»), означающий, что негативное воздействие на окружающую среду во всех его проявлениях является платным. Виды такого негативного воздействия на окружающую среду, а также все необходимые к определению элементы платежа (субъекты платежей, порядок и сроки внесения платы), определены в статьях 16-16.5 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Данные законодательные нормы конкретизированы в постановлениях правительства.

Между тем, федеральное законодательство прямо не определяет правовой природы данной платы. Отсутствие определенности в основаниях для классификации и конкретного места платежей за негативное воздействие на окружающую среду в фискальной системе стало причиной того обстоятельства, что на протяжении длительного времени как в научной доктрине, так и в судебной практике отсутствовал единый подход к пониманию их сущности.

Изначально исследования вопроса о разграничении налогов с иными публично-правовыми платежами в российской науке налогового права проводились вне контекста экологических платежей. Одним из первых об особом статусе сборов и пошлин в российском налоговом законодательстве упомянул С. Г. Пепеляев. По его мнению, сбор в отличие от налога, направлен лишь на покрытие убытков и издержек учреждений, в связи с деятельностью которых он взымается, и не несет чистого дохода для государства [7]. Параллельно в правовой науке и практике получил развитие спор и относительно правовой природы платы за негативное воздействие на окружающую среду. Научное сообщество раскололось на два лагеря – сторонников отнесения платы за НВОС к числу налогов и их противников, считающих, что это фискальный сбор.

Повод для дискуссии предоставило решение Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2002 № ГКПИ 2002-178о признании недействительным Постановления Правительства РФ от 28.08.1992 № 632 «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия».

Верховный Суд РФ пришел к выводу, что плата за негативное воздействие на окружающую среду по своей сущности является налогом и обладает всеми необходимыми для такой квалификации признаками. По мнению Верховного Суда РФ, спорное постановление Правительства РФ создает налоговые обязанности, которые не устанавливаются федеральным законом, поскольку все ключевые элементы платежа, такие как плательщик. объект платы, налоговый период, ставки, порядок и сроки уплаты, налоговые льготы, установлены подзаконными нормативно-правовыми актами.

Не согласившись с решением Верховного Суда РФ и в попытке реабилитировать плату за негативное воздействие на окружающую среду, Правительство РФ обратилось с запросом о проверке конституционности своего собственного постановления в Конституционный Суд РФ.

Определением №284-О от 10.12.2002 Конституционный Суд установил, что платежи за негативное воздействие на окружающую среду «не обладают рядом признаков, присущих налоговому обязательству».

В позиции Конституционного Суда Российской Федерации нашла отражение теория о различиях в целях установления налогов и неналоговых сборов. Суд исходил из того, что экологические платежи взимаются с хозяйствующих субъектов

не с целью пополнения казны, а за предоставление права на осуществление негативного воздействия в пределах согласованных государством нормативов.

По мнению Конституционного Суда РФ, данные платежи представляют собой форму возмещения экономического ущерба от такого воздействия, производимого в пределах установленных нормативов, под контролем государства; по сути, они носят компенсационный характер и должны устанавливаться на основе принципа эквивалентности, исходя из вида и объема негативного воздействия на окружающую среду, право на осуществление которого получает субъект платежа.

Таким образом, плата, как условие, необходимое для получения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями права осуществлять хозяйственную и иную деятельность, связанную с оказанием негативного экологического воздействия, определяется Конституционным Судом РФ в качестве индивидуально-возмездного платежа на основе дифференцированных нормативов допустимого негативного воздействия, призванного обеспечить возмещение экологического ущерба и затрат на охрану и восстановление окружающей среды.

В конечном итоге суд пришел к выводу о том, что плата за НВОС являются по своей правовой природе «фискальным сбором» [8]. При этом, как обоснованно отмечал А. Крайнев [6], определение понятия сбора, данное Конституционным Судом, не соответствует тому, что указано в ст. 8 Налогового кодекса РФ (далее НК РФ). Несмотря на императивный характер позиции Конституционного Суда РФ, выработанное им толкование экологических платежей еще какое-то время было предметом для дискуссий [5]. Ситуация даже дошла до того, что ФНС РФ отказалась осуществлять администрирование и контроль за своевременностью внесения платежа, мотивировав это тем, что, если на плату за НВОС не распространяется предусмотренный Налоговым Кодексом порядок установления ставки, то не должны применятся и другие его положения, в том числе о контроле за уплатой и ответственности. (Письмо от 09.02.2005 № ММ-6-21/97).

Однако Федеральным законом от 26.12.2005 № 183-ФЗ [13] законодатель подтвердил правильность неналогового подхода. Согласно Закону № 183-ФЗ, за нарушение порядка внесения платы за НВОС была введена административная ответственность. Учитывая, что за неуплату налога ответственность должна быть установлена не Кодексом РФ об административных правонарушениях, а Налоговым кодексом РФ, таким косвенным шагом плату за НВОС была окончательно переведена в статус сбора.

В 2013 г. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 05.03.2013 № 5-П [9] еще раз подробно обосновал ранее заявленную позицию, отметив, что именно статья 58 во взаимосвязи со статьей 57 Конституции РФ составляют конституционно-правовую основу платы за негативное воздействие на окружающую среду в ныне существующем виде, поскольку ее установление обеспечивает конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду и, как следствие, преследует не фискальные интересы государства в получении доходов бюджета, а связано непосредственно с предоставлением гарантий экологической безопасности для граждан и сохранением природной среды. Взыскание экологических платежей является необходимым условием предоставления юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям права на осуществление хозяйственной и иной деятельности, связанной с негативным воздействием на окружающую среду.

Таким образом, в настоящий момент официальное толкование правовой природы платы за негативное воздействие на окружающую среду сводится к тому, что данный платеж пусть и носит квазиналоговый характер, однако существует обособлено от системы налогового законодательства РФ.

В целом, соглашаясь с указанной правовой квалификацией, необходимо отметить, что высказанный в правовых позициях Конституционного Суда РФ подход все же имеет ряд дискуссионных аспектов.

В частности, недостаточно проработанной представляется позиция о компенсационном характере платы за негативное воздействие. Так, помимо платы за негативное воздействие, с природопользователя дополнительно может быть взыскан вред, причиненный компонентам окружающей среды (водным объектам, почвам). Однако это противоречит принципу полного возмещения вреда окружающей среде [12, ст.77], исходя из которого, если плата за негативное воздействие носит компенсационный характер, дополнительных мер для восстановления нарушенного компонента окружающей среды требоваться не должно. В связи с этим, необходимо понимать, что компенсационный характер в данном случае условен и опосредован другим признаком, присущим плате за негативное воздействие – индивидуальной возмездностью. Плата за НВОС – это, в первую очередь, сбор за право пользоваться компонентом природной среды для нужд и целей хозяйствующего субъекта. В свою очередь, компенсация при внесении платежей осуществляется в той разумной мере, в которой существует доступная, с точки зрения современной науки и практики, возможность рассчитать степень причиненного вреда. В то же время, механизм взыскания платы основан на установлении нормативов допустимого негативного воздействия, соблюдение которых должно исключать превышение предельно допустимых (либо ориентировочно допустимых) концентраций вредных (загрязняющих) веществ в том или ином компоненте природной среды.

Именно объективная невозможность некоторых предприятий укладываться в рамки установленных нормативов, как правило, и является причиной, в связи с которой на природопользова-

телей налагаются дополнительные обременения. Несмотря на тот факт, что вопрос о статусе экологических платежей в том виде, в котором они в настоящий момент установлены законодательством, является закрытым, правовая наука продолжает прорабатывать вопрос об оптимальном правовом режиме для платы за загрязнение окружающей среды.

Как показывает анализ положений правовой доктрины, большинство учетных полагают, что плата за НВОС должна быть установлена в форме налога. Так, А. А. Ялбулганов считает, что сходство элементов платы за загрязнение окружающей среды с налоговым обязательством можно найти и в действующем нормативно-правовом регулировании данного платежа [13].

Указанный автор даже попытался выделить в механизме платы за негативное воздействие на окружающую среду предусмотренные статьей 17 НК РФ обязательные элементы налога:

– *Субъекты платы (субъект налогообложения).* Обязанность по внесению платы возлагается на хозяйствующих субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), оказывающих негативное воздействие на окружающую среду в тех видах, которые закреплены в Федерального закона «Об охране окружающей среды».

– *Объект обложения платы (объект налогообложения).* Палата взимается в случае, если хозяйственная деятельность сопровождается следующими видами негативного воздействия: выбросы вредных (загрязняющих) веществ со стационарных источников в атмосферный воздух; сброс вредных (загрязняющих) веществ в водные объекты; размещение (хранение, захоронение) отходов производства и потребления.

– *Основание для исчисления платежа (налоговая база).* выбросов, сбросов вредных (загрязняющих) веществ, а также объем или масса размещенных отходов в их взаимосвязи с показателями, установленными в соответствующих нормативах и лимитах негативного воздействия.

– *Единица и норма обложения платой (налоговая ставка).* Правительством Российской Федерации устанавливаются перечни вредных (загрязняющих) веществ, ставки платы за НВОС для указанных веществ, а также понижающие и повышающие коэффициенты, применение которых определяется рядом факторов, таких как природно-климатические особенности территорий, значимость природных и социально-культурных объектов.

– *Порядок расчета платы (порядок исчисления налога).* Правительством РФ установлены правила исчисления и взимания платы за НВОС. Кроме того, для хозяйствующих субъектов установлены соответствующие методики расчета платы, исходя из видов деятельности и принадлежности к конкретным отраслям промышленности.

– *Сроки и порядок внесения платы (сроки и порядок уплаты налога).* Отчетным периодом платы за НВОС признается календарный квартал, платежи подлежат перечислению в бюджет не позднее 20-го числа месяца, следующего за отчетным периодом. Бюджетным кодексом РФ установлены размеры распределения платы за НВОС в бюджет соответствующего уровня.

По мнению А. А. Ялбулганова, введение экологического налога в будущем является необходимой и неизбежной мерой. При этом он считает необходимым увеличить перечень оснований для начисления платежа, а также ввести дополнительные финансовые механизмы для снижения уровня негативного экологического воздействия, диверсификации правового воздействия с помощью более интенсивного использования налоговых освобождений, налоговых зачетов, налоговых кредитов, ускоренной амортизации, пониженных ставок в отношении отдельных экологически значимых объектов налогообложения [13].

Позиции о переводе платежей за выбросы, сбросы загрязняющих веществ и размещение отходов в статус налоговых придерживается и В. М. Зарипов. Отмечая, что универсальный или целевой характер публично-правового платежа не играют роли в вопросе определения его правовой природы, он соглашается с особым мнением судьи А. Л. Кононова (к постановлению Конституционного Суда РФ от 22.11.2001 № 15-П) [8] в том, что решающее значение для квалификации платы за НВОС имеют ее сущностные, а не внешние признаки [3].

Исследование о наиболее целесообразных для экологического благосостояния инструментах политики, а также факторах, которые влияют на их выбор, было проведено В. В. Альханактой. По ее мнению, подход к вопросу об установлении налога или «разрешительного» сбора должен решаться исходя из расчетов экологического ущерба. При наличии неопределенности природоохранных затрат, потери благосостояния будут меньшими при функционировании рынка разрешений на загрязнение окружающей среды. В противоположном случае лучше ввести экологический налог [1]. Не меньшее число сторонников набирает и мнение о том, что необходимо расширять меры экономического регулирования в вопросах экологии. Высказываются позиции о введении дополнительных санкций и штрафов для недобросовестных плательщиков-природопользователей [16], введении налогов на потребление экологически вредной продукции и таможенных пошлин за ее ввоз в страну [12].

Резюмируя вышеуказанные исследования, необходимо отметить, что множество сторонников налогового подхода к экологическим платежам считают, что действующий перечень оснований для взыскания платы за НВОС является недостаточным и требует расширения в той или иной степени.

Однако в условиях, когда такие предложения выдвигаются без должной оценки их регулирующего воздействия на промышленные отрасли (а, как известно, концепция устойчивого развития предполагает поиск баланса между экологиче-

скими, экономическими и социальными интересами), и, в большей степени, основанные лишь на правовом креативе, их целесообразность и обоснованность вызывает сомнения. Так или иначе, учитывая настроения, существующие в науке и на практике, с 2013 года в России стал активно обсуждаться вопрос о введении в НК РФ положений, посвященных экологическому налогу [2]. Изначально планировалось, что экологический налог не затронет действующую систему платы за НВОС, поскольку заменит собой транспортный налог, а его базу составят выбросы с передвижных источников (в зависимости от экологического класса двигателя и возраста автомобиля) [17].

Однако впоследствии Председатель Правительства России поручил Министерству финансов разработать законопроект, призванный включить в НК РФ все квазиналоговые платежи и передать их администрирование ФНС РФ.

По результатам работы в 2018 году, Министерством финансов РФ был представлен Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового Кодекса РФ» [4]. Как показывает анализ законопроекта, от идеи замены транспортного налога теперь отказались, и экологический налог в варианте, предложенном Минфином, представляет собой лишь инкорпорацию положений о плате за НВОС в Налоговый кодекс РФ.

Исходя из пояснительной записки, целью введения экологического налога является увеличение бюджетных поступлений и получение дополнительных доходов, которые в последствие могут быть использованы Правительством РФ для реализации государственной экологической политики и обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду.

Как указывает министерство, результаты проводившихся в последние годы исследований показывают, что действующие механизмы взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду крайне неэффективны, в связи с чем сложилась практика финансирования государственных программ в сфере экологии и охраны окружающей среды за счет иных бюджетных доходов. Поскольку ответственность за нарушение порядка и сроков внесения экологических платежей устанавливается КоАП РФ, а сам вопрос находится за пределами ведения налогового законодательства, внесудебные механизмы, позволяющие обеспечить исполнение природопользователями обязанностей по уплате, в настоящий момент фактически отсутствуют.

Таким образом, действующее законодательство не содержит правового инструментария, который бы позволял государству обеспечить должную мотивацию плательщиков к соблюдению правил внесения платы за негативное воздействие. По мнению министерства финансов, при условии сохранения текущих показателей налоговой нагрузки, введение экологического налога позволит увеличить бюджетные поступления за счет улучшения качества администрирования, то есть возможности применения налоговых механизмов принудительного и бесспорного взыскания, а также мер налоговой, административной и уголовной ответственности.

Законопроект предусматривает, что как и в случае с платой за НВОС, объектом экологического налога будут признаваться виды воздействия на окружающую среду, такие, как выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, осуществляемые со стационарных источников, сброс вредных (загрязняющих) веществ в водные объекты.

Вместе с тем, в качестве объекта налогообложения также указывается образование, хранение, захоронение, накопление, размещение отходов производства и потребления каждого класса опасности. Стоит отметить, что негативное воздействие на окружающую среду оказывает лишь размещение (хранение и захоронение отходов). Остальные способы обращения с отходами сами по себе опасности для окружающей среды не составляют, и в настоящее время не облагаются соответствующими платежами. Более того, взыскание платы за иные, нежели размещение, способы обращения с отходами не соответствует государственной политике в указанной сфере, которая исходит из необходимости стимулирования предприятий к использованию отходов.

Проект предусматривает, что налоговая база будет определяться как объем или масса фактически образованных и размещенных отходов производства и потребления за вычетом массы отходов, фактически использованных или направленных на переработку. Между тем, такая формулировка не учитывает массу и объемы отходов, которые будут обезвреживаться природопользователями. При этом такого вида обращения с отходами, как переработка, Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» не упоминает. Вероятно, данные недостатки будут устранены на стадии общественного обсуждения законопроекта и оценки его регулирующего воздействия. Как предполагается, вопросы администрирования экологического налога будут полностью переданы в полномочия Федеральной налоговой службы РФ. Проект предусматривает, что территориальные органы Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и соответствующих органов государственной власти субъекта РФ должны ежегодно представлять в налоговые органы сведения об объемах воздействия на окружающую среду по тем видам воздействия, по которым налогоплательщик исчисляет налог.

Исследование обсуждаемого в настоящий момент Государственной Думой РФ законопроекта позволяет нам высказать собственные аргументы по поводу ряда его новаций. Подготовка законопроекта о переводе экологических платежей в налоговое русло свидетельствует о грядущих серьезных изменениях в системе экономического регулирования природопользования. Учитывая рост числа сторонников расширения налоговой

базы и увеличения оснований для взыскания платы, представляется, что введение экологического налога – это лишь один из первых шагов на пути реформирования системы экологических платежей. Вместе с тем, основные проблемы введения экологического налога прослеживаются уже сейчас. В первую очередь, в стремлении к единообразию в системе публично-правовых платежей нельзя забывать о сущностном содержание отдельных денежных сборов. Несмотря на то, что плата за негативное воздействие на окружающую среду имеет свойства квазиналога, налогом данный платеж не является. И речь здесь идет не о текущем способе его закрепления и администрирования, а об отсутствии у него соответствующих признаков.

Возможность выделения в плате за НВОС всех элементов налогового обязательства не отменят того, что данный платеж носит индивидуально-возмездный характер и направлен именно на компенсацию вреда, причиненного окружающей среде в результате деятельности хозяйствующего субъекта.

Как обоснованно отмечал Конституционный Суд РФ, целью взыскания платы за НВОС не является финансовое обеспечение деятельности государства. Таким образом, перевод данного публично-правого платежа в разряд налогов противоречит самим принципам и целям его взыскания.

Не может быть оправданием к его переводу в систему налогов и стремление к построению единой фискальной системы, а также повышение качества контроля внесения платежей. Плата за негативное воздействие на окружающую среду скрывает за собой сложный и специфичный механизм расчета, а выявление оснований для начисления платежей связано с решением отраслевых экологических вопросов, которые находятся за пределами компетенции ФНС РФ (например, квалификации результатов производства как отходов, квалификации деятельности с отходами как их размещение и т.д.).

Контроль за полнотой и своевременностью внесения платы за НВОС предусматривает не столько проверку расчетов и поданных деклараций, сколько вопросы экологического надзора, такие, как анализ технической документации, форм статистической отчетности 2-ТП, соблюдения нормативов допустимых негативных воздействий и т.д. При этом указанные вопросы после введения экологического налога планируется оставить в ведении Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и отраслевых органов исполнительной власти субъектов РФ. В таких условиях заявления о повышении качества администрирования платежей и контроля за их уплатой вызывают большие сомнения. При этом, как следует из текста проекта федерального закона, Минфин РФ и подконтрольные ему службы имеют лишь косвенные представления о состоянии экологической отрасли. Указание процессов образования отходов в качестве базы для начисления экологического налога, расчет налога на основании превышения экологических разрешений (при том, что с 2019 г. система выдачи разрешений была упразднена, а соответствующие изменения были внесены в Закон РФ «Об охране окружающей среды» еще в 2014 г.) говорят лишь о некомпетентности будущих администраторов данных платежей.

В 2019 г. экологическое законодательство перешло к новой системе нормирования, которая предусматривает дифференцированный подход к экологическому регулированию хозяйствующих субъектов в зависимости от степени воздействия на окружающую среду. При этом организации и лица, владеющие объектами I и II категории воздействия на окружающую среду, должны осуществлять внедрение на предприятиях наилучших доступных технологий (НДТ), что означает необходимость модернизации производств с целью их улучшения до общемировых стандартов экологического воздействия.

Предприятия, на которых в настоящий момент невозможно соблюдение нормативов негативного воздействия, должны будут разработать программы мероприятий по постепенному снижению уровня загрязнения окружающей среды, срок реализации которых составляет до 7 лет (до 14 для отдельных категорий объектов). На время достижения показателей НДТ для предприятий будут установлены временно разрешенные выбросы и сбросы, которые при этом не отменяют применение к расчетам платы за НВОС на окружающую среду повышающего коэффициента. В таких условиях, перевод платы за НВОС в разряд налога и применение к неплательщикам предусмотренных НК РФ санкций (пеней, штрафов) приведет к необоснованному повышению административного и экономического давления на бизнес, снижению темпов роста промышленности и банкротству отдельных предприятий.

Таким образом, будущий законопроект о введении экологического налога создается без учета существующего доктринального подхода к правовой природе экологических платежей. Вопреки мнению Министерства финансов РФ, целью внесения природопользователями платы за негативное воздействие на окружающую среду является формальное закрепление эквивалентной компенсации за предоставление лицу права пользования компонентами окружающей среды. Рассматривая же плату исключительно как еще один источник пополнения бюджета, министерство игнорирует сущность и принципы взыскания данного рода публично-правовых платежей.

Вместе с тем, несмотря на свою противоречивость, представляется, что в угоду общей государственной политике на увеличение бюджетных поступлений, проектируемые изменения все же будут внесены в законодательство.

В таких условиях, авторы все же призывают учесть выявленные в настоящей статье недостатки текста законопроекта, а именно скорректировать терминологический аппарат, объект и базу будущего налога в соответствии с грядущи-

ми изменениями законодательства в части экологического нормирования (ликвидация системы разрешений, введение дифференцированного подхода к вопросу взимания платы за НВОС). Поскольку переход на новую систему экологического нормирования будет осуществляться в России постепенно в ближайшие несколько лет (а для отдельных предприятий закончится лишь к 2025 г.), предлагается также пересмотреть планируемые сроки введения экологического налога (запланировано на 2020 год) [11, ст. 3] для предоставления хозяйствующим субъектам возможности адаптироваться к указанным изменениям.

Литература

1. Альханакта В. В. Налоги и разрешения на загрязнение окружающей среды в контексте общественного благосостояния // Вестник БГУ. Сер. 3. 2009. №2. С. 71–75.

2. Евдокимов П. В. Проблемы и перспективы введения экологического налога в Российской Федерации // Налоги. 2007. №6. С. 30–31.

3. Зарипов В. М. Кризис правового регулирования экологических платежей // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 6. С. 116.

4. Каталог государственных сайтов. URL: http://regulation.gov.ru/projects#departments=3&npa=83016 (Дата обращения 13.11.2018).

5. Кощеев С. А. О легитимности форм платы за негативное воздействие на окружающую среду // Журнал российского права. 2011. №2. С. 119–124.

6. Крайнев А. Экологию отделили от налогов // Учет. Налоги. Право. 2006. № 2 / СПС «Консультант плюс», дата обращения 13.11.2018.

7. Налоговое право: учебное пособие / под ред. С. Г. Пепеляева. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2000. С. 34–35.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 № 284-О «По запросу Правительства Российской Федерации о проверке конституционности Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» и статьи 7 Федерального закона «О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2002. № 52 (2 ч.). Ст. 5290.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2001 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 16 Закона Российской Федерации «О сертификации продукции и услуг» в связи с жалобой гражданина В. П. Редекопа» // СПС «Консультант плюс», дата обращения 13.11.2018.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 11. Ст. 1164.

11. Проект Федерального закона «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса РФ». URL: http://regulation.gov.ru/projects#departments=3&npa=83016 (Дата обращения 09.11.2018).

12. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. №2. Ст. 133.

13. Федеральный закон от 26.12.2005 № 183-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 52 (1 ч.). Ст. 5596.

14. Чернявская Н. В. Совершенствование системы экологических платежей в РФ // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №26. С. 15–21.

15. Ялбулганов А. А. К вопросу об экологических функциях фискальных и налоговых платежей // Финансовое право. 2013. №10. С. 17–26.

16. Ялбулганов А. А. Понятие природоресурсных платежей в правовой доктрине и законодательстве Российской Федерации // Петербургский юрист. 2016. №2. С. 49–64.

17. Ялбулганов А. А. Экологизация российского законодательства о налогах и сборах: к вопросу об экологических функциях налогового права // Реформы и право. 2014. №4. С. 25–33.

References

1. Al’khanakta V. V. Nalogi i razresheniya na zagryaznenie okruzhayushchei sredy v kontekste obshchestvennogo blagososotoyaniya *(Taxes and permits on environmental pollution in the context of public welfare)* // Vestnik BDU. Issue. 3. 2009. No.2. P. 71–75. (In Russian).

2. Evdokimov P. V. Problemy i perspektivy vvedeniya ekologicheskogo naloga v Rossiiskoi Federatsii *(Problems and prospects of introduction of the environmental tax in the Russian Federation)* // Nalogi. 2007. No.6. P. 30–31. (In Russian).

3. Zaripov V. M. Krizis pravovogo regulirovaniya ekologicheskikh platezhei *(Crisis of legal regulation of environmental payments)* // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2014. No.6. P. 116. (In Russian).

4. Katalog gosudarstvennykh saitov *(Catalogue of state websites)*. URL: http://regulation.gov.ru/projects#departments=3&npa=83016 (Accessed: 13.11.2018). (In Russian).

5. Koshcheev S. A. O legitimnosti form platy za negativnoe vozdeistvie na okruzhayushchuyu sredu *(On the legal status of payments for environmental pollution)* // Zhurnal rossiiskogo prava. 2011. No. 2. P. 119–124. (In Russian).

6. Krainev A. Ekologiyu otdelili ot nalogov *(Ecology separated from taxes)* // Uchet. Nalogi. Pravo. 2006. No. 2 / SPS «Konsul’tant plyus», (Accessed: 13.11.2018). (In Russian).

7. Nalogovoe pravo: Uchebnoe posobie *(Tax law: textbook)* / ed by S. G. Pepelyaev. Moscow: ID FBK-PRESS publ., 2000. P. 34–35. (In Russian).

8. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF № 284-O «Po zaprosu Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii o proverke konstitutsionnosti Postanovleniya Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii «Ob utverzhdenii Poryadka opredeleniya platy i ee predel'nykh razmerov za zagryaznenie okruzhayushchei prirodnoi sredy, razmeshchenie otkhodov, drugie vidy vrednogo vozdeistviya» i stat'i 7 Federal'nogo zakona «O vvedenii v deistvie chasti pervoi Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» *(Ruling of the constitutional Court of the Russian Federation № 284-O «At the request of the Government of the Russian Federation to verify the constitutionality of the Decision of the Government of the Russian Federation «On approval of the procedure for determining the fee and its limits for environmental pollution, waste disposal, other types of harmful effects» and article 7 of the Federal law «On the introduction of part one of the Tax code of the Russian Federation»)* (10.12.2002) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. No. 52 (2 ch.). Ar. 5290. (In Russian).

9. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF № 15-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 2 stat'i 16 Zakona Rossiiskoi Federatsii «O sertifikatsii produktsii i uslug» v svyazi s zhaloboi grazhdanina V.P. Redekopa» *(Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation№ 15-P «On the case of verification of the constitutionality of paragraph 2 of article 16 of the Law of the Russian Federation»On certification of products and services « in connection with the complaint of citizen V. P. Redekop»)* (22.11.2011) // SPS «Konsul'tant plyus», (Accessed: 13.11.2018). (In Russian).

10. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF № 5-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 16 Federal'nogo zakona «Ob okhrane okruzhayushchei sredy» i postanovleniya Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii «Ob utverzhdenii Poryadka opredeleniya platy i ee predel'nykh razmerov za zagryaznenie okruzhayushchei prirodnoi sredy, razmeshchenie otkhodov, drugie vidy vrednogo vozdeistviya» v svyazi s zhaloboi obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Topol'» *(Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P «On the case of verification of the constitutionality of article 16 of the Federal law «On environmental protection» and the decree of the Government of the Russian Federation «On approval of the Procedure for determining the fee and its limits for environmental pollution, waste disposal, other types of harmful effects» in connection with the complaint of the limited liability company "Topol")* (05.03.2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. No.11. P. 1164. (In Russian).

11. Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa RF» *(The Federal law draft «On amendments to part one and two of the Tax code of the Russian Federation»).* URL: http://regulation.gov.ru/projects#departments=3&npa=83016 (Accessed: 09.11.2018). (In Russian).

12. Federal'nyi zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchei sredy» *(Federal law № 7-FL «On environmental protection») (10.01.2002)* // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 2. Ar. 133. (In Russian).

13. Federal'nyi zakon № 183-FZ «O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh» *(Federal law No. 183-FZ «On amendments to the code of administrative law of the Russian Federation»)* (26.12.2005) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. No. 52 (Part 1). P.5596. (In Russian).

14. Chernyavskaya N. V. Sovershenstvovanie sistemy ekologicheskikh platezhei v RF *(Improving the system of environmental payments in Russia)* // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. No.26. P. 15–21. (In Russian).

15. Yalbulganov A. A. K voprosu ob ekologicheskikh funktsiyakh fiskal'nykh i nalogovykh platezhei *(On the environmental functions of fiscal and tax payments)* // Finansovoe pravo. 2013. No.10. P. 17–26. (In Russian).

16. Yalbulganov A. A. Ponyatie prirodoresursnykh platezhei v pravovoi doktrine i zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii *(The concept of natural resource payments in the legal doctrine and legislation of the Russian Federation)* // Peterburgskii yurist. 2016. No.2. P. 49–64. (In Russian).

17. Yalbulganov A. A. Ekologizatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva o nalogakh i sborakh: k voprosu ob ekologicheskikh funktsiyakh nalogovogo prava *(Greening of the Russian legislation on taxes and fees: on the environmental functions of tax law)* // Reformy i pravo. 2014. No.4. P. 25–33. (In Russian).

Сведения об авторах

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград) / anisimovap@mail.ru

Моторин Дмитрий Евгеньевич – аспирант кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград) / dmitriy.motorin@yandex.ru

Information about the authors

Anisimov Aleksej – Dr. of Legal Science, Professor, Chair of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd) / anisimovap@mail.ru

Dmitry Motorin – post-graduate student, Chair of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of management, Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd) / dmitriy.motorin@yandex.ru

УДК 347.65/.68

Е. Н. Атарщикова, Е. Г. Пономарев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одной из наиболее дискутируемых проблем в отечественной цивилистике является социально-правовой статус ребенка в Российской империи в начале XX века. Российское гражданское и семейное законодательства не лишены недостатков, пробелов и противоречий, что относится и к теме данного исследования. Сказанное побудило авторов обратиться к анализу узких вопросов обозначенной проблемы – правовому регулированию имущественных отношений в семье родителей и детей.

Актуальность темы исследования предопределена огромным научным и практическим потенциалом вопросов наследования имущества. Интерес к данной правовой проблеме относится не только к истории отечественной цивилистики, но и к обозначению вектора развития законодательства в XXI веке.

Национальное право Российской империи, опираясь на вековые традиции, менталитет граждан и сложившуюся к началу XX века практику, сделало реальную попытку закрепления имущественных отношений в семье родителей и детей в нормативно-правовых актах и статьях законов.

Авторы статьи обращают внимание на непростую правоприменительную практику реализации контроля за фактическим исполнением действующего законодательства. Это можно объяснить спецификой традиций быта россиян, закрытостью семейно-родственных отношений, которые можно отнести в разной степени ко всем сословиям общества.

По убеждению авторов, определяющую роль в регулировании имущественных отношений в семье играло ненормативное традиционное право, закрепленное не в позитивных законах российского государства, а в существующих веками обычаях с учетом национальных, конфессиональных и социальных особенностей.

Новизна данной работы заключается в попытке введения в научный оборот новых правовых конструкций в разные отрасли современного российского права.

Принципиальным является вывод авторов статьи о том, что имущественные отношения в современной семье российских граждан должны более активно регулироваться государством. Повышение роли государственной власти и контроль за исполнением конкретизированных нормативно-правовых актов будут способствовать оздоровлению семейно-родственных отношений и укреплению семьи россиян как основы современного общества в сложных условиях политической и экономической нестабильности формировании я новой государственности России.

Ключевые слова: семья, родители, дети, семейное право, наследственное право, имущественные отношения, права собственности.

E. Atarshchikova, E. Ponomarev

LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN PARENTS AND CHILDREN IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

One of the most debated problems in the domestic civil law is the social and legal status of the child in the Russian Empire in the early twentieth century. Russian civil and family legislation is not without flaws, gaps and contradictions, which concerns the topic of this study. This prompted the authors to turn to the analysis of the minor issues of the problem – the legal regulation of parents-children property relations.

The relevance of the research topic is predetermined by the huge scientific and practical potential of inheritance of property. The interest in this legal problem relates not only to the history of Russian civil law, but also to the designation of the vector of development of legislation in the XXI century.

The national law of the Russian Empire, based on centuries-old traditions, mentality of citizens and the practice developed by the beginning of the twentieth century, made a real attempt to consolidate property relations in the family of parents and children in normative legal acts and articles of laws.

The authors of the article pay attention to the difficult law enforcement practice of control over the actual implementation of the current legislation. This can be explained by the specifics of life traditions of Russians, the closeness of family-related relations, which can be attributed to varying degrees to all classes of society.

According to the authors, the determining role in the regulation of property relations in the family played a non-normative traditional law, enshrined not in the positive laws of the Russian state, but in the customs existing for centuries, taking into account national, confessional and social characteristics.

The novelty of this work is an attempt to introduce new legal structures into scientific circulation in different branches of modern Russian law.

The main conclusion of the authors of the article is that property relations in the modern family of Russian citizens should be more actively regulated by the state. Increasing the role of state power and control over the implementation of specific legal acts will contribute to the improvement of

family relations and strengthen the family of Russians as the basis of modern society in difficult conditions of political and economic instability, the formation of a new state of Russia.

Key words: family, parents, children, family law, inheritance law, property relations, property rights.

Социально-правовой статус ребенка в России является одной из наименее изученных проблем в отечественной цивилистике. На наш взгляд, это относится ко всем периодам развития нашего государства.

Интерес к данной правовой проблеме относится не только к истории отечественной цивилистики, но и к обозначению вектора развития законодательства в XXI веке.

Национальное право Российской империи, опираясь на вековые традиции, менталитет граждан и сложившуюся к началу XX в. практику, сделало реальную попытку закрепления имущественных отношений в семье родителей и детей в нормативно-правовых актах и статьях законов.

Попробуем рассмотреть некоторые аспекты этой темы в наиболее активный, если не сказать трагический, период нашей истории – начало XX в. Страна испытывала острую необходимость перемен во всех сферах политического, экономического, социального развития.

Положение детей и отношение государства к регулированию их статуса посредством правовых и нравственных рычагов – достаточно локальная сфера государственного воздействия на любом этапе исторического развития. В то же время от успеха ее решения, в конечном итоге, зависит судьба государства, общества и страны в целом.

В данной статье нас интересует более узкий вопрос обозначенной проблемы – правовое регулирование имущественных отношений в семье родителей и детей.

Отметим, что, по нашему убеждению, автономность родительской авторитарность в семье периода начала XX в., закрепленная законом и общественными традициями в сфере личных отношений, не могла не сказаться на имущественных правах родителей и детей.

По утверждению известного дореволюционного отечественного правоведа Синайского В. И., в общеимперском законодательстве устанавливалась раздельность имущества родителей и детей.

Имущественная часть родителей не могла претендовать на частную собственность их детей. В данном случае они могли распоряжаться имуществом детей только с их согласия [10].

Эта имущественная обособленность реализовалась посредством выдела.

Под отпущением имущества отечественные юристы имели в виду дар, который осуществлялся родителями в пользу детей, их законных наследников. Этот правовой акт совершался «с целью передать наследственную часть до смерти наследодателя» [16, с.337].

По действующим нормам все права собственности переходили к новому владельцу, и родители уже не имели возможности контролировать ставшее «детским» имущество [2, с. 28–32]. Российское законодательство приданое также определяло как часть имущества, подлежащего выделению дочерям от общего брака или родственницам [6].

В связи с этим действовавшим законом было установлено понятие «неотделенного ребенка» как лица, которому такая «законная доля» выделена не была. Это положение выделялось в отдельную юрисдикцию, по которой неотделенные дети не имели право на имущество родителей, а родители не отвечали за их долговые обязательства [12].

Имущественные отношения полностью по действующему законодательству определялись родителями. Дети, даже по достижении их совершеннолетия, не имели права требовать имущественного выдела [13].

Объем выделяемого имущества также не был ограничен. В случае получения выдела за ребенком влекло за собой лишение права на оставшееся имущество, приобретенное родителями в результате последующей предпринимательской деятельности. Наследник мог рассчитывать исключительно на определенную законом долю родового имущества, если он не получил ее при выделе.

Однако в действующей правовой доктрине разделение детей на отделенных и неотделенных оценивалось лишь как формальная дань традиции существовавшей ранее общности семейной собственности. На самом деле это было не ущемление прав как тех, так и других. Неотделенные дети были самостоятельны в имущественных отношениях, как и отделенные. В данном случае имела место быть мера дееспособности детей, т.е. возрастное наступление их совершеннолетия [1, с. 321].

С позиций современной юриспруденции мы можем констатировать, что неотделенные дети имели практически такие же имущественные права, как и отделенные.

Имущественные права родителей в отношении тех и других также ограничивались только управлением в порядке опекунства [8].

Достаточно спорные взгляды в правовой науке России начала XX века имел вопрос законодательной регламентации обязанности родителей по содержанию детей.

Законом на родителей возлагался одинаковый объем обязанностей по содержанию, как отделенных, так и неотделенных детей.

Так, статьей 172 Законов гражданских было установлено, что родители обязаны были обеспечить несовершеннолетних детей пропитанием, одеждой и воспитанием на принципах добра и чести [7].

Большинство цивилистов, отмечая результаты законотворчества, положительно оценивали эти тенденции развития права, одобряли усиление правовой защищенности детей. Действительно, не собрание семьи, которое может быть субъективно, а государство защищало интересы детей, государственное регулирование брало на себя обязательство контроля за злоупотреблением внутрисемейных отношений.

Проблема материального обеспечения на содержание детей и их воспитание тесно связана с беспризорностью несовершеннолетних и уровнем детской преступности.

По мнению дореволюционного правоведа Люблинского П. И., проблема детской беспризорности и попрошайничества не могла быть решена без введения особых законодательных санкций для родителей, уклонявшихся от выполнения своих обязанностей по содержанию детей [3, с. 12].

В этом смысле укоренившаяся в общественном сознании уверенность родителей в безнаказанности за неисполнение своих обязательств по отношению к детям являлась одним из препятствий в решении назревшей проблемы.

В качестве ужесточения ответственности родителей предлагалось предоставить по решению мирового судьи право изымать «беспризорных» детей из семьи и поручать их содержание и воспитание в благополучную семью с благонадежной репутацией. В то же время на родителей налагалась определенная обязанность в форме их денежного содержания в приемной семье. Если суд считал возможным оставить ребенка при ненадлежащем содержании и воспитании они могут быть подвержены тюремному заключению. В случае умышленного лишения детей пищи, крова, одеяния и пр., а также недобросовестного исполнения своих родительских обязанностей, повлекших за собой негативные последствия для ребенка, они могут быть подвержены денежным штрафам. В этом случае учитывалось материальное положение родителей, в действиях которых не проявлялся злой умысел [4, с. 50–52].

Однако жизнь показывала, что ни одна из предложенных мер не была реализована на практике в полной мере. Проблема источника денежного содержания детей, а также контроля за их расходованием со стороны родителей, считались по-прежнему делом семьи, и эти вопросы не входили в компетенцию государственного контроля.

Более того, родителям принадлежала вся полнота прав на результаты детского труда. В этой сфере законодательство также ограничивалось декларативными нормами, прямо не предусматривая запрет на злоупотребление эксплуатации рабочей силы несовершеннолетних.

Нормативно-правовые акты касались только одной обязательной нормы, а именно – согласия родителей на работу своего несовершеннолетнего ребенка. Однако это обязательное условие легко преодолевалось положением законодательного права определять своих малолетних детей «в ученье» на любой срок [11]. Учитывая полную зависимость детей от отца и матери, а также бесконтрольность со стороны родительской власти, им легко было добиться согласие ребенка на наемную работу.

Содержание детей своими родителями в обязательном порядке апеллируют алиментарные обязательства детей по отношению к родителям.

Законодательство Российской империи, в отличие от западноевропейского, признавало право содержание родителей их детьми, то есть получать от них алименты. Но это не распространялось на других родственников. Полноценного алиментарного института в дореволюционной России не сложилось, в связи с чем, например, дед или бабка не могли требовать содержания от своих внуков или внучек.

Согласно ст. 194 Законов гражданских, дети обязаны были доставлять пропитание и содержание родителям, находящимся в «бедности, дряхлости или немощи», в течение всей их жизни, причем независимо от их отделенности от родителей [14, с. 293]. В случае недобросовестного выполнения этих имущественных и финансовых обязательств по Уставу мировых судей дети могли быть подвергнуты аресту сроком до трех месяцев [15].

Регулирование имущественной ответственности родителей традиционно разделялось на ответственность по обязательствам детей и ответственность за вред и убытки, причиненные их неправомерными действиями (деликт).

Как отмечалось выше, статьей 184 Законов гражданских было установлено, что родители не отвечают по обязательствам неотделенных детей («заёмным письмам и вообще всяким долговым актам»), выданных без их согласия [9].

В наше время интересно подчеркнуть, что общественное мнение начала XX века было на стороне детей, а не родителей. В качестве аргументов мы можем предположить, что окружающее сообщество вменяло родителям в вину недостойное воспитание своих детей, которые безрассудно могли взять деньги взаем без возможности их вовремя отдать. Следовательно, по этой логике, родители должны отвечать по обязательствам своих совершеннолетних воспитанников. В дополнение к этому, за детьми оставалось право опубликовать причины конфликта с родителями.

Важно подчеркнуть, что в противовес предыдущему положению, материально-финансовая ответственность родителей за ущерб, причиненный несовершеннолетними детьми, возмещалась только в том случае, если признавался факт недобросовестного отношения родителей к своему долгу по воспитанию детей. У родителей оставалось право оспорить в судебном порядке факт своей непричастности к нанесенному их ребенком материального вреда и отсутствия у них возможности предотвратить содеянное. В этом случае ответственность распространялась на отдельное имущество несовершеннолетнего [5].

Обращаем внимание на непростую правоприменительную практику реализации контроля за

фактическим исполнением действующего законодательства. Это можно, с нашей точки зрения, объяснить спецификой традиций быта россиян, закрытостью семейно-родственных отношений, которые можно отнести в разной степени ко всем сословиям общества.

По нашему убеждению, определяющую роль в регулировании имущественных отношений в семье играло ненормативное традиционное право, закрепленное не в позитивных законах российского государства, а в существующих веками обычаях с учетом национальных, конфессиональных и социальных особенностей.

Итак, в сфере имущественных отношений с родителями российский закон наделял несовершеннолетних весьма широкой самостоятельностью, выражавшейся в установлении раздельности имущества родителей и детей. Однако эти нормы зачастую носили формальный и декларативный характер. На практике, ввиду отсутствия государственного контроля, решение всех вопросов распоряжения и пользования имуществом зависело исключительно от воли родителей. Требование закона об обязанности родителей содержать детей, будучи неподкрепленным какими-либо санкциями, на деле также являлось в значительной степени моральным, чем правовым.

Повышение роли государственной власти и контроль за исполнением конкретизированных нормативно-правовых актов будут способствовать оздоровлению семейно-родственных отношений и укреплению семьи россиян как основы современного общества в сложных условиях политической и экономической нестабильности формирования новой государственности России.

Подводя итоги отечественному историческому опыту и пытаясь проецировать его на современную российскую действительность, мы можем сделать вывод о том, что имущественные отношения в семье граждан РФ должны более активно регулироваться государством.

Этот исторический опыт может быть полезен для осмысления и определения вектора развития права и в современной России.

Литература

1. Заговорский А. И. Курс Семейного права. Одесса: [б.и.], 1909. 554 с.
2. Любавский Л. П. Выдел имущества // Юридические монографии и исследования. Т. 4. М.: [б.и.], 1986. 205 с.
3. Люблинский П. И. Новые идеи в правоведении // Цели наказания. №1. СПб.: Образование, 1914. С. 1.
4. Люблинский П. И. Ответственность за оставление семьи без средств // Журнал министерства юстиции. СПб.: Сенат, 1915. №3. С. 1–37.
5. Свод законов (Св. Зак.) Т. X Ч. 1. Законы гражданские. Изд. 1914 г. Ст. 653-654, 636.
6. Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. Ст. 1001.
7. Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. Ст. 172.
8. Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. Ст. 180.
9. Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. Ст. 184–188.
10. Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. Ст. 193.
11. Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. Ст. 2203.
12. Св. Зак. Т. X. Ч. I. Законы гражданские. Ст. 182-190.
13. Св. Зак. Т. X. Ч. I. Законы гражданские. Ст. 995.
14. Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. 2. Киев: Прогресс, 1915. 567 с.
15. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб: [б.и.], 1914. Ст. 143.
16. Шешеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т.I. СПб: [б.и.], 1915. 461 с.

References

1. Zagovorskij A. I. Kurs Semejnogo prava *(Course on Family law).* Odessa, 1909. 554 p. (In Russian).
2. Ljubavskij L. P. Vydel imushhestva *(Property allocation)* // Juridicheskie monografii i issledovanija. T.4. Moscow: [b.i.], 1986. 205 p. (In Russian).
3. Ljublinskij P. I. Novye idei v pravovedenii *(New ideas in law)* // Celi nakazanija. No.1. St.Petersburg: Obrazovanie, 1914. P. 1. (In Russian).
4. Ljublinskij P. I. Otvetstvennost' za ostavlenie sem'i bez sredstv // Zhurnal ministerstva justicii. St.Petersburg: Senat, 1915. No. 3. P. 1–37. (In Russian).
5. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev *(Civil laws).* 1914. Art. 653–654, 636. (In Russian).
6. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev *(Civil laws).* 1914. Art. 1001. (In Russian).
7. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev *(Civil laws).* 1914. Art. 172. (In Russian).
8. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev *(Civil laws).* 1914. Art. 180. (In Russian).
9. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev*(Civil laws).* 1914. Art.184–188. (In Russian).
10. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev *(Civil laws).* 1914. Art. 193. (In Russian).
11. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev *(Civil laws).* 1914. Art. 2203. (In Russian).
12. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev *(Civil laws).* 1914. Art. 182–190. (In Russian).
13. Svod zakonov *(Code of laws).* Vol. X Part. 1. Zakony grazhdanskiev *(Civil laws).* 1914. Art. 995. (In Russian).
14. Sinajskij V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo *(Russian civil law).* Issue. 2. Kiev: Progress publ., 1915. 567 p. (In Russian).
15. Ustav o nakazanijah, nalagaemyh mirovymi sud'jami *(Statute of penalties imposed by justice judges).* St.Petersburg, 1914. Art. 143. (In Russian).
16. Sheshenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava *(Textbook of Russian civil law).* Vol. I. St.Petersburg, 1915. 461 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Атарщикова Елена Николаевна – доктор юридических наук, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / PonomarevE@yandex.ru

Пономарев Евгений Георгиевич – доктор юридических наук, профессор (Ставрополь) / PonomarevE@yandex.ru

Information about the authors

Atarshchikova Elena – Dr. of Legal Science, Professor, Chair of Law Culture and Protection of Human Rights, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / anisimovap@mail.ru

Ponomarev Evgenii – Dr. of Legal Science, Professor (Stavropol) / PonomarevE@yandex.ru

УДК 340.0.(09)

Л. В. Батиев

ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА И ДОКАЗЫВАНИЕ В РОССИЙСКОМ РОЗЫСКНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII вв.[1]

Розыскное судопроизводство возбуждалось главным образом по инициативе должностных лиц. Основаниями были: «облихование повальным обыском», «язычная молка», «извет», поимка на месте преступления, поимка подозрительных лиц, «гонение следа», привод феодалом (приказчиком) своих крестьян с конкретным обвинением в разбое и т.п., донос фискала, выявление преступления в ходе судебного разбирательства, прокурорского надзора. Средством возбуждения розыска оставалась также исковая челобитная. Но влияние истца на процесс сокращалось.

Традиционные средства доказывания (помимо признания обвиняемого) не имели абсолютной силы. Основания возбуждения дела были в то же время средствами доказывания. Бремя доказывания лежало в первую очередь на обвиняемом. Царицей доказательств было собственное признание. Признание на пытке было достаточным условием обвинения и применения санкций в полном объеме. Запирательство на «роспросах» и пытках не имело безусловного значения.

Свидетельские показания традиционно принимались в двух основных формах: «ссылка из виноватых» и «общая ссылка». Они были решающими, либо для той стороны, которая на них ссылалась, либо для обеих сторон. Суд обычно выяснял мнение сторон и из множества свидетелей предпочтение отдавал именно «общей ссылке». «Поличное» являлось достаточным основанием для обязательного (после распроса) обращения к пытке. «Язычная молка» – обвинение третьих лиц в ходе процесса, либо в течение двух первых недель после приговора, или у казни. «Язык» должен был на очной ставке опознать оговоренного и подтвердить оговор. Повальный обыск – одно из наиболее распространенных средств доказывания. Но уже в XVII же веке видно падение значения обыска. Задача общего повального обыска – выявление «ведомых лихих людей» в округе путем опроса населения; задача специального обыска – установление определенных фактов или репутации конкретного человека, уже вовлеченного в розыск. Общий повальный обыск постепенно исчезает. Сфера использования специального повального обыска (его задача установление того или иного факта) уменьшается, он все более сливается со свидетельскими показаниями и вытесняется ими. Судебное познание осуществлялось также путем непосредственного наблюдения судом обстоятельств дела, письменных документов и т.п. Важнейшим средством розыска оставалась пытка. Ее цель – признание обвиняемого, выявление сообщников, размеров похищенного имущества, уточнение умысла.

Ключевые слова: «явка», извет, «язычная молка», «повальный обыск», донос, улики, пытка, признание.

L. Batiev

THE INITIATION OF THE PROCESS AND THE PROOF IN THE RUSSIAN INVESTIGATIVE PROCEEDINGS IN THE SECOND HALF OF XVII – BEGINNING OF XVIII CENTURIES

Investigative proceedings were initiated mainly on the initiative of officials. The reasons were: oblihovanie poval'nym obyskom", "jazychnaja molka ", "izvet", capture at the scene, capture of suspicious characters, «gonenie sleda», feudal lords (or a clerk) bringing their peasants on specific charges of robbery, etc., «donos fiskala» , identifying offenses during the trial, prosecutor's supervision ... Means of initiating investigative proceedings also remained the plaintiffs petition («chelobytnaya»). But the plaintiff's impact on the inquisitorial proceedings was reduced.

Traditional means of proof (in addition to a confession by the accused) did not have absolute power. Grounds for initiation of the case was at the same time means of proof. The burden of proof lay primarily on the defendant. The definitive of proof was confession. Confession during torture was sufficient for allegations and for the application of sanctions in full. Denial («zapiratel'stvo») on "rosprosy" and torture did not have definite values.

Witness testimonies were traditionally taken in two basic forms: the "ssylka iz vinovatyh" and "obshhaja ssylka". They were decisive, either in favour of the side, which referred to them, or for both sides. The court usually sought the opinions of the parties and from a variety of witnesses gave preference to "obshhej ssylke". "Polichnoe" was sufficient grounds for compulsory (after «raspros») recourse to torture. "Jazychnaja molka" - accusation of third parties during the process, or within the first two weeks of the sentence, or at the execution. "Jazyk" at the confrontation had to identify the accused and confirm the «ogovor». "Poval'nyj obysk" – one of the most common means of proof. However, already in the 17th century we can see the decrease of the search importance. The objective of "obshhij poval'nyj obysk" was identification of "vedomye lihie ljudi" in the county through the population survey; the objective of "special'nyj obysk" was to establish certain facts or the reputation of a particular person already involved in the search. "Obshhij pov-

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 г., № гр. проекта АААА-А19-119011190185-9.

al'nyj obysk" gradually disappeared. The scope of use of the "special'nyj obysk" (its task was the establishment of a fact) was reduced, it gradually merged with the testimony and was replaced by them. Judicial research was carried out by direct observation by the court of the case, written documents, etc. The most important means of investigation remained torture. Its goal was the confession of the defendant, identifying accomplices, amount of stolen property, clarifying the intent.

Key words: "presence", calumniation, "torture testimony" ("Jazychnaja molka"), "general search", denunciation, evidence, torture, confession.

Одним из дискуссионных вопросов истории процессуального права в научной литературе остается проблема соотношения розыскного и состязательного процессов. Между тем требует внимания и другой вопрос – об эволюции самого розыскного процесса. К наиболее важным его моментам относятся основания возбуждения розыска и система доказательств в процессе. Рассмотрение указанных моментов в одной статье объясняется также и тем, что основания возбуждения процесса сами имели доказательственное значение, являлись средствами доказывания.

К числу традиционных старых способов возбудить процесс относилась подача исковой челобитной. Она должна была содержать изложение сути преступления, указание на подозреваемого («неверка мне на...») и доказательства (по бездоказательной челобитной возможно возбуждение состязательного производства). «Безадресная» исковая сближалась с «явочным» челобитьем, в котором содержалась информация о преступлении и просьба провести «повальный обыск», чтобы выявить виновных. Она также не принималась в качестве основания возбуждения дела. Перечень имущества, покраденного или взятого разбоем, мог подаваться отдельно. Исковой челобитной должна предшествовать «явочная» («явка»). Иначе дело вершилось «по суду и крестному целованию» (то есть в состязательном порядке). Исковая могла быть подана и после поимки преступника на месте преступления, с поличным. Но если поймавшим был ненадлежащий истец, то и в этом случае была необходима «явка» [61, гл. XXI, ст. 51; 42, ст. 50; 54, л.1; 59, л. 1–2; 58, л. 1–2; 51, л. 2–3 об.; 47, с. 85, 110, 131, 132, 138]. «Явка» – извещение государственного органа, а также «окольных людей» (окрестного населения) о том или ином факте, касающемся заявителя прямо или косвенно. «Явки» подавались о преступлениях, похвальбе, подозрительном поведении, безвестном отсутствии зависимых лиц, побеге крестьян, подлоге, пропаже документов, несчастных случаях, о краже и т.п. с перечнем и оценкой пожитков и т.п. «Явочные» челобитные записывались в специальные книги и были, прежде всего, средством обеспечения возможности «искать» в будущем (с объяснением, или без него, причин отсрочки), обеспечения доказательств в процессе (чаще всего розыскном) и последующего удовлетворения потерпевшего, а также ограждения от возможного насилия, предотвращения невыгодных последствий от сообщаемого факта и т.п. Главное ее отличие от исковой в том, что она непосредственно не возбуждала процесс. Ее просительная часть – «записать челобитье». Но в XVII и в начале XVIII вв. наблюдалось определенное смешение просителями «явочных» с исковыми, что получило свое отражение в позиции Б. Н. Чичерина по этому вопросу [61, гл. X, ст. 139, 194, 202, 251–253, гл. XX, ст. 29, гл. XXI, ст. 51, 77, 88, 89; 36; 56; 2, с. XXII–XXXI; 47, с. 118, 125, 157; 38, с. 89; 39, с. 115–116; 67, с. 271, 277–279]. Для того чтобы возбудить розыск требовалось обнаружить у подозреваемого «поличное», о котором была сделана «явка».

Истец «с явными уликами» мог возбудить также новое производство в отношении колодника, который уже признался в ином преступлении (для чего по завершении розыска колодников держали минимум две недели), или «подключиться» со своим иском к розыску, начатому без его участия. При отсутствии указанных оснований челобитчики отсылались в судные приказы; в розыск эти дела возвращались при выяснении, что «те дела разбойные и дошли до пыток». Таким образом, уже в XVII в. в розыскном процессе частная жалоба «имеет влияние преимущественное на возникновение его, а не дальнейший ход и прекращение» [61, гл. XXI, ст. 49; 34; 68, с. 50].

Несоблюдение процедуры выемки поличного также являлось основанием для отказа от розыска. «Ополичнивание» могло быть произведено и без участия истца. Истец в таком случае должен был в течение двух недель подать исковую челобитную под угрозой потери права на иск и освобождения задержанных. В «петербургский» период возбуждение розыска вообще стало менее жестко связано с поличным, особенно в отношении зависимых лиц. Происходило это не только, и не столько законодательным, сколько обычным путем [61, гл. XXI, ст. 30, 54–57, 87, 88; 42, 16, 29, 46, 54, 55; 32; 41; 1; 52; 19, с. 398, 416, 417, 484; 47, 56, 65, 93, 110, 131, 132, 138, 141, 151, 157].

Розыскное судопроизводство возбуждалось главным образом по инициативе не истцов (потерпевших), а государственных органов и должностных лиц, а также иных (третьих) лиц, непричастных к преступлению. Основаниями для начала розыска были: «облихование повальным обыском», «язычная молка», «извет», поимка на месте преступления, поимка подозрительных лиц в результате полицейских и военно-полицейских мероприятий, «гонение следа», привод феодалом (приказчиком) своих крестьян с конкретным обвинением в разбое и т.п., донос фискала, выявление преступления в ходе судебного разбирательства, прокурорского надзора и т.п.

Широко представленные в Уложении 1649 г. общие повальные обыски, проводимые с целью выявления путем опроса населения округа ведо-

мых лихих людей, к концу первой четверти XVIII в. постепенно исчезли из практики. Обязанность доносить о преступниках была возложена на помещиков и их приказчиков [62, с. 142–145, 154]. Язычная молка – сделанный или подтвержденный на пытке оговор колодником («языком») других лиц, как правило, соучастников (в противном случае он сближался с «изветом»). Извет – словесное или реже письменное заявление о преступлении, преступнике, доказательствах (или вовсе без доказательств), не имеющих отношения к «изветчику», с просьбой принять и записать «извет» и челобитную и розыскать. Обязанность доносить, и, по возможности, приводить подозреваемых была всеобщей. Указы с соответствующими требованиями как частного характера (обращенные к определенным категориям лиц, или об определенных категориях дел и лиц), так и общего – явление довольно частое в законодательстве XVII в. и особенно начала XVIII в. Ответственность за недонесение – вплоть до смертной казни в 1695 г., в законодательстве начала XVIII в. варьировалась в зависимости от рода дел и конкретно-исторической обстановки. Частные лица, особенно «подлого звания», опасались извещать, так как сами в большинстве случаев подвергались расспросу с пристрастием и пытке, особенно если извет касался лиц высшего сословия. В делах о государственных преступлениях пытка изветчика была чуть ли не обязательной мерой, что выразилось в пословице «докащику – первый кнут».

Донос в государственных преступлениях получил особенное распространение и значение. Практически все дела возбуждались изветчиками. Как публично-правовая обязанность, извет вменялся всем без исключения подданным. Доносить («извещать») должны были дети на родителей (что наказывалось во всех других случаях), священники на исповедующихся, нарушая тайну исповеди, холопы и крепостные на своих господ (в других делах это запрещено). Качественное расширение состава государственного преступления, предпринятое Петром I, увеличило сферу обязательного доносительства и число дел, возбуждаемых изветом. Развитие доносительства подстегивалось кнутом, а со второй половины XVII в. и особенно с начала XVIII в. поощрялось материальным вознаграждением, в том числе из имущества обвиняемого. Вознаграждение не получали крестьяне (извет на крестьян же), духовные лица, колодники.

В целом отрицательное отношение к подметным письмам менялось в соответствии с конкретной обстановкой, содержанием доноса, результатами розыска – от поощрения доносчиков, даже при сохранении инкогнито, до категорического приказа сжигать на месте, не вскрывая [61, гл. XXI, ст. 62, гл. XXV, ст. 20; 28; 23; 63; 29; 12; 27; 8, с. 506; 5, гл. 8, ст. 13; 57; 9, с. 195; 14, с. 201; 3, 379–384; 46, с. 144; 10, №373–375, 377; 66, с. 116–162].

Поимка на месте преступления в результате полицейских и военно-полицейских мероприятий либо частными лицами была вполне достаточной для немедленной, после роспроса, пытки. Показательно, что разбойничьи шайки мало скрывались, обоснованно рассчитывая на слабость администрации [61, гл. XXI, ст. 15, 21, 28, 39, 62, 88, 89; 42, 14, 16, 20, 24, 31, 59, 76; 9, с. 107–109; 67, с. 484].

«Гонение следа» – глубокая архаика, тем не менее дожившая до начала XVIII в. Неотведенный «след», подтвержденный «обыскными» и «погонными» людьми, а также неоказание помощи в сопротивлении преступникам и в «гонении следа» являлись основанием для розыска. Впрочем, здесь можно говорить о розыске по инициативе заинтересованных лиц [61, гл. XXI, ст. 59, 60; 42, 56, 57; 2, с. 290–293; 47, с. 138].

Привод феодалом своих холопов и крепостных с конкретным обвинением их в разбое, татьбе и пр., «в бегах» или дома, угрозах господину и других преступлениях принимался и без доказательств. Зачастую помещики сами успевали произвести дознание с пристрастием, пытками, хотя это не разрешалось законом. Оговор же помещиков крестьянами, как правило, не принимался. Так же мало доверия было доносам солдат на офицеров [16, 22, 28, 62, 59, 31; 49, л. 1–6; 41, с. 232; 42, с. 99, 138, 165; 63, с. 279; 5, с. 12, 21; 13, 276–278].

Донос фискала, тайного осведомителя, обнаружение преступлений в ходе судопроизводства, прокурорского надзора и других действий должностных лиц был достаточным основание для розыска. Любопытно, что тайные осведомители остались и после упразднения фискалов [15, с. 110].

Основания возбуждения дела были в то же время средствами доказывания. Бремя доказывания поэтому лежало, в первую очередь, на обвиняемом. Переложение бремени доказывания, которое имеет в виду «Краткое изображение процессов» [36, ч. II, гл. 2, ст. 2–5], могло быть реализовано в делах частного обвинения (по русскому праву они частично рассматривались в порядке «суда и сыска») при несоблюдении установленных законом процедур («ополичнивание» и т.п.); отсутствии законных формальных оснований, то есть при недостаточности обвинения; поддержании обвинения фискалом, а также «языком», «изветчиком». В любом случае обвиняемый должен был доказывать свою невиновность. Обвинители, кроме «языка» и «изветчика», находились в привилегированном положении. В сущности, истинным обвинителем был суд. «Изветчик» и «язык» фактически выполняли роль средства розыска. Все, что дозволено «изветчику», и что требуется от него по закону, под угрозой наказания – сделать соответствующей донос. У «языка» оговор вообще исторгался под пыткой. Дальнейшее их участие в розыске – вынужденное, активность их – от опасности поменяться ролями с оговоренным, общий статус – колодничий (особенно в «политическом суде»). Некоторое отделение функции обвинения от судебной видно только в деятельности фискала.

Влияние истца на розыскной процесс последовательно сокращалось. По Уложению 1649 г. истцы уже не могли, как это допускала Уставная книга Разбойного приказа, требовать применения одних средств доказывания взамен или ранее других [68, с. 50–51]. Был подтвержден запрет «мировых» соглашений истца с обвиняемым под угрозой «пени» и жестокого наказания «укрывателю». Сама «мировая» могла быть расценена как дополнительная улика [25; 67, с. 489]. Исковая челобитная, по сути, возбуждала гражданский иск в уголовном деле, являлась просьбой возместить ущерб из имущества преступника. Именно в гражданском иске, и только в нем, были разрешены «мировые». Однако, роль истца не была статичной. Истец (его поверенный) присутствовал и уличал обвиняемого на распросе, пытке или подавал улики позднее письменно. Только при отказе истца явиться к делу пытка производилась без него, чтобы не затягивать производство. Истец же имел право отвести судью, обвинив в заведомом пристрастии, чего не мог, естественно, обвиняемый. Истец должен был кормить «своих» колодников (1 коп. в Москве, 2 коп. в Петербурге, особенно это касалось лиц, арестованных по частному обвинению, беглых крестьян, людей, взятых у помещика по «язычной молке»), ходить за делом, оплачивать судебные издержки. В противном случае колодники могли быть освобождены «на росписку», а дело лежало бы без движения. Исключение составляли колодники по обвинению в разбое, воровстве (указ 16 апреля 1722 г. с сенатским разъяснением от 13 сентября 1722 г.) [61, гл. XXI, ст. 30–31; 42, ст. 71; 31; 7; 54, л. 282; 53, л. 21, 42; 50; 58, л. 18–20, 24–24 об.; 8, с. 457; 47, с. 75, 85–86, 145, 151, 157, 161; 67, с. 488–490; 68, с. 50–51, 73; 60, с. 64–65; 4, с. 21].

Царицей доказательств было собственное признание. Сделанное или подтвержденное на пытке (к пытке не прибегали по малозначительности преступления, его явности и отсутствии сообщников), оно было необходимым и достаточным условием обвинения и применения карательных санкций в полном (максимальном) объеме. Уже во времена Судебников собственное признание было необходимым условием при назначении смертной казни. Такова же была, в принципе, теория и практика европейского права, отраженная в «Кратком изображении процессов» [36, ч. 1, гл. VI, ст. 2, ч. II, гл. I, ст. 6, гл. II, ст. 1–3; 17, с. 254–255, 246].

Запирательство на распросах и пытках не имело безусловного решающего значения. Приговор выносился по совокупности доказательств. Их объединение увеличивало наказание, но ответственность по закону наступала, как правило, ограниченная. Впрочем, Уложение 1649 г. знало, как и европейское право, исключения из этого правила. Оправдательная сумма доказательств, при некоторых доказательствах вины, не освобождала полностью от ответственности [61, гл. XXI, ст. 48; 15, с. 251, 255].

Перемена показаний, особенно отказ от признания, обвиняемого или других участников розыска, которая ставила под сомнение результаты следствия, воспринималась с большим подозрением. Дополнительные три пытки, причем более жестокие (по 80–120–150 ударов «без спуску» и истязание огнем, вместо обычных по закону 50–80–100 ударов «без спуску») – цена отказа от признания, но не цена полного оправдания («токмо от злодейства весьма не уволить», указывает в соответствии с русским правом «Краткое изображение процессов»). Сам факт розыска, пытки делал любого человека «порочным» [6; 19; 58, л. 8; 36, ч. II, гл. VI, ст. 7; 68, с. 415; 10, № 151].

Исторически сложившаяся в русском праве система формальных доказательств в конце XVII – начале XVIII вв. переживала период преобразований. Традиционные средства доказывания (помимо признания обвиняемого) не имели абсолютной силы. Из них обычно выстраивалась цепочка, которая должна была либо привести обвиняемого в застенок, либо, что случалось реже, привести к прекращению розыска. В отличие от «суда и сыска» в розыске в принципе не ограничивались одним средством доказывания. (Даже признание подкреплялось пыткой – об имуществе, сообщниках, иных преступлениях). Отсюда – трудности иерархического построения системы доказательств, поскольку каждое доказательство необходимо рассматривать не в отдельности, а в сочетании с другими.

Неполная сила отдельных средств доказывания в русском праве сближала их с «уликами» инквизиционного процесса. (Показательно, что «молва» в инквизиции, «голос в народе», «злый слух» в «Кратком изображении процессов» – аналоги «повального обыска» в России, относились именно к «уликам». Этот факт согласуется с падением роли «повального обыска») [36, ч. II, гл. V, ст. 3, гл. VI, ст. 9; 17, с. 249, 250, 253]. В России четкого разграничения между уликами («приликами») и другими доказательствами не было по указанной выше причине. Новоуказные статьи 1669 г., которые несколько ограничили необходимые пределы доказывания, что в сущности означало усиление значения отдельных средств доказывания, показали направление дальнейшей эволюции. В розыске по государственным преступлениям также есть случаи признания за отдельными видами доказательств абсолютной силы: свидетели в маловажных преступлениях, «грамота» с опиской в титуле [66, с. 179–190, 216, 218; 14, с. 34–68]. Показаний свидетелей также было достаточно для обвинения солдат новоприборных полков в краже, бесчестьи, грабеже, бое и увечье, «крепостей и распроса солдат – для решения вопроса о записи в солдаты пашенных крестьян» [11, с. 26, 28].

Кроме тех средств, которыми возбуждался процесс, судебное доказывание осуществлялось в следующих процессуальных формах: «роспрос», «роспрос с пристрастием» (от распроса в застенке до подъема на дыбу до трех раз без битья кнутом), очная ставка, в том числе в застенке, пытка. Все они могли применяться к обвиняемому, «языку», изветчику, свидетелям.

В Уложении 1649 г. предусмотрены две основные формы привлечения свидетелей – «ссылка из виноватых» и «общая ссылка», причем количество свидетелей не определено. Всякая ссылка была, если не формально, то фактически ссылкой «из виноватых», а «общая ссылка» – обоюдной ссылкой «из виноватых». Другими словами, свидетельские показания являлись решающими, либо для той стороны, которая на них ссылалась (для ее обвинения, но не обязательно для выигрыша дела), либо для обеих сторон. Свидетели всё еще воспринимались как сторонники тех, кто на них «шлется», и чьи показания они должны целиком подтвердить. Даже неведение «общей ссылки» – основание, чтобы отказать истцу. Ссылка «в послушество», которая означала лишь условное допущение свидетеля, была запрещена [18, с. 77–90, 96–97, 104; 47, с. 35]. Отводить «общую ссылку» (т.е. переменить свое отношение к ней) по общему правилу нельзя, за исключением некоторых случаев [61, гл. X, ст. 169, 179, 181–182]. Нельзя было отвести также ссылку на свидетельство десяти человек в исках до 20 и до 50 руб. (в зависимости от их социального статуса); родителей против детей; «общую ссылку» во встречном иске.

Происхождение и природа данных правил неодинаковы, общее в них в том, что сила «неотводимых» свидетельств распространялась в равной мере на обе стороны без учета их мнения и была достаточной для решения спора по существу. Отвод свидетелей простым заявлением о заведомой пристрастности был заявлением обычным. Общим правилом оставалось разрешение отвода, а не его запрет. Обвинение в лжесвидетельстве имело очень серьезные последствия: оговоренный освобождался от ответственности, а о лжесвидетельстве начинался розыск. Ответственность за лжесвидетельство (как и за лжеприсягу) в 1697 г. выросла до смертной казни [24; 61, гл. X, ст. 170; 46, с. 174–175; 47, с. 10–12, 13, 16, 24, 45, 47–48, 61, 125, 126].

На примере свидетелей виден подход законодателя к проблеме выбора доказательств: наличие «общей ссылки» делало ненужным обращение еще и к «обыску»; неотведение повального обыска – ссылку на отдельных лиц из числа «обыскных» (к тому же это означало бы подмену одного доказательства другим). Законодатель, как видим, стремился ограничить круг средств доказывания, уйти от возможной коллизии доказательств. В то же время принцип – не отвел (а для этого нужны все-таки основания) значит, согласился, говорит о том, что выбор средств доказывания и их значение перестают целиком зависеть от мнения сторон [61, гл. X, ст. 158, 168, 175].

Указом 21 февраля 1697 г. Петр I ограничил право отвода строго установленными в законе случаями (обоснованность отвода проверял суд; необоснованный отвод приводил к обвинению по делу), признал решающую силу свидетельства (даже одного человека) и тем самым фактически уничтожил разницу между ссылкой «из виноватых» и «общей ссылкой», свел разнообразные варианты свидетельства к свидетельству по предложению истца (таков буквальный смысл указа), но распространил его силу на обе стороны. Гарантом истины должна была служить смертная казнь за лжесвидетельство. Тем самым указ 21 февраля 1697 г. завершил «собою постепенное освобождение свидетельства от частного характера», переход «в свидетельство с характером публичным, государственным, поднявшим и самих свидетелей из сторонников тяжущихся до значения некоторым образом официальных» [18, с. 92, 100–102].

Сохранение после 1697 г. в судебной практике «общей ссылки» и ссылки «из виноватых» было формальным. Суд обычно выяснял мнение сторон и из множества свидетелей предпочтение отдавал именно «общей ссылке», что было как бы дополнительной гарантией объективности и пресекало возможные споры [56, л. 2 об.; 47, с. 16, 47, 56]. Стороны, в свою очередь, всегда определяли свое отношение к свидетелям, выдвинутым соперником, и порой пытались предусмотрительно ограничить безусловную предустановленную силу свидетельских показаний: «буде свидетели скажут в чем во свидетельстве неправду, и я их свидетелей буду уличать иными свидетелями», Подобную заявку К. П. Победоносцев назвал противоположностью ссылке «из виноватых». Формальное доказательство, таким образом, превращалось бы в обычное. Конечно, сохранялась и возможность опровергнуть свидетелей (то есть обвинить их в лжесвидетельстве), даже «общую ссылку» [53, л. 1–3, 20–20 об., 55, 71–75; 59, л. 7–10; 47, с. 16, 47, 56]. По Проекту Уложения 1720–1725 гг. свидетель, на которого соперник не ссылался, «но и не отвел явственно», все-таки допрашивался, но его показания подкреплялись присягой истца [50].

В розыске, особенно по «государеву слову и делу» достаточно хорошо известно широкое участие свидетелей: их показаний в делах маловажных было достаточно для обвинения независимо от сознания обвиняемого. В прочих случаях их вторично допрашивали, давали «очные ставки», пытали, если их показания расходились, или обвиняемый и изветчик выдерживали пытки [66, с. 179–198; 14, с. 34–68]. Выдвижение свидетелей осуществлялось сторонами, обвиняемым, обвинителем, свидетелями и др. Всех их в конце допроса спрашивали о наличии доказательств, чаще всего свидетелей, и об отводах [36, ч. II, гл. III, ст. 12; 49, л. 125 об., 135; 48, с. 334–336, 339, 347–357, 341–342].

Обоснованный отвод свидетеля закон допускал до его присяги и допроса (после – если «порочность» стала известна поздно) [36, ч. II, гл. III, ст. 3–4; 49, л. 122об. – 124 об.]. Допрос свидетелей «порознь» осуществлялся в суде в обычной «пунктуальной» форме. Не видно, чтобы выполнялось требование «Краткого изображения процессов» об удалении на это время сторон (по русскому праву стороны присутствовали и «ули-

чали») [36, ч. II, гл. III, ст. 8; 51, л. 47 об.; 49, л. 125 об. – 137; 48, с. 334–336, 347–357, 341–342].

«Поличное», обнаруженное у кого-либо и «неочищенное» им, являлось достаточным основанием для обязательного (после распроса) обращения к пытке. Повинная на стадии распроса не освобождала от пытки «в иных разбоях и татьбах», иных «животах» по явочным челобитным. Отвести («очистить») «поличное» можно было, указав источник его приобретения. Если же названный «продавец» отказывался от сделки, обвиняемый («покупатель») должен был на пытке подтвердить оговор, после чего пытке подвергался «продавец». Непризнание их обоих на пытке ограничивало их ответственность, но не исключало ее полностью [61, гл. XXI, ст. 50, 51, 57, 58, 74, 75; 42, ст. 49–51, 53, 54; 1; 34; 52, л. 2; 47, с. 157].

В «политическом суде» вещественные доказательства представлены в виде письменных документов и иных предметов, которые могли быть, по мнению судей, орудием преступления. (Эти же средства доказывания характерны для процессов о колдовстве и т.п.). Сами по себе они (за редким исключением) окончательной решающей силы не имели, но вели непосредственно к пытке с целью выявить истинный смысл документа, умысел владельца и т.п., или повальному обыску [36, ч. II, гл. 1, ст. 6, гл. III, ст. 18, гл. IV; 66, с. 216–218; 14, с. 68; 9, с. 207; 39, с. 140; 48, с. 154]. В начале XVIII в. особую значимость получила служебная документация.

«Язычная молка» принималась лишь в ходе процесса. После «вершения» в течение двух первых недель или у казни она стала допускаться соответственно с 1669 и 1683 гг. «Сговор» также следовало подтвердить на пытках. «Сговор» после трех пыток, по пути на казнь Уложение 1649 г. не допускало, а «Новоуказные статьи» 1669 г. разрешили после подробного распроса «накрепко». На практике и оговор, и «сговор» необязательно требовали подтвердить на пытке. Оговор преступниками лиц, приведших их в суд, не заслуживал доверия по Уложению, а по Новоуказным статьям 1669 г. – даже если был подтвержден позже иными соучастниками [61, гл. XXI, ст. 8, 21, 33, 38–47, 58, 63–66, 77, 87, 93, 100, гл. XXV, ст. 3–5, 9, 12–15; 42, ст. 7, 20, 21, 52, 60–62, 68, 69; 1; 52, л. 2–3; 47, с. 157; 44, с. 439].

«Язык» должен был на очной ставке опознать «во многих людах» оговоренного и подтвердить оговор, после чего начинался роспрос оговоренного и розыск. Неопознание на очной ставке или «сговор» вели к повальному обыску об оговоренном. По результатам обыска его или освобождали «безвытно», или отправляли в застенок. «Облихованный» обыскными людьми, но не признавшийся на пытке, все равно отправлялся в тюрьму «до указу» (на неопределенный срок). Новоуказные статьи 1669 г. в ст. 38 предписали после трех пыток и роспроса «языка» таких оговоренных освобождать «с письмом» без повального обыска. Это нововведение показывает смягчение отношения к «случайному» человеку и ужесточение – к «языку», во-первых, и во-вторых, ограничение роли и сферы применения обыска.

Значение «язычной молки» зависело от сословной принадлежности оговоренного и числа «языков». Общая схема: «язычная молка» – очная ставка, опознание, подтверждение оговора – роспрос оговоренного – «повальный обыск» по его просьбе о том, «лихой» он или нет. Без «обыска» допускалась пытка «бродящего», которого «никто не знает», или других лиц по 2–3 «языкам». Но даже по 3–4 «языкам», если оговорены дворяне, дети боярские и торговые люди, сначала по их просьбе должен был производиться «обыск». С 1710 г. повальный обыск перестал предшествовать пытке [61, гл. XXI, ст. 35, 38–43, 4, 47; 42, ст. 26, 30–32, 39; 45, с. 418].

«Одобренный» на обыске отдавался обыскным людям на поруки. А по «язычной молке» с него взыскивалась «в исцовы иски... выть» (отменено в 1669 г.). За «облихованием» на «обыске» следовала пытка (до трех раз) [61, гл. XXI, ст. 35, 36, 39; 42, ст. 25, 31, 97; 15, с. 127]. Непризнание на пытке не освобождало от ответственности. Несколько «языков» и «лихованный обыск» в сумме давали смертную казнь. Статьи 1669 г. ввели важное новшество: обыскные люди должны показать «кого они (оговоренные – *Л. Б.*) разбивали именно, с явными уликами», то есть вплотную подвели показания обыскных людей к обычным свидетельским, но с решающей силой. Иначе вместо смертной казни предписывалась ссылка в Сибирь.

Несколько «языков» и безрезультатный обыск отправляли в тюрьму «до указу», с конфискацией имущества. Статьи 1669 г. решали вопрос в зависимости от статуса: «коренной» человек освобождается, как если бы его «одобрили», а «гулящий» наказывается, как если бы его «облиховали». Один «язык» и обыск с неопределенным ответом вели к пытке и по ее результатам наказанию или освобождению на поруки. «Одобрение» большинством освобождало от пытки, «облихование» и непризнание на пытке приводили в тюрьму с взысканием «выти». Данные правила почти не изменились и в середине XVIII в. [61, гл. XXI, ст. 41–43; 42, ст. 8, 25, 33, 34; 15, с. 127–130]. «Краткое изображение процессов» в принципе также решало вопрос: оговор и «злой слух» ведут к пытке, хотя это прямо и не предусмотрено «правами». Язычная молка, как и в европейской инквизиции, является уликой, но не «совершенным» доказательством [36, ч. II, гл. VI, ст. 9; 17, с. 249].

Повальный обыск – одно из наиболее распространенных средств доказывания в XVII в. В розыскном судопроизводстве использовались две основные формы – общий повальный обыск и специальный. Задачей первого было выявление «ведомых лихих людей» в округе (он не применялся в политическом суде) путем опроса населения; задачей второго – установление определенных фактов или репутации конкретного человека, уже вовлеченного в розыск по иным основаниям.

В политическом суде обыск предписывался, если в деле не было ни одного из условий, непосредственно ведущих к пытке, и, если обстоятельства дела допускали его применение (в противном случае – либо прекращение дела по государеву указу, либо пытка, которая становилась все более предпочтительной). В общем розыске допустимые основания применения обыска были шире, но и здесь он допускался в силу недостаточной доказанности обвинения. Во всех случаях повальный обыск назначался либо по усмотрению властей, либо по челобитью сторон. Те же причины, о которых говорилось выше, привели к полному исчезновению общих повальных обысков и сохранению одних лишь специальных [59, л. 19 об.; 68, с. 54–57; 62, с. 154; 4, с. 21–22; 64, с. 145–147].

Судебное познание путем непосредственного наблюдения судом обстоятельств, существующих на момент рассмотрения дела и не нуждающихся поэтому в доказывании, осуществлялось обычно в форме «досмотра» (осмотра) либо в суде, либо на месте преступления (нахождения спорного имущества и т.п.) судьями или специально командированными по «наказу» приказными служителями.

Пытка – важнейшее средство розыска, цель которого – вынуждение признания обвиняемого, выявление сообщников, размеров похищенного имущества, уточнение умысла («государево слово и дело»). По существу, все розыскные действия были приготовлением к пытке, решением вопроса о том, можно ли применить пытку, а глава XXI Уложения 1649 г. представляла собой «законченный и систематический свод правил, регулирующих пыточное производство в розыске по уголовным делам» [66, с. 207]. Традиционные основания для возбуждения розыска являлись достаточными для обращения к пытке. В то же время допускалось опровержение еще до пытки оснований, по которым был возбужден розыск – «отвод поличного», обвинение «языка» или «изветчика» в ложном преднамеренном оговоре и т.п. В этих случаях, как и при возбуждении розыска иными основаниями (донос фискала, малодоказательный извет, обвинение без «поличного») [6; 34], требовались дополнительные доказательства вины: «повальный обыск», «обыск окольными людьми» об обстоятельствах «ополичнивания», «гонения следа» и т.п., свидетели, вещественные доказательства, «явные улики» (косвенные доказательства). Не будучи достаточным доказательством вины подследственного, показания других участников розыска, подтвержденные на очной ставке, в том числе «с пристрастием» или на пытке, перекладывали бремя доказывания на обвиняемого и были достаточными для пытки (ее повторения), также, как и «перемена речей» обвиняемого.

Пытка после повинной «в роспросе» была по Уложению обязательной. Новоуказные статьи 1669 г. заменили ее «роспросом с пристрастием» (в застенке, подняв на дыбу, но без битья кнутом); в 1682 г. была разрешена пытка только в новых преступлениях по дополнительным основаниям – челобитью истцов «с явными уликами» [34]. Ограничение пыток было предусмотрено и Петром I в 1720 г. «которые... в первых... допросех сказывали вины свои, то те ставить в повинныя. А которые с улики и розыску, тех в дело и повинныя не ставить» [15, с. 125]. В 1722 г. Петр вновь вернулся к вопросу о пытках «понеже и в малых делах пытки чинят и таковым, на которых толко мнение имеют, и чтоб оное унять» [10, № 122–123]. «Унять» оказалось невозможно. И после Петра I судьи, выписывая соответствующие повеления, указывали пытать «о всем обстоятельно и в других воровствах» на основании Уложения и указов, изданных в его продолжение [58, л. 8 об. – 19 об.; 15, с. 125–126, 130–132]. Основанием для пыток было «довольное подозрение», которое судьи определяли самостоятельно. В чрезвычайных судилищах «разрешение всякого сомнения, вопроса и недоумения «следователя» совершалось при посредстве пыток, и конечно, личный произвол всецело царил при этом» [9, с. 195–196]. Запирательство на пытках при наличии других доказательств вины начало играть решающую роль (освобождение от наказания и оставление в подозрении) с 1669 г. В XVIII в. показания на пытке считались достаточными доказательствами вины или невиновности [15, с. 130].

Литература

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1857. 399 с.

2. Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.). Т.2. М.: Печатня А. И . Снегиревой, 1908. 418 с.

3. Анисимов Е. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.

4. Арсеньев Ю. Из делопроизводства Каширских губных старост во второй половине XVII века. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900. 30 с.

5. Артикул краткий (Меньшикова) // Мышлаевский А. З. Петр Великий. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 года). СПб.: военная типография, 1894. [4], LXII, 122 с.

6. Боярский приговор 23 октября 1673 г. // Полное Ссобрание Законов (далее – ПСЗ). Т.I. №561.

7. Боярский приговор 4 июля 1683 г. // ПСЗ. Т. II. № 1032.

8. Бумаги императора Петра I. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1873. 59 с.

9. Веретенников В. И. История тайной канцелярии петровского временя. Харьков: Тип. «Печ. дело», 1910. [4], IV, 306 с.

10. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 650 с.

11. Востоков А. А. О делах Генерального двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. Отд. II. М.: Типо-лит. Кушнерев и К°, 1888. С. 1–36.

12. Высочайшая резолюция на статьи 3 июня 1714 г. // ПСЗ. Т. V. №2823.
13. Голикова Н. Б. Из истории классовых противоречий в русской армии (1700–1709) // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С.269 – 285.
14. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М.: Изд-во МГУ, 1957. 338 с.
15. Голубев А. А. Сыскной приказ. 1730–1763 // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. 4. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884. С. 1–192.
16. Грамота Новгородскому воеводе октября 1664 г. // ПСЗ. Т. I. №364.
17. Гродзинский М. М. Улики в истории инквизиционного процесса // Ученые записки ВИЮН. Вып. 1. М.: [б.и.], 1940. С. 245–268.
18. Демченко В. Г. Историческое исследование о показаниях свидетелей, как доказательстве по судебным делам, по русскому праву до Петра Великого. Киев: в Университетской тип., 1859. 107, [3] с.
19. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. 1711–1716 гг. Т. V. Кн. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892. 25, 584, [5] с.
20. Именной указ 1656 г. // ПСЗ. Т. I. № 195.
21. Именной указ 20 октября 1653 г. // ПСЗ. Т. I. № 105;
22. Именной указ 20 января 1673 г. // ПСЗ. Т. I. № 538.
23. Именной указ 21 мая 1683 г. // ПСЗ. Т. II. № 1014.
24. Именной указ 21 февраля 1697 г. // ПСЗ. Т. III. № 1572.
25. Именной указ 23 марта 1688 г. // ПСЗ. Т. II. № 1289.
26. Именной указ 24 февраля 1699 г. // ПСЗ. Т. III. № 1678
27. Именной указ 25 января 1715 г. // ПСЗ. Т. V. № 2877.
28. Именной указ 31 декабря 1682 г. // ПСЗ. Т. II. № 978.
29. Именной указ 4 апреля 1695 г. // ПСЗ. Т. III. № 1510.
30. Именной указ с боярским приговором 11 марта 1683 г. // ПСЗ. Т. II. № 1000.
31. Именной указ с боярским приговором 13 ноября 1676 г. // ПСЗ. Т. II. № 669
32. Именной указ с боярским приговором 15 января 1686 г. // ПСЗ. Т. II. № 1154.
33. Именной указ с боярским приговором 18 декабря 1688 г. // ПСЗ. Т. II. № 1321
34. Именной указ с боярским приговором 28 ноября 1682 г. // ПСЗ. Т. II. № 970.
35. Именной указ с боярским приговором 28 ноября 1686 г. // ПСЗ. Т. II. № 1222.
36. Краткое изображение процессов или воинских тяжеб // ПСЗ. Т. V. № 3006.
37. Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов К.Д. Беляева. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1881. [4], 95 с.
38. Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л. Наука, 1980. 271 с.
39. Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. М.: В Университетской тип., 1876. 2, II, 350 с.
40. Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 года). СПб.: Военная типография в здании Главного штаба, 1894 г. 184 с.
41. Наказ объезжему голове 29 июня 1699 г. // ПСЗ. Т. III. № 1689.
42. Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах // ПСЗ. Т. I. № 441.
43. Памятники русского права. Вып. 6. М.: Госюриздат, 1957. 512 с.
44. Памятники русского права. Вып. 7. М.: Госюриздат, 1963. 510 с.
45. Памятники русского права. Вып. 8. М.: Госюриздат, 1961. 667 с.
46. Победоносцев К. П. Историко-юридические акты переходной эпохи XVII-XVIII веков. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1886. 294 с.
47. Победоносцев К. П. Материалы для истории приказного судопроизводства в России. М.: Университетская типография, 1890. 175 с.
48. Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1878. 376 с.
49. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 233. Оп.1. Д. 93.
50. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 342. Оп.1. Д. 33. Ч. 1.
51. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 115.
52. РГАДА. Ф. 371. Оп. I. Ч. 2. Д. 3790.
53. РГАДА. Ф. 282. Оп. 4. Ч. 4. Д. 21663.
54. РГАДА. Ф. 371. Оп. I. Ч. 2. Д. 3788.
55. РГАДА. Ф. 371. Оп. I. Ч. 2. Д. 3792.
56. РГАДА. Ф. 371. Оп.1. Ч. 2. Д. 3801.
57. РГАДА. Ф. 900. Оп. 1. Д. 42.
58. РГАДА. Ф. 900. Оп. 1. Д. 60.
59. РГАДА. Ф. 900. Оп. I. Д. 57.
60. Смирнов А. Предварительный арест и заключение. Очерк из истории Русского уголовного процессуального права. М.: Тип. К. Индриха, 1876. 124 с.
61. Соборное уложение // ПСЗ. Т.I. №1.
62. Сокольский В. В. Главнейшие моменты в истории повального обыска. Киев: Унив. тип., 1871. 158 с.
63. Статьи о продаже питей и о прекращении корчемства 8 февраля 1688 г. // ПСЗ. Т.II. №1276.
64. Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России (До издания Свода Законов) // Судебная реформа. Т. I. М.: Объединение, 1915. С.16 – 180.

65. Сыщиков наказ 2 марта 1683 г. // ПСЗ. Т. II. №998.
66. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. 342 с.
67. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М.: Тип. Александра Семена, 1856. С. 271–279.
68. Шалфеев Н. П. Об уставной книге Разбойного приказа. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1868. 76 с.

References

1. Akty, otnosjashhiesja do juridicheskogo byta drevnej Rossii *(Acts relating to the legal life of ancient Russia)*. Vol. 1. St.Petersburg: Imperial Academy of Sciences printing house publ, 1857. 399 p. (In Russian).
2. Akty Uglichskoj provincial'noj kanceljarii (1719–1726 gg.) *(Acts of the Uglich Provincial Chancellery (1719–1726)*. Vol. 2. Moscow: A.I. Snegireva's printing house publ., 1908. 418 p. (In Russian).
3. Anisimov E. Vremja petrovskih reform *(The time of Peter's reforms)*. Leningrad: Lenizdat publ., 1989. 496 p. (In Russian).
4. Arsen'ev Ju. Iz deloproizvodstva Kashirskih gubnyh starost vo vtoroj polovine XVII veka *(From the paperwork of the Kashirsky labial elders in the second half of the 17th century).* Moscow: A.I. Snegireva's printing house publ., 1900. 30 p. (In Russian).
5. Artikul kratkij (Men'shikova) *(Short article by Menshikov)* // Myshlaevskij A. Z. Petr Velikij. Voennye zakony i instrukcii (izdannye do 1715 goda). St.Petersburg: Military printing house publ, 1894. [4], LXII, 122 p. (In Russian).
6. Bojarskij prigovor 23 oktjabrja 1673 g. *(The verdict of the boyars October 21, 1673)* // Complete Collection of Laws (PSZ). Vol. I. No. 56. (In Russian).
7. Bojarskij prigovor 4 ijulja 1683 g. *(The verdict of the boyars June 21, 1683)* // PSZ. Vol. II. No. 1032. (In Russian).
8. Bumagi imperatora Petra I *(Papers of Emperor Peter I)*. St.Petersburg: II Department printing house publ., 1873. 23, 565, 59 p. (In Russian).
9. Veretennikov V. I. Istorija tajnoj kanceljarii petrovskogo vremenja *(The history of the secret chancellery of Peter the Great)*. Har'kov, 1910. [4], IV, 306 p. (In Russian).
10. Voskresenskij N. A. Zakonodatel'nye akty Petra I *(Legislative acts of Peter I)*. T. I. Moscow-Leningrad: SA USSR, 1945. 650 p. (In Russian).
11. Vostokov A. A. O delah General'nogo dvora *(On the affairs of the General Court)* // Opisanie dokumentov i bumag, hranjashhihsja v Moskovskom arhive ministerstva justicii. Book. 5. Moscow: Kushnerev and K° publ., 1888. P. 1–36. (In Russian).
12. Vysochajshaja rezoljucija na stat'i 3 ijunja 1714 g. *(The highest resolution on the articles of June 3, 1714)* // PSZ. Vol. V. No. 2823. (In Russian).
13. Golikova N. B. Iz istorii klassovyh protivorechij v russkoj armii (1700–1709) *(From the history of class contradictions in the Russian army (1700–1709)* // Poltava. K 250-letiju Poltavskogo srazhenija. Sb. statej. Moscow: SA USSR, 1959. P. 269–285. (In Russian).
14. Golikova N. B. Politicheskie processy pri Petre I. Po materialam Preobrazhenskogo prikaza *(Political processes under Peter I. According to the materials of the Preobrazhensky order)*. Moscow: MSU publ., 1957. 338 p. (In Russian).
15. Golubev A. A. Sysknoj prikaz 1730–1763 *(Detective institution. 1730–1763)* // Opisanie dokumentov i bumag, hranjashhihsja v MAMJu. Book. 4. Moscow: L. F. Snegirev's printing house, 1884. S. 1–192. (In Russian).
16. Gramota Novgorodskomu voevode oktjabrja 1664 g. *(Charter to the Novgorod governor of October 1664)* // PSZ. Vol. I. No. 364. (In Russian).
17. Grodzinskij M. M. Uliki v istorii inkvizicionnogo processa *(Evidence in the history of the inquisition process)* // Uchenye zapiski VIJuN. Issuw. 1. Moscow, 1940. P. 245–268. (In Russian).
18. Demchenko V. G. Istoricheskoe issledovanie o pokazanijah svidetelej, kak dokazatel'stve po sudebnym delam, po russkomu pravu do Petra Velikogo *(Historical research on testimonies of witnesses, as evidence in court cases, in Russian law before Peter the Great)*. Kiev: University printing house, 1859. 107, [3] p. (In Russian).
19. Doklady i prigovory, sostojavshiesja v Pravitel'stvujushhem Senate v carstvovanie Petra Velikogo. 17111730–17631716 gg. *(Reports and sentences held in the Governing Senate during the reign of Peter the Great. 1711*1730–1763*1716)*. Vol. V. Book. I. St.Petersburg: Printing house of the imperial academy of sciences publ., 1892. 25, 584, [5] p. (In Russian).
20. Imennoj ukaz 1656 g. *(The personal decree of 1656)* // PSZ. Vol. I. No. 195. (In Russian).
21. Imennoj ukaz 20 oktjabrja 1653 g. *(The personal Decree of October 20, 1653)* // PSZ. Vol. I. No. 105. (In Russian).
22. Imennoj ukaz 20 janvarja 1673 g. *(The personal Decree on January 20, 1673)* // PSZ. Vol. I. No. 538. (In Russian).
23. Imennoj ukaz 21 maja 1683 g. *(The personal Decree May 21, 1683)* // PSZ. Vol. II. No. 1014. (In Russian).
24. Imennoj ukaz 21 fevralja 1697 g. *(The personal Decree February 21, 1697)* // PSZ. T. III. No. 1572.
25. Imennoj ukaz 23 marta 1688 g. *(The personal Decree March 23, 1688)* // PSZ. Vol. II. No. 1289. (In Russian).
26. Imennoj ukaz 24 fevralja 1699 g. *(The personal Decree February 24, 1699)* // PSZ. Vol. III. No. 1678 (In Russian).
27. Imennoj ukaz 25 janvarja 1715 g. *(A personal Decree on January 25, 1715)* // PSZ. Vol. V. No. 2877. (In Russian).
28. Imennoj ukaz 31 dekabrja 1682 g. *(The personal Decree December 31, 1682)* // PSZ. Vol. II. No. 978. (In Russian).
29. Imennoj ukaz 4 aprelja 1695 g. *(The personal Decree April 4, 1695)* // PSZ. Vol. III. No. 1510. (In Russian).
30. Imennoj ukaz s bojarskim prigovorom 11 marta 1683 g. *(The personal Decree with boyar's verdict, March 11, 1683)* // PSZ. Vol. II. No. 1000. (In Russian).
31. Imennoj ukaz s bojarskim prigovorom 13 nojabrja 1676 g. *(The personal Decree with boyar's verdict on November 13, 1676)* // PSZ. Vol. II. No. 669. (In Russian).
32. Imennoj ukaz s bojarskim prigovorom 15 janvarja 1686 g. *(A personal decree with boyar's verdict on January 15, 1686)* // PSZ. Vol. II. No. 1154. (In Russian).
33. Imennoj ukaz s bojarskim prigovorom 18 dekabrja 1688 g. *(A personal decree with a boyar sentence on December 18, 1688)* // PSZ. Vol. II. No. 1321. (In Russian).

34. Imennoj ukaz s bojarskim prigovorom 28 nojabrja 1682 g. *(A personal decree with boyar's verdict on November 28, 1682)* // PSZ. Vol. II. No. 970. (In Russian).

35. Imennoj ukaz s bojarskim prigovorom 28 nojabrja 1686 g. *(A personal decree with boyar's verdict on November 28, 1686)* // PSZ. Vol. II. No. 1222. (In Russian).

36. Kratkoe izobrazhenie processov ili voinskih tjazheb *(A brief image of the processes or military litigation)* // PSZ. Vol. V. No. 3006. (In Russian).

37. Lebedev D. Sobranie istoriko-juridicheskih aktov K. D. Beljaeva *(Collection of historical and legal acts by K. D. Belyaev)*. Moscow: Je. Lissner and Ju. Roman publ., 1881. [4], 95 p. (In Russian).

38. Man'kov A. G. Ulozhenie 1649 goda. Kodeks feodal'nogo prava Rossii *(Code of 1649. Code of feudal law of Russia)*. Leningrad: Nauka publ., 1980. 271 p. (In Russian).

39. Mrochek-Drozdovskij P. Oblastnoe upravlenie Rossii XVIII veka do uchrezhdenija o gubernijah 7 nojabrja 1775 goda *(Regional administration of Russia of the XVIII century before the establishment of the provinces on November 7, 1775)*. Moscow: University publ., 1876. 2, II, 350 p. (In Russian).

40. Myshlaevskij A. Z. Petr Velikij. Voennye zakony i instrukcii (izdannye do 1715 goda) *(Peter the Great. Military laws and regulations (published before 1715)*. St.Petersburg: Military printing house publ., 1894 g. 184 p. (In Russian).

41. Nakaz ob'ezzhemu golove 29 ijunja 1699 g. *(The order to go round the head on June 29, 1699)* // PSZ. Vol. III. No. 1689. (In Russian).

42. Novoukaznye stat'i o tatebnyh, razbojnyh i ubijstvennyh delah *(Newly-ordered articles on theft, robbery, and murderous cases)* // PSZ. Vol. I. No. 441. (In Russian).

43. Pamjatniki russkogo prava *(Newly-ordered articles on theft, robbery, and murderous cases)*. Issue. 6. Moscow: Gosjurizdat, 1957. 512 p. (In Russian).

44. Pamjatniki russkogo prava *(Newly-ordered articles on theft, robbery, and murderous cases)*. Issue. 7. Moscow: Gosjurizdat, 1963. 510 p. (In Russian).

45. Pamjatniki russkogo prava *(Newly-ordered articles on theft, robbery, and murderous cases)*. Issue. 8. Moscow: Gosjurizdat, 1961. 667 p. (In Russian).

46. Pobedonoscev K. P. Istoriko-juridicheskie akty perehodnoj jepohi XVII–XVIII vekov *(Historical and legal acts of the transitional era of the XVII–XVIII centuries)*. M.: I. N. Kushnerev and K° publ., 1886. 294 p. (In Russian).

47. Pobedonoscev K. P. Materialy dlja istorii prikaznogo sudoproizvodstva v Rossii *(Materials for the history of court proceedings in Russia)*. Moscow: University printing house, 1890. 175 p. (In Russian).

48. Rozengejm M. P. Ocherk istorii voenno-sudnyh uchrezhdenij v Rossii do konchiny Petra Velikogo *(An essay of the history of military courts in Russia until the death of Peter the Great)*. St.Petersburg: M. Jettingera publ., 1878. 376 p. (In Russian).

49. Russian State Archive of the Navy. (RGA VMF). F. 233. Inv. 1. D. 93. (In Russian).

50. Russian State Archive of Ancient Acts. (52.RGADA). F. 342. Inv. 1. D. 33. Part. 1. (In Russian).

51. RGA VMF. F. 233. Inv. 1. D. 115. (In Russian).

52. RGADA. F. 371. Inv. I. Ch. 2. D. 3790. (In Russian).

53. RGADA. F. 282. Inv. 4. Ch. 4. D. 21663. (In Russian).

54. RGADA. F. 371. Inv. I. Ch. 2. D. 3788. (In Russian).

55. RGADA. F. 371. Inv. I. Ch. 2. D. 3792. (In Russian).

56. RGADA. F. 371. Inv. 1. Ch. 2. D. 3801. (In Russian).

57. RGADA. F. 900. Inv. 1. D. 42. (In Russian).

58. RGADA. F. 900. Inv. 1. D. 60. (In Russian).

59. RGADA. F. 900. Inv. I. D. 57. (In Russian).

60. Smirnov A. Predvaritel'nyj arest i zakljuchenie. Ocherk iz istorii Russkogo ugolovnogo processual'nogo prava *(Preliminary arrest and detention. Essay on the history of Russian criminal procedural law)*. Moscow: K. Indriha publ., 1876. 124 p. (In Russian).

61. Sobornoe ulozhenie *(Cathedral Code)* // PSZ. Vol. I. No. 1. (In Russian).

62. Sokol'skij V. V. Glavnejshie momenty v istorii poval'nogo obyska *(The most important moments in the history of the general search)*. Kiev: University publ., 1871. 158 p. (In Russian).

63. Stat'i o prodazhe pitej i o prekrashhenii korchemstva 8 fevralja 1688 g. *(Articles on the sale of drinks and on the termination of corpseism on February 8, 1688)* // PSZ. Vol. II. No. 1276. (In Russian).

64. Syromjatnikov B. I. Ocherk istorii suda v drevnej i novoj Rossii (Do izdanija Svoda Zakonov) *(Essay on the history of the court in ancient and new Russia (Before the publication of the Code of Laws)* // Sudebnaja reforma. Vol. I. Mosvow: Ob'edinenie publ., 1915. P. 160–180. (In Russian).

65. Syshhikov nakaz 2 marta 1683 g. *(Detectives ordered March 2, 1683)* // PSZ. Vol. II. No. 998. (In Russian).

66. Tel'berg G. G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskih prestuplenij v Moskovskom gosudarstve XVII v. *(Essays on Political Court and Political Crimes in the Moscow State of the 17th century)*. Moscow: Moscow University publ., 1912. 342 p. (In Russian).

67. Chicherin B. N. Oblastnye uchrezhdenija Rossii v XVII v. *(Regional institutions of Russia in the 17th century)*. M.: Aleksandr Semen publ., 1856. P. 271–279. (In Russian).

68. Shalfeev N. P. Ob ustavnoj knige Razbojnogo prikaza *(On the charter book of the Robbery order)*. St.Petersburg: Moscow University publ., 1868. 76 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Батиев Левон Владимирович – кандидат юридических наук, заведующий лабораторией социологии и права Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону) / lbatiev@yandex.ru

Information about the author

Batiev Levon – PhD in Law, Head of the Laboratory of Sociology and Law, Southern Scientific Center of RAS (Rostov on Don) / lbatiev@yandex

УДК 343

В. И. Жуковский, Н. В. Довголюк

ДЕЛИНКВЕНТНОСТЬ «АПТЕЧНОЙ НАРКОМАНИИ» КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР УСИЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ НАД ОБОРОТОМ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Проблемы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и их немедицинского потребления по масштабам распространения и развития наркомании, а также трудности антинаркотического воздействия являлись глобальной проблемой мирового сообщества в XX веке и сохраняют свою актуальность в XXI веке. «Аптечная» наркомания стала настоящим бедствием для страны, стремительно распространившись по всем регионам и субъектам Российской Федерации. Аптечные организации как субъекты фармацевтического рынка обязаны обеспечить доступность лекарственных препаратов, в том числе, содержащих наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры для использования в медицинских целях и одновременно обязаны обеспечить условия для предотвращения возможности незаконного оборота этих средств.

Особым спросом у наркозависимых лиц – так называемых «аптечных наркоманов» – пользуются лекарственные препараты, прегабалин-содержащие, которые не относятся к ядовитым или сильнодействующим средствам и в своем составе не содержат ни наркотических, ни психотропных веществ. При этом их употребление не по назначению врача (в том числе непредназначенным способом, в больших дозах, в сочетании с другими веществами или алкоголем) вызывает наркотическое опьянение, а также стойкую зависимость. Лица, употребляющие данные препараты не по назначению врача, как правило, являются нарушителями общественного порядка, склонны к совершению преступлений общеуголовной направленности, тем самым влияют (в сторону ухудшения) на оперативную обстановку, наносят ущерб репутации органов государственной власти.

В статье проведен анализ состояния вопросов и проблем, в сфере оборота лекарственных средств и их немедицинского потребления, выявлены проблемные аспекты правоприменения, определены основные направления совершенствования предупреждения и организационной работы в этом направлении.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, наркотические средства, психотропные вещества, законодательное регулирование, безрецептурный отпуск лекарственных препаратов, немедицинское потребление, аптечная наркомания, ответственность.

V. Zhukovsky, N. Dovgolyuk

DELINQUENCY OF «PHARMACY DRUG ADDICTION» AS A DETERMINING FACTOR IN STRENGTHENING CONTROL OVER THE CIRCULATION OF MEDICINES

The problems of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances and their non-medical consumption on the scale of the spread and development of drug addiction, as well as the difficulties of anti-drug exposure were a global problem of the world community in the XX century and remain relevant in the XXI century. «Pharmacy» drug addiction has become a real disaster for the country, rapidly spreading to all regions and subjects of the Russian Federation. Pharmaceutical organizations as subjects of the pharmaceutical market are obliged to ensure the availability of medicines, including those containing narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors for use for medical purposes and at the same time are obliged to provide conditions to prevent the possibility of illicit trafficking in these drugs.

The so-called «pharmaceutical drugs» are in special demand among drug addicts. These are pregabalin-containing drugs that are not poisonous or potent tools and in its composition does not contain any narcotic or psychotropic substances. Their use when not prescribed by a doctor (including unintentional way, in large doses, in combination with other substances or alcohol) causes drug intoxication, as well as persistent addiction. Persons who use these drugs without doctor's prescription, as a rule, are violators of public order, are prone to committing crimes of ordinary orientation, thereby affect (in the direction of deterioration) on the operational situation, damage the reputation of public authorities.

The article analyzes the state of issues and problems in the sphere of circulation of medicines and their non-medical consumption, identifies problematic aspects of law enforcement, and identifies the main directions of improving prevention and organizational work in this direction.

Key words: illegal turnover of narcotic drugs, narcotic drugs, psychotropic substances, legal regulation, non-prescription status of drugs, non-medical use, pharmaceutical drug abuse, liability.

Проблема распространения наркотиков в последние годы значительно обострилась, и оказывает крайне негативное влияние на социально-психологическую атмосферу в обществе, представляя сегодня одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, здоровью

населения. Только в Ставропольском крае по данным краевого клинического диспансера на 01 октября 2018 года общее количество лиц, состоящих на учёте в связи с немедицинским употреблением наркотических и токсических психотропных веществ, составило 8137 человек (АППГ – 7855 человек), что в расчёте на 100 тысяч населения составляет 301,2, что на 3,6 % больше аналогичного периода 2017 года (АППГ – 290,8 на 100 тысяч населения). И это только их явная часть, которая составляет порядка 25 % от общего числа наркозависимых. Истинное же число приобщающихся к потреблению наркотических средств или больных наркоманией известно лишь в самых общих чертах, поскольку к данной категории можно отнести тех, кто лечится неофициально или самостоятельно, а также тех, кто не попал в поле зрения правоохранительных органов и органов здравоохранения.

Современная наркоситуация характеризуется также расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления лекарственных препаратов, обладающих психоактивным действием. Как научный, так и практический интерес к проблемам незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ сложно переоценить, поскольку их немедицинское потребление охватывает практически все страны мира, оказывая самое негативное влияние на индивидуальное и общественное здоровье населения, значительно увеличивая расходы общественного здравоохранения, сопряжено с совершением наркопреступлений, формирует угрозу интеллектуальному, кадровому, оборонному потенциалу государств [7].

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, количество наркозависимых лиц, употребляющих прегабалин-содержащие (торговые наименования «Лирика», «Габана», «Альгерика», «Неогабин», «Линбаг»), тапентадол (торговое наименование «Палексия»), тропикамид (торговые наименования «Тропикамид», «Мидриацил») и циклопентолат (торговые наименования «Цикломед», «Циклоптик», Мецитолин») и регулярно обращающихся в наркологические учреждения субъектов Российской Федерации, составляет в среднем от 3 % до 5 % от общего количества учтенных наркозависимых лиц [4].

Прегабалин, тапентадол, тропикамид и циклопентолат включены в Перечень лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 22 апреля 2014 года № 183н (далее – Перечень). В данный Перечень помимо указанных включены также лекарственные средства, содержащие сильнодействующие, ядовитые, наркотические, психотропные вещества и их прекурсоры, в отношении которых на территории Российской Федерации действуют усиленные меры контроля [2]. При этом наличие особого порядка контроля за обращением лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, не нашло отражения в законодательстве об административных правонарушениях.

Так, в настоящее время частью 1 статьи 14.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Кодекс) за нарушение установленных правил оптовой торговли лекарственными средствами и порядка розничной торговли лекарственными препаратами установлена административная ответственность, предусматривающая наложение административного штрафа на граждан в размере от полутора тысяч до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей. Данный состав применяется в отношении всех лекарственных средств и препаратов, в том числе включенных в Перечень.

Несмотря на действующие административные штрафы, в большинстве субъектов Российской Федерации (в т.ч. на территории Ставропольского края) продолжают отмечаться многочисленные факты нарушений в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, в том числе нередки случаи их безрецептурного отпуска наркозависимым лицам.

В России с каждым годом увеличивается незаконный оборот сильнодействующих препаратов и число преступлений, совершаемых по ст. 234 УК РФ. По данным МВД, в 2016 году количество преступлений, квалифицированных по 234 статье УК РФ, составило 652, в 2017 году – 898, а за десять месяцев 2018 года – 950 [3]. И одной из причин такой отрицательной статистики стала и «аптечная наркомания». Поэтому назрела необходимость ужесточения контроля продажи средств, вызывающих зависимость аналогичной наркотической.

26 апреля 2019 года на рассмотрение в Государственную думу внесен законопроект об ужесточении наказания за нарушения при торговле лекарствами, при неумеренном потреблении вызывающими так называемую аптечную наркоманию, который предполагает введение новшеств и изменений в КоАП РФ. Инициатором проекта выступила член комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Ирина Рукавишникова, следует из базы данных нижней палаты [5].

В частности, указанным законопроектом предлагается установить отдельное наказание за «нарушение установленных правил оптовой торговли... и порядка розничной торговли лекарственными препаратами, если эти действия (бездействие) совершены в отношении лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, и не содержат уголовно наказуемого деяния». В случае принятия проекта штраф за данное нарушение для граждан составит от 5 тыс. до 10 тыс. рублей, должностных лиц – от 20 тыс. до 30 тыс. рублей или дисквалификация на срок от 1 года до 3 лет, лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования

юридического лица, – такой же штраф или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток. Для юридических лиц предусмотрены санкции от 100 тыс. до 150 тыс. рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток. Предусмотрено, что эти санкции будут действовать только при отсутствии признаков уголовного преступления.

Парламентарий И. Рукавишникова ссылается на данные МВД, согласно которым «основной причиной распространения случаев безрецептурной продажи лекарственных препаратов является умышленное несоблюдение собственниками аптечных учреждений требований, установленных законодательством РФ». Так, по сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ), в 2018 году территориальными органами МВД РФ совместно с органами Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (далее – Росздравнадзор) было выявлено более 500 фактов безрецептурного отпуска лекарственных средств, обладающих психоактивным действием.

По информации Росздравнадзора, в 2018 году рост количества протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 14.42 Кодекса, составил более 60 % от уровня 2017 года. При этом значительная часть дел об административной ответственности по данной статье была возбуждена в связи с нарушениями в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету.

Законопроект, предложенный И. Рукавишниковой, лишь малая часть системной программы по профилактике наркомании в России. В свою очередь, Министерство внутренних дел предлагает на законодательном уровне повысить штрафы за рекламу наркотических веществ в интернете. Представители власти хотят, чтобы за пропаганду запрещенных препаратов нарушители «несли» материальное наказание размером до 1 млн рублей.

Анализируя статистику выявленных правонарушений, следует учитывать, что одним из наиболее типичных и распространенных административных правонарушений в данной сфере является безрецептурный отпуск лекарственных препаратов, подлежащих предметно-количественному учету.

Исследование ситуации в сфере незаконного обращения лекарственных средств, проведенное сотрудниками МВД РФ, показало, что основной причиной распространения случаев безрецептурной продажи лекарственных препаратов является умышленное несоблюдение собственниками аптечных учреждений требований, установленных законодательством Российской Федерации. Это связано с несопоставимостью размеров прибыли, получаемой от незаконной реализации лекарственных препаратов, и убытков, которые могут быть причинены аптечной организации в случае выявления правонарушений контролирующими органами.

Основными причинами массовой концентрации «аптечных наркоманов» являются действующие аптечные учреждения, допускающие безрецептурный отпуск лекарственных препаратов, перечисленных выше. В связи с этим одной из задач органов внутренних дел является пресечение деятельности подобных фармацевтических учреждений на территориях обслуживания.

Одной из доступных и наиболее простых форм влияния на недобросовестных предпринимателей (в том числе и аптеки) является вынесение предостережений руководителям и работникам (фармацевтам, провизорам) аптечных учреждений о недопустимости нарушения действующего законодательства, о возможных последствиях. В данных предостережениях необходимо предусматривать графу ознакомления предпринимателя и работников, что впоследствии будет способствовать доказыванию умысла совершенного правонарушения.

Как показывает практика ГУ МВД ряда субъектов РФ, наиболее эффективно и оперативно возможно добиться требуемого результата путем проведения совместных мероприятий подразделений полиции, прокуратуры и органов государственного контроля. К таковым следует отнести: территориальные органы Росздравнадзора; управления надзорной деятельности и профилактической работы ГУ МЧС России субъекта (на местах – Госпожнадзор); управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека субъекта (в состав которых входят санитарно-эпидемиологические станции (СЭС); государственные инспекции труда.

Для проведения совместного мероприятия, от имени начальника ОМВД готовится и направляется прокурору города (района) мотивированное письмо, в котором указывается перечень действий, которые необходимо провести, причины организации мероприятия, какой орган и когда необходимо привлечь.

В данном случае орган внутренних дел выступает инициатором, прокуратура – организатором, вышеперечисленные органы госконтроля – участниками мероприятия. В ходе совместной проверки «аптечных» учреждения каждый участник выявляет нарушения (недостатки) по своему направлению и составляет итоговый документ. К наиболее распространённым основания для реагирования и выполнения своих функций каждым из перечисленных органов следует отнести:

– план ежегодных плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, который регулярно обновляется и публикуется на сайте Генеральной прокуратуры РФ. В соответствии с указанным планом обязаны осуществлять проверки Росздравнадзор, Роспотребнадзор, Госпожнадзор, ОВД;

– поступившее установленным порядком в один из перечисленных органов заявление физического лица в отношении объекта контроля (аптеки);

– поступивший из органов внутренних дел по подведомственности материал, письмо, распоряжение о проведении совместных мероприятий;

– поступивший из органов прокуратуры акт реагирования.

Каждый из перечисленных органов государственного контроля не универсален и имеет строго определенные направления деятельности и индивидуальные рычаги воздействия на подконтрольные объекты, с целью понуждения их к соблюдению действующего законодательства.

Территориальный орган Росздравнадзора является органом, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения, в полномочия которого входит проверка соблюдения правил оборота лекарственных препаратов, товаров медицинского назначения, а именно:

– наличие подтверждающих приходных и расходных документов на реализуемые товары;

– наличие сертификатов качества;

– соблюдение условий хранения;

– соблюдение правил отпуска;

– ведение учетной документации;

– наличие минимального ассортимента лекарственных средств;

– соблюдение лицензионных требований;

– наличие оборудования для осуществления фармацевтической деятельности и других.

С января 2019 года в целях выявления и документирования фактов нарушения указанных правил, территориальным органам Росздравнадзора предоставлено право осуществлять контрольные закупки, в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. №511 – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

По результатам проверки подразделения Росздравнадзора имеют право составлять административные протоколы, выносить по ним решения (штрафы физическим и юридическим лицам), а также обращаться в арбитражный суд с ходатайством о приостановлении деятельности, либо аннулировании лицензии на фармацевтическую деятельность.

Следует отметить, что для составления протокола об административном правонарушении для органов Росздравнадзора достаточно наличия видеозаписи (сделанной гражданским лицом), на которой зафиксирован факт безрецептурного сбыта лекарственного препарата указанной выше категории.

Управление надзорной деятельности и профилактической работы ГУ МЧС России осуществляет свою деятельность в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2012 г. № 390 «О противопожарном режиме» и может проводить внеплановые проверки (в случае поступления обращений граждан, организаций или поступления информации от органов власти, из средств массовой информации о фактах нарушений требований пожарной безопасности, если такие нарушения создают угрозу причинения вреда жизни, здоровью людей, вреда животным, растениям, окружающей среде, безопасности государства, имуществу физических и юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, угрозу возникновения пожара) соблюдения требований пожарной безопасности в соответствии с правилами противопожарного режима в Российской Федерации, а именно:

– наличие противопожарной сигнализации;

– наличие огнезащитной обработки помещения (при необходимости);

– наличие огнетушителей (в соответствии с нормами, сроки поверки);

– наличие лиц, ответственных за пожарную безопасность, пошедших обучение, и т.д.

Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека проводят внеплановые проверки (в случае обращения граждан, организаций или поступления информации от органов власти, из средств массовой информации о фактах возникновения угрозы или причинения вреда жизни, здоровью людей, вреда животным, растениям, окружающей среде, безопасности государства, имуществу физических и юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, а также нарушения прав потребителей, при обращении граждан, права которых нарушены) соблюдения следующих требований:

– законность трудовых отношений;

– рудников;

– своевременное прохождение медосмотров, наличие санитарных книжек;

– соблюдение правил торговли на фармацевтическую продукцию;

– наличие необходимых сертификатов на товары;

– соответствие помещения санитарным нормам;

– соблюдение правил ценообразования;

– работа контрольно-кассовой аппаратуры и др.

Для подтверждения факта безрецептурного отпуска лекарственных препаратов (по сути - сбыта) эффективным средством является проведение мероприятия «контрольная закупка», полномочия на проведение которого у органов внутренних дел отсутствуют. Однако видеозапись, на которой зафиксировано правонарушение, органы полиции могут получить от граждан, в том числе приобретающих подконтрольные лекарственные препараты в аптеках, допускающих безрецептурный отпуск. Факты предоставления гражданами видеозаписи с «нужным» содержанием нередки, на пример, на территории Ставропольского края только за 1-е полугодие 2019 года таковых было предоставлено 65.

Такие записи могут быть предоставлены сотрудникам ППС, чьи маршруты патрулирования проходят (приближены) рядом с аптечными учреждениями, должным образом инструктированным нарядам ДПС, участковым уполномоченным, при осуществлении приема граждан на административном участке, а также любому представи-

телю правоохранительных органов, проинформированному о такой необходимости.

В целях противодействия незаконной деятельности аптечных учреждений, допускающих безрецептурный отпуск подконтрольных лекарственных препаратов следует обеспечить проведение следующих действий и мероприятий:

– получение информации об аптечном учреждении (фактический и юридический адрес, персональные данные директора (предпринимателя), наличие и законность лицензии на фармацевтическую деятельность, наличие в собственности автотранспорта (как личного, так и у близких родственников), характеризующая информация (судимость, административные правонарушения и др.);

– вынесение в адрес предпринимателя (директора юридического лица) предостережения, либо проведение профилактической беседы;

– подготовка распоряжения на проведение обследования по установленному адресу;

– инициирование проведения совместных мероприятий по проверке указанной аптеки. Состав участников необходимо следует определять в зависимости от имеющейся информации об объекте;

– при невозможности проведения совместного мероприятия принять меры (как предложено выше) к получению видеозаписи об осуществлении безрецептурного отпуска в аптечном учреждении, после чего получить объяснение у лица, купившего препараты, изъять препараты, направить на исследование (в случае отсутствия упаковки, маркировки);

– проведение обследования по месту нахождения аптечного заведения. В ходе обследования изымать систему видеонаблюдения, указанные выше лекарственные препараты, накладную документацию, черновые записи (приход, расход), денежные средства, находящиеся вне кассы, и другие предметы, имеющие отношение к совершенному деянию;

– получение объяснения от провизоров, директора аптеки (предпринимателя), в случае согласия.

– в обязательном порядке обеспечить участие представителей пресс-службы ГУ, с целью в последующем принятия решения об освещении в СМИ проведенного мероприятия и его результатов;

– собранный материал направить в Росздравнадзор по подведомственности для рассмотрения и составления протокола об административном правонарушении (см. приложение к рекомендациям);

– в дальнейшем повторить исполнение перечисленных выше пунктов, с целью установления факта неоднократности совершения указанного правонарушения в данном аптечном учреждении;

Параллельно с проводимыми мероприятиями следует ориентировать наряды ДПС на проверку транспортных средств, находящихся в пользовании всех лиц, причастных к деятельности указанного аптечного заведения, с целью обнаружения бухгалтерской документации или лекарственных препаратов, не имеющих сопроводительной документации. В случае принятия судом решения об аннулировании лицензии, либо о приостановлении ее на определенный срок, необходимо обеспечить на контроль деятельности данного аптечного учреждения в указанный период, в целях выявления фактов незаконной предпринимательской деятельности.

Данные рекомендации необходимо принять к сведению и на постоянной основе применять в оперативно-служебной деятельности.

Предложенные меры не являются исчерпывающими, однако, они могут способствовать повышению эффективности работы по изменению криминологической ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков.

Литература

1. Внукова В. А. О правовом регулировании легального оборота наркотических средств и государственного надзора за его осуществлением. Медицинское право. 2012. №1. С. 34–39.

2. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2017 году // Государственный антинаркотический комитет. М.: Государственный антинаркотический комитет, 2018. С. 2–3.

3. Жуковский В. И., Довголюк Н. В. Государственно-правовые механизмы противодействия наркотизации общества: некоторые аспекты формирования, состояния и реализации // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты: материалы международного научно-практического семинара (5 апреля 2019) / отв. ред. Н. Н. Цуканов; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. С. 71–74.

4. Неволина Е. В. Почему российские аптеки не спешат заниматься реализацией наркотических средств? // Вестник Росздравнадзора. 2014. №3. С. 21–23.

5. Законопроект «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Государственной Думы «Система обеспечения законодательной деятельности». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/699098-7 (Дата обращения: 01.08.2019).

6. Панов С. Л. «Аптечная» наркомания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. №3(46). С. 5–7.

7. Путин: только комплексом мер можно победить наркоманию. Актуальные комментарии, 2011 URL: http://actualcomment.ru/putin_tolko_kompleksom_mer_mozhno_pobedit_narkomaniyu.html (Дата обращения: 21.08.2019).

References

1. Vnukova V. A. O pravovom regulirovanii legal'nogo oborota narkoticheskikh sredstv i gosudarstvennogo nadzora za ego osushchestvleniem *(On legal regulation of legal turnover of narcotic drugs and the state supervision of its implementation).* Meditsinskoe pravo. 2012. No.1. P. 34–39. (In Russian).

2. Doklad o narkosituacii v Rossijskoj Federacii v 2017 godu *(Report on the drug situation in the Russian Federation in 2017)* // Gosudarstvennyj antinarkoticheskij komitet. Moscow: State anti-drug committee, 2018. P. 2–3. (In Russian).

3. Zhukovskij V. I., Dovgoljuk N. V. Gosudarstvenno-pravovye mehanizmy protivodejstvija narkotizacii obshhestva: nekotorye aspekty formirovanija, sostojanija i realizacii *(State-legal mechanisms of counteraction to narcotization of society: some aspects of formation, state and realization)* // Protivodejstvie narkougroze na sovremennom jetape: pravovoj i social'no-gumanitarnyj aspekty: materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara (5 aprelja 2019) / ed by N. N. Cukanov. Krasnojarsk: SLI IM PF publ., 2019. P. 71–74. (In Russian).

4. Nevolina E. V. Pochemu rossiiskie apteki ne speshat zanimat'sya realizatsiei narkoticheskikh sredstv? *(Why are Russian pharmacies in no hurry to sell drugs?)* // Vestnik Roszdravnadzora. 2014. No.3. P. 21–23. (In Russian).

5. Zakonoproekt «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah» *(Draft law on amendments to the Code of administrative offences of the Russian Federation)* // Ofitsial'nyi sait Gosudarstvennoi Dumy «Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti». Rezhim dostupa: https://sozd.duma.gov.ru/bill/699098-7 (Accessed: 01.08.2019).

6. Panov S. L. «Aptechnaya» narkomaniya *(«Pharmacy» addiction)* // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2011. No.3 (46). P. 5–7. (In Russian).

7. Putin: tol'ko kompleksom mer mozhno pobedit' narkomaniju. Aktual'nye kommentarii, 2011 *(Putin: only a complex of measures can defeat drug addiction. Actual Comments, 2011)* URL: http://actualcomment.ru/putin_tolko_kompleksom_mer_mozhno_pobedit_narkomaniyu.html (Accessed: 21.07.2019). (In Russian).

Сведения об авторах

Довголюк Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры общегуманитарных и юридических дисциплин Ставропольского филиала Московского педагогического государственного университета (Ставрополь) / fktrf32@rambler.ru

Жуковский Владимир Ильич – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kukyns@mail.ru

Information about the authors

Dovgolyuk Natalia – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Humanities and Law courses, Stavropol Branch of the Moscow Pedagogical State University (Stavropol) / fktrf32@rambler.ru

Zhukovsky Vladimir – PhD in Law, Associate Professor, Chair of legal culture and human rights protection, Law Institute, North-Caucasus Federal Universiry (Stavropol) / kukyns@mail.ru

УДК 347.412.4

А. В. Захаркина

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАКУЛЬТАТИВНЫХ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ[1]

Правовое регулирование «классических» институтов частного права существенно отличается в страновом аспекте, что предопределяет необходимость сравнительно-правового изучения с целью совершенствования отечественного гражданского законодательства. Факультативные и альтернативные обязательства, получившие обстоятельное правовое регулирование в нормах ГК РФ в результате широкомасштабной реформы обязательственного права, нуждаются в компетентной научно-практической оценке с учетом опыта их правовой регламентации в зарубежных правопорядках. Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что на базе раскрытых в работе новых теоретических положений и новелл отечественного законодательства, разработаны новые конструктивные положения формирующейся цивилистической теории факультативных и альтернативных обязательств, позволившей сформировать комплексное представление о понятии и механизме надлежащего исполнения этих обязательств в российском и международном праве, а также в некоторых зарубежных правопорядках (Германия, Франция, Латвия, Израиль, Грузия, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Украина, Квебек, Молдова, Австрия). При этом в статье обоснован принципиально новый авторский подход к исследованию указанных обязательств в компаративном ключе – через призму четырех концепций, имеющих место в зарубежных правовопрядках: концепция подробного правового регулирования конструкции альтернативного обязательства; концепция «усеченного» правового регулирования конструкции альтернативного обязательства; концепция подробного правового регулирования конструкций альтернативного и факультативного обязательства; концепция правового регулирования конструкции альтернативного обязательства без применения указанного понятия. Итогом настоящего сравнительно-правового исследования стали авторские предложения по реформированию институтов факультативного и альтернативного обязательств в части конкретизации механизма их надлежащего исполнения, а также правовых последствий невозможности предоставления одного или нескольких исполнений.

Ключевые слова: сложные обязательства; альтернативные обязательства; факультативные обязательства; надлежащее исполнение обязательств; гражданское право.

A. Zakharkina

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION AND APPLICATION OF THE RULES ON FACULTATIVE AND ALTERNATIVE OBLIGATIONS

The legal regulation of “classical” institutions of private law differs significantly in the country aspect, which determines the need for comparative legal study in order to improve domestic civil legislation. Facultative and alternative obligations that have received extensive legal regulation in the rules of the civil code as a result of a large-scale reform of the law of obligations, need a competent scientific and practical assessment, taking into account the experience of their legal regulation in foreign legal orders. The scientific novelty of this study is that on the basis of the new theoretical provisions and novelties of the domestic legislation revealed in the work, new constructive provisions of the emerging civil law theory of facultative and alternative obligations were developed, which allowed to form a comprehensive understanding of the concept and mechanism of the proper execution of these obligations in Russian and international law, as well as in some foreign legal orders (Germany, France, Latvia, Israel, Georgia, Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan, Ukraine, Quebec, Moldova, Austria). At the same time, the article substantiates a fundamentally new author’s approach to the study of these obligations in a comparative way – through the prism of four concepts that take place in foreign legal contracts: the concept of detailed legal regulation of the construction of an alternative obligation; the concept of “truncated” legal regulation of the construction of an alternative obligation; the concept of detailed legal regulation of the structures of an alternative and facultative obligation; the concept of legal regulation of the construction of an alternative obligation without the use of this concept. The result of this comparative legal study was the author’s proposals to reform the institutions of facultative and alternative obligations in terms of specifying the

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-311-00051 мол_а «Надлежащее исполнение факультативных и альтернативных обязательств как условие повышения эффективности гражданского оборота, а также инвестиционной привлекательности российской правовой и экономической системы в свете реформирования обязательственного права Российской Федерации»

mechanism of their proper execution, as well as the legal consequences of the inability to provide one or more executions.

Key words: complex obligations; alternative obligations; facultative obligations; proper performance of obligations; civil law.

Широкомасштабная реформа обязательственного права, «точкой отсчета» которой принято считать Концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее – Концепция) [22], коснулась, в том числе и таких сложных обязательств, как альтернативные и факультативные.

Интересно при этом отметить, что еще в 2005 г. депутатом Государственной Думы ФС РФ С. А. Капковым был внесен в ГД ФС законопроект [27], предполагающий более детальное правовое регулирование альтернативных обязательств. При этом в пояснительной записке к указанному законопроекту отмечалось, что цель законопроекта – устранение недостатков действующей редакции статьи 320 части первой ГК РФ, детализация регулирования осуществления права выбора в альтернативном обязательстве. В числе недостатков действующей редакции ст. 320 ГК РФ были указаны следующие: перечисление в ст. 320 не всех случаев альтернативных обязательств, а только тех, которые заключаются в совершении одного из нескольких действий; отсутствие законодательного регулирования специфических особенностей альтернативного обязательства, связанных с осуществлением права выбора. Однако по неизвестным причинам законопроект был отозван автором и в этой связи снят с рассмотрения ГД ФС РФ [29].

В Концепции, в частности, отмечалось, что в главу 21 ГК РФ «следовало бы включить нормы об альтернативных и факультативных обязательствах», что впоследствии и было сделано законодателем. В результате принятия Федерального закона от 08.03.2015 №42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [30] в ГК РФ появились две статьи, специально посвященные альтернативному обязательству (ст. 308.1, 320 ГК РФ), и две статьи, направленные на регулирование факультативного обязательства (ст. 308.2, 320.1 ГК РФ). Структурно новые нормы расположились в главе 21 «Понятие обязательства» и главе 22 «Исполнение обязательств», что соответствует пандектной системе российского гражданского законодательства и адекватно отражает сущность соответствующих правовых норм.

Реформирование норм об альтернативных обязательствах и позитивация института факультативного обязательства вызвали большой научный интерес со стороны представителей цивилистической науки [17, 18]. Значительная часть публикаций по данной тематике принадлежит и автору настоящего исследования [19, 20, 21].

Сравнительно-правовое исследование факультативных и альтернативных обязательств встречается только в двух научных работах [23, 25], авторство, одной из которых принадлежит автору настоящей статьи. Однако обе научные статьи датируются 2014 годом, т.е. подготовлены до реформы обязательственного права и не учитывают обновленную редакцию ГК РФ. Поэтому данное исследование, безусловно, является актуальным и необходимым для дальнейшего реформирования гражданского законодательства в части правового регулирования факультативных и альтернативных обязательств.

Прежде чем переходить к сравнительно-правовому анализу российского и зарубежного гражданского законодательства в этой сфере, хотелось бы уделить внимание результатам реформы обязательственного права в части позитивации норм об альтернативных и факультативных обязательствах.

В соответствии со ст. 308.1 и 320 ГК РФ, правовое регулирование альтернативных обязательств (далее – а.о., альтернативные обязательства) сводится к следующим основным правилам: (1) а.о. – это обязательство, в котором должник обязан совершить одно из двух или более действий; (2) право выбора в а.о. принадлежит должнику, однако по условиям обязательства право выбора может быть предоставлено кредитору или третьему лицу; (3) с момента совершения выбора а.о. трансформируется в простое однопредметное обязательство; (4) в случае просрочки осуществления выбора лицом, которому такое право предоставлено, право выбора переходит к противоположной стороне соответственно.

Анализ ст. 308.2 и 320.1 ГК РФ позволяет в сконцентрированном виде воспроизвести созданное отечественным законодателем правовое регулирование для факультативных обязательств (далее – ф.о., факультативное обязательство): (1) ф.о. – это обязательство, в котором должник вправе заменить основное исполнение факультативным, заранее предусмотренным условиями обязательства; (2) предоставление и основного, и факультативного исполнений следует считать надлежащим исполнением; (3) кредитор вправе потребовать от должника предоставления только основного исполнения, даже если должник находится в просрочке; (4) если в обязательстве предусмотрены два или несколько действий, то презюмируется, что это обязательство является а.о.

На наш взгляд, при положительной оценке реформы гражданского законодательстве в части позитивации норм о факультативных и альтернативных обязательствах, требуется дальнейшее совершенствование норм об этих видах сложных обязательств с результатов применения этих норм в судебно-арбитражной практике, а также опыта правового регулирования указанных институтов в международном праве и зарубежных правопорядках.

Поскольку факультативные и альтернативные обязательства встречаются не только в зарубежных гражданских законодательствах, но и в некоторых (правда, немногочисленных) актах международного права, предлагаем начать именно с них.

Весьма лаконичная норма, посвященная альтернативному обязательству, содержится в Модельном Гражданском кодексе СНГ [2]: «Должнику, обязанному совершить одно из двух или нескольких действий, принадлежит право выбора, если из договора, законодательства, обычаев делового оборота или существа обязательства не вытекает иное».

Интересно отметить, что упоминание альтернативного обязательства содержится и в Модельном кодексе о недрах и недропользовании для государств-участников СНГ [24]. Так, в п. 4 ст. 174 этого акта указано правило следующего содержания: «в отношении отдельных объектов недвижимости, сооруженных на земельном участке в пределах горного отвода и предназначенных для целей, не связанных с пользованием недрами, может быть установлена реальная повинность. Установленная реальная повинность создает альтернативное обязательство». При этом интересно подчеркнуть, что в 1996 г. в Российской Федерации был разработан Проект Федерального закона №96028936-2 «О реальных повинностях» [28]. Согласно Проекту, владелец юридического титула должен либо нести реальную повинность в натуре, либо по своему выбору уплачивать стоимость такой повинности. Однако Проект так и не был принят.

Что касается термина «факультативные обязательства», то среди международных правовых актов он встречается лишь в Словаре юридической терминологии для государств-участников МПА СНГ [26].

Изучив гражданские законодательства более десяти случайно выбранных стран, автор настоящего исследования позволил себе условно классифицировать законодательные подходы, используемые в зарубежных правопорядках к правовому регулированию факультативных и альтернативных обязательств, на четыре концепции, названные в авторской интерпретации следующим образом: концепция подробного правового регулирования конструкции альтернативного обязательства; концепция «усеченного» правового регулирования конструкции альтернативного обязательства; концепция подробного правового регулирования конструкций альтернативного и факультативного обязательства; концепция правового регулирования конструкции альтернативного обязательства без применения указанного понятия. Предлагаем перейти к их последовательному анализу.

Концепция подробного правового регулирования конструкции альтернативного обязательства. Переходя собственно к сравнительно-правовому исследованию, обратимся к §262 Гражданского уложения Германии (далее – ГГУ) [16], который специально посвящен альтернативному обязательству: в нем отсутствует легальная дефиниция этого понятия, однако содержатся правила его надлежащего исполнения. Так, отмечается, что «Если по обязательству предоставить то или иное исполнение надлежит предоставить только одно из них, то право выбора принадлежит должнику, поскольку не доказано иное». Кроме §262 ГГУ, исполнению альтернативного обязательства посвящен и § 263 «Осуществление права выбора; последствия». В этом параграфе содержится две нормы: первая из них содержит порядок совершения выбора (таковым является – «заявление другой стороне»), вторая же – трансформацию альтернативного обязательства из сложного в простое после совершения выбора (избранное исполнение признается, как единственное исполнение, изначально обязывающее должника).

В §264 «Просрочка лица, правомочного совершить выбор» содержится весьма интересная норма. Для ее правильного понимания мы приведем ее содержание: «Если должник, имеющий право выбора, не воспользуется выбором до начала принудительного исполнения, кредитор может в порядке такого исполнения добиться по своему выбору того либо другого исполнения; однако пока кредитор полностью или частично не получил избранное исполнение, должник может освободиться от обязательства, предоставив иное предусмотренное исполнение». Думается, что рассмотренное нормативное установление требует дополнительных комментариев. Так, согласно ГГУ, должник обязан осуществить выбор «до начала принудительного исполнения». Если он этого не сделает, то выбор переходит к кредитору. В целом рассмотренные правила совпадают с российскими нормами гражданского законодательства, посвященными исполнению альтернативного обязательства. Однако комментируя далее § 264 ГГУ, мы сталкиваемся с весьма нетипичной формулировкой: «однако пока кредитор полностью или частично не получил избранное исполнение, должник может освободиться от обязательства, предоставив иное предусмотренное исполнение». Получается, что сделанный кредитором в случае просрочки должника выбор не является окончательным и может быть изменен действиями должника. Из этого напрашивается вывод о безусловном праве должника на осуществление выбора, что не характерно для российского гражданского права в этой сфере.

В то же время правила ч. 2 этого же §264 ГГУ, направленные на регулирование просрочки в осуществлении выбора со стороны кредитора, совпадают с аналогичными нормами российского законодательства.

Наконец, §265 ГГУ, именуемый «Невозможность исполнения по выбору», описывает ситуацию, при которой одно из исполнений стало невозможным по обстоятельствам, за которые не отвечает ни одна из сторон, и по обстоятельствам, за которые несет ответственность сторона, обладающая правом выбора. В первой ситу-

ации речь идет о так называемой «безвиновной» невозможности, поэтому для нее предусмотрены в некотором роде «классические» для гражданского права последствия: «обязательство ограничивается другими способами исполнения». Вторая же ситуация, напротив, не предполагает подобные ограничения. Думается, что наличие правил, специально посвященных правовым последствиям невозможности исполнения, значительно упрощает правоприменение и обеспечивает прозрачность правового регулирования соответствующих видов обязательств. По этой причине российскому законодателю следовало бы включить в ГК РФ аналогичные нормы.

Правил о факультативных обязательствах в ГГУ мы не обнаружили.

Переходя к Гражданскому кодексу Франции (Кодексу Наполеона) (далее – ФГК) [14], обратимся к анализу его III Раздела, именуемого «Об альтернативных обязательствах». Оценка ст. ст. 1189–1196 ФГК позволяет нам, интерпретировав все содержащиеся в этих статьях нормы, сформулировать в сконцентрированном виде правила об альтернативных обязательствах: (1) а.о. прекращается путем предоставления одного из двух исполнений; (2) по общему правилу, право выбора – у должника, но может быть и у кредитора; (3) не считается надлежащим исполнением предоставление части одной вещи и части другой; (4) если одна из двух вещей не может быть предметом обязательства, то а.о. считается простым обязательством; (5) а.о. трансформируется в простое однообъектное обязательство в случае гибели одного из двух предметов исполнения, даже в том случае, если имела место виновная гибель вещи, ее денежный эквивалент не выплачивается; (6) если обе вещи, составляющие предмет обязательства погибнут, при этом должник будет виноват в гибели одной из этих вещей, то за должником закрепляется обязанность уплатить стоимость вещи, которая погибла последней; (7) если в а.о., в котором право выбора было предоставлено кредитору, погибнет один из двух предметов исполнения, вследствие обстоятельств, за которые не отвечает должник, то кредитор может потребовать от него только оставшееся исполнение; (8) если в а.о., в котором не допущена просрочка должника, управомоченного совершить выбор, погибают обе вещи без вины последнего, то обязательство прекращается невозможностью исполнения; (9) все вышеперечисленные правила актуальны и в том случае, если в а.о. более двух предметов исполнения. Удивляет подробность правового регулирования института альтернативного обязательства. Так, в отличие от российского гражданского законодательства, французское предусматривает запрет частичного предоставления части одного и части второго предоставления. Полагаем, что подобные правила могли бы стать частью российского обязательственного права.

Термин «факультативные обязательства» в ФГК также отсутствует.

Обратимся к изучению Гражданского кодекса Латвийской Республики [8]. Нормы, касающиеся альтернативных обязательств, сосредоточены в нем во втором подразделе части четвертой, именуемом «Предмет юридических сделок» (ст. ст. 1419–1424). Итак, указанные нормы содержат следующие правила: (1) право выбора предмета исполнения может быть закреплено как за должником, так и за кредитором; (2) по общему правилу, право выбора может быть реализовано лишь единожды; (3) должник может реализовать свое право выбора до исполнения обязательства, а кредитор еще и при предъявлении иска; (4) случайная гибель обоих предметов исполнения прекращает обязательство (но, что интересно, за должником закрепляется право требовать от кредитора исполнения им встречного предоставления); (5) случайная гибель только одного из двух предметов предоставляет должнику право выбора из оставшегося предмета либо стоимости утраченного; (6) случайная гибель только одного из двух предметов а.о., в котором право выбора принадлежало кредитору, превращает а.о. в однопредметное обязательство без права выбора; (7) в случае виновной гибели одного из двух предметов исполнения по вине противной стороны лицо, обладающее правом выбора, может осуществить выбор между оставшимся предметом и стоимостью погибшего; (8) в случае виновной гибели обоих предметов исполнения по вине противной стороны лицо, обладающее правом выбора, может выбрать вознаграждение за один или другой предмет исполнения; (9) в случае виновной гибели одного или обоих предметов исполнения по вине лица, обладающего правом выбора, последнее утрачивает такое право; (10) в последнем случае при гибели всех предметов исполнения противная сторона сама выбирает, за какое исполнение она желает получить вознаграждение; (11) если в указанных выше случаях гибели предметов исполнения виновен кредитор, то ему надлежит, кроме основного исполнения, возместить должнику убытки.

Гражданское законодательство Латвийской Республики также приятно удивляет подробностью правового регулирования альтернативных обязательств, особенно в части определения последствий безвиновной и виновной гибели предметов исполнения. Думается, что аналогичные нормы должны быть имплементированы в российское частное право. Обращает на себя внимание и правило о «безотзывности» выбора: право выбора может быть реализовано лишь единожды.

К числу зарубежных актов, регулирующих институт альтернативного обязательства, использующих этот термин в тексте нормативного акта и при этом не знающих институт факультативного обязательства, относится и Закон о договорах Израиля 1973 г. [15]. В ст. 51 этого закона, которая получила название «Выбор в отношении альтернативных обязательств», указаны следующие правила: (1) по общему правилу, выбор в а.о. принадлежит должнику, который его осуществляет

путем направления кредитору извещения в срок, предусмотренный для этого договором, или в разумный срок; (2) при не направлении подобного извещения, право выбора переходит к кредитору; (3) аналогичные правила установлены для ситуации, при которой лицом, обладающим правом выбора, определен кредитор.

Нам весьма импонирует правило о форме совершения выбора – «путем направления контрагенту извещения». Указанное правило также могло бы улучшить российское гражданское законодательство в части надлежащего исполнения альтернативных обязательств и облегчить правоприменение.

Как нами было уже отмечено раннее, Закон о договорах Израиля 1973 г. не содержит такого понятия, как «факультативное обязательство», однако указанный акт регулирует смежный по отношению к этому обязательству институт – «замену исполнения в натуре», который, однако, нельзя отождествлять с факультативным обязательством. Замена исполнения в натуре предполагает ситуацию, при которой исполнение обязательства в натуре стало невозможным, что породило право должника требовать от третьего лица денежной компенсации.

Знает конструкцию альтернативного обязательства и Гражданский кодекс Грузии [5], в котором ему посвящены ст. ст. 374–377. Грузинский законодатель предусмотрел следующие правила, направленные на правовое регулирование альтернативного обязательства: (1) а.о. – это обязательство, в котором из нескольких обязательств должно быть исполнено одно; (2) субъектом права выбора является должник, если иное не предусмотрено соглашением сторон; (3) выбор делается посредством заявления либо непосредственного исполнения; (4) если в обязательстве присутствуют более двух исполнений, оно тоже признается а.о.

Аналогичное правовое регулирование института альтернативного обязательства встречается в Гражданском кодексе Азербайджанской Республики (ст. 434) [3]. Интересно обратить внимание на ст. 435 ГК Азербайджанской Республики, которая получила наименование «Право кредитора на принятие другого исполнения». В этой весьма лаконичной статье указывается, что кредитор имеет право принять другое исполнение, предусмотренное договором, но не обязан делать этого (*выделено авт. – З. А.*). Можно лишь предположить, что указанная конструкция есть «факультативное обязательство с правом замены по решению кредитора».

Концепция «усеченного» правового регулирования конструкции альтернативного обязательства. Под «усеченным» правовым регулированием конструкции альтернативного обязательства мы условно понимаем поверхностное регулирование данного обязательства, сводящееся, как правило, только к тому, что право выбора в а.о. принадлежит должнику. Такой подход был воспринят, прежде всего, отечественным законодателем до внесения изменений в результате принятия Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [30].

Вероятно, правило об альтернативном обязательстве «перекочевало» в неизменном виде и в гражданские законодательства некоторых стран СНГ. К примеру, правило, аналогичное раннее действующей ст. 320 ГК РФ, содержится в ст. 301 Гражданского кодекса Республики Беларусь [9]. Точно такое же правило встречаем и в ст. 285 Гражданского кодекса Республики Казахстан [10]. Интересно при этом отметить, что в комментариях [11] к ст. 285 ГК Республики Казахстан обращается внимание на существование факультативных обязательств, которые не упомянуты в ст. 285 ГК Республики Казахстан. Причем автор комментария к этой статье – М. К. Сулейменов приводит примеры а.о. и ф.о.: так, альтернативным следует признать обязательство, в котором продавец вправе отгрузить товар или железнодорожным, или автомобильным транспортом, а покупатель вправе оплатить товар наличными деньгами или векселем. Здесь, на наш взгляд, происходит некорректное отождествление альтернативного предмета исполнения и альтернативного способа исполнения. Что касается факультативного обязательства, то М. К. Сулейменов в качестве примера моделирует классическую ситуацию с завещательным отказом: наследодатель завещает сыну все имущество с возложением на него обязанности передать другому сыну наследодателя мотоцикл, который, однако, может быть заменен деньгами.

Точно такая же ситуация с правовым регулированием альтернативных обязательств наблюдается в Гражданском кодексе Украины. В нем содержится ст. 539, которая дублирует положения ранее действовавшей ст. 320 ГК РФ. Однако, что не может не вызывать удивления и восхищения, в комментарии к этой статье отмечается, что в зависимости от определенности предмета обязательства последние делятся на конкретно определенные, альтернативные и факультативные. Автор комментария – Н. Ю. Голубева – обращает внимание на то, что факультативным является такое обязательство, в котором должник обязан предоставить основное исполнение, однако вправе заменить его факультативным исполнением, если основное исполнение стало невозможным [13, с. 584]. Думается, что автор некорректно истолковывает действительную сущность конструкции факультативного обязательства, в котором должник вправе при любых обстоятельствах заменить основное исполнение факультативным.

Н. Ю. Голубева, размышляя далее об отличительных чертах а.о. и ф.о., приходит к весьма странному выводу: «гибель основного предмета в факультативном обязательстве ведет к прекращению обязательства в целом». Получается, что невозможность предоставления основного исполнения позволяет должнику предоставить факультативное исполнение, а гибель основно-

го исполнения – прекращает факультативное обязательство. В чем же тогда принципиальное отличие между невозможностью исполнения и гибелью основного исполнения? На наш взгляд, при таком подходе утрачивается функциональное назначение факультативных обязательств. Однако не вдаваясь в полемику, отметим, что несмотря на отсутствие правовой регуляции факультативных обязательств в украинском гражданском законодательстве, зарубежные коллеги знают об этих конструкциях и рассуждают о них.

Заметим, что сделанное нами предположение об идентичности гражданских законодательств стран СНГ, не абсолютно: так, в Гражданском кодексе Кыргызской Республики [7] правил об альтернативных или тем более факультативных обязательствах нет.

Концепция подробного правового регулирования конструкций альтернативного и факультативного обязательства. Следующим зарубежным нормативным актом, который мы проанализируем, будет Гражданский кодекс Квебека [6]. По вопросу правового регулирования альтернативных обязательств, этот нормативный правовой акт сделал большой шаг вперед в сравнении со многими зарубежными правопорядками, детально урегулировав весь механизм исполнения этих обязательств. Так, правила об альтернативных обязательствах сосредоточены в §2 «Об обязательстве с множественностью предмета» в рамках Отдела II «О сложном обязательстве». В сконцентрированном виде правила об а.о. сводятся к следующим положениям: (1) в а.о. два основных предоставления, одно из которых должник исполняет; (2) если в момент возникновения а.о. одно из предоставлений не могло составлять предмет обязательства, то такое обязательство не считается а.о.; (3) по общему правилу, право выбора принадлежит должнику; (4) по соглашению сторон, право выбора может быть предоставлено кредитору; (5) лицо, управомоченное на совершение выбора и находящееся в просрочке, утрачивает такое право, а выбор переходит к другой стороне соответственно; (6) недопустимо предоставлять часть одного и часть другого исполнения; (7) если предоставление одного из двух исполнений становится невозможным, то должник обязан предоставить оставшееся возможное предоставление; (8) если становится невозможным предоставление обоих исполнений и вина за это лежит на должнике, то в таком случае он отвечает перед кредитором в рамках стоимости последнего возможного предоставления; (9) если в а.о., в котором право выбора принадлежит кредитору, одно из двух исполнений становится невозможным, то кредитор обязан принять оставшееся исполнение в качестве надлежащего исполнения; (10) исключением из предыдущего правила является ситуация, при которой невозможность предоставления одного из двух исполнений возникла вследствие обстоятельств, за которые отвечает должник: в таком случае кредитор наделяется правом выбора – потребовать либо оставшееся исполнение, либо компенсировать ущерб, причиненный вследствие утраты второго предмета исполнения; (11) если, как и в выше указанном пункте, исполнение обоих из двух предоставлений становится невозможным вследствие вины должника, то кредитор вправе потребовать возмещения ущерба в рамках стоимости одного либо второго предмета исполнения по своему выбору; (12) если наступает случайная невозможность исполнения а.о. вследствие гибели всех предметов исполнения, то такое а.о. прекращается; (13) а.о. может включать более двух предметов исполнений.

Что примечательно, Гражданский кодекс Квебека содержит правовое регулирование и факультативных обязательств. Так, «под факультативным понимается обязательство, предметом которого является только одно основное предоставление, от которого должник, однако, вправе освободиться. осуществив иное предоставление. При этом должник освобождается при условии невозможности осуществления основного предоставления, наступившей без его вины».

К условно названной нами концепции правового регулирования конструкций альтернативного и факультативного обязательства относится и Гражданский кодекс Республики Молдова [12]. В нем нормы об этих видах обязательств содержатся в части 4, получившей наименование «Альтернативные и факультативные обязательства». Правовое регулирование альтернативных обязательств следует признать весьма подробным, что, как мы уже выяснили, характерно для многих зарубежных правопорядков, признающих данную правовую конструкцию. Так, в ст. ст. 550–554 ГК Республики Молдова содержатся правила, посвященные понятию а.о., праву выбора исполнения, запрету частичных исполнений, последствиям невозможности исполнения в случае, когда выбор принадлежит должнику, а также последствиям невозможности исполнения в случае, когда выбор принадлежит кредитору.

Факультативным обязательствам (далее – ф.о.) в ГК Республики Молдова посвящена лишь одна статья, которая дает легальное определение понятия «факультативные обязательства», а также устанавливает правило, в соответствии с которым ф.о. прекращается, если предоставление основного исполнения стало невозможным вследствие обстоятельств, за которые не отвечает должник.

Концепция правового регулирования конструкции альтернативного обязательства без применения указанного понятия. Правило, напоминающее конструкцию альтернативного обязательства, содержалось в Гражданском кодексе Восточной Галиции 1797 г. [4]: «43. Если договор может быть исполнен не одним, а несколькими способами, пусть у должника будет свободный выбор в отношении способа. Если выбор уже один раз сделан, то пусть выбирающему не будет разрешено отступить от него самостоятельно и по собственной воле».

Аналогичные нормы содержатся в §906 Всеобщего гражданского кодекса Австрии [1]: термин «альтернативное обязательство» в нем также не употребляется, а соответствующие нормы упоминаются в контексте способа исполнения обязательства. Приведем текст этой нормы: «(1) Если обязательство может быть исполнено несколькими способами, то право выбора способа исполнения остается за должником. Однако по одному лишь своему произволу он не может отклониться от уже избранного способа исполнения обязательства. (2) Если право выбора способа исполнения обязательства имеет кредитор и кредитор просрочивает с его выбором, то должник может вместо кредитора выбрать способ исполнения обязательства. Если он выбирает способ исполнения обязательства вместо кредитора, он должен уведомить об этом кредитора и одновременно установить ему соразмерный срок для выбора другого способа исполнения обязательства. Если кредитор не выбирает другого способа исполнения обязательства, то в силу вступает способ исполнения обязательства, выбранный должником. В любом случае должник имеет право на возмещение вреда». Таким образом, мы наблюдаем смешение альтернативности предмета исполнения и способа исполнения, что в целом не характерно для российского гражданского права в этой сфере. Возможно, речь идет лишь о разности терминологического обозначения, но не содержания соответствующих норм.

Кроме процитированных правил, Всеобщий гражданский кодекс Австрии содержит норму §907, которая специально посвящена последствиям гибели одного или нескольких предметов, которые должны были быть избраны в качестве способа исполнения: если гибель случайная, то обязательство прекращается, а если она вызвана виновными действиями должника, то он должен отвечать перед кредитором за срыв выбора способа исполнения обязательства.

Резюмируя вышеизложенное, подведем итоги настоящего исследования.

(1) Международное законодательство признает существование альтернативных и факультативных обязательств: термин а.о. встречается в Модельном Гражданском кодексе СНГ и Модельном кодексе о недрах и недропользовании для государств-участников СНГ, термин ф.о. – Словаре юридической терминологии для государств-участников МПА СНГ.

(2) Модели правового регулирования институтов а.о. и ф.о. в зарубежных правопорядках условно классифицированы на четыре вида: концепция подробного правового регулирования конструкции альтернативного обязательства (Германия, Франция, Латвия, Израиль, Грузия, Азербайджан); концепция «усеченного» правового регулирования конструкции альтернативного обязательства (Беларусь, Казахстан, Украина); концепция подробного правового регулирования конструкций альтернативного и факультативного обязательства (Квебек, Молдова); концепция правового регулирования конструкции альтернативного обязательства без применения указанного понятия (Австрия).

(3) Компаративный анализ российского и зарубежного гражданского законодательства позволил выделить следующие отличительные черты зарубежных правопорядков в исследуемой сфере:

– ГГУ предусматривает безусловное право должника на осуществление выбора: пока кредитор полностью или частично не получил избранное исполнение, должник может освободиться от обязательства, предоставив иное предусмотренное исполнение;

– в ФГК установлен запрет предоставления части одного и части второго исполнения, предусмотренных условиями а.о.;

– ГК Латвийской Республики содержит норму о «безотзывности» выбора: право выбора может быть реализовано лишь единожды;

– Закон о договорах Израиля 1973 г. предусматривает форму совершения выбора – «путем направления контрагенту извещения»;

– ГК Азербайджанской Республики содержит нетипичную конструкцию, названную нами «факультативное обязательство с правом замены по решению кредитора»;

– ГК Республики Беларусь, ГК Республики Казахстан и ГК Украины содержат статью, посвященную а.о., аналогичную по своему содержанию раннее действовавшей редакции ст. 320 ГК РФ

– ГК Кыргызской Республики не содержит правил об альтернативных или тем более факультативных обязательствах;

– ГК Квебека содержит максимально подробное регулирование последствий невозможности предоставления одного из двух исполнений и обоих исполнений, возникшей по вине должника или случайно;

– Всеобщий гражданский кодекс Австрии, как и раннее действовавший ГК Восточной Галиции 1797 г., не упоминает термин «а.о.», но фактически регулирует правоотношения, возникающие из а.о., используя вместо альтернативности предметов исполнения, словоупотребление альтернативность «способов исполнения».

(4) На основе проведенного сравнительно-правового исследования предлагаем внести следующие изменения в российское гражданское право в части регулирования институтов альтернативного и факультативного обязательств.

– Изложить п. 2 ст. 308.1 ГК РФ в следующей редакции: «Выбор осуществляется путем направления другой стороне обязательства извещения в срок, предусмотренный для этого законом, иными правовыми актами, договором или в разумный срок. Право выбора может быть реализовано лишь единожды. С момента, когда должник (кредитор, третье лицо) осуществил выбор, обязательство перестает быть альтернативным. После осуществления выбора презюмируется, что обязательство состояло из выбранного исполнения с момента возникновения».

– Изложить ст. 308.2 ГК РФ в следующей редакции: «Факультативным признается обязатель-

ство, по которому должнику предоставляется право заменить основное исполнение другим (факультативным) исполнением, предусмотренным условиями обязательства. В случае, если должник осуществляет свое право на замену исполнения, предусмотренного условиями обязательства, кредитор обязан принять от должника соответствующее исполнение по обязательству, в том числе в случае просрочки должника».

– Дополнить ст. 311 ГК РФ нормой следующего содержания: «Не допускается исполнение частично одного и частично другого исполнения в альтернативных и факультативных обязательствах».

– Дополнить ст. 320 ГК РФ пунктом третьим следующего содержания: «Если право выбора по альтернативному обязательству предоставлено должнику, а осуществить одно из предоставлений становится невозможным, в том числе по его вине, то должник обязан предоставить оставшееся предоставление.

Если в таком же случае осуществление обоих предоставлений становится невозможным по вине должника, то он несет перед кредитором ответственность в пределах стоимости последнего оставшегося предоставления».

– Дополнить ст. 320 ГК РФ пунктом четвертым следующего содержания: «Если право выбора по альтернативному обязательству предоставлено кредитору или третьему лицу, а осуществить одно из предоставлений становится невозможным, то кредитор обязан принять оставшееся предоставление, за исключением случая, когда невозможность исполнения возникла по вине должника, и в таком случае кредитор вправе потребовать по своему выбору либо предоставления оставшегося исполнения, либо возмещения ущерба, вызванного невозможностью предоставления утраченного исполнения.

Если в таком же случае осуществление обоих предоставлений становится невозможным по вине должника, то кредитор вправе потребовать возмещения ущерба, вызванного невозможностью предоставления одного или другого исполнения».

– Признать п. 2 ст. 320.1 ГК РФ утратившим силу.

– Дополнить ст. 320.1 ГК РФ правилом следующего содержания: «Невозможность предоставления основного исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает, прекращает обязательство

Если в таком же случае предоставление основного исполнения становится невозможным по вине должника, то он вправе предоставить факультативное исполнение».

Литература

1. Всеобщий гражданский кодекс Австрии / пер. с нем. Маслов С. С. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 272 с.

2. Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств. Часть первая: принят в г. Санкт-Петербурге 29.10.1994 на 5-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1995. №6. С.3–192.

3. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики. Баку: Юрид. лит., 2011. 746 с.

4. Гражданский кодекс Восточной Галиции 1979 г. / пер. с лат. А. Гужвы; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут; Одесса, 2013. 536 с.

5. Гражданский кодекс Грузии / пер. с груз. И. Мериджанашвили, И. Чиковани. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 750 с.

6. Гражданский кодекс Квебека. М.: Статут, 1999. 472 с.

7. Гражданский кодекс Кыргызской Республики. Бишкек: Академия, 2009. 208 с.

8. Гражданский кодекс Латвийской Республики / пер. с латыш. И. Алфеевой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 830 с.

9. Гражданский кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 1059 с.

10. Гражданский кодекс Республики Казахстан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 1029 с.

11. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (посттаейный). В 2 кн. 3- изд., испр. и доп., с использованием судебной практики / отв. ред. М.К. Сулейменов. Кн. 2. Алматы, 2007. 432 с.

12. Гражданский кодекс Республики Молдова: с последними изменениями и дополнениями. Кишинев: Lavilat Info, 2013. 256 с.

13. Гражданский кодекс Украины: научно-практический комментарий. Издание четвертое, дополненное и переработанное / под ред. д.ю.н., проф. Е.О. Харитонова. Харьков: ООО «Одиссей», 2007. 1280 с.

14. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592.

15. Гражданское законодательство Израиля / пер. с иврита М. С. Хейфец. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 633 с.

16. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII–XIX, 1–715.

17. Дзкуя Ш. В. Факультативное обязательство и отступное: проблемы правоприменения // Право и экономика. 2017. №9. С. 46–50.

18. Ерохина М. Г., Белая О. В. Альтернативные обязательства и изменение условий кредитного договора // Юрист. 2015. №21. С. 38–41.

19. Захаркина А. В. Надлежащее исполнение альтернативных обязательств на новой нормативной платформе в условиях цифровой экономики Российской Федерации // Право и экономика. 2018. №10. С.41–47.

20. Захаркина А. В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Статут, 2017. 176 с.

21. Захаркина А. В. Факультативные обязательства: правопонимание и правоприменение спустя три года после реформации обязательственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. №9. С. 50–55.

22. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. №11. 2009.

23. Логинова Т. Е., Захаркина А. В. Факультативные и альтернативные обязательства в праве РФ и зарубежных правопорядках: сравнительно-правовое исследование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №1. С. 125–132.

24. Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств-участников СНГ: принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 Постановлением 20-8 на 20-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2003. №30 (Часть 2). С. 5–218.

25. Музыка Т. А. Механизм исполнения альтернативного обязательства (анализ законодательства и правоприменительной практики стран СНГ, ЕС и других стран) // Проблемы законности. 2014. №126. С. 65–72.

26. Постановление № 38-23 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Словаре юридической терминологии для государств-участников МПА СНГ» (Принято в г. Санкт-Петербурге 23.11.2012) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2013. №57 (Часть 2). С. 198–287.

27. Проект Федерального закона №249566-4 «О внесении изменения в статью 320 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.12.2005) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 07.08.2019 г.).

28. Проект Федерального закона №96028936-2 «О реальных повинностях» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.06.1996) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 07.08.2019 г.).

29. Протокол заседания Совета ГД ФС РФ от 11.05.2006 № 157 «О проекте Федерального закона № 249566-4 «О внесении изменения в статью 320 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 07.08.2019 г.).

30. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. №10. Ст.1412.

References

1. Vseobshhij grazhdanskij kodeks Avstrii / per. s nem. Maslov S. S. *(General civil code of Austria)*. Moscow: Infotropik Media pub., 2011. 272 p. (In Russian).

2. Grazhdanskij kodeks. Model'. Rekomendatel'nyj zakonodatel'nyj akt Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. Chast' pervaja: prinjat v g. Sankt-Peterburge 29.10.1994 na 5-om plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG *(Civil code. Model. Recommendatory legislation of the Commonwealth of Independent States)* // Prilozhenie k Informacionnomu bjulletenju. Mezhparlamentskaja Assambleja gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. 1995. No.6. P. 3–192. (In Russian).

3. Grazhdanskij kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki *(Civil code of the Republic of Azerbaijan).* Baku: Juridichekay literatura publ., 2011. 746 p. (In Russian).

4. Grazhdanskij kodeks Vostochnoj Galicii 1979 g. / tranlated by A. Guzhvy; ed. by O. Kutateladze, V. Zubarja. *(Civil code of Eastern Galicia 1979).* Moscow: Statut; Odessa publ., 2013. 536 p. (In Russian).

5. Grazhdanskij kodeks Gruzii *(Civil code of Georgia)* / tnalated by I. Meridzhanashvili, I. Chikovani. St.Petersburg: Jurid. centr Press publ., 2002. 750 p. (In Russian).

6. Grazhdanskij kodeks Kvebeka. *(The civil code of Quebec).* Moscow: Statut publ, 1999. 472 p. (In Russian).

7. Grazhdanskij kodeks Kyrgyzskoj Respubliki. *(The civil code of the Kyrgyz Republic).* Bishkek: Akademija, 2009. 208 p. (In Russian).

8. Grazhdanskij kodeks Latvijskoj Respubliki / Per. s latysh. I. Alfeevoj. *(Civil code of the Republic of Latvia)*. St.Petersburg: Jurid. centr Press publ., 2001. 830 p. (In Russian).

9. Grazhdanskij kodeks Respubliki Belarus'. *(The civil code of the Republic of Belarus).* St.Petersburg: Jurid. centr Press publ., 2003. 1059 p. (In Russian).

10. Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan. *(The civil code of the Republic of Kazakhstan).* SPb.: Jurid. centr Press, 2002. 1029 p. (In Russian).

11. Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast'). Kommentarij (posttaejnyj) *(The civil code of the Republic of Kazakhstan (General part). Comment (post)).* In 2 Books. Kn. 2. / eb by M.K. Sulejmenov. Almaty, 2007. 432 p. (In Russian).

12. Grazhdanskij kodeks Respubliki Moldova: s poslednimi izmenenijami i dopolnenijami. *(Civil code of the Republic of Moldova: with the latest amendments and additions).* Kishinev: Lavilat Info, 2013. 256 p. (In Russian).

13. Grazhdanskij kodeks Ukrainy: nauchno-prakticheskij kommentarij. Izdanie chetvertoe, dopolnennoe i pererabotannoe *(Civil code of the Ukraine: scientific and practical commentary. Fourth edition, revised and supplemented)* / ed by E. O. Haritonov. Har'kov: OOO «Odissej» publ., 2007. 1280 p. (In Russian).

14. Grazhdanskij kodeks Francii (Kodeks Napoleona) ot 21.03.1804 (s izm. i dop. po sostojaniju na 01.09.2011) *(French civil code (Napoleon's Code)* // Grazhdanskij kodeks Francii (Kodeks Napoleona). Moscow: Infotropik Media, 2012. P.4–592. (In Russian).

15. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo Izrailja *(The civil law of Israel)* / translated M. S. Hejfec. St.Petersburg: Jurid. centr Press publ., 2003. 633 p. (In Russian).

16. Grazhdanskoe ulozhenie Germanii (GGU) ot 18.08.1896 (red. ot 02.01.2002) (s izm. i dop. po 31.03.2013) *(The Civil code of Germany)* // Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyj zakon k Grazhdanskomu ulozheniju. Moscow: Infotropik Media, 2015. P. VIII–XIX, 1–715. (In Russian).

17. Dzkuja Sh. V. Fakul'tativnoe objazatel'stvo i otstupnoe: problemy pravoprimenenija *(Facultative obligation and compensation: law enforcement)* // Pravo i jekonomika. 2017. No. 9. P. 46–50. (In Russian).

18. Erohina M. G., Belaja O. V. Al'ternativnye objazatel'stva i izmenenie uslovij kreditnogo dogovora *(Alternative obligation and the change in the terms of the credit agreement)* // Jurist. 2015. No. 21. P. 38–41. (In Russian).

19. Zakharkina A. V. Nadlezhashhee ispolnenie al'ternativnyh objazatel'stv na novoj normativnoj platforme v uslovijah cifrovoj jekonomiki Rossijskoj Federacii *(Proper performance of alternative obligations on the new regulatory platform in the digital economy of the Russian Federation)* // Pravo i jekonomika. 2018. No. 10. P. 41–47. (In Russian).

20. Zakharkina A. V. Fakul'tativnye objazatel'stva po rossijskomu grazhdanskomu pravu: monografija. *(Facultative obligations on the Russian civil law: monograph)*. Moscow: Statut, 2017. 176 p. (In Russian).

21. Zakharkina A. V. Fakul'tativnye objazatel'stva: pravoponimanie i pravoprimenenie spustja tri goda posle reformacii objazatel'stvennogo prava Rossii *(Facultative obligations: legal understanding and enforcement three years after the reformation of the law of obligations of Russia)* // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. No. 9. P. 50–55. (In Russian).

22. Koncepcija razvitija grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniju grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) *(The concept of development of the civil legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation on codification and improvement of civil legislation of 07.10.2009)* // Vestnik VAS RF. No. 11. 2009. (In Russian).

23. Loginova T. E., Zakharkina A. V. Fakul'tativnye i al'ternativnye objazatel'stva v prave RF i zarubezhnyh pravoporjadkah: sravnitel'no-pravovoe issledovanie *(Facultative and alternative obligations in the law of the Russian Federation and foreign legal orders: comparative legal research)* // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. 2014. No. 1. P. 125–132. (In Russian).

24. Model'nyj kodeks o nedrah i nedropol'zovanii dlja gosudarstv-uchastnikov SNG: prinjat v g. Sankt-Peterburge 07.12.2002 Postanovleniem 20-8 na 20-om plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG *(Model code on subsoil and subsoil use for CIS member States)* // Informacionnyj bjulleten'. Mezhparlamentskaja Assambleja gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. 2003. No. 30 (Part 2). P. 5–218. (In Russian).

25. Muzyka T. A. Mehanizm ispolnenija al'ternativnogo objazatel'stva (analiz zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noj praktiki stran SNG, ES i drugih stran) *(Mechanism of alternative obligation fulfillment (analysis of legislation and law enforcement practice of the CIS, the EU and other countries))* // Problemy zakonnosti. 2014. No. 126. P. 65–72. (In Russian).

26. Postanovlenie № 38-23 Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG «O Slovare juridicheskoj terminologii dlja gosudarstv-uchastnikov MPA SNG» (Prinjato v g. Sankt-Peterburge 23.11.2012) *(Resolution No. 38-23 of the Interparliamentary Assembly of CIS member States «On the Dictionary of legal terminology for IPA CIS member States»)* // Informacionnyj bjulleten'. Mezhparlamentskaja Assambleja gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. 2013. No. 57 (Part 2). P. 198–287. (In Russian).

27. Proekt Federal'nogo zakona № 249566-4 «O vnesenii izmenenija v stat'ju 320 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (red., vnesennaja v GD FS RF, tekst po sostojaniju na 15.12.2005) *(The draft Federal law № 249566-4 «On amendments to article 320 of part one of the Civil code of the Russian Federation»)* // Dokument opublikovan ne byl. [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (Accessed: 07.08.2019). (In Russian).

28. Proekt Federal'nogo zakona № 96028936-2 «O real'nyh povinnostjah» (red., vnesennaja v GD FS RF, tekst po sostojaniju na 17.06.1996) *(The draft Federal law № 96028936-2 «real obligations»)* // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (Accessed: 07.08.2019). (In Russian).

29. Protokol zasedanija Soveta GD FS RF ot 11.05.2006 № 157 «O proekte Federal'nogo zakona № 249566-4 «O vnesenii izmenenija v stat'ju 320 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii»» *(Minutes of the meeting of the Council of the state Duma of the Russian Federation of 11.05.2006 № 157 «On the draft Federal law № 249566-4 «On amendments to article 320 of the first part of the Civil code of the Russian Federation»)* // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus» (Accessed: 07.08.2019). (In Russian).

30. Federal'nyj zakon ot 08.03.2015 № 42-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' pervuju Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» *(Federal law of 08.03.2015 No. 42-FZ «On amendments to part one of the Civil code of the Russian Federation»)* // Sobranie zakonodatel'stva RF. 09.03.2015. No. 10. Art. 1412. (In Russian).

Сведения об авторе

Захаркина Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) / AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

Information about the author

Zakharkina Anna – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law, Perm State National Research University (Perm) / AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

УДК 344.4

С. В. Котов, Н. С. Троицкий

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА ПРИ СОВЕРШЕНИИ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Авторы подчеркивают, что наибольшие сложности в понимании и применении нормы об исполнении приказа возникают при установлении того факта, понимал ли исполнитель приказа незаконный характер последнего. Как известно, исполнение приказов имеет важный характер для функционирования государственных учреждений и организаций, изначально построенных на принципе единоначалия (армия, флот, других законные вооруженные формирования, полицейские и иные правоохранительные органы). Согласно ст. 42 УК РФ, исполнитель, отказавшийся исполнить незаконный приказ, освобождается от уголовной ответственности.

Правовые «корни» исполнения приказа как обстоятельства, исключающего преступность деяния по национальному законодательству, «кроются» в положениях международного права – прежде всего, в материалах «Нюрнбергского наследия». В Уставе Нюрнбергского трибунала и его Приговоре впервые было сформулировано общеобязательное правило о том, что исполнение преступного приказа не освобождает исполнителя от уголовной ответственности, хотя и может расцениваться в качестве основания смягчения наказание. В дальнейшем это императивное предписание было продублировано во многих ключевых актах международного права и национальном уголовном законодательстве.

Авторы отмечают, что среди таких актов международного права для России имеют силу Устав Международного трибунала по бывшей Югославии и Устав Международного трибунала по Руанде. За время функционирования международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде в их решениях были сформулированы специальные правила установления пределов уголовной ответственности за преступления, совершенные во исполнение приказа. И этот опыт должен быть использован при применении соответствующих норм национального уголовного законодательства, в частности – при применении ст. 356 УК РФ о запрещенных методах и средствах ведения войны. Данное обстоятельство очень важно в силу того, что Следственным комитетом России был инициирован ряд уголовных дел по факту совершения военных преступлений в ходе гражданского вооруженного конфликта на востоке Украины.

Исходя из решений международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, имеющих силу для России, в статье определен перечень деяний, считающихся военными преступлениями и подпадающих под сферу действия ст. 356 УК РФ, в отношении которых ссылка на исполнение приказа не может признаваться приемлемой. Преступность таких деяний всегда признается очевидной для исполнителя. Соответственно, положения ст. 42 УК РФ в ситуации совершения любого их указанных деяний не могут быть применены изначально.

Ключевые слова: исполнение приказа, военные преступления, преступления против мира и безопасности человечества, Нюрнбергский трибунал, Римский Статут Международного уголовного суда, Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде.

S. Kotov, N. Troitsky

EXECUTION OF AN ORDER IN THE COMMISSION OF WAR CRIMES: ON THE USE OF INTERNATIONAL EXPERIENCE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

The authors underline that the greatest difficulties in understanding and applying the rule on the execution of an order arise when establishing the fact that the executor of the order understood the illegal nature of the latter. As we know the execution of orders is important for the functioning of state institutions and organizations, originally built on the principle of one-man management (army, navy, other legitimate armed groups, police and other law enforcement agencies). According to article 42 of the Russian Criminal Code the performer who refused to execute the illegal order is exempted from criminal liability.

The legal «roots» of the execution of the order as a circumstance that excludes the crime of an act under national law are «rooted» in the provisions of international law – first of all, in the materials of the «Nuremberg Legacy». The Statute of the Nuremberg Tribunal and its Verdict for the first time formulated a generally binding rule that the execution of a criminal order does not exempt the performer from criminal liability, although it can be regarded as a mitigation sentence. This imperative order was later duplicated in many key documents of international law and national criminal law.

The authors note that among such acts of international law, the Charter of the International Tribunal for the Former Yugoslavia and the Charter of the International Tribunal for Rwanda are valid for Russia. During the functioning of the international tribunals for the former Yugoslavia and Rwanda, their decisions formulated special rules for establishing limits on criminal liability for crimes committed pursuant to an order. And this experience should be used in the application of the relevant norms of national criminal law, in particular – in the application of article 356 of the Russian Criminal Code on prohibited methods and means of warfare. This circumstance is very important due to the fact that

the Investigative Committee of Russia initiated a number of criminal cases on the commission of war crimes during the civil armed conflict in Eastern Ukraine.

Based on the decisions of international tribunals for the former Yugoslavia and Rwanda, which are valid for Russia, the article defines a list of acts considered war crimes and falling within the scope of article 356 of the Russian Criminal Code, in respect of which a reference to the execution of an order cannot be recognized as acceptable. The crime of such acts is always recognized as obvious to the performer. Accordingly the provisions of article 42 of the Russian Criminal Code in the situation of committing any of these acts cannot be applied initially.

Key words: execution of an order, war crimes, crimes against peace and security of mankind, Nuremberg Tribunal, Rome Statute of the International Criminal Court, International Tribunal for the Former Yugoslavia, International Tribunal for Rwanda.

Как известно, исполнение приказа (распоряжения) является одним из законодательно определенных обстоятельств, исключающих преступность деяния. Согласно положениям ст. 42 УК РФ, не является преступным причинение вреда, совершенное подчиненным лицом во исполнение обязательного для него приказа начальника. При этом исполнитель приказа не должен осознавать его незаконный характер – в этом случае ответственность за причиненный вред несет лицо, отдавшее такой приказ. Если же исполнитель приказа понимает его незаконный характер, то он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

В отечественной доктрине подробно изучены юридически значимые признаки исполнения приказа, при установлении которых исключается уголовная ответственность за причиненный вред. Классическое уголовно-правовое определение приказа было дано еще в 1950-х гг. И. И. Слуцким: «Приказ – это акт органа власти, содержащий обязательное предписание по службе лицам или гражданам» [5, с. 209]. В современной правовой литературе к признакам собственно самого приказа обычно относят следующие: 1) приказ отдается компетентным лицом (начальником, командиром) и является обязательным к исполнению подчиненным лицом; 2) он не может противоречить закону по форме и существу и предназначен для достижения законных целей; 3) соблюдены процессуальные и иные правила отдачи приказа [1, с. 178–179; 6, с. 105–106].

Наибольшие сложности в понимании и применении ст. 42 УК РФ возникают при установлении того факта, понимал ли исполнитель приказа незаконный характер последнего. По существу, речь идет о том, что лицо во исполнение обязательного для него приказа начальника (командира) объективно совершает деяние, содержащее признаки того или иного преступления – и главная юридическая сложность заключается в установлении того факта, осознавал ли исполнитель данное обстоятельство [4, с. 541]. Что особенно важно в этой связи – это наличие в уголовном законе двух предписаний о необходимости выполнить любой приказ начальника (командира).

Общеизвестно, что своевременное, четкое и полное по содержанию исполнение приказа является одной из наиболее серьезных гарантий законной и эффективной деятельности всего государственного аппарата и аппарата управления – в частности. Это требование имеет первоочередной характер для функционирования государственных учреждений и организаций, изначально построенных на принципе единоначалия – армии, флота, других законных вооруженных формирований, а также полицейских и иных правоохранительных органов. Именно по этой причине в уголовное законодательство включены нормы об ответственности за неисполнение приказа сотрудником органа внутренних дел и/или военнослужащим (статьи 2861 и 332 УК РФ). На первый взгляд, данные предписания находятся в противоречии со ст. 42 УК РФ – однако сам законодатель решает эту коллизию в пользу лица, отказывающегося исполнить незаконный приказ – такой человек не подлежит ответственности по ст. 2861 или 332 УК РФ, несмотря на обязательность приказа командира (начальника).

В отечественной доктрине уголовного права подчеркивается, что корни исполнения приказа как обстоятельства, исключающего преступность деяния по национальному законодательству, «кроются» в положениях международного права – прежде всего, в материалах так называемого «Нюрнбергского наследия». Как известно, на этом процессе над главными нацистскими преступниками защитой обвиняемых был выдвинут довод о том, что те совершали инкриминируемые им деяния (преступления против человечности, военные преступления и акты агрессивной войны) по приказам своего начальства либо правительства Третьего Рейха. Именно в Уставе Нюрнбергского трибунала и его Приговоре впервые было сформулировано общеобязательное правило о том, что исполнение преступного приказа не освобождает исполнителя от уголовной ответственности, хотя и может расцениваться в качестве основания смягчения наказание. В дальнейшем это императивное предписание было «продублировано» во многих ключевых актах международного права и национальном уголовном законодательстве [4, с. 540].

Последнее обстоятельство особенно важно в силу того, что, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции России, принципы и нормы международного права, имеющие силу для нашей страны, являются составной частью правовой системы Российской Федерации и обладают приоритетным действием в отношении внутреннего права. Говоря иными словами, если национальный закон содержит положение, противоречащее норме международного права, либо вообще не предусматривает «дублирующую» норму, то долж-

на применяться норма международного права. Как уже говорилось, принцип недопустимости ссылки на незаконный (преступный) приказ был зафиксирован в документах Нюрнбергского трибунала, и в дальнейшем он был повторен в ряде основополагающих международных документов. В наиболее развернутом виде это положение содержится в ст. 33 Римского Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. – однако этот документ не имеет для нашего государства юридической силы, так как Россия отозвала свою подпись под ним в соответствии с распоряжением Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп. Однако для России имеют силу другие основополагающие акты международного права, в которых содержится норма об исполнении приказа: ст. 7 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. и ст. 6 Устава Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г., учрежденных в силу резолюций Совета Безопасности ООН.

В Уставах указанных международных трибуналов сформулированы идентичные положения о пределах уголовной ответственности за совершение военных преступлений, преступлений против человечности, а также актов геноцида во исполнение приказов начальника (командира). Их суть сводится к следующему: 1) тот факт, что преступление было совершено подчиненным, не освобождает его начальника от уголовной ответственности, если он знал или должен был знать, что подчиненный собирается совершить или совершил такое деяние, и если начальник не принял необходимых и разумных мер по предотвращению таких деяний или наказанию совершивших их лиц; 2) тот факт, что обвиняемое лицо действовало по приказу правительства или начальника, не освобождает его от уголовной ответственности, однако может рассматриваться как основание для смягчения наказания.

В зарубежной доктрине высказано заслуживающее внимания суждение о том, что «принятие приказов начальства как абсолютного реабилитирующего обстоятельства довело бы ситуацию до абсурда». Действительно, «чтобы призвать к ответу лиц, ответственных за всю сумму нарушений, необходимо было бы подняться по цепи военных инстанций и даже политической иерархии, с нелепым результатом, что только исключительно Верховный Главнокомандующий или даже глава государства могут считаться уголовно ответственными за эти нарушения» [8, с. 175].

За время функционирования международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде в их решениях были сформулированы специальные правила установления пределов уголовной ответственности за преступления, совершенные во исполнение приказа.

Как бы мы не относились к политическим аспектам деятельности этих органов международного правосудия (известно, что в России и за рубежом деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии подверглась самой серьезной критике), отечественные и иностранные авторы единодушны в том, что в их решениях накоплен большой опыт применения материальных норм международного уголовного права. И этот опыт может и должен быть использован при применении соответствующих норм национального уголовного законодательства [2, с. 278–279; 7, с.10–14; 9, с. 45–47; 24, с. 44], в том числе и при применении положений об исполнении приказа.

На необходимость использования опыта международных уголовных трибуналов также указывают своеобразная правовая неопределенность ст. 42 УК РФ относительно понимания исполнителем незаконного характера отданного ему приказа и отсутствие сколько-нибудь устоявшейся национальной судебной практики в этом вопросе.

Как уже говорилось, обязанность исполнения приказа начальника (командира) является одним из принципов деятельности государственных военных и военизированных учреждений. И вполне допустима ситуация, когда исполнители приказов могут совершить военные преступления, традиционно (со времен Нюрнберга) относимые к числу наиболее тяжких преступлений против мира и безопасности человечества (человечности).

Перечень военных преступлений в международном праве достаточно обширен. Их описание содержится в Уставе Нюрнбергского трибунала, уставах международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных Протоколах к ним 1977 г. и в иных документах. В наиболее «завершенном» виде такой перечень сформулирован в ст. 8 Римского Статута Международного уголовного суда. В отечественном уголовном законе перечисленным предписаниям норм международного права соответствует ст. 356 УК РФ о применении запрещенных средств и методов ведения войны. К таковым отнесены жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением; депортация гражданского населения; разграбление национального имущества на оккупированной территории; применение в вооруженном конфликте иных средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации. И именно в решениях международных трибуналов (прежде всего, трибунала по бывшей Югославии), по существу, дано официальное разъяснение сущности военных преступлений, применимое к положениям ст. 356 УК РФ и норме об исполнении приказа о совершении этого преступления [3, с. 454].

В соответствии с решениями международных уголовных трибуналов, любое, даже самое страшное, «общеуголовное» преступление может расцениваться в качестве военного преступления только в случае установления «очевидной связи» совершенного преступления с фактически существующим вооруженным конфликтом [17, §22]. При этом вовсе не обязательно, чтобы преступление было совершено непосредственно на территории такого вооруженного конфликта –

достаточно установить, что «инкриминируемые преступления были близко связаны с военными действиями, происходящими в других частях территорий, контролируемых сторонами конфликта» [15, §196; 19, §57]. Наконец, важно понимание того военные преступления могут совершаться не только при наличии международного вооруженного столкновения, но и в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера. Так, в решении по делу Prosecutor v. D. Tadič указано, что качестве именно военного преступления необходимо расценивать «серьезные нарушения как общей [для Женевских конвенций] Статьи 3 и дополняющих ее других общих принципов и норм защиты жертв внутреннего вооруженного конфликта, так и за серьезные нарушения определенных фундаментальных принципов и норм, касающихся средств и методов ведения войны в ходе гражданских волнений» [23, §128].

Почему приведенные решения имеют принципиальное значение при применении (возможном применении) нормы об исполнении приказа и ст. 356 УК РФ?

Известно, что одним из наиболее серьезных вооруженных противостояний последнего пятилетия стал внутренний вооруженный конфликт на востоке Украины, во многом так или иначе затронувший интересы нашего государства и наших сограждан. Так как в ходе этого конфликта (политологи все чаще для его определения употребляют термин «гражданская война») были совершены многочисленные нарушения норм международного права, реакцией российского руководства стало возбуждение значительного числа уголовных дел именно по ст. 356 УК РФ за применение запрещенных средств и методов ведения войны. И на этот шаг, исходя из сложившейся практики международных трибуналов, имелись все юридические основания.

Вполне допустима ситуация, когда то или иное преступное деяние в ходе указанного конфликта было совершено в результате исполнения приказа. При каких условиях, в данном случае, применимы положения ст. 42 УК РФ в соответствии с нормами международного права?

«Ключевое» значение в данном случае имеет установление такого обстоятельства как осознание исполнителем незаконного характера приказа. В решениях международных трибуналов указано, что «приказ подразумевает отношения начальник – подчиненный между лицом, отдающим приказ и исполнителем. Другими словами, лицо, обладающее властным положением, использует его для того, чтобы убедить другого человека совершить преступление» [10, §483]. При этом приказ «может быть явным или подразумеваемым» [12, §42].

Далее, исполнитель приказа должен понимать очевидную незаконность совершаемого во исполнение приказа деяния – а осознание незаконности самого приказа «несущественна» [12, §282]. То есть, если установлена очевидность преступности приказа, о применении реабилитирующей нормы об исключении уголовной ответственности (в нашем случае – ст. 42 УК РФ) речи идти не может.

В действующих для России нормах международного права, а также в решениях международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде «красной нитью» воплощена мысль о том, что сам по себе приказ о совершении преступлений против человечности и актов геноцида настолько очевидно преступен, что доказывать непонимание исполнителем незаконного характера такого приказа попросту излишне.

Однако в отношении военных преступлений такой оговорки не существует, поэтому исключительной важностью обладают те решения международных трибуналов, в которых разъяснена очевидность преступности деяний, связанных с вооруженным конфликтом. Хотя в них обычно говорится о том, что приказы начальника не могут считаться основаниями освобождения от уголовной ответственности за преступления, совершенные во исполнение таких приказов [13, §24]. Говоря иными словами, в этих решениях сформулирован перечень конкретных деяний, считающихся военными преступлениями и подлежащими квалификации по ст. 356 УК РФ, к которым ни при каких условиях не применима ссылка на исполнение приказа как обстоятельство, исключающее преступность содеянного.

Исходя из буквального понимания таких решений, ссылка на исполнение приказа не может считаться приемлемой (для исключения преступности) при совершении следующих деяний:

1. Убийство захваченных участников оппозиционных вооруженных сил и/или гражданских лиц на оккупированной территории. В решениях международных трибуналов подчеркивается, что термин «убийство» применим ко всем ситуациям намеренного причинения смерти либо к ситуациям, когда виновный осознавал возможность (вероятность) наступления смерти потерпевшего в результате его действий. Также убийством, согласно практике международных уголовных трибуналов, расценивается смерть жертвы при «безразличии» относительно того, наступит ли данное последствие.

Однако убийством не считается смерть заключенных лиц из числа пленных и гражданского населения по причине заболеваний либо подавления волнений, допускаемых «законами и используемыми обычаями войны» [10, §589; 22, §439].

2. Пытка в отношении плененных участников вооруженных групп и/или представителей гражданского населения. В соответствии с практикой международных судов, для квалификации деяний в качестве пытки должны быть приняты во внимание не только конвенционально определенные признаки пытки, но также «все обстоятельства дела, включая характер и контекст причинения боли, преднамеренности и институционализации жестокости, физическое состояние жертвы, используемые приемы и методы, положение уязвимости жертвы» [19, §182].

Также в решениях международных трибуналов указано, что для квалификации содеянного как пытки должен существовать «порог серьезности» – если таковой не установлен, деяние может расцениваться в качестве «жестокого» («дурного») обращения [15, §468].

3. «Жестокое (дурное) обращение» с плененными участниками вооруженных групп и/или представителями гражданского населения. В качестве такого обращения в решениях международных трибуналов расценивались, в частности: создание в местах содержания «атмосферы террора»; недостаточное или некачественное питание; искусственное создание нехватки воды; умышленное создание условий ненадлежащего медицинского обслуживания и условий для недопущения сна; умышленное создание ненадлежащих условий отправления естественных надобностей [15, §1086, 1124].

4. Умышленное причинение серьезных телесных повреждений или ущерба здоровью участникам вооруженных групп и/или представителям гражданского населения. Согласно решениям международных трибуналов, таким вредом считается вред, который «серьезно повреждает здоровье, вызывает обезображивание или наносит любые серьезные повреждения внешним, внутренним органам или чувствам». Указанный вред должен приводить «к серьезному и долгосрочному неудобству в способности человека вести нормальную и конструктивную жизнь» [10, §502; 15, §509; 18, §513].

5. Взятие заложников из числа участников вооруженных групп и/или представителей гражданского населения. По смыслу решений международных трибуналов, заложниками признаются «люди, незаконно лишенные свободы», а также «задержанные, чтобы получить некоторое преимущество или гарантировать, что воюющая сторона, другой человек или другая группа людей совершат некое действие». При этом использование заложников в качестве «живого щита» для недопущения нанесения противником ударов по тем или иным целям должно расцениваться в качестве самостоятельного преступления [11, §229; 12, §187; 23 §70].

6. Сексуальное насилие. К сексуальному насилию как разновидности военного преступления решения международных трибуналов отнесли изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительную стерилизацию и любые другие виды сексуального насилия в отношении участников вооруженных групп и/или представителей гражданского населения [10, § 597–598; 11, §158, 173; 16, §164–172].

7. Использование в вооруженном конфликте «неизбирательного» вида оружия, военной техники и иных средств в целях причинения вреда неприятелю, если такое средство может причинить «излишние» страдания и мучения или вызвать чрезмерные повреждения. Например, Международный трибунал по бывшей Югославии в качестве военного преступления признал обстрел Загреба неуправляемыми ракетами «Оркан», в результате которого большое количество жителей этого города погибли и получили тяжкие ранения, было разрушено множество гражданских зданий и объектов [21, §462–463].

8. Умышленные нападения на гражданское население «как таковое» или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях. В решениях международных трибуналов особо отмечено, что запрет нападения на гражданское население носит «абсолютный характер» и «не может умаляться по причине военной потребности» [12, §180; 14, §130; 20, §512–513; 23, §101].

9. Нападение на незащищенные и не являющиеся военными целями населенные пункты или здания или их обстрел с применением любых средств. В решениях международных трибуналов подчеркивается, что режим защиты зданий (предназначенных для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности), исторических памятников, госпиталей и мест сосредоточения больных и раненых не применяется, если объект считается военной целью по смыслу международного гуманитарного права [20, §521; 21, §98].

10. «Разграбление» города или населенного пункта, даже если он захвачен штурмом. В решениях международных трибуналов указано, что такое «разграбление» должно иметь определенный характер «значительности» и содержать в себе «элементы насилия». В свою очередь, насилие при «разграблении» может выражаться в прямом использовании вооруженной силы и в ее «демонстрации» для целей разграбления [12, §157; 15, §591; 17, 82].

Исходя из решений международных трибуналов, имеющих силу для России, таков перечень деяний, считающихся военными преступлениями и подпадающих под сферу действия ст. 356 УК РФ, в отношении которых ссылка на исполнение приказа не может признаваться приемлемой. Говоря иными словами, преступность перечисленных деяний всегда признается очевидной для исполнителя, а положения ст. 42 УК РФ в ситуации совершения любого их указанных деяний не могут быть применены.

Литература

1. Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. 2-е изд. М.: Юрлитинформ, 2014. 216 с.

2. Кибальник А. Г. Куда идет международная уголовная юстиция? // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т.12. №2. С. 300–310.

3. Кибальник А. Г. Понимание военных преступлений в решениях современных международных трибуналов // Российский ежегодник уголовного права. № 7. СПб: Юридическая книга, 2013. С. 439–453.

4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е изд. М.: Проспект, 2018. 784 с.
5. Слуцкий И. И. Ответственность за исполнение незаконного приказа по советскому уголовному праву // Ученые записки Ленинградского государственного университета. №151. Серия «Юридические науки». Вып. 4 С. 208–217.
6. Щелконогова Е. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация. М.: Юрлитинформ, 2015. 176 с.
7. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. 414 p.
8. Gaeta P. The Defense of Superior Orders: the Statute of the International Criminal Court Versus Customary International Law // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. P.172–191.
9. Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. 482 p.
10. Prosecutor v. J.–P. Akayesu. Case №ICTR–96–4–T. 2 September 1998.
11. Prosecutor v. Z. Aleksovsky. Case № IT–95–14/1– T. 25 June 1999.
12. Prosecutor v. T. Blaškič. Case № IT–95–14–T. 3 March 2000.
13. Prosecutor v. M. Bralo. Case № IT–95–17–A. 2 April 2007.
14. Prosecutor v. S. Galič. Case № IT–89–29–A. 30 November 2006.
15. Prosecutor v. Z. Delalič, Z. Mučič, H. Delič, E. Landzo. Case № IT–96–21–T. 16 November 1998.
16. Prosecutor v. A. Furundzija. Case № IT–95–17/1–T. 10 December 1998.
17. Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez. Case № IT–95–14/2–T. 26 February 2001.
18. Prosecutor v. R. Krstič. Case № IT–98–33–T. 2 August 2001.
19. Prosecutor v. D. Kunarač. Case № IT–96–23/23/1–T. 22 February 2001.
20. Prosecutor v. Z. Kupreškič. Case № IT–95–16–T. 14 January 2000.
21. Prosecutor v. M. Martič. Case № IT–95–11–T. 12 June 2007.
22. Prosecutor v. Z. Mučič. Case № IT–96–21–T. 16 November 1998.
23. Prosecutor v. D. Tadič. Case № IT–94–I–A. 2 October 1995.
24. Schabas W.A. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone. Cambridge University Press, 2006. 712 p.

References

1. Blinnikov V. A. Obstoyatelstva, isklyuchayushchie prestupnost deyania, v ugolovnom prave Rossii *(Circumstances excluding the criminality of an action in Russian criminal law).* Moscow: Yurlitinform, 2014. 216 p. (In Russian).
2. Kibalnik A. G. Kuda idet mezhdunarodnaya ugolovnaya yustitsia? *(Where is international criminal justice going?)* // Vserossiisky kriminologichesky zhurnal. 2018. Vol. 12. No. 2. P. 300–310. (In Russian).
3. Kibalnik A. G. Ponimanie voennykh prestupleniy v resheniyakh sovremennykh mezhdunarodnykh tribunalov *(Understanding of war crimes in the decisions of modern international tribunals)* // Rossiisky ezhegodnik ugolovnogo prava. No. 7. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga, 2013. P. 439–453. (In Russian).
4. Naumov A. V. Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast. Kurs lektsiy. *(Russian criminal law. General part. A course of lectures).* Moscow: Prospect, 2018. 784 p. (In Russian).
5. Slutsky I. I. Otvetstvennost za ispolnenie nezakonnogo prikaza po sovetskomu ugolovnomu pravu *(Responsibility for the execution of an illegal order under Soviet criminal law)* // Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. No.151. Seria «Yuridicheskie nauki». Vol. 4. P. 208–217. (In Russian).
6. Shchelkonogova E. V. Obstoyatelstva, isklyuchayushchie prestupnost deyania: priroda, sistema, kvalifikatsia. *(Circumstances excluding the criminality of an action: nature, system, qualification).* Moscow: Yurlitinform, 2015. 176 p. (In Russian).
7. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. 414 p.
8. Gaeta P. The Defense of Superior Orders: the Statute of the International Criminal Court Versus Customary International Law // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. P. 172–191.
9. Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. 482 p.
10. Prosecutor v. J.–P. Akayesu. Case № ICTR–96–4–T. 2 September 1998.
11. Prosecutor v. Z. Aleksovsky. Case № IT–95–14/1– T. 25 June 1999.
12. Prosecutor v. T. Blaškič. Case № IT–95–14–T. 3 March 2000.
13. Prosecutor v. M. Bralo. Case № IT–95–17–A. 2 April 2007.
14. Prosecutor v. S. Galič. Case № IT–89–29–A. 30 November 2006.
15. Prosecutor v. Z. Delalič, Z. Mučič, H. Delič, E. Landzo. Case № IT–96–21–T. 16 November 1998.
16. Prosecutor v. A. Furundzija. Case № IT–95–17/1–T. 10 December 1998.
17. Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez. Case № IT–95–14/2–T. 26 February 2001.
18. Prosecutor v. R. Krstič. Case № IT–98–33–T. 2 August 2001.
19. Prosecutor v. D. Kunarač. Case № IT–96–23/23/1–T. 22 February 2001.
20. Prosecutor v. Z. Kupreškič. Case № IT–95–16–T. 14 January 2000.
21. Prosecutor v. M. Martič. Case № IT–95–11–T. 12 June 2007.
22. Prosecutor v. Z. Mučič. Case № IT–96–21–T. 16 November 1998.
23. Prosecutor v. D. Tadič. Case № IT–94–I–A. 2 October 1995.
24. Schabas W. A. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone. Cambridge University Press, 2006. 712 p.

Сведения об авторах

Котов Сергей Вячеславович – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ug_pravo11a@mail.ru
Троицкий Николай Сергеевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ug_pravo11a@mail.ru

Information about the authors

Kotov Sergey – postgraduate, Chair of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, North-Caucasus Federal University / ug_pravo11a@mail.ru
Troitsky Nikolay – postgraduate, Chair of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, North-Caucasus Federal University / ug_pravo11a@mail.ru

УДК 349.42

А. Ю. Мохов

К ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье обозначены основные теоретические аспекты обозначения продовольственной функции (функции по обеспечению продовольственной безопасности), как одной из современных функций, присущих Российскому государству. Многообразие направлений современного государственного управления, современные вызовы и глобальные проблемы обуславливают необходимость выделения новых обособленных функций, необходимых для выполнения государством своих социальных обязательств. Самостоятельность продовольственной функции аргументируется автором с учётом её соответствия основным признакам государственной функции, выделяемым в науке: наличия специальных организационно-правовых средств и методов реализации, актуальность для любого этапа исторического развития государства, осознание продовольственной безопасности как самостоятельной сферы публичного управления, а также способность деятельности по обеспечению продовольственной безопасности определять и соответствовать социальному назначению государства. В соответствии с международно-правовыми актами, посвящённым вопросам продовольственной безопасности, реализация продовольственной функции должна происходить не только в контексте социального обеспечения, но и путём регулирования агропромышленного комплекса, рынка земли, иных факторов. К целям реализации продовольственной функции Российской Федерации относятся: гарантирование права на питание, входящего в состав конституционного права каждого на достойные условия жизни, реализация публичного интереса (обеспечение продовольственной безопасности как составного элемента национальной безопасности). Высказывается мнение о необходимости принятия единого Федерального закона «О продовольственной безопасности Российской Федерации», в котором будут отражены основные принципы и направления реализации продовольственной функции государства.

Ключевые слова: функции государства, социальное государство, продовольственная безопасность, национальная безопасность, право на достойные условия жизни, право каждого на питание.

A. Mokhov

ON THE FOOD FUNCTION OF THE MODERN RUSSIAN STATE

The article outlines the main theoretical aspects of the designation of food functions (functions to ensure food security), as one of the modern functions inherent in the Russian state. The variety of directions of modern government, modern challenges and global problems necessitate the allocation of new separate functions necessary for the state to fulfill its social obligations. The independence of the food function is justified by the author with regard to its compliance with the main features of the state function outlined in science: the presence of special organizational and legal means and methods of implementation, relevance to any stage of the state's historical development, awareness of food security as an independent public administration sphere, and food security to determine and comply with the social purpose of the state. In accordance with international legal acts on food security issues, the implementation of the food function should occur not only in the context of social security, but also by regulating the agro-industrial complex, the land market, and other factors. The objectives of the implementation of the food function of the Russian Federation include the guarantee of the right to food, which is part of the constitutional right of everyone to decent living conditions, the realization of public interest (ensuring food security as an integral part of national security). The opinion is expressed on the need to adopt a unified Federal Law "On Food Security of the Russian Federation", which will reflect the basic principles and directions for the implementation of the food function of the state.

Key words: state functions, social state, food security, national security, the right to decent living conditions, the right of everyone to food.

В условиях современного постиндустриального общества до сих пор актуальными остаются многие «насущные» вопросы, присущие для любого государства – вне зависимости от этапа текущего исторического и экономического развития. Одним из таких вопросов является обеспечение граждан достаточным количеством продовольствия.

Продовольственное снабжение традиционно рассматривается как важнейшая задача государственной власти – причём не только в целях сохранения социально-политической стабильности. Современное государство принимает на себя обязательство по обеспечению, гарантированию и защите целого комплекса прав и свобод личности; значительное место в ряду этих прав зани-

мают социальные, связанные с необходимостью предоставить каждому (вне зависимости от его государственной принадлежности) базовые условия для достойной и полноценной жизни. Это положение прямо следует из конституционно-правового провозглашения Российской Федерации как социального государства (согласно ст. 7 Конституции РФ 1993 года). Кроме того, защита права на питание регламентируется и на международном уровне. Наиболее полно, отражая современную специфику, оно разъясняется в Изложении фактов Верховного комиссара ООН по правам человека №34 «Право на достаточное питание» (февраль 2011 г.): «Все люди, независимо от их расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, имеют право на достаточное питание и право на свободу от голода». Следовательно, продовольствие, его достаточное количество и надлежащее качество, необходимо рассматривать также и как важную гуманитарную ценность.

Особенно важно обеспечить баланс интересов всех нуждающихся в питании (а также ином социальном обеспечении) в условиях постсоветского пространства. Неминуемый переход от тотального административного регулирования экономических процессов к рыночным механизмам может существенно затруднить исполнение государством взятых на себя социальных обязательств. При этом отметим, что действующей Конституцией предусмотрен больший перечень социальных прав по сравнению с Основными законами Советского периода (в частности, добавлено право на коллективную забастовку); кроме того, социальные права предоставлены теперь *каждому*, а не только гражданину, имеющему соответствующее подтверждение государственной принадлежности. По мнению В.В. Люблинского, ситуация «ослабления социальной политики в связи с экспансией рыночных отношений» может в итоге привести к кризису социального государства, росту напряжённости в обществе [10, с.25].

На наш взгляд, надлежащий уровень питания населения, а также достойные условия и уровень жизни в целом государство сможет обеспечить, только скоординировав все наличные методы и средства в одном определенном направлении – т.е., реализуя какую-то свою функцию. Таким образом, в целях обеспечения права каждого на питание, а также защиты интересов национальных производителей продуктов питания представляется возможным говорить о наличии *продовольственной* функции (функции *по обеспечению продовольственной безопасности*) современного государства.

Заметим, что вопрос о функциях государства традиционно является одним из наиболее разрабатываемых в правовой науке. При этом изучение особенностей государственных функций происходит не только в контексте общетеоретических исследований – напротив, рассмотрение реализации норм отдельных отраслей права зачастую начинается с определения тех функций, при помощи которых государство сможет наиболее эффективно обеспечить надлежащее выполнение нормативных предписаний. Кроме того, активно разрабатываются вопросы о допустимости выделения новых функций государства – с учётом социально-экономических, политических изменений, а также меняющихся методологических подходов. Так, среди исследований последних лет стоит отметить работы, посвящённые социальной [4], земельной [2], экологической [7], информационной [5] функциям современного государства.

В условиях дифференциации законодательства, возникновения новых отраслей права в качестве самостоятельных, действительно, расширение спектра функций государства представляется обоснованным. Однако, на наш взгляд, нельзя впадать в излишнюю «казуистичность» и выделять функцию только как сугубо теоретическую конструкцию, без надлежащего действительного нормативного и фактического содержания. Так, например, не совсем обоснованным нам представляется предложение о наличии в качестве обособленной функции землеохранной [16] – которая всё-таки входит в состав экологической (природоохранной) функции государства, самостоятельность которой в контексте современных проблем окружающей среды не вызывает сомнений.

В свою очередь, обоснованность обособления продовольственной функции современного государства необходимо аргументировать через те критерии, которым должна соответствовать любая самостоятельная функция. Наиболее удачной в этой связи нам представляется концепция Л. А. Морозовой, выделяющей такие критерии через способность функции обеспечить и подтвердить социальную сущность государства [15]. Так, к существенным признакам любой функции государства относятся:

1. Наличие устойчивой предметной деятельности государства в сфере предполагаемой функции. На наш взгляд, продовольственное обеспечение можно с полной уверенностью рассматривать как существенную и целенаправленную предметную деятельность государственных органов. Это особенно заметно в контексте формирование системы обеспечения продовольственной безопасности страны. Интересной в этой связи представляется теоретическая позиция о реализации любой новой функции государства через правотворчество, исполнительно-распорядительную и правоохранительную деятельность органов власти в определённой сфере. Так, принятый в 2010 году базовый нормативный акт в области продовольственной политики – Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (принята Указом Президента РФ от 30.01.2010 №120) – провозглашает целый перечень направлений деятельности по обеспечению и поддержанию состояния продовольственной безопасности страны: социальная, аграрная, финансовая по-

литика (в части контроля за ценообразованием), внешнеэкономическая деятельность, стандартизация и контроль качества продуктов. Например, в целях обеспечения социального доступа к продуктам питания (т.е., поддержки наиболее нуждающихся групп населения), в Доктрине указывается на необходимость функционирования общероссийской системы внутренней продовольственной помощи – в целях которой разработана специальная Концепция развития (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 3.07.2014 №1215-р). Также указано на организацию питания в учреждениях здравоохранения, образования, социальной сферы (п.11 документа).

2. Связь между рассматриваемой функцией и социальным назначением государства. Целью существования государства является создание нормальных условий для жизни граждан, обеспечение их прав и свобод – которые, согласно положениям ст.2 Конституции, рассматриваются не только как цель публично-властной деятельности, но и как высшая ценность. «Достойная жизнь» и «свободное развитие» человека выделяются Основным законом как главные цели социального государства (ст. 7). Несмотря на то, что необходимость получить необходимое количество продуктов питания прямо не следует из толкования содержания статей Конституции, разъяснения содержания права на достойные условия жизни, данные на международном уровне, позволяют говорить о продовольственной безопасности как о важнейшей предпосылке, «базе» для достижения любым государством своего социального назначения. К примеру, согласно Замечанию общего порядка №12, высказанному по итогам Двадцатой сессии Комитета по экономическим, социальным и культурным прав Экономико-социального совета ООН (апрель – май 1999 г.), право на питание не может толковаться «узко», только как набор определённых питательных веществ. Реализация данного права возможна только в случае, если каждый (коллективно либо самостоятельно) будет иметь достаточные физические и финансовые возможности для получения достаточного питания. Таким образом, обеспечение продовольственной безопасности связано с целым рядом направлений деятельности государств – прежде всего, в социальной и экономической сферах.

3. Направленность функции на решение задач государственного управления, характерных для любого этапа исторического развития общества. Потребность в пище является потребностью базовой, поскольку без её удовлетворения невозможно нормальное, здоровое существование человека, его активное участие во всех сферах общественной жизни. Как справедливо замечал один из основоположников теории человеческих потребностей А. Маслоу: «Для человека, который сильно и опасно голоден, не существует других интересов, кроме еды… О таком человеке действительно можно сказать, что он жив хлебом единым» [12, с. 58]. По мнению же современных исследователей, человек, инстинктивно осознавая необходимость удовлетворения пищевой потребности, активным образом включается в производственные процессы, развивает все остальные сферы общественной жизни [14, с. 87].

Как представляется, в государственно-правовом плане это связано с необходимостью предоставить человеку возможности для самостоятельного производства продуктов питания (т.е., регулирования сельского хозяйства, использования сельскохозяйственных ресурсов), что также связано с обеспечением права каждого на свободу предпринимательской и иной экономической деятельности. Кроме того, это связано и с обеспечением единого экономического пространства страны, а также защиты прав и имущественных интересов отечественной пищевой промышленности – что особенно актуализировалось в современной обстановке «санкций» и «контрсанкций».

Недостаточность питания не в последнюю очередь связана также и со степенью социальной удовлетворённости населения. Многочисленные исторические примеры показывают нам, что катализатором крупных общественных катаклизмов (бунты, революции, государственные перевороты) зачастую становились именно перебои в снабжении продовольствием – стоит вспомнить Соляной бунт 1648 г., Февральскую революцию 1917 г., активная фаза которой началась с недостатка хлеба в столице, значительный дефицит продуктов питания в Советском Союзе второй половины 1980-х гг.

При этом «вечный» характер продовольственной проблемы, её актуальность для любого государства позволяет более пристально обратиться к историческому анализу уже предпринимавшихся мер по обеспечению продовольственной безопасности, определению каких-то типичных кризисных ситуаций и возможных путей их разрешения. Так, например, выделяют непродуманную налоговую политику в сфере АПК, непоследовательность реформ и законодательных нововведений в числе основных причин продовольственной проблемы СССР [6, с.96]. По мнению А. П. Анисимова, основная ответственность за решение продовольственной проблемы ложится на «национальные правительства, нередко подверженные коррупции и неэффективности при принятии решений» [3, с. 9] – что также представляется всегда актуальным вопросом. Поэтому можно с полной уверенностью судить о продовольственной функции как имманентно присущей на всём протяжении существования государства в его современном понимании.

4. Наличие определённых форм (прежде всего, правовых), а также особых методов реализации функции. В связи с обеспечением продовольственной безопасности представляется возможным выделить сразу несколько специфических механизмов реализации: финансово-правовые средства (предоставление дотаций и субсидий местным сельхозтоваропроизводителям, сельскохозяйственное кредитование и стра-

хование), прямая социальная поддержка (уже упоминавшаяся система внутренней продовольственной помощи), нормативное регулирование в АПК, применение мер ответственности за нарушение требований в сельском хозяйстве (прежде всего, экологических и требований качества и безопасности пищевой продукции). Специальной (за исключением Конституции, а также положений международного права) правовой основой для их функционирования выступает Доктрина продовольственной безопасности, а также целый комплекс актов федерального и регионального уровня (принятых во исполнение Доктрины или продолжающих своё действие и после её принятия). Как справедливо отмечает в своей статье В. В. Кожевников, на сегодняшний день продовольственная безопасность «охватывает широкий спектр национальных, экономических, социальных, демографических и экологических факторов» [9, с. 60]. В связи с этим мы не совсем согласны с С. С. Симоновой, рассматривающей обеспечение продовольственной безопасности только как одно из направлений социальной функции современного государства [17] – на сегодняшний день продовольственная проблема намного шире. Так, одним из значительных направлений современной международной системы продовольственной безопасности является решение проблем климата – и связанных с ними проблем сокращения плодородия почв, площадей пастбищ, пригодных для аквакультуры естественных водных объектов.

Обозначая соответствие продовольственной функции государства четырём вышеуказанным критериям, необходимо также, на наш взгляд, выделить ещё одно важное условие, позволяющее существовать функции в качестве самостоятельной – наличие *публичного интереса* в том благе, на обеспечение которого направлена та или иная функция. Несомненно, приоритет прав и свобод личности не подвергается здесь сомнению. Однако, рассматривая продовольственную безопасность как значительную и важную составляющую безопасности национальной, нельзя не иметь в виду, что она, в свою очередь, рассматривается законодателем как «состояние защищённости личности, общества, и государства» (ст. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации; утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683); следовательно, необходим и учёт интересов государства, сохранения государственного суверенитета.

Наличие особых государственных и общественных интересов, превалирующих над интересами отдельно взятого лица (гражданина или организации) наиболее ярко проявляется в реализации норм о специальных экономических мерах, связанных с запретом ввоза на территорию РФ пищевой продукции, произведённой в некоторых странах. При этом государство использует определённые «сдержки», не делая такой запрет универсальным и безоговорочным. Так, Верховным Судом РФ в 2015 г. было признано необоснованным изъятие у прибывающих на территорию РФ туристов продуктов, приобретённые ими с целью личного потребления: «Введённые меры не должны затрагивать прав граждан на ввоз запрещенной продукции в личных целях» (Определение Верховного Суда РФ от 11.11.2015 г. по делу № АКПИ15-1007). Как отмечает по поводу данного решения высшей судебной инстанции Д. И. Игнатов: «Такая позиция обеспечивает баланс интересов личности и государства, указывает на публичный характер установленных специальных экономических мер и границы их влияния на частные интересы граждан как потребителей» [8, с. 222].

Особенно важным это представляется при наличии в теории конструкции «продовольственного суверенитета», который представляет собой высокую степень локализации производителей пищевой продукции, с последующим достижением продовольственной независимости (полностью или в подавляющей части) по ключевым продуктам питания. При этом достижение автаркии не может рассматриваться как цель продовольственного суверенитета; в условиях повышения разнообразия рациона питания полностью заместить все необходимые продукты отечественными невозможно даже для такой большой по территории и аграрно-климатическим условиям страны, как Российская Федерация. В этой связи представляется верным мнение А. В. Малова, согласно которому «продовольственная безопасность – это «цель» государства (в том числе, и соответствующей продовольственной функции), а суверенитет – это «стратегия» (план действий) по её достижению» [11, с. 240]. Таким образом, определённый национальный интерес также выступает как фактор, позволяющий говорить об актуальности обеспечения продовольственной безопасности страны, её институциональном единстве в пределах самостоятельной функции.

Кроме собственно «управленческого» интереса, достаточно важным нам представляется научный интерес, предъявляемый в последние годы к категории «продовольственная безопасность». Доктриной прямо обозначается развитие научного потенциала аграрных исследований, исследований в области качества и безопасности питания. Развитие научного потенциала АПК – одна из задач повышения производственного потенциала отрасти в целом (п. 13 документа). При этом правовым исследованиям необходимо уделять повышенное внимание. А. И. Мелихов, Г. А. Никитина и Г. С. Працко на основе проведённого анализа вышедших в последние годы диссертационных работ по вопросам безопасности (в том числе, и продовольственной) указывают на существенный «крен» исследований в сторону политических и экономических вопросов, что, на взгляд учёных, свидетельствует об однобоком рассмотрении проблемы, не предлагающим при этом её комплексного разрешения [13, с. 187]. Несмотря на то, что продовольственная безопасность определена в Доктрине как «состояние на-

циональной экономики», основой функционирования национальной системы продовольственной безопасности, соответствующей публично-властной деятельности выступает именно нормативный материал. Поэтому, как представляется, обособление продовольственной функции имеет также и большое теоретическое значение, служа своеобразным стимулом для дальнейших научно-правовых исследований, способных выработать конкретные практические предложения.

Исходя из всего вышеизложенного, под продовольственной функцией современного государства предлагается понимать самостоятельное, связанное с решением задачи и преодолением проблем современного этапа развития государства направление публично-властной деятельности, направленной на обеспечение продовольственной безопасности страны, гарантирования и защиты права каждого на питание, выполнение иных, прямо не связанных с продовольственной безопасностью, требований (экономических, социальных, экологических и т.д.), направленных на предоставление каждому достаточного для нормальной экономически активной жизни количества продовольствия.

Продовольственная функция является самостоятельной для Российского государства, поскольку соответствующая обеспечительная деятельность носит постоянный характер, продовольственная безопасность имеет непосредственную связь с реализацией государством своего социального назначения; в современных условиях продовольствие необходимо рассматривать как важный публичный интерес, предпосылку для обеспечения государственного суверенитета. Продовольственная функция имеет свои специфические формы и способы реализации (прежде всего, правовые), однако до сих пор не существует единого федерального нормативного акта, закрепляющего общие принципы обеспечения национальной продовольственной безопасности. Поскольку Доктрина продовольственной безопасности РФ не носит нормативного характера, принятие в ближайшей перспективе Федерального закона «О продовольственной безопасности Российской Федерации» не только унифицирует уже существующие подзаконные акты в данной сфере, приведёт к единообразию действующие в субъектах РФ самостоятельные законы о продовольственной безопасности, принятые, по меткому замечанию А. П. Анисимова, в порядке «опережающего нормотворчества» [1, с. 66], разрешит имеющиеся терминологические проблемы и компетенционные коллизии.

Литература

1. Анисимов А. П. Законодательство субъектов РФ в области обеспечения продовольственной безопасности: сравнительно-правовое исследование // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2019. Т.5. №1. С. 64–71.

2. Анисимов А. П., Рыженков А. Я. Земельная функция современного государства: монография. М.: Новый индекс, 2012. 192 с.

3. Анисимов А. П. О некоторых теоретических проблемах обеспечения продовольственной безопасности России // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского Союза: законодательство и экологическая эффективность. Сборник научных статей V Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов (г. Саратов, 5 октября 2018 г.). Саратов: СГУ, 2018. С. 7–10.

4. Аристов Е. В. Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения: дис. … доктора юрид. наук. Пермь, 2017. 474 с.

5. Васенина А. Н. Информационная функция современного российского государства: дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 217 с.

6. Власов В. А., Насада А. Ю. Правовое регулирование обеспечения продовольственной безопасности населения СССР в период с 1930 года по 1990 год: историко-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2019. №1. С. 92–97.

7. Гиззатуллин Р. Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации: дис. … доктора юрид. наук. М., 2014. 442 с.

8. Игнатов Д. А. Меры по обеспечению экономической безопасности в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации // «Пробелы» в Российском законодательстве. 2016. №5. С. 220–222.

9. Кожевников В. В. Обеспечение государственной продовольственной безопасности как средство предупреждения риска ущемления его суверенитета // Аграрное и земельное право. 2018. №7. С. 46–62.

10. Люблинский В. В. Социальное государство: трудная адаптация в условиях меняющегося миропорядка // Власть. 2017. №8. С. 24–33.

11. Малов А. В. Продовольственный суверенитет: политическая концепция, общественное движение и контр-гегемонистский дискурс XXI века // Государственное управление: электронный вестник. 2017. №65. С. 221–246.

12. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Издательство «ПИТЕР», 2019. 400 с.

13. Мелихов А. И., Никитина Г. А., Працко Г. С. Понятие «безопасность» в современных гуманитарных науках и законодательстве России // Научный вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. №2. С. 183–188.

14. Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей // Вестник Московского государственного университета. Серия 7. Философия. 2015. №4. С. 78–94.

15. Морозова Л. А. Функции российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. №6. С. 98–108.

16. Саакян А. В. Новая функция современного государства: вопросы теории и практика // Современное право. 2009. №7. С. 15–18.

17. Симонова С. С. Социальная функция государства по обеспечению продовольственной безопасности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. №2. С. 277–279.

References

1. Anisimov A. P. Zakonodatel'stvo sub»ektov RF v oblasti obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti: sravnitel'no-pravovoe issledovanie *(Legislation of the constituent entities of the Russian Federation in the field of food safety: comparative legal research)* // Nauchnyi vestnik Volgogradskogo filiala RANKhiGS. Seriya: Yurisprudentsiya. 2019. T.5. No.1. P. 64–71. (In Russian).

2. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya. Zemel'naya funktsiya sovremennogo gosudarstva: monografiya *(Land function of the modern state: monograph)*. M.: Novyi indeks, 2012. 192 p. (In Russian).

3. Anisimov A. P. O nekotorykh teoreticheskikh problemakh obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossii *(On some theoretical problems of ensuring food security of Russia)* // Pravovye instituty i metody okhrany okruzhayushchei sredy v Rossii, stranakh SNG i Evropeiskogo Soyuza: zakonodatel'stvo i ekologicheskaya effektivnost'. Sbornik nauchnykh statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, prakticheskikh sotrudnikov, studentov, magistrantov, aspirantov (g. Saratov, 5 oktyabrya 2018 g.). P. 7–10. (In Russian).

4. Aristov E. V. Sotsial'nost' gosudarstva: zarubezhnyi opyt konstitutsionno-pravovogo obespecheniya. *(The sociality of the state: foreign experience of constitutional and legal support):* thesis. Perm', 2017. 474 p. (In Russian).

5. Vasenina A. N. Informatsionnaya funktsiya sovremennogo rossiiskogo gosudarstva. *(Information function of the modern Russian state):* thesis. Nizhnii Novgorod, 2007. 217 p. (In Russian).

6. Vlasov V. A., Nasada A. Yu. Pravovoe regulirovanie obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti naseleniya SSSR v period s 1930 goda po 1990 god: istoriko-pravovoi analiz *(Legal regulation of food security of the population of the USSR in the period from 1930 to 1990: historical and legal analysis)* // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. No 1. P. 92–97. (In Russian).

7. Gizzatullin R. Kh. Ekologicheskaya funktsiya gosudarstva: teoriya i praktika realizatsii *(Ecological function of the state: theory and practice of implementation):* thesis. Moscow, 2014. 442 p. (In Russian).

8. Ignatov D. A. Mery po obespecheniyu ekonomicheskoi bezopasnosti v sudebnykh aktakh Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii *(Measures to ensure economic security in judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation)* // «Probely» v Rossiiskom zakonodatel'stve. 2016. No 5. P. 220–222. (In Russian).

9. Kozhevnikov V. V. Obespechenie gosudarstvennoi prodovol'stvennoi bezopasnosti kak sredstvo preduprezhdeniya riska ushchemleniya ego suvereniteta *(Ensuring state food security as a means of preventing the risk of infringement of its sovereignty)* // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2018. No 7. P. 46–62. (In Russian).

10. Lyublinskii V. V. Sotsial'noe gosudarstvo: trudnaya adaptatsiya v usloviyakh menyayushchegosya miroporyadka *(The welfare state: difficult adaptation in a changing world order)* // Vlast'. 2017. No 8. P. 24–33. (In Russian).

11. Malov A. V. Prodovol'stvennyi suverenitet: politicheskaya kontseptsiya, obshchestvennoe dvizhenie i kontr-gegemonistskii diskurs XXI veka *(Food Sovereignty: Political Concept, Social Movement and Counter-Hegemonic Discourse of the 19th Century)* // Gosudarstvennoe upravlenie: elektronnyi vestnik. 2017. No 65. P. 221–246. (In Russian).

12. Maslou A. Motivatsiya i lichnost'. *(Motivation and personality).* St.Petersburg: PITER publ., 2019. 400 p. (In Russian).

13. Melikhov A. I., Nikitina G. A., Pratsko G. S. Ponyatie «bezopasnost'» v sovremennykh gumanitarnykh naukakh i zakonodatel'stve Rossii *(The concept of «security» in modern humanities and Russian legislation)* // Nauchnyi vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. 2019. No 2. P. 183–188. (In Russian).

14. Momdzhyan K. Kh. K tipologii chelovecheskikh potrebnostei *(On the typology of human needs)* // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2015. No 4. P. 78–94. (In Russian).

15. Morozova L. A. Funktsii rossiiskogo gosudarstva na sovremennom etape *(Functions of the Russian state at the modern stage)* // Gosudarstvo i pravo. 1993. No 6. P. 98–108. (In Russian).

16. Saakyan A. V. Novaya funktsiya sovremennogo gosudarstva: voprosy teorii i praktika *(The new function of the modern state: theory and practice)* // Sovremennoe pravo. 2009. No 7. P. 15–18. (In Russian).

17. Simonova S. S. Sotsial'naya funktsiya gosudarstva po obespecheniyu prodovol'stvennoi bezopasnosti *(The social function of the state to ensure food security)* // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. 2014. No 2. P. 277–279. (In Russian).

Сведения об авторе

Мохов Артем Юрьевич – ассистент кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления РАНХиГС (Волгоград) / aumohov@mail.ru

Information about the author

Mokhov Artem – assistant, Chair of of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management – Branch of the RANEPA (Volgograd) / aumohov@mail.ru

УДК 340.12

А. В. Петров, А. А. Бирюков

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ ОБ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВАХ НА НЕДВИЖИМОСТЬ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ПОСЛЕ КОДИФИКАЦИИ ЮСТИНИАНА

В статье исследован вопрос становления и развития учения о правах ограниченного пользования чужими недвижимыми вещами (правах на чужие вещи) в юриспруденции Византийской империи. Автором публикации анализируются отечественная и зарубежная доктрина, Институции, Дигесты, юридические памятники Византийской империи, изданные после кодификации Юстиниана, в которых содержаться нормы вещного права, а именно о правах на чужие вещи.

Используя сравнительно-правовой метод исследования, автор рассуждает о становлении доктрины ограниченных вещных прав в римской юриспруденции и раскрывает особенности развития догмы вещного права в юридических школах Византии. В статье подчеркивается, что развитие учений об ограниченных вещных правах на недвижимость в Западной Европе и в Византии происходило под влиянием различных факторов, среди которых называются социальные и политические процессы, становление феодального земельного права.

Автором анализируются такие сочинения византийских юристов как Парафраз Феофила, Индексы Стефана, Эклога, Василики, в которых нашли отражение нормы вещного права, разработанные в классической римской юриспруденции, а так же доктринальные разработки византийских юристов. В статье делается вывод о высоком уровне подготовке юристов византийских школ права, не уступающих в теоретических знаниях и законодательной технике классическим юристам Рима.

Научная новизна представленной публикации заключается в том, что ее автором предпринята попытка выделить элементы научной теории в изложении взглядов византийских юристов на такую важнейшую часть гражданского права, как ограниченные вещные права на недвижимое имущество. В работе сделан вывод о научном характере византийских книг по цивильному праву, а так же о серьезном вкладе антецессоров в дальнейшее развитие учения об ограниченных вещных правах. В этой связи подчеркивается, что византийскими юристами были научно проработаны такие вопросы как содержание ограниченных вещных прав на недвижимость, способы их возникновения, прекращения и защиты.

Ключевые слова: Вещные права, собственность, Византийская юриспруденция, сервитут, суперфиций, эмфитевзис, узуфрукт.

A. Petrov, A. Biryukov

THE DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF LIMITED REAL RIGHTS TO REAL ESTATE IN BYZANTINE JURISPRUDENCE AFTER THE CODIFICATION OF JUSTINIAN

The article examines the formation and development of studies on limited rights to non-owned property (rights to things belonging to other people) in the Byzantine Empire. The authors of the article analyze Russian and foreign doctrines, Institutions, Digests, legal monuments of the Byzantine Empire, published after the codification of Justinian, which contain the rules of property law, namely the rights to other people's things.

Using the comparative legal method of research, the author discusses the formation of the doctrine of limited property rights in Roman jurisprudence and reveals the features of the dogma of property law in the law schools of Byzantium. The article emphasizes that the development of the doctrine of limited property rights to real estate in Western Europe and Byzantium was influenced by various factors, including social and political processes, the formation of feudal land law.

The authors analyze such works of Byzantine lawyers as Theophilus Paraphrase, Stephen's Indices, Eclogues, Basilicorum, which reflect the rules of property law developed in classical Roman jurisprudence, as well as doctrinal developments of Byzantine lawyers. The article concludes about the high level of training of lawyers of the Byzantine schools of law, not inferior in theoretical knowledge and legislative technique of classical lawyers of Rome.

The scientific novelty of the presented publication lies in the fact that the authors attempt to highlight the elements of scientific theory in the presentation of the views of Byzantine lawyers on such an important part of civil law as limited real rights to immovable property. The paper concludes on the scientific nature of Byzantine books on civil law, as well as on the serious contribution of the antecessors to the further development of the doctrine of the limited real rights. In this regard, it is emphasized that Byzantine lawyers were scientifically worked out such issues as the content of limited real rights to real estate, ways of their occurrence, termination and protection.

Key words: real rights, property, Byzantine jurisprudence, servitude, superficies, emphyteusis, usufruct.

Разработка учения о вещном праве является одной из актуальных проблем отечественной и зарубежной юриспруденции. Принято считать, что первые зачатки такого учения появились еще в римском частном праве. Почву для научных рассуждений в этом ключе дают фрагменты сохранившихся до нашего времени памятников римского права и прежде всего, Институций *(Institutiones)* Гая, а также Дигест *(Digesta (Pandectae)*, которые вошли составной частью в *Corpus iuris civilis* императора Юстиниана.

Римскому праву были известны следующие виды прав на чужие вещи:

• сервитуты *(servitutes praediorum, servitutes urbanorum, servitutes personarum)*;

• суперфиций *(superficies)*;

• эмфитевзис *(emphyteusis)*.

• залоговое право *(fiducia, pignus, hypotheca)*.

В гражданском законодательстве ряда европейских стран появление норм об ограниченных вещных правах на недвижимость стало результатом рецепции римского цивильного права. Именно римскими юристами были разработаны две юридические конструкции, ограничивающие власть собственника вещи – т.н. соседское право и обременение недвижимости ограниченными вещными правами других лиц (несобственников).

Принято считать, что предпосылками процесса рецепции римского права в континентальной Европе стала деятельность глоссаторов XI–XIII вв., а также политика первых европейских университетов, которые стали «проводниками» римских правовых традиций на рубеже XIII–XIV вв. Может сложиться ошибочное впечатление, что римское право стало известно в Европе только с момента открытия т.н. Флорентийской рукописи Дигест *(Littera Florentina)* и составления первых глосс юристами Болонской школы права. Однако с падением Рима, римское право никуда не исчезло и, мало того, оно стало неотъемлемой частью правовых систем феодальных государств Раннего Средневековья.

На Западе, с конца V в. римское право, в том числе и право вещное подвергалось ревизии на предмет его соответствия новым условиям, которые были продиктованы социально-экономическими и политическими процессами, протекавшими в зарождавшихся государствах, объединивших племена франков, вестготов, бургундов и других народов, вышедших на историческую арену в эпоху Великого переселения.

Кроме того, в научных исследованиях, посвященных становлению доктрины вещного права, мы можем увидеть некий вектор, так же дающий не вполне правильное представление о том, что доктрина вещного права начала складываться исключительно в рамках деятельности глоссаторов и постглоссаторов, а оформилась уже в процессе деятельности немецкой школы частного права на рубеже XVIII–XIX вв. При этом в работах отечественных цивилистов, исследующих вопросы становления и развития института ограниченных вещных прав, почему то без должного внимания остается деятельность византийской школы права. Исключением является только обзоры законодательных работ комиссии Трибониана, под руководством, которого была проведена кодификация гражданского права. Поэтому в рамках данного исследования будет предпринята попытка дать оценку влияния деятельности византийских юристов на становление учения об ограниченных вещных правах, причем основной акцент будет сделан на анализе работ юристов постюстиниановской эпохи.

Начать следует с того, что в отличие от новых варварских королевств, зарождавшихся на обломках Западной Римской империи, на Востоке ревизия римского права имела иные цели и подоплеку. К началу V в., когда Римская империя окончательно распалась на две части – Западную и Восточную (Византию), римское право представляло собой огромный массив императорских конституций, указов, сенатконсультов, эдиктов магистратов (преторского права), сочинений старых республиканских и классических юристов.

По мнению историков права, такое положение дел со временем породило две основные проблемы. Во-первых, наличие разрозненных и разнородных по своей сути и внешнему выражению норм источников права начало создавать сложности для правоприменительной практики. Это было связано с тем, что на фоне общего упадка юриспруденции, судьи и практики не всегда имели под рукой тексты сочинений старых признанных юристов, на которые можно было ссылаться.

Ввиду позднейших наслоений сами тексты могли противоречить друг другу, что по выражению М. В. Левченко, давало возможность византийским чиновникам «ловить рыбу в мутной воде», т.е. принимать заведомо неправильные решения, затягивать процессы, вымогать мзду [10, с. 62]. Здесь можно сказать и о негативном влиянии неформальной «конкуренции» между взглядами и высказываниями классических юристов. Для устранения этого пробела даже был принят специальный закон (426 г.), который перечислял обязательные и имеющие юридическую силу сочинения юристов, в числе которых были Папиниан, Павел, Ульпиан, Гай и Модестин, а так же те юристы, ссылка на которых допускалась, поскольку взгляды последних не противоречили взглядам вышеназванной «пятерки».

Во-вторых, громоздкое и несистематизированное многовековое наследие римской юриспруденции мешало нормальному функционированию административного аппарата Византии [10, с. 62], а так же качественному отправлению правосудия. И если в последние десятилетия существования Западной Римской империи, власть императора, как и сама римская государственность, была расшатана и ослабевала, то на Востоке, в Константинополе такая власть, наоборот, набирала силу и требовала понятного и единого законодательства, которое бы действовало на всей территории государства и распространялось на все категории населения. Процесс ревизии римского

права в Восточной Римской империи получил название кодификации, которая была завершена в 30-х годах VI в. Итогом данной масштабной работы стали:

• Институции (обнародованы 21 ноября 533 г.);

• Дигесты или Пандекты (обнародованы 16 декабря 533 г.);

• Кодекс (обнародован 16 ноября 534 г.).

Последняя часть Свода – Новеллы была систематизирована уже после работы комиссии Трибониана.

Оставляя в стороне особенности проведения работ по систематизации римского права византийскими правоведами, необходимо отметить, что данный процесс был многоэтапным и занял не одно десятилетие, поскольку первые попытки упорядочить правовое наследие Рима были предприняты задолго до Юстиниана в IV–V в. Из наиболее поздних работ здесь можно назвать кодекс императора Феодосия *(Codex Theodosianus)*, который был издан в 438 г. Кроме того, необходимо также учесть, что на Востоке стараниями императоров династий Валентиниана – Феодосия, Львов и Юстиниана доминирующим становилось римское право, в отличие от Запада, где «романизация» законодательства новых королевств носила локальный характер.

Как развивалась юридическая наука и знания о вещном праве в ранней Византии? С уверенностью можно сказать, что после общего упадка классической римской юриспруденции сочинения и высказывания новых юристов уже не являлись источником права, в отличие от трудов их предшественников, творивших в период поздней Республики и принципата. Конечно юриспруденция после III в. никуда не исчезла, просто работа юристов, которые практиковали в период Поздней империи, приобрела иной, можно сказать прикладной характер, «из искусства стала простым ремеслом» [13, с. 674]. Причиной такого качественного изменения практически единогласно, признается, с одной стороны – общий упадок римской культуры и, с другой стороны – усиление императорской власти и появление императорских конституций, как основного источника права [14, с. 16; 2, с. 114].

Доказательством выше сказанному служит тот факт, что в тех же Дигестах мы не найдем фрагментов, отсылающих к мнениям юристов, занимавшихся юриспруденцией после Гермогениана *(Hermogenianus)* или Аврелия Аркадия Харизия *(Aurelius Arcadius)* т.е. со второй половины IV в. Конечно это не говорит о том, что в Римской империи на Западе и на Востоке больше не было именитых юристов. Исследователи римского права отмечают, что в IV–V в., были известны такие правоведы как: Кирилл, Домнин, Демосфен [14, с. 16]. Сохранились сведения о достаточно долгом функционировании известных юридических школ – лександрийской, Афинской, Беритской (Бейрутской), Константинопольской, в которых работали и преподавали авторитетные юристы [1, с. 63–64; 8, с. 16; 9, с. 360].

Те юридические школы, которые существовали на территории Византии, осуществляли не только обучение будущих юристов. Профессора этих школ занимались переводом юридических памятников с латыни на греческий, принимали активное участие в работе комиссии Трибониана по составлению Институций, Кодекса, Дигест. По крайней мере, источники упоминают о четырех известных византийских ученых правоведах (Феофил, Дорофей, Анатолий, Грациан), которых византийские чиновники привлекли к работе над сводом римского права [15, с. 537].

Считается, что деятельность византийских юристов содержательно и методологически отличалась от деятельности их предшественников – классических юристов Рима. Ученые признают, что классики эпохи принципата были «увлеченными мастерами казуистики», и не решались давать определения основных категорий гражданского права, в частности это касается и ограниченных вещных прав [9, с. 367]. По крайней мере, мы можем судить об этом по тем фрагментам юридической литературы античного Рима, которая с искажениями или без, сохранилась до наших дней. Однако в высказываниях юристов республиканского и имперского Рима, при отсутствии дефиниций с одной стороны, с другой, присутствовал тот самый «разносторонний и тонко дифференцированный анализ», который дает основание полагать, что дефиниции и правила считались у римских юристов синонимами [9, с. 366]. Четкость и определенность выражения своих мнений – вот что, по мнению И. С. Перетерского, отличало классических юристов от «византийских компиляторов» [9, с. 14].

В этом вопросе конечно можно согласиться с И. С. Перетерским, если только принимать во внимание деятельность только тех самых «компиляторов», иными словами команду юристов Трибониана, которая по иронии судьбы, занималась сведением в единое целое сохранившиеся части юридического наследия римских «классиков» права. Но эпоха компиляторов – это только одно неполное столетие во всей многовековой истории правовой культуры Византии, а вся история византийской юриспруденции после Юстиниана – еще несколько сотен лет работы в области законотворчества, юридического образования, а так же и научной деятельности не одного поколения правоведов.

Кроме того, сам процесс кодификации частного права, назвать простой компиляцией или «бюрократической» юриспруденцией можно с большой долей условности. Так, задачи, которые были поставлены перед комиссией Трибониана, были гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Например, те же Дигесты, дающие нам представление об ограниченных вещных правах, структурно отличаются от иных частей кодификации, да и вообще от любого источника права, поскольку в каждом фрагменте имеется указание на конкретного римского юриста и его сочинение. Но Дигесты – это не антология юридической мысли

Древнего Рима, а свод действующих, правовых норм, обязательных к применению на всех территориях, находившихся под властью Константинополя. Собрать и систематизировать в рамках единого «сборника» огромное количество непростого и не типичного по своей природе нормативного материала – задача трудновыполнимая даже для современного юриста, вооруженного самым совершенным инструментарием законодательной техники.

После кодификации Юстиниана дальнейшее направление развития византийской юридической мысли отчасти было обусловлено прямым запретом какого либо глоссирования или интерпретирования Дигест. Этот запрет был установлен императорским указом *(Constitutio Tanta)* 16 декабря 533 г. После обнародования результатов работы комиссии Трибониана юристам разрешалось делать только переводы юридических текстов на греческий язык, но «в том же порядке и в той же последовательности, в которых они размещены и в римских выражениях» [5, с. 65]. В качестве исключения, допускаемого §21 Constitutio Tanta, юристам так же разрешалось делать примечания – паратитлы *(παράτιτλα)*, не искажающие оригинального текста Дигест.

Ограничению догматического толкования новых текстов должны были способствовать изменения, касающиеся «программы» юридического образования после обнародования Дигест. Из положений императорского указа *Constitutio Omnem* можно проследить намерение Юстиниана пресечь вольное толкование Институций и Дигест при помощи сокращения юридических школ, в которых, в результате неправильного обучения юристов мог искажаться смысл официальных источников права. Само же право в признанных императорской властью школах, должно было изучаться в той последовательности, которая закреплялась §2–5 *Constitutio Omnem*. Профессора византийских школ, допущенные к преподаванию права, именовались антецессорами *(antecessoris)* и их число постепенно увеличивалось [9, с. 362].

Большинство специалистов в области Византийского права полагают, что Юстинианов запрет не возымел должного эффекта, стал т.н. «мертвой буквой» [6, с. 274] и через какое-то время те же профессора права начали давать подробные (пусть сначала и устные) догматические комментарии на отдельные титулы и фрагменты отдельных частей Свода.

Ярким примером таких комментариев является сохранившийся до наших дней и выдержавший несколько изданий Парафраз Феофила *(Paraphrasis Theophili).* Дошедшие до нас рукописи лекций, которые константинопольский профессор Феофил читал своим ученикам, объединенные затем в единый труд, дают ценные сведения и о теоретических представлениях византийских юристов относительно ограниченных вещных прав.

Paraphrasis Theophili – это интерпретация Институций, которые согласно §2 *Constitutio Omnem*, были предписаны к изучению в первый год обучения в юридических школах Константинополя или Бейрута.

Феофил являлся одним из главных компиляторов *Corpus iuris civilis*, поэтому он как никто иной имел представление и о первоначальном содержании тех источников (в первую очередь Институций Гая), на основе которых были составлены Институции Юстиниана и о тех местах, которые исправлялись или удалялись в процессе работы над имевшимися в распоряжении комиссии Трибониана древними текстами. Вообще, считается, что Феофил преподавал и Дигесты [9, с. 364], поэтому можно предположить, что его научный потенциал был гораздо шире тех знаний, которые были необходимы для постижения юриспруденции *Iustinianos novos* («новыми Юстинианами») – студентами первогодками юридических школ.

По аналогии со структурой Институций *Paraphrasis Theophili* состоит из четырех книг. Ограниченным вещным правам посвящается материал, расположенный в 3–4 титулах второй книги – *De servitutibus; De usufructu; De usu et habitatione.* Рассуждения Феофила о вещных и личных сервитутах выходят за пределы текста Институций. При этом Феофил активно использует те самые паратитлы, т.е. обращается к другим титулам Институций для пояснения тех или иных правил. В качестве примера можно привести комментарии к титулу *De rebus incorporalibus*, где Феофил, поясняя природу вещей (в данном случае т.н. «бестелесных» вещей), в качестве примеров таких вещей приводит сервитуты, узуфрукт и *habitatio* [21, p. 105–106].

Несмотря на то, что изначально Парафраз – это сборник лекций, воссозданный по записям учеников Феофила, по способу изложения данный труд все же ближе к классическому комментарию. Стиль и логика подачи материала в Парафразе отличается от сухого стиля Институций и пространственного дискурса Дигест. Может быть этим, отчасти объясняется «популярность» Парафраза среди византийских юристов, которые в своей практике руководствовались им вместо оригинала Институций Юстиниана, даже в то время, когда Юстинианово законодательство «…уже было забыто на Востоке» [1,с. 80].

История сохранила имена и других выдающихся юристов постюстинианновской эпохи – Феодора Гермупольского *(Theodorus Hermopolis)*, Кобида *(Gobidas)* или Кубидия, Филоксена *(Philoxenes)*, Сумбатия *(Symbatius)*, Анастасия *(Anastasius)* и др. Научная и преподавательская деятельность этих юристов знакома нам только по цитатам и сохранившимся коротким фрагментам. Принято считать, что их главная заслуга заключается в том, что они смогли не только перевести на греческий, но и адаптировать весь законодательный массив к потребностям юридической практики [20, p. 498].

Догматические представления византийских юристов об ограниченных вещных правах можно обнаружить еще в одном виде юридической ли-

тературы того времени – т.н. *Index* или *Summae*. Индексы – это краткое содержание юридического текста в порядке его расположения. Наряду с паратитлами индексы являлись исключением из общего запрета вольной научной интерпретации официальных текстов Институций, Дигест и Кодекса Юстиниана. Исследователи приписывают авторство индексов к отдельным частям Дигест знаменитым профессорам права Феофилу, Дорофею, Кириллу, Стефану [19, p.498].

Стефан *(Stephanus)* – профессор Константинопольской или Бейрутской школы, перу которого принадлежат комментарии к Дигестам, получившие название *«Index»*. Специалисты полагают, что индексы Стефана в то время являлись лучшим юридическим произведением, раскрывающим сущность Дигест, которое было популярно, в том числе и у юристов практиков [11, с. 73].

В своих комментариях Стефан не обошел стороной и ограниченные вещные права. Так сохранились комментарии (индексы) Стефана к 7 книге Дигест об узуфрукте, 8 книге о сервитутах. Сам труд Стефана в целом виде до нас не дошел. Однако с его многочисленными индексами мы можем ознакомиться, прежде всего, по сохранившимся рукописям одного из самых известных памятников византийской правовой культуры – Василик (конец IX в.). Эти рукописи с пояснениями (т.н. схолиями) относительно содержания отдельных титулов Василик, дают представление о творчестве не только Стефана, но и других известных юристов Византии VI в. Как полагает А. П. Каждан, греческий перевод и пересказ норм римского права, который можно найти в Василиках, выполнен не в IX, а в VI в. [7, с. 59]. В качестве примера можно обратиться к 16 книге Василик, которая посвящается узуфрукту. Помимо выдержек из Индекса Стефана, книга снабжена извлечениями из Индекса Кирилла, Суммы Анонима *(Anonymus)*, произведений Энантиофана *(Enantiophanes)* [18].

Многогранность деятельности византийских юристов можно проследить не только по разнородной юридической литературе, но достижениям в области законодательной техники. После кодификации Юстиниана императоры Константинополя продолжали издавать новеллы, которые представляли собой законы, регулирующие отдельные общественные отношения в меняющихся социальных, политических и экономических условиях.

Ученые делают выводы о том, что те правовые конструкции (а это касается и вещно-правовых институтов), которые мы можем найти в *Corpus iuris civilis*, со временем перестали в полной мере отвечать специфическим процессам, сопровождавшим эволюцию Византийского государства. Так, в качестве примера можно привести Земледельческий закон *(Nomos georgikos)* – памятник византийского аграрного права конца VII – первой половины VIII века. В литературе даты принятия данного закона вызывают разногласия. Например, в фундаментальном исследовании «Византийский земледельческий закон», подготовленным И. П. Медведевым, Е.Э Липшиц и Е. К. Пиотровской датой создания архетипа данного закона называется период между 533 и 572 г. [3, с. 140]. Существует противоположное мнение, что авторство *Nomos georgikos* принадлежит юристам (юристу), периода деятельности антецессоров [3, с. 140–141]. Данный закон отражает особенности т.н. переходного периода в истории Византии, который, по мнению М. Я. Сюзюмова показывал «преобладающее место» свободной крестьянской общины в аграрной жизни государства, т.е. в тот момент, когда земледелие, основанное на рабском труде отмирало, а феодальные институты еще только начинали формироваться [16, с. 46].

Специалисты признают, что в данном законе прослеживается минимальное влияние кодификации Юстиниана и наоборот, сильное влияние права обычного. Этот закон представлял собой «совсем новое право» и имел больше сходства с варварскими правдами [12, с. 154]. Помимо права собственности на землю данный закон регулирует вопросы соседского права (§7, §31), а в §82–84 затрагиваются вопросы проведения воды через чужие участки – аналога водного сервитута *aquaeductus*. Ю. Я. Вин отмечает, что в ряде положений закона, касающихся сбора фруктов для собственных нужд, сенокоса, выпаса скота видны пережитки позднеримских сервитутов [4, с. 44–45].

Владение серьезной законодательной техникой византийских юристов демонстрирует еще один памятник права – Эклога. В отличие от новелл Эклога, это не просто закон – а свод законов, т.е. по сути, первая серьезная компиляция после законодательных работ Юстиниана I. Оставляя в стороне исторические подробности создания Эклоги и ее прототипов, отметим, что появление этого законодательного свода приблизительно в 726 г. стало еще одной значимой вехой византийской юриспруденции. Считается, что Эклога ни в коей мере не отменила узаконения Юстиниана, а привнесла в византийское право законоположения, без которых регулировать те или иные правоотношения стало просто невозможным. Здесь можно предположить, что ко времени правления императоров Исаврийской и Македонской династий в силу объективных причин адаптировать часть старых правовых конструкций Дигест или других частей свода Юстиниана к новым условиям у юристов попросту не получалось. Поэтому Эклога состоит из положений, которые на тот момент, по замыслу составителей, представляли «жизненный интерес для византийского общества VIII в.» [17, с. 37].

Работая над Эклогой, византийские юристы не обошли стороной и ограниченные вещные права на недвижимость. XII Титул Эклоги получил название «О вечном и ограниченном эмфитевзисе». Как мы знаем для византийского аграрного права эмфитевзис – это далеко не новый институт. Эмфитевзису даже предписывается не римское,

а именно греческое происхождение. В своде Юстиниана эмфитевзису посвящается 66 титул Кодекса *De emphyteutico iure*, и в принципе общие положения Кодекса об эмфитевзисе повторяются в Эклоге. Но составители Эклоги разработали и новые положения, отразившиеся в содержании ст. 1–6 XII Титула, которые касаются предельных сроков существования права, ограничений на использование конструкции эмфитевзиса (приобретение или передачу) отдельными лицами (церковью, дийокетами, стратиотами, и т.д.).

Таким образом, становление и развитие классической доктрины вещного права и его неотъемлемой части – ограниченных вещных прав невозможно рассматривать в отрыве от тех взглядов и идей, которые оставили нам византийские правоведы, юридическое научное наследие которых представляет интерес как в контексте изучения истории права Византии, так и частного права в целом.

Литература

1. Азаревич Д. И. История византийского права. Т.1. Ярославль: Тип. Г. В. Фалька, 1876. 476 с.
2. Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 397 с.
3. Византийский земледельческий закон / под ред. И.П. Медведева. Л.: Наука, 1984. 280 с.
4. Вин Ю. Я. «Земледельческий закон» – источник правового регулирования и коллективного самоосознания сельской общины в средневековой Византии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История, Регионоведение, Международные отношения. 2016. Т.21. №5. С. 44–45.
5. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Том 1. М.: Статут, 2002. 584 с.
6. Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI в. СПб.: Типография Альтшулера, 1908. 741 с.
7. Каждан А.П. Василики как исторический источник // Византийский временник. Том 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 56–66.
8. Крылов Н. И. Об историческом значении римского права в области наук юридических. М.: Унив. тип., 1838. 20 с.
9. Левченко М. С. История Византии. Краткий очерк. М.,Л.: Соцэкгиз, 1940. 273 с.
10. Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Историко-юридические этюды. Л.: Наука, 1981. 246 с.
11. Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма // Византийский временник. Том.1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 144–164.
12. Муромцев С. А. Гражданское право древнего Рима. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1883. 733 с.
13. Культура Византии IV – первая половина VII в. М.: Наука, 1984. 723 с.
14. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Юридическая литература, 1956. 129 с.
15. Пухта Г. Ф. История римского права. М.: Тип. Семена, 1864. 585 с.
16. Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по земледельческому закону. // Византийский временник. Том. 10. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 27–48.
17. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М.: Наука, 1965. 228 с.
18. Basilicorum. Lib. XV–XIX. Lipsiae, 1846. 288 p.
19. Berger A. Encyclopedic dictionary of Roman law. Philadelphia, 1991. 476 p.
20. Ortolan J. The history of Roman Law. London, 1871. 709 p.
21. Theophili Paraphrasis Justiniani Institutionum. Amstelodami, 1860. 456 p.

References

1. Azarevich D. I. Istorija vizantijskogo prava. *(The History of Byzantine law)*. Vol. 1. Yaroslavl: G.V. Fal'k's printing house, 1876. 476 p. (In Russian).
2. Anners Je. Istorija evropejskogo prava *(The history of European law)*. Moscow: Nauka publ., 1994. 397 p. (In Russian).
3. Vizantijskij zemledelcheskij zakon *(Byzantine agricultural law)* / ed by I.P. Medvedev. Leninggard: Nauka publ., 1984. 280 p. (In Russian).
4. Vin J. «Zemledelcheskij zakon» – istochnik pravovogo regulirovanija i kollektivnogo samoosoznanija sel'skoj obshhiny v srednevekovoj Vizantii *(The farmer's law (nomos georgikos) – source of law regulation and collective self-consciousness of rural community in medieval Byzantine)* // Vestnik VolGU. Serija 4. Istorija, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. Vol.21. No.5. P. 44–45. (In Russian).
5. Digesty Justiniana *(Digest of Justinian)* / translator and editor – L. L. Kofanov. Vol. 1. Moscow: Statut, 2002. 584 p. (In Russian).
6. Dil' Sh. Justinian i Vizantijskaja civilizacija v VI v. *(Justinian and Byzantine civilization in the sixth century)*. St.Petersburg.: Altshuler's printing house, 1908. 741 p. (In Russian).
7. Kazhdan A. P. Vasiliki kak istoricheskij istochnik *(Vasiliki as a historical source)* // Vizantijskij vremennik. Vol 14. Moscow: SA USSR publ., 1958. P. 56–66. (In Russian).
8. Krylov N. I. Ob istoricheskom znachenii rimskogo prava v oblasti nauk juridicheskih *(On the historical significance of Roman law in the field of legal sciences)*. Moscow: University printing house, 1838. 20 p. (In Russian).
9. Levchenko M. S. Istorija Vizantii. Kratkij ocherk *(The history of Byzantine)*. Moscow, Leningrad: Socjekgiz, 1940. 273 p. (In Russian).
10. Lipshic E. Je. Zakonodatel'stvo i jurisprudencija v Vizantii v IX–XI vv. Istoriko-juridicheskie jetjudy *(Legislation and jurisprudence in Byzantine in IX–XI centuries. Historical and legal studies)*. Leningrad: Nauka publ, 1981. 246 p. (In Russian).

11. Lipshic E.Je. Slavjanskaja obshhina i ee rol' v formirovanii vizantijskogo feodalizma // Vizantijskij vremennik *(The Slavic community and its role in the formation of Byzantine feudalism)*. Vol. 1. Moscow: SA USSR publ., 1947. P. 144–164. (In Russian).
12. Muromcev S. A. Grazhdanskoe pravo drevnego Rima *(The civil law of ancient Rome)*. Moscow: A.I. Mamontova and Ko publ., 1883. 733 p. (In Russian).
13. Kul'tura Vizantii IV – pervaja polovina VII v. *(The culture of Byzantine IV-first half of VII century)*. Moscow: Nauka publ., 1984. 723 p. (In Russian).
14. Pereterskij I. S. Digesty Justiniana. Ocherki po istorii sostavlenija i obshhaja harakteristika *(Digest of Justinian. Essays on the history of compilation and General characteristic)*. Moscow: Juridicheskaja literature publ, 1956. 129 p. (In Russian).
15. Puhta G. F. Istorija rimskogo prava *(The history of Roman Law)*. Moscow: Semen's printing house, 1864. 585 p. (In Russian).
16. Sjuzjumov M. Ja. O haraktere i sushhnosti vizantijskoj obshhiny po zemledel'cheskomu zakonu *(On Character and Essence of Byzantine Community According to the Farmer's Law)* // Vizantijskij vremennik. Vol. 10. Moscow: SA USSR publ., 1956. P. 27–48. (In Russian).
17. Jekloga. Vizantijskij zakonodatel'nyj svod VIII veka *(Ecloga. Byzantine legislative code of the VIII century)*. Moscow: Nauka, 1965. 228 p. (In Russian).
18. Basilicorum. Lib. XV–XIX. Lipsiae, 1846. 288 p.
19. Berger A. Encyclopedic dictionary of Roman law. Philadelphia, 1991. 476 p.
20. Ortolan J. The history of Roman Law. London, 1871. 709 p.
21. Theophili Paraphrasis Justiniani Institutionum. Amstelodami, 1860. 456 p.

Сведения об авторах

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / petrov_av2012@mail.ru
Бирюков Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kafcivil@yandex.ru

Information about the authors

Petrov Alexandr – Doctory of Law, Professor, Chair of Civil Law and Process, Law Institute, North-Caucasus Federal Universiry (Stavropol) / petrov_av2012@mail.ru
Biryukov Alexandr – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Process, Law Institute, North-Caucasus Federal Universiry (Stavropol) / kafcivil@yandex.ru

УДК 342.951

А. Ю. Соколов, Н. В. Богатырева

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ИСПАНИИ[1]

Актуальность статьи обусловлена необходимостью совершенствования российского механизма административно-правового регулирования применения геномных технологий в сельском хозяйстве, сформированного фрагментарно и не позволяющего в нынешнем состоянии достигать целей регулирования – обеспечения безопасности человека и окружающей среды при работах с генетически-модифицированными организмами (далее – ГМО). Предметом статьи является изучение опыта административно-правового регулирования использования и выращивания ГМО в Королевстве Испания, которая является крупной аграрной страной и одним из двух государств Европейского Союза, выращивающих ГМО на своей территории. Целью статьи является выделение норм, рецепция которых российским правом послужила бы построению сбалансированного механизма административно-правового регулирования применения геномных технологий в растениеводческом сельском хозяйстве. Методологическую основу исследования составляет применение сравнительно-правового и формально-юридического методов в совокупности с системно-логическим методом познания. В результате исследования было установлено, что целый ряд положений законодательства Испании о ГМО может быть воспринят российским правом, что позволит решить многие проблемы правового регулирования получения и выращивания ГМО в России. Это положения об оценке уровня риска при использовании ГМО, о мерах предосторожности, которые могут принимать государственные органы при обнаружении нарушений и угрозы защищаемым объектам, о мерах административной ответственности за нарушение требований к использованию и выращиванию ГМО, о создании межведомственных органов для обеспечения безопасности при использовании ГМО. Законодательство Испании детально проработано и основано на общеевропейских правилах регулирования, характеризующихся строгостью в отношении применения геномных технологий. В стране более 20 лет выращивается геномно-модифицированная кукуруза, в связи с чем нормы законодательства являются реально действующими в том, что касается выпуска ГМО в окружающую среду и реализации ГМО и позволяет применять в связи с чем может стать серьезной базой для формирования современного российского механизма административно-правового регулирования применения геномных технологий в российском растениеводстве.

Ключевые слова: ГМО, геномные технологии, растениеводство, административно-правовое регулирование, административная ответственность, законодательство Испании.

A. Sokolov, N. Bogatyreva

LEGAL REGULATION OF GENOMIC TECHNOLOGIES APPLICATION FOR AGRICULTURE OF SPAIN

The paper is relevant because of the need to improve the Russian mechanism of administrative and legal regulation of genomic technologies application for agriculture. This mechanism is built fragmentary and in the current state does not allow achieving regulatory objectives, such as providing human and environmental safety when using genetically modified organisms (GMOs). The subject of the paper is the study of the experience of administrative and legal regulation of GMOs use and cultivation of in the Kingdom of Spain, which is a large agricultural country and one of two European Union countries that grow GMOs. The purpose of the paper is to highlight the norms, the reception of which by Russian law would serve to build a balanced mechanism of administrative and legal regulation of genomic technologies application for crop agriculture. The methodological basis of the study based on using comparative legal and formal legal methods in line with the system-logical cognition method. Because of the study, it was found that a number of provisions of the Spanish legislation on GMOs can be accepted by Russian law. It will solve many problems of the legal regulation of the production and cultivation of GMOs in Russia. These are risk level determination in the use of GMOs; precaution measures that state bodies may take when detecting violation and threats to protected objects; administrative responsibility measures for violation of requirements for the use and cultivation of GMOs; creation of interdepartmental bodies to ensure safety when using GMOs. Spanish legislation is elaborated in detail and is based on pan-European regulatory rules, characterized by rigor in the application of genomic technologies. More than 20 years, genome-modified maize has been grown in Spain, and therefore the legal norms are tested by practice of the release of GMO into the environment and the implementation of GMOs. Therefore, Spanish legislation can be used as a serious basis for the formation of a modern Russian administrative legal mechanism of genomic technologies application for Russian crop production.

Key words: GMOs, genomic technologies, crop production, administrative legal regulation, administrative responsibility, Spanish legislation.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14048.

Административно-правовое регулирование выращивания в России генетически модифицированных организмов (далее – ГМО) основывается на признании присущего им риска и необходимости его минимизации и устранения. В последние годы в российском законодательстве реализуется наиболее строгая из возможных концепций регулирования в отношении ГМО – абсолютный запрет на их выращивание в хозяйственных целях, введенный в 2016 году. Этот подход создает угрозы для национальной экономической и продовольственной безопасности:

– во-первых, создаются условия для научного и технического отставания в области получения генетически модифицированных (далее – ГМ) сортов растений, имеющих хозяйственную, медицинскую ценность. Запрет на выращивание ГМО в России направлен на защиту отечественного рынка органической продукции, он имеет экономический и политический характер. В то же время все больше современных исследований свидетельствуют о безопасности употребления в пищу ГМО [10], а опубликованные ранее научные статьи переоцениваются [21], появляются новые, более безопасные технологии, в связи с чем стратегически неверно полностью отказываться от разработок в области ГМ-растениеводства.

О необходимости поддержки геномных технологий в растениеводстве говорится и в Комплексной программе развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Правительством РФ [2];

– во-вторых, Россия становится зависимой от импорта зарубежной продукции, полученной из ГМО, поскольку российские производители не могут произвести импортозамещающие аналоги в силу запрета;

– в-третьих, в России не развивается законодательство, регулирующее порядок использования ГМО в замкнутых системах — в лабораториях и на производстве. Законодательство содержит много пробелов, в частности, отсутствуют порядок оценки риска ГМО и требования к безопасности при работах с ГМО;

– в четвертых, несмотря на разрешение выращивать ГМО в научно-исследовательских и экспертных целях, требования оценки рисков такой деятельности отсутствуют, как и правила безопасного выращивания.

В сложившейся ситуации возможной моделью правового регулирования выращивания ГМО может стать заимствование опыта европейских стран. Опыт стран Европейского Союза (далее – ЕС) может быть релевантен, во-первых, в силу географической близости данного региона к европейской части России, во-вторых, в силу повышенного внимания европейских регуляторов к защите традиционного органического земледелия и настороженного отношения к ГМО в сельском хозяйстве. Это в целом соответствует общественно-политическому контексту восприятия ГМО в России. В ЕС много стран, в которых выращивание ГМ-культур в настоящий момент запрещено, но имеется проработанное законодательство по вопросам безопасности работы с ГМО и выпуска их в окружающую среду.

Целью настоящей статьи является подготовка предложений по рецепции российским правом отдельных элементов механизма правового регулирования использования ГМО в Испании – как одной из немногих стран ЕС, в которых ведется хозяйственное выращивание ГМО. Это позволит в будущем разработать действенный механизм административно-правового регулирования применения геномных и постгеномных технологий в российском растениеводстве.

Как отмечает Ю. А. Петушкова, система правового регулирования в области биотехнологии в Испании отражает высокую степень развития и государственную поддержку отрасли. Ее положительный опыт должен быть заимствован Российской Федерацией для совершенствования и восполнения пробелов в законодательстве, регулирующем отношения в области биотехнологии [6, с. 25].

Для целей исследования необходимо обобщить опыт правового регулирования выращивания ГМО в Испании и выделить нормы, которые могут быть полезны для российского механизма регулирования ГМО, помогут устранить имеющиеся проблемы и недостатки правового регулирования.

В первую очередь следует охарактеризовать правовой контекст такого регулирования – наднациональное законодательство ЕС по вопросам выращивания ГМО.

Законодательство стран ЕС – это наднациональное региональное право [8]. В компетенцию общеевропейского регулятора входят вопросы построения общего рынка, единого внутреннего рынка, проведения общей сельскохозяйственной и торговой политики, а также осуществления мер по охране окружающей среды на территории государств-членов ЕС. Регламентация правоотношений в указанных сферах подразумевает решение вопросов, связанных с получением и выращиванием ГМО.

Среди важнейших актов ЕС прямого действия, регулирующих такие отношения, следует назвать Директиву 2001/18/ЕС от 12 марта 2001 г. о преднамеренном выпуске в окружающую среду генетически модифицированных организмов [13].

В 2015 году Директива 2001/18/ЕС была существенно скорректирована Директивой 2015/412/ЕС [14]. Члены ЕС получили право ограничивать или запрещать выращивание на своей территории ГМО, одобренных в ЕС, не по причине их опасности для человека или окружающей среды, а по социально-экономическим причинам, например, в соответствии с целями сельскохозяйственной политики.

Директива ЕС требует имплементации ее норм в национальное законодательство посредством принятия национального правового акта или их системы [9]. Таким образом, наличие общих рамок правового регулирования не исключает реа-

лизации национального подхода в законодательстве определенных стран.

Многие страны ЕС в соответствии с Директивой ЕС 2015/412/ЕС исключили свои территории из зоны для выращивания ГМ-растений, получивших разрешение на выращивание в ЕС, например, – Германия [5].

Однако есть и государства, которые не воспользовались такой возможностью и осуществляют коммерческое выращивание ГМО на своей территории, в рамках ЕС это Португалия и Испания. По данным за 2017 год, в Испании выращивалось более 91 % всех европейских биотехнологических культур [16].

Использование ГМО в сельском хозяйстве Испании основывается на целом комплексе нормативных документов.

Закон № 45/2007 об устойчивом развитии сельской среды [20] направлен на защиту устойчивого развития сельской среды. В российском законодательстве нет аналогичного по назначению закона: он содержит целый комплекс мер по развитию сельского хозяйства, административного, экономического и социально-экономического характера.

В законе говорится о необходимости диверсифицировать сельское хозяйство, и одной из мер по диверсификации является продвижение новых видов деятельности с высокой добавленной стоимостью.

Как раз к таким видам деятельности относится получение продукции биотехнологического сельского хозяйства, поскольку генетическая модификация позволяет получать сорта с повышенной производительностью, а также уменьшать затраты на пестициды и инсектициды.

Так, в Испании выращивается единственная разрешенная в ЕС ГМ-кукуруза сорта MON810 [15]. Этот сорт обладает повышенной устойчивостью к кукурузному мотыльку, что позволяет бороться с потерей урожая вследствие ущерба от повреждения кукурузы, которой питаются личинки мотылька, без использования традиционных пестицидов [1, с. 8].

По данным социально-экономических исследований за 21 год выращивания этой кукурузы на территории Испании и Португалии, за каждый дополнительный евро, потраченный на семя кукурузы сорта MON810, по сравнению с обычным семенем, фермеры получили дополнительный 4,95 евро дополнительного дохода. Эти доходы были получены, в основном, за счет повышения урожайности (+ 11,5 %). Использование инсектицидов сократилось на 678 000 кг активного ингредиента (-37 %), что позволило на 21 % уменьшить воздействие на окружающую среду, связанное с использованием гербицидов и инсектицидов на этих культурах [12].

Также в Законе № 45/2007 указывается на необходимость достижения высокого уровня качества окружающей среды в сельской среде, сохранения биоразнообразия, уменьшения загрязнения в сельской местности. Данные вопросы регулирует отдельный нормативный акт – Закон о природном наследии и биоразнообразии (Закон № 42/2007) [19]. Стратегический план по природному наследию и биоразнообразию был утвержден на 2011–2017 годы Королевским декретом №1.274/2011 [22].

В ст. 54 Закона о природном наследии и биоразнообразии устанавливается, что Генеральная государственная администрация будет запрещать ввоз или интродукцию на всей территории страны чужеродных видов или подвидов, если они смогут конкурировать с местными дикими видами, изменять их генетическую чистоту или экологический баланс. Чужеродные виды – это в том числе ГМО. Для этого предусмотрено ведение реестра таких чужеродных видов и подвидов.

В ст. 63 публичные администрации наделяются полномочиями содействовать существованию банков генетического и биологического материала диких видов для сохранения генетического разнообразия.

Таким образом, запрета на выращивание ГМО в Законе о природном наследии и биоразнообразии нет, но устанавливаются общие требования о сохранении биоразнообразия и генетического разнообразия.

В том, что касается сохранения биоразнообразия, аналогичную функцию в российском законодательстве выполняет ст. 50 Федерального закона от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [4], за тем исключением, что в Испании выращивание ГМО не запрещено, а рассматривается как один из способов диверсификации экономики сельского хозяйства.

Как и в России, в Испании есть специальное законодательство, регулирующее вопросы использования ГМО, основу которого составляет Закон №9/2003, устанавливающий правовой режим ограниченного использования, добровольного выпуска и коммерциализации генетически модифицированных организмов [18].

В законе установлены общие принципы, существующие на уровне ЕС и международном уровне, направленные на предупреждение негативных последствий от использования ГМО. Это подразумевает:

– принятие мер предосторожности во избежание потенциального неблагоприятного воздействия ГМО на здоровье человека и окружающую среду;

– оценку риска на индивидуальной основе, то есть оценку рисков, связанных с ГМО, для каждого из них в отдельности;

– последовательную оценку риска, предполагающую переход к выпуску ГМО в окружающую среду только тогда, когда оценка предыдущих этапов показывает, что это может произойти без рисков;

– информирование общественности и ее участие в принятии решений, связанных с использованием ГМО.

В Испании существует три самостоятельных режима использования ГМО, им посвящены отдельные главы закона:

1) использование ГМО в замкнутых системах (гл. I раздела II) – касается только тех ГМО, которые не имеют разрешения на реализацию;

2) добровольное высвобождение ГМО, в том числе преднамеренный выпуск ГМО в окружающую среду (гл. II раздела II);

3) реализация ГМО и продукции, которая их содержит (гл. III раздела II).

В Испании выделяется четыре уровня риска деятельности по использованию ГМО в замкнутых системах: нулевой, или незначительный, низкий, умеренный и высокий. Деятельность, которой присвоен умеренный и высокий уровень риска, требует государственного разрешения.

Уровень риска определяется в зависимости от характера деятельности. Важно, что прежний закон 1994 г. [17] предполагал оценку риска в зависимости от свойств ГМО, как это предусмотрено и в российском законодательстве [3]. Оценка данного риска исходя из характера деятельности по использованию ГМО – новелла Закона №9/2003.

Традиционно выделяется четыре уровня такого риска – нулевой, или незначительный, низкий, умеренный и высокий.

Преднамеренный выпуск ГМО в окружающую среду всегда требует предварительного разрешения и оценки рисков.

При этом в соответствии с Директивой 2001/18/ ЕС из сферы действия закона исключены такие специфические виды продукции, как лекарственные вещества и соединения, предназначенные для использования человеком, которые состоят из ГМО или их комбинаций или содержат ГМО. Предполагается, что порядок их применения вне замкнутой системы регулируется нормами специального законодательства. Однако в нем должны содержаться правила, предусмотренные рассматриваемым законом.

Такой подход представляется обоснованным в силу особой специфики лекарственной продукции и распространения на нее строгих норм законодательства о медицинских генотерапевтических препаратах и биомедицинских клеточных продуктах.

Реализация ГМО и содержащей их продукции, как возмездно, так и на безвозмездной основе, также требует получения разрешения. Предусмотренные законом требования основаны на общеевропейском опыте регулирования оборота ГМО и содержащей ГМО продукции. В целом они соответствуют правилам, установленным в российском законодательстве. Именно сегмент, связанный с регулированием выпуска на рынок продукции, содержащей ГМО, и контролем за ее реализацией, наиболее развит в Российской Федерации.

Предполагается, что ГМО, сами по себе являющиеся продуктами или их компонентами, лекарства для человека или ветеринарного применения, которые состоят из ГМО или их комбинаций или содержат такие организмы, регулируются специальным законодательством. Однако обязательной в любом случае является оценка рисков для окружающей среды, эквивалентная предусмотренной рассматриваемым законом.

Разрешения на использование ГМО в замкнутых системах, добровольное высвобождение ГМО и реализацию ГМО выдает Межведомственный совет по генетически модифицированным организмам, состоящий из представителей компетентных министерских департаментов.

Это один из двух коллегиальных органов, формирование которых предусматривает Закон №9/2003. Вторым является Комиссия по национальной биобезопасности. Оба органа формируются при Министерстве окружающей среды. К сожалению, в России в настоящее время нет какого-либо аналогичного органа, с которым можно было бы сравнить их работу, хотя изначально Федеральный закон от 5 июля 1996 г. №86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» предусматривал формирование и компетенцию Межведомственной комиссии по генно-инженерной деятельности.

Статьи 34 и 35 Закона №9/2003 устанавливают административную ответственность за нарушение требований закона. Представляет интерес классификация нарушений по степени их опасности: перечислены конкретные нарушения, которые следует считать незначительными, серьезными или очень серьезными. Санкции различаются: небольшие и очень большие штрафы (в 1 200 000 евро), приостановление деятельности, изъятие ГМО и продукции, отзыв разрешения на их использование, запрет их реализации и др.

Определение конкретных правонарушений, за которые наступает ответственность, и их категоризация следует учесть при совершенствовании норм российского законодательства об административной ответственности за неправомерное использование ГМО и продукции, которая из них получена, произведена или их содержит. В нем много пробелов, в частности – не установлена ответственность за непреднамеренный выпуск ГМО в окружающую среду, за преднамеренный выпуск ГМО, не требующих регистрации, с нарушениями требований безопасности, а также за намеренное выращивание ГМО на территории России в иных целях.

В ст. 36 предусмотрен важный механизм – меры предосторожности. Это административно-предупредительные меры, осуществляемые компетентной администрацией, если она установит, что деятельность осуществляется без соответствующего разрешения или может нанести серьезный ущерб здоровью людей или окружающей среде. В этом случае государственные органы могут закрыть объект или его часть, где осуществляется указанная деятельность, а также конфисковать ГМО или продукцию, которая их содержит. В российском законодательстве нет аналогичной меры, и это его явный недостаток. Ее введение необходимо для предотвращения ущерба в случаях выращивания ГМО с риском для человека и окружающей среды, что возможно при непреднамеренном выпуске ГМО в окружающую среду,

выращивании ГМО в научно-исследовательских, экспертных целях с нарушениями установленных требований, а также при намеренном незаконном выращивании ГМО на территории России.

Во исполнение Закона № 9/2003 принят Королевский декрет № 178/2004 [23]. Он детализирует общие правила, предусмотренные законом, в соответствии с Директивой 2001/18/ЕС и регламентирует ведение единого реестра ГМО, получивших разрешения. В таком реестре в обязательном порядке должна отражаться информация о месте выращивания ГМО.

В целом нормативный акт, приятый во исполнение закона, весьма детально описывает порядок и основания для получения разрешения на деятельность, связанную с использованием ГМО. Так, ст. 21 регулирует действия хозяйствующих субъектов в случае аварии, приведшей к высвобождению ГМО. Аналогичные по назначению нормы также необходимы в российской системе безопасности генно-инженерной деятельности, но отсутствуют.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод о высокой проработанности законодательства Испании о выращивании ГМО, имеющего в основе нормы законодательства ЕС.

Рассмотренное законодательство, несмотря на это, также следует оценивать критически. В частности, исследователями отмечается недостаточная проработка в Испании социально-экономических рисков при выращивании ГМ-культур, что может негативно влить на пчеловодство в тех районах, где их выращивают [11, p. 546].

Однако для российского законодательства, развивающегося фрагментарно и неравномерно, испанский нормотворческий опыт может стать полезен, при условии одновременного развития норм об устойчивом сосуществовании органической, традиционной и биотехнологической продукции.

Как нами отмечалось ранее, одной из основных проблем российского законодательства о генно-инженерной деятельности является недостаточная проработка оценки уровня риска деятельности, связанной с ГМО [7]. На наш взгляд, переход к оценке риска в зависимости от характера осуществляемой деятельности, а не ГМО, с которыми ведется работа, позволит пересмотреть всю систему оценки риска и станет отправной точкой для модернизации существующего механизма административно-правового регулирования в отношении ГМО. Именно такой подход закрепляет Закон Испании №9/2003, и его стоит воспринять в российском законодательстве, которое при оценке риска генно-инженерной деятельности по-прежнему отсылает к уровням патогенности микроорганизмов.

Также в отсутствие в современном законодательстве России требований к использованию ГМО в замкнутых системах следует внимательно изучить опыт Испании в установлении таких нормативных требований на основании ст. 7 Закона №9/2003. Представляет интерес практика выдачи разрешений на осуществление деятельности по использованию в замкнутых системах ГМО, отнесенных к категории умеренного или высокого риска. В России такая деятельность подлежит лицензированию, но фактически оно не осуществляется. Изучение опыта Испании позволит понять, в каких направлениях можно дальше развивать механизм лицензирования деятельности, связанной с использованием ГМО.

Главной целью административно-правового механизма регулирования применения геномных и постгеномных технологий в растениеводстве является обеспечение безопасности человека и окружающей среды, поэтому представляется необходимым включить в него нормы:

– о необходимых действиях в случае аварии при использовании ГМО в замкнутых системах, хотя бы для наиболее высоких уровней риска;

– о мерах предосторожности при работе с ГМО в случае выявления нарушений или угрозы безопасности человека и окружающей среды.

Также испанский опыт целесообразно использовать для дополнения законодательства об административной ответственности нормами, предусматривающими ответственность за нарушение требований при выпуске ГМО в окружающую среду. Здесь интерес представляют конкретные составы правонарушений, выделенные испанским законодателем, их категоризация по степени серьезности и, соответственно, видам применяемых санкций.

Наконец, существенным элементом механизма административно-правового регулирования в России является создание межведомственного органа, обладающего рядом контрольных, координационных и регулятивных полномочий. При разработке нового положения о таком органе и определении его компетенции будет полезен опыт работы действующих в Испании Межведомственного совета по генетически модифицированным организмам и Комиссии по национальной биобезопасности.

В целом, можно говорить, что административно-правовое регулирование применения геномных технологий в сельском хозяйстве в Испании осуществляется системно, позволяя защищать интересы и фермеров, и жителей на безопасную окружающую среду. Отдельные элементы такого регулирования, связанные с оценкой риска использования ГМО, установлением требований безопасности к использованию ГМО в замкнутых системах, применением предупредительных мер и мер административной ответственности, формированием межведомственных органов по вопросам безопасности ГМО, могут быть восприняты российским законодателем в целях развития российского механизма административно-правового регулирования применения геномных технологий в растениеводстве.

Литература

1. Кверчи М., Раццара М. Анализ образцов пищевых продуктов на присутствие генетически модифицированных организмов. Сессия 7. Характеристика сои Roundup Ready®, кукурузы MON810 и кукурузы Bt-176. ВОЗ. Европейское региональное бюро. 21 с. URL: http://gmo-crl.jrc.ec.europa.eu/capacitybuilding/manuals/manual%20RUS/UM%20Rus-S7.pdf (Дата обращения: 20.06.2019).

2. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Правительством Россиской Федерации от 24 апреля 2012 г. №1853п-П8 // Правительство России. URL: http://static.government.ru/media/files/41d4e85f0b854eb1b02d.pdf (Дата обращения: 20.06.2019).

3. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: федер. закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // СЗ РФ. 1996. №28. Ст.3348; 2016. №27 (часть II). Ст. 4291.

4. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. №7-ФЗ: в ред. от 29 июля 2018 г. // СЗ РФ. 1999. №14. Ст. 1650; 2018. №31. Ст. 4841.

5. Основы законодательства в области генной инженерии // Германо-российский аграрно-политический диалог URL: https://agrardialog.ru/files/prints/gmo_osnovi_zakonodatelstva_es_germaniya_2016_1.pdf (Дата обращения: 01.06.2019).

6. Петушкова Ю. А. Правовое регулирование в сфере биотехнологии в зарубежных странах // Экологическое право. 2013. №2. С. 20–25.

7. Соколов А. Ю., Богатырева Н. В. Определение уровня риска в области генно-инженерной деятельности // Административное право и процесс. 2018. №8. С. 32–36.

8. Чиркин В. Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. №2 (242). С.18–25.

9. Энтин Л. М. Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. М.: Аксиом, 2009. 148 с.

10. A decade of EU-funded GMO research (2001–2010) // Directorate-General for Research and Innovation Biotechnologies, Agriculture, Food, 2010. 266 p. URL: http://ec.europa.eu/research/biosociety/pdf/a_decade_of_eu-funded_gmo_research.pdf (Accessed: 20.06.2019).

11. Binimelis R., Wickson F. The troubled relationship between GMOs and beekeeping: an exploration of socioeconomic impacts in Spain and Uruguay // Agroecology and Sustainable Food Systems. 2019. 43:5. P. 546–578. DOI: 10.1080/21683565.2018.1514678.

12. Brookes G. Twenty-one years of using insect resistant (GM) maize in Spain and Portugal: farm-level economic and environmental contributions // GM Crops & Food. 2019. DOI: 10.1080/21645698.2019.1614393.

13. Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC // Official Journal of the European Union, L 06. 17 April 2001. P.1–38.

14. Directive (EU) 2015/412 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2015 amending Directive 2001/18/EC as regards the possibility for the Member States to restrict or prohibit the cultivation of genetically modified organisms (GMOs) in their territory // Official Journal of the European Union, L 68. 13 March 2015. P.1–8.

15. Genetically Modified Organisms MON-ØØ81Ø-6 // GMO Register. URL: https://webgate.ec.europa.eu/dyna/gm_register/gm_register_auth.cfm?pr_id=11 (Accessed: 20.06.2019).

16. Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops in 2017: ISAAA Brief No. 53. ISAAA. 2017. 143 p.

17. Ley № 15/1994 – Régimen jurídico de la utilización confinada, liberación voluntaria y comercialización de organismos modificados genéticamente, a fin de prevenir los riesgos para la salud humana y para el medio ambiente // Boletín Oficial del Estado Nº 133, 4 de junio de 1994. P.17781–17788.

18. Ley № 9/2003 – Régimen jurídico de la utilización confinada, liberación voluntaria y comercialización de organismos modificados genéticamente // Boletín Oficial del Estado Nº 299, 14 de diciembre de 2007. P.51275–51327; Nº100, 26 de abril de 2003. P.16214–16223.

19. Ley № 42/2007 – Ley del Patrimonio Natural y de la Biodiversidad: modificada el 20 de julio de 2018 // Boletín Oficial del Estado Nº299, 14 de diciembre de 2007. P.51275–51327; Nº176, 21 de julio de 2018. P.73196 – 73202.

20. Ley № 45/2007, de 13 de diciembre, para el desarrollo sostenible del medio rural // Boletín Oficial del Estado №299. 14 diciembre 2007. P. 51339–51449.

21. Panchin A.Y., Tuzhikov A.I. Published GMO studies find no evidence of harm when corrected for multiple comparisons // Critical Reviews in Biotechnology. 2016. P.213–217. DOI: 10.3109/07388551.2015.1130684.

22. Real Decreto № 1.274/2011 – Plan estratégico del patrimonio natural y de la biodiversidad 2011–2017 // Boletín Oficial del Estado № 236, de 30 de septiembre de 2011. P.103071 – 103280.

23. Real Decreto № 178/2004 – Reglamenta la Ley Nº 9/2003, sobre régimen jurídico de la utilización confinada, liberación voluntaria y comercialización de organismos modificados genéticamente // Boletín Oficial del Estado Nº27. 31 de enero de 2004. P. 4171–4216.

References

1. Querci M., Mazzara M. Analiz obraztsov pishchevykh produktov na prisutstvie geneticheski modifitsirovannykh organizmov. Sessiya 7. Kharakteristika soi Roundup ReadyR, kukuruzy MON810 i kukuruzy Bt-176 *(The Analysis of Food Samples for the Presence of Genetically Modified Organisms. Session 7. Characteristics of Roundup Ready® Soybean, MON810 Maize, and Bt-176 Maize)*. VOZ. Evropeiskoe regional'noe byuro. 21 p. URL: http://gmo-crl.jrc.ec.europa.eu/capacitybuilding/manuals/manual%20RUS/UM%20Rus-S7.pdf (Accessed: 20.06.2019) (In Russian).

2. Kompleksnaya programma razvitiya biotekhnologii v Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda *(Comprehensive program for the development of biotechnology in the Russian Federation for the period up to 2020):* utv. Pravitel'stvom Ros. Federatsii ot 24 aprelya 2012 g. № 1853p-P8 // Pravitel'stvo Rossii. URL: http://static.government.ru/media/files/41d4e85f0b854eb1b02d.pdf (Accessed: 20.06.2019). (In Russian).

3. O gosudarstvennom regulirovanii v oblasti genno-inzhenernoi deyatel'nosti: feder. zakon ot 5 iyulya 1996 g. № 86-FZ: red. ot 3 iyulya 2016 g. *(On State Regulation in the Field of Genetic Engineering: Federal Law No. 86-ФЗ)* // SZ RF. 1996. No. 28. Art. 3348; 2016. No. 27 (Part II). Art. 4291. (In Russian).

4. Ob okhrane okruzhayushchei sredy: feder. zakon ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ: v red. ot 29 iyulya 2018 g. *(On the environment: Federal Law No. 7-ФЗ)* // SZ RF. 1999. No. 14. Art. 1650; 2018. No. 31. Art. 4841. (In Russian).

5. Osnovy zakonodatel'stva v oblasti gennoi inzhenerii *(Fundamentals of legislation in the field of genetic engineering)* // Germano-rossiiskii agrarno-politicheskii dialog: URL: https://agrardialog.ru/files/prints/gmo_osnovi_zakonodatelstva_es_germaniya_2016_1.pdf (Accessed: 01.06.2019). (In Russian).

6. Petushkova Yu. A. Pravovoe regulirovanie v sfere biotekhnologii v zarubezhnykh stranakh *(Legal regulation in the field of biotechnology in foreign countries)* // Ekologicheskoe pravo. 2013. No. 2. 20–25. (In Russian).

7. Sokolov A. Yu., Bogatyreva N. V. Opredelenie urovnya riska v oblasti genno-inzhenernoi deyatel'nosti *(Risk level determination in the field of genetic engineering activities)* // Administrativnoe pravo i protsess. 2018. No. 8. P. 32–36. (In Russian).

8. Chirkin V. E. Nadnatsional'noe pravo: osnovnye osobennosti *(Supranational law: main features)* // Zhurnal rossiiskogo prava. 2017. No. 2 (242). P. 18–25. (In Russian).

9. Entin L. M. Pravo Evropeiskogo Soyuza. Novyi etap evolyutsii: 2009–2017 gody *(European Union law. New stage of evolution: 2009–2017)*. Moscow: Aksioma, 2009. 148 p. (In Russian).

10. A decade of EU-funded GMO research (2001–2010) // Directorate-General for Research and Innovation Biotechnologies, Agriculture, Food, 2010. 266 p. URL: http://ec.europa.eu/research/biosociety/pdf/a_decade_of_eu-funded_gmo_research.pdf (дата обращения: 20.06.2019); *National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2016. Genetically Engineered Crops: Experiences and Prospects.* Washington, DC: The National Academies Press. 606 p. DOI: 10.17226/23395.

11. Binimelis R., Wickson F. The troubled relationship between GMOs and beekeeping: an exploration of socioeconomic impacts in Spain and Uruguay // Agroecology and Sustainable Food Systems. 2019. 43:5. P. 546–578. DOI: 10.1080/21683565.2018.1514678.

12. Brookes G. Twenty-one years of using insect resistant (GM) maize in Spain and Portugal: farm-level economic and environmental contributions // GM Crops & Food. 2019. DOI: 10.1080/21645698.2019.1614393.

13. Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC // Official Journal of the European Union, L 06. 17 April 2001. P. 1–38.

14. Directive (EU) 2015/412 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2015 amending Directive 2001/18/EC as regards the possibility for the Member States to restrict or prohibit the cultivation of genetically modified organisms (GMOs) in their territory // Official Journal of the European Union, L 68. 13 March 2015. P. 1–8.

15. Genetically Modified Organisms MON-ØØ81Ø-6 // GMO Register. URL: https://webgate.ec.europa.eu/dyna/gm_register/gm_register_auth.cfm?pr_id=11 (Accessed: 20.06.2019).

16. Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops in 2017: ISAAA Brief No. 53. ISAAA. 2017. P. 94. 143 p.

17. Ley № 15/1994 – Régimen jurídico de la utilización confinada, liberación voluntaria y comercialización de organismos modificados genéticamente, a fin de prevenir los riesgos para la salud humana y para el medio ambiente // Boletín Oficial del Estado N°133, 4 de junio de 1994. P. 17781–17788.

18. Ley № 9/2003 – Régimen jurídico de la utilización confinada, liberación voluntaria y comercialización de organismos modificados genéticamente // Boletín Oficial del Estado N°299, 14 de diciembre de 2007. P.51275–51327; N°100. 26 de abril de 2003. P. 16214–16223.

19. Ley № 42/2007 – Ley del Patrimonio Natural y de la Biodiversidad: modificada el 20 de julio de 2018 // Boletín Oficial del Estado N°299, 14 de diciembre de 2007. P.51275–51327; N°176. 21 de julio de 2018. P. 73196–73202.

20. Ley № 45/2007, de 13 de diciembre, para el desarrollo sostenible del medio rural // Boletín Oficial del Estado №299. 14 diciembre 2007. P. 51339–51449.

21. Panchin A. Y., Tuzhikov A. I. Published GMO studies find no evidence of harm when corrected for multiple comparisons // Critical Reviews in Biotechnology. 2016. P. 213–217. DOI: 10.3109/07388551.2015.1130684.

22. Real Decreto № 1.274/2011 – Plan estratégico del patrimonio natural y de la biodiversidad 2011–2017 // Boletín Oficial del Estado. №236. de 30 de septiembre de 2011. P. 103071–103280.

23. Real Decreto № 178/2004 – Reglamenta la Ley Nº 9/2003, sobre régimen jurídico de la utilización confinada, liberación voluntaria y comercialización de organismos modificados genéticamente // Boletín Oficial del Estado. №27. 31 de enero de 2004. P. 4171–4216.

Сведения об авторах

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / aysockolov@mail.ru

Богатырева Наталия Владимировна – ассистент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / nvbogatyreva@gmail.com

Information about the authors

Sokolov Alexandr – Doctor of Law, Professor, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / aysockolov@mail.ru

Bogatyreva Nataliya – Assistant, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / nvbogatyreva@gmail.com

УДК 342.95

Т. А. Спицына

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Актуальность данной статьи обусловлена как теоретическими, так и практическими предпосылками. Теоретическая значимость соответствующих разработок связана с тем, что в настоящее время в научной литературе по административному праву не содержится единого подхода к определению понятия административно-правовых средств обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, не определены ключевые разновидности таких средств. Практическое значение исследования вопросов обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса определяется тем, что от их бесперебойного функционирования зависит дальнейшее экономическое развитие государства, поскольку они продолжают оставаться основным источником поступлений финансовых ресурсов в бюджет, а возможные акты незаконного вмешательства могут причинить значительный материальный ущерб. Немаловажное значение для обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса имеет организационно-управленческая деятельность государства, которая связана с реализацией исполнительной власти и находит выражение в различных административно-правовых средствах предупреждения, пресечения и наказания, что в комплексе обеспечивает безопасность и антитеррористическую защищённость таких объектов, гарантируя недопущение возможных актов незаконного вмешательства. В данной статье сформулировано определение понятия административно-правовых средств обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса. Научная новизна статьи состоит в том, что на основе проведённого анализа законодательства о безопасности объектов топливно-энергетического комплекса и практики его применения выявлены недостатки нормативно-правового регулирования, касающиеся категорирования указанных объектов, а также обеспечения безопасности объектов, подпадающих под действие не только Федерального закона «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», но и законодательства, обеспечивающего безопасность на транспорте, и сформулированы соответствующие предложения по их устранению.

Ключевые слова: административно-правовые средства, обеспечение безопасности, объекты топливно-энергетического комплекса, категорирование объектов топливно-энергетического комплекса, контрольно-надзорная деятельность.

T. Spitsyna

ADMINISTRATIVE-LEGAL MEANS OF ENSURING SAFETY OF OBJECTS OF FUEL AND ENERGY COMPLEX

The relevance of this article is due to both theoretical and practical prerequisites. The theoretical significance of the relevant developments is due to the fact that at present the scientific literature on administrative law does not contain a unified approach to the definition of the concept of administrative and legal means of ensuring the safety of fuel and energy complex objects, the key varieties of such means are not defined. The practical significance of the research questions of safety of objects of fuel and energy complex by the fact that their smooth functioning depends on the further economic development of the state as they continue to be the main source of income of financial resources in the budget, and possible acts of unlawful interference can cause significant material damage. The organizational and managerial activity of the state is of great importance for ensuring the safety of fuel and energy facilities. It relates to the implementation of the executive power and is expressed in various administrative and legal means of prevention, suppression and punishment, which in combination ensures the safety and anti-terrorist protection of such facilities, providing the prevention of possible acts of unlawful interference.. In this article the definition of the concept of administrative and legal means of ensuring the safety of fuel and energy complex objects is formulated. The scientific novelty of the article lies in the fact that on the basis of the analysis of the legislation on the safety of fuel and energy complex objects and the practice of its application, the shortcomings of legal regulation concerning the categorization of these objects, as well as ensuring the safety of objects falling under the action of not only the Federal law “On the safety of objects of the fuel and energy complex”, but also the legislation ensuring the safety in transport, and formulated appropriate proposals to eliminate them.

Key words: administrative and legal means, security, objects of fuel and energy complex, categorization of objects of fuel and energy complex, control and supervisory activity.

Обеспечение безопасности объектов топливно-энергетического комплекса имеет существенное значение для экономики Российской Федерации в целом, поскольку от бесперебойного их функционирования зависит дальнейшее экономическое развитие государства. Объекты то-

пливно-энергетического комплекса по-прежнему остаются основным источником поступлений финансовых ресурсов в бюджет, а возможные акты незаконного вмешательства могут причинить значительный экономический урон. В связи с этим важную роль в обеспечении безопасности объектов топливно-энергетического комплекса играет организационно-управленческая деятельность государства, которая находится в плоскости реализации исполнительной власти, что находит отражение в различных административно-правовых средствах упреждающего, пресекательного и карательного характера, которые в совокупности обеспечивают безопасность и антитеррористическую защищённость таких объектов, гарантируя недопущение актов незаконного вмешательства.

Понятие «административно-правовые средства» в последнее время стало достаточно часто употребляться в научных исследованиях. Оно является производным от категории «правовые средства», указывая на отраслевую принадлежность таких средств. В свою очередь правовые средства как правовая категория подвергнуты обширной теоретико-правовой разработке, однако, с концептуальной точки зрения, не выработан единый подход к механизму реализации права как к специальному научному направлению, призванному обеспечить оптимальное использование правовых средств при осуществлении юридической деятельности.

Система современных специально-юридических средств не реализуется в необходимой мере, что определяется многообразием подходов к их теоретическому содержанию, а также отсутствием унифицированного подхода субъектов нормотворческой деятельности к пониманию сущности правовых средств и их соотношения с субъективным правом. Проблемы правовых средств актуализируются в юридических научных исследованиях и связаны с необходимостью определить наиболее эффективные пути и конкретизировать способы достижения целей, которые соответствуют общественным интересам, в охваченных правом сферах жизнедеятельности общества.

Для определения понятия административно-правовых средств нужно рассмотреть дефиницию «правовое средство», подвергнутую исследованиям в общей теории права.

По мнению П. В. Попинова, правовые средства нужно рассматривать в качестве предусмотренных нормами права и обусловленных определёнными целями и задачами инструментов правового регулирования [9, с. 358–359].

Как полагает А. В. Кузьмин, правовые средства – это предусмотренные правовыми нормами, отражающие информационно-энергетические ресурсы права, обеспеченные принудительной силой государства технологии и инструменты, посредством которых достигаются рациональные юридические цели и порождаются соответствующие юридические последствия [3, с. 1].

Согласно дефиниции Ю. Б. Батуриной, правовые средства – это деятельностно-институциональные образования, показывающие функционально-динамическую сторону права в целом и правовых явлений в частности [1, с. 8].

Согласно точке зрения А.В. Малько, правовые средства представляют собой правовые явления, которые выражаются в деяниях (технологиях) и инструментах (установлениях), при помощи которых реализуются интересы субъектов права, а также обеспечивается достижение позитивно значимых целей [4, с. 463]. Если исходить из указанного определения, то административно-правовыми средствами обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса являются правовые установления, а также правовые технологии, реализуемые органами исполнительной власти и иными субъектами государственного управления для обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса в различных областях применения норм административного права, включая внешнеуправленческую деятельность государственных органов.

Административно-правовые средства находят материальное закрепление в нормах права, правовых установлениях. Это связано с необходимостью их практического использования, претворения их в жизнь, достижения целей государственного управления. В иных случаях понятие административно-правовых средств как нормативных установлений не имело бы смысла.

Административно-правовые средства имеют свойство нормативности. В то же время их не характеризуют общеобязательность и возможность неоднократного применения. Административно-правовые средства следует рассматривать как один из возможных вариантов поведения, характеризующегося «деятельностью», наличием процессуального содержания, направленного на достижение общественно полезных целей, наполнение которых определяется в каждом конкретном случае на основе усмотрения уполномоченных субъектов государственного управления.

Административно-правовые средства воплощаются в действительность посредством волевых юридически значимых действий субъектов государственного управления, совершаемых в рамках системы социальных связей.

Если исходить из содержания законодательства об обеспечении безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, можно выявить ряд административно-правовых средств обеспечения безопасности в данном направлении, к числу которых в первую очередь следует отнести осуществление организационно-правовых мероприятий по категорированию объектов топливно-энергетического комплекса. Необходимость реализации подобного рода мер связана с тем, что разные объекты топливно-энергетического комплекса требуют применения разных мер, направленных на обеспечение их физической защиты. На этой основе определяется и содержание организационно-технических действий в целях рационализации и достижения эффек-

тивности управленческой деятельности в данной сфере. В зависимости от того, относится ли объект топливно-энергетического комплекса к числу критически важных, а также от степени его потенциальной опасности законодатель выделяет три категории таких объектов: объекты высокой, средней и низкой категорий опасности [13, ст. 5].

В деятельность по установлению перечня подлежащих категорированию объектов топливно-энергетического комплекса вовлечён ряд субъектов государственного управления, включая высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, которое утверждает данный перечень, руководствуясь представлением коллегиального органа по противодействию терроризму, сформированного в соответствующем субъекте Российской Федерации и включающего в свой состав представителей федеральных органов государственной власти, региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Кроме того, для проведения категорирования объекта топливно-энергетического комплекса по решению его субъекта создается комиссия по категорированию данного объекта, в состав которой подлежат включению: а) представители Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Министерства энергетики Российской Федерации, других заинтересованных федеральных и региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления (по согласованию); б) руководитель субъекта топливно-энергетического комплекса; в) работники объекта, обладающие специальными знаниями в области пожарной и промышленной (технологической) безопасности, технологического оборудования, учёта опасных материалов и веществ, контроля за опасными материалами и веществами, а также в области инженерно-технических средств защиты и охраны информации; г) работники структурного подразделения, обеспечивающего гражданскую оборону объекта; д) работники подразделения безопасности и режимно-секретного отдела при их наличии [7, п. 8]. Процедура категорирования заканчивается тем, что соответствующие объекты вносятся в реестр объектов топливно-энергетического комплекса, за ведение которого отвечает Министерство энергетики Российской Федерации как федеральный орган исполнительной власти, реализующий функции по выработке и осуществлению государственной политики и нормативно-правовому регулированию в топливно-энергетическом комплексе.

Вызывают вопросы правовые нормы, требующие создание комиссии по категорированию объекта решением субъекта топливно-энергетического комплекса нахождение во главе такой комиссии руководителя субъекта топливно-энергетического комплекса. Дело в том, что субъект топливно-энергетического комплекса не является публично-властным субъектом, могущим определять деятельность органов исполнительной власти и местного самоуправления, в том числе выделение для участия в работе комиссии по категорированию должностных лиц этих органов. Если обратиться к утверждаемым высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации перечням объектов топливно-энергетического комплекса, подлежащих категорированию, то в них входят, например, котельные, шахты, газонаполнительные и компрессорные станции и др. [10]. Нелогичной является ситуация, когда комиссию по категорированию объекта топливно-энергетического комплекса возглавляет руководитель котельной, а под его началом действуют должностные лица Росгвардии, Минэнерго России и других органов исполнительной власти. Представляется, что указанная комиссия должна создаваться решением должностного лица органа, осуществляющего государственное управление в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, то есть Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, которое и должно её возглавлять.

Следует также отметить, что не всегда следует ожидать активности со стороны субъектов топливно-энергетического комплекса в решении вопросов обеспечения его безопасности, поскольку часто они не заинтересованы в проведении соответствующих мероприятий по причине того, что это означает для них дополнительную организационную нагрузку. В связи с этим существующие рекомендательные нормы, принятые органами исполнительной власти, неэффективны. Так, формирование перечня подлежащих категорированию объектов топливно-энергетического комплекса рекомендовано осуществлять на основе предложений субъектов топливно-энергетического комплекса [8]. Однако действительное положение дел состоит в том, что сами эти субъекты часто не выполняют указанную рекомендацию, а обязать их пройти категорирование, включая внесение соответствующего предложения, как показывает судебная практика, не представляется возможным. Например, в одном из судебных решений было указано, что соответствующая рекомендация адресована органам исполнительной власти субъекта Российской Федерации, так как именно к их ведению относится формирование перечня, и никоим образом не свидетельствует о том, что субъект топливно-энергетического комплекса должен вносить предложение о его включении в данный перечень и тем более проходить процедуру категорирования [11].

Ещё один проблемный вопрос при категорировании объектов топливно-энергетического комплекса состоит в том, что при его проведении учитывается, в частности, наличие критических элементов объекта топливно-энергетического комплекса, в качестве которых согласно закону рассматриваются потенциально опасные участки (элементы) объекта топливно-энергетического комплекса, совершение акта незаконного вмешательства по отношению к которым приведёт к прекращению нормального функционирования

указанного объекта, к аварии на нём или к его повреждению. Изложенная формулировка не содержит критериев отнесения к повреждениям и авариям тех или иных последствий актов незаконного вмешательства. Такая позиция законодателя располагает к отнесению любого производственного и непроизводственного участка объекта топливно-энергетического комплекса к числу критических элементов, поскольку актом незаконного вмешательства на любом из них будет вызвано какое-либо повреждение или авария. Фактически как реальный показатель критичности элемента можно рассматривать лишь прекращение нормального функционирования объекта топливно-энергетического комплекса, однако показатели нормального функционирования законодательно не установлены. Представляется, что показателем нормального функционирования объекта должен являться необходимый уровень выполнения его основной задачи, в качестве которой следует рассматривать производство или хранение продукции (тепловой энергии, газа, нефти и др.). Таким образом, как критерий нормального функционирования логично рассматривать производственные показатели объекта топливно-энергетического комплекса по выработке конечной продукции, что может быть выражено в количественном отношении. В специальной литературе по проблемам обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса предлагается критерий прекращения нормального функционирования такого объекта – снижение выдачи продукции более чем на шестьдесят процентов и на срок более двух суток. Помимо этого, ещё одним критерием отнесения потенциально опасного участка к критическим элементам объекта топливно-энергетического комплекса может стать количество пострадавших в результате возможного осуществления актов незаконного вмешательства, которых должно быть не менее десяти человек [6, с. 74–75]. Сообразно этому целесообразно внести соответствующие уточнения в Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса».

Одной из основных проблем государственно-управленческой деятельности в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса является необходимость разграничения полномочий различных органов исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность в данной сфере. Осуществление такой деятельности также относится к административно-правовым средствам обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса. Дело в том, что существуют объекты, требования к безопасности которых одновременно содержатся в разных федеральных законах и иных нормативных правовых актах. С этим связаны существование различных критериев их категорирования, проведение обследований, дублирующих друг друга, и подготовка совпадающих по многим показателям паспортов безопасности.

Отдельные объекты топливно-энергетического комплекса подпадают под требования таких нормативных правовых актов, как Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. №16-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 г.) «О транспортной безопасности» [12], Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. №60-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 г.) [3], Международный кодекс по охране судов и портовых средств от 12 декабря 2002 г. [5] Речь идёт о нефтебазах и заводах, на территории которых расположена часть обеспечивающей их функционирование транспортной инфраструктуры, топливозаправочных комплексах авиатранспортной инфраструктуры, морских терминалах. Указанные объекты подвергаются контрольно-надзорным мероприятиям со стороны не только Росгвардии, но и Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, а предмет проверки при этом частично совпадает. С одной стороны, такая ситуация обусловливается положениями Федерального закона «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», согласно которым потенциально опасными объектами топливно-энергетического комплекса являются объекты топливно-энергетического комплекса, на которых в том числе транспортируются взрыво-, пожароопасные, радиоактивные и опасные биологические и химические вещества, а актами незаконного вмешательства на них может быть вызвано возникновение чрезвычайных ситуаций с опасными социально-экономическими последствиями.

С другой стороны, требования, например, к авиатранспортной инфраструктуре применительно к объектам топливно-энергетического комплекса устанавливаются Воздушным кодексом Российской Федерации, согласно ст. 47 которого во второй подзоне приаэродромной территории размещаются объекты, предназначенные для хранения авиационного топлива и заправки воздушных судов и обеспечения энергоснабжения. Соответственно, контрольно-надзорную деятельность в данном случае осуществляют не только орган, обеспечивающий транспортную безопасность (Ространснадзор), но и орган, выполняющий функции по контролю и надзору в области обеспечения безопасности топливно-энергетического комплекса (Росгвардия). Однако это означает дублирование полномочий, выполнение проверочных мероприятий в отношении обеспечения безопасности одних и тех же объектов различными органами, предъявление ими противоречащих друг другу требований и, соответственно, нарушение прав и законных интересов юридических лиц, что требует корректировки законодательства в данной сфере.

Подводя итог, следует отметить, что административно-правовые средства обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса составляют важнейшую часть государственной политики в этой области отношений, однако имеются недостатки нормативно-правового регулирования, касающиеся категорирования

указанных объектов, а также обеспечения безопасности объектов, подпадающих под действие не только Федерального закона «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», но и законодательства, обеспечивающего безопасность на транспорте.

Литература

1. Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 149 с.

2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. №60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. №12. Ст. 1383.

3. Кузьмин А. В. Правовые средства правовосстановления. Понятие и признаки правовых средств // Theory and Practice of the restoration of rights. 2013. №1. С. 1–10.

4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.

5. Международный кодекс по охране судов и портовых средств от 12 декабря 2002 г. // Бюллетень международных договоров. 2011. Ч.5. Приложение №1.

6. Ничиков А. Проблемные вопросы при категорировании объектов ТЭК // Безопасность объектов ТЭК. 2016. № 1. С. 72–75.

7. Постановление Правительства РФ от 5 мая 2012 г. № 459 «Об утверждении Положения об исходных данных для проведения категорирования объекта топливно-энергетического комплекса, порядке его проведения и критериях категорирования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №20. Ст. 2556.

8. Приказ Минэнерго России от 10 февраля 2012 г. № 48 «Об утверждении методических рекомендаций по включению объектов топливно-энергетического комплекса в перечень объектов, подлежащих категорированию» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Проблемы теории государства и права: учебное пособие / под ред. М. Н. Марченко. М.: Юристь, 2001. 656 с.

10. Распоряжение Губернатора Ивановской области от 28 сентября 2012 г. №226-р «Об утверждении Перечня объектов топливно-энергетического комплекса Ивановской области, подлежащих категорированию» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс. Региональное законодательство».

11. Решение Змеиногорского городского суда Алтайского края от 12 марта 2014 г. по делу № 2-48/2014 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (Дата обращения: 17.10.2018).

12. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. №7. Ст. 837.

13. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. №256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. №30. Ст. 604.

References

1. Baturina Yu. B. Pravovaya forma i pravovoe sredstvo v sisteme ponyatii teorii prava *(Legal form and legal means in the system of concepts of the theory of law):* thesis. Moscow, 2001. 149 p. (In Russian).

2. Vozdushnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii No. 60 *(The air code of the Russian Federation)* (19.03.1997) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1997. No. 12. Art. 1383. (In Russian).

3. Kuz'min A. V. Pravovye sredstva pravovosstanovleniya. Ponyatie i priznaki pravovykh sredstv *(Legal means of legal restoration. Concept and features of legal means)* // Theory and Practice of the restoration of rights. 2013. No. 1. P. 1–10.

4. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava *(Theory of state and law).* Moscow: Yurist, 2004. 512 p. (In Russian).

5. Mezhdunarodnyi kodeks po okhrane sudov i portovykh sredstv *(International ship and port facility security code)* (12.12.2002) // Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov. 2011. Part 5. Prilozhenie No.1.

6. Nichikov A. Problemnye voprosy pri kategorirovanii ob»ektov TEK *(Problematic issues in the categorization of fuel and energy facilities)* // Bezopasnost' ob»ektov TEK. 2016. No.1. P. 72–75. (In Russian).

7. Resolution Of The Government Of The Russian Federation No. 459 «Ob utverzhdenii Polozheniya ob iskhodnykh dannykh dlya provedeniya kategorirovaniya ob»ekta toplivno-energeticheskogo kompleksa, poryadke ego provedeniya i kriteriyakh kategorirovaniya» *(«On the statement of Regulations on initial data for carrying out categorization of object of fuel and energy complex, the order of its carrying out and criteria of categorization»)* (05.05.2012) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2012. No. 20. Art. 2556. (In Russian).

8. Order Of The Ministry Of Energy No. 48 «Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsii po vklyucheniyu ob»ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa v perechen' ob»ektov, podlezhashchikh kategorirovaniyu» *(«On the approval of methodical recommendations about inclusion of objects of fuel and energy complex in the list of the objects which are subject to categorization»)* (10.02.2012) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russian).

9. Problemy teorii gosudarstva i prava: Uchebnoe posobie / Pod red. M. N. Marchenko *(Problems of theory of state and law).* Moscow: Yurist publ., 2001. 656 p. (In Russian).

10. Order Of the Governor of the Ivanovo region No. 226 «Ob utverzhdenii Perechnya ob»ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa Ivanovskoi oblasti, podlezhashchikh kategorirovaniyu» *(«On the approval of the List of the objects of fuel and energy complex of the Ivanovo region which are subject to categorization»)* (28.09.2012) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus. Regional legislation». (In Russian).

11. The decision of the city court Zmeinogorsk of Altai Krai No.2 – 48/2014 (12.03.2014) // Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema Rossiiskoi Federatsii «Pravosudie». URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (Accessed: 17.10.2018). (In Russian).

12. The Federal Law No. 16 «O transportnoi bezopasnosti» *(«On transport security»)* (09.02.2007) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2007. No. 7. Art. 837. (In Russian).

13. The Federal Law No. 256 «O bezopasnosti ob»ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa» *(«On safety of objects of fuel and energy complex»)* (21.07.2011) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2011. No.30. Art.4604. (In Russian).

Сведения об авторе

Спицына Татьяна Александровна – соискатель кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / T.Lobko@mail.ru

Information about the author

Spitsyna Tat'yana – postgraduate student, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / T.Lobko@mail.ru

УДК 342.7

Е. А.Терещенко, Д. А. Зассеев

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОСТУПНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СУБЪЕКТАХ СКФО РФ И РЕСПУБЛИКЕ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Задачей исследования послужило формирование знаний о состоянии и гарантированности права человека на образование для выработки рекомендаций для применения в процессе фактической интеграции образовательных пространств Российской Федерации и Республики Южная Осетия.

Законодательство об образовании постоянно стремится к совершенствованию. Применяются новые правовые механизмы регулирования сферы образования. В новейшей истории в Российской Федерации новый закон об образовании был принят в 2012 г., в Южной Осетии законы принимались в 2008 г. и 2017 г. В определенной степени применение законодательных актов необходимо корректировать, внося в них изменения или принимая акты подзаконного характера.

В статье проведен сравнительный анализ фактической степени гарантированности права на образование в Республике Южная Осетия и Северо-Кавказских республиках Российской Федерации, образовательные комплексы которых наиболее близко соотносимы с образовательным комплексом Южной Осетии. Обобщается правоприменительная практика по вопросам защиты прав детей на образование. Выявлены социальные риски, существенно влияющие на реализацию права человека на образование в России и Южной Осетии. Прежде всего, сделан акцент на вопросе физической реализации права на образование, зависящей от территориальной организации системы общеобразовательных учреждений.

Недостаточность мест в общеобразовательных организациях влечет за собой их переуплотненность, нарушение санитарных норм и правил осуществления образовательного процесса. Система зачисления требует как нормативного совершенствования, так и информационной прозрачности.

Представляется, что иные, альтернативные муниципальным учреждениям, формы присмотра и ухода за детьми, получения ими дошкольного образования обеспечат доступность услуг дошкольного образования. С этой целью необходима целенаправленная государственная политика в отношении открытия и развития частных дошкольных общеобразовательных организаций.

На основе анализа социальных факторов, влияющих на реализацию прав и свобод человека, в дальнейшем возможно сформулировать правовые механизмы, нейтрализующие негативное влияние этих факторов на степень фактической реализации прав человека, в том числе способствовать правильной корректировке действующего законодательства России и Южной Осетии об образовании.

Ключевые слова: право на образование, социальные факторы, реализация права, физическая доступность образования.

E. Tereshchenko, D. Zaseev

THE LOCATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS AS A FACTOR OF SOCIAL REALIZATION OF THE RIGHT TO EDUCATION IN THE REPUBLICS OF THE NORTH-CAUCASUS FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

The aim of the study is the formation of knowledge about the state and guarantee of the human right to education to develop recommendations for use in the actual integration of educational spaces of the Russian Federation and the Republic of South Ossetia.

The legislation on education is constantly striving for improvement. New legal mechanisms to regulate the sphere of education are used. In the recent history of the Russian Federation, a new law on education was adopted in 2012, in South Ossetia, laws were adopted in 2008 and 2017. To some extent, the application of legislative acts should be adjusted by making changes to them or by adopting acts of subordinate nature.

The article presents a comparative analysis of the actual degree of guarantee of the right to education in the Republic of South Ossetia and the North-Caucasus republics of the Russian Federation, whose educational complexes are most closely correlated with the educational complex of South Ossetia. The article summarizes the law enforcement practice on the protection of children's rights to education. Social risks that significantly affect the realization of the human right to education in Russia and South Ossetia are identified. First,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-511-07005.

the emphasis is placed on the physical realization of the right to education, which depends on the territorial organization of the system of educational institutions.

The lack of places in general education institutions entails their overcrowding, violation of sanitary norms and rules of the educational process. The enrollment system requires both regulatory improvement and information transparency.

A promising area of availability of pre-school education services is the development of variable forms of work with children who do not attend pre-school educational institutions. To this end, work is needed to encourage and assist citizens in opening private pre-school institutions.

Based on the analysis of social factors affecting the realization of the rights and freedoms of the individual, in the future it is possible to formulate legal mechanisms, neutralizing the negative impact of these factors on the degree of actual implementation of human rights, as well as to facilitate the proper adjustment of the existing legislation of Russia and South Ossetia on education.

Key words: the right to education, social factors, realization of the right, physical accessibility of education.

Конституция Российской Федерации, устанавливая право человека на образование, тем самым определяет обязанность государства и муниципальных образований предоставлять места детям в образовательных организациях, сохранять их в достаточном количестве и расширять сеть имеющихся образовательных организаций.

Принцип доступности образования состоит из различных составляющих. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования и статья 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах в систему гарантирования государством права на образование включает не только экономическую доступность, но и физическую доступность. Безопасная физическая досягаемость образования обеспечивается посредством посещения общеобразовательной организации на разумном географическом удалении, либо использованием современных дистанционных технологий в обучении.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15 мая 2006 г. №5-П разъясняет [9, p. 27–43], что, осуществляя собственное нормативное регулирование, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования должны учитывать, что государственная политика определяет образование как приоритетное направление, основываясь на принципах единства федерального культурного и образовательного пространства и общедоступности образования.

Физическая реализация права на образование зависит от территориальной организации системы образовательных учреждений, построенной как в России, так и в Южной Осетии по поселенческому принципу.

«Конституционные провозглашения должны дополняться правовыми предписаниями, содержащимися в источниках позитивного права, а также соответствующим механизмом правового воздействия, юридической практикой, правовой идеологией, сформировавшейся на юрисдикционной территории данного государства». В публикациях авторы отмечают, что только в этом случае можно говорить о создании системы гарантирования реализации конституционных принципов и норм, в том числе закрепляющих систему прав и свобод человека и гражданина [5, p. 24–28].

Выявить социальные риски, которые возникают в системе образования, возможно путем обзора обращений граждан в адрес Уполномоченных по правам человека и Уполномоченных по правам ребенка, анализа результатов прокурорских проверок, решений судебных инстанций. Эмпирическая база ограничивается в настоящем исследовании статистическими материалами указанных органов Ставропольского края, республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской республики.

В докладах уполномоченных по правам ребенка обозначаются вопросы осуществления и исполнения прав несовершеннолетних в характерных сферах их жизни, ставшие объектом внимания Уполномоченных, органов исполнительной власти в текущем году.

Тематика обращений граждан и организаций в Ставропольском крае к уполномоченному по правам ребенка в 2018 году составила: 19,96 % о защите прав детей на образование, из них 40 о реализации прав детей на дошкольное образование, 30 жалоб на действия педагогических работников, администрации образовательных учреждений, 16 обращений по вопросам организации образовательного процесса, 9 о реализации прав детей на начальное образование, 15 иных обращений, касающихся прав детей на образование.

Несмотря на активное обновление и расширение в Ставропольском крае сети детских дошкольных образовательных организаций, число обращений с жалобами на отказ в предоставлении мест в детских садах не снижается.

По состоянию на 31 декабря 2018 года система дошкольного образования края включала в себя 831 организацию, суммарной проектной мощностью на 122 913 мест. Кроме того, 4 индивидуальных предпринимателя (г. Ставрополь, г.-к. Кисловодск и г. Михайловск – 2), осуществляют лицензированный вид деятельности по реализации образовательных программ дошкольного образования, с общим количеством на 417 мест для детей дошкольного возраста.

По данным Минобразования Ставропольского края, 132 937 детей в 2018 году было охвачено дошкольным образованием, в том числе: в возрасте до трех лет – 18 554 ребенка, в возрасте от 3 до 7 лет – 112 461 ребенок.

В Ставропольском крае в прошедшем 2018 году дополнительно создано 329 мест, в 2017 году – 410).

Увеличение количества мест достигалось как за счет строительства и введения в эксплуатацию

1 нового дошкольного учреждения (г. Ставрополь), так и за счет реконструкции, капитального ремонта и внутренних резервов дошкольных образовательных организаций. Тем самым уровень доступности дошкольного образования для детей от трех до семи лет обеспечен на 100 процентов на сегодняшний день.

Вместе с тем отмечаем, что проблема обеспеченности детей до трех лет доступностью к образованию характерна для регионов СКФО. 88,68 % детей указанного возраста в Ставропольском крае имеют возможность посещать детские сады. Это обусловлено объективными причинами. Во-первых, увеличением числа детского населения за счет миграционных процессов, а во-вторых, отставанием ввода в эксплуатацию необходимых социальных объектов в микрорайонах активной жилищной застройки от темпов ввода в эксплуатацию вновь построенного жилья.

Не менее актуальными остаются и вопросы реализации прав детей на начальное образование. В связи с чем в поле зрения Уполномоченного по правам ребенка в Ставропольском крае в 2018 году находились 9 обращений (8,2 %) по вопросам приема детей в первые классы [3]. Нагрузка на некоторые образовательные организации особенно в городах края превышена более чем на 7 %.

В 2018 году 4 письменных обращений в адрес Уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия касались вопросов, связанных с трудностями при определении родителями детей в общеобразовательные учреждения республики.

Например, к Уполномоченному с письменным заявлением обратилась многодетная мать с просьбой оказать помощь в определении ее детей в школу-интернат Малгобекского района.

После изучения материалов заявительницы, было установлено, что ее семья находится в трудной жизненной ситуации, является малообеспеченной.

В связи с необходимостью периодических выездов за пределы республики для лечения третьего ребенка-инвалида детства, заявительница просила помочь в определении ее детей в интернат.

В рамках рассмотрения данного заявления, Уполномоченным было направлено обращение на имя директора школы-интернат Малгобекского района, с просьбой оказать содействие в устройстве детей заявительницы.

В результате рассмотрения обращения с руководством образовательного учреждения была достигнута договоренность и двое детей заявительницы приняты в школу-интернат Малгобекского района [1].

Впервые в Кабардино-Балкарской республике в 2018 году за шесть лет на вторую позицию вышли обращения и жалобы по вопросам реализации прав ребенка в образовательной среде, которые за последние три года увеличились в три раза (19%). Нарушались права детей с инвалидностью в связи с отказами в приеме в коррекционные школы-интернаты, при наличии мест, в вопросах доступности дошкольного образования детей данной категории, реорганизации образовательных организаций и интернатных учреждений, обеспечения бесплатным питанием детей из многодетных семей, нарушения организации питания детей с ОВЗ. Также имеют место конфликты между участниками образовательного процесса, применение непедагогических методов воспитания (каждое второе обращение сопровождается конфликтом). Статистические данные за период 2016–2018 годы представлены в таблице 1 [2].

Таблица 1

Тематика обращений граждан к уполномоченному по правам ребенка в Кабардино-Балкарской Республике в динамике за 2016–2018 гг. (в %)

№	Классификация обращений	Динамика по годам (%)		
		2016 г.	2017 г.	2018 г.
1.	Личные права несовершеннолетних, имя и гражданство ребенка	5,0	5,0	3,0
2.	Воспитание ребенка в семье, его содержание	24,0	23,0	24,0
3.	Жилищные и имущественные права ребенка	16,0	15,0	10,0
4.	Права ребенка в сфере образования	13,0	19,0	17,0
5.	Права ребенка в сфере здравоохранения	10,0	5,0	9,0
6.	Меры поддержки семьям, имеющим несовершеннолетних детей	9,0	7,0	12,0
7.	Опека и попечительство над несовершеннолетними	4,0	8,0	4,0
8.	Безопасность детей, насилие и жестокое обращение	5,0	3,0	6,0
9.	Обращения на действия (бездействия) должностных лиц по соблюдению прав и законных интересов детей	10,0	12,0	13,0
10.	Трудовые отношения	0	1,0	1,0
11.	Обращения осужденных	1,0	2,0	1,0
12.	Иные	3,0	-	-

По вопросу зачисления детей-инвалидов в интернатные (коррекционные) образовательные организации законодатель достаточно четко урегулировал вопрос, и причины отказа детям, что они должны обучаться только в общеобразовательной организации, являются несостоятельными.

Согласно п.4 ст.79 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья может быть организовано обучение как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность. Таким образом, закон предусмотрел существование инклюзивного и одновременно интегрированного, специального (коррекционного) образования.

В 2017 году имели резонанс в обществе вопросы реорганизации образовательных организаций. В последние два года при реорганизации или ликвидации образовательных учреждений основным аргументом становится бюджетное финансирование. Кроме того, при проведении реорганизационных мероприятий грубо нарушается последовательность процедурных мер, установленных гражданским законодательством, в связи с чем приходилось неоднократно вмешиваться Уполномоченному и надзорным органам.

Количество детей, охваченных дошкольным образованием в Кабардино-Балкарской Республике, на 31 декабря 2017 г., составляло 52 701 человек (52 % от общего количества детей дошкольного возраста). По сравнению с показателями 2013 года (41014 человек) количество детей, получающих дошкольное образование, увеличилось на 11 687 человек (28,5 %).

В ходе реализации Республиканской стратегии в рамках государственной программы модернизации региональных систем дошкольного образования в республике создано 4485 мест в 89 образовательных учреждениях, реализующих программу дошкольного образования, из которых:

путем строительства и ввода в эксплуатацию 9 дошкольных образовательных учреждений создано 1240 мест;

путем реконструкции 19 дошкольных образовательных учреждений создано 910 мест;

путем капитального ремонта 61 дошкольного образовательного учреждения создано 2335 мест.

На сегодняшний момент обеспечена стопроцентная доступность образовательных услуг для дошкольников от трех до семи лет. Помощью в достижении указанных показателей является развитие в системе дошкольного образования государственно-частного партнерства. В КБР 4 частных дошкольных организации с охватом 237 детей.

Кроме того, частным дошкольным организациям предоставляются субсидии на возмещение затрат, возникающих в связи с оказанием образовательных услуг по предоставлению дошкольного образования. Так, в 2017 г. на финансовое обеспечение получения дошкольного образования в частных дошкольных образовательных организациях было выделено из республиканского бюджета 7,7 млн рублей.

В рамках реализации мероприятий, направленных на повышение доступности дошкольного образования и создание дополнительных мест для реализации образовательных программ дошкольного образования и (или) присмотра и ухода за детьми, продолжается работа по увеличению охвата детей в возрасте от полутора до трех лет дошкольными образовательными услугами. На начало 2018 года в 180 учреждениях работают 258 групп для детей в возрасте от полутора до трех лет, в которых дошкольными образовательными услугами охвачено 7511 детей ранней возрастной группы. На 1 января 2018 г. численность детей в возрасте от полутора до трех лет, поставленных на учет для предоставления места в дошкольной организации, составила 5662 чел.

Существенную роль в решении данной проблемы играют органы местного самоуправления.

Так, создано 115 дополнительных дошкольных мест для детей ранней возрастной группы, для детей от 3 до 7 лет – 393 дополнительных места. На 1 января 2018 г. создано 548 при запланированных 260.

На сегодняшний день более остро стоит вопрос обеспечения местами в дошкольных учреждениях детей в возрасте от 2 месяцев до 3 лет и эту проблему предстоит решать органам власти в ближайшие годы [2].

На состоявшемся 22.03.2019 расширенном заседании коллегии Министерства просвещения, науки и по делам молодёжи КБР отмечено, что основное направление деятельности – это создание новых мест и современных условий в образовательных организациях, формирование новой технологической среды в системе образования, обновление содержания образования, развитие инклюзивного образования, повышение эффективности молодёжной политики, формирование условий для реализации проектного подхода в управлении. Общий объём привлечённых из федерального бюджета субсидий превысил 1 млрд 53 млн рублей.

В рамках мероприятий, которые проводились в 2018 году по реализации приоритетного проекта «Создание современной образовательной среды для школьников», одним из важных результатов стало то, что 32 школы занимаются в две смены, а доля обучающихся, занимающихся во вторую смену, снизилась до 9,4 процента. Завершено строительство здания лицея №1 на 825 мест в Нарткале, введена в эксплуатацию средняя школа на 96 мест в селе Ташлы-Тала, начато возведение школы в шестом микрорайоне Нальчика на 1224 места. В 2019 году предусмотрено начало строительства общеобразовательной школы в Чегеме и станице Солдатской, а также строительство 29 зданий (пристроек) к функционирующим учреждениям дошкольного образования для создания двух тысяч дополнительных мест для детей в возрасте до трёх лет. Всего планируется

создать 3860 мест в 48 учреждениях. В 2018 году построено два детских сада – в сёлах Аргудан и Белая Речка. Параллельно ведётся строительство 19 пристроек к действующим детсадам для создания 860 дополнительных мест для детей раннего возраста.

07.06.2019 в Нальчике под председательством заместителя министра просвещения Российской Федерации Андрея Николаева состоялось межрегиональное совещание по вопросам развития системы образования в субъектах СКФО, создания дополнительных мест в дошкольных учреждениях и ликвидации третьей смены обучения в общеобразовательных организациях округа.

Ассигнования, предоставляемые на эти цели из федерального бюджета, в том числе в рамках отраслевых национальных проектов, увеличены: «Добавлены субсидии на создание новых мест на селе, что особенно актуально для Северокавказского региона, реализацию программ модернизации учебного процесса. На увеличение мест в детских садах СКФО в рамках нацпроекта «Демография» в 2019 году будет направлено 11,7 млрд рублей. До 2024 года в детских садах на Северном Кавказе будет создано дополнительно 35 тысяч мест, что позволит удержать высокий уровень доступности дошкольного образования.

В реализации национального проекта «Демография» в части создания новых мест в образовательных организациях участвуют все субъекты СКФО: в 2019 году запланировано построить 89 объектов и создать 8715 новых мест [6].

Следующая выявленная проблема связана с поступлением детей в первый класс. Федеральным законом от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» за родителями закреплено право выбора образовательного учреждения, т.е. конкретной школы, а также право на выбор профиля и обучающей программы. Условия поступления в первый класс установлены Порядком приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования, утвержденным Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 января 2014 года №32, а также приказами или постановлениями органа местного самоуправления, приказом директора образовательной организации, в которых указываются, в том числе сроки приема документов.

Практически повсеместно обнаружены факты нарушения образовательными организациями федеральных норм.

Прокуратурой г. Карабулака Республики Ингушетия проведены надзорные мероприятия в сфере соблюдения образовательными организациями города требований федерального законодательства при приеме в образовательные организации.

В ходе изучения локальных нормативных актов ГБОУ «СОШ №3 г. Карабулака», регламентирующих правила приема обучающихся установлено, что Устав ГБОУ «СОШ №3 г. Карабулака» не соответствует требованиям федерального законодательства.

В пунктах 4.2.10 и 4.2.12 Устава указано, что прием заявлений в общеобразовательную организацию осуществляется с 1 апреля по 1 августа текущего года.

Вместе с тем, Порядок приема устанавливает хронологическую последовательность и сроки, а именно: прием в 1 класс заявлений от лиц, проживающих на закрепленной территории должен начинаться не позднее 1 февраля и завершаться не позднее 39 июня; от родителей детей, не проживающих на этой территории с 1 июля текущего года и длится до момента заполнения свободных мест, но не позднее 5 сентября. Ранее 1 июля могут открыть набор для лиц, не проживающих на территории общеобразовательные организации, закончившие прием всех детей по своей территории.

Пунктом 4.2.5 устава предусмотрено, что для зачисления ребенка на обучение необходимо представить также медицинскую карту ребенка для образовательных учреждений; копию паспорта одного из родителей (законных представителей), копию СНИЛС, копию медицинского полиса, что тоже является нарушением федеральных норм (пункт 9).

В связи с вышеизложенным прокурором города в адрес директора СОШ №3 внесено представление об устранении выявленных нарушений закона [7].

Прокуратурой Назрановского района Республики Ингушетия проведена проверка соблюдения законодательства об образовании в общеобразовательных учреждениях на поднадзорной территории.

В ходе проверки установлено, что в нарушение требований Закона «Об образовании в Российской Федерации» и Приказа Министерства образования и науки РФ от 22 января 2014 г. №32 , на официальных сайтах 22 школ района не размещена информация о количестве мест в первых классах, а также в установленный законом срок не опубликован распорядительный акт о закрепленной территории.

В соответствии с п.7 Порядка, государственные и муниципальные образовательные организации размещают распорядительный акт органа местного самоуправления муниципального района, городского округа (в городах федерального значения – акт органа, определенного законами этих субъектов Российской Федерации) о закреплении образовательных организаций за конкретными территориями муниципального района, городского округа, издаваемый не позднее 1 февраля текущего года.

Согласно п. 8 Порядка, государственная или муниципальная образовательная организация с целью проведения организованного приема граждан в первый класс размещает на информационном стенде, на официальном сайте в сети «Интернет», в средствах массовой информации (в том числе электронных) информацию о:

– количестве мест в первых классах не позднее 10 календарных дней с момента издания распорядительного акта о закрепленной территории;

– наличии свободных мест для приема детей, не проживающих на закрепленной территории, не позднее 1 июля.

Таким образом, родители дошкольников, желающие определить детей в первый класс данной школы, лишены возможности ознакомиться с предусмотренной законом информацией и решить вопрос о подаче заявления о приеме на обучение в данную образовательную организацию.

По результатам проверки прокурором района в адрес директоров 22 общеобразовательных учреждений внесены представления об устранении нарушений закона и привлечении виновных лиц к дисциплинарной ответственности.

В поступивших к Уполномоченному по правам ребенка в Ставропольском крае обращениях от родителей по вопросам не зачисления ребенка в школу, как правило, причиной отказа указаны полная наполняемость классов. Подобные жалобы связаны с закрытостью и непрозрачностью системы зачисления в школы.

Существуют ли аналогичные социальные проблемы в Республике Южная Осетия?

Согласно статьи 28 Конституции Республики Южная Осетия каждый имеет право на образование и выбор форм его получения.

Южная Осетия относится к государствам с низкой плотностью населения. Недостаточность количества мест в дошкольных общеобразовательных учреждения, перегруженность в городских школах вызваны демографическими процессами.

В системе дошкольного образования Республики Южная Осетия 24 образовательных учреждения, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования и (или) присмотр и уход за детьми. Распределение дошкольных образовательных учреждений по районам выглядит следующим образом: г. Цхинвал – 17 (2711 чел.), Дзауский район – 2 (179), Знаурский район – 2 (117), Ленингорский район – 2 (93), Цхинвальский район – 1 (92).

Средняя наполняемость в группах в городских детских садах – 29 человек, в сельских – 17 человек.

Количество детей, не обеспеченных местом в дошкольных образовательных организациях, – 1544 человек (33 % от общего количеств детей; в 2018 году – 2065 человек или 40 %).

Общая численность детей, поставленных на учет для получения места в дошкольной образовательной организации, – 409 человек (прогнозируемое число детей в возрасте от 1 5 до 7 лет в 2021 году составляет 3542 человек).

За период 2015–2018 гг. создано 230 новых мест (70 % от запланированного), из них: в 2015 г. – 100 мест – ДОО п. Дменис; в 2017 г. – 30 мест – п. Орчосан – образовательная организация типа «школа-детский сад»; в 2018 г. – 100 мест – ДОО п. Ленингор

В целях обеспечения охвата и доступности дошкольного образования предполагается в г. Цхинвал завершение мероприятий по полному вводу эксплуатацию ДОО №17 (г. Цхинвал, Привокзальная площадь) на 100 мест. В 2019 г. планируется завершение строительства ДОО №1 (г. Цхинвал ул. Суворова) на 160 мест.

Согласно мероприятиям действующей Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию Республики на 2018–2019 гг., в г. Цхинвал идет строительство многоквартирного жилого комплекса по ул. Бр. Губаевых, что приведет к увеличению численности детей дошкольного возраста в юго-восточной части г. Цхинвал. Вместе с тем одной из главных проблем остается проблема обеспеченности в юго-восточной части г. Цхинвала (р-н ЦАРЗ) услугами дошкольного образования, где численность детей от 0 до 7 лет на 1 января 2019 составляет 274 ребенка. Дети данного района входят в контингент воспитанников ДОО, расположенных в других районах города.

В ДОО № 12, рассчитанном на 100 детей, количество воспитаннике составляет 163. В ДОО № 5, мощность которого рассчитана на 140 детей, количеств воспитанников составляет 161. В ДОО № 6, контингент которого рассчитан на 140 детей, сегодня воспитываются и получают образование 170 детей. Контингент превышающий допустимую мощность, представлен детьми района ЦАРЗ (Бр. Губаевых).

В системе общего образования функционирует 40 общеобразовательных организаций (численность учащихся составляет 6093). Из них городских организаций – 12 (4833 человек), в сельской местности – 28 организаций (1260 человек). В государственных общеобразовательных организациях обучается 6093 ученика (в 2015 г. 5325), в негосударственных общеобразовательных организациях 441 человек (302). Статистические данные по средней наполняемости классов: в городе – 21,6 человек, в поселках 14,4; в отдаленных приграничных селах – 4 ученика.

На грани закрытия школы в населённых пунктах Балан, Ахмадж, Абрев и Хельчуа. В этих сельских школах по 1 или 2 ученика. При этом в каждой школе полный комплект учителей. К примеру, в отдаленном горном селе Балан Ленингорского района всего один ученик на всю школу [8].

Перегруженность допустимой проектной мощности школ в г. Цхинвал остается одной их ключевых проблем общего образования, несмотря на положительные изменения, происходящие в системе общего образования Республики Южная Осетия [10].

Итак, детское население в субъектах СКФО РФ и республике Южная Осетия увеличивается. Данный рост вызван демографическими и миграционными процессами.

Ввод в эксплуатацию необходимых социальных объектов в микрорайонах активной жилищной застройки отстает от темпов ввода в эксплуатацию вновь построенного жилья. Отсюда растет

нагрузка на некоторые образовательные организации, особенно в городах. Недостаточность мест в школах влечет за собой их переуплотненность, нарушение санитарных норм и правил осуществления образовательного процесса.

Отдельно следует выделить вопрос о нарушении прав детей с инвалидностью в связи с отказами в приеме в коррекционные школы-интернаты, при наличии мест, в вопросах доступности дошкольного образования детей данной категории. Система зачисления требует еще как нормативного совершенствования, так и информационной прозрачности.

Представляется, что иные, альтернативные муниципальным учреждениям, формы присмотра и ухода за детьми, получения ими дошкольного образования обеспечат доступность услуг дошкольного образования. С этой целью необходима целенаправленная государственная политика в отношении открытия и развития частных дошкольных общеобразовательных организаций, работа органов местного самоуправления по правовой, консультативной педагогической поддержке частных лиц, создающих негосударственные дошкольные образовательные организации.

Право на образование относится к социальным правам гражданина [4, p. 171] и для их осуществления недостаточно воздерживаться от вмешательства в данную сферу, а необходимо продолжить вести целенаправленную государственную политику, которая позволила гарантировать провозглашенные права.

Литература

1. Доклад о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Ингушетия в 2018 году URL: http://ingushombudsman.ru/annual_reports/doklad-o-soblyudenii-prav-i-svobod-tcheloveka-i-grazhdanina-v-respublike-ingushetiya-v-2018-godu (Дата обращения: 22.07.2019).

2. Доклад о состоянии соблюдения прав и интересов ребенка в Кабардино-Балкарской Республике в 2017 году URL: http://deti.gov.ru/region/kbr/docs (Дата обращения: 22.07.2019).

3. Ежегодный доклад о состоянии и соблюдении прав и законных интересов детей в Ставропольском крае в 2018 году // Официальный сайт губернатора Ставропольского края URL: https://www.gubernator.stavkray.ru/contacts/rights-childs/item/9714-otchjot-upolnomochennogo-po-pravam-rebenka-za-2018-god.html (Дата обращения: 22.07.2019).

4. Енгибарян Р. В., Тадевосян Э. В. Конституционное право: учебник. М.: Юрист, 2000. 492 с.

5. Каштанова Е. А. О гарантии реализации права на образование // Вестник Омской юридической академии. 2017. №2. С. 24–28.

6. Информация Министерства просвещения, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской республики // Официальный сайт Министерства просвещения, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской республики. URL: http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/index.php?ELEMENT_ID=26110 22.07.2019 (Дата обращения: 20.07.2019).

7. Информация Прокуратуры Республики Ингушетия // Официальный сайт прокуратуры Республики Ингушетия URL: http://procing.ru/news/1975/?sphrase_id=3114 (Дата обращения: 23.07.2019).

8. Школа, встречай // Государственное информационное агентство «Рес». URL: http://cominf.org/node/1166524762 (Дата обращения: 25.08.2019).

9. Павлушкин А. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в сфере образования //Комментарий судебной практики. Вып. 13. М.: Юрид. Лит., 2007. С. 27–43.

10. План модернизации сети дошкольного и общего образования Республики Южная Осетия на 2019–2021 гг. // Официальный сайт Министерства образования и науки Республика Южная Осетия URL: http://axwyrad.ru/upload/ibloc k/8f8/8f8a5a24342073ce6ec3f9680761e6cf.pdf (Дата обращения: 20.08.2019).

References

1. Doklad o sobljudenii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Respublike Ingushetija v 2018 godu *(Report on the observance of human and civil rights and freedoms in the Republic of Ingushetia in 2018).* URL: http://ingushombudsman.ru/annual_reports/doklad-o-soblyudenii-prav-i-svobod-tcheloveka-i-grazhdanina-v-respublike-ingushetiya-v-2018-godu (Accessed: 22.07.2019). (In Russian).

2. Doklad o sostojanii sobljudenija prav i interesov rebenka v Kabardino-Balkarskoj Respublike v 2017 godu *(Report on the state of observance of the rights and interests of the child in the Kabardino-Balkar Republic in 2017).* URL: http://deti.gov.ru/region/kbr/docs (Accessed: 22.07.2019). (In Russian).

3. Ezhegodnyj doklad o sostojanii i sobljudenii prav i zakonnyh interesov detej v Stavropol'skom krae v 2018 godu *(Annual report on the state and observance of the rights and legitimate interests of children in the Stavropol territory in 2018)* // Oficial'nyj sajt gubernatora Stavropol'skogo kraja URL: https://www.gubernator.stavkray.ru/contacts/rights-childs/item/9714-otchjot-upolnomochennogo-po-pravam-rebenka-za-2018-god.html (Accessed: 22.07.2019). (In Russian).

4. Engibarjan R. V., Tadevosjan Je. V. Konstitucionnoe pravo: uchebnik *(Constitutional law: textbook).* Moscow: Jurist publ., 2000. 492 p.

5. Kashtanova E. A. O garantii realizacii prava na obrazovanie *(On the guarantee of the right to education)* // Vestnik Omskoj juridicheskoj akademii. 2017. No. 2. P. 24–28. (In Russian).

6. Informacija Ministerstva prosveshhenija, nauki i po delam molodezhi Kabardino-Balkarskoj respubliki *(Information of the Ministry of education, science and youth Affairs of the Kabardino-Balkar Republic)* // Oficial'nyj sajt Ministerstva prosveshhenija, nauki i po delam molodezhi Kabardino-Balkarskoj respubliki // URL: http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/index.php?ELEMENT_ID=26110 22.07.2019 (Accessed: 20.07.2019). (In Russian).

7. Informacija Prokuratury Respubliki Ingushetija *(Information Of The Prosecutor's Office Of The Republic Of Ingushetia)* // Oficial'nyj sajt prokuratury Respubliki Ingushetija URL: http://procing.ru/news/1975/?sphrase_id=3114 (Accessed: 23.07.2019). (In Russian).

8. Shkola, vstrechaj *(School, meet)* // Gosudarstvennoe informacionnoe agentstvo «Res». URL: http://cominf.org/node/1166524762 (Accessed: 25.08.2019). (In Russian).

9. Pavlushkin A. V. Reshenija Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v sfere obrazovanija *(Decisions of the constitutional Court of the Russian Federation in the field of education)* // Kommentarij sudebnoj praktiki. Issue 13. Moscow: Juridicheskaya literatira publ., 2007. P. 27–43. (In Russian).

10. Plan modernizacii seti doshkol'nogo i obshhego obrazovanija Respubliki Juzhnaja Osetija na 2019–2021gg. *(Plan of modernization of preschool and General education network of the Republic of South Ossetia for 2019–2021)* // Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovanija i nauki Respublika Juzhnaja Osetija URL: http://axwyrad.ru/upload/iblock/8f8/8f8a5a24342073ce6ec3f9680761e6cf.pdf (Accessed: 20.08.2019). (In Russian).

Сведения об авторах

Терещенко Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Elena-tereshhenk@yandex.ru

Засеев Дзамболат Артурович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова (Цхинвал, Республика Южная Осетия) / zasseev13@mail.ru

Information about the authors

Tereshchenko Elena – PhD on Law, Head of Chair of Legal Culture and Protection of Human Rights, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Elena-tereshhenk@yandex.ru

Zaseev Dzambolat – PhD on Law, Senior Teacher, Chair of Criminal Law, South-Ossetian State University named after A.Tibilov (Tskhinval, Republic of South Ossetia) / zasseev13@mail.ru

УДК 342 (470.6)

В. А. Черепанов

УСТАВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПОИСК РЕШЕНИЯ

Устав Ставропольского края, являясь составной частью конституционного законодательства России, призван осуществлять правовое регулирование важнейших общественных отношений конституционного значения. Принятый в 1994 году краевой Устав претерпел существенные изменения в результате внесения множества поправок, продиктованных порой не реальными проблемами, а сиюминутными политическими интересами. Действующая редакция имеет большое количество пробелов, не регулирует многие общественные отношения конституционного значения, в значительной части является формальным и декларативным документом. В итоге возникло реальное противоречие между фактическими общественными отношениями конституционного значения и положениями Устава, который призван осуществлять их правое регулирование, но не выполняет должным образом эту важнейшую конституционную функцию. Автором предложен концептуальный подход, получивший свое воплощение в Модельном проекте Устава Ставропольского края, который размещен на новом информационном портале «Конституционно-правовой форум» для широкого обсуждения научно-экспертным сообществом. Концептуальный подход, положенный в основу Модельного проекта, исходит из того, что краевой Устав должен обладать, по крайней мере, пятью основными юридическими свойствами: учредительный характер; основополагающий характер; прямое действие; юридическое верховенство в краевой правовой системе; стабильность. В статье выделены проблемные вопросы, возникшие при уставном регулировании (в разрезе выделенных свойств Устава), обозначены допустимые пути решения и возможность законодательного воплощения в тексте нового Устава Ставропольского края.

Предложено понимание источника государственной власти Ставропольского края, в качестве которого выступает народ Ставропольского края как составная часть многонационального народа Российской Федерации. Обоснована необходимость значительного массива уставных норм, имеющих непосредственное действие при минимуме числа отсылочных положений, рассмотрены основные из них в разрезе глав Модельного проекта Устава. Изложены доводы в пользу создания Уставного Суда Ставропольского края, предложены новые нормативные положения, обеспечивающие стабильность краевого Устава. Высказано предложение об организации дискуссии о том, каким быть новому Уставу Ставропольского края.

Ключевые слова: Устав Ставропольского края, Модельный проект Устава Ставропольского края, Конституционно-правовой форум.

V. Cherepanov

CHARTER OF THE STAVROPOL KRAI: PROBLEM ISSUES AND SEARCH FOR SOLUTION

The Charter of the Stavropol Krai, being an integral part of the constitutional legislation of Russia, is intended to carry out legal regulation of the most important public relations of constitutional significance. The Territorial Charter adopted in 1994 underwent significant changes as a result of the introduction of numerous amendments, dictated by sometimes not by real problems, but by short-term political interests. The current edition has a large number of gaps, does not regulate many public relations of constitutional significance, and is largely a formal and declarative document. As a result, a real contradiction between the actual social relations of constitutional significance and the provisions of the Charter has been arisen, though the Charter is called upon to exercise their rightful regulation, but has not properly performed this most important constitutional function. The author has proposed the conceptual approach that has been embodied in the Model Draft of the Charter of the Stavropol Krai, which has been posted on the new informational portal “Constitutional-Legal Forum” for broad discussion by the scientific and expert community. The conceptual approach underlying the Model Draft assumes that the Territorial Charter must have at least five basic legal properties: a constitutive character; fundamental character; direct action; legal supremacy in the regional legal system; stability. The article highlights the problematic issues that have arisen during the statutory regulation (in terms of the selected legal properties of the Charter), identifies permissible solutions and the possibility of their legislative implementation in the text of the new Charter of the Stavropol Krai.

The interpretation of the source of the government of the Stavropol Krai, which is the people of the Stavropol Kraias part of the multinational people of the Russian Federation, has been proposed. The necessity of a significant array of statutory rules that have direct effect with a minimum number of reference provisions has been substantiated; the main ones have been considered in the context of the chapters of the Model Draft of the Charter. The arguments in favor of the creation of the Charter Court of the Stavropol Kraihave been presented, new regulations to ensure the stability of the Charter of the Stavropol Kraihave been proposed. The proposal to organize a discussion on a new Charter of the Stavropol Kraihas been made.

Key words: Charter of the Stavropol Krai, Model Draft of the Charter of the Stavropol Krai, Constitutional-Legal Forum.

12 декабря 1993 года многонациональный российский народ путем всенародного голосования принял новую Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция) и этим актом суверенитета учредил новую федеративную государственность. Впервые многие регионы, являясь ранее лишь административными образованиями, получили возможность собственного законодательного регулирования общественных отношений в рамках конституционного разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами.

На основе новой Конституции в Ставропольском крае, как и во всей стране, проводились важнейшие государственно-правовые преобразования. 27 марта 1994 года впервые был избран его законодательный (представительный) орган – Государственная Дума Ставропольского края (далее также – Дума, краевая Дума), деятельность которой во многом определила особенности конституционного становления Ставропольского края как субъекта современной России.

Перед депутатами краевой Думы первого созыва, в числе которых посчастливилось быть автору этих строк, было непаханое правовое поле, которое они засевали первыми краевыми законами. Рассматривая события тех лет с позиции сегодняшнего дня и пользуясь современной юридической терминологией, представляется возможным полагать, что основным приоритетом правовой политики впервые созданного краевого законодательного органа была конституционализация всей жизнедеятельности Ставропольского края. Хотя такого слова тогда никто не произносил, поскольку в юридическом лексиконе того времени подобного термина попросту не существовало.

Если под конституционализацией, как это считается сегодня, понимать процесс институциональной и нормативной модернизации государства и права под воздействием Конституции, при котором речь идет о заполнении актуально значимого для жизнедеятельности российского народа пространства конституционными идеями и институтами [3, с.16], то становится понятным, что такое глобальное целеполагание лежало в основе всей деятельности краевого законодателя. В этой связи важнейшим стало принятие Устава Ставропольского края (далее также – краевой Устав, Устав), который, являясь составной частью конституционного законодательства России и одновременно, правовой основой краевого законодательства, призван осуществлять *конституционную* функцию по правовому регулированию наиболее важных общественных отношений *конституционного (уставного)* значения. При надлежащей их регламентации Устав, закрепляя общественное и государственное устройство Ставропольского края, становится фундаментом всей его жизнедеятельности.

Принятый в 1994 году краевой Устав претерпел существенные изменения в результате внесения множества поправок, продиктованных порой не реальными проблемами, а сиюминутными политическими интересами. За истекший период действовало 38 различных редакций Устава, в которых происходило постепенное и неуклонное «выхолащивание» его текста. Действующая редакция имеет большое количество пробелов, не регулирует многие общественные отношения конституционного значения, в значительной части является формальным и декларативным документом и в этой связи не соответствует своему гордому имени «Основной Закон Ставропольского края».

Устав, по своей конституционно-правовой сущности, призван быть не только юридическим, но и идеологическим документом, на основе которого формируется мировоззрение, осуществляется воспитание и обучение подрастающего поколения. Однако в связи с декларативностью и пробельностью действующей редакции эта важнейшая идеологическая функция не реализуется. Устав, как правило, не изучается в школах и вузах, не имеет массового издания и распространения среди населения. Поэтому многие жители Ставрополья не знакомы с положениями Основного Закона Ставропольского края, на территории которого они проживают.

В итоге возникло реальное противоречие между фактическими общественными отношениями конституционного значения и положениями Устава, который призван осуществлять их правое регулирование, но не выполняет должным образом эту важнейшую конституционную функцию. В процессе развертывания данного противоречия произошло накопление «критической массы», при которой, как обосновано отмечается в научной литературе, возникла необходимость в принятии нового Устава, не ограничиваясь точечными поправками действующей редакции [4, с.46].

В рамках настоящей статьи с учетом научных разработок в этой области [1, 2, 4, 7] предложен концептуальный подход, получивший свое воплощение в Модельном проекте Устава Ставропольского края, который размещен на новом информационном портале «Конституционно-правовой форум» для широкого обсуждения научно-экспертным сообществом.

Концептуальный подход, положенный в основу Модельного проекта Устава, исходит из того, что краевой Устав для своего юридического бытия в качестве Основного Закона Ставропольского края должен обладать, по крайней мере, пятью основными юридическими свойствами:

1) учредительный характер;
2) основополагающий характер;
3) прямое действие;
4) юридическое верховенство в краевой правовой системе;
5) стабильность.

Рассмотрим кратко основные проблемные вопросы, возникшие при уставном регулировании (в разрезе выделенных юридических свойств Устава), обозначим допустимые пути решения и поговорим о возможности их законодательного воплощения в тексте нового Устава Ставропольского края.

1. Учредительный характер Устава Ставропольского края. Учредительный характер Устава заключается в том, что им, в соответствии с Конституцией, определяется конституционно-правовой статус Ставропольского края, закрепляется его общественное и государственное устройство и устанавливается, то есть ***учреждается*** краевая система органов государственной власти.

Учредительный характер Устава предопределен особым субъектом правотворчества, от имени которого он принимается. В этой связи возникает вопрос об источнике и носителе учредительной власти, посредством которой определяется конституционно-правовой статус Ставропольского края и учреждается краевая система органов власти. Поскольку источником власти Российского государства в целом является весь российский народ, постольку источником государственной власти Ставропольского края представляется обоснованным считать народ Ставропольского края как составную часть всего многонационального российского народа[1]. При таком подходе народ Ставропольского края выступает как территориальный публичный коллектив, который, являясь источником своей власти, учреждает органы своей власти. В этой связи возникает необходимость определить перечень показателей, при наличии которых можно утверждать о принадлежности граждан к краевому публичному коллективу.

Очевидно, что сам факт нахождения российского гражданина на территории края еще не свидетельствует о его принадлежности к краевому публичному коллективу. На Кавказские Минеральные Воды ежегодно приезжают миллионы граждан для лечения и отдыха, но они не входят в состав народа Ставропольского края, который избирает Губернатора и депутатов краевой Думы.

При рассмотрении краевого публичного коллектива как социально-территориальной общности проживающих на территории Ставропольского края российских граждан, объединенных устойчивыми производственными, политическими и духовно-нравственными связями и отношениями, резонно полагать, что включенность в такие общественные отношения, объединяющие людей в целостный социальный организм, как раз и может свидетельствовать об их принадлежности к краевому сообществу. Очевидно, что к членам такого сообщества следует относить только тех, которые законно находятся в Ставропольском крае, осуществляя регистрацию по месту жительства или временного пребывания на его территории. В отношении последней категории граждан возможно дополнительное требование в виде определенного срока проживания на Ставрополье – им может быть один год, по истечении которого приехавший в Ставропольский край и зарегистрированный на его территории по месту пребывания становится членом краевого публичного коллектива. С учетом сказанного источником государственной власти Ставропольского края, по нашему мнению, необходимо считать его народ как составную часть многонационального народа Российской Федерации, состоящий из жителей Ставропольского края, к которым относятся граждане Российской Федерации, постоянно или преимущественно проживающие на территории Ставропольского края.

В этой связи ***постоянно проживающими*** в Ставропольском крае следует признавать граждан, зарегистрированных по месту жительства на его территории. Прибывшие для временного проживания, считаются ***преимущественно проживающими*** и, соответственно, жителями Ставропольского края, по истечении одного года с момента регистрации по месту пребывания на территории Ставропольского края. Тогда правом избирать в краевые и местные органы власти, участвовать в краевом и местном референдуме должны обладать граждане, постоянно или преимущественно проживающие в Ставропольском крае, не ограниченные в активном избирательном праве федеральными законами.

Именно такие методологические, по своей сути, положения, вытекающие из учредительной роли Устава, закреплены в его Модельном проекте.

2. Основополагающий характер краевого Устава заключается в том, что его положениями регулируются наиболее важные общественные отношения, составляющие основы государственного и общественного устройства. Однако при этом должны закрепляться не декларативные положения, у которых отсутствует регулятивное воздействие на общественные отношения, а правовые нормы, имеющие прямое действие на территории Ставропольского края, что требует некоторого пояснения.

В теории конституционализма, как известно, различаются две формы прямого действия конституционных норм – непосредственное и опосредованное, в основе разграничения которых лежат различные уровни правового регулирования: конституционными нормами и нормами текущего законодательства [8, с. 130–137]. Применительно к Уставу как региональному конституционному акту это выглядит следующим образом.

Все уставные нормы, имеют прямое действие, регулируя определенные общественные отношения, наделяя их участников определенными правами и обязанностями, предусматривая ответственность за неисполнение возложенных обязанностей. Однако уставные нормы при их прямом действии могут реализовываться как не-

[1] По-видимому, словосочетание «народ Ставропольского края» звучит несколько непривычно и странно. Это связано с тем, что в общественном сознании понятие «народ» воспринимается, прежде всего, в этнографическом значении, как этническая общность. Как обоснованно отмечает Т. Я. Хабриева, «для целей этнографии народ – это население, имеющее свой особенный уклад жизни, традиции и обычаи, сохранившиеся уникальные черты психического склада, оригинальную культуру и т.д., а для конституционного права – общность, являющаяся источником государственной власти» [6, с. 17].

посредственно, так и опосредовано – путем конкретизации в иных законодательных актах.

Возьмем, к примеру, статью 24 Устава, некоторые нормы которой ***непосредственно*** регулируют общественные отношения, связанные с выборами краевых депутатов, и не могут быть изменены обычными законами:

• Дума Ставропольского края состоит из 50 депутатов, избираемых сроком на пять лет;

• краевым депутатом может быть избран российский гражданин, достигший 21 года, обладающий в соответствии с федеральным законом пассивным избирательным правом, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание на территории другого государства.

Данные уставные нормы имеют прямое и непосредственное действие и не нуждаются в конкретизации другими законодательными актами. Однако в этой же статье имеется еще одна норма, согласно которой порядок выборов депутатов устанавливается краевым законом. Эта норма имеет прямое действие, но для регулирования общественных отношений, связанных с указанными выборами, требует своей конкретизации в отдельном законодательном акте, действует на эти общественные отношения посредством принятого на ее основе обычного, так называемого ординарного закона.

Поскольку на уставном уровне закрепляются наиболее важные правовые нормы конституционного значения, которые не могут быть изменены в упрощенном порядке путем принятия обычных законов, постольку возникает неизбежный вопрос о том, какие из них, имеющие непосредственное действие, подлежат закреплению именно в Уставе, а не в текущем краевом законодательстве.

Возьмем, к примеру, порядок выборов депутатов, закрепленный в упомянутом краевом законе, который перед очередными выборами нередко меняется действующей Думой, причем порой специально «под себя». По этому поводу известный российский юрист М. А. Федотов, еще, не будучи председателем Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, с большим сожалением отмечал (применительно к выборам федеральных депутатов), что для каждых конкретных выборов специально принимаются новые законы: «Итак, складывается впечатление, что законодатель воспринимает законы о выборах как акты с ограниченным сроком действия, создаваемые ad hoc (что означает «специально для этого случая», примечание мое – *В. Ч.*). Поэтому так, видимо, и надо было их называть: Закон о выборах такой-то Думы» [5, с. 173].

По нашему глубокому убеждению, в Уставе для его конституирования в качестве Основного Закона Ставропольского края, необходимо предусмотреть значительный массив правовых норм, имеющих ***непосредственное*** действие при минимуме отсылочных положений. Остановимся на основных из них в разрезе структурных составляющих нового Устава.

2.1. Глава 1 Модельного проекта закрепляет Основы общественного и государственного устройства Ставропольского края, под которыми понимается совокупность правовых норм, закрепляющих устои, важнейшие исходные начала, основные принципы, на которых построена вся жизнедеятельность государственного образования под названием Ставропольский край.

В Основах общественного и государственного устройства Ставропольского края, как составной части конституционно-правового института Основ конституционного строя Российской Федерации, осуществляется конкретизация конституционных принципов организации общественного и государственного устройства применительно к Ставропольскому краю. В их числе выделим федерализм, приоритет прав и свобод человека и гражданина, народовластие, единство и разделение государственной власти, правовое государство, которые имеют региональные особенности своего отражения в Модельном проекте Устава Ставропольского края.

2.1.1. Конституционный принцип федерализма получает конкретизацию в статье 1 данного проекта, которая, определяя конституционно-правовой статус Ставропольского края в федеративных отношениях, содержит ряд правовых норм, дополняющих действующую редакцию Устава:

• возможность договорного разграничения компетенции между федеральными и краевыми органами государственной власти;

• полнота краевой государственной власти вне пределов ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения;

• право опережающего правового регулирования по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов;

• уточненный и расширенный перечень полномочий Ставропольского края по предметам его ведения.

2.1.2. Конституционный принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина получает свою конкретизацию в статьях 2 и 8 Модельного проекта. Так, в статье 2, во-первых, закреплено, что ***каждому***, находящемуся на территории Ставропольского края обеспечиваются и гарантируются все конституционные права и свободы. Во-вторых, определено, что ***для жителей края*** за счет средств его бюджета могут быть установлены дополнительные гарантии осуществления и защиты их прав и свобод.

Особое внимание уделено правовой возможности ограничения прав и свобод ***законами Ставропольского края***. С учетом правовых позиций Конституционного и Верховного Суда закреплены следующие положения:

• права и свободы человека и гражданина ***могут быть ограничены законом Ставропольского края***, но только в пределах, установленных Конституцией и федеральными законами,

соразмерно и пропорционально конституционным целям, закрепленным частью 3 статьи 55 Конституции[1];

• установление дополнительных мер социальной поддержки и социальной помощи за счет средств бюджета Ставропольского края осуществляется законами Ставропольского края на основе ***принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства***[2].

Исключительно важной представляется новая статья 8 «Казачество». Поскольку Ставропольский край исторически формировался как российская территория, заселяемая казачеством, постольку представляется необходимым закрепить в Уставе исторически казачьего края следующие положения:

«Казачество – исторически сложившаяся социальная общность в составе многонационального народа Ставропольского края, имеющая самобытные традиции и культуру. Органы государственной власти Ставропольского края и органы местного самоуправления в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества осуществляют необходимые меры по реализации федерального законодательства о казачестве, принимают нормативные правовые акты по вопросам возрождения казачества и обеспечивают их выполнение».

2.1.3. Конституционный принцип народовластия получает конкретизацию в статье 3 Модельного проекта, которая содержит ряд правовых норм, дополняющих действующую редакцию Устава:

• конституирование народа Ставропольского края в качестве источника его государственной власти, экспликация данного понятия и определение субъектов активного избирательного права на территории Ставропольского края (подробное обоснование дано выше при рассмотрении учредительного характера Устава Ставропольского края в пункте 1 настоящей статьи);

• постулирование конституционно-правовой ответственности депутатов и выборных должностных лиц перед народом Ставропольского края с закреплением возможности их отзыва избирателями;

• создание условий для расширения непосредственного участия жителей Ставропольского края в выдвижении кандидатов на краевых и муниципальных выборах, решении важнейших вопросов государственного и муниципального управления (народная, в том числе законодательная инициатива, наказы избирателей, отзыв депутатов и выборных должностных лиц);

• закрепление ***обязанности*** органов краевой и муниципальной власти выносить важнейшие вопросы социально-экономического развития на публичное обсуждение с опубликованием его итогов для всеобщего сведения.

2.1.4. Конституционный принцип единства и разделения государственной власти получает конкретизацию в статье 4 Модельного проекта, которая содержит ряд норм, дополняющих действующую редакцию Устава:

• органы законодательной, исполнительной и судебной власти не только самостоятельны в пределах своих полномочий, но и ***взаимодействуют между собой, уравновешивая друг друга***;

• судебную власть Ставропольского края осуществляют суды Ставропольского края, к которым относятся мировые судьи и ***Уставный Суд Ставропольского края*** (подробное обоснование необходимости создания Уставного Суда содержится ниже в пункте 3 настоящей статьи);

• в осуществлении краевой государственной власти участвуют ***государственные органы Ставропольского края***, к которым относятся Избирательная комиссия и Контрольно-счетная палата Ставропольского края.

2.1.5. Конституционный принцип правового государства получает конкретизацию в статье 5 Модельного проекта, в которой наряду с нормами действующей редакции Устава:

• закреплено понятие «законодательство Ставропольского края» и раскрыто его содержание;

• определено, что краевой Устав, закрепляя общественное и государственное устройство Ставропольского края, осуществляет ***непосредственное*** и ***стабильное*** регулирование наиболее значимых общественных отношений, которое не может быть изменено иными краевыми законами;

• установлено, что не исполнение законодательства Ставропольского края влечет юридическую ответственность, предусмотренную федеральными законами и законами Ставропольского края.

2.2. Глава 2 Модельного проекта «Дума Ставропольского края», закрепляя основы статуса краевой Думы и краевых депутатов, организацию деятельности Думы и порядок принятия краевых законов, содержит ряд норм, дополняющих действующую редакцию Устава.

2.2.1. Избирательные системы, на основе которых избираются краевые депутаты. Эти положения в связи с основополагающим характером и прямым действием Устава относятся к вопросам конституционного значения и подлежат закреплению уставными нормами, которые не могут быть изменены путем принятия обычных законов. В настоящее время краевая Дума, состоящая из 50 депутатов, избирается с примене-

[1] Абз. 4 п. 5 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда от 04.04.1996 № 9-П по делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы; Определение Верховного Суда от 17.10.2007 № 19-Г07-22.

[2] Постановление Конституционного Суда от 24.05.2001 № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с жалобой гражданки М. С. Колесниковой.

нием мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, на основе которых формируется по 50 % депутатского корпуса. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки.

Начнем с ***мажоритарной системы***, основными достоинствами которой, как известно, являются учет мнения большинства и персонификация избранного депутата. Однако недостатки используемой разновидности ***относительного большинства*** перевешивают все ее достоинства, поскольку при этом не учитываются голоса, поданные за других кандидатов, что приводит к искажению народного волеизъявления, как это, к примеру, имело место:

• на выборах Думы второго созыва (1997 год), когда за кандидата, победившего по Промышленному одномандатному избирательному округу № 10, проголосовали 15,07 % избирателей, принявших участие в голосовании (при явке 38,36 %). Вряд ли итоги таких выборов можно считать представительными, поскольку избранного депутата не поддержало абсолютное большинство принявших участие в голосовании (84,93 %), а за него проголосовали лишь 5,7 % от общего числа всех избирателей (38,36 % × 15,07 % = 5,7 %);

• на довыборах Думы третьего созыва по Ессентукскому одномандатному округу № 5 (2002 год), когда за победившего кандидата проголосовали 19,31 % принявших участие в голосовании (при явке 36,25 %). Избранного депутата не поддержало абсолютное большинство принявших участие в голосовании (80,69 %), а за него проголосовали лишь около 7 % от общего числа всех избирателей (36,25 % × 19,31 % = 6,99 %).

Перечень подобных примеров можно продолжить. Однако и так ясно, что для того, чтобы обеспечить представительность краевой Думы с учетом мнения различных групп населения используемая мажоритарная система ***относительного большинства*** по одномандатным округам не во всём подходит.

Рассматривая другие разновидности мажоритарной системы, отметим следующее. Система ***абсолютного большинства***, создавая возможность проведения второго тура, является многозатратной и вряд ли применима, поскольку влечет за собой значительные бюджетные расходы. В этой связи предпочтительной (при формировании соответствующей части депутатского корпуса) выглядит разновидность мажоритарной системы с использованием ***многомандатных избирательных округов***, которая применяется, например, на выборах Думы города Пятигорска, когда две трети депутатского корпуса избирается по одиннадцати двухмандатным округам. Анализ выборов действующей городской Думы (2016 год) показывает, что за двух победивших кандидатов в двухмандатных округах проголосовало подавляющее число избирателей, принявших участие в выборах: от 67 до 91 %.

Рассмотрим теперь особенности применения ***пропорциональной системы*** при формировании второй половины депутатского корпуса. Достоинством этой избирательной системы является то, что она позволяет избирать Думу, состав которой ***в идеальном варианте*** адекватно отражает политический плюрализм общества и представляет интересы различных групп населения. Однако эти достоинства проявляются лишь при наличии партий, в совокупности адекватно отражающих интересы различных социальных групп и социальных слоев. Поскольку существующие политические партии не отражают волю значительной части российского общества[1], постольку это достоинство проявляется не в полной мере и в значительной части перевешивается недостатками пропорциональной системы, к числу которых, в первую очередь, относятся:

• ***отчуждение народа от участия в выдвижении кандидатов***, поскольку единственными субъектами выдвижения кандидатов на пропорциональных выборах оказываются политические партии, а жители Ставропольского края, составляющие в своей совокупности народ Ставропольского края, (на выборах, которые являются высшим непосредственным выражением его власти) лишены конституционной возможности непосредственного выражения своей воли путем выдвижения кандидатов;

• ***неперсонифицированность выборов***, которая заключается в том, что избиратель голосует не за конкретных людей, а за партийный список кандидатов, многих из которых он не знает и не в состоянии оценить их пригодность для депутатской деятельности;

• ***отказ избранных депутатов от мандатов***, когда известные люди включаются в партийные списки, не для того, чтобы стать депутатами, а в целях привлечения голосов избирателей к данной партии. Они активно участвуют в агитационной деятельности, ***обходя тем самым запрет*** для лиц, замещающих государственные должности и должности государственной службы, участвовать в агитации. В случае избрания они отказываются от мандатов, уступая свое место следующему кандидату из того же партийного списка. При этом результаты выборов не соответствуют воле народа, поскольку граждане голосуют за одних кандидатов, а мандаты получают другие люди, нередко не известные избирателям. В данном случае имеет место злоупотребление пассивным избирательным правом, поскольку такие лица, действуют в противоречии с целевым назначением пассивного избирательного права: представлять избирателей и выражать волю народа в краевой Думе.

Поскольку устранение двух недостатков пропорциональных выборов (неперсонифицированность и отчуждение народа от выдвижения кандидатов) возможно лишь на ***федеральном уровне***, то на ***краевом уровне*** необходимо:

[1] Так, результаты исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения за неделю до выборов депутатов действующей Государственной Думы, показали, что 25 %, т.е. ¼ населения страны не разделяют взгляды ни одной из политических партий.

• уменьшить применение пропорциональной системы на выборах краевых депутатов до определенного федеральным законодательством минимального уровня в 25 % от общего состава краевой Думы, что при действующей численности в 50 депутатов составляет 13 человек;

• на выборах той части краевой Думы, которая формируется по мажоритарной системе, использовать ее многомандатную разновидность;

• установить, что депутатский мандат, от которого отказывается победивший кандидат, передается другому партийному списку.

В этой связи возникает вопрос о численности краевых депутатов, которая с учетом сказанного может быть увеличена до 52 человек, из которых 13 депутатов избирается по пропорциональной системе, а 39 депутатов – по тринадцати трехмандатным округам (один округ – 3 депутата). Именно такая избирательная модель закреплена в статье 11 Модельного проекта Устава, разработанного на основании изложенного здесь авторского подхода.

2.2.2. Концепция полусвободного депутатского мандата, закрепленная статьей 12 Модельного проекта, согласно которой депутат обязан выполнять предвыборную программу и наказы избирателей, поддерживать связь с избирателями, отчитываться о своей деятельности, выполнении предвыборной программы и наказов избирателей. За неисполнение и ненадлежащее исполнение своих обязанностей к депутату могут быть применены меры конституционно-правовой ответственности в виде досрочного прекращения полномочий по решению краевой Думы, а также путем отзыва избирателями.

2.2.3. Расширены полномочия Думы по участию в формировании краевого Правительства и контролю за его деятельностью (статья 15 Модельного проекта). Закреплено, что Дума дает согласие Губернатору на назначение первых заместителей председателя Правительства (как определено в действующей редакции Устава), а также руководителей краевых органов в сфере финансов, экономического развития, дорожного хозяйства и транспорта и вправе рассматривать вопрос о недоверии указанным лицам. Коррупционные дела последних лет подтверждают необходимость усиления парламентского контроля за деятельностью исполнительных органов власти.

2.2.4. Расширен состав субъектов права законодательной инициативы, в который включены жители Ставропольского края при осуществлении ими народной инициативы (статья 17 Модельного проекта – обоснование приведено выше в пункте 2.1.3 настоящей статьи).

2.3. Глава 3 Модельного проекта «Губернатор Ставропольского края. Правительство Ставропольского края», закрепляя основы статуса Губернатора, краевого Правительства и организации их деятельности, содержит ряд норм, дополняющих действующую редакцию Устава.

2.3.1. Концепция полусвободного губернаторского мандата (статья 21 Модельного проекта – обоснование приведено выше в пункте 2.2.2 настоящей статьи). Наряду с полномочиями Губернатора закреплены его обязанности перед народом Ставропольского края, избравшим его на эту должность, за неисполнение которых он быть отозван своими избирателями. В этой связи сформулирован текст присяги, которую Губернатор приносит народу Ставропольского края при вступлении в должность (статья 20).

2.4. Глава 4 Модельного проекта «Государственные органы Ставропольского края», определяя положение Избирательной комиссии и Контрольно-счетной палаты в системе государственной власти Ставропольского края, закрепляет основы их правового статуса, который детально регламентируется отдельными краевыми законами, принимаемыми на основе уставных норм.

2.5. Глава 5 Модельного проекта «Местное самоуправление в Ставропольском крае», закрепляя основы организации местного самоуправления, содержит ряд норм, дополняющих действующую редакцию Устава. Во-первых, подчеркнуто, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти Ставропольского края. Во-вторых, установлено, что наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями Ставропольского края осуществляется краевыми законами ***по согласованию*** с органами местного самоуправления.

2.5. Глава 6 Модельного проекта «Изменение Устава Ставропольского края» коренным образом отличается от текста действующей редакции Устава. Детальное обоснование ее основных положений изложено ниже в пункте 4 настоящей статьи.

3. Юридическое верховенство Устава в краевой правовой системе закреплено в действующей редакции, однако правовые гарантии такого юридического верховенства отсутствуют в связи с отсутствием в Ставропольском крае Уставного Суда. Поскольку вопрос о несоответствии законодательных и иных нормативных актов, принимаемых краевыми и муниципальными органами власти Уставу Ставропольского края не подсуден федеральным судам и может рассматриваться только краевым Уставным Судом[1], то положения Устава о его юридическом верховенстве, не обеспеченные судебным нормоконтролем, представляются декларативными, не работающими и мертвыми нормами. В отсутствии судебного нормоконтроля уставные положения не являются обязательными для текущего правотворчества, следовательно, и сам краевой Устав не может считаться Основным Законом Ставропольского края.

В целях преодоления этого недостатка уставного регулирования в статье 4 Модельного проекта осуществлено конституирование Уставного

[1] Абзац второй п. 6 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда от 16.06.1998 № 19-П «О толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации».

Суда как самостоятельного и независимого судебного органа, который осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

4. Стабильность Устава, претендующего на роль Основного Закона Ставропольского края, означает его длительное действие без внесения существенных изменений в уставный текст. Стабильность Устава, как имманентное свойство Основного Закона обусловлена тем, что его положения, закрепляя общественное и государственное устройство Ставропольского края, являются своеобразным фундаментом всего краевого государственного образования. Если из фундамента государственного образования постоянно вытаскивать и заменять базовые для его жизнедеятельности правовые блоки, то государственное здание вряд ли будет устойчивым в своем функционировании.

Конституционно-правовой анализ показывает, что в Ставропольском крае возникло реальное противоречие между необходимостью стабильности Основного Закона и практикой его произвольного изменения в силу тех или иных политических устремлений. В этой связи в целях укрепления стабильности Устава Ставропольского края, а, следовательно, всего краевого публичного образования и предотвращения возможности его произвольного изменения в Модельном проекте Устава сконструирована специальная Глава 6 «Изменение Устава Ставропольского края», в которой закреплен ряд новых базовых положений, которых нет в действующей редакции Устава. В Модельном проекте Устава Ставропольского края:

• установлены два отдельных правовых режима внесения изменений в текст Устава: поправки и пересмотр Устава;

• положения глав 2, 3, 4, 5 Устава могут быть изменены путем внесения соответствующих поправок в Устав Ставропольского края;

• положения главы 1 Устава, которая закрепляет Основы общественного и государственного устройства Ставропольского края, и положения главы 6 Устава, которая определяет порядок внесения изменений в Устав, не могут быть изменены путем внесения поправок; если возникла необходимость внесения изменений в эти главы, осуществляется пересмотр действующего Устава с принятием нового Устава Ставропольского края;

• для рассмотрения предложений о поправках и пересмотре Устава создается постоянно действующая Уставная комиссия;

• предложения о поправках к Уставу, получившие одобрение Уставной комиссии, за исключением случаев приведения положений Устава в соответствие с Конституцией и федеральными законами, подлежат официальному опубликованию с проведением по ним публичных слушаний;

• поправки принимаются, если за них проголосовало не менее трех четвертей, а при приведении положений Устава в соответствие с Конституцией и федеральными законами – двух третей установленного числа депутатов;

• при необходимости внесения изменений в главы 1 и 6 Устава осуществляется пересмотр Устава с подготовкой новой редакции. Этот законопроект публикуется для всеобщего сведения и выносится на публичное обсуждение, с учетом результатов которого рассматривается в Думе Ставропольского края и может быть принят, если за него проголосовало не менее трех четвертей установленного числа краевых депутатов

• краевой закон о принятии нового Устава Ставропольского края вступает в силу по истечении 30 дней со дня его официального опубликования.

Завершая разговор об Уставе Ставропольском крае, следует отметить, что изложенный здесь концептуальный подход не рассматривается как истина в последней инстанции. В научно-экспертном сообществе у различных его представителей возможно ***иное*** уставное правопонимание, что естественно и обосновано в условиях идейного многообразия научной и политической мысли. В настоящей статье сделана попытка обозначить лишь некоторые проблемы уставного регулирования и пригласить коллег к обсуждению вопроса о том, каким быть Уставу Ставропольского края. Необходимость в такой дискуссии, как представляется, назрела давно.

Литература

1. Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. М.: Янус-К, 2000. 334 с.

2. Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В. А. Кряжов. М.: ООО «Городец-издат», 2002. 864 с.

3. Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: ЮрНорма, 2017. 176 с.

4. Михалева Н. А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М.: Юркомпани, 2010. 336 с.

5. Федотов М. А. Для защиты свободных выборов необходима защита свободы средств массовой информации // Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов: Материалы международной конференции. М.: Аспект-пресс, 2006. С.172–175.

6. Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Институт зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ , 2010. 288 с.

7. Цалиев А. М. Органы власти и законодательство субъектов Российской Федерации: состояние и проблемы совершенствования. М.: Формула права, 2007. 191 с.

8. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России: монография. М.: Инфра М, 2015. 560 с.

References

1. Goshulyak V. V. Teoretiko-pravovye problemy konstitutsionnogo i ustavnogo zakonodatel'stva sub»ektov Rossiyskoy Federatsii *(Theoretical and legal problems of the constitutional and constitutional legislation of the constituent entities of the Russian Federation)*. Moscow: Yanus-K publ., 2000. 334 p. (In Russian).
2. Konstitutsionnoe pravo sub»ektov Rossiyskoy Federatsii *(Constitutional law of the constituent entities of the Russian Federation)* / ed be V. A. Kryazhov. Moscow: Gorodets-izdat publ., 2002. 864 p. (In Russian).
3. Kruss V. I. Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii *(The constitutionalization of law: the foundations of theory)*: monografiya. Moscow: YurNorma publ., 2017. 176 p. (In Russian).
4. Mikhaleva N. A. Konstitutsii i ustavy sub»ektov Rossiyskoy Federatsii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) *(Constitutions and charters of constituent entities of the Russian Federation (comparative legal study)*. Moscow: Yurkompani publ., 2010. 336 p. (In Russian).
5. Fedotov M. A. Dlya zashchity svobodnykh vyborov neobkhodima zashchita svobody sredstv massovoy informatsii *(Protecting free elections requires protecting media freedom)* // Rossiyskie vybory v kontekste mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow: Aspekt-press publ., 2006. P. 172–175. (In Russian).
6. Khabrieva T. Ya. Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov: sravnitel'no-pravovoe issledovanie *(Modern problems of self-determination of ethnic groups: a comparative legal study)*. Moscow: Institute Law and Comparative Law Study Under the Government of the Russian Federation publ., 2010. 288 p. (In Russian).
7. Tsaliev A. M. Organy vlasti i zakonodatel'stvo sub»ektov Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i problemy sovershenstvovaniya *(Authorities and legislation of the constituent entities of the Russian Federation: state and problems of improvement)*. Moscow: Formula prava publ., 2007. 191 p. (In Russian).
8. Ebzeev B. S. Vvedenie v Konstitutsiyu Rossii *(Introduction to the Constitution of Russia)*: monografiya. Moscow: Infra M publ., 2015. 560 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Черепанов Виктор Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета, заслуженный юрист Российской Федерации (Ставрополь) / sigma45@yandex.ru

Information about the author

Cherepanov Victor – Doctor of Law, Professor, Chair of State and Municipal Management and Law, Stavropol State Agrarian University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Stavropol) / sigma45@yandex.ru

УДК 808.2;659.123.5

И. В. Букреева

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ВКУСОВОЙ СИНЕСТЕЗИИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена исследованию способов актуализации модуса вкуса, или вкусовой синестезии, в рекламных текстах визуального, визуально-акустического и акустического типов. Исследуется понятие синестезии как когнитивного феномена и языковой универсалии. Отмечается, что синестезия может реализовываться на стыке различных семиотических систем, когда при раздражении одного или нескольких органов чувств активизируются сенсорные ощущения, связанные с иными модусами, и эмоциональные реакции. Рассмотрены психолингвистические механизмы воздействия рекламных текстов на модус вкуса.

Существуют различные классификации типов синестезии в рекламном дискурсе. В нашем исследовании мы опирались на следующие типы вкусовой синестезии: зрительно-вкусовая, вкусо-зрительная, слухо-вкусовая, вкусо-слуховая, осязательно-вкусовая, вкусо-осязательная, обонятельно-вкусовая, вкусо-обонятельная.

В представленных типах рекламных текстов мы выявили общие черты репрезентации вкусовой синестезии. Чаще всего рекламисты составляют продающий рекламный текст с использованием слов с предметным значением: конкретных существительных, качественных прилагательных, глаголов, вызывающих у потенциального потребителя ассоциации, обусловленные личным чувственным опытом. Ещё одна важная особенность проанализированной нами рекламы – высокое качество исполнения. Сюда можно отнести хорошие снимки для печатной рекламы, красивый видеоряд для рекламных видеороликов, а также качественный звук в аудироликах, это подтверждает, что для передачи запаха и вкуса дополнительно используются слуховой и зрительный модусы.

Можно констатировать, что вкусовая синестезия относится к одному из способов создания продающего текста рекламы, и на сегодня является одним из направлений развития психолингвистики и маркетинговой лингвистики.

Ключевые слова: вкусовая синестезия, рекламный тест, слова с предметным значением, прилагательные, фонетические средства.

I. Bukreeva

WAYS OF ACTUALIZATION OF TASTE SYNESTHESIA IN ADVERTISEMENT TEXTS

The key point of the article is the research of the ways of taste modus actualization, or taste synesthesia, in advertisement texts of visual, visual-acoustic and acoustic types. Synesthesia is researched as a cognitive phenomenon and a linguistic universal. There is an idea that synesthesia can be realized at the border of various semiotic systems when receptors stimulaion takes place which in its turn causes emotional reactions and sensorial feelings actualization, connected with some other modes. Psycholinguistic mechanisms of the taste modus impact by advertisement texts is also observed in the article.

There are various classifications of synesthesia types in advertisement discourse. The research is focused on the following types of synesthesia: visual-taste, taste-visual, audial-taste, taste-audial, tactile-taste, taste-tactile, smell-taste, taste-smell.

The author has pointed out common features of taste synesthesia representation in the provided types of advertisement texts. The most frequent variant of selling texts contains words with subject meanings: concrete nouns, qualitative adjectives, verbs that make potential customers get associations based on their personal feeling experience. There is one more very important feature of the researched advertisement – high quality of the adverts. This includes high quality of photos of printed advertisement, great videos for video advertisement, high quality audio for audio advertisement. This proves that smell and taste transferring involves audial and visual modes as well.

Therefore, we can confirm that taste synesthesia is one of the ways of selling texts creation and it is also one of development directions of psycholinguistics and marketing linguistics.

Key words: synesthesia, advertisement text, subject-meaning words, adjectives, phonetic means.

О явлении синестезии стало известно в конце XVII – начале XVIII века. Исследования проходили параллельно в таких областях науки, как философия, психология, немного позже лингвистика, поэтика, эстетика, медицина. На основе научных исследований сделаны выводы, что подавляющее большинство людей, независимо от характера, условий жизни и социального положения склонны к схожим реакциям, проявляющимся на подсознательном уровне, а также, что звуковая, цветовая, вкусовая синестезия возникает исключительно спонтанно, но неизменно и с постоянной устойчивостью, вызывая у аудитории ассоциации, обусловленные личным чувственным опытом. Рекламисты подобно психологам создают запоминающуюся рекламу, воздействующую на все органы чувств человека.

Исследованием синестезии как психологического явления занимались такие ученые, как С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, С. В. Кравков, Е. А. Лупенко, Р. С. Немов и другие. Большой интерес для изучения синестезии в лингвистике и семиотике представляют работы Воронина С. В., Сомовой Е. Г., Ежовой Е. Н., Степанова В. Н., Прокофьевой Л. П. Современные исследователи изучают явление синестезии в масс-медийном дискурсе.

С. Л. Рубинштейн под синестезией подразумевает такое слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, разнородную [7, с. 72]. Р. С. Немов даёт следующее определение синестезии в своём словаре-справочнике: «Синестезия – способность раздражителя, адресованного природой для него приспособленному органу чувств, одновременно вызывать необычное ощущение в другом органе чувств» [5, с. 92].

Академик А. Р. Лурия определял синестезию как «возникновение ощущения определённой модальности под воздействием какого-либо раздражителя совершенно другой модальности [4, с. 83]. Также он отмечал, что при развитой синестезии процесс удержания материала не исчерпывается простым сохранением непосредственных зрительных следов, и что в него вмешиваются дополнительные элементы.

С. Ульман охарактеризовал явление синестезии в лингвистике как «особый вид переноса наименования на основе ассоциации между значениями» [10, с. 77]. Именно он первым поставил вопрос о синестезии как семантической универсалии и рассматривал это явление как разновидность метафоризации. С. Ульман выделил определённые сферы сенсориума, разделил их на две категории – примитивные и высокоорганизованные. К примитивным он отнёс осязание, температуру, вкус и обоняние, к высокоорганизованным – слух и зрение.

Следует отметить, что синестезия может быть не ограничена традиционными сенсорными областями, а расширена за счет ассоциаций между абстрактными понятиями и сенсорными впечатлениями, что ведёт к появлению новых словосочетаний, таких как жгучий звук, тоска зелёная, звуки сладкие и другие. Для обозначения подобного вида синестезии С. В. Ворониным был введен термин «синестэмия», который он определил как психофизиологическую универсалию, область действия которой – сенсорно-эмоциональная сфера, то есть ощущения, порождающие эмоции [1, с. 70].

Современные исследования уточняют и расширяют границы понятия синестезии. Е. Н. Ежова считает, что синестезия «приобретает в медиарекламной картине мира статус особого, уникального видения вещного мира – способа, позволяющего через актуализацию различных перцептивных каналов стимулировать ассоциативное мышление потребителя, вызвать наиболее сильные реакции и тем самым воздействовать на его мотивационную сферу [2, с. 95].

С этой целью рекламисты и маркетологи изучают и активно используют явление синестезии в рекламе.

Ресурсы любого канала медийно-рекламной коммуникации связаны в первую очередь с визуальным и акустическим модусами. Актуализация ощущений осязания, обоняния и вкуса имеет чрезвычайную значимость для рекламы, но она не связана непосредственно с каналами рекламной коммуникации. Следовательно, о запахе и вкусе, например, кофе достаточно составить устный или письменный рекламный текст.

Вкусы и запахи в рекламе – это, прежде всего, образы в нашем сознании, которые связаны с пространством, временем, социокультурной и эмоционально-духовной сферами. Рекламный продукт, наделённый вкусовыми характеристиками, превращается в идеальный мир, созданный специально для потребителя. К. Леви-Строс определяет роль запахов и вкусов, смысл которой – включать в себя всё то, что можно назвать «атмосферой» [5, с. 104].

Е. Н. Ежова отмечает, что «знаковый эффект аромата, вкуса – и в буквальном, и в переносном смысле – атмосфера эпохи: у каждого времени года есть свой запах, у каждого возраста, у культуры» [2, с. 94].

Говоря о вкусовой синестезии, следует уделить особое внимание тому факту, что данный вид синестезии имеет следующие типы: зрительно-вкусовая, вкусо-зрительная, слухо-вкусовая, вкусо-слуховая, осязательно-вкусовая, вкусо-осязательная, обонятельно-вкусовая, вкусо-обонятельная.

Механизм зрительно-вкусовой синестезии работает следующим образом: для потребителя подробно описывают состав рекламируемого продукта (конечно же, не полный) и предлагают самому представить вкус, который получится с таким сочетанием ингредиентов. Этот эффект можно сравнить с прочтением рецепта в кулинарной книге. Зрительно-вкусовая синестезия применима даже к продуктам, не предназначенным для питания. Она просто сравнивает знакомые вкусы с тем, что Вам предлагают купить.

В данной работе мы опирались на визуальную и аудиальную репрезентативные системы, так как именно они задействованы в рекламе визуального, визуально-акустического и акустического типов.

Поиск новых способов передачи ощущений в рекламной коммуникации является сегодня одним из интереснейших направлений развития рекламной индустрии.

Предприятия общественного питания, чаще всего кафе и рестораны нередко используют вкусовую синестезию при создании текстов для меню и рекламных брошюр. Ярким примером этого рекламного хода является Cinnabon – всемирно известная сеть фастфуд кафе-пекарен. В рекламных брошюрах этого заведения представлены основные блюда, а именно сладкие булочки с корицей с подробным описанием каждого из них. «Классический синнабон – ролл, который сделал нас знаменитыми! Тёплое тесто, заполненное легендарной корицей Макара, с добавкой из свежего сливочного сыра» Следует обратить внимание на качественные прилагательные «тёплое» и «свежего», они конкретизируют качества самого рекламируемого продукта и благодаря своим экспрессивно-оценочным возможностям придают столь короткому тексту настроение, заставляют работать ваше воображение. После прочтения всего двух предложений, Вы практически ощущаете у себя во рту вкус корицы и сливочного сыра. А чтобы у Вас не осталось сомнений на счёт великолепного вкуса этой булочки, рекламное сообщение сопровождается красивой картинкой, на которой булочка выглядит крайне аппетитно. Данный рекламный текст следует отнести к зрительно-вкусовой синестезии.

Другие булочки описаны в брошюре с помощью такого же способа с использованием зрительно-вкусовой синестезии: пеканбон «Тёплое тесто, заполненное легендарной корицей Макара, покрытое орехами Пекан и обильно политое карамелью». Здесь существительные создают наглядное представление о вкусе. Словосочетание «обильно политое карамелью» конкретизирует этот образ. Фотография карамели дополняет созданный в воображении образ. В рекламе булочек шокобон, клубнично-шоколадный минибон используются прилагательные теплый, нежный, клубничный, знакомый (вкус), новый, новейший, фирменный, уникальный, великолепный, экзотический, вызывающие определенные эмоции и мотивы.

В заведении «TerraCotta» составили оригинальную чайную карту, опираясь на явление вкусовой синестезии. Нет необходимости дополнять чайную карту фотографиями или иллюстрациями, так как текст с описанием каждого вида чая получился весьма необычным. «Японская липа. Соцветие японской липы в сочетании с классическим вкусом молодых листочков зелёного чая». И вот ещё один пример с описанием чая: «Волшебная Луна»: смесь черного и зелёного чая с кусочками фруктов, шиповником и лепестками роз с ароматным маслом иланг-иланг». Не исключено, что это рекламный ход, работающий на любопытстве клиентов, которые захотят попробовать чай и ощутить новую палитру вкусов.

Реклама чая TESS в одном женском журнале может служить примером классической рекламы, основанной на вкусо-зрительной синестезии. «TESS представляет чай Tess Flame с необычным вкусом. Попробуйте ароматный напиток с лесной земляникой и розовым перцем – с таким аккомпанементом любимый десерт покажется ещё вкуснее». Реклама обещают покупателю «необычный вкус» напитка, который сделает любимый десерт ещё вкуснее – используется сравнительная степень прилагательного, что обещает положительные эмоции и ощущения.

Бар Harat`s представляет своим клиентам рекламные брошюры с описанием вкуснейших бургеров: «Трюфельный бургер. Мраморная говяжья котлета под трюфельным соусом, классический сыр Гауда, красный карамелизированный лук, трюфельное масло, морская соль и пшеничная булочка». Пока читаешь этот текст, забываешь о том, что это описание бургера, а не какого-нибудь изысканного ресторанного блюда. В тексте используется много прилагательных, которые дополняют общую картину, созданную с помощью слов с предметной семантикой, и помогают лучше представить вкус. Рекламное сообщение сопровождается фотографией сочного бургера. Данную рекламу следует отнести к зрительно-вкусовой синестезии.

Таким образом, вкусовая синестезия в рекламных текстах визуального типа раскрывается с помощью:

- обилия прилагательных;
- продуманного рекламного текста;
- качественных изображений;
- создания «идеального» продукта в сознании потребителей, что ведёт к созданию некого «идеального мира»;
- сочетания зрительно-вкусовой и вкусо-зрительной синестезии.

Рассмотрим рекламные тексты визуально-акустического типа, в которых представлена вкусо-зрительная синестезия.

В рекламном ролике «Экзо» словосочетания «сочные кусочки», «нежное мороженое» и «малиновая глазурь» актуализируют вкусовой модус. Такой рекламный ролик даёт понять зрителю, что помимо вкуса фруктов и мороженого, они смогут ощутить невероятную свежесть. Ролик следует отнести к синестезии.

В рекламном ролике напитка Fanta играют с любопытством покупателей, предлагая им угадать, используя вопросительное предложение, какова она на вкус: «Новая Fanta груша. Какая она на вкус? Попробуй отличный вкус новой Fanta груша». В тексте используется конкретное существительное груша, которое прямо указывает на вкус напитка. Однако сам ролик демонстрирует, что девушка пробует напиток и перемещается в другое измерение. Видеоряд подогревает интерес потребителей, и им ничего не остаётся, кроме

как попробовать рекламируемый товар. В рекламе десертов от McDonald's девушка пробует шоколадный мусс, и вот за её спиной меняются декорации, появляется певец, звучит красивая песня, летят золотые блёстки, огромный плюшевый медведь массирует девушке плечи. Мгновение спустя она сидит в вечернем платье, а за окном взрывы салюта и надпись «Ты сокровище». «Да, наслаждение от нового шоколадного мусса выглядит именно так. Кстати, классический яблочный пирог и нежнейший чизкейк в сочетании с ароматным кофе тоже ждут Вас в McDonald's» Здесь использовано прилагательное в превосходной степени «нежнейший» и качественное прилагательное «ароматный», но стоит отметить, что основная смысловая нагрузка здесь в видеоряде.

В рекламе завтрака McDonald's видеоряд демонстрирует процесс приготовления блюд фаст-фуд кухни. «Начните свой день с завтрака в McDonald's. Аппетитный макмафин с яйцом и свиной котлетой, картофельный хэшбраун и ароматный свежемолотый кофе» Прилагательные, помогающие раскрыть вкус – «аппетитный» и «ароматный». Ролик относится к зрительно-вкусовой синестезии, так как в тексте подробно описано, из чего состоит завтрак в McDonald's и даже показано, как его готовят.

Можно заметить, что рестораны быстрого питания часто показывают в рекламе не только свои готовые продукты, но и ингредиенты, из которых они состоят, а также процесс их приготовления. Этим приёмом активно пользуются конкуренты McDonald's – KFC. «Новинка в KFC. Итальянский хлеб, ароматный соус, огурчики и сочное куриное филе» – так готовят итальянский панини от KFC Прилагательные, помогающие актуализировать модус вкуса – «ароматный» и «сочное». Соответственно, рекламный ролик относится к тому же типу, что и завтрак McDonald's. В другом ролике KFC зрителю не показывают процесс приготовления чизбургера, но перечисляют ингредиенты (конкретные существительные), из которых он состоит: «Пора уже снять крышку и показать новый чизбургер Жюльен. Курица, сыр и ароматный соус. Вкусный, как поцелуй Констанции». В рекламном тексте помимо прилагательного «ароматный» удачно использован сравнительный оборот «вкусный, как поцелуй».

Зрительно-вкусовоой тип синестезии можно продемонстрироватьна примере рекламы конфет, где показывается, из чего они состоят. Реклама конфет Tofifi – яркий этому пример. «В одной конфетке Tofifi есть четыре причины для улыбки всей семьи: чашечка из мягкой карамели, цельный орех, кремовая нуга и восхитительный шоколад» Словосочетания «мягкая карамель», «цельный орех», «кремовая нуга» и «восхитительный шоколад» помогают раскрыть вкус конфет. Подробное описание используется в рекламе шоколадных палочек Twix: «На левую палочку Twix карамель лилась волнами, а на правую – струилась. На левую палочку шоколад наливался вертикально, а на правую – сверху вниз». Актуализировать модус вкуса помогают глаголы с семантикой действия прошедшего времени «лилась» причем не просто лилась, т. е. обычно, ровно, а красиво «волнами», что вызывает романтичные ассоциации с морем, и «струилась», т. е. показаны внимательное отношение к процессу, тонкая работа, в словосочетаниях «наливался вертикально», «наливается сверху вниз» при помощи противопоставления наречий показан многогранный подход к процессу приготовления шоколадных палочек.

Реклама творожка Даниссимо утверждает, что настроение улучшится, если побаловать себя десертом. Здесь словосочетания «сочное яблоко в карамели» и «нежнейший тающий творожок» возбуждают аппетит и помогают разыграться воображению Создатели ролика нестандартно подошли к изображению ингредиентов рекламируемого десерта, они показали разрезанные красные яблоки с золотистой карамелью на поверхности воздушного творожка. Мы можем предположить, что в данном ролике были задействованы оба типа вкусовой синестезии: зрительно-вкусовая и вкусо-зрительная, так как помимо перечисления состава потребителю пообещали поднятие настроения после того, как он попробует творожок Даниссимо.

Приём зрительно-вкусовой синестезии активно используется в рекламе корма для животных, и это вполне оправдано. Человек не знает, каков на вкус корм для питомца, но ему же нужно его выбрать. Маркетологи придумали, как помочь в этой ситуации с выбором: нужно просто сравнить неизвестный вкус корма с вполне обычными блюдами, которые человек может попробовать. В рекламе корма для кошек Gourmet Ala Carte хозяйка готовит изысканный ужин. В тексте привлекают внимание словосочетания «изысканные кусочки» и «по лучшему рецепту». Ролик демонстрирует процесс приготовления блюда, которое впоследствии превращается в аппетитный корм для питомца. В рекламе корма для собак Cesar используются словосочетания «сочная говядина» и «отборные овощи», что отлично помогают передать вкус. В ролике показаны ингредиенты блюда и сам корм.

Приёмом зрительно-вкусовой синестезии пользуются и при создании других продуктов, вовсе не предназначенных для еды, например, косметических средств.

В рекламе бальзама для губ EOS представлен мир, в котором рекламируемый товар можно найти повсюду. Героиня ролика берёт бальзам из коробки с персиками, в букетах с цветами он тоже есть, даже десерт украшен здесь баночками с блеском. Ролик не может оставить равнодушным: здесь красивые виды, обаятельные герои, нежная цветовая гамма, весёлая музыка, а главное – улыбка после каждого нанесения «вкусного» бальзама на губы. Все это создает «идеальный мир» для покупателей, не случайно рекламируемый бальзам для губ появляется рядом с фруктами, цветами и десертами. Его за-

пах сравнивается с ароматом фруктов, цветов и сладостей. В рекламе губной помады от L'Oréal Shine Delicieux утверждают, что после её использования губы станут «гладкие и нежные, сочные как мякоть фруктов». Таким образом, покупателю предлагается купить «вкусовое» качество губной помады – ее способность сделать губы, похожими на мякоть спелых фруктов, то есть такими, что их «можно съесть».

Таким образом, вкусовая синестезия в рекламных текстах визуально-акустического типа раскрывается с помощью:

• обилия прилагательных, глаголов;

• продуманного сценария видеоролика;

• качественного видеоряда с красивой картинкой;

• грамотно подобранного музыкального фона (иногда он способен заменить рекламный текст)

• создания «идеального» продукта в сознании потребителей, что ведёт к созданию некого «идеального мира»;

• сочетания зрительно-вкусовой и вкусо-зрительной синестезии.

В рекламных текстах акустического типа вкусовая синестезия появляется благодаря использованию огромного потенциала фонетического уровня языка.

Первый аудиоролик, который можно привести в качестве примера слухо-вкусового типа синестезии – реклама нового бургера в McDonald's. «Новинка в коллекции Гурме. Сочное цельное куриное филе, аппетитная булочка тати, спелый помидор, свежий салат, соус гуакамоле и карри с экзотическими фруктами. Новый Чикен Гурме Экзотик уже в McDonald's». Слова с предметным значением, раскрывающие вкус рекламируемого товара – «сочное», «аппетитная», «спелый», «свежий», «экзотическими». Что касается музыкальной составляющей ролика, стоит отметить необычное начало – звук колокола, привлекающий внимание, затем идёт рекламный текст в сопровождении экзотической активной музыки.

Ещё один представитель сети ресторанов быстрого обслуживания Subway использует синестезию в рекламе. «Каким сегодня будет день? Ярким? Сочным? Сырным? Мясным? Ароматным, как свежеиспечённый хлеб? Теперь каждый день будет самым вкусным. Subway представляет «Саб дня». Каждый день новый сэндвич по супервыгодной цене семь дней в неделю. Subway – всегда свежее». В аудиоролике использовано необычное сравнение дней недели с ингредиентами сэндвичей. Яркими и сочными могут быть овощи, сырным – конечно же сыр, мясным будет начинка, ароматным – свежеиспечённый хлеб. А самое главное – каждый день будет самый вкусный, если Вы придёте в Subway, эта идея как бы читается между строк данного текста. Ещё одна деталь, на которую невольно обращаешь внимание при прослушивании этого рекламного ролика – звуковой повтор звука «с» в тексте, вызывающий ассоциации с лексемами «вкусный», «свежий». Музыкальное сопровождение довольно энергичное, дополняет ритмический рисунок текста, состоящий из вопросительных предложений. Данный рекламный ролик относится скорее к вкусо-слуховому типу синестезии, так как обещает сделать ваш день «вкусным».

В рекламе шоколада Milka был изменён классический образ нежного шоколада, который сближает людей. Теперь шоколад Milka представлен новым насыщенным вкусом. Рекламный текст достаточно доступно объясняет, что вкус нового шоколада – это смешение «нежности молочного шоколада» и «насыщенности какао». В аудиоролике помимо торжественного музыкального фона, слышится хруст и звукоподражание «ммммммм», которые имитируют звук, издаваемый человеком в момент наслаждения. В данном ролике сочетается слухо-вкусовой и вкусо-слуховой тип синестезии, так как был описан вкус и потребителю пообещали, что он получит удовольствие от него. Реклама сока Rich не изменяет своим традициям и всеми возможными способами демонстрирует высокий статус напитка. Основной упор в тесте сделан на ощущении вкуса. Подобно тому, как описывают вкус изысканных вин, нам рассказывают о «неповторимом вкусе» этого сока. Неторопливая приятная мелодия в сочетании с бархатистым мужским голосом рождает в воображении красивые образы рубинового гранатного сока в бокале. В данном рекламном ролике мы видим сочетание зрительно-вкусового и вкусо-зрительного типов синестезии.

В проанализированных аудироликах используются звуковые повторы, звукоподражания, определенный тембр голоса, звучный голос известной личности, интонация, т.е. все фонетические средства выразительности, характерные для радиорекламы. Таким образом, вкусовая синестезия в рекламных текстах акустического типа раскрывается с помощью:

• фонетических средств;

• обилия прилагательных;

• продуманного рекламного текста;

• интересного сценария аудиоролика;

• грамотно подобранного музыкального фона;

• приятного и подходящего закадрового голоса;

• создания «идеального» продукта в сознании потребителей, что ведёт к созданию некого «идеального мира»;

• сочетания слухо-вкусовой и вкусо-слуховой синестезии.

Так, на материале рекламных текстов мы убедились, что синестезия является не только языковым феноменом, «но и может реализовываться на стыке различных семиотических систем, когда при раздражении одного или нескольких органов чувств ассоциативно активизируются сенсорные ощущения, связанные с иной перцептивной сферой, и эмоциональные реакции [2, с. 95].

В то же время синестезия в лингвистике представляет особый вид переноса наименования на основе ассоциации между значениями. Синестезия и синестэмия, работающая в сэнсорно-эмоциональной сфере, относятся к фоносемантике, так в рекламных текстах акустического типа задача актуализации модуса вкуса достигается благо-

даря умелому использованию фонетических ресурсов языка.

В процессе исследования выяснилось, что актуализация ощущений осязания, обоняния и вкуса, имеющая чрезвычайную значимость для рекламы, не связана непосредственно с каналами рекламной коммуникации. В связи с этим в рекламе для передачи запаха и вкуса используются помимо языковых ресурсов акустический и зрительный модусы.

Нами было выявлено, что при вкусовой синестезии существует связь между вкусом и так называемыми леммами слов.

Мы узнали, что вкусы и запахи в рекламе – это, прежде всего, образы в нашем сознании, которые связаны с пространством, временем, социокультурной и эмоционально-духовной сферами.

В исследовании мы опирались на визуальную и аудиальную репрезентативные системы, так как именно они задействованы в рекламе визуального, визуально-акустического и акустического типов.

В представленных типах рекламных текстов мы выявили общие черты, помогающие представить вкусовые характеристики продукта (товара) благодаря специальным языковым средствам: звуковым повторам, звукоподражаним, выбору предметной лексики, способной создать точный образ, лексическим средствам выразительности (эпитеты, метафоры, сравнения и др.), из частей речи преобладают конкретные существительные, качественные прилагательные, глаголы конкретного действия, словосочетания прилагательное + существительное, часты вопросительные предложения и др. Ещё одна важная особенность проанализированной нами рекламы – качество исполнения. Сюда можно отнести хорошие снимки для печатной рекламы, красивый видеоряд для рекламных видеороликов, а так же качественный звук в роликах аудиоформата.

Успех представленной рекламы состоит в том, что она делает из вполне обычного продукта «идеальный» и желанный. Причём «идеальным» он становится по той причине, что наделён особым запахом и вкусом, которые актуализируются благодаря подробному предметному описанию в рекламном тексте. А создание «идеального продукта» порождает создание «идеального мира» в сознании покупателей.

Исходя из проведённого исследования, можно отметить, что синестезия относится к одному из способов передачи ощущений в рекламе и на сегодняшний день является одним из интереснейших направлений развития рекламного мастерства на основе идей психолингвистики, маркетинговой лингвистики.

Литература

1. Воронин С. В. Синестезия и звукосимволизм // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 120–131.

2. Ежова Е. Н. Лингвистика рекламного текста: монография. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. 211 с.

3. Леви-Строс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. 399 с.

4. Лурия А. Р. Курс общей психологии. Психология ощущения и восприятия. М.: МГУ, 1971. 135 с.

5. Немов Р. С. Психология: словарь-справочник: В 2 ч. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 352 с.

6. Прокофьева Л. П. Синестезия в современной научной парадигме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2010. Т.1. С. 3–10.

7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2002. 720 с.

8. Сомова Е. Г. «Я увидел это по радио» Звуковая метафора в радиоречи. Краснодар: Издательство Кубанского государственного ун-та: КСЭИ, 2002. 180 с.

9. Степанов В. Н. Суггестия и механизмы ее реализации в рекламном тексте: ритм и синестезия // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. Выпуск 1. С. 206–215.

10. Ullmann S. The Principles of Semantics. Glasgow: Jackson, Son and Co, 1957. 348 p.

References

1. Voronin S. V. Sinesteziya i zvukosimvolizm // Psikholingvisticheskie problemy semantiki *(Synaesthesia and sound symbolism)*. Moscow: Nauka, 1983. P. 120–131. (In Russian).

2. Ezhova E. N. Lingvistika reklamnogo teksta: monografija *(Linguistics of Advertising text)*. Stavropol': NCFU publ., 2018. 211 p. (In Russian).

3. Levi-Stros K. Put' masok *(Way of masks)*. Moscow: Respublika, 2000. 399 p. (In Russian).

4. Lurija A. R. Kurs obshhej psihologii. Psihologija oshhushhenija i vosprijatija *(The course of general psychology. Psychology of sensation and perception).* Moscow: MSU publ., 1971. 135 p. (In Russian).

5. Nemov R. S. Psihologija: slovar'-spravochnik: In 2 Parts. *(Psychology: dictionary reference)*. Moscow: VLADOS-PRESS, 2003. 352 p. (In Russian).

6. Prokof'eva L. P. Sinestezija v sovremennoj nauchnoj paradigme *(Synesthesia in the modern scientific paradigm)* // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija filologija. Zhurnalistika. 2010. Vol. 1. P. 3–10. (In Russian).

7. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii *(Basics of general psychology)*. St.Petersburg: Piter, 2002. 720 p. (In Russian).

8. Somova E. G. «Ja uvidel jeto po radio» Zvukovaja metafora v radiorechi *("I saw it on the radio" (Sound metaphor in radio speech))* Krasnodar: Izdatel'stvo Kubanskogo gosudarstvennogo un-ta: KSJel, 2002. 180 p. (In Russian).

9. Stepanov V. N. Suggestija i mehanizmy ee realizacii v reklamnom tekste: ritm i sinestezija *(Suggestion and mechanisms of its implementation in the advertising text: rhythm and synaesthesia)* // Vestnik TvGU. 2013. Issue 1. P. 206–215. (In Russian).

10. Ullmann S. The Principles of Semantics. Glasgow: Jackson, Son and Co, 1957. 348 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Букреева Ирина Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bukreeva-i@mail.ru

Information about the author

Bukreeva Irina – PhD. in Pedagogy, Associate Professor, Chair of Advertising and Public Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / bukreeva-i@mail.ru

УДК 811.111

О. П. Рябко

ОСНОВАНИЯ КОМПОЗИТНОЙ И СЛОВОСОЧЕТАТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению механизмов образования словосочетательной номинации и композитной номинации растений. Данное изучение актуально, поскольку в теоретических работах установлены внешние (акцентно-графические, дистрибутивно-валентные, структурно-номинативные) свойства именных словосочетаний и именных композитов-флоронимов. Исследован внешний ономасиологический срез номинации флоронимической действительности. Однако существует внутренний срез номинации, представленный положениями о логико-семантической соразмерности и объема содержания определяющего и определяемого компонентов сложноструктурного образования. Компонентный состав такого образования репрезентируется в терминах логических бинарных оппозиций гипонимов и гиперонимов.

Словосочетательная прямая объемная номинация терминологических словосочетаний-флоронимов достигается посредством самодостаточности номинативных свойств их компонентов без привлечения дефиниционной информации.

Напротив, композитная номинация объектов растительного мира является непрямой или косвенной в эндоцентрических композитах. Номинативная самодостаточность компонентов эндокомпозита достигается не только объемом их соразмерности, но и за счет релевантной информации отсылочной части дефиниции. Первые модификаторные компоненты, как правило, эксплицируются посредством явлений падежной семантики (непрямая номинация) или метафорически (косвенная номинация). Композитная номинация в экзокомпозитах-флоронимах является полностью косвеннономинативной. Самодостаточность достигается исключительно за счет развернутой релевантной информации словарной дефиниции.

Ключевые слова: номинация, словосочетание, композит, соразмерность, содержание, дефиниция.

O. Ryabko

THE FUNDAMENTALS OF WORD-COMPOUND AND COMPOSITE NOMINATION

The article focuses on the study of the mechanisms that create nomination of wordcombinations and nomination of composites on the material of compound structured formations in flora namings. This study is relevant, because in theoretical works external (accent-graphical, distributive – valent, structural-morphological) properties of nominative flora wordcombinations and nominative flora composites have been considered. External onomasiological presentation of flora surroundings have been thoroughly studied.

But there is internal presentation of nomination which is explained by the aspects of logic-semantic codimension and semantic volume of a defining component and a defined component in compound structured formation. Components' content of such a formation is represented in terms of logical binary oppositions of hyponyms and hyperonyms. Direct volume nomination of wordcombinations is archieved by codimension of nominative properties of their components without definition information.

On the contrary, composite nomination of plants' objects of the world is both non-direct and indirect in endocentric composites. Nominative codimension of components in endocentric composites is achieved not only by the volume of their codimension, but also by the relevant information of the initial elements in the definition. The first modified components, as a rule, are explicited by the phenomena of case semantics (non-direct nomination) and by metaphors (indirect nomination).

Composite nomination in exocentric composites of flora namings is wholly indirect from nominative viewpoint. Codimension of implicitly expressed modified component and basic component is achieved exclusively by the extensive relevant information of vocabulary definition.

Key words: nomination; wordcombination; composite; codimension; content; definition.

В лингвистическом знании большое значение имеет изучение когнитивных аспектов развития общеязыковой теории номинации и терминологической номинации. Гуманитарные, естественно-научные, технические дисциплины, инновационные технологии продуцируют энциклопедический исследовательский материал в сферу терминоведения. Процессы конвенциализации и повышение частотности словоупотреблений в конкретных профессиональных сферах человеческой деятельности способствуют переходу различных номенов из разряда пред-, квази- и псевдотерминов в пласт терминологической лексики. Изучение языковых особенностей терминополей и номенклатур приобретает особую актуальность в свете современных параллельно протекающих процессов специализации отраслей и унификации некоторых междисциплинарных сфер профессиональной активности. Детальный анализ интра- и экстра-полевых характеристик

терминополя флоронимов вносит значительный вклад в когнитивную теорию мотивационно-деривационной номинации [5].

В фокусе нашего теоретического рассмотрения находится лексико-номинативное поле наименований растений английского языка (флоронимы), представленное сложноструктурными образованиями (именными композитами и именными словосочетаниями). Репрезентативный фактологический материал, характеризуя научную и наивную флоронимическую картину мира, систематизирован в авторском «Англо-латинско-русском ботаническом словаре», скрупулёзно классифицируя данную область знания [6].

Как известно, ботанические и зоологические наименования с точки зрения содержательного состава терминологии подразделяются на научно-когнитивные системы (термины) и обыденно-когнитивные системы (номенклатуры) природных реалий национальных языков. При этом следует подчеркнуть лингвокультурную детерминированность как единичных теминов, так и деривационных моделей образования сложных терминологических конструкций, что базируется не только на особенностях представления языковой системой потенций вербализации ментальных образов специального и научного знания, но и на экстралингвистических факторах, в первую очередь тех или иных ареально-топологических спецификациях, обусловливающих наличие видового разнообразия флоры конкретного региона. Данное положение четко прослеживается на материале флоронимов, определяя их место в системе научно-когнитивной и обыденно-когнитивной номинации [2]. В сопоставительном плане научно-когнитивная номинация является продуктом научно-эмпирического познания действительности, её принципы однородны и единообразны. Обыденно-когнитивная номинация определяется фактором чувственного восприятия и архетипическими формами сознания номинатора.

Изучив внешне-номинативные свойства сложноструктурных флоронимических образований на основе английского языка, представленных в наиболее авторитетных лексикографических источниках, можем утверждать, что терминологические именные словосочетания относятся к научно-когнитивной номинации, и представлены прямой объемной словосочетательной номинацией, а композиты относятся к обыденно-когнитивной номинации и представлены непрямой / косвенной композитной номинацией.

Основные типы номинации (первичная и вторичная; прямая и непрямая / косвенная) действуют на материале различных номинативных полей, в том числе и в номинативном поле структурных образований-флоронимов. Логико-семантический тип косвенной номинации определяет функционирование композитов (эндоцентрических и экзоцентрических). При изучении номинативной природы сложноструктурных наименований используются концептуальные данные теории определённых / неопределённых дескрипций, теории референции, теории самодостаточности / несамодостаточности [3, с. 10].

Словосочетательная номинация объектов флоры является прямой, при которой однозначно осуществляется контекстно-свободная идентификация реалий растительного мира, в основном, через их гиперонимное представление или гипонимное номинирование на соответствующих уровнях коммуникации. Именно подобный тип номинирования способствует наиболее точной и однозначной вербализации рефлексии над объектами реального мира флоры и обеспечивает адекватную эмпирическую верификацию генерализованного содержания терминоединиц. Терминологическое флоронимическое наименование не содержит элементов переосмысления, семантической деривации. Их целостная самодостаточность достигается компонентной сочетаемостью без привлечения дополнительной информации (атрибутивный / модификаторный компонент + опорный компонент = эксплицитно выраженное номинативное значение терминологического флоронимического словосочетания). Интерпретация компонентов именного словосочетания флоронимов анализируется на их гипонимных / гиперонимных свойствах, в связи с чем особенно возрастает интерес к изучению прямой номинации.

Расклассифицированный фактологический материал позволил выделить три комбинационных варианта гипонимов и гиперонимов в составе словосочетательной номинации именных флоронимических образований, а именно, гипоним :: гипоним; гипероним :: гипоним; гипоним :: гипероним. Приведём соответствующие дефиниционные примеры из Большого Оксфордского словаря, который на настоящий момент является наиболее авторитетным лексикографическим источником. Первая вариативная группа гипоним :: гипоним является наиболее репрезентативной, определяя терминологические флоронимические сочетания, например, *corn mint* – мята полевая; *grape hyacinth* – гиацинт кистичный; *rose mallow* – алтей розовый; *lemon thyme* – тмин лимонный; *saffron pear* – груша шафрановая и многие другие.

Первые гипонимные компоненты обладают однозначной самодостаточной информацией для выявления, и, в конечном итоге, для номинирования терминологического словосочетания. Отличительной характеристикой является то, что первые гипонимные компоненты словосочетания способны к образованию пропорциональных оппозиций. Данное языковое явление мы определяем как подвидовые условия реализации экстралингвистических феноменов действительности. Ещё более репрезентативным предстаёт признаковое наполнение вторых гипонимных компонентов терминологического словосочетания. При целостном словосочетательном номинировании дополнительная мотивационно-номинативная информация, передаваемая первым гипонимным компонентом, функционирует исключительно с точки зрения уточнения / дифференциации определяемого гипонимного компонента.

Проиллюстрируем данное положение на конкретных примерах, изъятых из толкового словаря «The Oxford English Dictionary». В дефиниции словосочетания *«beaked parsley»* представлена градуальная релевантная информация. Во-первых, дефиниционная информация о гипонимном опорном компоненте – *parsley* «a biennial umbelliferous plant Petroselium satrivum, a native of Mediterranean region, having white flowers and aromatic leaves, which in the commonly cultivated variety are finely divided and curled and are used for seasoning and garnishing various dishes» in another variety the large spindle-shaped root (Hamburg parsley), which is dressed and eaten» [11]. Во-вторых, представлена одномерная информация о терминологическом словосочетании – *beaked parsley* – «the genus Anthriscus from its beaked fruit» [11].

В словосочетательной номинации рассмотренного образования функция первого гипонимного компонента сузилась до определения его как подвидового терминологического словосочетания. В аналогичных примерах чётко прослеживается установленная корреляция между определяющим и определяемым гипонимами терминологического флоронимического словосочетания, например, *pine* «a tree of the genus Pinus, mostly of large size with evergreen leaves of which many speices afford valuable timber, turpentine and some have edible seeds» [11]; *sugar pine* «Pinus Lamertiana of California, which yields a sweet resin used for sugar» [11]. Дополнительный пример образования подвидового словосочетательного номинирования реалий растительного мира, *poplar* «a tree of the genus Populus, comprising large trees of rapid growth» [11] и *soft poplar* «Poplar grandidentata of North America with soft wood, which is used for paper-making» [11]. Таким образом, сочетание первых и вторых гипонимных компонентов в словосочетательной флоронимической номинации позволяет образовать флоронимическое словосочетание на основании логико-семантической соразмерности их компонентов [8].

Вторая вариативная группа гипероним :: гипоним менее репрезентативна в количественном отношении, например, *herb aloe* – чистоуст величавый; *tree mallow* – хатьма древовидная; *shrub trefoil* – вязовник; *nut pine* – сосна кедровидная; *wood germander* – дубровник шалфейный. Следует отметить, что гиперонимные первые компоненты обладают значительной степенью абстракции, но меньшим идентифицирующим потенциалом подвидовой конкретизации терминообразования. Второй гипонимный компонент выполняет идентифицирующую функцию подвидового значения, к которому стремится и первый гиперонимный компонент терминологического словосочетания, имея способность к созданию оппозиций, как например, *currant* «small round berry of certain species of Ribes: Ribes nigrum (black currant)» :: Ribes rubrum (red currant). В отличие от первой вариативной группы корреляции, во второй группе не наблюдается равноценное компонентное участие в словосочетательной номинации, поскольку идентифицирующую преференцию имеет второй гипонимный компонент.

Третья вариативная группа гипоним :: гипероним в словосочетательной флоронимической номинации имеет место только в тех случаях, когда второй гиперонимный компонент сочетается с первым гипонимным компонентом с «замковым» значением – географические и локативные признаковые наименования [7]. Эти характерные признаковые компоненты являются семантически настолько репрезентативными, что могут определяться как самодостаточные признаки для логико-семантической соразмерности компонентов терминологического словосочетания.

На первом месте оказываются терминологические флоронимические словосочетания с первым гипонимным компонентом в функции дескриптора, представленном географическими наименованиями, например, *Himalayan pine* – сосна гималайская, *Aleppo pine* – сосна Аллепская, *Iceland moss* – исландский мох, *Bermuda cedar* – можжевельник бермудский, *Kaffir corn* – сорго кафрское и многие другие примеры. На втором месте находятся терминологические флоронимические словосочетания, где первый гипонимный компонент представлен локативными / природными наименованиями, например, *sea trefoil* – глаукс морской, *rock oak* – дуб горный, *marsh tea* – багульник болотный, *mountain savory* – чабер горный и другие.

Последующие позиции занимают словосочетания – флоронимы, у которых в номинативном процессе первые гипонимные / дескриптивные компоненты представлены, в порядке убывающей репрезентативности, референтными наименованиями: «артефакты» например, *treacle mustard* – горчица; *globe daisy* – глобулярия; «продукты питания», например, *butter daisy* – лютик едкий; *sugar cane* – сахарный тростник; «части тела человека», например, фасоль обыкновенная; *nipple cactus* – мамиллярия миссурийская; «природные явления», например, *moon daisy* – маргаритка светлая; *star hyacinth* – пролеска прелестная.

Таким образом, важнейшим семантико-номинативным критерием словосочетательной номинации является соблюдение соответствия между объемным, эксплицитно выраженным, признаковым наполнением первого компонента и видовым / подвидовым опорным компонентом. Паритетное представление идентифицирующих свойств определяющих и определяемых оценивается в оппозиционных бинарных соотношениях гиперонимных / гипонимных терминах.

В отличии от словосочетательной номинации, композитная номинация объектов флоры является косвенной, при которой осуществляется контекстно-связанная идентификация реалий растительного мира, которая используется как средство номинативной референции в условиях неналичной речевой коммуникации. Композитные флоронимические наименования представлены эндокомпозитами и экзокомпозитами. В эндоцентрических копозитах принцип соразмерности определяющего и определяемого не

имеет места, что свидетельствует об отсутствии паритетности между определяемым и определяющим компонентами, характеризуется номинативными основаниями непрямой и косвенной номинаций. Соответствующая паритетность / межкомпонентная самодостаточность эндокомпозитов осуществляется за счёт их дефиниционной информации отсылочной части композита (эксплицитно выраженный атрибут / модификатор + дефиниционная информация отсылочной части эндокомпозита) [3]. Приводимые дефиниционные примеры свидетельствуют о том, что без дефиниционной информации невозможно достичь идентифицирующее значение эндокомпозита, например, *Danewort* «the plant so named in accordance with a popular notion that it sprang up in places where Danes slaughtered Englishmen or where slaughtered by them» [11]; *devil-wood* «a small North American tree with wood of extraordinary thoughness and heaviness» [11]; *dagger-plant* «a plant of the genus Jucca having sharp-edged and pointed leaves» [11]. В основании косвенной композитной номинации, представленной метафоризованными модификаторами, находится образное, ассоциативное мышление в рамках когнитивного / чувственного восприятия объектов растительного мира. Оппозиционно в прямой объемной словосочетательной номинации присутствуют элементы дискурсивно-логического мышления номинаторов, связывающих индивидуально-ассоциативные компоненты, лежащие в основе метафорического переноса, для адекватной экспликации ментального образа сферы источника с актуализированными компонентами сферы мишени.

В процессе композитного номинирования объектов растительного мира введение категории ассоциативного потенциала номинативного поля позволяет установить корреляцию между его модификаторными именами и набором экстралингвистических признаков. Этот набор порождается каждым номинативным полем благодаря механизмам транспонируемой семантики (метафоризация и падежная семантика, осуществляющиеся большей частью на основе сдвигов в семантических полях). В основе явления косвенно-номинативной транспонируемости лежит механизм метафоризации. Изучив признаковую семантику первых компонентов, эндокомпозитов удалось выделить значительное количество признаков (18 дескрипторных наименований) экстралингвистических реалий.

Свыше 60 % признаков образованы на основе механизма метафоризации. Приведем соответствующие примеры эндокомпозитов флоронимов, где опорный компонент представлен гиперонимным компонентом, а первый компонент имеет метафоризованное признаковое значение «формы», «цвета», «запаха», «манеры роста» и ряда других значений: *umbrella tree* «one of a variety of trees, whose leaves and habit of growing resemble an umbrella» [11]; *swan-plant* «an orchid having flowers with a long curved column like a swan neck» [11]; *tiger-flower* «a genus of tropical American plants bearing purple, yellow or white spotted flowers» [11]; *camel`s hay* «a sweet-scented grass growing in the East» [11]; *jointweed* «a name of different weeds having conspicuously jointed stems» [11]; *lungwort* «the plant having leaves with white spots, fancied to resemble the spots in a diseased lung» [11].

В основе непрямономинативной транспонируемости находится механизм падежной семантики [9]. При анализе признаковой семантики первых компонентов эндокомпозитов флоронимов отмечаем ассоциации номинаторов, связанные с природными местами произрастания флоронимов, ассоциации, связанные с осознанием целевого назначения растений, ассоциативные маркеры природного темпоратива. Приведём соответствующие примеры локативного признака, *sand-grass* «any species of grass which grows in sand and serves the purpose of a sand-binder» [11]; *pond-weed* «an aquatic herb that grows in ponds and still waters» [11]; *corn-flower* «a name given to various plants commonly growing amongst corn» [11].

Абсолютное большинство примеров характеризует признаки целевого назначения и использования растений, что объясняется предметно-деятельностными актами и антропоцентрическим вектором в освоении объективной реальности человеком, представленных в первых модификаторных компонентах эндокомпозитов-флоронимов, например с объектно-целевым назначением широкого спектра практической деятельности (продукты питания, лекарства, фураж), *tea-tree* «a shrub or low tree, the dried leaves of which form the tea of commerce» [11]; *sugar-beet* «any variety of the beetroot plant from which sugar is manufactured» [11]; *honey-plant* «a plant yielding nectar» [11]; *ear-wort* «a plant supposed to be good for curing deafness» [11]; *throat-wort* «the third sort of Cantebury Bells called throat-wort of its virtue in curing the diseases of throat» [11]; *clearing-nut* «a tree-fruit used by the Indians to clean muddy water for use» [11]; *rye-grass* «several species of grass extensively cultivated as forage and fodder grasses» [11].

При помощи падежной семантики первые компоненты эндокомпозитов со структурой NN трансформируются и в маркеры качественных признаков, например, *cottonwood* «the name of several species of poplar, so-called from the cotton-like substance surrounding the seeds» [11]; *thorn-tree* «a tree having or bearing thorns» [11], наряду с маркерами темпоративных признаков, которые выражаются косвенно-номинативно через наименования религиозных праздников, обычаев, лиц и религиозных деятелей. Приведём соответствующие примеры, *St. Michael pear* «a kind of pear that is ripe at Michaelmas, Michael – the name of one of the Archangels, the feast at St. Michaels is on the 29th of September» [11]; *Christmas rose* «a species of Hellebore, with large white flowers, commonly cultivated in gardens and is in bloom from December to February» [11].

При экзокомпозитном номинированни объектов флоры действует механизм метафоризации

имплицитно выраженных первых и вторых компонентов экзокомпозита, наряду с частично использованным механизмом падежной семантики. С помощью этих механизмов транспонируемой семантики достигается идентификация денотативного значения экзокомпозита. Номинативная паритетность / самодостаточность компонентов экзокомпозитов-флоронимов осуществляется исключительно с помощью релевантной дефиниционной информации, что определяет полный косвеннономинативный характер означивания флоронимических видовых реалий. Приведём дефиниционные примеры экзокомпозитной номинации, где метафоризованы оба компонента композита, например, *snake-head* «the North American plant, Chelone glabra, with flowers shaped much like the head of a snake» [11]; *hen`s-foot* «the name given to two different plants from the resemblance of the divided leaves to a hen`s claws» [11]; *short-neck* «a variety of pear, having a rounded form, so called from the shortness of its form and tail» [11].

Падежно-семантическая транспонируемость компонентов экзокомпозитной номинации в аспекте теории Ч. Филлмора [11] представлена моделями цели, инструмента, природного локатива и темпоратива. Приведём дефиниционные примеры в последовательности указанных моделей, например, *self-heal* «a name for various plants believed to have great healing properties, e.g. self-heal is good to heal great wounds» [11]; *wake-robin* «the plant Arum maculatum, the root of which is purgative and penetrating, so they prepare a powder of it, that is used in astma`s dropsy and hypocondriac melancholy» [11]; *allgood* «the herb Chenopodium, which grows about ways and paths and by hedges» [11]; *long-lasters* «they are apples, so called from their durableness, continuing two years before they perish» [11].

С учетом когнитивно-мотивационного критерия, который представляется базовым для английской лингвокультуры, сложные терминологические номены условно распадаются на три деривационно-тематические группы: локативно-темпоративную (наименее представленную в частотном плане, формирующую периферийную область номинирования), прагматическую (более широко представленную и образующую ближнюю периферию флоронимического терминополя) и параметрическую (наиболее широко представленную, единицы которой составляют ядерную область терминодеривации). Подобное распределение мотивационно-деривационных компонентов в терминополе флоронимов базируется на перцептивных как наиболее архетипических и аксиологических как основанных на эмпирическом опыте и ассоциативной рефлексии механизмах восприятия объективной реальности и оценки отдельных представителей растительного мира в понятиях «вред / польза», «распространенность / уникальность» и т.п.

Представленные в статье два направления номинирования сложноструктурных флоронимических образований – словосочетательная номинация и композитная номинация имеют различные механизмы номинации / номинативные основания. К таким основаниям относятся явления прямой словосочетательной номинации, непрямой / косвенной эндоцентрической номинации и полнокосвенной экзоцентрической номинации объектов флоры.

Литература

1. Кравченко А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Иркутский университет, 1996. 160 с.

2. Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретации знака) // Язык и культура. Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283–291.

3. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978. 114 с.

4. Позднякова Е. М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте: на материале английского языка: дисс. … д-ра филол. наук. М., 1999. 318 с.

5. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1999. 41 с.

6. Рябко О.П. Англо-латинско-русский ботанический словарь. Ростов-на-Дону: РГУ, 1996, 663 с.

7. Рябко О. П. Пространственно-временной континуум объекта когнитивных процессов номинации // Весник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т.15. №4. С.190–196.

8. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. 11. С. 74–112.

9. Fillmore Ch. J. The Case for Case // Universals in Linguistics theory / ed. E. Bach, R. Harns. L., 1968. P. 1–88.

10. The Oxford English Dictionary. URL: https://www.oxforddictionaries.com/. (Accessed: 21.09.2019).

References

1. Kravchenko A. V. Yazyk i vospriyatie. Kognitivnye aspekty yazykovoi kategorizatsii *(The language and perception. Cognitive aspects of language categorization)*. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk University, 1996. 160 p. (In Russian).

2. Kubryakova E. S. O svyazyakh kognitivnoi nauki s semiotikoi (opredelenie interpretatsii znaka) *(On links between cognitive science and semiotics (the definition of sign interpretant)*) // Yazyk i kul'tura. Fakty i tsennosti. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury publ., 2001. P. 283–291. (In Russian).

3. Kubryakova E. S. Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii *(Parts of speech in onomasiological viewpoint)*. M.: Nauka publ., 1978. 114 p. (In Russian).

4. Pozdnyakova E. M. Kategoriya imeni deyatelya i puti ee sinkhronnogo razvitiya v kognitivnom i nominativnom aspekte: Na materiale angliiskogo yazyka *(The category of name in person's activity and the ways of its synchronic development in cognitive and nominative aspects on the material of the English language)*: thesis. Moscow, 1999. (In Russian).

5. Rakhilina E. V. Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: ot sochetaemosti k semantike *(Cognitive analysis of object names: from lexical combination to semantics):* abstract of thesis. Moscow, 1999. (In Russian).

6. Ryabko O. P. Anglo-latinsko-russkii botanicheskii slovar' *(English-Latin-Russian botanical dictionary).* Rostov-on-Don: RSU publ., 1996, 663 p. (In Russian).

7. Ryabko O. P. Prostranstvenno-vremennoi kontinuum ob»ekta kognitivnykh protsessov nominatsii *(Space-time continuum of the object in cognitive process of nomination)* // Vesnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 2. Linguistics. 2016. Vol. 15. No. 4. P. 190–196. (In Russian).

8. Fillmore Ch. J. Osnovnye problemy leksicheskoi semantiki *(The main problems of lexical semantics)* // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1983. Issue. 11. P. 74–112. (In Russian).

9. Fillmore Ch. J. The Case for Case // Universals in Linguistics theory / ed. E. Bach, R. Harns. L., 1968. P. 1–88.

10. The Oxford English Dictionary. Oxford, 1993. Vol. 1-11. Electronic data. URL: https://www.oxforddictionaries.com/ (Accessed: 21.09.2019).

Сведения об авторе

Рябко Ольга Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка гуманитарных факультетов Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / o.ryabko@yandex.ru

Information about the author

Ryabko Olga – Doctor of Philology, Professor, Chair of English Language for Faculties of Humanities, Southern federal University (Rostov-on-Don) / o.ryabko@yandex.ru

УДК 81-112

Ю. А. Пирвердиева

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТАХ

Статья посвящена рассмотрению социолингвистических особенностей британской прессы, коррелирующих с их информационно-содержательным и воздействующим потенциалом на читателя посредством различных метаязыковых средств. Анализ газетного дискурса и определение в нем метаязыка посредством метаязыковых операторов свидетельствует о возможности уточнения, во-первых, лексики с точки зрения происхождения, во-вторых, набора субъязыков современного говорящего и, в-третьих, динамических процессов в лексике.

Газетный дискурс как процесс речевой коммуникации в печатных СМИ проявляется динамическим когнитивно-коммуникативным явлением. Текст газеты характеризуются тем, что в нем быстрее находят отражение и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности. Сочетающаяся в таком тексте информационно-содержательная функция с функцией убеждения выражается различными метаязыковыми средствами.

Метаязык газеты «строится» посредством метаоператоров, которые могут указывать на, во-первых, набор субъязыков современного говорящего, во-вторых, лексику с точки зрения происхождения и, в-третьих, динамические процессы в лексике.

Так, в работе представлены результаты анализа метаязыковых средств в современных английских газетах, выявлены различные языковые приемы как одна из главных причин интенсификации языковой рефлексии современной публицистики.

Носитель языка часто комментирует слова с точки зрения их происхождения. Социально-экономические и культурные связи между языковыми коллективам, а также развитие этнических контактов способствуют процессу заимствования иноязычной лексики. Свою речь говорящий часто обогащает иноязычными словами, которые маркирует метаоператорами. Указывая на заимствования, говорящий также выражает через метаоператоры оценочное отношение к иностранному слову. Метаоператоры, указывающие на динамические процессы в лексике, показывают, что словарный состав языка развивается согласно происходящим в нем процессам: постоянное пополнение новыми словами и исчезновение устаревших слов.

В связи с тем, что социолингвистические особенности современной прессы, в целом, и английской, в частности, взаимообусловлены с динамикой метаязыковых средств, в работе также дана классификация метаязыковых средств газетного языка по графико-орфографическим признакам – по знакам препинания и по шрифту.

Ключевые слова: метаязык, метаязыковые средства, метаоператоры, газетный дискурс, английские газеты.

J. Pirverdieva

FEATURES OF USE OF METALANGUAGE MEANS IN MODERN ENGLISH NEWSPAPERS

The article is devoted to the sociolinguistic features of the British press, correlating with their information-content and impact potential on the reader through various metalanguage means. The study of newspaper discourse and the revealing of metalanguage in it by means of metalanguage operators testify to the ability to determine, firstly, lexis from the point of view of origin, secondly, the set of sublanguages of the modern speaker and, thirdly, dynamic processes in lexis.

Newspaper discourse as a process of verbal communication in print media is manifested by a dynamic cognitive-communicative phenomenon. The text of the newspaper is characterized by the fact that it quickly reflects and fixes numerous changes in linguistic reality. The informational content function with the persuasion function combined in such a text is expressed by various metalinguistic means.

The metalanguage of the newspaper is “built” by means of meta-operators, which may indicate, firstly, a set of sublanguages of the modern speaker, secondly, vocabulary from the point of view of origin and, thirdly, dynamic processes in vocabulary.

Thus, the paper presents the results of the analysis of metalinguistic means in modern English newspapers, identifies various language techniques as one of the main reasons for the intensification of linguistic reflection of modern publicism.

A native speaker often comments on words in terms of their origin. Socio-economic and cultural ties between linguistic groups, as well as the development of ethnic contacts contribute to the process of borrowing foreign language vocabulary. The speaker often enriches his speech with foreign words that are labeled with meta-operators. Pointing to borrowing, the speaker also expresses, through the meta-operators, an evaluative attitude toward the foreign word. Meta-operators pointing to dynamic processes in the vocabulary show that the vocabulary of the language develops according to the processes occurring in it: constant replenishment with new words and the disappearance of obsolete words.

Due to the fact that the sociolinguistic features of the modern press, in general, and the English, in particular, are interdependent with the dynamics of metalinguistic means, the work also classifies metalinguistic means of a newspa-

per language according to graphic and orthographic signs – punctuation marks and font.

Key words: metalanguage, metalanguage means, meta-operators, newspaper discourse, English newspapers.

Язык газеты традиционно отождествляют с газетно-публицистическим стилем. Однако номинация «язык газеты» чаще используется в современных исследованиях массовой коммуникации, где выделяются такие характеристики языка газеты как многостильность и многожанровость, его материальная неоднородность и стилевая полицентричность.

Газетный дискурс как процесс речевой коммуникации в печатных СМИ проявляется динамическим когнитивно-коммуникативным явлением. Газетный дискурс способствует обмену социально значимой актуальной информацией, т.к. является средой для создания газетного текста в условиях массовой коммуникации [1, с. 3]. К постоянным признакам газетного дискурса С. И. Виноградов относит письменную форму бытования дискурса, дистантность и реальность коммуникации, индивидуально-коллективного субъекта и рассредоточенного массового адресата. При этом многие ученые утверждают, что публицистический текст имеет особый факультативный признак (персуазивность), позволяющий намеренно воздействовать на адресата [2, с. 284–285]. Н. И. Клушина, раскрывая принадлежность публицистического текста к персуазивному дискурсу, описывает данный текст как сложную иерархическую структуру, имеющую два плана выражения лингвистических способов убеждения: эксплицитного, т.е. открытого, влияющего на разум читателя, и имплицитного – подтекстового, оказывающего непосредственное влияние на подсознание адресата [5, с. 11]. Сказанное выше позволяет отнести публицистический текст, реализующий интенцию убеждения и оказывающий сильный эффект на своего адресата, к воздействующему типу дискурса.

Язык газеты характеризуется определенными стилистическими и риторическими параметрами. Он имеет ряд специфических свойств – связность предложений, общую тематическую структуру, схематическое представление информации. Анализ структуры газетного текста в разрезе изучения процесса коммуникации является важным – помогает понять контекстуальную перспективу газетного языка. Интересным представляется факт возможности изучения социального контекста, который содержит информацию об участниках коммуникации и о процессах создания сообщения.

Текст газеты также характеризуются тем, что в нем быстрее находят отражение и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности.

За последнее время публицистический дискурс и сам претерпел значительные изменения: расширилась его проблематика; появились новые жанры; он стал более эмоциональным и ироничным; стала заметна возросшая доля разговорной, стилистически сниженной лексики. Таким образом, произошла смена самой «коммуникативной парадигмы»: диалогическая парадигма вытеснила монологическую.

Тематика британских изданий существенно определяет те средства, которые будут задействованы в трансляции информации. Английские редакторы нередко подстраивались под вкусы читателей, что стало визитной карточкой издательств. Действительно, британские издания всегда славились эмоциональной напряженностью высказывания, трансляцией тех жизненных особенностей, которые волнуют британцев. В современной британской публицистике именно этот стиль занял главенствующее место, отодвинув на второй план стиль научной прозы и стиль художественной речи. Несмотря на логическую последовательность в изложении фактов, развернутость высказывания, строгое деление на логические отрезки стиля художественной речи, публицистический стиль в условиях информационной эпохи внес существенные изменения.

Так, газетная публицистика и СМИ Великобритании оформило новую сферу лингвистики – медиалингвистику. Британская медиалингвистика разнообразна стилистическими, лексико-грамматическими и семантическими особенностями: используются различные языковые средства для передачи сообщения в конкретном стиле с учетом цели изложения и функции воздействия на читателя.

Опираясь на вышесказанное, отметим, что газетные издания, которые стали сегодня частью нашей жизни, и их речевая культура говорят о зависимости языка газеты от некоторых характеристик дискурсивного плана – типа издания и его концепции, спонсоров и рекламодателей, экстралингвистических, дополнительных параметров и др. [4, с. 44–46]. В этой связи сегодня многие исследователи изучают языковые явления, которые наслаиваются и порождаются прессой. Одним из таких явлений является **«метаязык»**. Данный феномен применимо к газетной публицистике стал изучаться сравнительно недавно с точки зрения метаязыковой сущности языка газетной публицистики. Метаязык в газете отражает языковую реальность в неоклассической форме, старые модели перестали быть столь эффективными, поскольку язык представляет собой системно изменяющийся инструмент. В современной прессе язык трансформируется, что в принципе позволяет различным читателям искажать исходную информацию.

В системе описания объекта в науке «метаязык» – одно из ключевых понятий, определяемый как язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект», то есть как предмет языковедческого исследования [8, с. 67].

В узком смысле метаязык – это не весь язык, а лишь его основные принципы. В широком –

определенный стиль мышления, задающий дискурсу некоторые требования, например, доказательность, точность используемой терминологии, предпочтение аргументированности и логичности и др. [8, с. 67].

Ряд авторов (Ахманова О. С., Гвишиани Н. Б., Немец Г. П., Реформатский А. А.) утверждают, что в публицистике прослеживаются некоторые проблемы при анализе сущности метаязыка в прагматическом аспекте на уровне его стилей, жанров и разновидностей текстов. Причем основные проблемы выявляются в печатных изданиях.

Как отмечалось нами выше, газетный язык реализует интенцию убеждения, оказывая мощный эффект на адресата, он также передает информацию и дает ее толкование. И здесь следует отметить, что сочетающаяся в таком тексте информационно-содержательная функция с функцией убеждения выражается различными метаязыковыми средствами.

Во всех современных жанрах публицистики можно наблюдать большое разнообразие языковых приемов, что обеспечивает усиление языковой рефлексии. При этом **метаязыковые средства** можно встретить в большом количестве в таких жанрах, как коммуникативные, аналитические, рекламные, а также в репортажах со спортивных соревнований.

Социолингвистический анализ лексики позволяет охарактеризовать и классифицировать слова, учитывая их особенности, которые обусловлены факторами внеязыкового и социально-исторического характера. В данном случае лексика может рассматриваться по сфере употребления (общеупотребительная – ограниченная в употреблении), по происхождению (исконная – заимствованная) и по степени употребительности (актуальная – устаревшая). С помощью **метаоператоров** говорящий маркирует один из членов оппозиции, а другой остаётся нейтральным. Такое маркирование является показателем активизации современных процессов.

В русле нашего исследования считаем необходимым рассмотреть систему метаязыковых средств современной английской прессы на основе таких газет как ***The Independent, The Sun, The Guardian, The Times, Nouse, The Daily Telegraph, Morning Star*** и др.

Метаязык газеты «строится» посредством метаоператоров, которые могут указывать на, во-первых, *набор субъязыков современного говорящего*, во-вторых, *лексику с точки зрения происхождения* и, в-третьих, *динамические процессы в лексике*.

Определим данные три группы метаоператоров, которые помогают выявить метаязыковые средства в статьях английских газет.

Первая группа метаоператоров характеризует ***набор субъязыков современного говорящего***, который в своей речи может использовать тот или иной субъязык в зависимости от ситуации коммуникации, типа адресата и речевых жанров. Для указания на используемый в процессе общения субъязык говорящий вводит необходимый метасопроводитель. Например: *«наречие + глагол «speak» в форме герундия».* По такой модели строятся следующие метаоператоры: *cinematically speaking, politically speaking, medically speaking* и т.д. [9, с. 147].

Наличие в речи подобных метаоператоров указывает на то, что говорящий использует выражения или лексемы, ограниченные определенной сферой употребления. Например: As a result, the supplier company, ***folksy speaking***, hits on the dibs: the money for the goods are spent, there is no possibility to sell it, it takes a place in warehouses and hinders the production cycle. – *В результате компания-поставщик,* ***говоря народным языком****, попадает на деньги: деньги на товар потрачены, продать его возможности нет, он занимает место на складах и мешает производственному циклу*.

Вариантом данных оборотов будут высказывания, построенные по более простой модели: *«союз «as» + сущ. в им. п. + глагол «speak»/ «say» в н. вр.»*. Например: He had an attempt to skip the question, ***as actors say***, “with charm”. – *У него была попытка пропустить этот вопрос,* ***как говорят актеры****, «за счет обаяния».*

Ещё одной моделью метаоператоров, вводящих тот или иной субъязык, будет модель *«глагол «speak» в форме герундия + определенный артикль «the» + сущ. «language» с предл. «of» + сущ. в род. пад.».* Например: But what is left to us, the fans, or ***speaking the language of politics***, to the electorate? – *Но что же остается нам, болельщикам, или,* ***выражаясь языком политиков****, электорату?*

Все перечисленные грамматические модели метавысказываний дают возможность говорящему создавать на примере существующих новые метаэлементы, которые потенциально заложены в языковой системе.

Проанализировав метаязыковые средства в 87 статьях различных жанров из 14 рубрик некоторых английских газет, мы пришли к выводу, что приведенные выше синонимичные метавысказывания, имеют разную частотность употребления. Для сравнения метаоператор speaking the language of young people – 122 раза, as young people say – 550; speaking the language of politics – 25, as politicians say – 173; speaking the language of musicians – 42, as musicians say – 395; speaking the language of doctors – 114, as doctors say – 425 и т.д. Разная частотность употребления синонимичных метаединиц связана с тем, что говорящий выбирает более распространенный и менее сложный по грамматической форме вариант метаоператора. Такой выбор обусловлен законом экономии речевых усилий, а также тем, что метаоператоры, содержащие метаэлемент слова «speak» в форме герундия, относятся, скорее, к книжному стилю, чем к разговорному, поэтому реже употребляются в разговорной речи.

Рассматривая вторую группу метаоператоров, необходимо отметить, что носитель языка

часто комментирует ***слова с точки зрения их происхождения***. Активное развитие этнических контактов, социальных, экономических и культурных связей между языковыми коллективами способствуют процессу заимствования иноязычной лексики. Свою речь говорящий часто обогащает иноязычными словами, которые маркирует следующими метаоператорами: *a foreign word, a borrowed word, a word appeared in our language* и т.д. [9, с. 147]. Например: 1) In 1601 ***appeared a new word*** in English language – "torrent". – *В 1601 году в английском языке* ***появилось новое слово*** *– «торрент».* 2) Usual for everybody "military student" began to disappear, being replaced ***by a french word*** "cadet". – *Всеми привычное «курсант» начало исчезать, заменяясь* ***французским словом*** *«кадет»*. 3) German people have become accustomed ***to foreign word*** "parkour", but the words "workout" and "crossbar" for many people are still unusual. – *Немцы уже привыкли к* ***иноязычному слову*** *«паркур», а вот «воркаут» и «кроссбар» для многих все еще в диковинку.*

Указывая на заимствования, говорящий также выражает через метаоператоры оценочное отношение к иностранному слову. С одной стороны, использование иностранных слов является показателем престижности, образованности и культуры современного человека, поэтому говорящий использует метаоператоры с положительной оценкой. С другой стороны, вхождение иноязычной лексики в какой-либо язык и её чрезмерное употребление вызывает у говорящего негативную реакцию, так как частое употребление иностранных слов нередко нарушает чистоту родного языка, а также приводит к непониманию между адресантом и адресатом. Например: 1) I don't like a ***foreign word*** "charisma", I prefer the divine spark. – *Я не люблю* ***иностранное слово*** *«харизма», предпочитаю – божья искра.* 2) Nowadays many people suffer from fear of having all the types of diseases. They're called "cyberchondriac", but I absolutely ***don't like this word***. – *Сегодня многие люди страдают от страха иметь все виды болезней. Их называют «киберхондриками», но мне категорически* ***не нравится это слово***.

Основываясь на данных метаязыкового комментирования, исследователи могут расширить знания о языковой моде и моде как социальном и культурном феномене в целом. Метаоператоры, комментирующие модные иностранные слова, позволяют лингвистам создавать словари модных слов и своевременно пополнять словники иностранных слов.

Характеризуя третью группу метаоператоров, указывающих на ***динамические процессы в лексике***, подчеркнем, что словарный состав языка развивается согласно происходящим в нем процессам: постоянное пополнение новыми словами и исчезновение устаревших слов [9, с. 148].

Заимствованная лексика или лексика, обозначающая социально значимые явления, становится популярной, актуальной и активно употребляется носителями языка. В свою очередь, слова, обозначающие неактуальные явления и объекты, становятся малоупотребительными, со временем такие слова могут потерять своё значение и совсем исчезнуть из языка. Эти два процесса указывают на то, что в словарном составе языка существует два слоя лексики: активная и пассивная.

Актуальные слова, активно употребляемые носителями языка, маркируются следующими метапоказателями: *popular word, catchword, word is on everyone's lips, as they say today.* Например: 1) Selfie, self-portrait, made by smartphone or webcam, won all the competitors in a fierce battle for a right to become ***the most popular word*** of the passing year. – *Селфи, автопортрет, сделанный смартфоном или вебкамерой, победил в ожесточенной схватке всех конкурентов на право стать* ***самым популярным словом*** *уходящего года.* 2) What motto, or ***as they say today***, slogan do you stick to? – *Какого девиза, или,* ***как сейчас говорят****, слогана вы придерживаетесь?*

Для комментирования уходящих из употребления устаревших или устаревающих слов, которые выражают неактуальные понятия, говорящий использует метаоператоры: *old word, ancient word, out-of-date word, unnecessary word* и т.д. Например: 1) ***An ancient word*** "enlightener" better suits to this person. – *Более всего этому человеку подходит* ***старинное слово*** *«просветитель».* 2) ***A long word*** "refrigerator" ***is getting old***, so it's better to use a word "fridge". – ***Длинное слово*** *«холодильная камера»* ***устаревает****, поэтому лучше использовать слово «холодильник».*

Так, метаоператоры, комментирующие социолингвистические характеристики лексики, позволяют лингвистам, во-первых, выявлять динамические процессы в лексической системе языка; во-вторых, выявлять круг лексики, подвергающейся этим динамическим процессам; в-третьих, теоретически осмыслить и установить параметры модности слова и языковой моды в целом; в-четвертых, определить, какую оценку получают у говорящего активные процессы, происходящие в английском языке, и установить причину той или иной оценки.

При этом разговорная речь оказала огромное влияние на языковую норму, что обусловлено возросшим числом участников массовой коммуникации и личностным началом в речи, увеличением сферы спонтанного общения и появлением новых средств выражения. В связи с тем, что социолингвистические особенности современной прессы, в целом, и английской, в частности, взаимообусловлены с динамикой метаязыковых средств, в русле нашего исследования считаем необходимым классифицировать ***метаязыковые средства газетного языка*** *по графико-орфографическим признакам* – по знакам препинания (кавычки, дефис, круглые скобки, квадратные скобки) и по шрифту (написание с прописной буквы). Рассмотрим метаязык английской газеты, выраженный каждым из перечисленных выше графико-орфографическим средством.

Кавычки в письме играют огромную роль, ведь они помогают выделить прописанные в тексте важные слова. Именно с их помощью определяется основное, важное слово. Как правило, в кавычки заключаются слова, обозначающие разного рода названия организаций, имена или применяемые в тексте в разговорном плане отдельные фразы. Например: 1) ***A word*** "telephone" ***is almost out-of-date*** but many people still use it in speech. – ***Слово*** *«телефонный аппарат»* ***почти устарело****, но многие все еще используют его в речи*. 2) The "graffiti" we see there ***will last for at least*** 70 years. – *«Граффити», которое мы видим там,* ***будет держаться как минимум*** *70 лет.*

Тире означает всевозможные пропуски, такие, как пропуск связки в сказуемом, пропуск членов предложения, пропуск противительных союзов. Нельзя не отметить и другую функцию данного знака – смысловую, когда лексически не выражены значения условия, времени, сравнения, следствия, противопоставления и сопоставления. Например: 1) It's hard enough for them – nobody here speaks English. – *Им довольно трудно – никто здесь не говорит по-английски*. 2) Florida Polytechnic University have introduced their brand new state of the art library, which houses no physical copies of books. Absolutely none – there's not even a single copy of The Great Gatsby tucked away on a shelf somewhere. – *Политехнический Университет Флориды представил свой совершенно новый уровень технического развития библиотеки, не содержащей ни одного печатного издания книг. Абсолютного ни одного – нет даже единственного экземпляра Великого Гэтсби, запрятанного на какой-нибудь полке*.

Квадратными скобками в цитатах обозначается авторский текст. Он помогает прояснить контекст самой цитаты. Например: 1) Another one [who's now a second year] said she found that when she played football at [university], they were like, "Oh, women have a team". – *Другая [которая сейчас на втором курсе] сказала, что, когда играла в футбол [в университете], услышала, как о них говорили: «О, у женщин есть команда»*. 2) Gendered language is used around a lot of these events telling [people] to act in different ways or to dress according to their gender. – *Гендерный язык используется во многих из этих случаев, рассказывая [людям] как вести себя в различных ситуациях или как одеваться согласно их полу.*

Круглые скобки являются своего рода приложением, то есть обособляют дополнительную информацию, которая не является чрезвычайно важной. Так, они позволяют расширить основную мысль в предложении при помощи добавления новой информации. В конечном итоге высказывание получается емким по форме, но информативным по сути. Например: 1) We have achieved a lot this year, what with our YuStart campaign and the illustrations (yes, there are illustrations in this one!) – *Мы многого добились в этом году с помощью нашей кампании YuStart и иллюстраций (да, здесь есть и иллюстрации!)*. 2) Both these clever, multilingual, arty women educated their boyfriends (Jagger and Richards) about culture and art and style. – *Обе эти умные, знающие иностранные языки, искусные женщины обучали своих бойфрендов (Джаггера и Ричардса) культуре, искусству и стилю.*

Восклицательный знак усиливает эмоциональную окраску повествования, используется для выражения изумления, сильного чувства или волнения. Например: It is essential to invest in good quality and good fit, otherwise you can end up looking a little like a ship at full sail (if that is the look you are going for then of course just rock it!) – *Необходимо вкладывать деньги в одежду хорошего качества и хорошо сидящую, в противном случае в конечном итоге вы можете выглядеть как корабль на всех парусах (но, если это тот наряд, который вам нужен, тогда, конечно, дерзайте!)*.

Использование ***прописных букв*** в слове или в части предложения подразумевает привлечение к тексту внимания, но порой из-за недостатка контраста между формами букв текста, набранного прописными, такое сообщение наоборот теряется по сравнению с обычным набором. Например: 1) But this week isn't for you, people, it's for the FRESHERS! – *Но эта неделя не для вас, люди, она для ПЕРВОКУРСНИКОВ!* 2) The hill has many words "written" on it, he says; and while some are in Icelandic, the increase in English – specifically "LIFE" and now "SEND NUDES" – suggests they're the work of tourists. – *Он говорит, что на холме написано много слов. И хотя некоторые из них на исландском языке, большинство на английском - в частности, «ЖИЗНЬ» и «ФОТО В СТИЛЕ НЮ» - говорит, что это работа туристов.*

Проведенный выше анализ английских газет позволил нам выявить 73 характерные метаязыковые единицы и классифицировать их по графико-орфографическим средствам: метаязык, выраженный кавычками, тире, круглыми и квадратными скобками, восклицательными знаками и прописными буквами. Данное исследование привело нас к выводу о том, что в рассмотренных газетах преобладает метаязык, представленный графически кавычками, что объясняется популярностью использования кавычек в текстах современных газет, целью которых служит определить важное слово или часть предложения в контексте.

Таким образом, анализ современных британских газет позволил нам рассмотреть особенности использования в них метаязыковых средств. Основные грамматические модели метавысказываний, такие как: *«наречие + глагол «speak» в форме герундия», «союз «as» + сущ. в им. п. + глагол «speak» в н. вр.», «глагол «speak» в форме герундия + определенный артикль «the» + сущ. «language» с предл. «of» + сущ. в род. пад.*, дают возможность говорящему создавать на примере существующих новые метаэлементы, которые потенциально заложены в языковой системе. При этом, метаоператоры, комментирующие

социолингвистические характеристики лексики, позволяют лингвистам выявлять динамические процессы в лексической системе, выявлять круг лексики, подвергающейся этим динамическим процессам, определяя, какую оценку получают у говорящего активные процессы, происходящие в английском языке и устанавливая причину той или иной оценки.

Литература

1. Бобровская Г. В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса: монография. Волгоград: ВГПУ «Перемена», 2011. 318 с.

2. Виноградов С. И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1996. С. 281–317.

3. Ионова Т. А. Лингвосемиотическая специфика текста комментария в современных британских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. Т. 2. №2-12. С. 181–185.

4. Казак М. Ю. Язык газеты: учеб. пособие. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 120 с.

5. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2008. 57 с.

6. Кюрегян А. Л. Виды моделей провербиального кода и метаязык их формализованного описания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №1 – 1(31). С.76–79.

7. Макеева Л. Язык и реальность. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/57/01.pdf (Дата обращения: 08.05.2019).

8. Пирвердиева Ю. А., Митрофанова О. Н. Сущностная характеристика понятия «метаязык» // Теоретические и прикладные аспекты развития научной мысли в современном мире: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 4 ч. Ч.3. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 66–69.

9. Пирвердиева Ю. А., Митрофанова О. Н. Метаязыковые параметры лексической системы языка современных английских газет // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург). В 2 ч. Ч.2. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 146–149.

10. Julia Buckley. Tourists Carve “SEND NUDES” into Mossy Iceland Hill/ Independent URL: http://www.independent.co.uk/travel/news-and-advice/iceland-tourism-damage-graffiti-moss-send-nudes-nesjavellir-gunnar-birgisson-arni-tryggvason-a7789156.html (Дата обращения: 08.05.2019).

11. Nouse // University of York’s original student newspaper / September, 2014 URL: www.nouse.co.uk (Accessed: 08.05.2019).

12. Suzanne Moore. Anita Pallenberg paid a high price for being a rock-star girlfriend // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/14/anita-pallenberg-first-rock-chick-no-easy-gig-being-muse-rolling-stones (Accessed: 08.05.2019).

References

1. Bobrovskaja G. V. Kognitivno-jelokutivnyj potencial gazetnogo diskursa *(Cognitive-Elocative Potential of Newspaper Discourse):* monografija. Volgograd: Peremena publ., 2011. 318 p. (In Russian).

2. Vinogradov S. I. Jazyk gazety v aspekte kul’tury rechi *(Language of the newspaper in the aspect of speech culture)* // Kul’tura russkoj rechi i jeffektivnost’ obshhenija. Moscow: Institute Russian Language named after V. Vinigradov publ., 1996. P. 281–317. (In Russian).

3. Ionova T. A. Lingvosemioticheskaja specifika teksta kommentarija v sovremennyh britanskih SMI *(Linguosemiotic specifics of commentary text in modern British media)* // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2010. Vol.2. No.2–12. P.181–185. (In Russian).

4. Kazak M. Ju. Jazyk gazety *(Newspaper language)*: textbook. Belgorod: Belgorod publ., 2012. 120 p. (In Russian).

5. Klushina N. I. Intencional’nye kategorii publicisticheskogo teksta (na materiale periodicheskih izdanij 2000–2008 gg.) *(Intentional categories of journalistic text (based on material from periodicals 2000–2008):* abstract of thesis. Moscow, 2008. 57 p. (In Russian).

6. Kjuregjan A. L. Vidy modelej proverbial’nogo koda i metajazyk ih formalizovannogo opisanija *(Types of models of the proverbial code and metalanguage of their formalized description)* // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. No. 1–1(31). P. 76–79. (In Russian).

7. Makeeva L. Jazyk i real’nost’ *(Language and reality)*. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/57/01.pdf (Accessed: 08.05.2019). (In Russian).

8. Pirverdieva Ju. A., Mitrofanova O. N. Sushhnostnaja harakteristika ponjatija «metajazyk» *(The essential characteristic of the concept of “metalanguage”)* // Teoreticheskie i prikladnye aspekty razvitija nauchnoj mysli v sovremennom mire: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. In 4 Parts. Part.3. Ufa: AJeTERNA publ., 2017. P. 66–69. (In Russian).

9. Pirverdieva Ju. A., Mitrofanova O. N. Metajazykovye parametry leksicheskoj sistemy jazyka sovremennyh anglijskih gazet *(Metalanguage parameters of the lexical system of the language of modern English newspapers)* // Koncepcii ustojchivogo razvitija nauki v sovremennyh uslovijah: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Ekaterinburg). In 2 Parts. Part.2. Ufa: AJeTERNA, 2017. P. 146–149. (In Russian).

10. Julia Buckley. Tourists Carve “SEND NUDES” into Mossy Iceland Hill / Independent URL: http://www.independent.co.uk/travel/news-and-advice/iceland-tourism-damage-graffiti-moss-send-nudes-nesjavellir-gunnar-birgisson-arni-tryggvason-a7789156.html (Accessed: 08.05.2019). (In Russian).

11. Nouse // University of York’s original student newspaper / September, 2014 URL: www.nouse.co.uk (Accessed: 08.05.2019).

12. Suzanne Moore. Anita Pallenberg paid a high price for being a rock-star girlfriend // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/14/anita-pallenberg-first-rock-chick-no-easy-gig-being-muse-rolling-stones (Accessed: 08.05.2019).

Сведения об авторе

Пирвердиева Юлия Аванесовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pirverd@yandex.ru

Information about the author

Pirverdieva Julia – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Chair of Romano-Germanic Philology and Lingvodidactics, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / pirverd@yandex.ru

УДК 811

В. П. Ходус, С. Д. Краснокутская

ЭТНОМЕНТАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДИФИКАЦИЙ В ТЕКСТАХ Н. В. ГОГОЛЯ О ПЕТЕРБУРГЕ

В настоящее время существует большое количество работ, посвященных вопросам категоризации, параметризации пространственной категории, средств ее выражения, реализации данной категории в конкретных видах текстов и т.д. Анализ пространственных образов приводит к выводу о том, что в разное время, в разных науках и концепциях под категорией пространство понимается не одно и то же, существует множество видов пространств, выделяемых разными исследователями. В данной статье предпринимается попытка исследования парадигмы этноментального, национального самосознания, нашедшие отражение в авторской концепции человека и мира, как окружающего пространства, в текстах Н. В. Гоголя о Петербурге. При анализе языка художественных произведений Н. В. Гоголя с точки зрения функционирования в них текстовой категории пространства были рассмотрены способы выражения пространственной лексики, а также способы ее представления с учетом лексико-семантического, грамматического и структурно-композиционного аспектов, хотя в ходе работы затрагивались и другие аспекты лингвистического анализа их художественной структуры.

Особое внимание уделено рассмотрению пространственной лексики и синтаксическим конструкциям, включающим особенности выражения этноментальной составляющей пространства текста. Основными текстообразующими элементами произведений Н. В. Гоголя являются пространственные оппозиции: «верх/низ», «статика/динамика», «наше/ваше», «открытость/закрытость», «реальность/ирреальность». Основная оппозиционная пара, рассматриваемая в данной статье, реальное/ирреальное пространство. Пространственные оппозиции выполняют важную структурообразующую роль в построении пространственных отношений в произведениях писателя. Актуальность данного исследования состоит в неугасающем интересе лингвистов к изучению пространственно-временных категорий и их реализации в творчестве Н. В. Гоголя. Актуальность изучения пространственных оппозиций с этноментальным значением для лингвистического исследования заключена в поиске способов отображения бытия писателем, в возможности синтеза картины мира автора и картины национального сознания путем анализа языковых средств и способов их выражения в тексте.

Ключевые слова: Категория пространства, языковые средства выражения категории пространства, этноментальное пространство, текстовое пространство, пространства в текстах Н. В. Гоголя.

V. Hodus, S. Krasnokutskaya

ETHNIC-MENTAL COMPONENT OF SPATIAL MODIFICATIONS IN THE TEXTS OF N. V. GOGOL ABOUT PETERSBURG

Currently, there is a large number of works devoted to questions of categorization, parameterization of a spatial category, means of its expression, the implementation of this category in specific types of texts, etc. The analysis of spatial images leads to the conclusion that at different times, in different sciences and concepts, the category of space is not understood to be the same thing; there are many types of spaces allocated by different researchers. This article attempts to study the paradigm of ethnic, national identity, which are reflected in the author's concept of man and the world as a surrounding space, in the texts of N. V. Gogol about Petersburg. When analyzing the language of fiction by N. V. Gogol, from the point of view of the functioning of the textual category of space, the authors examine the ways of expressing spatial vocabulary, as well as the ways of presenting it taking into account the lexical-semantic, grammatical and structural-compositional aspects, although other aspects of the linguistic analysis of their artistic structure were touched upon.

Particular attention is paid to the consideration of spatial vocabulary and syntactic constructions, including the features of the expression of the ethnic-mental component of the text space. The main text-forming elements of the works by N. V. Gogol are spatial oppositions: "top / bottom", "statics / dynamics", "ours / yours", "openness / closeness", "reality / irreality". The main opposition couple discussed in this article is real / surreal space. Spatial oppositions play an important structure-forming role in building spatial relationships in the writer's works. The relevance of this study lies in the continuing interest of linguists in the study of spatio-temporal categories and their implementation in N. V. Gogol. The relevance of studying spatial oppositions with ethnic significance for linguistic research lies in the search for ways to represent being a writer, in the possibility of synthesizing a picture of the author's world and a picture of national consciousness by analyzing linguistic means and ways of expressing them in the text.

Key words: space category, language means of expressing the category of space, ethnic space, text space, space in texts by N. V. Gogol.

Рассмотрение творчества Н. В. Гоголя представляется весьма интересным и актуальным, потому что в современной науке и национальном сознании укоренилось представление о «таинственности» личности Н. В. Гоголя и его произведений. Это свидетельствует о не исчерпанности раскрытия содержания его творчества, так и возможностей трактовок произведений писателя. Другими словами, требуется новое осмысление концептов: человек, пространство, которое позволяет выяснить этноментальный компонент в его соотношении с кодом истории, культуры, определяемых «онтологической» памятью о национально-этическом этноментальном характере, в частности, русского языка и русской классической литературы в целом. Раскрытие фундаментальных понятий, философских категорий нам представляется возможным на основе языкового материала. Попытка определить особенности пространственной организации художественной реальности в произведениях Н. В. Гоголя в системе единого целостного пространства диалога культур ориентирована на использование не только филологического анализа художественного текста, но также и междисциплинарного анализа. В особенности при осмыслении таких координат художественного и языкового метода Н. В. Гоголя, как типологические и генетические контактные связи текстового пространства с внешним миром, при сохранении своей русской (российской) идентичности.

Художественное пространство преломляется сквозь призму метавосприятия писателя. Примером может служить название цикла Н. В. Гоголя «Миргород», где уже сама номинация цикла выполняет функцию определения структуры пространства. Два корня номинации цикла по-украински, на первом родном языке писателя, что четко прослеживается лексически, синтаксически и интонационно в его русскоязычных сочинениях и письмах, звучат противоречиво, как оксюморон: «мир» – это (устаревшее и торжественное в значении «мир как Вселенная»), а «город» (бытовое) – «огород» (по-украински город – місто). Таким образом, действительность, описанная Н. В. Гоголем, это «огороженная Вселенная».

В филологических исследованиях текстов Н. В. Гоголя о категории пространства как таковой, изучается только в биографическом и географическом аспектах. Существует немало лингвистических и литературоведческих работ, посвященных гоголевской Украине (Малороссии), России, Петербургу. В этих исследованиях выявляются прототипы героев Н. В. Гоголя, восстанавливается реальная топография местности, в которой происходит действие соответствующих произведений писателя, реконструируются события биографии Н. В. Гоголя, связанные с тем или иным регионом.

Географическое многообразие прозы Н. В. Гоголя является непосредственным отражением в творчестве богатого биографического опыта писателя, много ездившего по России, Украине, Германии, Италии, Франции, и, жившего в самых разных уголках страны и, знавшего «глубинку» не хуже, чем жизнь в столице.

Петербург в текстах Н. В. Гоголя – город мастеровых, бедных чиновников, нищего люда – противостоит «парадному блеску» Невского проспекта. Пространство этого великого для русского сознания города, также как и малороссийских реалиях, изображаемых Н. В. Гоголем, делится на реальное и ирреальное. В Петербурге, описанном Н. В. Гоголем, оживают дома, движутся вещи, люди, идущие по улицам, разговаривают сами с собой, нос майора Ковалева может запросто убежать от своего владельца, гулять по Невскому проспекту, и разъезжать по городу в карете и даже молиться в церкви. Владимир Набоков писал о Петербурге: «Главный город России был выстроен гениальным деспотом на болоте и на костях рабов, гниющих в этом болоте: тут-то и корень его странности – и его изначальный порок» [4, с. 420].

Одним из первых произведений Гоголя, в которых присутствует пространственный образ Петербурга, является повесть «Ночь перед Рождеством», входящая в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Пространство города предстает через призму восприятия персонажа повести кузнеца Вакулы, который оказался в городе фантастическим образом – прилетел на черте. Иными словами, преодолел огромное расстояние в условиях непогоды за небольшой отрезок времени. Небесное пространство векторно вытянуто, связь с землей потеряна (видно все, кроме земных объектов), пространство ирреально: «Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он ***от земли на такую высоту***, что ***ничего уже не мог видеть внизу***, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. <…> ***Все*** было ***светло*** в ***вышине***. ***Воздух*** в легком серебряном тумане был ***прозрачен***. ***Все было видно***, и даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки» [2, с. 83]. В тексте безмерному небесному пространству соответствует максимальная подвижность. Она выражается в подчеркивании скорости, что достигается путем использования таких устойчивых сочетаний как «вихрем пронесся», имеющих семантику очень быстрого передвижения.

Город для Вакулы представляется чем-то невероятным, в отличие от способа и скорости перемещения, что воспринимается героем почти обыденно: «Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чертом» [2, с. 83]. «…вдруг заблестел перед Вакулой Петербург… Боже мой! стук, гром, блеск; ***по обеим сторонам*** громоздятся ***четырехэтажные стены***; ***домы росли*** и будто подымались ***из земли*** на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали» [2, с. 84]. Грамматические конструкции типа «четырехэтажные стены», с пространственной

семантикой обладают также и коннотативным значением фрагментарности, пространственной «ненаполненности». В словаре: стена – часть здания, представляющая собою вертикально стоящее сооружение для поддерживания перекрытий и для разделения на части внутреннего помещения здания. Пространственные объекты наделяются человеческими свойствами. «С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все домы устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядели» [2, с. 84]. Реально видимое персонажем или рассказчиком пространство дополняется пространством воображаемым. В тексте этот эффект достигается с помощью модальных слов. Пространство в городе является еще и очень ограниченным: со всех сторон находятся строения, герой, а именно через его восприятие мы оцениваем состояние, оглядываясь по сторонам, не видит ни дороги, ни горизонта, ни неба.

Лексема «Петербург» в данной повести употреблена автором один раз.

В повести «Невский проспект» раскрывается тема пространственных контрастов. Писатель, в самом начале произведения восхищается величественностью Петербурга, его красотами. «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере, в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блестит эта улица – красавица нашей столицы!» [2, с. 279]. Таким образом, мы наблюдаем сужение пространства города сначала до одного проспекта, а потом и вовсе до мелких пространственных деталей: герой повести замечает пространственные детали, видит только мелькающие усы, различные шляпки, рукава и сюртуки.

Пространство в «Невском проспекте» искажается самым причудливым образом: изменяются пропорции людей и предметов, вещи переворачиваются, падают с отведенных им мест, пространство вокруг персонажей повести выгибается и ломается.

Трансформация пространства Невского происходит после наступления сумерек. Все на проспекте непропорционально изменяет свои размеры, нарушая естественную гармонию городской панорамы. Превращение испытывают не только тени, для которых подобная динамика ожидаема: «Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста» [2, с. 282]. Изменения претерпевает пространство, обладающее твердой формой, деталями архитектурного облика Петербурга: «...мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась ему навстречу» [2, с. 284]. Пространственные объекты из статических становятся динамическими.

Изменения размеров и пропорций пространственных объектов радикальны: отдельные детали пространства возникают из ничего и исчезают на глазах гоголевских персонажей: «Он даже не заметил, как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный дом <…> уже комната начала исчезать». Даже когда сам герой неподвижен, разные миры проходят мимо него, временно вовлекая его в свое пространство: «***тротуар несся*** под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы» [2, с. 284]. При этом, пространственные изменения статики и динамики происходят вне зависимости от того, происходит действие в реальности или во сне героя: «…освещенная перспектива домов с яркими вывесками ***понеслась*** мимо каретных окон <…>воздушная лестница ***неслась*** вверх» [2, с. 287]. Пространство оживает в буквальном смысле. Лексема «нестись» с семантикой движения употребляются к статическим объектам.

Фрагменты текстового пространства накладываются друг на друга, например, в описании мыслей чиновников, которые несут с собой свое рабочее пространство и через эту призму видят Невский проспект: «…в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами, или полное лицо правителя канцелярии» [2, с. 281].

Заканчивается повесть «Невский проспект» окончательным дроблением пространства города на мелкие детали: взгляд на архитектурное строение концентрируется на сидящей на нем птице, горизонт сужается до дамского плаща «Как ни развевайся ***вдали плащ*** красавицы, я ни за что не пойду любопытствовать», а герой повести ограждает личное пространство одеждой. «О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы» [2, с. 298]. Ирреальность пространства преобладает над бытовым миром. Автор употребляет лексемы с семантикой лжи, а используемые синтаксические конструкции, глаголы в повелительном значении, восклицательные предложения призывают не доверять пространству вокруг: «Но Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки!» [2, с. 298].

Появляющийся в последнем предложении повести образ ночного демона еще раз подтверждает, что описываемое пространство реального города ирреально: «сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» [2, с. 298]. Что касается частотности употребления лексемы «Петербург» в повести «Невский проспект», являющейся смыслообразующей, с точки зрения пространства, цикла «Петербургские повести», в данном тексте она употреблена 10 раз.

Совершенно уникальным с точки зрения лингвистического анализа этноментальных особенностей организации пространства в текстах Н. В. Гоголя является пространство города в повести «Записки сумасшедшего», написанной в 1834 г. Впервые повесть вышла в 1835 году в сборнике «Арабески» с заголовком «Клочки из записок сумасшедшего». Позднее была включена в сборник «Петербургские повести». Уникальность состоит в том, что в данной повести лексемы «Петербург» не встречается, однако действие разворачивает-

ся именно в этом городе, о чем свидетельствует многочисленное употребление маркеров топонимов. «Перешли в ***Гороховую***, поворотили в ***Мещанскую***, оттуда в ***Столярную***, наконец, к ***Кокушкину мосту*** и остановились перед большим домом» [2, с.376].

В этнолигвистическом аспекте изучение топонимии позволяет решить задачу выявления своеобразия топонимии как языкового источника информации о национальной культуре народа путем моделирования реального и ирреального типов пространства.

Ирреальность пространства в повести «Записки сумасшедшего» выражается иначе, чем в повести «Невский проспект» на синтаксическом уровне. Пространственные объекты в «Записках сумасшедшего» статичны, в тексте нет мистических персонажей или аналогий, восходящих к потусторонним силам, нет постороннего влияния на сознание героя. В повести привычный быт, окружающее пространство преображается только в сознании героя. Персонаж перемещается в миражный мир, иное пространство, которое, при этом, остается неизменным, статичным для окружающих. Видения главного героя повести Поприщина фантастичны, поскольку он сумасшедший, и в то же время субъективный абсурд пространственных трансформаций принципиально реален и не фантастичен.

В ходе анализа пространственных отношений в повести «Записки сумасшедшего» выявлено частотное употребление слова с локальной семой на периферии лексического значения, такими семами характеризуются топонимы: Испания, Франция, Европа, Гамбург, Англия, Китай и т.д. Топонимы используются для изображения реального географического пространства. Ирреальность пространства характеризуется смещением точки зрения и отсутствием границ. Пространственная оппозиция «конечное/бесконечное» имеет свою специфику в каждой из гоголевских повестей. Таким образом, ирреальное = безграничное пространство – это устоявшийся постулат для всех текстов Н. В. Гоголя.

В «Записках сумасшедшего» мы находим необычную пространственную аналогию «Невскому проспекту». В «Невском проспекте» чиновники носят рабочий кабинет в своей голове, а в «Записках сумасшедшего» человеческий мозг находится принципиально отдельно от тела: «люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове; совсем нет: он приносится ветром со стороны Каспийского моря» [2, с. 384]. Семантика данного выражения абсурдна с точки зрения географии и климатологии вне зависимости от местонахождения «мыслящего». Локативные конструкции не имеют географических и государственных границ: «Англия не позволит. Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь» [2, с. 384]. Данная повесть, как и любое другое литературное произведение, строится согласно законам художественного пространства, изображая ментальную модель мира автора, выраженную на языке пространственных представлений.

Обратимся к тексту еще одного произведения Н. В. Гоголя повести «Нос». Эта повесть также представляет для нас интерес с точки зрения этноментальных особенностей пространственной организации и языкового выражения категории пространства, а также репрезентации Петербурга как города в художественном тексте.

С точки зрения оппозиционной пары «реальное/ирреальное» пространство в данном тексте читатель не сталкивается с проявлениями нечистой силы даже через проекцию героев произведения, однако исследователи творчества Н. В Гоголя считают это произведение одним из самых фантастических. Пространство в повести ограничено рамками одного города. Безграничность пространства моделируется за счет вне сюжетных персонажей, комментариев рассказчика: «Вот какая история случилась ***в северной столице*** нашего ***обширного государства***!» [2, с. 314]. Повесть написана Н. В. Гоголем в 1833–1834 гг. в это время официальной столицей Российской империи был Санкт-Петербург/Петроград. Прилагательное «северная» и сочетание «северная столица» как имя собственное подчеркивают исторически сложившееся и прочно укоренившееся в национальном сознании восприятие двух столиц, двух главных городов одного государства.

Итак, действие повести происходит в Петербурге. С первого предложения текста читатель погружается в конкретную географическую реальность. Этому способствуют многократное употребление топонимов (названий улиц, проспектов, мостов, арт-объектов, известных практически каждому жителю России), эффект погружения в географическую реальность усиливается наречиями места и предлогами пространственного значения: «Цирюльник Иван Яковлевич, живущий на ***Вознесенском проспекте*** <…> Он прежде всего ***осмотрелся***; потом нагнулся ***на перила***, будто бы посмотреть ***под мост***» [2, с. 299, 300]. Лексема «Петербург» употреблена в тексте дважды.

Пространственная реальность не нарушается даже в представлении расстояний, как это наблюдалось в других повестях: «Россия такая ***чудная земля***, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, ***от Риги до Камчатки***, непременно примут на свой счет» [2, с.301]. В данном контексте указанный пространственный интервал означает очень большое расстояние, используется как прием художественного преувеличения.

Пространственная организация текста многослойна, мистическая история, происходящая в повести не может существовать в рамках реального пространства. В данной повести наблюдается столкновение двух пространственных миров: реального, бытового и ирреального, волшебного. В ирреальном Петербурге происходит искажение пространства, его зеркальное отражение, неслучайно герой, проснувшись, и, не обнаружив

носа, смотрит в зеркало: ««Но авось-либо мне так ***представилось***: не может быть, чтобы нос пропал сдуру», – подумал он и зашел в кондитерскую нарочно с тем, чтобы посмотреться ***в зеркало*** <…> потихоньку приблизился ***к зеркалу***» [2, с. 302]. Сон, который кажется реальностью – это прием, избранный Н.В. Гоголем для представления фантастического.

Стоит отметить, что и время, когда герой повести лишился своего носа непростое для русского национального сознания – это ночь с четверга на пятницу. По русской демонологии сны в такую ночь считаются вещими, а пятница является днем нечистой силы. «Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. ***Черт*** хотел подшутить надо мною!» [2, с. 306]. Пропажа обнаруживается церковный праздник – Благовещение. День, когда верующие христиане ходят в церковь. «Он поспешил ***в собор*** <…> и вошел ***в церковь***. Наконец увидел его стоявшего ***в стороне***. Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился» [2, с. 302]. Мистическое проникает в пространство церковного собора, священного для русской души места. Об ирреальности происходящего говорит и степень заполненности церковного пространства: «Молельщиков ***внутри церкви*** было немного; они все стояли только ***при входе в двери***». Наречия с пространственной семантикой обозначают границу ирреального. Церковное пространство без преград принимает мистическую составляющую, и герой повести, войдя в церковь, не совершает обряда: «Ковалев ***никак не в силах был молиться***, и искал глазами этого господина ***по всем углам***» [2, с. 302]. В большинстве религиозных верований отношение к фигуре угла в пространстве комнаты неоднозначно. В основном, все учения и верования сходятся в том, что угол – это место привлечения энергетических потоков, который способен втягивать в себя находящуюся рядом энергию, как положительную (красный угол в христианстве), так и отрицательную.

В повести «Нос» ирреальное находится в реальной действительности бытового пространства. Н. В. Гоголю присущ индивидуальный стиль описания фантастического. Автор предлагает читателю не конкретное описание, а толкование, восприятие мистического действующим лицом или рассказчиком, подчеркивая при этом всю необычайность и сверхъестественность описываемого.

Актуальность данной работы состоит в том, что исследование посвящено пространственному образу, пожалуй, самого знаменитого, необычного и противоречивого города в нашей стране. Каждая эпоха в истории русского общества знает свой Петербург. Каждая отдельная личность, творчески переживающая его, преломляет этот образ по-своему. Н. В. Гоголь является одной из самых аскетических фигур нашей литературы, единственной, исключительной в своем роде. В своих произведениях Н. В. Гоголь раскрыл для русской литературы основные типы художественных пространственно-временных моделей. В данной статье были взяты примеры языкового выражения пространственных моделей из четырех повестей писателя, более подробно тема этноментальных особенностей организации пространства в текстах Н. В. Гоголя будет изложена в диссертационном исследовании.

Опираясь на рассмотренный в статье материал, приходим к следующим выводам: бытовые и мистические эпизоды совершаются в разных локальностях и в разных типах пространства. Для ирреального пространства характерны безграничность, динамичность действия, трансформация, непрерывные модификации, стремительное движение. Бытовое пространство всегда ограниченное, чаще всего статично.

Еще одним отличительным признаком реального пространства от ирреального является содержание и характер его заполнения. В текстах Н. В. Гоголя бытовое пространство заполнено простыми материальными предметами. Реальное пространство – пространство материальное, включающее область физического и область зрительного и слухового опыта. Мистическое, ирреальное характеризуется безграничностью, представлено чаще всего природными и астральными явлениями, воздухом, духами.

Большинство описанных нами в данной статье трансформаций текстового пространства возникают в повести из соответствующего сочетания лексем с пространственным значением, употребления того или иного тропа. Конкретная лексика, представляющая данный тип пространства в творчестве Н. В. Гоголя, характеризуется своеобразной «деконкретизацией» семантики. Иными словами, пространственные модификации в повестях в большей степени стилистические, то есть происходят они в сознании автора и в сознании читателя.

Литература

1. Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. Работы 1978–2003 гг. М.: НЛО, 2003. 568 с.

2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Альфа-книга», 2017. 1231 с.

3. Краснокутская С. Д. Языковые средства выражения церковного пространства в цикле Н. В. Гоголя «Миргород» // Мир наука, культуры, образования. 2018. №2. С. 548–549.

4. Набоков В. В. Собр. соч. в 5 томах. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 1997. 815 с.

5. Толковые словари // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004–2017.

References

1. Vajskopf M. Ptica-trojka i kolesnica dushi. Raboty 1978–2003 gg *(Bird-trio and chariot of the soul. Works of 1978–2003).* Moscow: NLO publ., 2003. 568 p. (In Russian).
2. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome *(Complete works in one volume).* Moscow: «Al'fa-kniga», 2017. 1231 p. (In Russian).
3. Krasnokutskaja S. D. Jazykovye sredstva vyrazhenija cerkovnogo prostranstva v cikle N. V. Gogolja «Mirgorod» *(Linguistic means of expression of church space in the cycle N. V. Gogol «Mirgorod»)* // Mir nauka, kul'tury, obrazovanija. 2018. No.2. P. 548–549. (In Russian).
4. Nabokov V. V. Sobr. soch. v 5 tomah *(Collected works in 5 volumes).* Vol.1. St.Petersburg: Simpozium, 1997. 815 p. (In Russian).
5. Tolkovye slovari *(Explanatory Dictionaries)* // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija: [v 35 t.] / gl. red. Ju. S. Osipov. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2004–2017. (In Russian). (In Russian).

Сведения об авторах

Ходус Вячеслав Петрович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / xodusvp@yandex.ru

Краснокутская Светлана Дмитриевна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Svetlyak26rus@mail.ru

Information about the authors

Khodus Vyacheslav – Doctor of Philology, Head of Chair of the Russian Language, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / xodusvp@yandex.ru

Krasnokutskaya Svetlana – postgraduate, Chair of the Russian Language, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Svetlyak26rus@mail.ru

УДК 81`42

А. В. Цыбулевская

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЭКСПЛИКАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО ХРОНОТОПА ФЭНТЕЗИЙНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Данная статья посвящена исследованию экспликаторного потенциала индивидуально-авторских окказиональных единиц в рамках реализации виртуального фэнтезийного хронотопа. Автор осуществляет типологизацию лексических средств объективизации художественного пространства фэнтезийного произведения. Наиболее эффективным в экспликаторном аспекте является лексико-грамматический пласт фэнтезийного произведения. На основе критерия денотативно-референциальной соотнесенности выделяются: денотативно-безэквивалентные, референциально-прагматическая-безэквивалентные и стилистико-альтернативно-безэквивалентные единицы, которые в своей совокупности позволяют автору полностью реализовать возможность создания фэнтезийного мира. Текстовые и речевые индивидуально-авторские конструкции позволяют размывать границы виртуального пространства, привнося в фэнтезийный мир черты объективной реальности, тем самым прогнозируя эффект объективизации. На основе комплексного анализа исследуются безэквивалентные лексемы, функционирующие в качестве реализаторов виртуального хронотопа в фэнтезийных романах Robert Anthony Salvatore «Dragon Dangeon», которые представляются наиболее репрезентативными в плане широты спектра представленых окказиональных средств. На основе этимологического, компонентного и контекстуального анализа автор приходит к выводу о 7 характере индивидуально-авторских конструкций на основе узуальных и окказиональных онимов, образующих эффект контраста между реальным и фэнтэзийным мирами.

Ключевые слова: фэнтези, виртуальный хронотоп, индивидуально-авторский окказионализм, безэквивалентная лексика, искусственные языки, аллюзии.

A. Tsybulevskaya

INDIVIDUAL AUTHOR'S NON-EQUIVALENT UNITS IN EXPRESSING THE VIRTUAL CHRONOTOPE OF A FANTASY LITERARY WORK

The article studies the expression potential of individual-author occasional units within the framework of virtual fantasy chronotope actualization. The author develops the typology of lexical means objectifying the artistic space of a fantasy work. The most effective in the expression aspect is the lexical-grammatical layer of a fantasy work. Based on the criterion of denotative-referential correlation, the following are units distinguished: denotative-non-equivalent, referential-pragmatic-non-equivalent and stylistic-alternative-non-equivalent, which together allow the author to fully realize the opportunity to create a fantasy world. Text and speech individual-author constructions allow blurring the boundaries of the virtual space, introducing features of objective reality into the fantasy world, thereby predicting the effect of objectification. Based on a comprehensive analysis, the author studies non-equivalent lexemes that function as implementers of the virtual chronotope in Robert Anthony Salvatore's fantasy novels "Dragon Dangeon", which appear to be the most representative in terms of the breadth of the spectrum of the occasional means presented. With the reference to etymological, component and contextual analyses, the author comes to the conclusion about the contaminated nature of the individual author's constructions based on the usual and occasional onyms, which form the effect of contrast between the real and fantasy worlds.

Key words: fantasy, virtual chronotope, individual author's occasionalism, non-equivalent lexis, artificial languages, allusions.

Жанр «фэнтези» зародился на рубеже XX века как одно из направлений фантастической литературы. На заре своего появления этот жанр и тексты фэнтези не воспринимались всерьез. Популярный в то время реализм вытеснил фэнтези в раздел «низкой» литературы. Однако уже в начале XXI века фэнтези по популярности у читателя оставило далеко позади все прочие направления и уступает по количеству продаж лишь социальному и приключенческому романам и детективу. На сегодняшний день фэнтези – это не только литература, а целое художественное направление, охватывающее другие виды искусства: живопись, кино, музыку и компьютерные игры. Фэнтези стал продуктом культурной глобализации, что объясняет его быстрое развитие. Главной особенностью этого жанра является созданный автором фэнтезийный хронотоп, погружающий читателя в собственное виртуально-художественное пространство вне реального мира. Автор подчеркивает фэнтезйность и значимость волшебных феноменов, вымышленный мир зачастую более

выразителен, чем реальный – описываются его обитатели и события, что приводит к появлению авторских неологизмов и использованию индивидуальных жанрово-стилистических средств выразительности, которые и призваны создать рефлексивно-верифицируемое виртуальное пространство, «формируемое в сознании продуцента на основе его концептуально-валерной системы» [8, с. 215] и транслируемое для восприятия потенциальным реципиентом. В совокупности с быстрыми темпами развития жанра, появление новых безэквивалентных единиц фэнтезийного хронотопа ведет к постановке новых вопросов в исследовании как данного типа литературного произведения, так и к все возрастающему интересу к исследованию экспликаторной специфики окказиональных единиц, образованных в рамках как узуальных, так и окказионалиных схем транспонирования концептуального содержания ключевых понятий в процессе формирования и объективизации виртуального пространства [9, с. 72].

В рамках рассмотрения механизмов построения виртуального пространства фэнтезийного произведения с помощью безэквивалентных речевых единиц мы избрали комплексную методологию, включающую компонентный, этимологический, сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический, контекстологический анализ, что позволило интерпретировать различные аспекты и составляющие индивидуально-авторских и переосмысленных конструкций.

Эмпирическим материалом комплексного анализа представления виртуального хронотопа в индивидуально-авторских единицах послужило художественное произведение Р.Э. Сальваторе «Dragon Dangeon» (Кинжал дракона). Роберт Энтони Сальваторе (англ. Robert Anthony Salvatore. 20 января 1959) является одним из современных классиков фэнтезийного жанра, как многие писатели он также был вдохновлен одним из шедевров Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», в котором автор использовал множество приемов рефлексивной верификации пространства-времени описываемого в произведении. Всемирно известны стали более двух десятков романов Р.Э. Сальваторе, посвященные «Забытым Королевствам» (Forgotten Realms), по мотивам которых созданы несколько компьютерных игр.

Говоря о жанровых особенностях данного текста можно выделить следующие специфические черты: 1) изображенный мир в серии книг Р. Э. Сальваторе отличается от реального мира и состоит из двух миров – магического и реального; 2) в его произведениях главным мотивом является борьба Добра со Злом, главный герой является избранником, чье вмешательство влияет на ход событий; 3) в серии книг Р. Э. Сальваторе встречается ряд мифологических и выдуманных существ; 4) наличие фэнтезийных топонимов, тесно связанных с кельтской мифологией (Тир на Ног, Фаэрия); 5) наличие магических объектов; 6) присутствие уникальных и говорящих имен героев, которые зачастую являются индивидуально-авторскими неологизмами; 7) Р. Э. Сальваторе использует выразительные средства языка, для поддержания виртуально-художественного фэнтезийного пространства, зачастую прибегая к комбинированию приемов на различных стилистических уровнях. В его произведениях встречаются различные способы эмфатизации, как на грамматическом уровне, например, инверсия: *How very appropriate that sounded now to Gary Leger, full of frustrations he didn't understand, searching for something spiritual that seemed so out of reach and out of place* [16, p.12], так и на лексическом, например, эвфемизация *Poor man* (по отношению к убитому врагу)! [16, p. 9], или десфемизация: – *You son of a bitch!* [16, p. 9]. В их функции входит поддержания «героической» атмосферы или речевого портрета героя произведения, однако они могут служить и для создания стилистического контраста в произведении. Кроме того, подобные речевые импликации позволяют размывать границы виртуального пространства, привнося в фэнтезийный мир черты объективной реальности, тем самым прогнозируя эффект объективизации.

Д. А. Батурин описывает произведения жанра фэнтези как полисемантичные: язык фэнтези характеризуется теми жанровыми особенностями, элементы которых использованы автором [4, с. 29]. Произведения жанра фэнтези являются частью художественной литературы, тем не менее, структура фэнтези позволяет ему выделяться на фоне других литературных жанров. Причиной данного явления являются особенности функционирования средств выразительности и индивидуально-авторских безэквивалентных конструкций.

Наиболее эффективным в экспликаторном аспекте является лексико-грамматический пласт фэнтезийного произведения. Как отмечают некоторые современные авторы, параллельно с созданием мира автор формирует особые традиции, обычаи и предметы, не имеющие аналогов в реальном мире, и поэтому он присваивает созданным благодаря его воображению «концептуализированным понятиям» [6, 8] наименования, не встречающиеся в реальной действительности. Эта черта является формообразующей для языка жанра фэнтези [5, с. 93]. Данное явление находит отражение в использовании автором собственно созданных антропонимов, топонимов и реалий как результатов авторского словопорождения. М. Ф. Мисник разделяет создаваемые авторами фэнтезийные новообразования на следующие группы [13, с. 14]:

1.Фантастические существа: а) человекоподобные (например, *elf, dwarf*); б) животные (например, *Fairy*); в) подобные растениям (например, *Pweth Pweth*); г) бесплотные (например, *Donigarten*).

2. Различные артефакты, обладающие либо какими-то волшебными свойствами, либо а) анимализированные, обладающие волей, выражающие свои желания, испытывающие эмоции (например, *The Spear*); b) находящиеся в услужении

у некоторых существ и наделяющие их некоторыми качествами (например, *The Pot*).

3. Топонимы (например, *Tir na n'Og, Dilnamarra*).

4. Игры, обычаи, традиции (например, *unyielding rules of challenge*).

В. М. Беренкова дополнила данный список выделив следующие группы, которые включают в себя фэнтезийные новообразования, не упомянутые М. Ф. Мисников в своей работе: 1) магические субстанции или оружие (например, *Twinkle*); 2) волшебники различных видов (например, *witch, leprechaun*); 3) предметы культуры и быта, детализирующие рефлексивную верификацию мира (например, *M&M*); 4) структуры и общественные институты как экспликаторы виртуального хронотопа (например, *Invetion Approval Commitee*) [5, с. 91].

Т. В. Дьякова уделяет особое внимание именам собственным и относит их к отдельной группе индивидуально-авторских безэквивалентных единиц, так как они несут в себе как эмоциональную, так и когнитивную информацию, апеллирующую к реальным социокультурным феноменам или фактам истории, личностным особенностям или отличительным чертам культуры. По мнению Т. В. Дьяковой [11, с. 20–21], данную группу окказиональных лексем можно разделить на следующие подгруппы: 1) говорящие имена, эксплицирующие внутреннее психо-эмотивное пространство персонажей или характеризующие их внешний вид, способности и т.п. (например, *Hammerthrower*); 2) именования явлений или предметов, базирующиеся на физической, биологической, географической и т.д. характеристиках (например, *Geldion*); 3) мифические или ремифологизированные имена собственные, экспликаторный потенциал которых варьируется в зависимости от фоновых знаний реципиента (например, *Ceridwen*); 4) имена вымышленных существ, животных (например, *Tilwith Teg*); 5) «онимизированные апеллятивы» или имена нарицательные, используемые в качестве имени собственного (например, *Giant*).

И. С. Алексеевой была создана классификация художественных реалий, в которой они были рассмотрены с семантической точки зрения. Следуя этой классификации все реалии делятся на: 1) географические реалии; 2) этнографические или бытовые реалии, относящиеся к культурной деятельности народа или народности; 3) общественно-политические реалии, данная группа характеризует названия званий, титулов или органов власти [2, с. 263].

Помимо окказиональных безэквивалентных онимов в фэнтезийном произведении может непосредственно присутствовать или упоминаться искусственно созданный язык. Помимо отдельных слов они могут создать целые лексико-грамматические структуры и использовать их в своих произведениях. В своих произведениях Р. Э. Сальваторе отмечает, что каждая раса обладает своим собственным языком, однако самым обиходным и распространенным языком во вселенной «Dungeons&Dragons» является «общее наречие», которое используют все расы в процессе межкультурной коммуникации.

Следует отметить, что некоторые ученые, например А. О. Иванов, считают индивидуально-авторские конструкции типом безэквивалентной лексики [12]. Г. Д. Томахин определяет безэквивалентные лексемы как особые единицы, которые характеризуются отсутствием словарных эквивалентов в какой-либо языковой системе, что объясняется самой общественно-бытовой практикой лингвокультурного сообщества, существующего вне именуемых реалий [15, с. 56]. Другие исследователи ссылаются не на денотативную, а на референциальную окказиональность подобных единиц, так, например, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров описывают безэквивалентность лексики в качестве словной характеристики плана выражения несопоставимого с имеющимися в языке понятиями [10, с. 200]. В целом же безэквивалентность как феномен экспликации критериальных признаков «новум» и «творимость», в рамках приписывания, каждый раз по-новому творимых граней того или иного понятия, расширяющего границы реальности и рождающего новые реальности и новые смыслы [3, с. 123], необходимо понимать комплексно, как: 1) отсутствие феномена, явления в объективной реальности конкретной лингвокультуры (вещественная безэквивалентность); 2) отсутствие тождественных понятий в различных лингвокультурах (лексико-семантическая безэквивалентность); 3) различная жанрово-стилистическая нагрузка окказионального образования в отдельных лингвокультурах (стилистическая безэквиваленость) [12, с. 43]. Исходя из данного понимания безэквивалентности индивидуально-авторские безэквивалентные конструкции можно разделить на три группы.

Первая группа денотативно-безэквивалентная:

Окказиональные псевдо-терминологические единицы. В большинстве случаев термины обычно обладают четко закрепленными словарными эквивалентами, что базируется на глобальном научно-техническом прогрессе, не зависящем в своем распространении от культурных различий. Однако некоторые названия «технических новинок» виртуального фэнтезийного пространства, которые именуют неизвестные ранее понятия, характеризуются отсутствием закрепленных и частотно употребляемых эквивалентных соответствий, например: *M&Ms* – это средство передвижения гномов (*Mountain Messenger*), сокращенное до аббревиатуры, чтобы показать технологическую развитость расы гномов.

Индивидуально-авторские окказионализмы, присутствующие только в одном произведении или группе тематически связанных произведений, радикально отличаются от большинства других специфической аллюзивной нагрузкой, которая позволяет объективизировать виртуальную реальность. Так, например, использование единых антропонимических и топонимических суффиксов актуализирует единообразное вос-

приятие пространства и лингвокультурного сообщества в фэнтезийном хронотопе: *-more, -marra. It was no secret in Faerie that since* ***Kinnemore*** *had become King, the wealth of the independent Baronies, particularly those such as* ***Dilnamarra*** *who did not play as puppets to Connacht, had greatly diminished* [16, p.13]. – *В Волшебноземье ни для кого не было секретом, что со времени воцарения на престоле* ***Киннемора*** *богатство независимых баронских поместий, в особенности таких, которые, подобно* ***Дилнамарре****, отказывались плясать под дудку Коннахта, сильно пошло на убыль* [14, p. 245]. Обычно подобным образом автор стремиться реализовать в фонетически сходных, зачастую апеллирующих к древним языковым единицам или компонентам «не схваченные в имеющихся в узуальных конструктах определённые отношения и данности, актуализировать периферийные ноэмы в узловых элементах смысловой суперструктуры» [7, с. 493].

Комплексные деривативы с лакунарными компонентами. Специфика английского языка позволяет ему продуктивно создавать сложные слова, которые зачастую являются безэквивалентными, ввиду присутствия в них семантически дискретных и не сочетаемых компонентов, ощущаемых в языковой системе как лакуна – пропуск – эксплицируемого данным компонентом обертона, что наглядно видно при переводе данных образований: *A tiny figure raced across the black-and-white image, entering the bunker* ***a snatch-split-second*** *before the smart bomb did its deadly work, reducing the place to rubble* [16, p. 11]. – *По черно-белому изображению скользила крошечная черная фигурка. Она совместилась с бункером* ***за долю секунды*** *до того, как «умная» бомба совершила свою смертоносную работу, превратив все строение в груду щебня* [14, с. 247]. Именно такие конструкции, образованные по узуальной деривационной модели с трансформированными или дополненными компонентами, способствуют более полному пониманию и объективизации фэнтезийного пространства, что происходит по причине их потенциальной осознаваемости и схожести со знакомыми потенциальному реципиенту лексическими единицами. В результате употребления комплексных дериватов создается «прецедентный виртуальный хронотоп, соответствующий реализации перлокутивного эффекта» [9, с. 75].

Референциально-прагматическая-безэквивалентная лексика составляет вторую группу индивидуально-авторских образований:

Отклонения от языковой нормы, выступающие в форме реминисценций к социально-маркированным, архаичным или территориальным элементам, которые в привычном горизонтальном контексте не имеют прагматически адекватных эквивалентов. Таким образом, маркированный компонент перестает выражать как свое первоначальное значение, так и обладает способностью выстраивать новую систему связей уже не со свойственной ему ранее, и не с имеющейся, определенной нормами современной языковой системы, единицами, а в абсолютно новой парадигме виртуального фэнтезийного хронотопа. *And while the populations of the elfs,* ***dwarfs****, and* ***gnomes*** *had held steady for centuries untold, the humans seemed to breed like bunnies in an unhunted meadow, with new villages dotting the countryside every year – new villages needing metal tools, armor, and weapons* [16, p.5]. – *И пока население эльфов,* ***дворфов*** *и* ***гномов*** *на протяжении веков оставалось неизменным, люди размножались будто кролики на забытом охотниками лугу. Каждый год появлялись новые деревни, которые нуждались в орудиях труда, доспехах и оружии* [14, с. 236]. Общекультурное мифологическое пространство включает два понятия dwarfs, gnomes как синонимичные, однако данный способ представления нарушает отношения гипо-гиперонимии в фэнтезийном пространстве вселенной «Dungeons&Dragons», и вкупе с аллюзиями на фонетическую схожесть и примеры графики дворфов, формируется новое пространство, включающее новую расу.

Иноязычные вкрапления или варваризмы, вкрапления на выдуманном языке. Подобные вставки, иногда вводимые без пояснений и перевода, однако, в большинстве случаев интеллектуально понятные, добавляют виртуальному пространству аутентичности, создают неповторимый колорит, атмосферу реального действия. Распознавание семантики подобных включений облегчается стереотипностью ситуации произнесения (большинство таких фраз является речевыми формулами приветствия, прощания, благопожелания и т.п.): ᚏᚱᛏᛏᛏ

вивалентным (отличающимся по окказиональным обертонам прагматического значения). В данную подгруппу входят антропонимы, фразеологизмы, обращения, реалии.

Аллюзивные имена собственные. Личные имена или прозвища: *Tommy One-Thumb* [16, p. 32]. – *Томми Сиволап* [14, с. 264]. В трансляции одного компонента «беспалости» не отражается всей полноты имплицируемого контраста «мастеровитости» и «неуклюжести», тем самым автор вводя в фэнтезийный контекст аллюзию к английским выражениям, в которых используется лексическая единица «one thumb»: *one thumb driver* – слепой человек, *to be all thumb* – быть неуклюжим, создает эту оппозицию между миром дворфов и людей. А также именования социально-культурных реалий: *Gondabuggan* [16, p. 37]. – *Гондабугган* [14, с. 270].

Фразеологизмы. Устойчивые оценочные эпитеты в фэнтезийных текстах зачастую формируют пространство интенциальной амфиболии (прямого покомпонентного и генерализованного смысла), «в актуализации дифференциальных ноэматических пластов в процессе конкретизации или же генерализации отношений актуализируемых элементов» [9, с. 74]: *The wyrm had cat-got-the-canary smile on his terrible chops as usual after hearty dinner* [16, p. 78]. – *Дракон улыбнулся своей самой довольной улыбкой, будто кот, добравшийся-таки до канарейки, как это бывало с ним после сытного обеда* [14, с. 315].

Исходя из сказанного выше, язык жанра фэнтези отличается от языков других жанров художественной литературы рядом ключевых особенностей. Большое количество индивидуально-авторских безэквивалентных единиц несут как стилистически выразительную, так и жанровообразующую функцию: имена собственные, топонимы, слова-реалии придают произведению оттенок нереальности, участвует в создании фэнтезийного нереального пространства. Помимо этого комбинация стилистических средств выразительности на разных уровнях делает произведение жанра фэнтези более выразительным. Включение в произведение окказионализмов, неологизмов, архаизмов, устаревших грамматических форм, эвфемизмов, искусственных языков и стилистических средств выразительности позволяет автору полностью реализовать возможность создания фэнтезийного мира.

Анализ эмпирического материала показал, что в фэнтезийном произведении многие индивидуально-авторские конструкции представляют собой смесь узуальных эквивалентных и окказиональных безэквивалентных онимов с целью создания контраста между реальным и фэнтэзийным мирами.

Индивидуально-авторские окказионализмы несут комбинацию функций: непосредственно номинативную и эмфатическую, в некоторых случаях и референциальную, что позволят им наиболее полно представлять фэнтезийный виртуальный хронотоп. Новообразования, несущие в себе мифологические элементы, не лишены заложенной автором фэнтезийной стилистической специфики и лишь условно являются объектами референции.

Литература

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка. М.: Высшая школа, 1984. 211 с.

2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 352 с.

3. Аликаев Р. С., Бредихин С. Н. «Схемы действования» как маркер дискурсивности научного текста: формальная логика vs. герменевтика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. №2 (26). С. 121–127.

4. Батурин Д. А. Мифологичность фэнтези в современном мире // Традиционная и техногенная цивилизация: проблемы взаимодействия: материалы научно-практической конференции (Тюмень, 18 ноября 2009 г.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С. 28–31.

5. Беренкова В. М. Жанр фэнтези как объект лингвистического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №4. С. 91–93.

6. Бредихин С. Н. Сдвиги в семантических полях при актуализации периферийных ноэм как способ порождения многомерного смысла // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. №2 (87). С.12–15.

7. Бредихин С. Н. Этимологическое переразложение и синтез как базовые механизмы дифракции и модификации суперструктуры смысла // Фундаментальные исследования. 2013. №6-2. С. 490–494.

8. Бредихин С. Н., Давыдова Л. П. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 210–216.

9. Бредихин С. Н., Леонов А. А. Трансформации структуры концепта в процессе локализации компьютерных игр с элементами жанра фэнтези // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №1. С. 70–76.

10. Верещагин Е. М., Костомаров В. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

11. Дьякова Т. В. Адекватность выбора способов перевода искусственных антропонимов в жанре фэнтези // Lingua mobilis. 2013. №1. С. 18–22.

12. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 192 с.

13. Мисник М. Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов: автореф. дис. … канд. филол наук. Иркутск, 2006. 20 с.

14. Сальваторе Р. А. Кинжал дракона // Убийца драконов. Москва: ЭКСМО, 2008. С. 231–538.

15. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
16. Salvatore R. A. Spearwielder's tales. Dragon's Dagger. New York, Ace Books, 1996. 142 с.

References

1. Aleksandrova O. V. Problemy ekspressivnogo sintaksisa: na materiale anglijskogo yazyka *(Problems of expressive syntax: as exemplified in English language).* Moscow: Vysshaya shkola publ., 1984. 211 p. (In Russian).
2. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie *(Introduction to translation studies).* St.Petersburg: Faculty of Philology of SPBSU publ., 2004. 352 p. (In Russian).
3. Alikaev R. S., Bredikhin S. N. «Skhemy dejstvovaniya» kak marker diskursivnosti nauchnogo teksta: formal'naya logika vs. germenevtika *(«Schemes of acting» as a discourse marker of a scientific text: formal logics vs. hermeneutics)* // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2015. No. 2 (26). P. 121–127. (In Russian).
4. Baturin D. A. Mifologichnost' fentezi v sovremennom mire *(The mythology of fantasy in modern world)* // Tradicionnaya i tekhnogennaya civilizaciya: problemy vzaimodejstviya: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii (Tyumen', 18 noyabrya 2009 g.). Tyumen': Tyumen State Oil and Gas University publ., 2010. P. 28–31. (In Russian).
5. Berenkova V. M. Zhanr fentezi kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya *(Genre of fantasy as an object of linguistic analysis)* // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2009. No. 4. P. 91–93. (In Russian).
6. Bredihin S. N. Sdvigi v semanticheskih polyah pri aktualizacii periferijnyh noem kak sposob porozhdeniya mnogomernogo smysla *(Shifts in semantic fields in actualization of peripheral noemata as the way of multivariate meaning creation)* // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. No.2 (87). P. 12–15. (In Russian).
7. Bredihin S. N. Etimologicheskoe pererazlozhenie i sintez kak bazovye mekhanizmy difrakcii i modifikacii superstruktury smysla *(Etymological metanalysis and synthesis as basic mechanisms of diffraction and modification of sense superstructure)* // Fundamental'nye issledovaniya (Fundamental research). 2013. No. 6-2. P. 490–494. (In Russian).
8. Bredihin S. N., Davydova L. P. Poeticheskij tekst kak kommunikativno-esteticheskaya kategoriya *(Poetic text as communicative-aesthetic category)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2016. No. 2. P. 210–216. (In Russian).
9. Bredihin S. N., Leonov A. A. Transformacii struktury koncepta v processe lokalizacii komp'yuternyh igr s elementami zhanra fentezi *(Concept structure transformations in localization of computer games with fantasy genre elements)* // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2019. No. 1. P. 70–76. (In Russian).
10. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. M. Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo *(Language and culture: Linguonational study within teaching Russian as a foreign language)*. Moscow: Russkij yazyk publ., 1990. 246 p. (In Russian).
11. D'yakova T. V. Adekvatnost' vybora sposobov perevoda iskusstvennyh antroponimov v zhanre fentezi *(Adequacy of the translation method choice of synthetic anthroponyms in genre of fantasy)* // Lingua mobilis. 2013. No. 1. P. 18–22. (In Russian).
12. Ivanov A. O. Bezekvivalentnaya leksika *(Culture-specific vocabulary).* St.Petersburg: SPBSU publ., 2006. 192 p. (In Russian).
13. Misnik M. F. Lingvisticheskie osobennosti anomal'nogo hudozhestvennogo mira proizvedenij zhanra fentezi angloyazychnyh avtorov *(Linguostylistic peculiarities of the anomalistic artistic world in the English-language literature of the genre fantasy):* abstract of thesis. Irkutsk, ISLU publ., 2006. 20 p. (In Russian).
14. Salvatore R. A. Kinzhal drakona *(Dragon dagger)* // Ubijca drakonov (Spearwielder's tales). Moscow: EKSMO publ., 2008. P. 231–538. (In Russian).
15. Tomahin G. D. Realii-amerikanizmy. Posobie po stranovedeniyu *(American realia. Guidebook to country study)*. Moscow: Vysshaya shkola publ., 1988. 239 p. (In Russian).
16. Salvatore R. A. Spearwielder's tales. Dragon's Dagger. New York, Ace Books, 1996. 142 p.

Сведения об авторе

Цыбулевская Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / atsybulievskaia@mail.ru

Information about the author

Tsybulevskaya Anna– PhD in Philology, Associate Professor, Chair of foreign languages for Humanitarian and Natural Science Specialities, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / atsybulievskaia@mail.ru

УДК 81.42

З. С. Касьянова, Е. Г. Мартиросьян

ПРЕДЛОГИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА

В данной статье рассматривается теоретическая и практическая значимость сопоставительного изучения предлогов в их дискурсивных реализациях, причины их межъязыковых семантических различий на фоне универсальности когнитивных процессов и единства денотативной ситуации, определяются принципы семантической детерминированности предлогов. Отмечается, что исследования последних лет доказывают, что предлоги подчиняются общим закономерностям когнитивной категоризации мира, принятым в конкретном языке, и несут достаточно весомую семантическую и социокультурную нагрузку в тексте. Подчеркивается, что при исследовании предлогов обязательным является учет особой природы их языкового статуса: предлоги не являются самостоятельной независимой дискурсивной единицей. Они не могут иметь денотативной функции вне контекста. Действительно, реляционный характер значения позволяет им реализовать свой семантический потенциал только в грамматически детерминированном сочетании с глаголом (валентность) или существительным (падежные значения), т.е. в микродискурсе. Однако в составе падежных групп их семантика становится очевидной. Достаточно обратить внимания на то, что именно предлоги могут определять и различать информационное содержание фразы и, следовательно, выполняют задачу формирования и смыслового наполнения дискурсивных сообщений. Можно привести множество примеров на разных языках. Например, русские предлоги в выражениях «реклама в трамвае» / «реклама на трамвае» позволяют по-разному локализовать рекламное сообщение: внутри салона или на наружной поверхности вагона. Выделены некоторые универсальные параметры, достаточные для проведения на их основе классификации предложных систем языка. Сопоставительный анализ контекстов на фоне схожих черт анализируемых предложных систем разных языков позволил обнаружить как межъязыковые аналогии, так и различия.

Сделан вывод о том, что на фоне универсальных принципов осмысления внеязыковой реальности сопоставительный анализ предлогов способствует воссозданию соответствующих фрагментов национальной языковой картины мира. Проиллюстрированы заметные расхождения в предложных системах различных языков и в пространственном менталитете разных народов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ предлогов, дискурс, когнитология, денотативная ситуация, историческая изменчивость, семантическая детерминированность, социокультурное пространство, национальный менталитет, национальная языковая картина мира.

Z. Kasyanova, C. Martirosyan

PREPOSITION IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF LANGUAGE

This article discusses the theoretical and practical significance of the comparative study of prepositions in their discursive realizations, the reasons for their interlingual semantic differences against the background of universality of cognitive processes and the unity of the denotative situation, the principles of the semantic determination of prepositions are defined. It is noted that the studies of recent years prove that the prepositions are subject to the general laws of cognitive categorization of the world, adopted in a particular language, and carry a considerable semantic and socio-cultural burden in the text. It is emphasized that in the study of prepositions it is obligatory to take into account the special nature of their linguistic status: prepositions are not an independent discursive unit. They cannot have a denotative function out of context. Indeed, the relational nature of meaning allows them to realize their semantic potential only in a grammatically deterministic combination with a verb (valency) or a noun (case values), i.e. in microdiscourse. However, as part of the case groups, their semantics becomes obvious. It is enough to pay attention to the fact that these are the prepositions that can identify and distinguish the information content of a phrase and, therefore, fulfill the task of forming and semantic content of discursive messages. There are many examples in different languages. For instance, Russian prepositions in the terms “advertising in a tram” / “advertising on a tram” allow you to localize the advertising message in different ways: inside the cabin or on the outer surface of the car. Some universal parameters, sufficient for the classification of prepositional language systems on their basis, are highlighted. A comparative analysis of contexts against the background of similar features of the analyzed prepositional systems of different languages allowed us to detect both interlanguage analogies and differences.

It was concluded that, against the background of universal principles of understanding extra-linguistic reality, a comparative analysis of prepositions helps to recreate the relevant fragments of the national language picture of the world. Noticeable differences in prepositional systems of different languages and in the spatial mentality of different peoples are illustrated.

Key words: comparative analysis of prepositions, discourse, cognitology, denotative situation, historical variability, semantic determinism, sociocultural space, national mentality, national language picture of the world.

Исследования в области лексической и грамматической сопоставительной семантики нередко оказываются востребованными в ряде смежных лингвистических дисциплин таких, как типологическая классификация языков, культурологические сравнения, анализ языковых систем разных типов, изучение национального менталитета и национальных языковых картин мира, представление дискурсивного пространства и многих других [3; 7]. Межъязыковые сравнения проводятся на материале разных частей речи, включая предлоги. Как служебные грамматические слова предлоги неоднократно становились объектом изучения в целом ряде исследовательских направлений морфологического, синтаксического, статистического характера. В наши дни их семантический потенциал, сочетающий в себе грамматические и лексические составляющие, открывает новую перспективу междисциплинарных исследований когнитивного и дискурсивного направления в тех областях лингвистики, которые еще недавно не уделяли достаточного внимания предлогам, традиционно определяемым как строевые единицы грамматики. Исследования последних лет доказывают, что предлоги подчиняются общим закономерностям когнитивной категоризации мира, принятым в конкретном языке, и несут достаточно весомую семантическую и социокультурную нагрузку в тексте. Предлоги входят в число тех языковых способов и форм, которыми человек выражает свое видение мира. Фрагментарность исследований, посвященных предлогам, ставит перед лингвистами задачу более детального изучения и обобщения соответствующего материала разных языков для определения общих закономерностей и национальных особенностей предложных систем.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить некоторые принципы классификации предлогов пространственного передвижения, на основе которых они могут участвовать в языковой категоризации действительности и подчеркнуть способность предлогов передавать национально особенные способы членения мира, зафиксированные в языке и менталитете народа. Направление исследования ориентировано на поиск национально особенного социокультурного разнообразия, которое базируется на едином для всех языков денотативном фундаменте. Полное описание классификационных параметров потребует усилий многих лингвистов, работающих на разных языках, однако, исследования последних лет позволяют обнаружить некоторые повторяющиеся зависимости. Их изучение дает возможность дополнить многоаспектную модель языковой картины мира.

Теоретическая значимость исследования пространственных предлогов состоится в попытке выявить ряд скрытых социокультурных категорий, посредством которых человеческий интеллект осваивал окружающий мир и фиксировал результаты этой ментальной деятельности в языковых формах.

Практическим результатом сопоставительных исследований предлогов можно считать совершенствование методики преподавания иностранного языка для русских или русского языка как иностранного. Недостатком общепринятого подхода часто оказывается опора, явная или скрытая, на родной язык. В таком случае стоящие за языком «родные» социокультурные категории ментальности переносятся на пространство иного восприятия и иной категоризации действительности, провоцируя появление ошибок типа славянизмов, галлицизмов, англицизмов и т.д., когда обучающийся, не понимая логику другого, чужого для него языка, не может определить и исправить собственную ошибку. Знакомство с иноязычной категоризацией действительности, зафиксированной в языковых формах (в том числе и в предлогах) помогает более совершенному овладению иностранным языком и через межъязыковое способствует более глубокому пониманию иного менталитета и иной культуры. Для иллюстрации подобного явления можно привести примеры, взятые из материалов французского и русского языков. Так, русской фразе «Что понимается под этим утверждением?» соответствует французская фраза «Que met-on derrière cette idée?». Точное словарное соответствие французского предлога «derrière» выражает русский предлог «за». Внимательный анализ позволяет утверждать, что соотношение двух сопоставляемых явлений в русском языке происходит по вертикальному направлению: употребление предлога «под» означает, что один «объект» как бы мысленно надстраивается над другим. Во французском языке перспектива сравнения имеет горизонтальный вектор: при сопоставлении один объект располагается за другим в воображаемом горизонтальном срезе. Если не учитывать эти особенности национального осмысления ситуации, ни русская, ни французская фразы не будут соответствовать языковым нормам своего языка. Одинаково невозможно сказать по-русски *«Что понимается за этим утверждением?», как и по-французски *«Que met-on sous cette idée?» (предлог sous является прямым словарным эквивалентом русского предлога под). К сожалению, при всей детальности сопоставительного описания грамматических правил употребления и частотности французских и русских предлогов, в учебных пособиях уделяется мало внимания социокультурным параметрам подобного типа [2].

При исследовании предлогов обязательным является учет особой природы их языкового статуса: предлоги не являются самостоятельной независимой дискурсивной единицей. Они не могут иметь денотативной функции вне контекста. Действительно, реляционный характер значения позволяет им реализовать свой семантический потенциал только в грамматически детерминированном сочетании с глаголом (валентность) или существительным (падежные значения), т.е. в микродискурсе. Однако в составе падежных групп их семантика становится очевидной. Достаточно

обратить внимания на то, что именно предлоги могут определять и различать информационное содержание фразы и, следовательно, выполняют задачу формирования и смыслового наполнения дискурсивных сообщений. Можно привести множество примеров на разных языках. Например, русские предлоги в выражениях «реклама в трамвае» / «реклама на трамвае» позволяют по-разному локализовать рекламное сообщение: внутри салона или на наружной поверхности вагона.

Еще более заметна смысловая дифференциация следующих дискурсивных словосочетаний: «оружие для террористов»/«оружие у террористов»/«оружие от террористов». Казалось бы, идентичный контекст, если рассматривать состав полнозначных лексических единиц и синтаксическую организацию дискурсивного словосочетания. Однако, денотативная ситуация и информационное наполнение каждого контекста индивидуально, и это обеспечивается семантикой именно предлогов.

Действительно, «оружие для террористов» означает, что оружие предназначено для снабжения террористов. Выражение «оружие у террористов» свидетельствует о наличии вооружения у этих преступников. Выражение «оружие от террористов» сообщает о готовности вести вооруженную борьбу с незаконными террористическими формированиями. Во всех трех случаях содержание дискурса, инициированного словосочетанием одинаковых полнозначных слов с различными предлогами, будет заметно отличаться. По результатам опроса, проведенного среди студентов Кубанского государственного университета, в тексте с заголовком «Оружие для террористов» следует ожидать появления таких слов, как «взрыв, бомба, опасность, контрабанда, группировки и др.». Для текста с заголовком «Оружие у террористов» типичными являются слова «предчувствие, страх, угроза, жертвы, плен, смертница, диверсия и др.». В тексте с заголовком «Оружие от террористов» предполагаются слова «доверие, поддержка, мир, решимость, контакт, план перехвата и др.». Таким образом, благодаря предлогам в границах одного и того же информационного поля («оружие, террористы») могут быть представлены совершенно разные сообщения.

Межъязыковая вариативность предлогов кажется тем более удивительной, что согласно данным когнитологии, человеческий мозг устроен одинаково и не зависит от национальных и языковых различий. Вид homo sapiens одинаково воспринимает и перерабатывает информацию благодаря внутренней электрической активности нейронов [12]. Исследуя когнитивные способности человеческого мозга [11, p. 92–125], ученые доказали, что ориентация в пространстве относится к врожденным способностям человека, что особенно важно для анализа пространственных предлогов. С точки зрения работы мозга пространственные представления не зависит от расы, цвета кожи, территориальной локализации индивида или его этнической принадлежности. Казалось бы, имеются предпосылки для однородного обозначения пространства языковыми (в том числе и предложными) формами. Однако предложные подсистемы со значением «направленное движение» в разных языках отличаются как по количеству предложных единиц, так и по степени детализации этапов процесса передвижения, отражая в языковых формах ментальные представления народа носителя языка.

То, что только через сравнение с иным образом мышления и с иными способами языкового выражения мысли можно понять неповторимые особенности национального менталитета и национального языка, является общепринятым фактом. Вопрос заключается в том, чтобы найти единую основу для сравнения, отталкиваясь от которой можно было бы выявить различия между сравниваемыми вариантами, независимо от количества сопоставляемых языковых форм. Чтобы успешно выполнить свою роль tertium comporationis, эта базовая величина должна являться универсальной основой, т.е. функциональной при любом количестве вновь добавляемых разноязычных образцов для сравнения.

Такой основой может быть только обобщенная денотативная ситуация, взятая вне ее конкретных реализаций. Например, ситуация целенаправленного передвижения из начального пункта пути в конечный пункт пути. Ситуация такого типа настолько обычна и широко распространена, что она обнаруживается в жизненном опыте любого народа и передается специализированными языковыми средствами (в том числе и предлогами) любого языка.

Чем, в таком случае, обусловлены заметные расхождения в предложных системах различных языков и в пространственном менталитете народов? Клод Ажеж объясняет этот факт тем, что первоначальные языки возникли уже после миграции людей на дальние расстояния, когда среда обитания, природа и зачатки социальной организации были совершенно разные [1, с. 20–21]. Языки оформили сложившийся опыт целевого перемещения (поиск лучших мест обитания), причем, каждый язык сделал это на свой манер.

Бессознательно фиксируемые принципы организации окружающего пространства давно замечены учеными и обобщаются в лингвистических исследованиях в терминах «ментальные способы структурирования окружающего мира» [8, 9], «интерпретационная сеть» [1, с. 123].

Можно выделить, однако, некоторые параметры, достаточно универсальные, чтобы на их основе проводить классификацию предложных систем языка. Даже если речь идет об ограниченной группе предлогов, используемых в пределах стандартной ситуации «передвижение из начального пункта в конечный пункт», можно выделить ряд параметров, нормирующих выбор предлога.

1. Параметрические характеристики объектов, задействованных в ситуации передвижения. Примером могут служить предлоги, связанные с понятием «пункт отправления (прибытия)», который

на бессознательном уровне может по-разному мыслиться в разных языках: как единая монолитная данность или как многомерное пространство, имеющее внутреннюю вместимость и внешние контуры. В языке эти данные могут фиксироваться через выбор предлога. Разумеется, многомерность является обязательно отличительной чертой любого внелингвистического объекта, способного служить отправной точкой передвижения по некоторой дистанции. Однако разные языки обнаруживают определенную избирательность в том, что касается представления подобных параметров посредством предлогов. Так, в русском языке предлог «из» означает начало движения из внутреннего пространства внеязыкового объекта («выехать из Москвы»). Если отправная точка движения расположена на верхней плоскости объекта, употребляется предлог «с» («вертолет взлетел с крыши здания»). В таком случае в конфигурации пункта отправления предполагается наличие некоторой высоты. Предлог «от» свидетельствует, что движение началось от внешнего края объекта («отъехать от Москвы»). В каждом случае предлог реализует свой семантический потенциал в едином формате с семантикой сопутствующего глагола («выехать, отъехать, взлететь»).

Французский язык менее отзывчив к подобным внешним характеристикам внеязыкового объекта. Во французском языке во всех трех случаях употребляется предлог de («partir de Moscou, s'envoler du toit de la maison»). Глагол и предлог оказываются семантически независимыми друг от друга: предлог de передает общее значение « отправления из некоторого пункта», семантика глагола, при этом, позволяет уточнить способ передвижения, но не согласуется с глаголом, как это происходит в русском языке. Этот факт свидетельствует о том, что французский предлог de не способствует языковой фиксации метрических характеристик пункта отравления. В его семантике эти данные как бы нейтрализуются.

Выбор предлога меняется, если речь идет о представлении всей дистанции целиком как единого понятия: «проезд от начального пункта пути до конечного пункта пути». В русском языке, в таком случае, используются предлоги «от… до», которые маркируют начало и конец траектории движения. Можно отметить идентичность предложного оформления всей дистанции и пунктов отправления (прибытия) как таковых: в обоих случаях используются одинаковые предлоги. Совпадение свидетельствует о том, что точка отправления (прибытия) изначально мыслится и представлена в языке как встроенный компонент всего пути, как часть целого (посредством предлога «от»). Во французском языке, наряду с аналогичным осмыслением пути (предлоги de/à, которые маркируют крайние пункты дистанции), употребляются предлоги depuis/à. Предлог depuis акцентирует начальную точку движения, границу, от которой отправляются в путь. Если вспомнить, что предлог de способствует пониманию этого начального пункта движения безотносительно к его физическим характеристикам, то предлог depuis подчеркивает тот предел, от которого начинается движение. Таким образом, для французского языка значимым оказывается обозначение пункта отправления (предлог de) и, при необходимости, стартовой линии прохождения дистанции. В русском языке чтобы передать аналогичное значение потребовалось бы лексическое усиление предлога «от»: «от самой границы (кромки, гостиницы, пристани и т.д.)».

2. Вектор паркура, что в случае пространственных предлогов эквивалентно метрической оценке ситуации со стороны субъекта, терминах «направление, расстояние, маршрут». Так, предел дистанции (пройденной или планируемой) может быть обозначен как конкретный географический пункт или как общее направление движения без указания финальной точки прибытия. Например, «направляться в Москву / направляться к Москве». Аналогичный пример из французского языка «aller à Paris /se diriger (aller) vers Paris». Противопоставление конкретного конечного пункта и ориентировочного направления движения в обоих языках передается через предлоги.

3. Скрытые категории, которые детерминированы параметрическими характеристиками внеязыковых объектов, задействованных в ситуации «целенаправленное передвижение из начального пункта пути в конечный пункт пути». Помимо этого, по закону семантического согласования [4], в тексте скрытые категории предлога детерминированы, его ближайшим контекстом (глаголом и существительным).

Термин «скрытые категории» заимствован у М. Л. Гордиевской [5, с. 115–116]. Исследователь говорит о том, что некоторые признаки предмета (форма, объем, размер, геометрическая конфигурация) могут быть не отмечены в значении существительного и обнаруживают себя в речи (через семантику ближайшего контекста) как скрытая категория. Для предметов скрытая категория может выявляться из значения глагола местоположения, выбор которого меняется в зависимости от «геометрических характеристик объекта» [5, с. 115]. Плоские предметы (газеты, деньги, листок бумаги) лежат на столе. Это предметы, имеющие только длину и ширину. Трехмерные объекты, обладающие высотой (ваза, стакан, бутылка воды), стоят на столе. Таким образом, выбор глагола зависит от внеязыковых характеристик предмета, формально не отмеченных в семантике соответствующего существительного, и потому получивших название «скрытые категории». Аналогичное явление наблюдается в дискурсивных реализациях предлогов направленного передвижения из пункта отправления в пункт прибытия. При этом в разных языках набор скрытых категорий их количество и степень их выраженности оказываются различными. Сама внеязыковая ситуация (включая пункт отправления, пункт прибытия и передвижение между этими пунктами) не зависит от языка, на котором о ней говорят. Однако в раз-

ных языках для ее описания используется разное количество предлогов, в речевом употреблении которых обнаруживается разный набор скрытых категорий. Так, в русском языке, когда речь идет о точке прибытия, в качестве скрытых категорий выступают противопоставления «лимитированное или не лимитированное пространство», «центр или периферия пространства», «конкретный пункт прибытия или общее направление движения», «плоскость или объем». Совместно эти категории свидетельствуют о том, каким образом в бытовом русском языковом сознании идентифицируется реальное географическое пространство, и влияют на выбор предлога, когда носители языка говорят об этом пространстве.

Рассмотрим влияние скрытых категорий на выбор предлогов «в» или «на», которые используются при обозначении пункта прибытия (в результате целенаправленного передвижения) или пункта местоположения.

Следует отметить, что при объяснении выбора между предлогами «в» и «на» можно говорить только о достаточно выраженных тенденциях, которые не являются, однако, императивными. В целом выбор предлога подчиняется тому, насколько четко перечисленные выше скрытые категории представлены в бытовом сознании носителей русского языка. Так, ясное представление о географических границах территории, о которой идет речь, ее пространственные лимиты способствуют выбору предлога «в». Если пространственные границы объекта номинации большинством русских осознаются не достаточно четко, в речи появляется предлог «на». Действительно, предлог «в» в сочетании с названием полуострова Крым может быть объяснен тем, что эта территория России имеет естественные географические границы, то есть осознается как лимитированное пространство («направляться в Крым, жить в Крыму»). При отсутствии таких явных пространственных представлений говорящие выбирают предлог «на» («направляться на Дальний Восток, жить на Дальнем востоке»). Определенную роль в этом случае играет удаленность территорий Дальнего Востока от центральной части России. Однако, как уже подчеркивалось, выбор предлога не всегда поддается четкому объяснению. Например, на основе наличия или отсутствия явных географических границ невозможно объяснить выбор предлога «в» в сочетании с существительным Сибирь («направляться в Сибирь, жить в Сибири»). Когда речь идет о бескрайних просторах Сибири, появление предлога «в» не соответствует представлениям о каких-то ограничениях пространства. В таких случаях принято говорить о речевом узусе как об исторически сложившейся традиции выбора предлога.

Скрытая категория «центр или периферия пространства» также влияет на выбор между предлогами «в» и «на», особенно, когда речь идет о центральной части России и об удаленных от центра окраинных территориях страны («в центре России», но «на Кавказе, на Крайнем Севере, на Камчатке»). Показательными в этом плане являются дискуссии об употреблении предлога «в» или «на» с существительным Украина. Нормативным для русского языка считается предлог «на», так как на протяжении долгих веков Украина считалась окраинной территорией огромного государства. В 1993 году после того, как Украина утвердилась в статусе отдельного государства с установленными межгосударственными границами, Правительство Украины потребовало признать нормативным выражение «в Украине» по аналогии с другими государствами («в России, в Великобритании, во Франции» и др.). Для языкового анализа выбора между предлогами «в» и «на» важно то, что обособленность географического пространства послужила прецедентом для попыток языковой предложной коррекции.

Противопоставление центральной части и периферии пространства обнаруживается, например, в семантике существительного «город». Противопоставление центра города и его окраин заставляет предположить, что в обыденном сознании пространство центра как-то отграничено от прилегающих районов. Это подчеркивается выбором предлогов: «в центре (города)», но «на окраине (города)».

На выбор между предлогами «в» и «на» влияет то, как мыслится пункт прибытия: как конкретный локус или как общее направление движения. Если, например, речь идет о географически конкретном пункте назначения, используется предлог «в», при обозначении общего направления движения появляется предлог «на». Ср. «поезд направляться в Иркутск / поезд направляться на восток». Характер конечного пункта оказывается для предлога скрытой категорией, которая определяет выбор предлога.

Наличие признаков «объемность или плоскость» в семантике существительного, обозначающего пункт прибытия, также влияет на выбор предлога «в» или «на». По этим признакам можно противопоставить трехмерные и двухмерные объекты, обладающие закрытым внутренним пространством или плоской поверхностью. Присутствие в значении существительного сем «плоскость» или «поверхность» предопределяет выбор предлога «на». Сема «объем» в значении существительно предопределяют выбор предлога «в». Если в значении существительного признак «плоское пространство» выражен четко, выбор предлога легко объяснить и подтвердить словарным определением и самого предлога, и существительного, с которым он сочетается. Так, существительное «поляна» определяется как «небольшое ровное пространство среди леса» [10, с. 477]. Ему соответствует одно из значений предлога «на»: «при обозначении поверхности, на которой сверху располагается или куда направляется что-нибудь» [10, с. 316]. В предложении «Цветы растут на поляне» семантическая согласованность значения предлога «на» и существительного «поляна» является очевидной.

Предлог «в» употребляется, если речь идет о трехмерном объекте, имеющем внутренний

объем. Например, «идти в магазин». Двухмерное пространство, которое мыслится как плоскость, требует употребления предлога «на». Например, «идти на стадион, на пляж». Ошибочный выбор привел бы к построению фраз, невозможных для русского языка. См. например, «*идти на магазин, *идти в стадион, *идти в пляж».

Показательным является следующий пример. Название, как имя собственное, может не соответствовать физической природе объекта номинации, однако в речи предлог реагирует именно на его семантику. Так, в Краснодаре популярны два супермаркета, названные «Мега» и «Красная площадь». Словосочетание «отправиться в «Мегу» отвечает нормативному употреблению предлога «в» по аналогии со словосочетанием «отправиться в магазин». С названием второго супермаркета употребляется предлог «на» («отправиться на «Красную площадь»). Семантика существительного «площадь» (то есть плоское пространство) предопределяет выбор этого предлога, хотя речь идет о таком же крупном торговом комплексе, как и «Мега». Таким образом, в данном случае выбор предлога (по закону семантического согласования) детерминируется семантикой существительного, с которым он сочетается.

Рассмотренные скрытые категории («лимитированное или не лимитированное пространство», «центр или периферия пространства», «конкретный пункт прибытия или общее направление движения», «плоскость или объем») могут частично совмещаться. Они позволяют судить о тех признаках, на основе которых носители русского языка делают выбор между предлогами «в» или «на», опираясь на национально-особенные представления о пространственных объектах. В результате данные предлоги как языковое выражение ментальных представлений носителей русского языка участвуют в формировании соответствующего фрагмента национальной языковой картины мира [6, с. 145–150].

Таким образом, в идентичных контекстах предлоги маркируют или способствуют выявлению принятых данным языком матричных параметров его внутренней организации, в числе которых можно выделить:

– параметрические характеристики объектов, задействованных в ситуации;

– вектор паркура, (речи) на разных аспектах коммуникативной ситуации;

– скрытые категории объектов, задействованных в ситуации.

Сопоставительный анализ контекстов на фоне схожих черт анализируемых предложных систем разных языков позволяет обнаружить как межъязыковые аналогии, так и различия. Исследование предлогов в таком русле, несомненно, может оказаться полезным при описании национальной языковой картины мира, при переводе, в практике преподавания языков.

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки: монография. М: Едиториал, 2003. 303 с.

2. Амеличева В. М. Предлоги французского языка: трудные случаи употребления: учебн. пособие. М.: Нестор Академик, 2016. 160 с.

3. Валентинова О. И., Денисенко В. Н., Преображенский С. Ю., Рыбаков М. А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.

4. Гак В. Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Ленонд, 2014. 336 с.

5. Гордиевская М. Л. Локативные конструкции в записях Т.Фенне и Г. В. Лудольфа // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. 2-е изд. М.: Издательский Дом, 2017. С.110–118.

6. Касьянова З. С. Предлоги и языковая картина мира Дискурс в синтагматике и парадигматике. Краснодар: КубГУ, 2017. С. 145–150.

7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2014. 348 с.

8. Монич Ю. В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопросы языкознания, 2000. №6. С. 68–97.

9. Монич Ю. В. На стыке ритуала и языка: комплексная мотивация в семантической эволюции // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 191–206.

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: АСТ. 1984. 797 с.

11. La cognition. Du neurone à la société. Sous la direction de Thérèse Collins, Daniel Andler et Catherine Tallon-Daudry. Paris: Editions Gallimard, 2018. 727p.

12. Srdjan Ostojic, Cathrine Tallon Baudry / Cognition. Paris: Editions Gallimard, 2018. P. 92–125.

References

1. Azhezh K. Chelovek govoryashhij. Vklad lingvistiki v gumanitarny`e nauki *(Homo Loquens. The contribution of linguistics to the humanities).* Moscow: Editorial publ., 2003. 303 p. (In Russian).

2. Amelicheva V. M. Predlogi franczuzskogo yazy`ka: trudny`e sluchai upotrebleniya *(French prepositions: difficult use cases).* Moscow: Nestor Akademik publ., 2016. 160 p. (In Russian).

3. Valentinova O. I., Denisenko V. N., Preobrazhenskij S. Yu., Ry`bakov M. A. Sistemny`j vzglyad kak osnova filologicheskoj my`sli *(A systematic view as the basis of philological thought).* Moscow: YaSK publ., 2016. 440 p. (In Russian).

4. Gak V. G. Besedy` o franczuzskom slove: iz sravnitel`noj leksikologii franczuzskogo i russkogo yazy`kov *(Conversations about the French word: from the comparative lexicology of the French and Russian languages)*. Moscow: Lenond publ., 2014. 336 p. (In Russian).

5. Gordievskaya M. L. Lokativny`e konstrukcii v zapisyax T. Fenne i G. V. Ludol`fa *(Locative constructions in the recordings of T. Fenne and G. V. Ludolph)* // Logicheskij analiz yazy`ka. Chelovek v inter`ere. Vnutrennyaya i vneshnyaya zhizn` cheloveka v yazy`ke. Moscoe: Publishing Office publ., 2017. P. 110–118. (In Russian).

6. Kas`yanova Z. S. Predlogi i yazy`kovaya kartina mira Diskurs v sintagmatike i paradigmatike *(Prepositions and language picture of the world Discourse in syntagmatics and paradigmatics).* Krasnodar: KubSU publ., 2017. P. 145–150. (In Russian).

7. Kornilov O. A. Yazy`kovy`e kartiny` mira kak proizvodny`e nacional`ny`x mentalitetov *(Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities)*. Moscow: KDU publ., 2014. 348 p. (In Russian).

8. Monich Yu. V. Ambivalentny`e funkcii rituala v e`volyucii yazy`kovy`x sistem *(Ambivalent functions of the ritual in the evolution of language systems)* // Voprosy` yazy`koznaniya, 2000. No.6. P. 68–97. (In Russian).

9. Monich Yu. V. Na sty`ke rituala i yazy`ka: kompleksnaya motivaciya v semanticheskoj e`volyucii *(At the junction of ritual and language: complex motivation in semantic evolution)* // Yazy`k i kul`tura: Fakty` i cennosti: K 70-letiyu Yuriya Sergeevicha Stepanova. Moscow: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury publ., 2001. P. 191–206. (In Russian).

10. Ozhegov S. I. Slovar` russkogo yazy`ka *(Dictionary of the Russian language).* Moscow: AST pub, 1984. 797 p. (In Russian).

11. La cognition. Du neurone à la société. Sous la direction de Thérèse Collins, Daniel Andler et Catherine Tallon-Daudry. Raris: Editions Gallimard, 2018. 727r.

12. Srdjan Ostojic, Cathrine Tallon Baudry / Cognition. Raris: Editions Gallimard, 2018. P. 92–125.

Сведения об авторах

Касьянова Зинаида Салимовна – преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / newazs@rambler.ru

Мартиросьян Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета Краснодарского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова (Краснодар) / shoegirl@mail.ru

Information about the authors

Kasyanova Zinaida – teacher, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / newazs@rambler.ru

Martirosyan Catherine – PhD in Philology, Associate Professors, Chair of Accounting, Krasnodar branch of REU named after G.V. Plekhanov (Krasnodar) / shoegirl@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

А. Е. Ашуба , М. Е. Колесникова

История революционного движения в Абхазии по фондам Государственного архива Российской Федерации (1905–1921 гг.): сборник документов / сост.: Бжания М. Г., Князева А. А. М., 2019. 270 с.[1]

A. Ashuba, M. Kolesnikova

History of the revolutionary movement in Abkhazia by the funds of the State Archive of the Russian Federation (1905–1921): collection of documents / editors: Bzhania M. G., Knyazeva A. A. M., 2019. 270 p.

В текущем году в Москве был издан сборник документов «История революционного движения в Абхазии по фондам Государственного архива Российской Федерации (1905–1921 гг.)». Его составители молодые историки-архивисты М. Г. Бжания и А. А. Князева, являющиеся инициаторами и координаторами научно-исследовательского проекта по восстановлению историко-документального наследия Республики Абхазия «История и архивы: межгосударственное измерение». Проект по подготовке и изданию тематических сборников документов был поддержан руководством Федерального архивного агентства и Государственным архивным управлением Республики Абхазия. Осуществляется проект с 2016 г. в соответствии с положениями Меморандума о сотрудничестве, заключенном архивными службами двух государств в 2011 г. Сборник документов был издан при грантовой поддержке Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), полученной на Всероссийском молодежном форуме «Таврида».

Рецензентами сборника документов выступили известные специалисты, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета В. И. Дурновцев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела источниковедения Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа А. Ф. Авидзба, директор Государственного архива Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации Л. А. Роговая.

Отобранные для публикации в сборнике документы посвящены переломному моменту в истории Республики Абхазия – периоду зарождения и развития революционного движения, установления Советской власти в Республике. Документы были выявлены в фондах Государственного архива Российской Федерации: Департамент полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102); Уголовные отделения 1-го Департамента Министерства юстиции (Ф. 124); Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (Ф. 533); Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) – Совет Министров РСФСР (Ф. Р-130); Политическая канцелярия особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Екатеринодар (Ф. Р-446); Варшавская почтово-телеграфная контора. 1855–1918 (Ф. 1235); личный фонд Муравьева Н.К., адвоката, председателя чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и других должностных лиц царского правительства (1917 г.), министра юстиции Временного правительства, служащего Наркомпроса, ВСНХ, члена Юридической комиссии политического «Красного креста» (1918 г.), члена московской коллегии защитников. 1870–1936 (Ф. 1652); Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов (Ф. Р-5881); личный фонд Демьянова А. А., члена Временного правительства, полномочного представителя Народного Совета Абхазии (Ф. Р-6632); Комиссия при Наркомате внешней торговли РСФСР по исследованию и учету влияния на русское народное хозяйство войны и блокады Советской России Антантой (Ф. Р-6764); Коллекция листовок советского периода (Ф. Р-9550).

Всего в сборнике представлено 65 документов различного объема, содержания и характера, которые расположены в трех больших хронологически выделенных разделах. Все они, за исключением документов № 42 и 43, которые были ранее опубликованы Г. А. Дзидзария, публикуются впервые. Практически каждый помещенный в сборнике документ ярко и наглядно характеризует эпоху, дает возможность объективной оценки различных аспектов общественно-политической, экономической и культурной ситуации 1905–1921 гг., сложного и слабо изученного периода истории.

Первый раздел включает в себя документы (№ 1-22) времени первой русской революции 1905–1907 гг. в Абхазии. Они позволяют понять в силу каких причин абхазы в подавляющем своем большинстве не приняли в ней участия, восприняв ее как «мегрельскую революцию». В разделе представлены донесения главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, начальника

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001

Кутаисского губернского жандармского управления, свидетельские показания участников революционного процесса.

Второй раздел охватывает документы (№ 23-41) межреволюционного периода 1908–1916 гг. В нем преимущественно представлены приговоры, обвинительные и следственные дела по отношению к участникам революционного движения 1905–1907 гг. и агентурные сведения, относящиеся к 1911 и 1914 гг.

В третьем разделе помещены документы (№ 42-60), охватывающие период 1917–1921 гг. Они красноречиво характеризуют несколько эпох в истории Абхазии, сменившихся в столь короткий временной промежуток: кратковременное функционирование Советской власти в Абхазии в апреле-мае 1918 гг. (док. № 42, 43); захват войсками Закавказского сейма и Грузинской демократической республикой Абхазии с мая 1918 г. по март 1921 г. (док. № 44-59); установления Советской власти в Абхазии (док. № 60). Это донесения и агентурные сведения о революционном движении, следственные дела с показаниями и обвинительными актами, воспоминания участников событий, листовки, протоколы опросов, телеграммы В. И. Ленину, переписка с А. И. Деникиным, вырезки из газет и др. Документы, представленные в третьем разделе сборника, позволяют не только проследить ход революционных событий в регионе, но и увидеть военно-политическую ситуацию вокруг Абхазии, складывавшуюся в указанный период. Завершает третий раздел документ «Донесение Военнореволюционного комитета…» от 28 июня 1921 г. (док. № 60), относящийся ко времени после установления Советской власти в Абхазии, но весьма интересный, так как в нем датой установления Советской власти в Абхазии указано 7 марта 1921 г., тогда, как таковой официально считается 4 марта 1921 г. Не смотря на официальный характер документ передает атмосферу того времени, которая была не совсем благодушная с первых дней существования Советской Республики Абхазия.

В приложении к третьему помещены еще пять документов (№ 61-65), хронологически выходящие за обозначенные рамки сборника, охватывающие период 1924–1925 гг. Это «Донесение Гагринского районного исполкома Народному комиссариату внутренних дел об убытках, причиненных ССР Абхазии пребыванием в ней иностранных военных сил. 12 апреля 1924 г.» (док. № 61), протоколы опроса жителей г. Гагра в 1924 г. подкомиссией по сбору сведений об убытках, причиненных Гагрскому району интервенцией (док. № 62-64), «Анкета члена РКП(б) И.К. Иванюшенко. 18 декабря 1925 г.». Они красноречиво дополняют третий раздел сборника, показывая характер последствий противостояния в революционной Абхазии.

Внутри сборника документы расположены в хронологическом порядке по дате создания документа. Каждый документ снабжен аннотированным заголовком и легендой. Заголовок включает указание на вид документа, адресата и адресанта, вид документа, дату описываемого события и дату создания документа. В легенде приведены название архива, номера фонда, описи, дела и листов, а также сведения о подлинности или копийности. Даты, установленные составителями сборника по содержанию документа, заключены в квадратные скобки.

В сборнике документов помещены сканированные версии первоисточников. Такой способ и метод, избранный составителями в данном случае оправдан, так как решает основную задачу, стоящую перед исследователями истории Абхазии - восполнение первоисточников и введение их в научный оборот. Кроме того, как отмечают составители сканированные образы архивных документов «наглядно демонстрируют особенности организации делопроизводства, содержат штампы, печати, входящие номера, пометы и исправления», что «позволяет увидеть особенности почерков, пунктуации и орфографии, бланков… дает возможность прикоснуться к тому, что хранят архивы» [3, с. 11]. Составителями сборника проделан важный этап – отбор и введение в научный оборот документов по истории революционного движения в Абхазии 1905–1921 гг. Дальнейшая работа с ними, распознание, в особенности некоторых рукописей, представленных в сборнике, трудно поддающихся прочтению и снабжение их соответствующими комментариями, более обширным справочным аппаратом – следующий этап.

Научно справочный аппарат сборника представлен перечнем документов, именным и географическим указателем, списком сокращений, что повышает его научную значимость. Однако, на наш взгляд, для удобства работы со сборником, целесообразнее было бы разместить название документов (заголовки дел) в содержании.

Выход в свет очередного сборника документов, освещающих те или иные периоды прошлого, –событие, всегда ожидаемое не только специалистами, но и всеми, кто интересуется историей. В этой связи созданный усилиями молодых специалистов архивного дела сборник документов «История революционного движения в Абхазии по фондам Государственного архива Российской Федерации (1905–1921 гг.)» продолжил многолетнюю традицию изданий архивных документов, извлекающих из хранилищ документы, до этого недоступных или попросту неизвестных широкому кругу историков.

Как справедливо отмечают составители сборника в предшествующий период, в разные годы выходили сборники документов по данной тематике. Это и сборник документов по истории революции 1905–1907 гг., подготовленный по фондам Центрального государственного исторического архива Грузии и иллюстративным материалам теперь уже Российского государственного архива кинофотодокументов [4]; и сборники документов по истории революционного движения Абхазии 1917–1921 гг. [1, 2], на страницах которых нашли

отражение документы, сегодня хранящиеся в архивах России, Абхазии, Грузии. Они, как и другие подобные издания позволяют познакомиться с источниками, воссоздать хронологию событий столетней давности, биографии лидеров различных политических сил и проследить этапы революционного движения в регионе. Во введении составители отмечают и историографические достижениях в изучении истории революционного движения в Абхазии, особо выделяя труды С. З. Лакоба, Г. А. Дзидзария, Б. Е. Сагария, А. Э. Куправа, В. В. Бжания, Л. М. Прицкер, А. Мелихова и других.

Издание сборника документов по истории революционного движения в Абхазии является еще и вкладом в дело восстановления утраченного документального наследия Абхазии. Подавляющее большинство документов Центрального государственного архива Абхазии было целенаправленно уничтожено во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. Сегодня, по- прежнему, стоит вопрос восстановления этого наследия, пополнение фондов и архивных коллекций Государственного архива Республики Абхазия. Осуществляется тесное взаимодействие российских и абхазских историков-архивистов по выявлению документов по истории Абхазии не только в России, но и за рубежом.

Сборник документов «История революционного движения в Абхазии по фондам Государственного архива Российской Федерации (1905–1925 гг.)» несомненно станет весомым вкладом в источниковедческую базу истории революционного процесса в Абхазии в первой четверти XX в. Проделав большую и важную работу, составители сборника документов поставили ряд вопросов, на которые теперь предстоит дать более полные ответы: каким был этот революционный процесс в Абхазии и как он соотносился с общероссийским процессом, с развитием революционного движения в регионе. Ответив на эти вопросы с помощью широкого круга документов, представленных в рецензируемом сборнике, мы, возможно, сумеем приблизиться к пониманию причины и последствий российских революций первой четверти XX века.

Источники и литература

1. Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. Р. Гожба. Сухум: Алашара, 2009. 708 с.

2. Борьба за Октябрь в Абхазии: сборник документов и материалов (1917–1921) / сост. Г. А. Дзидзария. Сухум: Алашара, 1967. 255 с.

3. История революционного движения в Абхазии по фондам Государственного архива Российской Федерации (1905–1921 гг.): сборник документов / сост.: М. Г. Бжания, А. А. Князева. М., 2019. 270 с.

4. Революция 1905–1907 гг. в Грузии. Сборник документов / сост.: С. Маглакелидзе, А. Иовидзе. Тбилиси: Сахелгами, 1956. 838 с.

References

1. Abkhaziya – dokumenty i materialy (1917–1921 gg.) *(Abkhazia – documents and materials (1917–1921)* / ed by R. Gozhba. Sukhum, 2009. 708 p. (In Russian).

2. Bor'ba za Oktyabr' v Abkhazii: sbornik dokumentov i materialov (1917–1921) *(The struggle for October in Abkhazia: a collection of documents and materials (1917–1921)* / ed by G. A. Dzidzariya. Sukhum: Alashara, 1967. 255 p. (In Russian).

3. Istoriya revolyutsionnogo dvizheniya v Abkhazii po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Rossiyskoy Federatsii (1905–1921 gg.): sbornik dokumentov *(The history of the revolutionary movement in Abkhazia by the funds of the State Archive of the Russian Federation (1905–1921): a collection of documents)* / ed by – M. G. Bzhaniya, A. A. Knyazeva. Moscow, 2019. 270 p. (In Russian).

4. Revolyutsiya 1905–1907 gg. v Gruzii. Sbornik dokumentov *(Revolution of 1905–1907 in Georgia. Collection of documents)* / ed by S. Maglakelidze, A. Iovidze. Tbilisi: Sakhelgami, 1956. 838 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Ашуба Арда Енверович – кандидат филологических наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА (Сухум, Республика Абхазия) / arda100@yandex.ru

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kolesnikovam2017@mail.ru

Information about the authors

Ashuba Arda – PhD in History, Head of Abkhaz Institute of Humanitarian Studies named after D. I. Gulia (Sukhum, Republic of Abkhazia) / arda100@yandex.ru

Kolesnikova Marina – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Russian History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam2017@mail.ru

УДК 94(47)08:371

Т. Е. Покотилова, Т. А. Невская

Кобахидзе Е. И., Ладонина Н. А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века: монография. Владикавказ: СОИГСИ ВН РАН, 2017. 321 с.

T. Pokotilova, T. Nevskaya

Kobahidze E., Ladonina N. The development of the educational potential of Ossetia in the second half of the XIX century. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research publ., 2017. 321 p.

Современная отечественная историография приросла серьезным фундаментальным исследованием – «Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века». О политике центральной власти в Кавказском регионе и интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства написано немало работ, однако эта тема не может считаться до конца изученной. Народное просвещение являлось важнейшим инструментом для включения кавказских народов в правовое, культурное и экономическое пространство империи. Актуальность представленного исследования несомненна, так как в настоящее время в ряде изданий политика России на Кавказе представлена в негативном свете, поэтому появление объективных исследований, показывающих подлинную роль России, ее цивилизаторскую деятельность можно только приветствовать.

Авторы проанализировали процесс создания и становления системы народного просвещения в Осетии в пореформенный период, что поможет и в настоящее время использовать исторический опыт для создания оптимальных условий развития культуры и образования народов, населяющих этот регион. Работа основана на широком круге источников: архивных фондах, периодике, официальной статистики, правовых актов, определявших политику российской администрации в области образования.

Развитие просвещения в Осетии показано авторами на широком историческом фоне, обоснована периодизация эволюции образовательного процесса в Осетии во второй половине XIX в., а также определены факторы, обусловливающие специфику каждого этапа.

Дана характеристика тех условий, которые способствовали развитию народного образования: развитие системы военно-народного управления, новые подходы в управлении городами, становление финансовых, военных и административных учреждений г. Владикавказа. Авторы показывают, какие факторы способствовали формированию потребности в местных квалифицированных кадрах. Хорошо проанализирована в данной монографии специфика государственной образовательной политики на Кавказе, интересный материал приведен о миссионерских школах, духовных училищах, а также полковых школах, которые дополняли систему светского образования, не требуя при этом специальных вложений казны. Авторы совершенно справедливо отмечают, что создание полковых и горских школ приближало образование к населению и отвечало его образовательным запросам.

Кобахидзе Е. И. и Ладонина Н. А. показывают, какую важную роль в развитии просвещения сыграла организация Кавказского наместничества, подчеркивая, что именно в годы наместничества М. С. Воронцова были заложены основы региональной образовательной системы, в частности создание Кавказского учебного округа. Авторы анализируют нормативные документы, благодаря которым была создана система обучения выходцев из кавказской среды в высших учебных заведениях России. Не вызывают сомнений выводы авторов о том, что привлечение местного населения к работе в низовых административных органах обеспечивало эффективность новой административной системы. Ценным в представленном труде является то, что изменение образовательной политики на Кавказе показано в связи с политическими и военными событиями, которые вызвали появление нового «Положения о Кавказском учебном округе» 1853 г.

В монографии раскрыта специфика гимназического обучения на Кавказе – создание приготовительных классов и пансионов для детей из местной «инородческой» среды, особых дисциплин, преподаваемых в гимназиях. Не обошли авторы вниманием и женское образование. Особое внимание уделено горским школам, их образовательным программам. Показано, что задачей этих школ являлось не только преподавание определенных предметов, но и нравственное воспитание, формирование у молодежи «гражданственности». Исследователи считают, что в решении этой задачи большую роль сыграли приходские школы, а также деятельность «Общества восстановления православного христианства на Кавказе».

В исследовании на конкретных примерах показано, как реформы в образовании 1871 г. отразились на деятельности кавказских учебных заведений: освещены проблемы подготовки учительских кадров в Кавказском учебном округе, деятельность ремесленных училищ. Особое внимание уделено развитию просвещения в Осетии в последней четверти XIX в., развитию сети ремесленных училищ, положению учителей приходских школ, их подвижничеству в обучении сельских детей. Показано состояние народного образования в период контрреформ, новые положения о цер-

ковно-приходских школах, борьба общественности за сохранение женских школ. Достоинством работы является рассмотрение подвижнической деятельности представителей педагогической интеллигенции, деятельности благотворительных обществ. Показано развитие школ грамоты в селах Осетии, воскресных школ, трудности и недостатки в развитии просвещения. Интересным представляется и материал о внешкольных учреждениях, народных читальнях и библиотеках, музеях.

Данная монография может вызвать интерес не только у научного сообщества, но и у всей читающей публики.

Сведения об авторах

Покотилова Татьяна Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / t.pokotilova@gmail.com

Невская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tnevskaya@yandex.ru

Information about the authors

Pokotilova Tat'jana – Doctor of History, Professor, Chair of Russain History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / t.pokotilova@gmail.com

Nevskaja Tat'jana – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Chair of Russain History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tnevskaya@yandex.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2019. № 3

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 15.10.2019
Дата выхода в свет 22.10.2019
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 26,97 Уч.-изд. л. 26,11
Бумага офсетная Заказ 116 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2